

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как напоминание о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

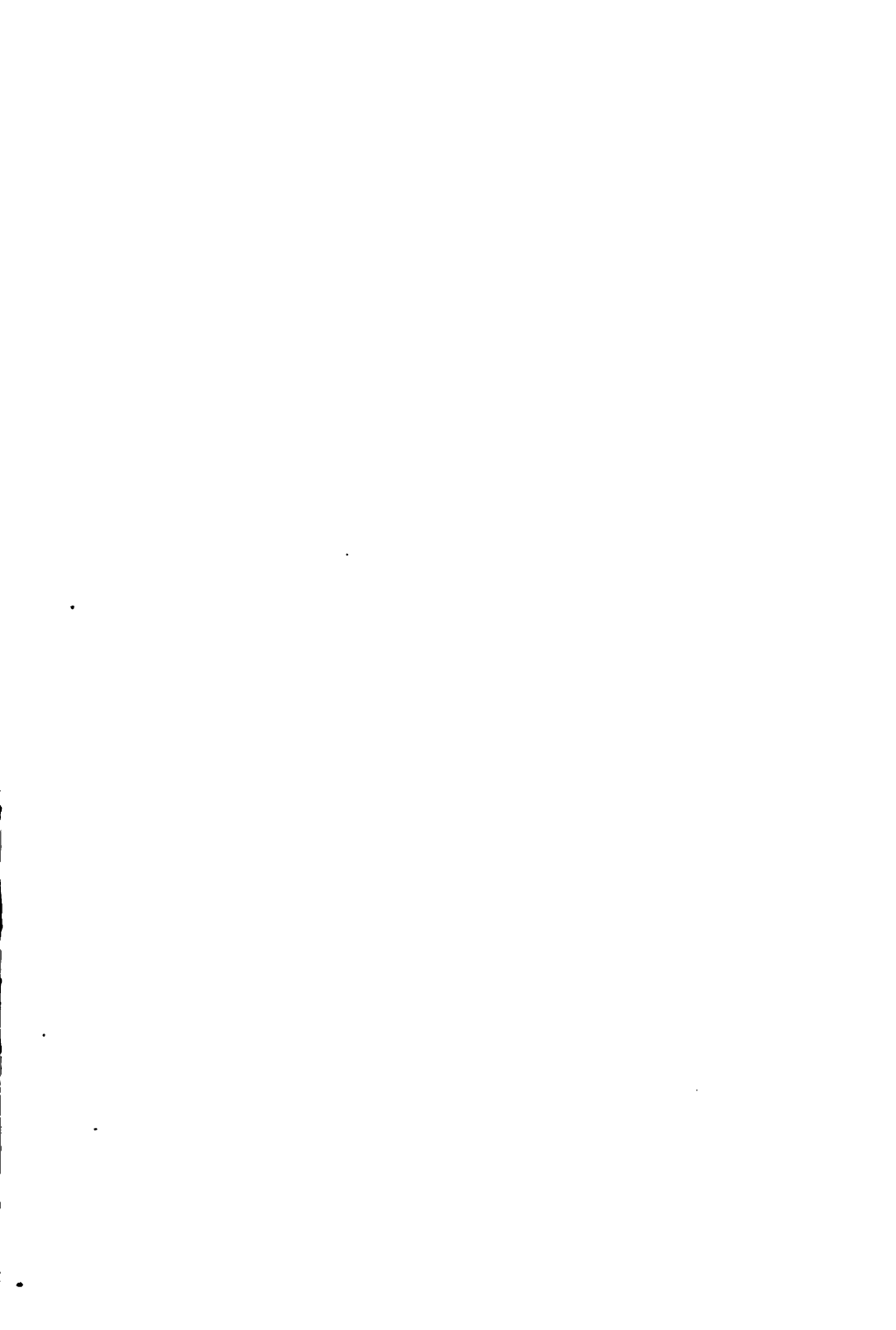
Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

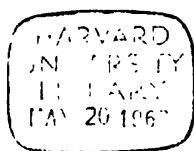
PSlav 620.5

**HARVARD
COLLEGE
LIBRARY**

Винд

АВГУСТЪ.

8400
6814
15-2

1899.

ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATION

РУССКОЕ КОПИТСТВО

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

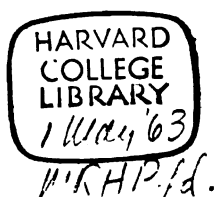
№ 5-8.

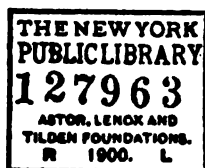

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типо-Литографія Б. М. Вольфа, Разъѣзжая, 15.
1899.

Δ
P Slav 620.5 $\left(\frac{1899}{8} \right)$

Доволено цензурю. С.-Петербургъ, 12 августа 1899 года.

СОДЕРЖАНИЕ:

	СТРАН.
Распоряженіе г. министра внутреннихъ дѣлъ. Высочайшій манифестъ.	
1. Мимо. Эскизъ <i>О. А. Шапиръ</i>	5—30 ✓
2. Условія развитія внутренняго рынка для продуктовъ крупной промышленности. <i>Николая—она</i> . Окончаніе.	31—72
3. Обращенный. Разсказъ <i>Бретъ-Гарта</i> . Переводъ съ англійскаго <i>Л. Л.</i>	73—89 ✓
4. Въ морѣ. Стихотвореніе. <i>О. Н. Чюминой</i>	90
5. На заводѣ. Изъ записной книжки. <i>А. Серафимовича</i> .	91—105
6. Волны и утесъ. Стихотвореніе. <i>В. Гессена</i>	106
7. Земскія ходатайства. <i>Н. А. Карышева</i> . Продол- женіе.	107—136
8. Передъ грозой. Повѣсть. <i>А. Погорѣлова</i> . Продол- женіе.	137—166 ✓
9. Падающія звѣзды. Разсказъ. <i>Д. Н. Мамина- Сибиряка</i> . Продолженіе.	167—209 ✓
10. Въ ожиданіи утра. Стихотвореніе. <i>Н. Вѣдкова</i>	209—210
11. Къ пересмотру законодательства о крестьянахъ. <i>С. Бородавскаго</i>	211—224
12. Бѣднякъ <i>Джеромъ</i> . Исторія одного американскаго гражданина. Романъ <i>М. Э. Уджинсъ</i> . (Пере- водъ съ англійскаго <i>С. А. Гулишамбаровою</i>). (Въ приложеніи).	227—144 ✓
13. Попечительства о народной трезвости въ 4-хъ во- сточныхъ губерніяхъ. <i>З.</i>	1—16
14. Изъ Англій. <i>Дюноа</i>	17—41
15. Восточные мотивы въ средневѣковомъ европейскомъ эпосѣ. <i>Е. А. Ляцкаго</i>	42—57
16. Перлы ученой полемики. <i>В. А. Мякотина</i>	58—69

17. Новые книги:

Н. В. Волковъ. Къ исторіи русской комедіи.—Путь къ истинѣ. Изреченія буддійской нравственной мудрости.—Фр. Энгельсъ. Происхождение семьи, собственности и государства. Изданіе Павленкова.—Тоже, изданіе Югансона.—Э. Гроссе. Формы семьи и формы хозяйства.—М. М. Ковалевскій. Развитие народнаго хозяйства въ Западной Европѣ.—В. Гебель. Внѣшкольное народное образованіе въ Запад. Европѣ и Сѣвер. Америкѣ.—Ив. Порошинъ. Русалка и др. рассказы.—С. С. Орлицскій (Окрейцъ). Далекіе годы.—А. Манцони. Обрученные.—Сапоги Карла Маркса. А. Трика.—В. Сипевскій. Пушкинъ, Байронъ и Шатобріанъ.—Памяти В. Г. Вѣлинскаго.—Въ защиту личности. Педагогическія идеи Н. А. Добролюбова. Л. С.—Записки старой смолянки. В. П. В.—вой.—Новыя книги, поступившія въ редакцію.

69—109

✓ 18. Писаревъ погѣдь судомъ учителя исторіи. А. Теллисова.

109—127

19. Земскія учрежденія на Кавказѣ. Письмо изъ Тифлиса. *Ивановича*.

127—140

20. Литература и жизнь. О нѣкоторыхъ мнѣніяхъ г. Невѣдомскаго. *Н. К. Михайловскаго*.

141—159

21. Политика. Гагская конференція.—Разоруженіе.—Гуманизация войны.—Третейскій судъ.—Англо-русское соглашеніе о Китаѣ. *С. Н. Южакова*.

160—177

22. Хроника внутренней жизни. Общество и голодъ. Упорядоченіе университетской жизни. *А. П.*

178—199

23. Письмо къ издателямъ журнала «Русское Богатство».

199—201

24. Отчетъ конторы редакціи журнала «Русское Богатство»

201—204

Продолжается приемъ подписки

НА 1899 ГОДЪ

НА ЕЖЕМЯСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

РУССКОЕ БОГАТСТВО,

ИЗДАВАЕМЫЙ

Вл. Г. Короленко и Н. К. Михайловский.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На годъ съ доставкой и пересылкой . . . 9 р.

Безъ доставки въ Петербургъ и Москвѣ . . 8 р.

За границу 12 р.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ С.-Петербургѣ въ конторѣ журнала—*ул. Осаковой и
Басковской ул., д. 1—9.*

Въ Москвѣ—въ отдѣленіи конторы — *Никитскихъ воротъ,
д. Гаварина.*

При непосредственномъ обрѣщеніи въ контору или въ отдѣленіе, доу-
скается разсрочка:

для городскихъ и иногороднихъ подписчиковъ съ доставкой:

при подпискѣ . . . 5 р.	или	при подпискѣ . . . 6 р.
и къ 1-му июля . . . 4 р.		и къ 1-му июля . . . 3 р.

Не приславшимъ доплатъ въ означенные сроки высылка журнала
прекращается.

Для городскихъ подписчиковъ въ Петербургѣ и Москвѣ
безъ доставки допускается разсрочка 8-ми рублей по 1 р. въ мѣсяцъ
съ платежомъ впередъ за слѣдующую книжку по июль включительно.

Книжные магазины, доставляющіе подписку, могутъ удерживать
за комиссію и пересылку денегъ только 40 коп. съ каждаго годового
экземпляра.

Подписка въ разсрочку отъ книжныхъ магазиновъ не принимается.

Изданія редакціи журнала «РУССКОЕ БОГАТСТВО»:

СКЛАДЫ: въ С.-Петербургѣ—*контора редакціи, уг. Спасской и Васковской ул., д. 1—9.*

въ Москвѣ—*отдѣленіе Конторы, Никитскія ворота, д. Гагарина.*

С. А. АН—СГІЙ. Очерки народной литературы. Ц. 80 к.

Н. ГАРИНЪ. Дѣтство Тѣмы. Третье изд. Ц. 1 р. 25 к.

ЕГО ЖЕ. Гимназисты. Изд. второе. Ц. 1 р. 25 к.

ЕГО ЖЕ. Студенты. Ц. 1 р. 25 к.

ЕГО ЖЕ. Деревенскія панорамы. Ц. 1 р.

С. Я. ЕЛПАТЬЕВСКІЙ. Очерки Сибири. Изд. 2-ое. Ц. 1 р.

В. Л. КОРОЛЕНКО. Очерки и рассказы. Кн. 1-ая. Изданіе восьмое. Цѣна 1 р. 50 к. *Печатается.*

ЕГО ЖЕ. Въ голодный годъ. Изд. 8-е. Ц. 1 р.

ЕГО ЖЕ. Сѣтной музыкантъ. Изд. шестое. Ц. 75 к.

Л. МЕЛЫПИНЪ. Въ мірѣ отверженныхъ. Записки бывшего ка-торжанника. Два тома. Ц. 8 р.

Н. К. МИХАЙЛОВСКІЙ. Сочиненія въ шести томахъ. Удешевлен-ное изданіе большого формата, въ два столбца, въ 80 печат-ныхъ листовъ каждый томъ, съ *портретами автора*. Ц. 12 р.

А. О. НЕМИРОВСКІЙ. Напасть. Повѣсть изъ временъ холерной эпидеміи 1892 г. Ц. 1 р.

С. Н. ЮЖАКОВЪ. Дважды вокругъ Азіи. Путевыя впечатлѣнія. Ц. 1 р. 50 к.

П. Я. Стихотворенія. Второе, исправленное и дополненное, из-даніе. Ц. 1 р.

Подписчики „Русскаго Богатства“, выписывающіе эти книги, за пересылку не платятъ.

Полные экземпляры журнала «Русское Богатство» за 1893, 1894, 1895, 1896, 1897 и 1898 г. Цѣна за годъ 8 р.

Пересылка журнала за эти года за счетъ заказчика наложеннымъ платежомъ—товаромъ большой скорости или бандеролью.

ШЕСТЬ

Н. К. МИХАЙЛОВСКАГО.

Издание редакціи журнала «Русское Богатство».

УДЕШЕВЛЕННОЕ

издание большого формата, въ два столбца, въ 80 печатныхъ листовъ каждый томъ, съ портретомъ автора.

Цена 12 руб.

СОДЕРЖАНИЕ I Т. 1) Предисловіе. 2) Что такое прогрессъ? 3) Теорія Дарвина и общественная наука. 4) Аналогическій методъ въ общественной наукѣ. 5) Дарвинизмъ и оперетки Оффенбаха. 6) Борьба за индивидуальность. 7) Вольница и подвизники. 8) Изъ литературныхъ и журнальныхъ замѣтокъ 1872 и 1873 гг.

СОДЕРЖАНИЕ II Т. 1) Преступленіе и наказаніе. 2) Герои и толпа. 3) Научныя письма. 4) Патологическая магія. 5) Еще о герояхъ. 6) Еще о толпѣ. 7) На вѣнской всемірной выставкѣ. 8) Изъ литературныхъ и журнальныхъ замѣтокъ 1874 г. 9) Изъ дневника и переписки Ивана Непомнящаго.

СОДЕРЖАНИЕ III Т. 1) Философія исторіи Луи Влана. 2) Ябло и его „новая наука“. 3) Новый историкъ еврейскаго народа. 4) Что такое счастье? 5) Утопія Ренана и теорія автономіи личности Дюринга. 6) Кратика утилитаризма. 7) Записки Профана.

СОДЕРЖАНИЕ IV. Т. 1) Жертва старой русской исторіи. 2) Идеализмъ, идолопоклонство и реализмъ. 3) Суадальцы и суадальская критика. 4) О литературной дѣятельности Ю. Г. Жуковскаго. 5) Карлъ Марксъ передъ судомъ г. Ю. Жуковскаго. 6) Въ перемену. 7) Письма о правдѣ и неправдѣ. 8) Литературныя замѣтки 1878 г. 9) Письма къ ученымъ людямъ. 10) Житейскія и художественныя драмы. 11) Литературныя замѣтки 1879 г. 12) Литературныя замѣтки 1880 г.

СОДЕРЖАНИЕ V Т. 1) Жестокій талантъ. 2) Гл. II. Успешной. 3) Щедринъ. 4) Герой безвременья. 5) Н. В. Шелгуновъ. 6) Записки современника: I. Независимыя обстоятельства. II. О Писемскомъ и Достоевскомъ. III. Нѣчто о лицемѣрахъ. IV. О порнографіи. V. Мадные хѣмъ и вареныя души. VI. Послушаемъ умныхъ людей. VII. Три мизантропа. VIII. Пѣнь торжествующей любви и нѣсколько мелочей. IX. Журнальное обозрѣніе. X. Торжество г. Цюна, чреда образованности и проч. XI. О нѣкоторыхъ старыхъ и новыхъ недоразумѣніяхъ. XII. Все французъ гадитъ. XIII. Смерть Дарвина. XIV. О доносахъ. XV. Забытая азбука. XVI. Гамлетизированные подростки. 7) Письма посторонняго въ редакцію „Отечественныхъ Записокъ“.

СОДЕРЖАНИЕ VI Т. 1) Вольтеръ-человѣкъ и Вольтеръ-мыслитель. 2) Графъ Бисмаркъ. 3) Предисловіе къ книгѣ объ Иванѣ Грозномъ. 4) Иванъ Грозный въ русской литературѣ. 5) Падка о двухъ конкахъ. 6) Романтическая исторія. 7) Политическая экономія и общественная наука. 8) Дневникъ читателя. 9) Случайныя замѣтки и письма о разныхъ вещахъ.

Для подписчиковъ «Русскаго Богатства» цена 9 руб. безъ пересылки. Пересылка за ихъ счетъ наложеннымъ платежомъ—товаромъ большой скорости или заказной бандеролью.

КЪ СВѢДѢНІЮ ГГ. ПОДПИСЧИКОВЪ.

1) Контора редакціи не отвѣчаетъ за аккуратную доставку журнала по адресамъ станцій желѣзныхъ дорогъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ учреждений.

2) Подписавшіеся на журналъ черезъ книжные магазины—съ своими жалобами на неисправность доставки, а также съ заявлениями о перемѣнѣ адреса благоволятъ обращаться непосредственно въ контору редакціи—*Петербургъ, уг. Спасской и Басковой ул., д. 1—9.*

Книжные магазины только передаютъ подписнымъ деньги въ контору редакціи и не принимаютъ никакого участія въ экспедиціи журнала.

3) Жалобы на неисправность доставки, согласно объявленію отъ Почтового Департамента, направляются въ контору редакціи не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала.

4) При заявленіяхъ о неполученіи книжки журнала, о перемѣнѣ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ взносовъ по разсрочкѣ подписной платы, необходимо прилагать печатный адресъ, по которому высылается журналъ въ текущемъ году, или сообщать его лѣ.

Не сообщающіе лѣ своего печатнаго адреса затрудняютъ наведеніе нужныхъ справокъ и этимъ за медляютъ исполненіе своихъ просьбъ.

5) При каждомъ заявленіи о перемѣнѣ адреса въ предѣлахъ провинціи слѣдуетъ прилагать 25 коп. почтовыми марками.

6) При перемѣнѣ городского адреса на иногородный уплачивается 1 р.; при перемѣнѣ же иногороднаго на городской—50 к.

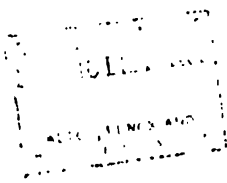
7) Перемѣна адреса должна быть получена въ конторѣ не позже 10 числа каждаго мѣсяца, чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу.

8) Лица, обращающіеся съ разными запросами въ контору редакціи или въ Московское отдѣленіе конторы, благоволятъ прилагать почтовые бланки или марки для отвѣтовъ.

КЪ СВѢДѢНІЮ АВТОРОВЪ СТАТЕЙ.

1) На отвѣтъ редакціи по поводу присланной статьи, а также на случай возвращенія обратно рукописи должны быть приложены марки.

2) Непринятые рукописи, обратная пересылка которыхъ не была оплачена, возвращаются заказной бандеролью съ наложеннымъ платокомъ стоимости пересылки.

Распоряженіе Министра Внутреннихъ Дѣлъ.

4-го мая 1899 года.

Въ виду вреднаго направленія журнала «Русское Богатство» и допущеннаго въ № 8, въ статьѣ «Хроника внутренней жизни», тенденціознаго толкованія законовъ, опредѣляющихъ державныя права Верховной Власти въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ, Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, на основаніи ст. 154 уст. о ценз. и печ., св. зак. Т. XIV, изд. 1890 г. *определилъ*: пріостановить выпускъ въ свѣтъ этого журнала на три мѣсяца.

ВЫСОЧАЙШИЙ МАНИФЕСТЪ

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ

МЫ, НИКОЛАЙ ВТОРЫЙ,

ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССИЙСКИЙ,

ЦАРЬ ПОЛЬСКИЙ И ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ФИНЛЯНДСКІЙ

и проч., и проч., и проч.

Объявляемъ всѣмъ вѣрнымъ Нашимъ подданнымъ:

Сего іюня въ 28 день скончался въ Абастъ-Туманѣ возлюбленный Братъ Нашъ, Наслѣдникъ Цесаревичъ и Великій Князь Георгій Александровичъ. Волею, постигшая Его Императорское Высочество, могла еще, казалось, уступать дѣйствию предпринятаго лѣченія и влиянію южнаго климата, но Богъ судилъ иначе. Покоряясь безропотно промыслу Божию, Мы призываемъ всѣхъ вѣрныхъ нашихъ подданныхъ раздѣлить съ Нами душевную скорбь Нашу и усердными моленіями о упокоеніи души почившаго Нашего Брата.

Отнынѣ, доколѣ Господу не угодно еще благословить Нашъ рожденіемъ Сына, ближайшее право наслѣдованія Всероссійскаго Престола на точномъ основаніи Государственного Закона о престолонаслѣдіи, принадлежитъ Любезнѣйшему Брату Нашему Великому Князю Михаилу Александровичу.

Данъ въ Петергофѣ въ 28-й день іюня, въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча восемьсотъ девяносто девятое, царствованія же Нашего въ пятое.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукой написано:

„НИКОЛАЙ“.

М И М О!..

(Звонитъ)

Пароходъ больше не качало. Волнение улеглось не сразу—но, какъ послѣднія слезы въ глазахъ ребенка, котораго удалось разсѣлшить, оно уже не грозило: оно только прибавляло жизни и блеска сіяющей картинѣ южнаго моря. Волны, подернутыя серебряной чешуей, игриво гонялись далеко далеко въ голубомъ просторѣ: а вокругъ безстрашнаго чудовища, котораго спугнуть имъ не удалось, волны взлетали легко и ускользали безъ удара—какъ рука, высоко поднятая въ шутку, падаетъ, не причиняя боли...

Публика перваго класса изъ столовой весело высыпала на палубу. За столомъ еще было прхотрно: но теперь изъ игдръ то и дѣло появлялись дезертиры съ болѣе или менѣе явной уликой на блѣдныхъ лицахъ. Изъ обдавало порхающимъ вѣтеркомъ, ослѣпительнымъ солнцемъ и веселымъ плоскомъ—какъ будто встрѣчалъ взрывъ насмѣшливаго смѣха. Кислые фигуры съ пристыженнымъ видомъ спѣшили смѣшаться съ толпой.

Для больныхъ обѣдъ подавали также и въ дамской гостиной, куда можно показаться, но приводя въ порядокъ разстроенныхъ причесокъ и костюмовъ; прислуживающія горничныя успокаивали дамъ, обѣщали, что качка не возобновится.

Здѣсь вниманіемъ стола овладѣла полная и нарядная матрона, картинно описывавшая страшный штормъ, какой она вынесла осенью на этомъ самомъ пароходѣ, прощаясь мысленно съ семьей и принеся покаяніе Богу.

Слушательницы ахали надъ ея отвагой—послѣ этого ступить еще когда нибудь на пароходъ!.. И каждой въ свою очередь захотѣлось рассказать какой-нибудь «ужасный случай». Припоминались эффектные рассказы, легенды, сыпались восклицанія. За столомъ царило оживленіе, насыщенное ужасомъ, поднимая нервы и разгоняя послѣдніе слѣды физическаго недомоганія.

Однако, помимо воли рассказчицъ, изъ всѣхъ этихъ описаній человѣческаго героизма и людскихъ мученій выростала

однѣмъ гигантскій образъ истиннаго героя. Самые невѣроятные людскіе подвиги погасли въ этомъ образѣ, какъ сотни слабыхъ смертныхъ тѣлъ исчезаютъ безслѣдно въ одномъ движеніи вѣчныхъ мучимыхъ...

Пожилая горничная въ чепчикѣ обнесла столъ жаркимъ и пошла заглянуть въ каюту № 5. Больная молоденькая дама по прежнему лежала, какъ пласть, на койкѣ.

У стѣны, за ея недвижимой фигурой, маленькій мальчуганъ копошился въ грудѣ раскиданныхъ игрушекъ.

— Ласъ... тли... десять...—считалъ онъ ужасно серьезно, перекидывая какіе-то пестрые кубики и толкая матъ маленькими, крѣпкими поженками.

— Сударыня! вы бы встать попробовали. Посмотрите-ка, всѣ дамы за столомъ! Вамъ легче будетъ, коли покушаете,—уговаривала горничная, провозившаяся все утро съ молодой пассажиркой.

Мальчуганъ оглянулся на голосъ, выпустилъ изъ рукъ игрушку и сейчасъ же сталъ карабкаться къ ней, путаясь въ складкахъ платья.

— Кусать... Бобъ кусать!—затянулъ онъ плаксиво.

Больная дама при помощи горничной поднялась съ постели. Маленькая стройная фигурка еще плохо держалась на ногахъ. Стрые глаза темнѣли безъ блеска на блѣломъ лицѣ изъяснаго овала, съ миловидно закругленнымъ подбородкомъ.

Она сейчасъ же опять боязливо присѣла и попросила принести чого нибудь для ребенка—бульонъ, котлетку.

Тогда горничная подхватила мальчика на руки и увесла въ общую; тамъ его покормятъ. Мамаша можетъ прилечь опять, коли ей худо.

Она такъ и сдѣлала, съ блаженнымъ ощущеніемъ внезапнаго освобожденія. Кто-то посмотритъ за Бобомъ... какое счастье! Можно не напрягать черезъ силу ускользящаго вниманія—о, это такъ мучительно, такая усталость!.. Ея сокровище, ея Бобъ, становится мученіемъ...

Сознаніе минутной свободы точно вышло изнутри пружинку, которой все держалось. Въ тотъ же мигъ молодая женщина заснула, не успѣвъ даже уলেখься какъ слѣдуетъ: съ рукой у ворота, какъ пыталась разстегнуть какой-то крючекъ..

Въ общей каютѣ кончился обѣдъ и убрали со стола. Дамы разбрелись по своимъ каютамъ, чтобы оправиться и подняться на палубу, или же залечь отдыхать послѣ вынесеннаго волненія.

Чужая молоденькая барышня привела назадъ Боба и была увѣрена, что добросовѣстно сдала его на руки матери. Больная дама открыла глаза, поблагодарила, позвала ребенка.

Потомъ она ровно ничего изъ всего этого не помнила.

Слышала голоса, крикъ... Но все поремѣшивалось мучительно въ длинномъ запутанномъ снѣ.

...Много разныхъ людей, чужихъ и близкихъ... Мужъ... Она, рыдая, упрекаетъ, что онъ отпускаетъ ее одну — вѣдь она никогда не ѣздила по морю. Одну ничего, но съ Бобомъ! Онъ по обыкновенію высмѣиваетъ ребячество, называетъ сахарной конфеткой... Тогда, задыхаясь отъ обиды, съ острымъ ощущеніемъ рѣшимости она все сказала... Все, что давно кипѣло на сердцѣ. Всѣ свои разочарованія. Чего онъ не замѣчаетъ, не ждетъ...

...Сознаніе опасности такихъ рѣчей падаетъ на душу страшной тѣжестью, мѣшаетъ дышать.

Она проснулась со стономъ, вся въ поту. Кругомъ тишина.

И сейчасъ же опять ее отбросило назадъ, въ возбужденный призрачный міръ, гдѣ все—ся дѣйствительная жизнь, ея истинныя чувства, ея страданія, опасенія. И другіе говорятъ и дѣлаютъ все именно такъ, какъ она ждетъ и боится. И Бобъ также терепитъ, ласкаясь, также деспотически требуетъ чего-то свыше силъ...

Долго она приходила въ себя. Тихо... Сколько же времени она спала?... Гдѣ Бобъ?...

Она въ испугѣ поднялась на ноги. Какое счастье—здорова! Только голова болитъ.

Молодая женщина заглянула въ общую каюту, утѣренная, что найдетъ сына тамъ, на колѣняхъ у какойнибудь благодѣтельницы, которая захотѣла помянуть чужого ребенка. Но въ общей никого не было. Нѣсколько спящихъ фигуръ растянулись на диванахъ.

Бобъ былъ далеко.

Съ великолѣпнымъ эгоизмомъ ребенка онъ не вспомнилъ ни разу о матери съ той минуты, какъ чужой большой дядя подобралъ его на ступенькахъ и унесъ съ собой на палубу.

Потерявъ надежду разбудить маму, Бобъ собственными средствами выбрался въ большую комнату, гдѣ онъ такъ хорошо пообѣдалъ. Къ его удивленію, комната была пуста; неподвижныя фигуры на диванахъ навели на него страхъ.

Бобъ пустился впередъ, куда глядятъ глаза. Очутившись передъ узкими рѣшетчатыми ступеньками крутой лѣстницы, Бобъ поползъ кверху, на свѣтъ, какъ поползъ бы на его мѣстѣ какой-нибудь жучекъ или котенокъ.

Когда его неожиданно схватили, онъ собрался кричать какъ можно громче,—но сейчасъ же услышалъ нѣжный голосъ, увидалъ улыбающееся лицо и очутился высоко на плечѣ, гдѣ ему было удобно, какъ на стулѣ. А то, что онъ увидѣлъ съ высокаго сидѣнья, было такъ весело, что крошечный ротикъ

Боба самъ собою закрылся, а крупныя слезы остановились въ заблестѣвшихъ черныхъ глазахъ.

Теперь Бобъ лежалъ на животѣ, задралъ кверху толстыя ножки, и тянулся внизъ растопыренными руками, стараясь достичь до серебряныхъ брызгъ. Ему казалось, что онъ сейчасъ, сейчасъ ихъ схватить и онъ радостно извивался, содрогаясь упругимъ тѣломъ въ державшихъ его сильныхъ рукахъ.

— Ха, ха, ха! Леонидъ Алексѣвичъ! такъ вы и робятишекъ илнчить мастеръ? ха, ха, ха,—не ожидалъ, могу сказать.

Смѣялся маленький, щеголеватый генералъ, нѣсколько минутъ уже любовавшійся этой картиной. Генералъ подошелъ съ другой стороны палубы, гдѣ онъ расположился на складномъ стулѣ около высокой дамы удивительной красоты, въ изящномъ бѣломъ костюмѣ.

Высокій господинъ, явившійся Боба, оставилъ компанію посреди интереснаго спора для того, чтобы привести изъ каюты свой гидъ и разрѣшить документальнымъ образомъ, кто выигралъ пари: онъ или эффектная дама, негодовавшая на то, что заѣзжій пассажиръ рѣшается вступать въ споръ съ ними, одесскими жителями!

— Дамы обыкновенно знаютъ подобныя вещи не точно, а только приблизительно,—пояснялъ мягко спорщикъ.

И вдругъ они увидѣли его съ какимъ-то ребенкомъ на рукахъ. Повидимому, онъ вовсе не торопился выиграть пари *à discretion* съ прекрасной царицы этого рейса.

Блондинъ обернулся къ генералу своимъ живымъ лицомъ, въ эту минуту свѣтившимся лаской.

— Извините мою невольную невѣжливость... Видите, какая находка! Книга у меня въ правомъ карманѣ. Потрудитесь ее добыть... Я не рискую—эта рыбка какъ разъ изъ рукъ вывернется!

Онъ привсталъ, чтобы облегчить генералу извлеченіе книги, торчавшей изъ кармана своей ярко-красной обложкой.

— Гдѣ это вы такого пузыря подцѣпили?—полюбопытствовалъ тотъ, зытащивъ благополучно гидъ.

— Не имѣю представленія—что! Подоспѣлъ какъ разъ во время, чтобы не дать головенкой пересчитать ступени.

— Это изъ рукъ вонъ! Вѣроятно, милая нянюшка занята флиртомъ съ буфетными донъ-жуанами!

— Очень возможно.

Онъ попробовалъ было поставить мальчика на ноги,—но Бобъ пронзительно завизжалъ и попалъ ему въ високъ ногами.

— Ишь, пострѣленокъ! Да вы не глядите на него, пускай себѣ кричитъ.

Покровитель Боба безпокоился, что у него затекла головка,

но въ то же время ему не хотѣлось испортить репутацію своего protégé.

— Помолчи!—Смотри-ка, смотри, какія птицы летятъ! видишь, какъ онѣ гоняются? Давай смотрѣть, которая всѣхъ скорѣе летитъ! Гляди сюда.

Мгновенно мальчуганъ былъ поставленъ на ноги и увлеченъ въ наблюденія надъ стаей чаетъ.

Генераль, посмѣиваясь, понесъ книгу черноокой красавицѣ, метавшей издали насмѣшливыми взорами.

— Бобъ!..

Слабое поскикиваніе изъ двери, за которую для вѣрности придерживалась тонкая ручка.

Бобъ оглянулся на мать, но не проявилъ при этомъ ровно никакого восторга. Онъ сейчасъ же опять отвернулся къ своему большому пріятелю.

— Чайки хотятъ купаться?.. да?..—крикнулъ онъ, картавя, напряженнымъ голосомъ возбужденнаго ребенка.

Произошла чувствительная сцена извиненій, благодарности и величайшаго конфуза.

Бѣлое личико бобиной мамы стало нѣжно-розовымъ. Темные глазки застѣнчиво посылали горячую благодарность...

Она хотѣла сейчасъ же унести Боба, но это не такъ-то просто! Наскучавшись за цѣлый день и попавъ, наконецъ, на волю, мальчуганъ принимался кричать при одномъ словѣ «каюта».

Вокругъ нихъ публика разплекалась наблюденіями.

— Pour ne pas révolutionner le monde... вы можете быть присядете здѣсь на минутку?—попробовалъ предложить ей свое мѣсто блондинъ.

Бобъ былъ другого мнѣнія. Онъ вѣпился въ его плечо и завизжалъ сильнѣе; очевидно, онъ не ждалъ ровно никакого веселья отъ сосѣдства мамы.

Тогда старичекъ, сидѣвшій рядомъ, соблаговолѣлъ уступить свое мѣсто дамѣ, и смѣненіе благополучно улеглось.

— Можеть быть, я могу разыскать вашу нянюшку?—предложилъ любезно блондинъ.

Молодая женщина покраснѣла сильнѣе. Къ несчастью, она ѣдетъ безъ няни... Въ эту минуту это представлялось ей чѣмъ-то почти позорнымъ.

— Да! вы были больны? васъ укачало?.. какая неосторожность отпустить васъ такимъ образомъ!

Это вырвалось у него съ такимъ искреннимъ возмущеніемъ,—безъ всякаго добавочнаго оттѣнка,—а она почувствовала отрадное облегченіе: облегченіе настрадавшагося чело-вѣка, котораго неожиданно пожалѣли. Хорошо пожалѣли—коснулись цѣлительнымъ ощущеніемъ именно той точки, которая болитъ всего острѣе...

По ея лицу проскользнула бессознательная горечь. Въ про-
зрачныхъ глазахъ отразились... впечатлѣнія того разговора, ко-
торый она только что вела во снѣ.

Блондинъ проницательно посмотрѣлъ ей въ лицо и пере-
мѣнилъ разговоръ.

...Да, они живутъ въ Севастополѣ. Она гостила въ Одессѣ
у сестры мужа, чтобы лѣчиться у извѣстнаго доктора.

Вырвавшійся у него коротенькій жестъ нужно было пере-
вести такъ: «Въ добавокъ вы еще и больны!»

— Вамъ помочь докторъ?—спросилъ онъ, когда она за-
молчала.

Странно онъ это спросилъ. Въ вопросѣ какъ будто слыша-
лась утѣренность. что докторъ ей *не* поможетъ... Ей не могутъ
помочь доктора. Она не больна...

Услышать такъ много въ вопросѣ чужого человѣка, съ ко-
торымъ говоришь какіе нибудь полчаса,—безъ сомнѣнія, слу-
чается не часто! Но это можетъ случиться съ молоденькой
женщиной, со старухой или съ ребенкомъ, если случай столк-
нетъ ихъ съ высокимъ пассажиромъ, подобравшимъ на сту-
пенькахъ маленькаго Боба.

За день пути у Леонида Алексѣевича завязались связи на
всѣхъ концахъ парохода. Теперь два пассажира буквально хо-
дили за нимъ по пятамъ: маленькій щеголеватый генераль, со-
сѣдъ по каютѣ, и гимназистикъ лѣтъ пятнадцати, ѣдущій съ
сестрой моложе его на годъ, на два.

Обязательный пассажиръ далъ слово матери, усадившей ихъ
на пароходъ, взять молодежь подъ свое покровительство, а ей
прислать денегу изъ Севастополя. Дѣти ѣхали съ билетами
второго класса; онъ устраивалъ ихъ въ первомъ и укладывалъ
спать въ собственной каютѣ. Отъ качки они не страдали и
совершали путешествіе въ Оеодосію не въ первый разъ: брать
въ особенности не ощущали ни малѣйшей потребности въ на-
тропатѣ. Но его безотчетно илѣняло рѣшительно все, что го-
ворилъ и дѣлалъ веселый пассажиръ.

Прежде всего, у этого господина очень безпокойный харак-
теръ. Онъ не могъ усидѣть долго на одномъ мѣстѣ, ни под-
держивать съ кѣмъ нибудь длиннаго разговора. Соверцацію
моря и величественной напоранъ южнаго берега онъ тоже от-
давался только вскользь.

Живые и ласковые глаза, небольшіе, какаго-то неуловимаго
оттѣнка, казалось, видѣли разомъ, что дѣлается на всѣхъ кон-
цахъ палубы. Какой-то особенный инстинктъ влекъ именно
туда, гдѣ можно немедленно проявить свою распорядитель-
ность. Какъ будто онъ предназначалъ специально для этого все
время перѣзда; точно исполнялъ обязанность такую же есте-
ственную, какъ естественно для капитана стоять на мостикѣ,—

для рулевого поворачивать руль, — для лакея бѣгать съ подносами, — для русскихъ путешественниковъ сторониться недружелюбно отъ случайныхъ товарищей и оглядывать другъ друга критическими взглядами. Для высокаго пассажира естественно было разсыпать вокругъ себя тѣ маленькія услуги и любезности, которыми часто такъ легко выручить изъ затрудненія безпомощныхъ.

На пристани онъ купилъ билетъ для какой-то дѣвушки, заливавшейся слезами оттого, что у нея не хватило двухъ рублей; на пути заглядывалъ во второй классъ и заплатилъ въ буфетѣ за обѣдъ для нея. Дѣвушка была очень красива и такъ глупа или пуглива, что даже не умѣла благодарить неожиданнаго благодѣтеля. Соскучившись ждать отплытія, высокій пассажиръ безъ всякой надобности то и дѣло сбѣгалъ на пристань, гдѣ сейчасъ же находилъ себѣ занятіе: купилъ всю корзину грушъ у кличлившаго подростка-татарина и отдалъ ее на разность кучкѣ черноглазыхъ ребятисекъ. Внесъ на пароходъ шкатулку, надъ которой изнемогала совѣсть древняя, прилично одѣтая старушка; съ стариковскимъ упорствомъ бабушка настаивала что не соглашалась доверить шкатулку носильщику. Потомъ натолкнулся на дѣвушку, которая потеряла бы мѣсто, еслибъ не уѣхала съ этимъ пароходомъ.

— Ну?.. чему же вы такъ удивляетесь? — объяснялъ веселый пассажиръ своему юному протезе, бродившему за нимъ по пятамъ. — Стоить только смотрѣть не въ бумажную книгу, а въ первую случайно развернувшуюся живую странячку — и такихъ случаевъ не обобратся! А вникните хоть сейчасъ, велики ли мои жертвы? Нѣтъ, я давно не позволяю себѣ брать книгу въ дорогу... Довольно мы заслоняемъ жизнь готовыми умозаключеніями; гдѣ случай представляется, глядите во всѣ глаза и не мудруйте лукаво!

— Дома нѣтъ времени слоняться въ толпѣ. Во всякомъ случаѣ слишкомъ много соблазна употребить иначе свободную минуту — вотъ я и стараюсь превратить передвиженіе въ нѣчто поучительное. Это мое давнишнее постановленіе. Свои постановленія я всегда исполняю добросовѣстно.

Это Леонидъ Алексѣевичъ сказалъ утромъ генералу, терпящему терпѣніе ждать, когда же, наконецъ, кончится длинное разбирательство между буфетнымъ лакеемъ и той самой скупенькой старушкой со шкатулкой. (Они условились съ генераломъ пить вмѣстѣ кофе). Старушка прослезилась и звала высокаго пассажира: «ты мой батюшка...»

Одного Леонидъ Алексѣевичъ не сказалъ генералу: что ему любо вызывать улыбки такими немудрыми побѣдами надъ чужими затрудненіями. Любо вдыхать неподдѣльный ароматъ впевавшихся порывовъ чувствъ. Онъ увѣренъ, что всякаго, кто хоть

одинъ разъ вдохнулъ въ себя этотъ аромать, будетъ тинуть къ нему снова и снова.

Но не надо ли обладать особаго рода обоняніемъ, чтобы ощущать этотъ аромать?..

Мать Боба Леонидъ Алексѣевичъ находилъ очень интересной. Совсѣмъ свѣжая молодость, тропутая жаломъ жизни лишь пастылько, чтобы привести въ броженіе силы, дремлющія въ зародышѣ. Во что распустиятся эти силы — Богъ вѣсть! Но ихъ первое пробужденіе всегда просвѣчиваетъ въ женщинѣ загадочной тревогой, невольно привлекающей вниманіе.

Оказалось, что молодая женщина не южанка и за четыре года замужества никакъ не можетъ привыкнуть къ югу.

— Еще хуже, чѣмъ дальше! — уронила она задумчиво, глядя въ даль.

— А море!?

Она вздохнула.

— Конечно, море удивительно... только я больна отъ него. Нѣтъ! вѣсь этотъ югъ... пеужели вы не чувствуете?! онъ давить!

Высокій пассажиръ посмотрѣлъ туда, куда смотрѣла она: черезъ живую голубую бездну, сверкающую серебряными блестками — на картинныя линіи горъ, съ еле замѣтными бѣлыми черточками человѣческаго жилья, съ темно-бурыми пятнами далекихъ лѣсовъ.

— Это все до того красиво, что покоя нѣтъ! — воскликнула тоскливо молодая женщина. — А жара?! жара... То ли дѣло нашъ свѣжій, зеленый, поэтическій сѣверъ!

— Бѣдная!.. и вы будете всегда тутъ жить? — спросилъ сосѣдъ.

Она испуганно взглянула въ ласковые глаза и не отвѣтила.

...Всегда... Всегда!..

...Это то, что въ ней растетъ неудержимо, разрастается съ каждымъ днемъ. — Всегда!

— Вашъ супругъ адѣсь служить?

— Нѣтъ. Имѣніе у него... виноградики...

— Вашъ мужъ молодъ?

Она точно затруднилась отвѣтить, — потомъ сказала:

— Да.

...Ностальгія или разочарованіе?! то и другое?.. Лѣтъ двадцать пять, не больше...

Ей стало холодно подъ внимательнымъ взглядомъ. Въ тревогѣ она поднялась на палубу такъ, какъ вышла изъ своей каюты: съ открытой головой; накинута только сѣреный ватерпруфъ, закрывавшій всю фигуру. Теперь она вдругъ почувствовала, какъ у нея лежатъ волосы на головѣ... Маленькая прядка выбилась отъ вѣтра и треплется на лбу.

И Бобъ тоже безъ шляпы. Густая шапка черныхъ кудрей спуталась и живописно торчала во всѣ стороны надъ смуглымъ круглымъ личкомъ. Черные глаза, съ жесткими блестящими рѣсницами, занимали половину лица. Ни одна черта не напоминала тонкаго лица матери.

Она притянула мальчика къ себѣ.

— Бобъ, тебѣ головку напечетъ. Пойдемъ! надо надѣть шляпу. Мы вернемся, мы вернемся!

Она нѣжно просила его, цѣлуя алмы щечки, и хотѣла взять его на руки. Но Бобъ отчаянно потянулся весь къ своему избавителю.

— Не надо! не надо! Бобъ съ нимъ!

Она не знала, что дѣлать. Лицо пылало отъ смущенія.

Тогда онъ всталъ съ Бобомъ на рукахъ.

— Вамъ угодно внизъ?— спросилъ онъ серьезно.

Она пошла впередъ, сѣдша и оттого путаясь въ юбкахъ.

...Всѣ смотрять на то, какъ она позволяеть чужому человеку нянчить ея ребенка!..

Новый приливъ обиды съ болѣю вливался въ сердце. Она столько страдала за Боба тамъ, гдѣ она гостила мѣсяцъ, считая дни... У нея не хватало физическихъ силъ для сильнаго, безпокойнаго, живого мальчика. Она чувствуетъ себя точно недостойной этого маленькаго красавца—этого великолѣпнаго южнаго ребенка.

У дверей каюты произошла новая сцена. Бобъ не соглашался перейти на руки къ матери и требовалъ, чтобы «дядя» самъ внесъ его въ каюту.

Онъ исполнилъ это, не спрашивая разрѣшенія у молодой женщины.

Гдѣ разрѣшилъ пари въ пользу зѣлзаго пассажира, къ немалой досадѣ мѣстныхъ жителей.

Красавица въ бѣломъ костюмѣ сердалась. Путешествіе началось было совсѣмъ не скучно, благодаря веселому спутнику.

Пароходъ еще не вышелъ изъ гавани—какъ они уже разговаривали. Она и сама не знала хорошенько, какъ это случилось? Къ удивленію, на этотъ разъ это не шокировало избалованную провинціальную львицу. Она не замѣтила, какъ ея вниманіемъ овладѣли, прежде чѣмъ она успѣла произнести свою оцѣнку.

...Совершенно приличный господинъ. Одѣтъ прекрасно. Говорить по французски. Путешествовать.

Къ встрѣчной красавицѣ относится съ нѣскольکو игривой почтительностью,—по это сразу устанавливаетъ легкую атмосферу беззаботнаго веселія и обоеднаго удовольствія, съ ко-

второй потомъ уже жалъ разстаться... Стоитъ ли быть щепетильной въ многолѣтнихъ встрѣчахъ?

Впрочемъ, такое соображеніе красавица нашла уже позже. Въ первые часы непринужденной бесѣды она чувствовала себя невольной втиснутой въ какой-то широкій кругъ наблюдений и впечатлѣній, имѣющій мало общаго съ обыденными точками соприкосновенія чужихъ людей.

Интересный пассажиръ ничего не рассказывалъ и самъ не задавалъ обязательныхъ вопросовъ изъ области метрическихъ свидѣтельствъ, послужныхъ списковъ и адресъ-календаря. Онъ говорилъ съ красивой женщиной — и только. И говорилъ только о вещахъ общихъ: о различныхъ мѣстностяхъ, о красотѣ, о музыкѣ, о настроеніяхъ, о взаимномъ соотношеніи людей различныхъ классовъ и возрастовъ... Всякій пустякъ наводилъ на мысль; онъ ихъ высказывалъ просто, съ желаніемъ знать — сходятся ли онѣ съ мыслями этихъ новыхъ для него людей?

Въ немъ чувствовалась привычка обращаться съ чужими людьми какъ бы не съ совѣтъ чужими. Онъ умѣлъ сразу находить общую почву. Какъ ни въ чемъ ни бывало шагая черезъ условности и заставы, онъ попадалъ въ самую суть настроенія собесѣдника. При этомъ чувствовалось не любопытство, а какой-то спокойный, отвлеченный интересъ.

Это возбуждало довѣріе, но въ то же время и безотчетное безпокойство.

...Кто онъ? Что онъ?

Интересъ, возбуждаемый новымъ человѣкомъ, обыкновенно формулируется такими вопросами: сословіе? профессія? возрастъ? семейное состояніе? матеріальное положеніе? Въ зависимости отъ того, что скажутъ паспортныя даппы, мы рискуемъ или нѣтъ протянуть руку, преклонить слухъ, высказать мысли.

Внѣшній строй жизни нечувствительно навязываетъ свой методъ: паспортная система укоренилась во всѣхъ отношеніяхъ русскихъ людей, а не только въ однихъ полицейскихъ участкахъ. Самъ человѣкъ, — то есть его физическая, нравственная и умственная сущность, — выступать на сцену не иначе, какъ съ разрѣшенія предварительной цензуры.

Высокій пассажиръ былъ симпатиченъ, занимателенъ и любезенъ: но этого мало для случайныхъ спутниковъ отъ Одессы до Севастополя. Они не переставали думать: кто онъ?

Въ первые полчаса они узнали, что его зовутъ Леонидомъ Алексѣичемъ и что онъ ѣдетъ до Севастополя; но съ этого мѣста имъ не удалось подвинуться ни на шагъ дальше. Не узнали даже и того, куда онъ отправляется по желѣзной дорогѣ.

Онъ охранялъ свое инкогнито полусуто, полусерьезно, словно отучая людей отъ безцѣльнаго любовнства.

— А вамъ не все равно, куда я ѣду? Вѣдь вы ѣдете въ Θεοδοσίю? Я ѣду не въ Θεοδοσίю! — отвѣталъ онъ гимназисту.

— Странно... почему онъ скрывается? — сказала гимназистъ сестрѣ.

Это его огорчало.

Маленькій генералъ каждыя полчаса сообщалъ своей спутницѣ какую-нибудь новую версію догадокъ, на которую навелъ разговоръ.

...Необыкновенно свѣдущій человѣкъ... Очень бывалый человѣкъ... Чрезвычайно паходчивый человѣкъ...

Въ его рѣчахъ проскальзывала привычная жажба на недостатокъ времени — единственный личный мотивъ; на немъ то они и возводили свои построения.

За одно генералъ ручался головой: это ни въ какомъ случаѣ не чиновникъ какого-бы ни было вѣдомства — на это у него есть служебный глазъ. Свободная профессія...

...Инженеръ? адвокатъ? литераторъ? землевладѣлецъ? докторъ?..

— Нѣтъ, нѣтъ, только не докторъ! — Красавица не соглашалась допустить въ медикъ столько эстетики.

— Да и черезчуръ умозрительнъ къ тому-же — доктора натуралисты! — согласился съ нею генералъ. — Въ немъ какъ будто даже что-то сантиментальное проскальзываетъ... а? не паходите?..

Красавица усмѣхнулась своимъ мыслямъ и наклонила въ знакъ согласія голову.

...Проскальзываетъ, проскальзываетъ... И еще вотъ что: говорить ужасно рискованныя вещи, но совсѣмъ иначе, тѣмъ это говорится обыкновенно. Тонъ при этомъ такой, что... что остановить его оказывается гораздо болѣе неприличнымъ, нежели дослушать серьезно до конца. Это съ нею случается еще въ первый разъ.

Генералъ, весьма любившій «поврать», имѣлъ на этотъ счетъ свои замѣчанія. Онъ не сообщалъ этихъ замѣчаній своей дамѣ, а только тянулъ, улыбаясь:

— Н-да!.. съ такимъ спутникомъ не соскучишься, хоть вокругъ свѣта.

Послѣ того какъ Леопидъ Алексѣвичъ предался Бобу и прислалъ гдѣ съ генераломъ, красавица окончательно впала въ гнѣвъ: *A la longue*, этотъ человѣкъ раздражалъ мистификаціями и своей непосѣдливостью.

Она высокомерно щурилась на другую сторону палубы гдѣ невѣрный поклонникъ съ мечтательнымъ видомъ ухаживалъ уже за какой-то «смазливенькой мѣщаночкой».

— *Oh! c'est trop fort, par exemple!..* Кажется, они отправляются вмѣстѣ укладывать спать бебо?.. *On ne peut plus famille!..*

Генералъ съ своей стороны находилъ мать капризнаго мальчугана очень, очень милой; но, разумеется, онъ оставлялъ это при себѣ, въ качествѣ официального рыцаря ослѣпительной Зои Николаевны, удостоившей избрать его своимъ кавалеромъ для побѣдки въ Ялту.

Гибъ Зои Николаевны раздѣлялъ гимназистъ Сережа.

...Охота тоже умному человѣку возиться со всякимъ пискуномъ! Пока былъ одинъ Бобъ и не появлялась на сцену молоденькая мамаша, Сережа не отходилъ, вертѣлся тутъ-же; но потомъ пошли неспосимые дамскіе разговоры, и тогда Сережа вспоминалъ, что у него тутъ гдѣ-то есть сестра.

Соничка давно уже чувствовала себя обиженой; Сережа рѣшительно промѣнялъ ее на чужого пассажира. Первое время онъ еще подскакивалъ къ ней на нѣсколько минутъ, чтобы передать скороговоркой, что ему казалось особенно интереснымъ, но потомъ и это кончилось. Соничка дочитала свою книжку, скучала и завидовала. Не могла же она, какъ мальчишка, вертѣться около чужого господина!

Пашкосокъ отъ Сои, около красной дамы, сидѣла дѣвочка оя лѣтъ, блѣдная, чинная и разодѣтая. У нея была цѣлая груда книгъ, которыя она лѣниво перебирала, прислушиваясь къ разговорамъ.

Дѣвочки оглядывали другъ друга, будто мимоходомъ. Встрѣтившись взглядами, онѣ дѣлали холодное лицо и отворачивались въ разные стороны.

— Какъ это ты рѣшился уйти? — встрѣтила Соня брата азвительно, не двигаясь, чтобы дать ему мѣсто около себя.

— Пошла бабы канитель, такъ нечего тамъ и дѣлать, — проворчалъ сумрачно гимназистъ: — хоть какой умный чело-вѣкъ, а коли начнешь съ дамами разговаривать—всему конецъ!

— Отчего?—спросила Соня серьезно:—о чемъ же онъ съ ними разговариваетъ?

— Чортъ ихъ разберетъ!—ни о чемъ, въ томъ-то и дѣло... Кислосладчина какая-то пачищается...

— Неправда. Съ той красивой дамой они весело разговаривали,—спорила Соня.

— Имъ-то самимъ вѣрно весело. Нѣтъ ужъ, то-ли дѣло когда одинъ мужичишъ..

— Откуда вдругъ взялся этотъ мальчишка?—допрашивала Соня.

— Изъ каюты откуда-то выползъ.

— Мало-ли на пароходѣ дамъ? Развѣ это идетъ мужичишъ нянчить дѣтей...

— Вотъ то-то оно и есть, матушка! Много, — только до чужого никому дѣла нѣтъ... А этотъ парочко выискиваетъ!..

— Да...—уронила Соня задумчиво.

Возвращеніе Леонида Алексѣвича на палубу произвело должный эффектъ. Онъ подошелъ сначала къ Соничкѣ.

— Какъ!.. да вы, барышня, кажется, и не тронулись съ этого мѣста? вы все читаете?

— Я кончила. Больше нечего читать.

— Видите, какъ невыгодно жадничать!

— Что же дѣлать въ дорогѣ, коли не читать?.. Мы вѣдь тутъ не въ первый разъ ѣдемъ,—оправдывалась дѣвочка.

— Какъ, что дѣлать? Смотришь, болтаешь... Вонъ вамъ по-друга сидитъ и тоже скучаетъ, — показалъ онъ глазами на блѣдную дѣвочку.

— Мы по знакомымъ...

— Ха, ха, ха!..

— Нѣтъ, право! Онъ очень... важныя. Ихъ въ Одессѣ всѣ знаютъ.

— Въ Одессѣ вы можете не быть знакомы, а здѣсь всѣ одинаковые пассажиры. Ну, хоть книжку-то у нея спросили бы—вонъ у нея ихъ сколько!

— Мы не знакомы...

— Ха, ха, ха!..

Красавица приняла измѣнника холодно. Она больше не улыбалась ему, показывая жемчужныя зубы.

— «И совершенно напрасно, голубушка. Съ зубами ты еще лучше».

Онъ сравнивалъ. Красавица, безспорно, но куда же интереснѣе та бѣдняжка, съ прозрачнымъ лицомъ и застѣнчивыми сѣрыми глазами...

— Вы такъ любите дѣтей?—спросила Зоя Николаевна съ откровенной насмѣшкой.

— А развѣ можно дѣтей не любить? — спросилъ пассажиръ просто.

— Чужихъ?

— Но дѣтей! Вѣдь и эти горы, и небо, и море—не мои! Красота, на которую залюбуешься—музыка! Все, чѣмъ наслаждаешься, становится на ту минуту нашимъ.

— Qui tient l'enfant par la main—tient la mère par le cou, —сказалъ съ лукавой улыбкой генералъ.

Леонидъ Алексѣвичъ живо повернулся къ нему.

— Есть такая поговорка? да? Никогда не слыхалъ!

— Ее придумалъ, вѣроятно, такой же любитель дѣтей, какъ вы.

Онъ смотрѣлъ въ красивые, педобрые глаза и снисходительно повелъ плечами.

— Согласитесь... la mère могла вѣдь оказаться большимъ

уродомъ! Или маленькій Бобъ могъ быть на поимоченіи какой-нибудь старухи. Кстати о дѣтяхъ... Mademoiselle!

Онъ повернулся къ блѣдной дѣвочкѣ.

— Я прошу у васъ одну изъ вашихъ книгъ для той маленькой барышни. Она ѣдетъ съ братишкой и частенько остается въ одиночествѣ и скучаетъ.

Дѣвочка, жадно слушавшая разговоръ взрослыхъ, покрасѣла отъ неожиданности. Она взялась за книгу и въ то же время подняла глаза на мать.

— Mais oui!...—продѣдила та и послала пронизательный взглядъ Соничкѣ.

Сережу позвали. Онъ пеловко поклонился, получилъ книгу и, сунувъ ее въ колѣни сестрѣ, поскорѣе скрылся съ палубы. Соничка смущенно привстала на своемъ мѣстѣ.

— Это славные маленькіе самостоятельные люди,—сказалъ Леонидъ Алексѣвичъ, наблюдая, какъ чуть-чуть вздрагиваютъ блестящіе круглыя брови Зои Николаевны.

Ей казалось, что все это онъ «продѣлываетъ» нарочно. А такъ еще недавно казалось, что интересный спутникъ близокъ къ тому, чтобы экспромптомъ проѣхаться дамыне Севастополя... Казалось, что его легко подбить на все, что покажется интереснымъ въ эту минуту. Увеселительная поѣздка въ Ялту готова была сложиться во что-то гораздо болѣе занимательное, чѣмъ мотала скучающая львица.

...И всему помѣшала какая-то нелѣпая случайность! Настроеніе разбито...

Это прекрасная головка размышляла помпго. Но всѣ отѣнки воздѣйствія собственной красоты изучены давнымъ давно въ совершенствѣ. Зоя Николаевна и безъ размышленій прекрасно угадывала и степень возможности, и безноворотность внезапно диверсим.

— «Красива, какъ южный ландшафтъ»—думалъ, спокойно любуясь ею, Леонидъ Алексѣвичъ:—Та же сила красокъ, смѣлость линий, законченность рисунка. А та-то, блѣденькая, какъ страдаетъ отъ этой красоты!».

Глядя на Боба, онъ легко представлялъ собѣ красавца-отца. Подъ пару этой великогѣпной дамочки съ профилемъ камня. Да! таковы и должны быть тутъ женщины: конкурировать съ красотой ландшафта, не бояться ни моря, ни солнца, ни страсти...

— Повѣдайте намъ, о чемъ вы такъ размечтались?—заставилъ его очнуться привычный вопросъ генерала.

Онъ посмотрѣлъ на нихъ... И понялъ, что за какой нибудь часъ, два времени эта соблазнительная красавица, подъ видомъ шутки настойчиво увлекавшая въ Ялту,—стала ему безповоротно антипатична.

...Не то, чтобъ онъ уже совсѣмъ склонялся ѣхать въ Ялту... Однако раза два подумалъ: «разумѣется, можно вѣдь выкинуть и такую штуку, еслибъ захотѣлось!»

И мелькала надежда, что авось... можетъ быть, захочется... Мимолетное желаніе разгорится настолько сильно, чтобы толкнуть на сумасбродную выходку, капризъ — на шаловливый прыжокъ въ сторону... Что-то напоминающее настоящую, не мудрствующую, щедрую молодость!

Отъ этихъ мыслей становилось подымательно весело, точно въ душу вѣяло сильными взмахами ея новонькихъ крыльевъ.

Ріпіі. Тонкая паутина, сотканная изъ жгучихъ взглядовъ черныхъ очей, изъ соблазнительныхъ линий великолѣпнаго тѣла, изъ незамысловатаго коварства рѣчей — эта быстро опутывавшая паутина разорвалась... отъ?..

...Отъ прикосновенія слабой ручки Боба. Отъ безпорядочно-тревожныхъ жалобъ маленькой страдающей женщины...

Леонидъ Алексѣвичъ пожалѣлъ... Искренно пожалѣлъ, зачѣмъ безпокойное видѣніе ворвалось въ начинавшее затягивать античное настроеніе — подстать этому жгучему небу, лазурному морю, парадно-пестрой землѣ. Настроенія такъ рѣдки!... жизнь такъ тускла!

— Это ли на что не похоже! — раздалось нетерпѣливое восклицаніе генерала: — Да когда же, наконецъ, вы полюбопытствуете узнать, чѣмъ разрѣшилось ваше пари?

— Вы выиграли пари! — встала быстро Зоя Николаевна, и вызывающій взмахъ чудной головки точно предупреждалъ, чтобы онъ не посмѣлъ и подумать, что она хоть сколько-нибудь смущена этимъ.

Леонидъ Александровичъ равнодушно улыбнулся:

— Но вѣдь я это зналъ.

— А...а...а!.. Развѣ позволительно держать пари навѣрняка?

Онъ иронически приподнял брови.

— Позвольте, въ такомъ случаѣ, придти на помощь вашей памяти: на пари настанвалъ не я.

У нея рововѣли мраморныя щеки, того прелестнаго матоваго тона южныхъ лицъ, который кажется бѣлизной среди окружающей вакханаліи красокъ.

— Все равно! Вы обязаны были отказаться!..

Онъ съ усмѣшкой смотрѣлъ ей прямо въ глаза.

— Дать вамъ право сказать, что я струсилъ? Но я не боюсь ничего. Я знаю, что вы потребовали бы, если бъ проигралъ я.

— Вы знаете? Я хочу, чтобы вы сейчасъ сказали.

— Прошу позволенія не исполнить этого приказанія. Такимъ образомъ, Зоя Николаевна, я получаю съ васъ мое пари, — произнесъ, не спѣша, онъ, съ медленнымъ, почтительнымъ поклономъ.

... О, да! часъ назадъ этотъ господинъ готовъ былъ ѣхать за ней въ Ялту — теперь онъ говорить дерзости! *Sauve qui peut!*

— Какъ вамъ угодно! — отвѣтила она съ пренебрежительнымъ жестомъ.

— Позвольте... но ваше пари? — вмѣшался еще разъ генералъ, не успѣвавшій слѣдить за летучей перестрѣлкой.

— Пари получено. Зоя Николаевна меня помиловала.

Генералъ только поморгалъ глазами, не желая сознаться, что онъ ровнехонько ничего не понимаетъ.

Леонидъ Алексѣевичъ во время этого разговора стоялъ лицомъ къ морю и не могъ видѣть, какъ мать Боба появилась на своемъ прежнемъ мѣстѣ, одна.

Бобъ уснулъ. Горничная общала присмотрѣть за нимъ. Маленькая женщина пригладила волосы, надѣла свой сѣренкѣй сукопный беретъ и теперь сидѣла съ разгорѣвшимися щеками и разочарованіемъ въ сердцѣ.

...Онъ спросилъ, придетъ ли она на палубу, когда ребенокъ уснетъ. Она почему-то надѣялась, что найдетъ его на прежнемъ мѣстѣ, что онъ ждетъ ее...

Увидѣвъ его снова около блестящей одесской красавицы, маленькая женщина точно очнулась: съ чего же она воображала, что онъ ждетъ ее? И не все ли равно?.. Еще нѣсколько часовъ... затѣмъ?

...Чѣмъ онъ симпатичнѣе — тѣмъ хуже. Чѣмъ больше вниманія отъ этого чужого, тѣмъ горше будетъ все тамъ, дома...

Но благоразумныя разсужденія не помогали. Ее тянуло къ ласковымъ рѣчамъ случайной встрѣчи, какъ таетъ чахлое растеніе къ внезапно пробившемуся солнцу.

Ей Леонидъ Алексѣевичъ сказалъ, что онъ живетъ въ Петербургѣ. Въ ея воображеніи мелькаетъ поѣздъ, который унесетъ его туда... домой!

...Домой... Боже мой! Когда же она отъучить себя считать домомъ далекое и невозможное? Когда свыкнется съ тѣмъ, что домъ ея только здѣсь... гдѣ Бобъ?

Случайный спутникъ, такъ тепло обласкавшій ихъ съ Бобомъ, сольется со всѣмъ далекимъ, милымъ... Это дѣлало его роднымъ ей. Хотѣлось поговорить съ нимъ о Петербургѣ, хотѣлось о чемъ-то попросить его... Она сама не знала о чемъ.

Она думала, какъ недолго остается ѣхать на пароходѣ, и съ горечью слѣдила за разговоромъ на другой сторонѣ палубы.

...И имъ тоже онъ улыбается. Дѣлаетъ тѣ же мягкіе, граціозные жесты. Иногда до нея долетаетъ безъ словъ музыкальный звукъ голоса.

До сихъ поръ она еще не успѣла дать себѣ отчета, почему такъ необыкновенно пріятно слушать этого человѣка? да! голосъ!

...Еще одно изъ большихъ мѣстечекъ. Несчастные нервы ея мучительно трепещутъ отъ рѣзкихъ раскатовъ могучаго баса, вылетающаго изъ богатырской груди... Развѣ виновата она, что не можетъ осилить—хотя бы скрыть этотъ трепетъ, подергивающій певольно черты? Если бы она могла! Столько пережито пелѣныхъ мучительныхъ сновъ... Нельзя объяснить! Другимъ кажется такой смѣшной претензiей ея *манера* вздрагивать отъ каждаго рѣзкаго возгласа...

Она подумала, что отдыхала цѣлый мѣсяцъ... какая неблагоприятность такъ мало цѣнить это!

Все, что было тяжелаго—по иному, по своему—въ вынужденномъ житiи въ чужомъ, несимпатичномъ домѣ, въ эту минуту ступевывалось передъ захватывавшей ее тревогой. Радостная встрѣча волновала ее, какъ налетающiй шеваль. Опять, опять она будетъ казаться холодной, безчувственной, въ отвѣтъ на бурную экспансивность южанъ! Снова она предчувствовала обиду, незаслуженную, которой она не хочетъ! И ничего, ничего пользы сдѣлать! Какъ невозможно ни подняться, ни приизиться до чужого роста. На сердцѣ растетъ глубокая тоска...

Лоопидъ Алексѣевичъ оглянулся. Черезъ нѣсколько минутъ онъ стоялъ около нея,

Онъ оглянувшись, улыбаясь, ея приглаженную головку и остался доволенъ; дѣтская простота сѣренькаго берста дѣлала ее еще моложе и милѣе.

— Стало быть, мы спимъ?—спросилъ онъ шутливо.

— Бобъ?.. да, спать...

— И за нами присмотрять?

— Я надѣюсь.

— Отлично! Теперь вы не мама Боба, вы просто сѣрая шапочка!

Онъ весело усѣлся около нея.

— Вы и не подозреваете... я вамъ очень, очень обязанъ!—заговорилъ онъ возбужденно, лаская ее взглядомъ. — Мнѣ было бы прiятно не оставаться въ долгу. Пожалуйста, потребуйте съ меня что-нибудь!

Ему отвѣтили укоризненнымъ взглядомъ.

— Вы смѣетесь...

— То есть, какъ это смѣюсь?

Молодая женщина смущенно принялась перечислять его маленькiя услуги. Онъ разсмѣялся и остановилъ ее.

— Неужели же не ясно, что все это дѣлается для себя, и какъ ваши слова напрасны!? Я окончательнo не понимаю этого обычая благодарить за каждый шагъ, слово. Скоро придется расшаркиваться другъ передъ другомъ за то, что мы не кусаемся!

Она качала головкой, не соглашаясь.

— Но зачѣмъ же говорить, что вы обязаны мнѣ?

Онъ опять разсмѣлся.

— Маленькое недоразумѣніе: я говорю совсѣмъ о другомъ!

Леопидъ Алексѣевичъ чувствовалъ себя отлично, но не вполне свободно: на сердцѣ закипала настоящая пессимистъ, и хотѣлось дать ей полную волю, но въ то же время пичуть не хотѣлось давать представленіе лицепріятнымъ зрителямъ на другой сторонѣ палубы. Онъ придумывалъ—куда бы ему увести милую сѣрукъ шапочку, когда она сама неожиданно его выручила.

— Знаете, я страшно голодна!—призналась она:—вѣдь я ровно ничего еще не ѣла сегодня. И дома съ Бобомъ не успѣла... И...

— Матушка! на это способны только женщины! Идемъ же, бѣжнимъ скорѣе! Я съ наслажденіемъ буду кормить васъ.

Этакая умница! Ему хотѣлось расцѣловать ее за то, что она голодна.

Въ столовой онъ пилъ красное вино и весело смотрѣлъ, какъ она обѣдаетъ.

Двое мужчинъ сидѣли надъ стаканами чая—больше никого въ каютѣ не было.

— И такъ, вы ничуть не интересуетесь знать, чѣмъ именно я обязанъ вамъ?—спросилъ не безъ кокетства Леопидъ Алексѣевичъ.

Сейчасъ надъ истинная молодость—великая неопытность! Кто на ея мѣстѣ не ухватился бы съ радостью за подобную тему?

Маленькая женщина серьезно посмотрѣла на него и еще серьезнѣе сказала, что она не вѣритъ. Этого не можетъ быть.

— О, дѣти, дѣти, какъ опасны ваши лѣта! Чего мы не знаемъ, того и быть не можетъ? Ну, такъ я скажу вамъ въ назиданіе. Вообще, очень полезно было бы поступить ко мнѣ въ пауку. Вы этого не чувствуете?

— О, да!.. То есть, я... я не знаю, въ какомъ смыслѣ вы это говорите, — жестоко смѣшалась она, пытаясь догнать вырвавшееся слово.

— Въ смыслѣ самомъ прямомъ. Вы чересчуръ безоружны... Жизнь надо понимать, чтобы уметь отбиваться отъ нея! Если бы вы были беззаботно счастливы, нашу наивность вамъ можно было бы оставить, какъ украшеніе (она къ вамъ такъ же идетъ, какъ эта глупая шапочка); но мнѣ представляется, что въ вашемъ положеніи найдется очень много вещей, болѣе необходимыхъ, чѣмъ украшенія.

Она выслушала, склонившись тонкимъ лицомъ къ тарелкѣ.

Другая непременно пыталась бы протестовать; спросила бы—почему онъ позволяетъ себѣ заключать, что она несчастна, и

осмѣливается высказывать ей это въ глаза? О, Господи! столько есть готовыхъ, обязательныхъ протестовъ, предназначенныхъ, чтобы удерживать на почтительной дистанціи ближняго, покушающагося завести рѣчь не о красотахъ природы или недостаткахъ погоды,—а о томъ, что почему либо ему удалось прочесть въ чужомъ лицѣ...

Можно подумать, что такіе искусники попадаютъ на каждомъ шагу!

— Что стало бы съ нашей жизнью, еслибъ изъ нея изъять этикетъ?

Но сѣрая шпаночка не ощущала протеста. Напротивъ: вся ея душа рвалась на встрѣчу.

— Говорите...

Она произнесла только одно это слово. Подняла голову и смотрѣла въ его лицо. Одно слово спрашивало много...

Леопидъ Алексѣевичъ тряхнулъ головой, точно отгоняя что-то.

— Не бойтесь... Это ничуть не важно, что я скажу, усмѣхнулся онъ:—Дѣло въ томъ, что если бы я не истрѣтился съ вами—или, точнѣе говоря, съ Бобомъ—то, по всей вѣроятности (я ничего не утверждаю навѣрное!)... но вполнѣ возможно, что вашъ покорный слуга отправилъ бы изъ Севастополя, вмѣсто одной депеши, нѣсколько депешъ... много депешъ... а самъ... самъ онъ прослѣдовалъ бы до Ялты, которая вовсе не входитъ въ маршрутъ.

Онъ помолчалъ, ожидалъ вопроса, восклицанія...

Сѣрые глаза смотрѣли такъ же прямо, медленно мигая изогнутыми рѣсницами.

— Вы поняли что нибудь?—спросилъ онъ съ замысловатой усмѣшкой, уже знакомою ей.

Эта усмѣшка пока — одно, что ей въ немъ не нравится. Точно она пугаетъ ее...

— Да!.. я вамъ сейчасъ скажу!—заговорила она безнокойно, втягивая воздухъ въ себя, какъ ученица, трепещущая срѣзаться на экзаменѣ:—Ваша знакомая... madame Эрадзо — она пригласила насъ къ себѣ... Да? Ну, да, да...

Она больше не смотрѣла на него, отодвинулась въ глубину стула и первно мила тонкими пальцами кусочекъ бѣлаго хлѣба.

Леопидъ Алексѣевичъ усмѣхнулся.

— Она—моя знакомая на нѣсколько часовъ раньше, чѣмъ вы. Такъ ея фамилія—madame Эрадзо? Быть можетъ, я ошибаюсь,—но, кажется... я былъ бы способенъ уѣхать въ Ялту... Такія зрѣлища выпадаютъ не часто, она удивительно хороша! Камея. Жаль... вы слишкомъ молоды, чтобы понимать, какую цѣну получаютъ въ мои годы желанія. Вамъ кажется, что

жизнь вся состоитъ изъ однихъ желаній, не такъ ли? О! они угадываютъ всего скорѣе... какъ цвѣты... Остаются мысли. Сдѣлать что-то несообразное, ненужное — безъ мыслей... Потому что хочется—*et que diable m'emporte!*—да вѣдь это же молодость! молодость!!

А Рука его вытянулась невольнымъ страстнымъ жестомъ — но сейчасъ же онъ схватилъ бутылку и долилъ ея рюмке.

— Чокнемтесь за то, что я избѣжалъ Ялты. Пустякъ! — но я бы злился потомъ. Слѣшкомъ глупо! Видите-ли... всего легче судить о томъ, насколько старѣешь, но тому, какъ все больше и больше страшишься глупыхъ поступковъ.

Онъ дотронулся стаканомъ до ея рюмки.

— За вашу молодость!

— Развѣ молодость безразсудна всегда?—спросилъ ужасно серьезно тихій голосокъ.

— Всегда. Только она въ то же время и пуглива.

— Но развѣ можно... ничего не бояться? Развѣ это хорошо?

— Это дурно. Бояться надо массы вещей... Надо бояться глупыхъ поступковъ.

— Нѣтъ, нѣтъ... вы бы не уѣхали въ Ялту! Право.

Она такъ неожиданно это сказала. Забавно-просительно.

— Ха!.. вамъ не хочется, чтобы я дѣлалъ глупости? Я вамъ кажусь умнымъ?.. Но вѣдь мнѣ скучно, сѣрая шапочка! Скучно...

Лицо у него сдѣлалось разсѣянное. Онъ задумался.

Она бросила долгій испытующій взоръ и въ раздумьи покачала головой.

— Этого совсѣмъ не видно. Отъ скуки не дѣлаютъ такъ, какъ вы дѣлаете... Скукающие люди холодны.

— А вы думаете, что я не холоденъ?

Его рѣчи каждую минуту разбивали, спутывали впечатлѣнїя.

— Вотъ видите ли... Вы не вѣрите, что я могу уѣхать въ Ялту—я и не уѣду. Но вы-то меня какъ понимаете: что вы меня отвлекли, да? Нѣтъ, совсѣмъ не то. Гораздо больше! Каменъ ничего не потеряла отъ сопоставленїя. Вѣдь, какъ красота, вы ровно ничего не значите передъ нею!

— О-о-о!.. стоитъ ли это говорить!..—засмѣялась она, жестоко краснѣя.

Онъ сѣднѣлъ улыбающимися глазами и говорилъ дальше, не останавливаясь.

— Но вы—какъ бы это выразить?—*ослѣпили* ея красоту. Да, да, вы совершенно правы, сѣрая шапочка! Это красота чужая. Не для насъ она. И знаете ли почему? — въ ней нечего *понимать*, ее просто нужно совершать,—пу, а намъ, сѣвернымъ мечтателямъ, этого слѣшкомъ мало... Развѣ можно углубиться въ каменъ?—вѣдь онъ вырѣзываются на кампѣ!

— Правда! Она похожа на камень, — кивнула головой молодая женщина.

— Похожа и на античную статую, и на прекрасную картину, и на развалины греческого храма — на любой образчик совершенных форм. Хочется сорвать съ нея модное платье и парижскую шляпку. Ну, а въ Ялту мнѣ больше совсѣмъ не хочется!

Онъ весело допилъ свое вино.

— Вотъ если бѣ для васъ и Боба нужно было проѣхать въ Ялту... ну... квартиру, что-ли, для васъ приготовить, найти пивнуку, устроить васъ поуютнѣе...

Онъ не кончилъ фразы.

— Такъ вы думаете, что тотъ, у кого бываютъ подобныя желанія, не скучаетъ? Дѣтямъ часто приходятъ вѣрные мысли. Они ихъ чувствуютъ. Конечно, конечно, въ такія минуты не скучаютъ! Вотъ почему и не нужно благодарить. И знаете? — то, что вы чувствуете, вовсе не благодарность.

— Больше... — точно упало тяжело съ ея губъ.

— Да, больше! — повторилъ онъ просто: — такія настроенія подводятъ людей совсѣмъ близко другъ къ другу... Что же изъ того, что мы простимся черезъ нѣсколько часовъ и никогда больше не встрѣтимся? Я васъ вижу совсѣмъ отчетливо. Возможно даже, что я васъ вижу всю... вы такъ юны, а я такъ опытенъ! Вы меня заставили ощутить ваше настроеніе — этотъ холодъ и голодъ чужбины! А вѣдь вы почти ничего не сказали... но такъ попятно все выразили! Этого забыть нельзя.

Солнце садилось, въ малепькія окна каюты проникалъ розовый отблескъ вечернихъ лучей и скользилъ по нѣжному овалу горѣвшаго лица и по матовымъ складкамъ сѣренькой матеріи.

Она положила щеку на руки, сложенные ладонями, и глядѣла ему въ лицо большими, довѣрчивыми глазами. Въ нихъ свѣтилась какая-то горячая жажда.

Она вздохнула, когда онъ замолчалъ, и заговорила, осторожно выбирая слова.

— Это правда... между нами огромная разница — цѣлая пропасть! Вы сказали: «Желанія проходятъ. Остаются мысли...» Вы, можетъ быть, не забудете нашего разговора... А завтра, въ вагонѣ, будетъ новая сосѣдка, — другой разговоръ... О, нѣтъ вы не холодны! вы добры... вы какъ-то необыкновенно добры! Но вы все-таки... равнодушны, да?..

Въ ея лицѣ было усиліе понять — боязнь ошибиться.

Онъ печально улыбнулся.

— Старость!

— Нѣтъ, ради Бога! Зачѣмъ тутъ кокетство!? Сколько же вамъ лѣтъ?..

Какъ будто ее покорило отъ фальшивой поты, и она не сознавала, что половодко такъ жадно *разглядывать* чужого человека. Она что-то нашла въ немъ, она боялась потерять такъ же внезапно, какъ нашла. Сѣрые прозрачные глаза болѣе совсѣмъ не отрывались отъ его лица. Дѣтскіе глаза — по минутамъ въ ихъ глубинѣ мелькало отчаяніе. Она схватывала дрожащей рукой рюмку, и капли красной влаги точно кровью обращивали ее розовымъ губки.

Онъ взглядывалъ на нее и отводилъ глаза невольнымъ побужденіемъ, которое его удивляло.

— Не все ли равно сколько лѣтъ? — заговорилъ онъ притихшимъ голосомъ: — Равнодушіе и есть старость. Впрочемъ, я не равнодушенъ сейчасъ, въ эту минуту... Могу попасть въ Ялту вмѣсто Петербурга... Я способенъ остаться въ Севастополѣ, прожить недѣлю, — больше... познакомиться съ вашимъ мужемъ. Не бойтесь, не бойтесь! Я этого не сдѣлаю. Этого дѣлать не надо.

У нея все пестеримѣе дрожало въ груди. Мысли сбивались стремительно, какъ взлетаютъ оборванные листья отъ взрывовъ вихря.

— Этого дѣлать не надо! — повторилъ Леонидъ Алексѣевичъ. — На Ялту я потомъ злился бы. О Севастополѣ я бы жалѣлъ... Тотъ, кто взвѣшивать, считаетъ впередъ — *равнодушникъ*. Вы нашли настоящее слово, сѣрал шапочка.

— Ну, да, да!.. а я?! Вы сдѣлаете — и пожалѣете... Не сдѣлаете — и не будето страдать. Я все равно буду страдать!.. Страдать...

Она прижала руку ко лбу и испуганно вскочила на ноги.

— Боже мой, какъ мы заговорились! Бобъ... надо взглянуть, какъ спитъ Бобъ!

Леонидъ Алексѣевичъ не удерживалъ. Онъ сейчасъ же всталъ и довелъ ее до ея каюты. У двери она сама задержала его.

— Вы не хотите, чтобы васъ благодарили... Значить, вы сами знаете, что другіе должны чувствовать? — выговорила она, вѣдая, какъ могла, своимъ волненіемъ.

Въ общей каютѣ было не очень свѣтло; ея дверь, послѣдняя у корридора, уходила въ полусвѣтъ.

Онъ чувствовалъ, какъ ее глаза, не отрываясь, глядятъ на него изъ тѣни.

...Правда. Женщины должны чувствовать всю человѣчность его отношенія къ нимъ — оттого онъ такъ и льнуть къ нему. Любую можно взяться отысповѣдывать въ день времени. О, да, совсѣмъ искренно и правдиво! Въ запасъ вѣдь по одинъ ключъ — цѣлый наборъ ключей и отмычекъ для женскаго сердца.

...Въ этой жалкой дѣвочкѣ столько скопилось горячаго матеріала одиноко переживаемыхъ разочарованій, обидъ и тоски—довольно одной искры, чтобы наболѣвшее сердце запылало пожаромъ!..

— Нѣтъ, не благодарить. Но я бы желалъ, чтобы каждая женщина, съ которой меня сталкиваетъ судьба, знала, какъ я отношусь ко всѣмъ женщинамъ. Къ сожалѣнію, это невозможно! И часто мѣшаютъ мои собственные поступки и ощущенія. Они заслоняютъ то, что есть лучшаго въ моемъ отношеніи... Это не понятно для васъ? И тѣмъ не менѣе это такъ!

Леопидъ Алексѣевичъ почтительно склонилъ голову и отошелъ..

Молодая женщина порывисто кинулась въ свою каюту.

...Непростительно! Зачѣмъ она пила вино?! Голова кружится...

...Богъ знаетъ, что она сказала! Что онъ объ ней подумаетъ?!

...Ахъ, вздоръ какой!—ничего, ничего ровно не подумаетъ... Надо ему все сказать, все! Все равно онъ понимаетъ, угадываетъ... Господи! есть же на свѣтѣ такой человѣкъ!.

...И не будетъ его—сейчасъ не будетъ! Опять одна. Ни души, кто бы могъ понять.... Навсегда—навсегда...

Она бросилась на койку и глухо разрыдалась.

Бобъ спалъ.

Звѣздный куполъ сіялъ надъ чернымъ моремъ своимъ таинственнымъ трепетнымъ свѣтомъ. Затихшее море тяжело дышало подъ нимъ, слабо отсвѣчивая во мракѣ бѣлыми, стальными отблесками.

Звѣзды исчезали выше, чѣмъ начиналось море—ихъ застилалъ туманъ чернѣющей дали. Сумракъ какъ будто надвигался изъ этой дали все ближе, и впереди его, быстрымъ вѣстникомъ, несли свѣжіе вѣтры.

Онъ дулъ прямо на встрѣчу, точно не хотѣлъ пропускать упрямаго неуклюжаго чудовища; а оно какъ будто надѣялось проскользнуть именно теперь, подъ покровомъ ночи, пользуясь спомъ утомленнаго владыки...

День смѣнился ночью. Возмущенныя лазурныя пучины улеглись и потемнѣли,—а чудовище все пробирается безъ отдыха впередъ, переползая съ волны на волну, все съ тѣмъ же упрямымъ глухимъ стукомъ, покрываемымъ иногда рѣзкими, пугливыми вскриками.

Лучи его цвѣтныхъ глазъ дробятся пестрыми бликами въ черныхъ волнахъ и пероглядываются бояливо съ другими далеками огнями, мерцающими въ туманной дали. Кажется, что это одна изъ звѣздочекъ, проступившая сквозь туманъ... Хо-

чется отыскать рядомъ другую, такую же... Но звѣзда все разгорается, растеть.

Звѣзды, зажженные надъ моремъ чьей-то рукой, и зелено-красныя очи ползущаго чудовища блестятъ въ ночи ярче, чѣмъ свѣтающіе имъ міры.

Леонидъ Алексѣевичъ давно уже стоялъ на носу парохода и смотрѣлъ въ черную даль.

Шапку онъ снялъ и держалъ въ рукахъ, отдавшись весь на волю вѣтра. Вѣтеръ поднималъ стоймя каждый волосъ на головѣ и превратилъ черты въ ровную холодную маску, и разгладилъ морщинки на лбу, и высушилъ губы, и охватилъ прохладнымъ кольцомъ горло. Подъ одеждой все тѣло чувствовалось свѣжими контурами, спокойное, точно обрѣвшее.

И мысли безъ снѣха, отчетливо укладываются въ мозгъ, точно вѣтеръ выдулъ все лишнее, скопившееся за день. Какая-то стойкая спокойная сила выдвигала ихъ изъ сокровенной глубины...

Леонидъ Алексѣевичъ уложилъ въ своей каютѣ спать Соничку и Сережу, выслушалъ съ непроницаемымъ видомъ нѣсколько любезныхъ колкостей отъ великолѣпной мадамѣ Эрадле и обмѣнялся очень холоднымъ рукопожатіемъ съ генераломъ.

Генералъ былъ разочарованъ. Послѣ такъ легко завязавшагося пріятельства, внезапная перемена фронта казалась обидой; жаль необдуманно потраченной симпатіи...

...Нѣтъ-съ, люди истинно благовоспитанные не позволяютъ себѣ манкировать такимъ образомъ приличнымъ обществомъ. ради первой попавшейся смазливой рожицы! Богъ его разберетъ, «мзъ какихъ» этотъ обходительный баринъ!

Хуже всего было то, что никому другому, какъ только его превосходительству приходилось расплачиваться за разбитые горшки. Зоя Николаевна, въ порывѣ досады, уже предлагала повернуть изъ Севастополя обратно, если ея кавалеръ полагаетъ, что ту же одесскую скуку прокатить до Ялты удивительно какъ занимательно!

...А сѣрая шапочка въ эту минуту не спитъ въ своей каютѣ. Леонидъ Алексѣевичъ былъ увѣренъ, что она не спитъ. И плачетъ...

Жалость лежала, какъ тяжесть, у него на сердцѣ.

Купаясь въ бодрящихъ струяхъ ночного вѣтра, онъ терпѣливо вслушивался, когда улягутся послѣднія задрагиванія разыгравшихся нервовъ...

Улягутся!...

Знакомо это томительное, смутно влекущее чувство: ощущеніе чего-то, что въ этотъ мигъ проходитъ мимо. Одна изъ *возможностей* жизни...

...Увидѣть, какъ юные глазки, застѣнчиво и неумѣло пря-

чужие какое-то большое горе, оживятся надеждой, засияют восторгом... Пережить эту чистую радость!

Хотелось, чтобы в эту минуту жалкая маленькая женщина не выплакивала свой страх беспомощно в душевую каюту, а стояла тут рядом, в том же свежем потоке, помогающем думать так трезво...

Утешить ее. Ведь так просто, так легко поставить на настоящее место все, что ей представляется колоссальным, неодолимым и неизменным... в сорок двадцать лет!

...Остаться в Севастополе, прожить неделю, две, три. Зажечь еще раз этот праздничный факел жизни! Без устали... Даром...

...Нить, нить, нить!

...Развить не знаешь паузу, как все будет? Еще час, другой душевного разговора, еще какойнибудь прямой шаг через груды булыжника, заваливающих людей друг от друга, еще один искренний порыв приласкать обиженного ребенка, — и мираж готов! Грандиозный мираж женской души...

...Любовь. Клятвы верности. Жертвы. Отчаяние. Роковой миг всех, кому двадцать лет: *вся жизнь!*

...Все, на что не составляется купчихи крепостей, на что не выдается векселей, где не фигурирует слово *жизнь*, — все то не имеет цены, ни прав на существование. Оно только пугает.

А!.. нить... Мимо! мимо!..

«Сдѣлаете — и пожалеете... Не сдѣлаете — и не будете страдать», — сказала седая шапочка.

Что не дѣлая, она хоть мимолетно, но все же страдает искренно, этого она, конечно, не знает. И не надо ей этого знать...

...Тушить факелы вовсе не весело!

Утром Леонид Алексѣвич вынес на руках на палубу соннаго и капризнаго Боба.

Мать осталась внизу собирать вещи и появилась в послѣднюю минуту, среди картонок, узлов и коранок. У нея былъ больной видъ и холодныя руки, когда они прощались.

Леонид Алексѣвич ничего не сказалъ, только приласкалъ своимъ грующимъ взоромъ, — взоромъ, отъ котораго просыпается сердце.

Маленькая женщина тоскливо искала въ своемъ умѣ, что сказать ему? Что стоило бы сказать?..

Такъ и нешла.

Въ толпѣ, тѣснившейся на Севастопольской пристани, въ переднемъ ряду, выделялась крупная фигура красиваго брю-

лета, небрежно облеченнаго въ очень свѣтлый костюмъ плохого покроя.

— Бобъ!—гаркнулъ громовымъ басомъ брюнетъ и принялся неистово махать руками, въ которыхъ трепался носовой платокъ не первой снѣжности.

— Папа!! вотъ папа!!—визгнулъ Бобъ, прямо въ ухо держащаго его высокаго пассажира.

Никто на пароходѣ такъ и не узналъ, кто этотъ пассажиръ: инженеръ? адвокатъ? докторъ? писатель? землевладѣлецъ? Никто не зналъ его фамилии.

И онъ не спросилъ, какъ зовутъ мать Боба. Не все ли равно?

Сърая шапочка...

Ольга Шалирь.

Условія развитія внутреннего рынка для продуктовъ крупной промышленности.

V.

Итакъ, у насъ не было и нѣтъ тѣхъ условій для быстрого развитія внутреннего рынка, а слѣдовательно капиталистической промышленности, которые были въ С.-А. Штатахъ. Если она продолжаетъ развиваться до сихъ поръ, то это происходитъ исключительно вслѣдствіе капитализаціи промысловъ и земледѣльческихъ доходовъ. Само собою разумѣется, что пока у насъ существуетъ достаточно обширный внутренній рынокъ, пока еще возможна дальнѣйшая капитализація земледѣльческихъ доходовъ и промысловъ, внѣшній рынокъ мало можетъ интересоваться насъ. А внутренній будетъ расширяться тѣмъ медленнѣе, чѣмъ быстрѣе будетъ происходить дальнѣйшее обособленіе обрабатывающей промышленности отъ сельскаго хозяйства. Но несомнѣнно, что въ то же самое время будетъ происходить дальнѣйшее развитіе сельскаго хозяйства, отчасти для цѣлей обрабатывающей промышленности, которое съ своей стороны будетъ поддерживать внутренній рынокъ для продуктовъ обрабатывающей и добывающей капиталистической промышленности. Но вмѣстѣ съ тѣмъ несомнѣнно, что, какъ мы только что сказали, по мѣрѣ капитализаціи промысловъ, внутренний рынокъ для продуктовъ капиталистической промышленности долженъ относительно все болѣе и болѣе сокращаться, такъ, какъ самое развитіе послѣдней обусловлено такою капитализаціей. Сокращаться онъ долженъ еще и потому, что въ нашемъ будущемъ, какъ это подробно разъяснилъ Н. А. Каблуковъ (Объ условіяхъ развитія крестьянскаго хозяйства въ Россіи, гл. II. Вліяніе природныхъ условій и т. д.), сельскій рабочій долженъ полгода съ нѣтъ безъ дѣла, а слѣдовательно, полгода лишень возможности производить эквивалентъ на покупку продуктовъ обрабатывающей промышленности. Этого послѣдняго обстоятельства онъ устранить не въ состояніи; такъ что все, что бы онъ ни дѣлалъ для дальнѣйшаго развитія сельскаго хозяйства, это обстоятельство будетъ дѣйствовать на него все съ большею и большею силой. И

въ этомъ отношеніи изученіе условій развитія внутренняго рынка въ С.-А. Штатахъ очень для насъ поучительно.

Изученіе условій развитія нашего внутренняго рынка, съ одной стороны, и условій развитія внутренняго рынка американскихъ штатовъ, съ другой, показываетъ, что развитіе капиталистическаго производства можетъ совершаться, питааясь однимъ внутреннимъ рынкомъ, только до известнаго предѣла, дойдя до котораго, оно требуетъ болѣе широкаго рынка, чѣмъ внутренній.

Даже страна, поставленная по отношенію къ развитію внутренняго рынка такъ благопріятно, какъ С.-А. Штаты, страна, богатая всѣми дарами природы, обладающая плодороднѣйшей почвой, климатомъ, который благопріятенъ произрастанію всѣхъ видовъ промышленныхъ растений, требующихъ какъ умѣреннаго климата, такъ и тропическаго; въ лѣсахъ которой растутъ болѣе сотни видовъ разнообразныхъ деревьевъ; нѣдра которой богаты золотомъ, серебромъ, мѣдью, оловомъ, свинцомъ, ртутью и пр., и пр., но главнымъ образомъ желѣзомъ и углемъ и пр. *); словомъ, такая страна, которая могла бы существовать и процвѣтать, будучи отрѣзана отъ остальнаго міра; страна, промышленное развитіе которой шло непрерывно, благодаря иммиграціи и возникновенію новыхъ х-зяйствъ на необозримыхъ пространствахъ до того необрабатываемыхъ земель,—такая страна, черезъ какіе нибудь 80—40 лѣтъ, въ продолженіе которыхъ она такъ шагнула впередъ по пути промышленнаго развитія, стала нуждаться во внѣшнемъ рынкѣ для сбыта продуктовъ своей капиталистической промышленности. Не смотря на то, что для борьбы на открытомъ всемірномъ рынкѣ она обладаетъ высокимъ развитіемъ техники, ей всетаки пришлось расширять свою территорію вооруженною рукою...

Несомнѣнно, что разныя отрасли обрабатывающей промышленности, доставляя одна для другой сырой матеріалъ и орудія труда, а также средства существованія для занятыхъ въ нихъ предпринимателей и рабочихъ, имѣютъ вслѣдствіе этого рынокъ для сбыта своихъ продуктовъ. Но по самымъ условіямъ возникновенія крупнаго капиталистическаго производства, оно возможно лишь въ такихъ отрасляхъ промышленности, продукты которыхъ могутъ рассчитывать на обширный сбытъ, на широкій рынокъ. А на обширный сбытъ могутъ рассчитывать лишь такіе продукты,

*) Въ С.-А. Штатахъ, съ одной стороны, произрастаютъ: ячмень, рожь, овесъ, а съ другой разводятъ: апельсиныя и лимонныя деревья, ананасы, бананы, кокосы. Съ одной стороны, разводятъ гусей, куръ, а съ другой—страусовъ. Изъ всей міровой добычи золота въ 1898 г. въ 14.091 тыс. унцій, на долю А. Штатовъ приходится 3182 тыс., т. е. 22,5%; серебра 60 милліоновъ унцій изъ 190 мил., 31%; мѣди 284,3 тыс. тоннъ изъ 424 тыс., или 55,2%; чугуна 9807 т. тоннъ, или 32% всей міровой добычи, и т. д., и т. д.

которые удовлетворяют наиболѣе насущную потребность наиболѣе многочисленнаго класса населенія. Послѣ пищи и крова наиболѣе насущной потребностью, требующей удовлетворенія, является одежда. Поэтому капиталистическое производство прежде всего захватываетъ изготовленіе сырого матеріала для одежды—пряжи и тканей. Слѣдовательно, оно уже напередѣ разсчитываетъ на кругъ потребителей болѣе широкій, чѣмъ все число рабочихъ, занятыхъ въ возникающей промышленности, и предпринимателей. Такъ что, хотя и тѣ, и другіе являются на рынкѣ покупателями, но лишь послѣ того, какъ изготовленный ими продуктъ нашелъ себѣ сбытъ, т. е. лишь послѣ того, какъ реализуется содержащійся въ немъ постоянный капиталъ (какъ оборотный, такъ и часть основнаго), переменный капиталъ, затраченный на покупку рабочей силы, и прибавочная стоимость.

Какъ павѣстно, часть изъ всей стоимости продуктовъ обрабатывающей и добывающей промышленности идетъ на дальнѣйшее производство (сырье и вспомогательный матеріалъ, зерно, хлопокъ, желѣзо, уголь, орудія труда, инструменты, машины и пр.); между тѣмъ, какъ другая часть, вновь создаваемая трудомъ при производствѣ, идетъ на потребленіе рабочихъ и предпринимателей, а также на расширеніе производства. Вновь создаваемая стоимость, заключающаяся въ единицѣ продукта, которая приходится на долю лицъ, участвующихъ въ производствѣ, сравнительно становится тѣмъ меньше, чѣмъ производительнѣе трудъ рабочихъ; причемъ часть валовой стоимости продукта, приходящаяся на сырье и вспомогательный матеріалъ и пр., увеличивается. Поэтому, для полученія прежней прибыли, количество проданнаго товара должно быть несравненно больше прежняго. Вмѣстѣ съ тѣмъ, вновь произведенная стоимость можетъ реализоваться не иначе, какъ по реализаціи, т. е. по продажѣ всего количества произведенныхъ продуктовъ. Крупное капиталистическое производство можетъ возникнуть и существовать, опираясь на массовое производство, продукты каждой отрасли его уже заранее разсчитаны на рынокъ, превышающій потребности въ нихъ рабочихъ и предпринимателей, занятыхъ во всѣхъ отрасляхъ капиталистической промышленности; значитъ, оно можетъ существовать, опираясь на массовый сбытъ, продукты его должны удовлетворять потребности болѣе многочисленнаго класса населенія, стоящаго внѣ предѣловъ капиталистическаго производства. Кромя того, хотя реализація и возмѣщеніе постоянной части стоимости затраченной на производство продукта и входящей элементъ въ его валовую стоимость, происходитъ при покупкѣ этихъ элементовъ капиталистами одной отрасли промышленности у другой, но весьма значительная часть постоянного капитала,—сырой и вспомогательный матеріалъ, волокнистыя вещества, зерно,—словомъ, всѣ сырые матеріалы органическаго происхожденія,—получается

изъ селскаго хозяйства, т. е. такого производства, въ которомъ годовое рабочее время, по естественнымъ условіямъ и по условіямъ развитія капиталистическаго производства, постоянно сокращается. Но хѣръ капитализаціи промышленности, доставляя преимущественно элементъ постоянного капитала, средства производства, оно предъявляетъ относительно все меньшій и меньшій запросъ на средства существованія у обрабатывающей капиталистической промышленности. Къ тому же, по условіямъ производства, оно находится внѣ предѣловъ капитализма.

Такимъ образомъ, вся стоимость продуктовъ крупнаго производства можетъ реализоваться, и само оно можетъ возникнуть лишь при сбытѣ его продуктовъ лицамъ, не принимающимъ непосредственнаго участія въ капиталистическомъ производствѣ. Только при этомъ условіи можетъ реализоваться также и заключающаяся въ нихъ прибавочная стоимость. Только при этомъ условіи предприниматель имѣетъ возможность достигнуть цѣли своихъ стремленій—полученія прибыли *). Это совершенно ана-

*) Однимъ изъ критиковъ „Очерковъ пороформеннаго хозяйства“, гдѣ, между прочимъ, проводится та же самая мысль, по его выраженію, „догадывается“, что авторъ имѣлъ въ виду указать на невозможность потребленія капиталистами своей прибыли въ томъ случаѣ, если она изготовлена въ видѣ предметовъ необходимости, рассчитанныхъ на широкую массу потребителей. Отсюда слѣдуетъ только тотъ выводъ, замѣчаетъ догадливый критикъ, что часть прибавочной стоимости, составляющая потребительный фондъ капиталистовъ, должна быть изготовлена въ видѣ предметовъ роскоши“ (С. Булгаковъ: „О рынкахъ при капиталистическомъ хозяйствѣ“. М. 1897, стр. 242). „Догадка“ критика ни на чемъ не основана. Мы, какъ въ томъ мѣстѣ „Очерковъ“, на которое ссылается г. Булгаковъ, такъ и въ настоящее время, имѣемъ въ виду указать не на „невозможность потребленія капиталистами своей прибыли“, а на невозможность самой реализаціи прибыли при условіи существованія рынка, ограниченнаго фабричными рабочими и предпринимателями. Въ „Очеркахъ“ прямо говорится, что капиталистическое производство прежде всего захватываетъ такіе отрасли промышленности, которыя занимаются производствомъ продуктовъ, рассчитанныхъ на широкій сбытъ, стало быть, такихъ, которые бы удовлетворяли потребности наиболѣе широкаго круга потребителей, какъ, напримѣръ, обработка волокнистыхъ веществъ, „что оно заранее рассчитываетъ на обширный кругъ потребителей, — но именно потому, что продукты рассчитаны на обширный рынокъ, они не могутъ быть потреблены (кроме рабочихъ) небольшою кучкой самихъ предпринимателей“ (стр. 204). Это значитъ, что число всѣхъ фабрикантовъ и заводчиковъ слишкомъ незначительно, чтобы купить для потребленія все количество продуктовъ, изготовленныхъ какою нибудь отдѣльною группою фабрикантовъ, скажемъ, владѣльцевъ ситценабивныхъ фабрикъ. А послѣднія могутъ возникнуть и существовать лишь при массовомъ сбытѣ; только при этомъ условіи возмѣщаются всѣ составныя части стоимости продукта, значить, и прибавочная стоимость. А не будучи проданными въ тѣхъ размѣрахъ, въ какихъ этого требуетъ производство, для возмѣщенія всѣхъ издержекъ производства, они не принесутъ предпринимательской прибыли: прибыль хотя и будетъ произведена, но реализована она не будетъ. Что же касается до утвержденія представителей

логично тому, какъ при финансовой системѣ, построенной на косвенномъ обложеніи, государственное хозяйство будетъ процвѣтаетъ лишь въ томъ случаѣ, когда косвенными налогами (акцизамъ, таможенными пошлинами) будутъ обложены предметы потребленія большинства населенія, необходимыя средства его существованія, а не одни только предметы потребленія меньшинства, не предметы роскоши.

Основное условіе всякаго производства заключается въ удовлетвореніи потребительныхъ нуждъ общества. Когда производство становится капиталистическимъ, то и оно можетъ достигнуть своей цѣли, заполученія прибыли, наживы, только при изготовленіи предметовъ, необходимыхъ для личнаго потребленія, или такихъ, которые служатъ средствомъ для производства предметовъ потребленія. А для того, чтобы заполучить прибыль въ сколько нибудь значительномъ размѣрѣ, предприниматель долженъ производить на обширный кругъ потребителей. „Единственное условіе (при производствѣ продукта капиталистомъ) заключается въ томъ, чтобы онъ (продуктъ) обладалъ дѣйствительною потребительною формою, чтобы онъ былъ полезною вещью, которая наложила бы на него печать члена товарнаго міра, способнаго къ обращенію“ (Кап., II, 328) *).

такъ называемаго народничества, будто уже реализованную прибыль предприниматели не въ состояніи потратить и не знаютъ, что съ нею дѣлать, то это, конечно, такая же нелѣпость, какъ утвержденіе ихъ противниковъ, что капиталистическое производство самодовлѣющее. Еще менѣе основательно утвержденіе тѣхъ представителей народническаго направленія, которые думаютъ, что если бы не развитіе милитаризма, то несчастные милліонеры не знали бы, что дѣлать со своими милліонными доходами. И тому, и другому утвержденію представителей народничества противорѣчатъ гигантскій ростъ доходовъ немногихъ крупныхъ предпринимателей именно въ тѣхъ странахъ, которыхъ наименѣе коснулось развитіе милитаризма, именно Англіи и въ особенности С. Штатахъ. Вспомнимъ всѣхъ Гульдовъ, Рокфеллеровъ и пр. А съ другой стороны, вспомнимъ, какое множество университетовъ, обсерваторій и пр. существуетъ въ Америкѣ на пожертвованія мѣстныхъ милліонеровъ...

*) Этой крайне элементарной истинѣ никакъ не можетъ понять г. Рудгаковъ. На то положеніе, сдѣланное въ „Очеркахъ“, что сокращеніе внутренняго рынка для продуктовъ капитализма происходитъ въ слѣдствіе именно того, что „нація эта капиталистическая, раздѣленіе общественныхъ силъ которой направлено не на удовлетвореніе дѣйствительныхъ потребностей населенія, а на удовлетвореніе потребленія платящаго“, г. Рудгаковъ дѣлаетъ такое замѣчаніе: „просто не вѣрится, что на этой же самой 205 стр. („Очерковъ“ и т. д.) всего 7-ю строками выше, тотъ же авторъ говоритъ: „ничто не можетъ быть ошибочнѣе того мнѣнія, что главный мотивъ капиталистическаго производства—личное потребленіе!“ (О рынокъ и т. д. стр. 244). Мотивъ—да; цѣль, которой стремится достигнуть капиталисты—прибыль, нажива; но средство для этого—наготовленіе полезныхъ вещей, удовлетворяющихъ какую нибудь потребность. Какой нибудь продуктъ труда, товаръ, только до тѣхъ поръ и имѣетъ мѣстовую стоимость, пока обладаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ потребительной стоимостью. При этомъ, по

Хозяйственный строй общества, въ которомъ развивается капиталистическое производство, подвергается коренному преобразованию. Самымъ существеннымъ послѣдствиемъ его является отдѣленіе отъ сельскаго хозяйства обрабатывающей промышленности и включеніе продуктовъ его въ область товарнаго обмѣна, созданіе и расширеніе внутренняго рынка для продуктовъ капиталистической обрабатывающей и добывающей промышленности. Но такое разобщеніе этихъ двухъ крупнѣйшихъ отдѣловъ, на которыхъ можно подраздѣлить всю народную промышленность, оставляетъ неиспользованными массы рабочихъ силъ и рабочаго времени у лицъ, занимающихся земледѣліемъ, и этимъ самымъ лишаетъ ихъ возможности производить что-либо, что могло бы служить для обмѣна на продукты обрабатывающей промышленности. Чѣмъ дальше и глубже идетъ такое отдѣленіе обрабатывающей промышленности отъ земледѣлія, тѣмъ расширеніе внутренняго рынка для обрабатывающей промышленности становится все медленнѣе и медленнѣе, пока совершенно не остановится. Приближеніе этого момента указываетъ на необходимость заполученія внѣшняго рынка. И это совершенно независимо отъ другого момента, уменьшающаго размѣры внутренняго рынка, т. е. стремленія капиталистическаго производства ограничить рабочаго, какъ продавца рабочей силы, минимумомъ цѣны; не смотря на то, что въ то же время „каждому капиталисту, конечно, хочется, чтобы рабочій покупалъ именно его товары“. (Кап. II, 397).

Въ С.-А. Штатахъ эта фаза развитія внутренняго рынка давно прошла. Тамъ рынокъ для продуктовъ капиталистической промышленности расширяется, какъ мы видѣли, благодаря численному приросту земледѣльческихъ самостоятельныхъ хозяйствъ, благоприятнымъ условіямъ отчужденія ихъ продуктовъ, а также, прибавимъ, высокому уровню потребностей массы населенія, хозяйственные силы котораго не истощались ни высокими податями, ни отвѣщеніемъ рабочихъ силъ на военную службу, ни непродуцательною тратою ихъ на производство военныхъ матеріаловъ, сооружений и пр., и пр. Но когда численный приростъ земледѣльческихъ хозяйствъ сталъ уменьшаться, когда капитализація промышленности дошла до высокой степени, и, какъ послѣдствіе этого,

мѣръ сокращенія сбыта предметовъ потребления, по мѣрѣ сокращенія внутренняго рынка, вслѣдствіе уменьшенія покупательной способности населенія, происходящей вслѣдствіе капитализаціи промысловъ и другихъ причинъ, достиженіе этой цѣли—нажива—становится все болѣе и болѣе затруднительнымъ: продажа продуктовъ, а стало быть, реализація прибыли, становится менѣе возможною. Не понявъ этого, г. Булгаковъ навязываетъ еще своему противнику нелѣпицу, будто онъ „видитъ главную трудность помѣщенія прибавочной стоимости (не помѣщенія, а продажи продуктовъ, т. е. *реализаціи* ея) въ невозможности для капиталистовъ ее потребить“.

когда стала уменьшаться потребительная способность сельского населенія, т. е. относительнаго большинства его, то вмѣстѣ съ тѣмъ начали появляться признаки задержки развитія капиталистической промышленности, и, въ концѣ концовъ, разразился промышленный кризисъ. Кризисъ этотъ обострился еще вслѣдствіе того, что покупательная способность относительнаго большинства населенія штатовъ, сельскаго, еще болѣе уменьшилась, вслѣдствіе паденія цѣнъ на сельскохозяйственные продукты, но главными образомъ вслѣдствіе паденія хлѣбныхъ цѣнъ ниже ихъ мѣстнаго средняго уровня.

Не надо, впрочемъ, забывать что самый механизмъ капиталистическаго производства заключается въ себѣ всѣ данныя для возникновенія кризиса. Представимъ себѣ тотъ моментъ промышленной жизни какой нибудь страны, когда промышленный кризисъ со своей безработицей, приостановкой производства только что миновалъ; какъ это было, напримѣръ, въ С.-А. Штатахъ въ 1886 году. Многія предпріятія рухнули; многія состоянія или совсѣмъ исчезли, или перешли въ „болѣе крѣпкія руки.“ Болѣе крупныя предпріятія, пережившія кризисъ, къ которымъ частью перешли состоянія менѣе удачливыхъ соперниковъ,—подавленными только что пережитыми невзгодами, вступаютъ въ „меланхолическій“ періодъ промышленнаго цикла. Но лица, образующія націю, продолжаютъ жить, и какъ живыя существа требуютъ удовлетворенія своихъ потребностей, хотя возможность такого удовлетворенія уменьшается. Огромныя количества товаровъ, произведенныхъ въ періодъ расцвѣта промышленности, непосредственно предшествовавшій кризису, мало по малу потребляются или же обращаются въ нигуда негодный хламъ. Возникаетъ потребность дальнѣйшаго производства. Предпріятія, выжившія въ борьбѣ за существованіе, для заполученія болѣе широкаго рынка стремятся удешевить производство товаровъ, а для этого у нихъ есть только одно средство—повысить производительность труда своихъ рабочихъ введеніемъ усовершенствованныхъ машинъ, пріемовъ работъ т. п. Прежніе запасы товаровъ совсѣмъ подбираются. Потребность въ производствѣ новыхъ товаровъ возрастаетъ все болѣе и болѣе. Прибыль повышается. Возникаютъ новыя предпріятія, заводы, фабрики, которые для оборудованія требуютъ затратъ огромныхъ массъ элементовъ производительнаго капитала, которые выносятся къ жизни возникшимъ на нихъ запросомъ; ихъ привлекаетъ съ рынка, а вмѣсто нихъ вносятъ ихъ денежный эквивалентъ. Вслѣдствіе всего этого „запросъ со стороны лицъ способныхъ платить повышается; между тѣмъ какъ сами они не доставляютъ съ своей стороны какихъ-бы то ни было элементовъ предложенія, ни средствъ производства, ни средствъ существованія. По этому-то цѣны какъ средствъ существованія, такъ и средствъ производства повышаются. Къ тому-же, такъ какъ въ это время

измышляются самыя сумасбродныя предпріятія, то происходят большія перемѣщенія капиталовъ. Обогащается шайка спекулянтовъ, подрядчиковъ, инженеровъ, адвокатовъ и т. п. Съ ихъ стороны на рынкѣ возникаетъ большой запросъ на предметы потребления; вмѣстѣ съ тѣмъ повышается заработная плата... Въ теченіе этого времени возрастаетъ ввозъ чужеземныхъ стѣсныхъ прѣдасовъ (кофе, сахаръ, вино и пр.) и предметовъ роскоши. Отсюда избытокъ ввоза и спекуляція въ этой странѣ ввозной торговли. Съ другой стороны въ тѣхъ отрасляхъ промышленности, гдѣ производство можетъ увеличиться быстро (обработывающая промышленность, горное дѣло и т. д.), повышеніе цѣнъ производитъ быстрое расширеніе его, за которымъ быстро послѣдуетъ крушеніе.“ (Кап. II 282). Увеличивается перевозка товаровъ по желѣзнымъ дорогамъ, прибыль ихъ повышается. Отсюда спекуляція и желѣзнодорожными акціями, и акціями другихъ промышленныхъ предпріятій. Требованіе денежныхъ капиталовъ для расширенія предпріятій, для предпріятій вновь возникающихъ, для спекуляціи и т. д. повышаетъ учетный и ссудный проценты, а вмѣстѣ съ тѣмъ прибыль банковъ, что вызываетъ повышеніе цѣнъ ихъ акцій и спекуляцію послѣдними...

Но, какъ все въ подлунной, и этотъ высшій развѣтъ промышленности и торговли, а слѣдовательно производство и реализація прибавочной стоимости во всѣхъ ея видахъ — предпринимательской и торговой прибыли, процента, ренты, — въ размѣрахъ значительно превышающихъ обычные, долго продолжаться не могутъ. Дѣйствительно, „какъ только прибавочный трудъ, которой можно извлечь, овеществленъ въ товаръ, прибавочная стоимость произведена. Но такимъ производствомъ прибавочной стоимости заканчивается только первый актъ капиталистическаго процесса производства, непосредственный процессъ производства. Капиталъ всосалъ такое-то количество неоплаченного труда. Теперь наступаетъ другой актъ процесса. Все количество товаровъ — какъ та часть, которая возмѣщаетъ постоянный и переменный капиталъ, такъ и та, въ которой овеществляется прибавочная стоимость, — весь продуктъ долженъ быть проданъ... Условія непосредственной эксплоатаціи и условія ея реализаціи не тождественны. Они не только не совпадаютъ по времени и по мѣсту, но представляютъ собою понятія совершенно различныя. Одни ограничиваются производительными силами общества, другія — соразмѣрностью различныхъ отраслей производства и *потребительною способностью общества* (курсивъ нашъ). Послѣдняя же опредѣляется не абсолютною производительною силою и не абсолютною потребительною способностью, но потребительною способностью на почвѣ соперничающихъ условій распредѣленія, сводящихъ потребленіе значительнѣйшаго большинства общества къ наименьшей величинѣ, замѣняющей лишь въ болѣе или

меніе узкихъ предѣлахъ. Она затѣмъ ограничивается стремленіемъ къ накопленію, къ увеличенію капитала, къ производству прибавочной стоимости въ болѣе широкихъ размѣрахъ. Это законъ для капиталистическаго производства, данный постоянными переворотами въ самыхъ способахъ производства, сопряженными... съ необходимостью усовершенствовать производство, расширить его размѣры только ради сохраненія капитала, подъ угрозой потери ея. Поэтому рынокъ долженъ постоянно расширяться. ...Внутреннее противорѣчіе пытается разрѣшиться расширеніемъ внѣшняго поля производства. Но, чѣмъ болѣе развивается производительная сила, тѣмъ она болѣе впадаетъ въ противорѣчіе съ узкимъ базисомъ, на которомъ основываются условія потребления". (Кап., III, 188—189). Точно также и въ разсматриваемомъ нами случаѣ потребление огромнѣйшаго большинства общества, если и увеличивается въ это время, то очень незначительно, гораздо медленнѣе роста производительныхъ силъ; тѣмъ болѣе, что хотя „рабочіе, какъ покупатели товара, важны для рынка, но капиталистическое общество имѣетъ стремленіе ограничить ихъ минимумомъ цѣны какъ продавцевъ собственнаго товара—рабочей силы. Тѣ эпохи, когда капиталистическое производство напрягаетъ всѣ свои силы, оказываются, постоянно эпохами избыточнаго производства, потому что силы производства не могутъ быть прилагаемы безъ того, чтобы не только производилось при этомъ больше стоимости, но чтобы она могла быть реализована. Но продажа товара, реализація товарнаго капитала, а слѣдовательно также прибавочной стоимости, ограничена не только предѣлами потребительныхъ нуждъ вообще (курсивъ нашъ), но потребительными нуждами такого общества, большая часть котораго бѣдна и которая должна оставаться бѣдною" (Кап., II, 232).

Вотъ почему періодъ расцвѣта промышленности уже таитъ въ данности для надвигающагося кризиса *), притомъ тѣмъ болѣе остро, чѣмъ болѣе несоотвѣтствіе между развитіемъ производительныхъ силъ и потребительными нуждами такого общества, большая часть котораго не только бѣдна, но относительно все болѣе и болѣе бѣднѣетъ.

Все это блистательно подтверждается ходомъ развитія обрабатывающей и добывающей промышленности въ С.-А. Штатахъ.

*) Ср. также Капиталъ, III, 104 — 208. Вся эта часть заканчивается слѣдующими словами: „Чрезвычайная производительная сила, сравнительно съ населеніемъ, развивающаяся въ предѣлахъ капиталистическаго производства, хотя и не въ одинаковомъ соотношеніи, ростъ капитальной стоимости (не одного только матеріальнаго содержанія), увеличивающійся несравненно быстрѣ прироста населенія, противорѣчитъ постепенно суживающемуся основанію (суживающемуся, сравнительно съ приростомъ богатства), для котораго дѣйствуетъ такая чудовищная производительная сила, а также условіямъ увеличенія стоимости такого нарастающаго капитала. Отсюда—кризисы".

Примѣръ этой страны поучителенъ въ особенности вслѣдствіе того, что промышленность ея удовлетворялась до самаго послѣдняго времени почти исключительно внутреннимъ рынкомъ, развитіе котораго обуславливалось главнымъ образомъ численнымъ приростомъ земледѣльческихъ хозяйствъ. Но, когда къ общимъ причинамъ, вызывающимъ описанныя фазы, черезъ которыя проходитъ промышленность въ капиталистической формѣ, завершающаяся кризисомъ, присоединить вліяніе того слоя, члены котораго, какъ производители, стоятъ болѣе или менѣе внѣ условій капиталистическаго производства, вытягиваясь въ круговоротъ его обіновъ, именно фермерство, крестьянство; когда оно начинаетъ суживать свои потребительныя нужды, вслѣдствіе ли недостаточнаго численнаго прироста самостоятельныхъ хозяйствъ, вслѣдствіе ли глубже и глубже идущей капитализаціи промысловъ, которые до того находились въ его рукахъ, или же, наконецъ, вслѣдствіе паденія цѣнъ производимыхъ ими продуктовъ ниже ихъ мѣстной стоимости,—то кризисъ увеличивается еще болѣе. Наконецъ, если всѣ перечисленные причины дѣйствуютъ одновременно, то онъ обостряется до крайней степени, какъ это съ поразительною наглядностью обнаружилось на примѣрѣ такой богатой страны какъ С.-А. Штаты, въ 1898—96 годахъ, гдѣ мы дѣйствительно видимъ, что „конечною причиною всѣхъ дѣйствительныхъ кризисовъ все-таки остается бѣдность и ограниченность потребления массъ, сравнительно со стремленіемъ капитала развивать производственную силу такимъ образомъ, какъ будто предѣлы такому развитію ставятся абсолютною потребительною способностью общества“. (Капиталъ, III, 395).

Но вотъ наступаетъ 1897 годъ. Въ Россіи, въ значительной части хлѣбородныхъ губерній,—неурожай. Вся Европейская Россія вмѣсто 461,8 милл. бушелей пшеницы, произведенныхъ ею въ 1898 году, въ 1897 году произвела всего 283 милліона. Аргентина въ 1898—4 г., вывезшая 56 мил. буш. пшеницы, въ 1896—1897 г., точно также вслѣдствіе неурожая, была въ состояніи вывезти всего 4 мил. бушелей. Британская Индія, въ 1898—4 г. давшая 278—253 милл. бушелей пшеницы, въ 1897 г. произвела всего 176 милл. Между тѣмъ, какъ С.-Ам. Штаты, вмѣсто 896—460 милл. буш. въ 1898—94 г., цѣнностью въ 218—225 милл. дол., въ 1897 г. произвели 580 милл., цѣнностью въ 428 милл. дол., а въ 1898 году даже 675 милл. бушелей, точно также при неурожай или невысокомъ урожаѣ въ соперничающихъ странахъ Урожай хлопка оказался въ послѣдніе годы также высокій, 8,7 милліоновъ кипъ въ 1896—7 году, и даже 11,2 милл. въ 1897—8 г., противъ 7—9 мил. въ 1898 и 1894 гг., точно также при болѣе высокихъ цѣнахъ *).

*) Любопытно, что послѣ цѣлаго ряда лѣтъ, въ продолженіе которыхъ цѣнность скота падала, съ 1896 года наступила реакція: въ этомъ году,

Покупательная способность сельскаго населенія значительно повысилась, оно предъявило требованія на продукты обрабатывающей промышленности. Кризисъ миновалъ; снова наступилъ расцветъ промышленности. Но еще во время кризиса предприниматели стали подумывать о вѣншнемъ рынкѣ. Наученные горькимъ опытомъ, они уже перестали довольствоваться внутреннимъ рынкомъ своей страны, видя, что производительныя силы въ своемъ развитіи далеко превзошли запросъ на продукты, обусловленный покупательной способностью относительно наиболѣе многочисленнаго класса населенія, сельскаго. Пользуясь монополіею на внутреннемъ рынкѣ и высоко развитою производительностью труда, — высоко развитою, вслѣдствіе массы свободныхъ земель, заселявшихся пришлымъ и мѣстнымъ рабочимъ населеніемъ, и происшедшемъ вслѣдствіе этого недостаткомъ промышленной запасной арміи, а слѣдовательно относительно дороговизной рабочей силы, — они со свойственной имъ энергіей стали быстро завоевывать вѣншній рынокъ для продуктовъ обрабатывающей и добывающей промышленности. Такъ, въ концѣ 80-хъ и въ началѣ 90-хъ годовъ изъ всего вывоза, достигавшаго 750—870 милл. долларовъ, около 75% приходилось на продукты сельскаго хозяйства, а въ 1898 году, не смотря на то, что вывозъ поднялся до 1254 милл. долл., и что на сельскохозяйственные продукты приходится 863 милл. дол., относительная доля цѣнности ихъ во всемъ вывозѣ понизилась до 69%, между тѣмъ, какъ относительная цѣнность вывоза продуктовъ обрабатывающей и добывающей промышленности повысилась больше чѣмъ на 50%, съ 25 до 80% слѣшкомъ, а абсолютная сумма ея увеличилась больше, чѣмъ на 85%, съ 200 милл. до 375 милл. долларовъ.

Пользуясь указанными условіями, г. е. монополіею внутреннего рынка и высокою производительностью труда своихъ рабочихъ, они стали конкурировать даже съ англичанами. Въ настоящее время С.-А. Штаты производятъ тонну бессемеровской стали на 10—15 шил. дешевле, чѣмъ въ Англіи, такъ что американцы могутъ конкурировать съ англичанами не только въ Индіи, но даже въ самой Англіи, въ Лондонѣ, куда поставили рельсы для подземной желѣзной дороги. При постройкѣ большого желѣзнодорожнаго моста въ Голландіи одинъ изъ заводовъ въ Филладелфіи получилъ при публичныхъ торгахъ заказъ, такъ какъ назначилъ самую низкую цѣну (изъ отчета американскаго консула во Франкфуртѣ на М., „Тор. Пром. Газета“ 1898, № 77). Насколько быстро росла добыча желѣза въ Ам. Штатахъ, а съ нею и вывозъ, можно видѣть изъ слѣдующихъ данныхъ. Въ 1881—1885 гг.

благодаря улучшившемуся положенію фермерскаго хозяйства, вслѣдствіе вышеприведенныхъ условій, цѣнность скота начала повышаться, хотя она еще далеко не достигла уровня, бывшаго нѣсколько лѣтъ тому назадъ.

было выплавлено чугуна въ А. Штатахъ 4,370 тыс. метрическихъ тоннъ, а въ 1897 г. уже 9,807 т. м. тоннъ; въ первомъ случаѣ это число составляло 22,9% мировой добычи чугуна, а во второмъ—81,6%. Изъ С.-А. Штатовъ желѣза было вывезено въ 1880 году на 15,156 тыс. дол., а ввезено на 80,441 т. дол. въ 1893 году желѣза было вывезено на 70,867 тыс. дол., а ввезено на 12,626 т. дол. Такое быстрое увеличеніе добычи и вывоза шло на счетъ сокращенія добычи и вывоза Англии, которая лѣтъ 18 тому назадъ добывала 18 милл. тоннъ въ рудѣ, а въ 1898 г. всего 13 милл. тоннъ („Торг. Пр. Газета“ 1899, № 25).

Достигнуть этого результата американцы могли, во первыхъ, благодаря высокой производительности труда американскихъ рабочихъ, тѣмъ техническими приспособленіями, которыя употребляютъ ими для добычи руды, для доставки ея на мѣсто обработки и для выработки изъ нея чугуна, желѣза, стали и т. д. (очень поучительныя данныя въ этомъ отношеніи въ томъ 11-ой переписи: „Mineral industries“); а, во вторыхъ, сосредоточеніемъ большинства предпріятій въ однѣ руки, устройствомъ картелей, монополизацией производства данной отрасли промышленности страны. Такъ, синдикатъ American Steel and Wire С°, владѣющій капиталомъ въ 90 мил. долларовъ, охватываетъ значительную часть производства этой отрасли, произведи въ 1898 г. на 52—60 мил. долларовъ. Отпускъ проволочныхъ гвоздей изъ А.-Штатовъ, въ 1888 году доходившій лишь до 1547 т. фунт., въ 1898 поднялся до 22,894 т. ф. Но въ то же время цѣны на проволочныя лѣдки внутри страны повысились на 10%. Не довольствуясь этимъ, въ настоящее время американскіе предприниматели имѣютъ въ виду организовать величайшій въ мірѣ трестъ, который долженъ объединить всѣ отрасли металлургической промышленности С. Штатовъ, всѣ желѣзо и сталелѣтельные, цинковые, жестяные и подобныя заводы, съ капиталомъ до 500 — 700 мил. долларовъ, такъ чтобы онъ сталъ такимъ же монополистомъ, какъ Standart Oil С°. („Т. Пр. Газ.“ № 86, 1899). Идетъ также рѣчь объ организаціи мѣднаго треста, съ капиталомъ въ 1000 милліоновъ долларовъ, который охватилъ бы всю добычу мѣди С.-А. Штатовъ; а въ нихъ добывается болѣе 55% всей мировой добычи мѣди. Вообще послѣдніе годы именно и характерны тѣмъ, что продукты американской обрабатывающей и добывающей промышленности какъ-то сразу вторглись на открытый всемірный рынокъ, и не только вытѣсняють продукты другихъ промышленныхъ странъ, но конкурируютъ съ ними даже на мѣстныхъ рынкахъ наиболѣе промышленныхъ странъ: въ Англии на желѣзномъ рынкѣ, въ Германіи на бумаготкацкомъ и пр. *).

*) Такъ, напримѣръ, когда Германія повысила свой вывозъ въ 1898 г. на 100 мил. рублей или на 5,6%, противъ 1897 года, С.-А. Штаты уве-

Но все это заполученіе иностранных рынковъ производится за счетъ мѣстнаго населенія, главнымъ образомъ сельскаго; все это производится подѣ охраною таможенныхъ пошлинъ, позволяющихъ брать за покровительствуемые товары цѣны, далеко превышающія размѣры среднихъ цѣнъ, по которымъ можно было бы продавать производимые товары съ обычномъ прибылью. По отношеніи къ цѣнности, въ началѣ 80-хъ годовъ средняя норма обложенія товаровъ, обложенныхъ пошлиною, составляетъ 42—43%, а въ началѣ 90-хъ годовъ—49—50% *).

Но, недовольствуясь захватомъ иностранных рынковъ, американцы расширяютъ вооруженною силою внутренній рынокъ. Такъ они захватили Сандвичевы, Вестъ-Индскіе и Филиппинскіе острова, и затѣмъ бросаютъ очень недвусмысленные похотливые взоры на Китай, Ю. Америку и т. д. Они присоединяютъ къ своимъ владѣніямъ мѣстности, обладающія огромными естественными богатствами. Достойно вниманія то обстоятельство, что захваты эти производятся въ тропическихъ странахъ, если считать имитѣ, которыя лежатъ въ предѣлахъ между 80 градусами къ сѣверу и къ югу отъ экватора; а на эти страны, по вычисленію автора „Social Evolution“, Бенджамина Кидда,—въ недавнюю вышедшей его книгѣ „The control of the Tropics“, 1898,—приходится около 44% всей внѣшней торговли Англіи и С. Штатовъ.

Такимъ образомъ рынокъ для продуктовъ обрабатывающей и добывающей промышленности С.-А. Штатовъ расширился до тѣхъ поръ, пока происходилъ приростъ отдѣльныхъ земледѣльческихъ хозяйствъ, пока условіи сбыта продуктовъ производства этихъ хозяйствъ на всемірномъ рынкѣ были особенно благоприятны для нихъ, пока они могли сбывать ихъ выше мѣстной стоимости. Но какъ только эти условія измѣнились, когда цѣны на сельскохозяйственные продукты упали, когда появились аргентинскіе и другіе соперники, началось сперва медленное, а затѣмъ быстрое сокращеніе покупательныхъ средствъ, поведшее къ кризису тѣмъ болѣе острому, чѣмъ сильнѣе было такое сокращеніе. Когда вслѣдъ затѣмъ условія сбыта сельско-хозяйственныхъ продуктовъ наизмѣнились опять къ лучшему, то это вновь повело къ увеличенію запроса на продукты обрабатывающей промышленности. Но производительныя силы и потребность расширенія капиталистическаго производства далеко превышали размѣры внутренняго рынка. Началось завоевываніе внѣшняго, притомъ на

личили его на 310 мил. руб., или на 14%. При этомъ вывозъ Англіи остался прежнимъ, а вывозъ Франціи упалъ.

*) Почти запретительныя ставки американскаго тарифа повели къ тому, что ввозъ иностранныхъ товаровъ съ 844—827 мил. дол. въ 1891—1892 гг. упалъ до 633 мил. въ 1898 году, на 25%; мѣстные фабриканты и заводчики, ставъ хозяевами положенія внутри страны, бросились на завоеваніе внѣшнихъ рынковъ.

столько успешное, что как будто начинает сбываться пророчество Энгельса (хотя и не под влиянием той причины, на которую указывал он), который еще в началѣ 1893 года писалъ, что „принятіе Америкой политики хотя бы относительной свободы торговли, несомнѣнно окончательно уничтожить промышленную монополию Англіи и въ то же время совершенно убьетъ вывозную торговлю Германіи и Франціи. Вотъ тогда-то наступитъ кризисъ tout ce qu'il y a de plus fin de siècle“ *).

VI.

Всѣ данныя хозяйственной жизни какъ С.-А.-Штатовъ, такъ и русской указываютъ на то, что внутренній рынокъ для продуктовъ капиталистической промышленности расширялся и продолжаетъ расширяться и въ ширь, и въ глубь исключительно вслѣдствіе капитализаціи земледѣльческихъ доходовъ и капитализаціи промысловъ.

На это можно возразить, что, вѣроятно, у насъ есть еще какая-нибудь особенная причина развитія капиталистической промышленности, такъ какъ чрезвычайный подъемъ ея замѣчается именно въ послѣдніе годы. Конечно есть, и именно въ послѣдніе годы. Причина эта—предпринятая въ послѣднее время постройка желѣзныхъ дорогъ и, главнымъ образомъ, великаго сибирскаго пути. При описаніи фазъ промышленнаго цикла мы только что видѣли, что начинается онъ съ огромныхъ затратъ денежнаго капитала. Какъ при возникновеніи каждаго промышленнаго предприятия, и здѣсь, при постройкѣ желѣзныхъ дорогъ, требуется затрата крупнаго, въ данномъ случаѣ колоссальнаго денежнаго капитала для извлеченія съ рынка капитала въ производительной

*) Для поясненія мысли Энгельса о влияніи пониженія американскихъ таможенныхъ пошлинъ на уничтоженіе промышленной монополіи Англіи приводимъ слѣдующія его соображенія по этому поводу: „Единственная страна, въ которой въ наши дни возможна такая же, или приблизительно такая же высокая прибыль (какая въ Россіи), въ главныхъ отрасляхъ промышленности, это—С.-А. Штаты. Тамъ покровительственный тарифъ, принятый послѣ междоусобной войны, а въ настоящее время тарифъ Мак-Кинлея, имѣлъ такіе же послѣдствія (какъ въ Россіи), и прибыль должна тамъ быть огромна, какъ это и есть на самомъ дѣлѣ. Тотъ фактъ, что это положеніе вещей зависитъ исключительно отъ тарифнаго законодательства, которое не сегодня—завтра можетъ быть измѣнено, совершенно достаточно, чтобы воспрепятствовать произведенію большихъ затратъ эмиссионнаго капитала (большихъ, сравнительно съ суммой затратъ мѣстныхъ капиталовъ) въ этихъ отрасляхъ промышленности, и этимъ самымъ не допускать основнаго источника соперничества и пониженія прибыли“. Американскіе предприниматели предпочли иную политику: оградивъ себя тарифомъ Дингги отъ вѣшняго соперничества, затѣмъ монополизировать производство при помощи трестовъ, они ринулись на завоеваніе всемірнаго рынка на счетъ своихъ соотечественниковъ...

формѣ. Мы видѣли, что при этомъ какъ число лицъ, способныхъ платить, такъ и запросъ съ ихъ стороны повышается, при чемъ сами они не выносятъ на рынокъ никакихъ элементовъ предложенья. Обогащается масса лицъ, причастныхъ къ дѣлу; они предъявляютъ запросъ на предметы потребленья. Цѣны на средства существованія и на матеріалы для производствъ повышаются. Возникаютъ новыя предпріятія. Вотъ эта-то причина, извлеченіе съ рынка капитала въ производительной формѣ, при помощи денежнаго капитала, получаемого преимущественно отъ обложенія косвенными налогами необходимыхъ средствъ существованія, т. е. главнымъ образомъ съ огромнаго большинства населенія; сельского,—эта-то причина дала сильный толчокъ развитію капиталистическаго производства, преимущественно тѣхъ изъ его отраслей, которыя занимаютъ изготовленіемъ средствъ производства—горной промышленности (железо, уголь), металлургіи, вагоно-и машиностроительной, а также тѣхъ, продукты которыхъ служатъ для нихъ сырымъ и вспомогательнымъ матеріаломъ, не говоря о тѣхъ отрасляхъ, которыя занимаютъ изготовленіемъ предметовъ личнаго потребленія.

Но все это развитіе обусловлено, главнымъ образомъ, огромными желѣзнодорожными постройками. Что произойдетъ, когда эта постройка кончится, когда прекратится золотой дождь, льющійся изъ казначейства на разныхъ предпринимателей, подрядчиковъ, инженеровъ и пр., попадающихъ даже на рабочихъ, когда стало быть производство самихъ средствъ производства окончится и они должны будутъ сами играть производительную роль, при прогрессивномъ оскудѣніи земледѣльческаго населенія, на счетъ котораго всѣ эти постройки производятся; значить при относительномъ сокращеніи внутренняго рынка; что произойдетъ послѣ того, когда онѣ произведутъ разлагающее дѣйствіе на хозяйственный строй тѣхъ мѣстностей, гдѣ онѣ пройдутъ; когда капитализація промысловъ и земледѣльческихъ доходовъ дойдетъ тамъ до определенныхъ предѣловъ,—это покажетъ не очень отдаленное будущее...

Иногда слышится, что высокая норма прибыли,—порой чрезмерно высокая,—получаемая въ различныхъ отрасляхъ обрабатывающей и добывающей промышленности, служитъ наилучшимъ признакомъ развитія капиталистическаго производства. Но это не такъ. Высокая прибыль обуславливается у насъ болѣе или менѣе монопольными цѣнами товаровъ, покровительствуемыхъ отраслей промышленностью. Въ борьбѣ соперничества на внутреннемъ рынкѣ выживаютъ предпріятія наиболѣе приспособленныя къ этой борьбѣ, наиболѣе крупныя, съ наибольшою производительностью труда. При этомъ ростъ производства такихъ крупныхъ фабрикъ и заводовъ обуславливается исчезновеніемъ не только домашней переработки сырого матеріала для собственнаго потребленія, но исчезновеніемъ

сначала кустарей, а затѣмъ болѣе мелкихъ фабрикъ и заводовъ. По мѣрѣ такого исчезновенія послѣднихъ, число остающихся фабрикъ уменьшается; выживаютъ наиболѣе приспособленные къ борьбѣ, а прибыль ихъ увеличивается. Ростъ нормы прибыли также мало можетъ служить признакомъ роста внутреннего рынка, какъ мало ростъ государственныхъ доходовъ отъ косвеннаго обложенія можетъ служить признакомъ роста потребленія облагаемыхъ продуктовъ, а слѣдовательно признакомъ роста народнаго благосостоянія (Ср. нашу статью: „Чѣмъ объяснить ростъ нашихъ государственныхъ доходовъ?“ „Новое Слово“, 1896, №5). Размѣръ прибыли отдѣльныхъ предпріятій, а также норма ея, можетъ повышаться, а валовая ея сумма, получаемая всѣмъ общественнымъ капиталомъ, можетъ при этомъ уменьшаться. И дѣйствительно, при относительномъ и абсолютномъ уменьшеніи покупательныхъ средствъ у наиболѣе многочисленныхъ слоевъ населенія, т. е. при сокращеніи рынка, вызванномъ причинами, коренящимися въ развитіи антагонистическихъ условій капиталистическаго производства, валовая сумма стоимостей вновь произведенныхъ всѣмъ общественнымъ капиталомъ встрѣчаетъ препятствія своему развитію. Распредѣленіе же ея съ теченіемъ времени можетъ пасть на то же смысль, что та часть ея, которая приходится на долю капитала, можетъ возрастать; затѣмъ, по мѣрѣ сокращенія рынка и по мѣрѣ сосредоточенія капитала, часть эта, хотя и будетъ уменьшаться абсолютно, но по отношенію къ оставшемуся затраченному общественному капиталу можетъ даже увеличиться *). Если на это скажутъ, что „капиталъ, оказавшійся излишнимъ въ одной отрасли промышленности, можетъ быть съ успѣхомъ (?) перенесенъ въ другую, новую область, гдѣ ему надобно будетъ, да и то не всегда,

*). Пояснимъ примѣромъ. Средняя годовая сумма производства одной крупной бумагопрядильни за 1886—91 гг. составляла 11.180 тыс. рублей. Средняя сумма прибыли, получившейся за это время, доходила до 1.021 тысячи руб. За 1894—95 годы средняя сумма производства на этой же фабрицѣ была 12.127 тыс. руб., а средняя прибыль достигла до 1.847 тыс. руб. Въ первомъ случаѣ сумма прибыли составила 9% со всей суммы производства (дойдя только въ 1888, наиболѣе урожайномъ году до 11%), а во второмъ уже 15% (въ 1895 г.—16½%). Сумма производства увеличилась на 8%, а сумма прибыли на 80%. Мы говоримъ о размѣрѣ, о суммѣ, а не о нормѣ прибыли. Что же касается до нормы прибыли, то она, вслѣдствіе увеличенія за то же время капитала около 20%, увеличилась, конечно меньше, чѣмъ на 80%, но все-таки увеличилась на 50%. При этомъ основной капиталъ увеличился болѣе чѣмъ на 25%, а слѣдовательно и та часть его стоимости, которая переходитъ въ стоимость продукта, между тѣмъ какъ [оборотный капиталъ остался прежнимъ, если только не уменьшился. Число рабочихъ при этомъ увеличилось всего на 3,8%. Хотя при этомъ размѣры производства нѣсколько увеличились, но очевидно, что причиной роста размѣра прибыли и нормы ея было не это увеличеніе. Если бы они даже уменьшились, прибыль все-таки была бы болѣе прежней.

преодолѣть лишь вовсе неопасную конкуренцію производителей, держащихся допотопныхъ способовъ производства“ (гг. Волгинъ, Туганъ Барановскій), то этимъ только признають основное наше положеніе, что при развитіи у насъ капиталистическаго производства, сумма производительныхъ силъ остается прежнею, но что только распредѣляется она иначе, переходя въ пользованіе незначительнаго меньшинства. Но, признавая это, неизбѣжно приходится признать, что вмѣстѣ съ такимъ перераспредѣленіемъ силъ еще болѣе уменьшается покупательная способность населенія, причѣмъ возникновеніе новыхъ отраслей производства въ капиталистической формѣ должно вести къ сокращенію производства въ другихъ отрасляхъ промышленности, или, если потребности въ продуктахъ этихъ послѣднихъ менѣе настоятельна, то, быть можетъ, и къ совершенному ихъ исчезновенію.

Намъ извѣстно, что удовлетвореніе личныхъ и общественныхъ потребностей происходитъ въ извѣстной степениности, въ зависимости отъ развитія всей суммы производительныхъ силъ труда и отъ той части продуктовъ, которою, при данныхъ общественныхъ условіяхъ производства, можетъ располагать каждый изъ общественныхъ классовъ. Если данныя русской статистики указываютъ на уменьшеніе потребленія хлѣба, сырого матеріала для одежды и пр. по отношенію ко всей странѣ, т. е. указываютъ на уменьшеніе возможности удовлетворенія самыхъ насущныхъ потребностей, и если вмѣстѣ съ тѣмъ мы видимъ, что меньшинство богатѣетъ, то очевидно, что это можетъ произойти лишь вслѣдствіе обдѣленія большинства. Такъ что, дойдя до извѣстнаго предѣла, если стеновъ обогащенія немногихъ и не будетъ уменьшаться, то число этихъ немногихъ сократится вмѣстѣ съ сокращеніемъ валовой суммы капиталистическаго производства: капиталистическое производство само себя роетъ могилу, уничтожая имъ же самымъ созданный рынокъ.

VII

За послѣднее время у насъ появились экономисты (гг. Туганъ-Барановскій, Булгаковъ), чуть ли не оспаривающіе одинъ у другого открытіе, что капиталистическое производство досталаиетъ само себя рынокъ, что оно самодовлѣющее и можетъ развиваться и существовать безъ вѣшняго рынка.

Изъ всего вышеизложеннаго ясно, насколько подобное утвержденіе мало отвѣчаетъ фактамъ и теоріи, или, какъ сказалъ бы Марксъ, насколько оно *historisch und begrifflich falsch ist*.

Въ основу такого ошибочнаго представленія эти экономисты кладутъ схему распредѣленія общественнаго производства на два крупныхъ отдѣла: на изготовленіе средствъ производства и на изготовленіе предметовъ личнаго потребленія, схему, построенную

Марксовъ. Но эти ученые забываютъ, что Марксъ смотрѣлъ на такую схему именно какъ на схему, а не какъ на дѣйствительность. И, во-вторыхъ, при построении ея онъ, предполагая существованіе капиталистическаго производства во всѣхъ отрасляхъ промышленности въ замкнутомъ государствѣ, не думалъ, конечно, считать такое предположеніе за фактъ дѣйствительной жизни, а прибѣгъ къ нему какъ къ методологическому приему, при помощи котораго всякія воздѣйствующія вліянія, нарушающія такое распределеніе, имъ сознательно устранялись, какъ это дѣлается всегда, когда кто либо желаетъ опредѣлить вліяніе какого либо одного фактора на изучаемое имъ явленіе. А наши ученые, принявъ предположеніе за реальный фактъ, забывъ, что законъ, которому подчиняется какое нибудь явленіе, есть лишь выраженіе того, что данными точно опредѣленными явленіями приводятъ только при отсутствіи воздѣйствующихъ вліяній къ опредѣленному результату, приняли предположеніе, возможное при отсутствіи цѣлаго ряда условій, за реальный фактъ, долженствующій обнаруживаться при всѣхъ условіяхъ.

Вся схема Маркса построена имъ для нагляднаго объясненія того, что—при данныхъ размѣрахъ всего общественнаго капиталистическаго производства—вся стоимость, произведенная данными обществомъ въ продолженіе года, можетъ состоять только изъ стоимости, равняющейся переѣнному капиталу, плюсъ прибавочная стоимость. Для объясненія этого онъ и строитъ схему, по которой все общественное производство разбивается на два подраздѣленія, на изготовляющее средства производства и изготовляющее предметы личнаго потребленія. Въ каждомъ изъ нихъ средства производства, а слѣдовательно и стоимость ихъ, переходить отъ прошлаго года. Стоимость эта увеличивается въ текущемъ году на всю сумму труда, потраченнаго обществомъ на переработку этихъ средствъ производства (сырыхъ матеріаловъ, при помощи орудій труда). Это-то увеличеніе стоимости представляетъ единственную часть стоимости всего общественнаго продукта, полученную въ продолженіе текущаго года. Но вѣстѣ съ тѣмъ, чтобы условія задачи были выполнены, требуется, чтобы трудомъ текущаго года были произведены, кромѣ средствъ существованія рабочаго класса и класса предпринимателей, кромѣ, стало быть, товаровъ, стоимость которыхъ воплощена въ средства существованія обоихъ классовъ, еще средства производства, по стоимости равныя перешедшимъ отъ прошлаго года. Для того, чтобы это могло произойти, надо, чтобы все общественное производство распалось на эти два подраздѣленія такимъ образомъ, чтобы вся сумма средствъ существованія, а также ихъ стоимость, была какъ разъ равна суммѣ вновь произведенной стоимости въ обоихъ подраздѣленіяхъ. А это, конечно, при отсутствіи какого бы то ни было заранѣе обдуманнаго плана въ общественномъ производствѣ, положительно

невозможно. Если этот вопрос и разрешается жизнью, то разрешается окольным путем, при помощи конкуренции. Затѣмъ, разрешивъ этотъ вопросъ, авторъ переходитъ къ разрешенію другого, относительно уже болѣе легкаго: какимъ образомъ происходитъ воспроизводство всего общественнаго капитала при расширяющихся размѣрахъ производства.

Изъ этого краткаго, поэтому крайне не полнаго очерка значенія схемы, построенной Марксомъ, видно, что построеніемъ ея онъ имѣлъ въ виду лишь наглядно объяснить поставленную имъ для разрешенія задачу. Уже изъ самыхъ условій задачи видно, что авторъ сознательно устранилъ всѣ факторы, нарушающіе соразмѣрность предполагаемаго имъ распределенія. А этихъ факторовъ множество.

Наши ученые своими схемами пытаются доказать не то, что объясняетъ Марксъ своими, не то, что стоимость, вновь произведенная годовымъ трудомъ всѣхъ рабочихъ даннаго общества, состоитъ исключительно изъ прибавочной стоимости и стоимости затраченной на перемѣнный капиталъ, хотя стоимость выбрасываемыхъ на рынокъ въ теченіе года товаровъ больше этой вновь произведенной стоимости настолько, насколько въ послѣднюю вошла стоимость постоянного капитала, перешедшая отъ прошлаго года. Нѣтъ, наши ученые пытаются доказать не это, а, то, что капитализмъ самъ по себѣ создаетъ рынокъ настолько, что ему никакого другого и не требуется, что капиталистическое производство возвращается въ замкнутомъ кругу, что оно самодовлѣющее *).

Въ схемѣ Маркса, на которой наши ученые строятъ свою теорію самодовлѣющаго капиталистическаго производства, принимается, что одна изъ самыхъ крупныхъ отраслей, занимающаяся изготовленіемъ средствъ производства, именно земледѣліе **)

*) „Необходимость внѣшнихъ рынковъ не существуетъ для тѣхъ странъ,—говоритъ одинъ изъ адептовъ этой доктрины,—которыя, благодаря богатству и разнообразію естественныхъ производительныхъ силъ, могутъ обходиться безъ ввоза. Въ такихъ странахъ капитализмъ можетъ развиваться на основѣ внутренняго, имъ самимъ созданнаго рынка“ (С. Булгаковъ: „О рынкахъ“, стр. 200). При этомъ авторъ принимаетъ, „что капиталистическое производство охватило всѣ производства во всемъ мірѣ, причемъ слѣдовательно самое понятіе внѣшняго рынка устраниено“ (стр. 259).

**) По мнѣнію г. Булгакова „земледѣліе есть также отрасль и подраздѣленія, какъ и другія отрасли производства предметовъ потребленія, напримѣръ хлопчатобумажное производство“ („О рынкахъ“, стр. 215). Не знаемъ, гдѣ авторъ видѣлъ, чтобы жители какой нибудь страны питались зерномъ или одѣвались льномъ, хлопкомъ или прижей. Насколько извѣстно, зерно служитъ сырымъ матеріаломъ, т. е. средствомъ производства для мукомольной промышленности, продуктъ которой въ свою очередь служитъ средствомъ производства для хлѣбопекарной промышленности. То же самое и въ хлопчатобумажной промышленности. Авторъ

носятся къ капиталистическому производству. Но, кромѣ Англіи, въ дѣйствительности этого нѣтъ нигдѣ. Затѣмъ, при построении этой схемы точно также не принимается во вниманіе все глубже и глубже идущее отдѣленіе обрабатывающей промышленности отъ земледѣлія. А это обстоятельство имѣетъ огромное вліяніе на опредѣленіе доли участія лицъ, занятыхъ въ земледѣліи, въ валовомъ общественномъ продуктѣ и главнымъ образомъ доли участія селѣско-хозяйственныхъ рабочихъ. Дѣйствительно, рабочіе получаютъ плату лишь за то время, пока производятъ стоимости, пока работаютъ. Между тѣмъ, по климатическимъ и естественнымъ условіямъ, работой въ земледѣліи они могутъ заниматься лишь часть рабочаго года, стало быть только за это время и получаютъ плату. Если нѣкоторыхъ изъ нихъ въ хозяйствѣ и держатъ круглый годъ, то плата имъ за то время, когда они работаютъ, распределяется на цѣлый годъ, такъ что въ общемъ они все-таки получаютъ лишь за то время, пока работаютъ, или развѣ немножко больше. Такъ, напримѣръ, по даннымъ переписи С.-А. Штатовъ за 1890 г., средняя годовая плата, получаемая рабочими въ обрабатывающей промышленности, составляла 445 долларовъ, а средняя плата селѣскаго рабочаго на своихъ харчахъ составляла всего 215 долларовъ, т. е. была на половину меньше. А мы видѣли, что эта плата, вслѣдствіе приведенной причины, имѣетъ стремленіе понижаться. И эта-та тенденція гонитъ рабочихъ изъ деревни въ города, гдѣ на это имѣется возможность; подрываетъ селѣское хозяйство, слѣдовательно нарушаетъ требуемое схемой равновѣсіе.

Затѣмъ селѣское хозяйство есть самая главная отрасль промыш-

осылается на Маркса, (и ссылается совсѣмъ неудачно, именно на его слова, что „арендаторъ въ „категорическомъ“ смыслѣ такой же промышленный капиталистъ, какъ и фабрикантъ“. Какое отношеніе это имѣетъ къ тому, что доказываетъ г. Булгаковъ, положительно непонятно), но Марксъ никогда ничего подобнаго не говорилъ. Вотъ его собственныя слова: „Что же касается до постоянной капитальной стоимости 1-го подраздѣленія (т. е. изготовленія средствъ производства), вновь проявляющейся въ видѣ товарнаго продукта, то частью она входитъ вновь въ видѣ средствъ производства въ тѣ же самыя спеціальныя сферы производства... изъ которыхъ она выходитъ въ видѣ продукта, напримѣръ, зерно въ селѣскомъ хозяйствѣ, уголь въ каменноугольной промышленности, желѣзо въ видѣ машинъ при желѣзномъ производствѣ“ („Кап.“ II, 321). Ростъ предпріятій I подраздѣленія (средствъ производства) обусловливается, между прочимъ, расчлененіемъ какого нибудь даннаго производства на отдѣльныя отрасли, изъ которыхъ одніе готовятъ сырой матеріалъ, т. е. средства производства, для другихъ. При обособленіи обработки продуктовъ земледѣлія отъ ихъ производства, они, за нѣкоторыми исключеніями, становятся сырымъ матеріаломъ для обрабатывающей промышленности, чѣмъ еще болѣе нарушается возможность правильнаго распредѣленія производительныхъ силъ въ разныхъ отрасляхъ промышленности, тѣмъ болѣе является возможность нарушенія правильнаго хода ея, притомъ тѣмъ меньшая сумма стоимостей производится селѣскохозяйственнымъ населеніемъ.

денности, дѣйствующая еще паче въ смыслѣ такого нарушенія правильного хода. Съ одной стороны оно, доставляя сырой матеріалъ, средства производства, значительнѣйшей части обрабатывающей промышленности, находится внѣ контроля человека болѣе чѣмъ какая либо другая отрасль; человекъ не въ состояніи заранѣе опредѣлить какое количество продуктовъ получится въ результатъ его рабочей дѣятельности; онъ еще не подчинилъ себѣ силы природы въ этой отрасли. Но съ другой стороны, самый механизмъ капиталистическаго производства все болѣе и болѣе ограничиваетъ поле дѣятельности сельскаго хозяйства, все болѣе и болѣе отдѣляетъ обработку продуктовъ отъ производства ихъ, все болѣе и болѣе исключая изъ сферы его дѣятельности отрасли, относящіяся къ изготовленію предметовъ потребления и ограничивая не производствомъ средствъ производства.

Экономическая исторія послѣднихъ десятилѣтій сводится къ все болѣе и болѣе обостряющемуся антагонизму между городомъ и деревней, между обрабатывающею промышленностью и земледѣліемъ. На такое обостреніе имѣютъ вліяніе, между прочимъ, слѣдующіе факторы. Намъ не разъ приходилось указывать на то, что вся сумма потребностей даннаго общества, которая могутъ быть удовлетворены при данной производительности труда, опредѣляется долей участія каждаго изъ общественныхъ классовъ во вновь произведенной валовой стоимости, и въ зависимости отъ этого послѣднего обстоятельства, всѣ производительныя силы общества распределяются по различнымъ предпріятіямъ, соразмѣрно средней общественной потребности въ продуктахъ каждой изъ нихъ. Затѣмъ, удовлетвореніе каждой изъ потребностей каждаго общественного класса происходитъ въ извѣстной постепенности, тоже въ зависимости отъ доли участія этого класса во вновь произведенной стоимости. По мѣрѣ развитія производительности труда въ какой нибудь изъ отраслей промышленности, тѣмъ самымъ нарушается данная соразмѣрность распредѣленія рабочихъ силъ. При прочихъ неизмѣняющихся условіяхъ, для удовлетворенія прежней потребности въ продуктахъ труда болѣе производительнаго, рабочихъ силъ потребуются относительно меньше.

Но производительность труда можетъ развиваться лишь при техническихъ усовершенствованіяхъ, которыя съ своей стороны возможны только при приложеніи научныхъ знаній. Приложеніе же этихъ знаній шло въ той же послѣдовательности, какъ развивались они сами: сначала шло развитіе приложенія знаній механическихъ, затѣмъ химическихъ и уже въ самое послѣднее время наступила очередь за приложеніемъ знаній биологическихъ. Такъ, сначала шло развитіе приложенія двигательной силы пара, механическая обработка сырыхъ матеріаловъ, ткацкіе и всякаго рода другіе станки, прядильныя машины и пр. и пр., затѣмъ приложеніе химическихъ знаній, въ металлургіи напримѣръ, во всей химиче-

ской промышленности, которая возникла и развилась у нас на глазах, и т. д. И уже только в самое последнее время появились кое какие признаки приложения биологических знаний (Дарвин, Пастер и др.). Очевидно, что в той же последовательности, при прочих одинаковых условиях, могло идти приложение знаний в каждой отдельной отрасли промышленности. Но кроме того, по самому характеру работ, сырые материалы некоторых отраслей промышленности, например волокнистые вещества, прежде всего требуют механической обработки. Земледелие развивалось в той же последовательности. Если оставить в стороне навозное удобрение, то окажется, что оно усовершенствовалось, благодаря лучшей механической обработке почвы, дренажу, орошению, затем с Либихом явилось минеральное удобрение и уже в самое последнее время обращено внимание на фиксацию азота в почве при помощи микроорганизмов. Иными словами, только в самое последнее время явилась надежда на постановку земледельческой промышленности на прочную научную почву *).

Все это развитие научных знаний, идущее в известной последовательности, стремится нарушить существующую соразмерность в распределении рабочих сил, а следовательно и схему, притом в том смысле, что, при прочих неизменяющихся условиях, относительно быстрее уменьшает их число, требуе-

*) А что может быть сделано наукою в будущем, этого не может представить самая пылкая фантазия. Всякие пророчества в смысле ограничения ее творческих сил обыкновенно показывают только ограниченность самого пророка, как бы он ни возвышался над уровнем современников. Вспомним, например, пророчество Огюста Конта. „Мы понимаем, — говорит он в своей „Положительной философии“ (Vol. II, p. 6 Paris, 1864), возможность определения их (небесных тел) формы, их расстояния, их размеров и их движения, но мы никогда не будем в состоянии никакими средствами изучить их химический состав или их минералогическое строение, и тем менее природу органических существ, живущих на их поверхности“. Это было писано в 1834 году; а уже через 25—30 лет после того, работы Кирхгофа и Бунзена дали прочное основание для создания новой науки, астрофизики, и для классификации небесных тел, основывающейся на определении физического их состояния при помощи спектрального анализа; анализ этот дает возможность определить не только химический состав небесных тел, не только их физическое состояние, но он даже позволяет заглянуть, опираясь на данные, полученные при таком изучении химического состава и физического строения небесных тел, в темную область строения так называемых элементов, простых тел, констатируя, например, диссоциацию их. „В настоящее время, говорит Норман Локьер, один из основателей этой науки, мы можем изучать химию звезд и их порядок в систематической классификации, благодаря новым успехам знания и сопоставлению изучения (при помощи спектрального анализа), солнца, звезд и лабораторных соединений“ (Из доклада Королевскому Обществу, читанного в феврале 1899).

мое обрабатывающею промышленностью, чѣмъ земледѣліемъ. Но въ то же время быстрое увеличиваетъ сумму неиспользованнаго, и не могущаго быть использованнымъ, рабочаго времени, а следовательно уменьшаетъ покупательную способность всего сельского населенія.

Соразмѣрность въ распредѣленіи рабочихъ силъ кромѣ того нарушается при торговомъ общеніи съ другими обществами; вѣдь кто бы что ни говорилъ, „капиталистическое производство не можетъ существовать безъ внѣшней торговли“ („Кап.“ II, 359). Въ странахъ, гдѣ производительность труда выше, происходитъ быстрое обособленіе обрабатывающей промышленности отъ земледѣлія, и онѣ, забрасывая земледѣліе, стремятся уже провести такое обособленіе далѣе, стать странами исключительно промышленными, предоставляя другимъ, болѣе въ промышленномъ отношеніи отсталымъ странамъ, поставлять имъ сырой матеріалъ, продукты сельского хозяйства, т. е. стремятся обратить ихъ въ страны исключительно земледѣльческія. Но къ тому же стремятся и всѣ страны, вступающія на путь развитія капиталистическаго производства. Такъ что въ настоящее время, когда, благодаря усовершенствованнымъ путямъ сообщеній и сношеній, весь міръ становится одной промышленной единицей, капиталистическое производство принуждаетъ всѣ рабочія силы распредѣлиться между земледѣліемъ и обрабатывающею промышленностью. Однѣ должны заниматься исключительно сельскимъ хозяйствомъ, производя по стоимости все менѣе и менѣе, а другія—обрабатывающею и добывающею промышленностью.

Какая участь ждетъ и то, и другое подраздѣленіе? Возможно ли осуществленіе только что сдѣланнаго предложенія? Косвенный отвѣтъ на это, какъ и на многое другое, даетъ богатая социальная статистика Сѣв.-Амер. Штатовъ. Припомнимъ только, что показало изученіе условій хозяйственнаго развитія этой страны. Припомнимъ констатированную перенесеную зависимость развитія обрабатывающей промышленности, при незначительномъ внѣшнемъ рынкѣ (а это какъ разъ и будетъ при распространеніи капиталистическаго производства на всѣ страны), отъ численнаго прироста земледѣльческихъ хозяйствъ, а также условія задержки такого развитія. Припомнимъ быстрый ростъ богатствъ торгово-промышленныхъ классовъ и относительное обѣднѣніе земледѣльческихъ. Если мы англійскимъ сравнимъ сумму цѣнности продуктовъ всѣхъ фермъ за 1880 и 1890 годы въ восточныхъ и западныхъ штатахъ, то окажется, что по цѣнности въ восточныхъ штатахъ, болѣе промышленныхъ, всѣхъ продуктовъ фермъ въ 1890 году было произведено сравнительно съ 1880 г. *меньше* на 3,1%, не смотря на уменьшеніе площади подъ фермами всего на 1,2%. и на *увеличеніе* ихъ числа на 6,3%. Это показываетъ, что онѣ обѣднѣли не только относительно, но и абсолютно. Въ то же время

поиски за вѣшними рынками; когда всѣ помыслы Англіи, Германіи, Франціи направлены на завоеваніе вѣшнихъ рынковъ, на приобрѣтеніе колоній, куда они могли бы сбывать свои продукты, которые, по условіямъ развитія капиталистическаго хозяйства, не могутъ найти сбыта внутри страны, и гдѣ бы они могли помѣстить свои капиталы, не находящіе приложенія дома?

Такъ какъ наши ученые экономисты, открывшіе и защищающіе доктрину о возможности самодовлѣющаго капиталистическаго производства, *доказываютъ* ее построенными ими схемами, то попробуемъ и мы, не *доказавъ*, что не имѣетъ смысла, а *объяснить* при помощи схемы, какимъ образомъ происходитъ движеніе всего общественнаго производства въ его цѣломъ. Но въ основу нашей схемы мы положимъ не предположеніи, какъ это дѣлаютъ наши ученые экономисты, а реальные факты.

Все производство С.-А. Штатовъ по переписи 1890 г. слагалось слѣдующимъ образомъ.

Въ обрабатывающей промышленности вся сумма выброшенныхъ на рынокъ продуктовъ составляла 9.370 милл. дол.; въ горномъ промыслѣ 587 милл.; въ сельскомъ хозяйствѣ 2.447 милл.; въ рыболовствѣ 44 милл. Валовой доходъ жезлзныхъ дорогъ за перевозку товаровъ, увеличившій сумму ихъ стоимости—735 милл. Стало быть вся сумма товаровъ безъ торговой прибыли составляла 13.139 милл. долл. По вычисленію переписи (Real Estates Mortgages, p. 102) валовая сумма прибавочной стоимости, приходящаяся на долю торговаго капитала (изъ которой возмѣщаются всѣ расходы по продажѣ, храненію, платятся проценты за позанкймствованія суммы и пр., и пр.), составляла около 35% фабричной стоимости товаровъ. Для сельскохозяйственныхъ продуктовъ мы взяли всего 20%, соображаясь съ разницей мѣстныхъ цѣнъ съ цѣнами въ крупныхъ центрахъ потребленія. Затѣмъ сумму стоимости продуктовъ каждой изъ перечисленныхъ отраслей производства (кроме продуктовъ рыболовства, какъ суммы сравнительно ничтожной, но усложняющей разсчетъ) мы разбили по даннымъ переписи на элементы, изъ которыхъ она состоитъ. При этомъ, при опредѣленіи соотношенія части основнаго капитала, погашеніе его, въ обрабатывающей промышленности, для строеній приняли 5%, а для машинъ и инструментовъ 10%, что, конечно, нѣсколько произвольно, но принятіе большей или меньшей величины дѣла не измѣнитъ. Въ сельскомъ хозяйствѣ эту сумму опредѣлили стоимостью произведенныхъ въ годъ всѣхъ сельскохозяйственныхъ машинъ и инструментовъ, всего мертваго инвентаря, а сумму сырого матеріала, постояннаго оборотнаго капитала, приняли на основаніи данныхъ ежегодниковъ министерства земледѣлія около 10%. Сумма сырого матеріала въ обрабатывающей промышленности, а также сумма заработка во всѣхъ отрасляхъ промышленности взяты изъ переписей.

Такимъ образомъ вся сумма товаровъ и цѣнностей, выброшенныхъ на рынокъ (въ милліонахъ долларовъ), распадается на слѣдующіе элементы. Въ промышленности:

	Пост. та тѣ.	Заработн. платн.	Прибыль предприни- мателѣй.	Прибыль торговая.		
Обрабатывающей	5.855	+ 2.282	+ 1.733	+ 3.279	=	12.649
Горной	80	+ 205	+ 242	+ 205	=	792
Сельск.-хозяйст. *)	320	+ 645	+ 1.472	+ 486	=	2.923
Жельзнодорожн.	300	+ 250	+ 530		=	1.080
Всего	6.055	+ 3.442	+ (3.977	+ 3.970=)	7.947=	17.444

Чтобы показать, какъ реализовалась вновь произведенная стоимость въ продуктахъ потребления и какъ элементъ накопленія, разобьемъ все производство, въ каждой изъ крупныхъ отраслей, на производство средствъ производства и на изготовленіе предметовъ личнаго потребления.

При этомъ приходится вносить извѣстную долю производа, во-первыхъ, вслѣдствіе того, что продукты многихъ отраслей промышленности служатъ и средствами производства, и средствами существованія **); во-вторыхъ, вслѣдствіе слишкомъ большой сложности расчета; обрабатывающая промышленность, напримеръ, въ переписи 1890 г. разбита на 363 отрасли. Поэтому, разсмотрѣвъ всѣ эти отрасли въ отдѣльности, можно безъ большой погрѣшности принять, что опѣ распределяются почти поровну между тѣмъ и другимъ подраздѣленіемъ. Горную промышленность мы всецѣло относимъ къ первому подраздѣленію, хотя и здѣсь есть исключенія. Изъ продуктовъ сельскаго хозяйства по расчету около пятой части относится къ средствамъ существованія (вѣроятно гораздо меньше). Изъ валового дохода желѣзныхъ дорогъ сумму, полученную за перевозку товаровъ, относимъ къ первому подраздѣленію, а за перевозку пассажировъ и пр.—къ второму, просто для удобства расчета.

Разбивъ такимъ образомъ все общественное производство на два большихъ подраздѣленія, получимъ:

*) Кроме дохода отъ продажи скота. Въ графѣ „заработная плата“ показана плата наемнымъ рабочимъ; а для фермеровъ, хотя бы они сами работали, показана въ графѣ: „прибыль“.

**) Напримеръ продукты садоводства, огородничества идутъ частью непосредственно на личное потребление, а частью въ видѣ сырого матеріала, стало быть какъ средства производства, для изготовленія консервовъ.

I. Производство средств производства, въ милл. долларовъ, въ промышленности:

	Пост. капит. талъ.	Заработной платъ.	Предприним. прибыль.	Торговая прибыль.
Обработывающей ..	2.677	+ 1.141	+ 843	+ 1.640 = 6.324
Сельско-хозяйствен.	256	+ 516	+ 1.180	+ 390 = 2.342
Горной	80	+ 205	+ 242	+ 205 = 792
Железнодорожн. . .	145	+ 190	+ 400	= 735
Всего. . .	3.158	+ 2.112	+ 2.663	+ 2.235 = 10.198

II. Производство средств существованія, въ милл. долларовъ, въ промышленности:

	Пост. капит. талъ.	Заработной платъ.	Предприним. прибыль.	Торговая прибыль.
Обработывающей ..	2.677	+ 1.141	+ 843	+ 1.640 = 6.324
Сельск.-хозйств.	84	+ 129	+ 293	+ 94 = 592
Железн. дорож. . .	155	+ 60	+ 130	= 345
Всего. . .	2.896	+ 1.330	+ 1.261	+ 1.734 = 7.251

Изъ этихъ данныхъ видно, что изъ всего годового продукта въ 17444, за вычетомъ средствъ производства стоимостью въ 6055, перешедшимъ отъ прошлаго года, въ данномъ году вновь произведено стоимостей на 11.389 милл. дол., изъ нихъ на заработную плату приходится 3.442 милл., а на прибавочную стоимость 7.947 милл. Но изъ этой послѣдней суммы надо вычесть, какъ мы сказали, торговые расходы во всѣхъ видахъ, на содержаніе всѣхъ лицъ въ торговомъ дѣлѣ, приказчиковъ, рабочихъ и т. д., стало бытъ частью ея идетъ на возмѣщеніе переменнаго капитала, затѣмъ на ремонтъ кладовыхъ и пр., и пр.

Изъ валовой суммы второго подраздѣленія въ 7251 мил. долл. 3442 и. пойдутъ на продовольствіе рабочихъ обоихъ подраздѣленій; а осталъная сумма на продовольствіе всѣхъ предпринимателей, всего торгово-промышленнаго класса, а по реализаціи товаровъ — часть будетъ обращена на возмѣщеніе постояннаго капитала (2.896). И наконецъ часть — для накопленія.

Изъ валовой суммы I подраздѣленія въ 10198 милл. долл. 6055 милл. пойдутъ на возмѣщеніе стоимости сырого и вспомогаельнаго матеріала въ обоихъ подраздѣленіяхъ (II купить ихъ на 2996), а также на замѣну пришедшей въ негодность части основнаго капитала; затѣмъ часть пойдетъ на замѣну частей основнаго ка-

питала, требуемого въ торговомъ дѣлѣ (механизмы доковъ, подъемныя машины всякаго рода, хлѣбныя элеваторы и пр., и пр.), а также на расширеніе предпріятій и заведеніе новыхъ, и наконецъ очень значительная часть будетъ вывезена за предѣлы страны. Значитъ все производство было рассчитано на то, что оно потребуетъ расширенія. Надо при этомъ имѣть въ виду, что часть предметовъ I и II подраздѣленій была ввезена въ страну и въ схему не вошла.

Наступаетъ 1894 годъ. Какое произошло измѣненіе, сравнительно съ 1890 годомъ? Въ 1890 году *) пшеницы и хлопка, этихъ двухъ продуктовъ, производимыхъ главнымъ образомъ на продажу и вывозъ, было произведено по цѣнности на 788 мил. долларовъ (385 мил. пшеница и 403 мил. хлопка), а въ 1894 г. на 475 мил. (пшеницы 218, хлопка 262 мил.), почти при одинаковомъ количествѣ пшеницы и нѣсколько большемъ количествѣ хлопка. Стало быть валовая сумма цѣнности этихъ двухъ продуктовъ перваго подраздѣленія уменьшилась на 313 мил. долл. или на 40%. Если даже цѣнность остальныхъ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ того же подраздѣленія—сѣна, кукурузы—осталась прежнею или нѣсколько увеличилась, то это обстоятельство не могло имѣть вліянія на размѣры покупательной способности сельскаго населенія, такъ какъ продукты эти употребляются въ самомъ же сельскомъ хозяйствѣ, продаютъ одни фермеры, покупаютъ другіе. Покупательная способность фермеровъ опредѣляется главнымъ образомъ доходами, получаемыми отъ продажи такихъ продуктовъ, какъ пшеница, хлопокъ и т. д., которые выходятъ изъ сферы обращенія класса фермеровъ. Что же касается до цѣнности фермерскихъ продуктовъ II подраздѣленія, продуктовъ садоводства, огородничества и т. п. то она понизилась весьма значительно; если принять, что она понизилась на 10% (по нѣмущимъ даннымъ пониженіе больше), то въ общемъ можно сказать, что цѣнность всѣхъ сельско-хоз. продуктовъ понизилась на 400 милл. долларовъ слишкомъ. Мы опять не принимаемъ въ расчетъ доходовъ отъ скотоводства; но пониженіе цѣнности скота на фермахъ съ 2.418 мил. дол. въ 1890 до 1.819 мил., или на 25% къ концу 1894 года, при увеличеніи числѣ головъ, показываетъ, что доходы этой отрасли также значительно уменьшились.

Допустимъ на минуту, что такое значительное уменьшеніе цѣнности фермерскихъ продуктовъ обусловливается уменьшеніемъ ихъ стоимости, т. е. уменьшеніемъ затраты на нихъ труда. Непосредственнымъ слѣдствіемъ будетъ, во-первыхъ, соответственное освобожденіе числа занятыхъ въ сельскомъ хозяйствѣ рабочихъ, или уменьшеніе ихъ рабочаго времени, стало быть и пла-

*) Собственно говоря въ 1890 г., такъ какъ всѣ данныя переписи, производившейся въ теченіи 1890 года, относятся къ 1890 году, точно также цѣнность хлопка и пшеницы, произведенныхъ въ 1893 году, перешла и имѣла на 1894 г. вліяніе на производство остальныхъ продуктовъ 1894 г.

ты, получаемой имъ. Отчего бы такое уменьшеніе ни происходило, теперь въ 1894 г., I-е подраздѣленіе предъявляетъ второму запросъ на продукты потребленія на сумму въ 313—400 млн. меньшую, чѣмъ это было въ 1890 году. II-е подраздѣленіе при-
нуждено сократить на эту сумму производство; но, сокращая его, оно вмѣстѣ съ тѣмъ уменьшаетъ свой запросъ у I-го на сырой и вспомогательный матеріалъ, на машины и пр. I-е точно также принуждено сократить производство, отпустить рабочихъ, понизить продажную цѣну своихъ продуктовъ. Это обстоятельство вліяетъ съ своей стороны еще на большее сокращеніе запроса на продукты потребленія, производство ихъ еще болѣе сокращается. Словомъ возникаетъ положительная паника, съ безработицей, голода-
ніемъ, несмотря на дешевизну хлѣба *). Къ свѣдѣнію нашихъ читателейъ дешезизны хлѣба, хотя бы она зависѣла и не отъ мѣстныхъ условий его производства.

Мы раньше предположили, что цѣнность сельско-хозяйственныхъ продуктовъ упала вслѣдствіе внутреннихъ причинъ. Но это не такъ: она упала вслѣдствіе условий всемірнаго рынка; вслѣдствіе соперничества болѣе дешевыхъ хлѣбовъ, производимыхъ при болѣе благо-
пріятныхъ условіяхъ. Вслѣдствіе того, что около пятой части сельско-хозяйственныхъ продуктовъ вывозится, что имъ нѣтъ мѣста на внутреннемъ рынкѣ, что только благопріятныя условія ихъ отчуж-
денія способны повліять въ благопріятномъ смыслѣ на покупа-
тельную способность фермеровъ, а слѣдовательно запросъ съ ихъ стороны на продукты обрабатывающей промышленности зависить отъ ихъ хозяйственнаго положенія. А такъ какъ они составляютъ относительно наиболѣе многочисленный классъ, то отъ этого же зависать размѣры обрабатывающей промышленности. А благо-
пріятное положеніе фермеровъ зависить отъ условий внѣшняго рынка для сбыта ихъ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ: внѣш-
ній рынокъ для нихъ необходимъ, безъ него не будетъ и обра-
ботывающей промышленности. Уменьшеніе ихъ дохода умень-
шаетъ сбытъ товаровъ, которые служатъ имъ какъ предметы по-
требленія. Эти товары и рассчитаны на потребности именно рабо-
чихъ, на обширный сбытъ среди нихъ; относительно небольшое
число фабрикантовъ не можетъ ихъ потребить, такъ какъ именно
эти товары не для нихъ и произведены. Стало быть, если товары
не продаются, не находятъ покупателей, то не только не можетъ
быть реализована прибыль фабрикантовъ, но даже не можетъ
быть реализована часть ихъ капитальныхъ затратъ на производ-
ство этихъ товаровъ. Поэтому, если г. Булгаковъ посовѣтуетъ
имъ, вмѣсто производства этихъ товаровъ, заняться производ-

*) Если въ С.-А. Штатахъ при этомъ уменьшилось потребленіе пше-
ницы, и рабочіе должны были перейти къ болѣе низкимъ сортамъ хлѣба,
то у насъ имъ пришлось бы, какъ это дѣлается въ нынѣшнюю акму
замѣшивать въ хлѣбъ „поменьше муки, а побольше земли“...

отвозъ предметовъ роскоши (О рынкахъ, стр. 242), то этотъ со-
бытъ, какъ большую часть всякихъ совѣтовъ, легче дать, чѣмъ
исполнить.

Благопріятное измѣненіе, начиная съ 1897 г., въ условіяхъ
сбыта фермерскихъ продуктовъ сноа подняло обрабатывающую
промышленность.

Изъ всего этого видно, что схематическое изображеніе того,
что происходило въ С.-А. Штатахъ въ дѣйствительности, пока-
зываетъ совершенно не то, что ждали доказать своими схемами
гг. Туганъ Барановскій, Булгаковъ и др. Схема, построенная на
данныхъ американской статистики *), какъ и схема Маркса, объ-
ясняетъ какъ распределяется вся сумма годового производства
въ 17.444 милл., хотя вновь произведено стоимости всего на 11.390
милліоновъ, но данныя о послѣдующія измѣненія въ условіяхъ сбы-
та сельскохозяйственныхъ продуктовъ ясно показываютъ, что
развивающееся капиталистическое производство можетъ, или опи-
раясь непосредственно на вывозъ своихъ продуктовъ за границу,
или косвенно—на вывозъ сельскохозяйственныхъ продуктовъ при
благопріятныхъ къ тому же условіяхъ ихъ сбыта и при увеличеніи
ихъ количества, при капитализаціи земледѣльческихъ доходовъ.
Словомъ, все это доказываетъ, что открытіе возможности самоде-
ляющаго капиталистическаго производства принадлежитъ къ от-
крытіямъ фантастическимъ...

„Въ Соединенныхъ Штатахъ,—говоритъ американскій министръ
земледѣлія въ своемъ отчетѣ за 1896 годъ,—изобрѣтенія, бере-
гающія трудъ, прилагаются почти во всѣхъ областяхъ произ-
водства. Нигдѣ на земномъ шарѣ въ сельскомъ хозяйствѣ не упо-
требляется столько усовершенствованныхъ, полезныхъ и остроум-
ныхъ приспособленій и изобрѣтеній, инструментовъ и машинъ...
При такихъ условіяхъ около 1.700,000 рабочихъ на американ-
скихъ фермахъ почти постоянно заняты производствомъ сельско-
хозяйственныхъ продуктовъ для вывоза, для экспорта. Въ то же
самое время, при быстро возрастающемъ вывозѣ продуктовъ обра-
батывающей промышленности изъ С. Штатовъ, число занятыхъ
въ ней рабочихъ, постоянство занятій которыхъ должно нахо-
диться въ зависимости отъ постоянства запроса на всемірномъ
рынкѣ на американскіе товары,—непрерывно возрастаетъ. Вѣроятно
не будетъ преувеличеніемъ сказать, что существованіе по мень-
шей мѣрѣ двухъ милліоновъ американскихъ рабочихъ, на фермахъ,

*) Повторяемъ, что хотя въ основаніе нашей схемы взяты въ боль-
шинствѣ случаевъ реальные факты, но распределеніе всего общественнаго
производства на два отдѣла отчасти произвольно. Произвольны отчасти
также данныя о стоимости той части основнаго постоянного капитала,
которая переходитъ въ стоимость продукта, а въ сельско-хозяйственной
промышленности стоимость оборотной части постоянного капитала, сырого
и вспомогательнаго матеріала.

фабрикахъ и заводахъ основывается почти исключительно на запросѣ на американскіе товары", (Yearbook for 1896 p. 54) и что на развитіи внѣшняго сбыта основывается благосостояніе возрастающаго числа рабочихъ.

Такимъ образомъ американскій министръ земледѣлія прекрасно знаетъ, что всѣ продукты страны не могутъ найти сбыта на внутреннемъ рынкѣ, и знаетъ также почему не могутъ, именно вслѣдствіе быстрого развитія производительныхъ силъ, такого развитія, при которомъ около двухъ милліоновъ рабочихъ не нашли бы себѣ занятія (о предпринимателяхъ и ихъ капиталахъ онъ умалчиваетъ), а слѣдовательно и средствъ къ существованію, если бы продукты ихъ не сбывались на внѣшнемъ рынкѣ. Слѣдовательно, если не теоретически, то фактически онъ признаетъ, а съ нимъ и всѣ американцы, что производительныя силы страны развиваются несравненно быстрѣ потребительныхъ нуждъ всего американскаго общества, ограничивающихся развивающимся антагонистическими условіями капиталистическаго производства; что однимъ изъ противорѣчивыхъ условій этого производства является уничтоженіе того самаго рынка, который оно же создало для своихъ продуктовъ. Что, словомъ, выходъ изъ этого затрудненія есть только одинъ: производство для сбыта за предѣлы страны какъ продуктовъ земледѣлія, такъ и продуктовъ обрабатывающей промышленности. Что и въ Америкѣ проходила капитализація земледѣльческихъ доходовъ, затѣмъ капитализація промышленности, которая настолько относительно понизила благосостояніе большинства населенія, что производительная сила капитала, развившаяся, опиралась на такую капитализацію и на ея счетъ, далеко превзошла потребительныя нужды этого большинства, и для своей дѣятельности должна уже искать иной точки опоры внѣ страны; что уже въ настоящее время изъ 14 милліоновъ лицъ, имѣющихъ самостоятельное занятіе въ земледѣліи, обрабатывающей и добывающей промышленности, 2 милліона, т. е. $\frac{1}{7}$ часть всѣхъ занятыхъ, употребляются для производства продуктовъ для вывоза, для внѣшняго рынка.

Изъ всѣхъ фактовъ дѣйствительной жизни, съ какой бы стороны мы на нихъ ни взглянули, выходитъ, что основой развитія крупной промышленности въ С.-А. Штатахъ было заселеніе крестьянами земель до того „не занятыхъ“ и не обрабатывавшихся; а это, благодаря природному плодородію почвы и техническимъ усовершенствованіямъ при обработкѣ ея *), давало имъ возмож-

*) На дняхъ долженъ появиться 13-й томъ „Отчета Департамента Труда“, въ которомъ будутъ приведены данныя о количествѣ труда, которое требуется въ разныхъ отрасляхъ производства для полученія еди-

ность производить сельско-хозяйственные продукты в количестве несравненно большем потребности в них всей страны; притом продавать их на всемирном рынке, хотя ниже стоимости сельско-хозяйственных продуктов стран старой капиталистической культуры, но несравненно выше их местной стоимости. В половине 90-х годов около 1.700.000 рабочих, или около $\frac{1}{3}$ части всех лиц занятых в сельском хозяйстве, работали исключительно для вывоза, удовлетворяя свои потребности продуктами капиталистического производства. Из этого выходит, что развитие внутреннего рынка для продуктов крупной промышленности основывалось на капитализации сельскохозяйственных доходов. Внешнего рынка для нея совершенно не требовалось непосредственно; он ей был нужен косвенно: без него была бы невозможна капитализация сельскохозяйственных доходов.

Производительные силы между тем продолжали расти, опережая потребительную способность общества, „которая определяется соперничающими условиями распределения, сводящими потребление значительнейшего большинства населения к наименьшей величине, заменяющейся лишь в более или менее узких пределах“ *), так как, в конце концов, все общественное производство направлено на удовлетворение личных потребностей его членов; одна часть — посредственно, а другая — непосредственно. Но в виду сдерживающего влияния соперничающих условий распределения на расширение потребления, прибавочная стоимость, произведенная рабочими, занятыми в обрабатывающей промышленности, реализоваться в пределах страны уже не могла. К тем 1.700.000 рабочих, которые производили продукты сельско-хозяйственной промышленности исключительно для вывоза, стало присоединяться все более и более растущее число рабочих, занятых в обрабатывающей и добывающей промышленности, продукты которых точно также уже не могли найти потребителей внутри страны. И только при по-

инды продукта как при ручном труде, так и при работе при помощи машин. В „Yearbook“ департамента земледелия за 1897 г. (стр. 600—603) извлечены из этого исследования кое-какие данные, относящиеся к сельско-хозяйственному производству. Для иллюстрации приведем следующий факт. В 1880 году, при помощи волнов, борон, серпа, цѣпа и ручного способа вѣяния, для производства одного бушеля пшеницы затрачивалось 192,8 минут труда рабочего; а в 1896 году, при помощи парового плуга, сѣялки и борон, паровой жерны и молотилки, для производства одного бушеля пшеницы требуется всего 8,9 минут труда рабочего, — значит почти в 22 раза меньше тем прежде.

*) Кроме данных, приведенных в настоящей статье, фактическую иллюстрацию одной из сторон этого крайне сложного явления читатель найдет в нашей статье: „Апология власти денег, как признака времени“. („Русское Богатство“, 1895, 2, стр. 1—12).

мощи вывоза, подѣ охраной высокыхъ таможенныхъ пошлинъ, предприниматели въ состояніи реализовать свою прибыль на счетъ большинства населенія страны и на счетъ обѣднѣнія непосредственныхъ производителей другихъ странъ, съ продуктами которыхъ имъ приходится конкурировать на всемірномъ рынкѣ.

А наши ученые экономисты теоретики измыслили какую-то теорію самоудовляющаго капиталистическаго производства... Они не видятъ, что всѣ способы производства *могутъ быть до извѣстныхъ предѣловъ* самоудовляющими, кромѣ, однако, *капиталистическаго*, который только и можетъ существовать, опираясь на рынокъ болѣе широкій, чѣмъ все число непосредственно занятыхъ въ немъ лицъ, притомъ долженствующій тѣмъ болѣе расширяться, чѣмъ болѣе развиваются производительныя силы *); значитъ или на внутренній, состоящій изъ покупателей данной страны, стоящихъ какъ производители въ области капиталистическаго производства, или—за неимѣніемъ или уменьшеніемъ числа послѣднихъ—на вѣншній. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ капитализмъ эксплуатируетъ ихъ при помощи торговаго капитала, втягивающаго продукты ихъ въ область товарнаго обращенія.

Мы приводили раньше положенія одного изъ этихъ экономистовъ, именно г. Булгакова. А вотъ, что говоритъ провозвѣстникъ этой удивительной теоріи г. Туганъ-Барановскій: „Спросъ на товары создается самими производствомъ, и никакихъ вѣншнихъ границъ расширенію производства, кромѣ недостатка производительныхъ силъ, не существуетъ. Если только запасъ производительныхъ силъ достаточно великъ, то всегда можно расширить производство и найти помѣщеніе для новаго капитала“. („Промышленные кризисы“, стр. 427).

Мы видѣли, и это подтвердили факты, что развитіе производительныхъ силъ, при капиталистическихъ условіяхъ производства, далеко опережаетъ потребительную способность общества, которая опредѣляется „соперничающими условіями распределенія“, а послѣднія, съ своей стороны, сводятъ потребление большинства къ минимуму. Г. Туганъ-Барановскій думаетъ иначе. По его мнѣнію, чѣмъ болѣе растутъ производительныя силы, тѣмъ болѣе расширяется производство, тѣмъ болѣе лицъ оно втягиваетъ въ свой механизмъ и они приобретаютъ большую возможность удовлетворять свои потребности, (если только не предположить, что г. Туганъ-Барановскій считаетъ возможнымъ

*) „Расширеніе вѣншной торговли, хотя и составляетъ при неравнѣномъ капиталистическомъ производствѣ его основаніе, но при дальнѣйшемъ развитіи, вслѣдствіе необходимости, присущей этому способу производства, вслѣдствіе требованія все болѣе расширяющихся рынковъ,—становится его собственнымъ продуктомъ, собственнымъ порожденіемъ“ (Капиталъ III русск. 183, нѣмецк. 218).

существование общественного производства ради самого производства, что было бы еще большим абсурдом); стало быть, по его мнению, наоборот, потребительная способность определяется исключительно размерами производительных сил, что производительные силы не могут обогнать потребительную способность капиталистического общества...

Послѣ всего, чему научили насъ болѣе или менѣе систематизированные факты, приводимые нами, едва-ли стоить говорить, что если кто не правъ въ рѣшеніи этого вопроса, такъ это г. Туганъ-Барановскій, Булгаковъ и другіе ученые, придерживающіеся теоріи самодовлѣющаго капиталистическаго производства; что и факты и основанная на нихъ теорія съ поразительною наглядностью подтверждаютъ правоту великаго ученаго экономиста и мыслителя, такъ глубоко понявшаго общественно-хозяйственный механизмъ капиталистическаго способа производства. Изъ этихъ же фактовъ, наконецъ, видно, что всѣ якобы противорѣчія, которыя наши ученые теоретики находятъ въ его ученіи, (а они утверждаютъ, что Марксъ, какъ авторъ III тома „Капитала“, противорѣчитъ въ этомъ Марксу, какъ автору I тома), основываются на ихъ собственномъ непониманіи взаимной связи различныхъ факторовъ этого механизма *). Не Марксъ находится въ противорѣчій съ самимъ собою, а теорія этихъ ученыхъ противорѣчитъ и фактамъ, и той теоріи, которая основывается на этихъ фактахъ.

Эти же факты вѣстѣ съ тѣмъ показываютъ какъ мало понимаютъ эти ученые строеніе того хозяйственнаго механизма, апологами котораго они являются.

Любопытно, что ученые, открывшіе возможность самодовлѣющаго капиталистическаго производства, обращая свое открытіе въ законъ, въ какую-то абстрактную сущность, деспотически управляющую общественно-хозяйственнымъ механизмомъ,—обращаютъ вѣстѣ съ тѣмъ послѣдній въ своего рода регретиумъ mobile, самодовлѣющій механизмъ, и думаютъ, какъ выразился Марксъ по аналогичному поводу, что „нашли въ немъ нужную имъ точку опоры не для того, чтобы переворнуть міръ, какъ это желалъ Архимедъ, но для того, чтобы остановить его движеніе“... И это нисколько не мѣшаетъ имъ выдавать себя за послѣдователей ученаго, въ основаніи ученія котораго лежитъ понятіе объ эволюціи...

Прочти настоящую главу, кто нибудь быть можетъ спроситъ:

*) Другимъ поразительнымъ примѣромъ такого же непониманія можетъ служить, между прочимъ, утвержденіе „послѣдователей“ его ученія, будто рѣшеніе вопроса, данное въ III томѣ, о приведеніи размѣра прибыли къ средней общественной нормѣ, противорѣчитъ трудовой теоріи стоимости, изложенной въ I томѣ. Здѣсь, конечно, не мѣсто входить въ обсужденіе этого вопроса.

да стоило-ли доказывать нелѣпость „открытія“ возможности самодовлѣющаго капиталистическаго производства, когда все это открытіе построено на попыткѣ втиснуть хозяйственную жизнь народа за карточными укрѣпленіями какихъ-то схемъ, которыя рунутся при малѣйшемъ соприкосновеніи съ явленіями дѣйствительной жизни?

Что дѣлать, приходится покаяться: дѣйствительно совершенно не стоило!... Однако есть одно обстоятельство, нѣсколько смягчающее нашу вину: вѣдь мы коснулись лишь *одного* изъ множества „открытій“, именно того, которое новые зодчіе ставятъ во главу угла воздвигаемаго ими зданія....

VIII.

Въ постоянно обостряющейся международной хозяйственной борьбѣ за обладаніе всемірными рынкомъ побуждаетъ тотъ изъ соперниковъ, который вооруженъ наибольшими знаніями, притомъ не одними лишь техническими, но и научными. Научныя знанія и ихъ приложенія къ рѣшенію вопросовъ чисто техническаго свойства были могучими двигателями хозяйственнаго прогресса, увеличенія производительности труда. Въ концѣ прошлаго, а также въ началѣ и въ серединѣ текущаго столѣтія, когда главными образомъ дѣло шло о приложеніи знаній механическихъ, отъ завѣдующихъ даннымъ производствомъ требовалось относительно меньшей научной подготовки, чѣмъ въ томъ случаѣ, когда все производство зависитъ отъ научнаго знанія лицъ, которыя ведутъ его, наблюдаютъ за нимъ. Новые отрасли производства: электротехническія, химическія и т. п. требуютъ уже не только исполнѣ научно-подготовленныхъ управителей, но требуютъ также большей или меньшей научной подготовки отъ лицъ, стоящихъ ниже въ промышленной іерархіи, до рабочихъ включительно.

Эту сторону вопроса оталично понимаютъ всѣ націи, желающія идти впередъ. Вотъ что, напримѣръ, говоритъ Бальфуръ, лидеръ уніонистовъ въ Нижней Палатѣ, въ своей интересной рѣчи при открытіи новыхъ залъ въ Battersea Polytechnic, въ началѣ февраля 1899 г.: „Въ вопросахъ техническаго образованія, — говоритъ онъ, — требуется различать двѣ стороны. Мы должны имѣть въ виду, чтобы оно давало возможность тому, кто получаетъ такое образованіе, предлагать свои знанія къ избранію имъ для себя дѣятельности. Это одна сторона вопроса. Но есть еще другая, не менѣе важная сторона, которую никогда не слѣдуетъ упускать изъ вида... именно полученіе общаго образованія, къ чему должна стремиться всякая здравая система образованія; и эта-то другая сторона... заключается въ развитіи всѣхъ умственныхъ и физическихъ способностей человѣка, въ развитіи его органовъ чувствъ, и которая должна сдѣлать изъ каждаго мужчины и изъ каждой женщины наиболѣе совершеннаго гражданина или гражданку, раз-

вывая всѣ способности до возможно высшей степени... Эта другая сторона, и съ національной точки зрѣнія быть можетъ гораздо болѣе важная сторона, чѣмъ первая, заключается въ полной научной подготовкѣ учащагося къ той профессіи, въ которой основательная научная подготовка теоретическая и практическая безусловно необходима, если только онъ желаетъ извлечь наибольшую пользу и для себя, и для той профессіи, которой онъ посвящаетъ себя. Крайне любопытно, какимъ образомъ могло произойти, а также почему это произошло, что только въ послѣдней половинѣ 19-го столѣтія была признана безусловная необходимость такой полной научной подготовки для крупныхъ промышленныхъ предпріятій. Дѣйствительной причиной я считаю слѣдующую: лишь послѣ того какъ наука достигла извѣстнаго развитія, и лишь послѣ того какъ промышленность также достигла извѣстнаго развитія, стало возможно, какъ это и было въ дѣйствительности, съ успѣхомъ и пользою поставить ихъ въ непосредственное соприкосновеніе, и только послѣ того, когда необходимость заставила сознать, что почти каждый шагъ впередъ, который дѣлаетъ теоретическая наука, отражается на соответствующемъ прогрессѣ въ промышленности; и что точно также промышленность и практическое приложеніе науки сами по себѣ отъ времени до времени порождаютъ новыя научныя представленія и новыя усовершенствованія или въ механизмѣ открытія, или въ результатахъ открытія... Теорія и практика въ настоящее время почти стали разными сторонами того же самого щита, и тотъ, кто способствуетъ развитію теоріи, быть можетъ по собственному опыту знаетъ, что его работою воспользуется практика, а тотъ, кто способствуетъ развитію практики, можетъ быть увѣренъ, что его работы будутъ цѣнны для теоріи"... Для того, чтобы научное образованіе дало тѣ результаты, которые мы имѣли въ виду, оно должно быть наиболѣе полнымъ *).

Дѣйствительно, задачи, предъявляемыя для разрѣшенія добывающею и обрабатывающею промышленностью, а въ особенности сельскимъ хозяйствомъ, крайне сложны; и тотъ, кто хочетъ понять нѣслѣдованія, произведенныя для ихъ разрѣшенія, и сдѣлать правильные изъ нихъ выводы, долженъ быть знакомъ съ законами

*) Даже „практическіе янки“ настаиваютъ на необходимости не только лишь техническаго образованія, но также научнаго, какъ объ этомъ можно видѣть въ каждомъ „Отчетѣ министра земледѣлія“. Такъ въ Report for 1896, министръ говоритъ: „Изученіе природы слѣдуетъ ввести въ обыкновенныя школы, чтобы фермеры уже съ молодыхъ лѣтъ свыксы съ изученіемъ той среды, въ которой онъ обреченъ работать“ (р. 10). Или вотъ еще: „Итакъ—читаемъ въ органѣ массачусетскаго технологическаго института (январь 1896)—наука съ ея методами должна стоять на первомъ планѣ; прикладное знаніе—на второмъ, а искусство рабочихъ—на послѣднемъ“. (Prof. Holman: The function of the Laboratory).

явленій природы. Поэтому-то изученіе чистой науки и выдвигаютъ впередъ. Одно техническое образованіе можетъ заключаться лишь въ рядѣ указаній и предписаній, значеніе которыхъ по необходимости крайне ограничено. Вотъ почему въ настоящее время лозунгомъ каждой націи, стремящейся идти впередъ по пути хозяйственнаго развитія, стало научное образованіе всего народа. Германія могла стать „страною дѣльцовъ“, быстро производящей завоеванія на всемірномъ рынкѣ, между прочимъ, именно потому, что до того она была „страной мыслителей“, именно потому, что въ ней образованіе и наука были въ почетѣ. Химическая промышленность и электротехническая въ настоящее время получили тамъ необыкновенно сильное развитіе, въ особенности первая; продукты ея завоевали всемірный рынокъ. „Первоначально промышленность эта не была нѣмецкой,—говоритъ докторъ Фишеръ въ крайне любопытной брошюрѣ: „Химическая технология въ университетахъ и высшихъ техническихъ школахъ Германіи“ (Брауншвейгъ, 1898). Большая часть этой промышленности существовала прежде въ Англіи и во Франціи, и уже ватѣмъ... изъ этихъ странъ перешла къ намъ, и въ настоящее время исключительно, или почти исключительно, снабжаетъ своими продуктами всемірный рынокъ“. Въ 1896 году этихъ продуктовъ изъ Германіи вывезено на 340 мил. марокъ. На всемірномъ рынкѣ побѣждаетъ тотъ изъ соперниковъ, который получилъ наибольшую научную подготовку *).

Вотъ этого-то фактора,—большей или меньшей *особиности* научнаго знанія,—который съ каждымъ днемъ приобретаетъ все большее и большее вліяніе на исходъ борьбы странъ, конкурирующихъ на всемірномъ рынкѣ, у насъ нѣтъ и въ поминѣ.

Но съ другой стороны самый предметъ, изъ за котораго ведется хозяйственная борьба, ви́днѣйшій открытый всемірный рынокъ, постоянно суживается; отчасти вслѣдствіе присоединенія части его къ той или другой изъ промышленныхъ странъ съ цѣлью хозяйственной эксплуатаціи, отчасти вслѣдствіе возникновенія капиталистическаго производства въ странахъ, до тѣхъ поръ служившихъ мѣстомъ сбыта продуктовъ крупной капиталистиче-

*) При довольно оживленномъ обсужденіи вопроса о причинахъ отсталости химической промышленности въ Англіи и о мѣрахъ къ ея устраненію, о вліяніи соперничества Германіи и пр. и пр., профессоръ Г. Армстронгъ между прочимъ замѣчаетъ, что не Германія страшна въ этомъ отношеніи, а что „туча надвигается съ другой стороны, и она затмѣитъ и Германію и насъ, такъ какъ очень сомнительно, чтобы мы могли выстоять противъ американской дѣловитости, ихъ природныхъ богатствъ и ихъ организаторскаго дарованія. Это несомнѣнно такой факторъ въ грядущей борьбѣ, который мы, близорукіе англичане, повидимому совершенно упускаемъ изъ нашихъ расчетовъ, а надъ нимъ намъ слѣдовало бы подумать очень серьезно“.

ской промышленности странъ старой капиталистической культуры. Этотъ процессъ идетъ чрезвычайъ быстро; можно сказать, на глазахъ живущаго поколѣнія произошелъ и до сихъ поръ происходитъ дѣлежъ между промышленными странами странъ, принадлежавшихъ къ открытому всемірному рынку, и возникновение въ нихъ новыхъ центровъ капиталистическаго производства. Такъ что недалеко то время, когда для дѣлежа ничего не останется, и когда каждой изъ промышленныхъ странъ придется довольствоваться своимъ собственнымъ внутреннимъ рынкомъ. А это для капиталистическаго производства, по условіямъ его существованія, обозначаетъ начало конца: производство въ капиталистической формѣ при этихъ условіяхъ существовать не можетъ.

У насъ капиталистическое крупное производство развивается на счетъ мелкаго, рутиннаго, и несомнѣнно, что послѣднее обречено на гибель. Оно слишкомъ мало производительно, въ немъ чересчуръ много тратится непроизводительно и рабочаго времени, и рабочихъ силъ. Тоже самое слѣдуетъ сказать и о мелкомъ сельскомъ хозяйствѣ, въ немъ такая непроизводительная трата производится еще въ большей степени по естественнымъ условіямъ производства. Если въ настоящее время въ борьбѣ за существованіе выживаютъ относительно менѣе крупныя земледѣльческія хозяйства, именно въ Европѣ, то, конечно, не потому, что они болѣе производительны, болѣе рациональны, а потому, что капиталистическія земледѣльческія хозяйства начинаютъ терять подъ собою почву, что они становятся невыгодными, не приносятъ средней прибыли; что, напримѣръ, тамъ, гдѣ они есть у насъ, они основываются на хищнической эксплуатаціи и рабочихъ силъ, и почвы, а также на томъ, что рабочіе или ихъ семейства имѣютъ какое ни на есть собственное хозяйство, свою землю; что по самому характеру производимыхъ въ нихъ работъ, рабочія силы требуютъ лишь урывками, на короткое время; что, стало быть, существовать круглый годъ этой работой для нихъ невозможно, а большія затраты на рабочую силу для капиталиста не окупаются. Не потому ли, наконецъ, выживаютъ относительно мелкія сельскія самостоятельныя хозяйства, что капиталистическія и болѣе рациональныя, вслѣдствіе условій капиталистическаго хозяйственнаго строя, достигли по пути своего развитія до того пункта, съ котораго имъ приходится, если ихъ не поддерживать искусственно высокими пошлинами, сворачивать на попятный?

Когда въ концѣ 70-хъ годовъ англійское сельское хозяйство, — а оно было тамъ болѣе рационально, болѣе производительно болѣе интенсивно, чѣмъ гдѣ-либо, — подъ влияніемъ соперничества закорскихъ хлѣбовъ крестьянскаго производства и развитія путей сообщенія, переживало крайне острый кризисъ, то капиталисты арендаторы стали печатно жаловаться на свое безвыходное положеніе... „Вотъ уже два года, какъ въ Times'ѣ, а также въ зем-

земельческих и других газетах, печатаются письма арендаторов, въ которыхъ приводятся статьи расходовъ, требуемыхъ для обработки ихъ фермъ; при этомъ, сравнивая ихъ съ доходами, получаемыми при теперешнихъ цѣнахъ, въ концѣ концовъ у нихъ оказывается положительный *недостатъ, убытокъ*. Вѣрите-ли, что ни одному изъ специалистовъ, распространяющихся объ этихъ отчетахъ, даже и на мысль не пришло сообразить, какой видъ примутъ эти отчеты, если статья ренты во многихъ случаяхъ будетъ вычеркнута совершенно, или „очень чувствительно“ сокращена во многихъ другихъ?“ Такъ писалъ Марксъ въ концѣ 1880 г. Съ тѣхъ поръ движеніе, начавшееся въ то время, продолжало разрастаться. Веденіе сельского хозяйства становилось все убыточнѣе и убыточнѣе. Оно не только не могло возмѣстить ренту, но даже предпринимательская прибыль, прибыль арендатора „очень чувствительно“ уменьшилась. Такой порядокъ вещей сталъ проявляться съ особою силою лишь подъ давленіемъ соперничества массы продуктовъ не капиталистическаго, а крестьянскаго производства. Къ этому же надо прибавить неустойчивость въ запросѣ на сельскохозяйственные продукты, служащіе сырыми матеріалами для обрабатывающей промышленности, порождаемую фазами промышленнаго цикла, по поводу которой Марксъ говоритъ: „Мораль этой исторіи (чередованія относительнаго вадорожанія и вызываемаго имъ позднѣйшаго обезцѣненія сырыхъ матеріаловъ органическаго происхожденія),—которую мы можемъ извлечь также, послѣдую земледѣлію съ иной точки зрѣнія,—заключается въ томъ, что капиталистическая система производительства рациональному земледѣлію, или что рациональное земледѣліе несовмѣстимо съ капиталистической системой (хотя послѣдняя и способствуетъ техническому его развитію) и требуетъ рукъ или самостоятельныхъ мелкихъ крестьянъ, или контроля объединившихся производителей“ (Капиталъ III, с. 83).

Не во всемъ ли этомъ, повторяемъ, слѣдуетъ искать причину выживанія, кромѣ крупныхъ хищническихъ, относительно незначительныхъ самостоятельныхъ хозяйствъ? Не въ томъ ли, что они довольствуются доходомъ, превышающимъ размѣры рабочей платы лишь настолько, чтобы позволять хоть какъ нибудь сводить концы съ концами? Но и при этихъ даже условіяхъ доходы ихъ уменьшаются, а вмѣстѣ съ такимъ уменьшеніемъ исчезаетъ возможность вести самостоятельное хозяйство на болѣе рациональныхъ началахъ. Болѣе рациональнымъ, болѣе производительнымъ, болѣе интенсивнымъ сельское хозяйство можетъ стать, какъ и всякое промышленное предпріятіе, только при увеличеніи размѣровъ, при болѣе экономномъ распредѣленіи въ немъ рабочихъ силъ и рабочаго времени, при помощи раздѣленія труда, пользованія машинами, недоступными для мелкихъ хозяйствъ; стало быть, лишь при объединеніи многихъ мелкихъ хозяйствъ и ве-

деніи ихъ сообща; но съ тѣмъ, чтобы всѣ времена рабочаго года были въ немъ использованы при такихъ же условіяхъ.

Вотъ почему въ интересахъ общества, какъ цѣлаго, стремиться къ такому широкому распространенію знанія, которое, давая возможность прилагать его къ увеличенію производительности труда, способствовало бы непосредственно заинтересованнымъ лицамъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ всему обществу, относиться сознательно къ общественнохозяйственнымъ условіямъ своего существованія, и создать такую форму промышленности, которая не заставляла бы, съ одной стороны, напрягать чрезмерно рабочія силы, а съ другой—чрезмѣрно расточать ихъ; притомъ такой, которая своимъ развитіемъ не подтачивала бы въ корнѣ возможность дальнѣйшаго развитія, а способствовала всестороннему развитію общественныхъ производительныхъ силъ для всесторонняго развитія каждаго изъ членовъ общества.

Въ настоящее время у насъ капиталистическое производство пока развивается, довольствуясь внутреннимъ рынкомъ, благо развитіи его громаднымъ населеніемъ въ 127 милліоновъ представляетъ действительно обширный рынокъ для сбыта его продуктовъ. Но всѣ данныя, относящіяся до условій развитія внутреннего рынка какъ у насъ, такъ и въ С.-А. Штатахъ, показываютъ, что относительное большинство населенія при этомъ бѣднѣетъ, что покупательная способность его уменьшается, что оно уменьшаетъ свой запросъ на продукты капиталистической промышленности, что внутренний рынокъ для послѣдней суживается, что развитіе производительныхъ силъ обгоняетъ потребительную способность населенія вообще; что, словомъ, дальнѣйшее развитіе капиталистической промышленности можетъ происходить или при механическомъ приростѣ земледѣльческихъ хозяйствъ и при благопріятныхъ условіяхъ отчужденія ихъ продуктовъ, какъ въ С.-А. Штатахъ (но тамъ этотъ приростъ уже быстро приближается къ своему предѣлу), или при заполученіи вѣнскихъ рынковъ. А приобрѣтеніе послѣднихъ будетъ для насъ особенно затруднительно вслѣдствіе того, что когда это потребуются, то страны, далеко опередившія насъ на пути экономическаго развитія и на пути способствующаго ему научнаго развитія, уже успѣютъ подѣлить между собою всѣ пока незахваченныя „свободныя“ земли съ ихъ жителями, и, надо полагать, къ тому времени капиталистическое производство въ нихъ, вслѣдствіе этого, — вслѣдствіе невозможности дальнѣйшаго расширенія рынка, — будетъ находиться въ періодъ кореннаго преобразованія въ новую форму, болѣе отвечающую интересамъ большинства населенія. Но такъ какъ у насъ въ то же время развитіе капиталистическаго производства шло и идетъ на счетъ пониженія благосостоянія

большинства населенія,—какъ это, къ сожалѣнію, слишкомъ наглядно доказываютъ хроническіе неурожаи, ведущіе къ голодовкамъ *),—то у насъ капиталистическая промышленность, развивающаяся притомъ при высокой таможенной охранѣ, при низкомъ уровнѣ потребностей населенія, должна встрѣтить препятствія своему развитію сначала въ нѣсколько замедленномъ ростѣ, а затѣмъ,—что бы ни говорили „адромысленные оптимисты“, исповѣдующіе регретишмобіле капиталистическаго производства,—въ сокращеніи внутреннего рынка, такъ какъ продажа товара, „реализація товарнаго капитала, значитъ реализація вмѣстѣ съ тѣмъ прибавочной стоимости, ограничена не только потребительными нуждами общества вообще, но потребительными нуждами такого общества, большая часть котораго бѣдна и которая должна оставаться бѣдною“.

Итакъ, подтвержденіе того, что причину обѣднѣнія нашего крестьянства за послѣднія 38 лѣтъ надо искать въ капитализаціи земельельческихъ доходовъ и въ капитализаціи промысловъ, т. е. въ обособленіи отъ земельельца обработки продуктовъ его, и обращеніе ея въ производство капиталистическое, и что съ тѣмъ вмѣстѣ такое обѣднѣніе большинства населенія, долженствующее идти прогрессивно по самому характеру вліянія развитія капиталистическаго производства въ его цѣломъ, неизбѣжно сокращаетъ внутренній рынокъ для сбыта продуктовъ капиталистическаго производства,—подтвержденіе всего этого мы находимъ, изучая условія развитія внутреннего рынка страны, которая и по хозяйственному развитію, и по хозяйственнымъ и вообще соціально-политическимъ условіямъ представляетъ прямой антиподъ Россіи.

Уже если американскіе крестьяне, фермеры, не смотря на широкую возможность пользоваться кредитомъ, на высокую технику, не смотря на сравнительно ничтожные налоги, не смотря на отсутствіе милитаризма — все-таки относительно обѣднѣютъ,

*) На это обыкновенно возражаютъ: да, это ведетъ къ голодовкамъ, къ болѣзнямъ, къ увеличенію смертности, но вѣдь

Чтобъ одного возмелечить, борьба
Тысячи слабыхъ уносить—
Даромъ, ничто имъ дается: судьба
Жертвъ испугительныхъ просить.

Такое возраженіе, однако, можетъ служить очень малымъ утѣшеніемъ для жертвъ, да и сами возражающіе не принадлежатъ къ числу пострадавшихъ. „Говорятъ, что дисгармонія,—читаемъ въ одномъ изъ писемъ Вѣлинскаго,—это условіе гармоніи: можетъ быть это очень выгодно и услужительно для меломановъ, но никакъ не для тѣхъ, которымъ суждено выразить свою участію идею дисгармоніи“. („Вѣлинскій, его жизнь и переписка“. Сиб. 1870, II, стр. 105—106).

то чего же можно ожидать у насъ въ Россіи, гдѣ къ общимъ экономическимъ причинамъ обѣднѣнія крестьянства надо прибавить полное отсутствіе научныхъ и сельско-хозяйственныхъ знаній, почти первобытную технику, и вслѣдствіе этого продажу большинствомъ населенія на всемірныхъ рынкѣ своихъ продуктовъ ниже ихъ мѣстной стоимости, а покупку предметовъ потребленія, вслѣдствіе высокаго ихъ акцизнаго и таможеннаго обложенія, несравненно выше ихъ стоимости на всемірномъ рынкѣ...

Надо ли прибавлять, что американскому фермеру неизмѣримо легче, чѣмъ нашему крестьянству, понять свое положеніе.

Николай —онъ.

ОБРАЩЕННЫЙ.

Разсказъ Бретъ-Гарта.

(Переводъ съ англійскаго Л. Л.).

Величайшая изъ палатокъ Тасаджавскаго лагеря была переполнена народомъ. Возбужденное состояніе сплошной толпы дошло до крайнихъ предѣловъ. Преподобный Стивенъ Мастер-тонъ, единственная стоявшая и полная страсти фигура въ смѣшанной путаницѣ коленнопреклоненныхъ прихожанъ, — достигъ послѣдней ступени своего обаятельнаго краснорѣчія. Вздохи и стоны отвѣчали его воззваніямъ... Но вдругъ преподобный братъ во Христѣ замѣтно подался впередъ и упалъ на полъ. Сперва всѣмъ показалось, что это входило въ его роль; стоны удвоились и двадцать, если не тридцать братьевъ тоже пали ницъ, скромно подражая проповѣднику. Однако, сестра Дебора Стоксъ, благодаря, быть можетъ, тайному инстинкту женской прозорливости, бросилась къ упавшему, поспѣшно развязала его черпый шелковый галстухъ и вытащила его изъ обезумѣвшей толпы... Блѣдный, безчувственный, онъ не въ силахъ былъ продолжать служеніе. Даже на другой день, когда онъ слегка пришелъ въ себя, убѣдились, что малѣйшая попытка возобновленія духовнаго краснорѣчія приводила къ тѣмъ же пагубнымъ послѣдствіямъ.

Старшины второпяхъ собрали совѣтъ. Не смотря на энергичный протестъ сестры Деборы, рѣшили, что «Господь борется съ душою грѣшника», и паства подвергла его тому же, нѣсколько странному, лѣченію, которое онъ самъ примѣнялъ къ паствѣ: его усадили, блѣднаго и дрожащаго, между двумя братьями въ скамьѣ «Плакальщинокъ» и тамъ надъ нимъ молились, зывали къ нему, укоряли его — пока безчувственность не смѣнила припадкомъ конвульсій. Вслѣдствіе бесполезности этой духовной терапевтики, его передали нѣжному уходу женскаго персонала. Но, послѣ мѣсячнаго испытанія, ему пришлось «уступить плоти» и, говоря мѣстнымъ языкомъ, «употребить доктора». Случилось, что докторъ этотъ былъ

человѣкъ обширныхъ познаній и опыта, суровый и прямой на слово. Поэтому, увидавъ однажды въ своей приѣмной человѣка первобытно-западнаго типа, сильно сложеннаго и загорѣлаго, но дрожащаго, робкаго, невротическаго въ движеніяхъ, онъ серьезно выслушалъ всѣ симптомы и спросилъ:

— А много вы пьете?

— Я воздержанъ и былъ таковымъ всю мою жизнь!.. — проговорилъ больной съ трепетнымъ негодованіемъ. Тогда послѣдовалъ другой вопросъ, до того откровенный и ужаснувшій слушателя, что онъ, шатаясь, вскочилъ на ноги. — Я — Стивенъ Мастертонъ, всѣмъ извѣстенъ, какъ окружной проповѣдникъ Сѣверной Калифорніи, — прогремѣлъ онъ, — я врагъ плоти во всѣхъ ея проявленіяхъ!..

— Простите, — возразилъ докторъ Дюшенъ, — но вы страдаете крайнимъ и упорнымъ раздраженіемъ нервной системы, страдаете упадкомъ силъ, всегда неразлучнымъ съ продолжительнымъ и дѣланнымъ экстазомъ. Пусть причина всему этому духовная, но послѣдствія тѣ-же: чисто физическое дѣйствіе на наше тѣло, которое, смѣю думать, вы мнѣ доставили на налѣченіе. Итакъ — діета? Никуда не годная, навѣрно?

— Пища моя самая простая, у меня нѣтъ влеченія къ яствамъ! — отвѣтилъ пациентъ.

— Предположимъ, вы называете ржаной хлѣбъ съ мало-соленной свининой «простою пищею», — хладнокровно замѣтилъ докторъ, — пища эта несомнѣнно грубая, но, если бы вы работали мускулами, не перлам, она бы вамъ не повредила. Но вы ѣдите то, чего не въ состояніи переварить, и страдаете наравнѣ съ любимъ обжорой. Все это надо прекратить. Вамъ надо мѣсяца на два съѣздить на воды...

— Я на водахъ! — перебилъ Мастертонъ, — въ убѣжищѣ праздныхъ, суетныхъ, порочныхъ!.. никогда!

— Ну, я не настаиваю на счетъ «водъ», — сказалъ докторъ, пожимая плечами, — хотя немного лѣпи, немного суетности съ переменною пищею принесли бы вамъ пользу, — но вы должны куда нибудь уѣхать и совершенно измѣнить свои привычки и образъ жизни. Я вамъ придумаю старый, сонный испанскій городокъ въ одномъ изъ южныхъ округовъ, гдѣ бы вы могли отдохнуть и выдержать діету. Если она вамъ не по вкусу, назовите мое предписаніе «испытаніемъ».

Таково было положеніе Стивена Мастертона, когда онъ, спустя педѣлю, въѣхалъ изъ каменистаго ущелья въ плохо мощеную, неровную, съ крутымъ подъемомъ улицу, которая казалась продолженіемъ горнаго пути. Она внезапно расширялась четырехугольною «plaza», охваченною рядомъ неровныхъ, желтѣющихъ «adobe» — домовъ, съ небольшою верандою

по угламъ, одинокимъ «fonda» съ галлереей и мавританскими воротами, ведущими во внутренний дворъ, или «patio».

Улица по обыкновенію заканчивалась у дверей миссіонерской церкви въ тѣпи двухъ колоколенъ, что по обѣ стороны фасада, какъ будто это и есть «ultima thule» всякаго путешественника. Все, на чемъ только останавливались глаза, было въ развалинахъ. Дома «adobe» дали трещины отъ безпомощнаго полугодового лѣта и повторяющихся землетрясеній; мощеный дворъ старинной «fonda» былъ до того перовень и ухабистъ по серединѣ, что тяжелый фургоны и полинялая «diligencia» стояли накренивше, а мулы съ трудомъ удерживались на погахъ во время разгрузки; бѣлая штукатурка обвалилась съ подпожія колонокъ у дверей миссіи, точно багдахъ съ податрическаго члена, обнаруживая красноватую основу ветхой «adobe»; на улицахъ и въ аллеяхъ было столько же сломанныхъ плитъ, сколько на тяжелыхъ красныхъ крышахъ, откуда онѣ скользили вдоль разрушившихся стѣпъ на землю. Были безнадежныя провалы въ рѣшеткахъ дверей и оконъ, откуда желѣзные прутья безпомощно выпали, или изогнулись подъ разными углами. Стѣны мирной миссіи и воинственнаго «presidio» одинаково потонули во вьющемся виноградникѣ и сравнялись въ чащѣ грушевыхъ и оливковыхъ деревень, которыя тамъ властвовали. Густая, неосозаемая пыль лежала въ канавахъ и рытвинахъ, издавая мягкій залпъ при каждомъ ударѣ лошадиныхъ копытъ. Надо всей этой пылью и разореніемъ властно царилъ лѣнь. Начиная съ фигуръ въ бархатныхъ курткахъ, до того неподвижно лежавшихъ въ тѣни открытыхъ дверей, что только струйки дыма свидѣтельствовали, что онѣ дышатъ, и кончая нищими, отдыхавшими въ тѣни катальповыхъ деревьевъ, да болтливыми индѣйцами въ «агтеу» — все дышало грязью и лѣнью.

Преподобный Стивенъ Мастертоны почувствовалъ, что горло его падувается прежнимъ прилиномъ краснорѣчиваго негодованія. Яркій желтый вѣтеръ двигался тихо передъ черноволосой головой за бѣлою занавѣскою окна. Въ темныхъ волосахъ алѣла пунцовая роза... Онъ понялъ, что задыхается отъ праведнаго гнѣва и сильнѣе прищипорилъ лошадь.

Тѣмъ не менѣе, нѣсколько дней спустя, съ помощью письма къ хозяину гостиницы, онъ водворился въ полу-разрушенномъ «adobe», домѣ, вродѣ уже видѣнныхъ имъ домовъ, только внѣ города, рядомъ съ садомъ старой миссіи. Домъ этотъ имѣлъ собственный малегькій садъ, если можно назвать садомъ кусокъ раскаленной стѣны, потопувшей въ ползучихъ бѣлыхъ и желтыхъ розахъ, штукъ двѣнадцать олеандровъ, бордюръ изъ геліотропа и одинокое миндальное дерево. У вновь приѣзжаго была своя дворъ, скрытая въ толстой стѣнѣ,

своя небольшая гостиная, спальная съ альковомъ и такими глубокими амбразурами окопъ, что они скрадывали ослѣпительный солнечный свѣтъ и хранили ровную, монотонную полутьму. Странно сказать, онъ нашелъ, что все это прохладно, располагаетъ къ покою, совершенно чисто, не смотря на пыль, и лишено всякаго запаха, кромѣ душистаго аромата гелиотропа. Сухой воздухъ, казалось, разгонялъ зловоніе, присущее разрушенію—самая пыль была чрезвычайно топка и неосязаема, отличалась какою-то пряною пикантною и не оставляла пятенъ. Сморщенная старая индіанка, коричневая и жилистая, какъ табачный листъ, заботилась о пезатѣйливыхъ его пуждахъ. Но пужды эти были регулированы докторомъ Дюшеномъ: завтракъ состоялъ изъ стакана шоколаду вмѣсто прежней, почтенныхъ разѣтровъ кружки кофѣ съ патокой; сухая, хрупкая «tortilla» замѣняла тяжелый ржаной хлѣбъ съ жирнымъ жаренымъ саломъ и, что всего удивительнѣе, обѣдъ его заканчивался гроздью розоваго винограда со стѣны миссіонерскаго сада. Онъ долженъ былъ согласиться, что все это просто, но приспособлено къ климату и къ обстановкѣ. Съ другой стороны,—хотя это была убогая пища простого крестьянина—но развѣ не были эти «реопс» на самомъ дѣлѣ грѣшныя идолопоклонники? Въ концѣ недѣли—въ виду того, что переписка была ограничена докторомъ нѣсколькими строчками, касающимися лѣченія, онъ писалъ ему: «Дрожаніе и безпокойство почти исчезли; почная горячка и сповидѣнія уменьшились; животный мой аппетитъ вполне удовлетворенъ и успокоенъ простыми яствами,—какое бы ни было окочнательное ихъ дѣйствіе на слабую въ общемъ и грѣшную нашу природу. Но я не буду чистосердеченъ, если не повѣдаю вамъ, что съ глубочайшей духовной тревогой вижу въ себѣ положительное стремленіе къ праздности и равнодушное лицедрѣіе явленій не только житейскихъ, но и духовныхъ. Прошу васъ съ христіанскимъ чувствомъ любви обратить вниманіе на то, не будетъ ли мудрымъ возбудить апатичную мою плоть слабыми воззваніями противъ этой праздности въ другихъ и этимъ удержать себя самого отъ паденія въ бездну?..»

Какой былъ полученъ отвѣтъ—неизвѣстно, но падо предполагать, что пациентъ остался вѣренъ своему доктору: онъ послушно совершалъ пезатѣйливыя экскурсіи пѣшкомъ и верхомъ, изрѣдка только отдаваясь набожнымъ созерцаніямъ. Одиночество его ничѣмъ не нарушалось: любопытство—дѣятельный порокъ и причинилъ бы слишкомъ много безпокойства его лѣнливымъ сосѣдямъ. Знойное отшельничество заѣзжаго «Americano», хоть и разнилось отъ привычекъ и пріемовъ его соотечественниковъ, никого не задѣвало. Лавочникъ и трактирщикъ кланялись ему

съ глубокой обходительностью, возбуждавшей въ немъ даже легкое неудовольствіе.

Однажды, когда онъ безсознательно перешелъ границу собственнаго сада и очутился во фруктовомъ саду миссис, проворная тѣнь въ черномъ облаченіи скользнула мимо него съ такимъ глубокимъ, кроткимъ, такъ сказать, поклономъ, что онъ, будучи взятъ въ распахъ, отиѣтилъ неловкимъ подражаніемъ этому поклону; вслѣдъ затѣмъ въ сердцахъ онъ сталъ себя провѣрять. Онъ зналъ, что ненавидитъ это длинное жоноподобное одѣяніе, этотъ символъ показнаго благочестія, всю эту таинственность, и гордо надулъ свою грудь надъ небрежно связаннымъ галстукомъ, надъ разстегнутымъ жилетомъ, съ пріятнымъ сознаніемъ контраста. На слѣдующій день онъ примѣтилъ, что избѣгаетъ вдуматься въ эту встрѣчу и, провѣривъ себя, приписалъ это добровольному послушанію предписаніямъ врача. Когда онъ снова будетъ силенъ и пригоденъ къ служенію учителя, какъ яростно онъ воспользуется этимъ случаемъ для нападенія на «Багровую женщину» въ образѣ ея рабовъ и поклонниковъ. Вечернія его медитации и чтеніе единственной книги—Бибіи—были аккуратно нарушаемы во время заката двумя, тремя ударами, издаваемыми надтреснутымъ колоколомъ въ старой колокольнѣ, видѣвшейся изъ-за рощи скрюченныхъ грушевыхъ деревьевъ. Нельзя сказать, чтобы этотъ колоколъ былъ очень пазойливъ и упоренъ, или чтобы онъ внушалъ религіозныя чувства. Это не былъ воскресный колоколъ, а ежедневный и казался только *сигналомъ* для чуткаго уха—а не строгимъ *напоминаніемъ*.

Вечерній часъ былъ странно обаятеленъ. То было, когда солнце скользило съ пылающихъ красныхъ крышъ и желтѣющихъ адобе миссіонерскихъ стѣнъ, и высокая, волнующаяся трава на холмахъ сливалась въ одинъ общій цвѣтъ стараго золота. То было, когда трепещущій зной «аггею» и пыльное пространство «плаза» сливались съ мягкимъ дыханіемъ морскаго тумана, выходящаго изъ расщелинъ прибрежныхъ скалъ, когда живительный покой, какъ благословеніе, спускался на всю природу. То было, когда раскаленное знойнымъ вѣтромъ ущелье ожидалось мягкими испареніями; когда сосны на вершинахъ не качались монотонно-уныло, и просторное волнующееся море необозримыхъ полей утихло и отдыхало. Въ такой именно часъ, вѣдетъ съ усилившимся благоуханіемъ сада, подираясь къ преподобному Стивену Мастертону неуловимый ароматъ, странный и совершенно для него новый.

Онъ отложилъ свою книгу, сошелъ въ налсадникъ и, хорошо не сознавая, что поступаетъ противъ правилъ, прошелъ черезъ фруктовый садъ миссис и отуда на кладбище, что за церковью. Разглядывая странныя надгробія на непонятныхъ

языкъ, онъ былъ неизъяснимо тронутъ незатѣйливыми знаками памяти на могилахъ—точно дѣтскія игрушки—и умышленно не остановился на неразлучныхъ съ ними эмблемахъ католичества. Онъ былъ смутно пораженъ тѣмъ, что смерть, эта всеобщая примирительница, какъ бы на второй планъ отодвинула эти эмблемы безсмертной вѣры, выдвинувъ на первый простые дары неугасимой любви и преданности. Мимолетная вспышка сомнѣнія поразила его внезапною болью. Онъ подошелъ къ дверямъ церкви: къ изумленію его, двери были открыты. Стоя на порогѣ, онъ заглянулъ внутрь храма и такъ и простоялъ съ минутою въ полномъ изумленіи.

Въ человѣкѣ образованномъ и съ развитымъ вкусомъ странное и ярко-цвѣтное сочетаніе предметовъ вызвало бы только улыбку и легкое пожатіе плечъ; но въ чуткой, впечатлительной и неопытной въ артистическомъ смыслѣ натурѣ Стивена Мастертона оно вызвало, странно сказать, глубокое впечатлѣніе. Тяжелый, грубой отдѣлки деревянный сводъ, испещренный голубыми и красными полосами, багровыя занавѣси, черныя съ золотомъ драпировки—подѣйствовали на релігіознаго ретрограда точно также, какъ они въ свое время дѣйствовали на азычниковъ, для обращенія которыхъ храмъ былъ воздвигнутъ. Онъ не могъ оторвать глазъ отъ Мадонны, сіявшей серебромъ и драгоценными камнями, въ коронѣ изъ сусальнаго золота; лучезарный щитъ передъ св. причастіемъ, освѣщенный высокими, прозрачными свѣчами въ таинственной полутьмѣ алтара, ослѣпилъ его, точно лучистый дискъ заходящаго солнца. Тихій ропотъ, напоминавшій шумъ отдаленнаго моря, носился надъ алтаремъ. Въ павильонѣ своемъ восхищеніи онъ не замѣтилъ колѣнопреклоненныхъ фигуръ въ тѣни колоннъ и проходовъ; только, когда мужчина, признанный имъ за погонщика лошаковъ, и котораго онъ въ тотъ же день видѣлъ игравшимъ въ карты и пьянствовавшимъ въ «fonda»—скользнулъ мимо него и сталъ на колѣни по серединѣ прохода, онъ сообразилъ потрясающую истину: онъ, Стивенъ Мастертонъ, присутствуетъ при обрядѣ католическаго идолопоклонства! Онъ торопливо отвернулся, но содержатель «tienda» — человѣкъ праздный и грѣшный,—кратко подошелъ къ нему изъ полутьмы колоннъ съ нѣмымъ, очевидно пригласительнымъ жестомъ. Бурный протестъ презрительнаго негодованія поднялся къ его горлу и замеръ на устахъ. Однако, у него хватило силъ выпрямить сухощавую, изможденную фигуру, потрести длинными, распростертыми руками съ жестомъ заклинанія и стремглавъ броситься вонъ изъ церкви. Ему показалось, что слабая улыбка мелькнула на лицѣ трактирщика, который обмѣнялся нѣсколькими словами съ сосѣднимъ, болѣе благороднымъ съ виду идолопоклонникомъ. Но слова эти были для него не понятны.

На слѣдующій день онъ писалъ своему доктору тѣмъ первобытнымъ и высокопарнымъ слогомъ, которымъ полуобразованный человѣкъ обыкновенно восполняетъ пробѣлы разговорной фразировки: «Не допустите, чтобы очищеніе моей плоти было слишкомъ продолжительно. Праздность и поклоненіе Ваалу, ежедневно мною лицеизримыя, убѣждаютъ меня, что не только плоть моя, но и духъ мой сокрушается. Но тѣлесныя силы милостиво ко мнѣ возвращаются, и я вчера былъ въ состояніи совершить длинную прогулку въ тотъ часъ, который, судя по языческому обряду, считается здѣсь священнымъ. Онъ зовется прекраснымъ именемъ «Angelus». Таковыми образомъ они лжесвидѣтельствуютъ ему!... Можете-ли вы пояснить, что значать слова «Донъ Кихоть»? Мнѣ безызвѣстны чувственныя, ложныя нарѣчія. Слова эти не разъ примѣнялись ко мнѣ язычниками...»

«Р. S. Не безпокойтесь. Я только что узналъ, что вышеупомянутыя слова просто на просто заглавіе пустого романа и никакъ не могли относиться ко мнѣ».

Тѣмъ не менѣе, какъ истый «Донъ Кихоть», ничего не подозревавшій Стивенъ Мастертонъ являлся на уликахъ мисси, сопутствуемый полу-улыбками и сплсходительнымъ сожалѣніемъ толпы. Не смотря на созерцанія, не смотря на Библію и на привычку ложиться рано, онъ понемногу пришелъ къ убѣжденію, что вечера его одиноки и скучны. Ему недоставало молитвенныхъ сходовъ и, въ особности, гимновъ. У него былъ прекрасный баритонъ, необработанный, но симпатичный. Однажды почью, въ уединеніи собственнаго сада, въ безопасномъ отдаленіи отъ другихъ жилищъ, онъ возвысилъ голосъ и спѣлъ знакомый ему гимнъ лагерныхъ митинговъ. Постепенно одушевляясь, онъ, наконецъ, наполнилъ тихую ночь ревностнымъ полетомъ вдохновенной пѣсни, и, пораженный собственнымъ усердіемъ, на минуту остановился, прислушиваясь, не то испуганный, не то сконфуженный своею вспышкою. Но слышны были только трели ночного вѣтра въ листьяхъ да лай «coyote» гдѣ-то вдали. Вдругъ ему почудилось, что онъ слышитъ металлическій звонъ струннаго инструмента въ саду мисси, за предѣломъ его собственнаго сада. Онъ вспомнилъ про сосѣдство съ церковью, и въ немъ шевельнулось что-то въ родѣ негодующаго вызова. Все же онъ чувствовалъ облегченіе: давно сдерживаемое волненіе вдругъ вылилось безъ нервнаго возбужденія, всегда слѣдовавшаго за былыми его восторгамъ. Въ ту ночь онъ спалъ куда лучше. Въ пѣніи, въ псалмахъ, онъ снова отыскалъ своего Господа!

Въ слѣдующій вечеръ Мастертонъ случайно вспомнилъ такой же простой, но болѣе нѣжный гимнъ, навѣянный болѣе отраднымъ настроеніемъ духа. Закончивъ первую строфу, онъ убѣдился,

что ему вторить тот же звенящий звукъ, слышанный имъ накануне и признанный даже необразованнымъ его слухомъ за попытку аккомпанировать его пѣнію. Но не докончилъ онъ второй строфы, какъ невидимый музыкантъ, послѣ искусной, но безполезной попытки тронуть надлежащую струну, отказался отъ этого съ востерпѣливой, чуть не гнѣвной фіоритурой и громкимъ ударомъ о звучную доску невидимаго инструмента. Мастертопъ докончилъ свой гимнъ въ одиночествѣ. Любопытство въ немъ загорѣлось, и онъ попытался развѣдать жилище спрятаннаго музыканта. Звукъ, очевидно, доносился изъ сада миссіи, но, не зная мѣстнаго нарѣчія, онъ ни о чемъ не могъ спросить индианку—ключницу.

Въ третью ночь его гимну не вторили аккорды музыканта. Какое-то непонятное разочарованіе имъ овладѣло: пріятная увертюра невидимаго исполнителя облегчала его одиночество... Впрочемъ, когда онъ закончилъ гимнъ—снова прозвучали знакомые звуки. На этотъ разъ музыкантъ игралъ довѣрчиво, смѣло, искусно владѣя инструментомъ. Закончена блестящая прелюдія и, къ полнѣйшему его изумленію, прозвучало насмѣшливо высокое, дѣтское, но безконечно обаятельное и милое сопрано. Но, увы! даже его незнакомыя съ испанскимъ языкомъ уши ясно поняли, что пѣсня эта была пѣсней легкомыслія, распушенности, свободы, своеволія, кокетства и страстности! Однако сила обаянія была такъ велика, что онъ все простилъ чарующей, дѣтски-новинной выразительности пѣвицы. Достаточно сказать, что этотъ сухошавый, высокій, широкоплечій человекъ всталъ и, уступивъ чувству дѣтскаго любопытства, спустился въ садъ и индѣйски-мягкою поступью скользнулъ по направлению къ голосу.

Полная луна сіяла надъ разоренной стѣною миссіи, которую окаймляли букеты темной зелени. Не то вращаясь, не то сдвигаясь съ однимъ изъ пикъ, въ видѣ неясной формы, сотканной изъ скомканныхъ складокъ, напоминавшихъ странное птичье гнѣздо—видѣлся въ темнотѣ таинственный музыкантъ. Сосредоточенность исполнителя была такъ велика, что Мастертопъ подошелъ къ стѣпѣ, даже къ самымъ ногамъ фигуры, не привлекая къ вниманію. Но его нога скользнула по шаткимъ «debris», и съ шумомъ треснувшего дерева маленькій крикъ раздался на верху. Онъ успѣлъ сохранить равновѣсіе, но пѣвица, порывисто перегнувшись черезъ паранетъ, потеряла свое и полетѣла внизъ. Мастертопъ былъ человекъ высокій, ловкій, находчивый и потому успѣлъ во-время всплутъ свои длинныя руки. Въ ту же минуту онъ наполнился мягкими воланамъ. Бьющаяся фигура лежала у него на груди и женскія испуганныя ручки обхватили его шею. Онъ подхватилъ ее, и тутъ же съ неизъяснимой нѣжностью освободилъ, невидимую, съ почти несмѣтными

волавами, и поставилъ на ноги къ подножію стѣны. Даже гитара, висѣвшая черезъ ея плечо на длинной желтой лентѣ, лишь эластично и звонко толкнулась съ стѣну, и теперь, петронуемая, лежала у ея ногъ, обутыхъ въ черныя атласныя башмачки. Она подхватила гитару съ легкимъ вызывающимъ крикомъ и полупнасмѣшливо ударила по струнамъ своею материнскою рукой.

— Вы не ушиблись, надѣюсь?—серьезно сказала окружной проповѣдникъ. Она разсмѣялась такимъ серебристымъ смѣхомъ, что онъ не счелъ себя безумнымъ, сравнявъ этотъ смѣхъ съ пгравшими на ней лунными лучами, перерожденными въ звуки. Она была и стройна, ядородна; одѣта въ полосатое платье—черное съ желтымъ,—съ топенькой, какъ у хорошењкой осы, таліей. Цвѣтъ лица у нея при лунномъ свѣтѣ переливался изъ перламутра въ атласъ, черныя глаза казались огромными, алмазныя губы горѣли. Она была мала ростомъ, но, вспомнивъ четырнадцатилѣтнюю жену трактирщика, онъ понялъ, что, не смотря на дѣтскій голосъ и дѣтскія черты, она была взрослой женой, и имъ овладѣла внезапная робость. Но она шаловливо заглянула ему въ лицо, поставила свою гитару, заложила руки за спину, оперлась о стѣнку и пожала плечами.

— Это наша вила!—сказала она плохимъ англійскимъ языкомъ,—зачѣмъ вы не сидите дома, въ собственной «саа»? Вотъ и случилось! Вы подкрадываетесь, трясете стѣну, я падаю... И она, указавъ на гитару, прибавила:—чуть не разбилась. Вотъ я вся благодарность за мою серенаду.—Ingrate!

— Простите,—носпѣшно отвѣтилъ Мастертонъ,—я попытствовать... Я думалъ, что могу вамъ помочь, и..

— Хотѣли изобразить второго кота на заборѣ? Нѣтъ, спасибо, одного довольно!

Мастертонъ насунился.

— Вы меня не поняли,—сказалъ онъ рѣзко,—я не зналъ, кто здѣсь.

— Виепо, виепо, здѣсь Пепята Рамирезъ, какъ видите,—возразила она, постукивая пальчикомъ по своему корсажу,—племянница Мануэля Гуарсиа, что содержитъ садъ миссиа и живетъ здѣсь. А вы?

— Мое имя Мастертонъ.

— Какъ?

— Мастертонъ,—повторилъ онъ.

Она раза два сдѣлала отчаянную попытку произнести это слово, но затѣмъ такъ энергично потрясла головою, что желтый розанъ, приколотый надъ ея ухомъ, упалъ на землю. Она этого не замѣтила; не замѣтила и того, что Мастертонъ поднимилъ розу.

— Не могу!—сказала она, надувшись,—и-мя также трудно, как трудно моею гитарѣ вторить вашей серенадѣ.

— Развѣ вы не можете сказать: Стивенъ Мастертонъ? — спросилъ онъ, смягченный и снова охваченный примирительнымъ чувствомъ къ ей почти дѣтскому возрасту.

— Эс-тивенъ? Ахъ. Estaban! Да, don Estaban! Bueno! Итакъ, донъ Эстабанъ, зачѣмъ это вы въ одну ночь посто такъ уныло, а въ другую такъ свирѣно? Унылая пѣсня — туда-сюда; но свирѣная — ухъ! Развѣ americano всегда такъ поютъ свои серенады?

Мастертонъ опять нахмурился: его гимнъ, навѣянный божественнымъ восторгомъ, не могъ быть понятъ ни этимъ народомъ, ни этимъ распутнымъ ребенкомъ.

— То не была серенада, — отвѣчалъ онъ кратко. — то была хвала Господу!

— Кому?

— Повелителю легионовъ, Всевышнему на небесахъ! — онъ благоговѣнно распротеръ руки.

— О-охъ! — сказала она испуганно и слегка отодвинувшись отъ стѣны. На безопасномъ, какъ ей казалось, разстояніи она остановилась.

— Вы значитъ, солдатъ, донъ Эстабанъ?

— Нѣтъ!

— Такъ зачѣмъ же вы посто: «Я солдатъ въ рядахъ Господнихъ»? да еще повторяете, что «умрете въ его арміи». Да, да!

Она подняла гитару, важно погрозила ему пальчикомъ: — Вы хвастуетъ, донъ Эстабанъ! — и скользнула въ лунномъ свѣтѣ.

— Одну минуту, миссъ... миссъ Рампрезъ, — крикнулъ Мастертонъ. — Я, т. е. вы, забыли свою розу, — докончилъ онъ слабѣющимъ голосомъ, протягивая ей цвѣтокъ.

— Ахъ, да! она упала — вы ее подняли — она ваша! Я упала, вы меня подняли, но я не ваша. Покойной ночи, commandante Estaban! — И, легкомысленно разсмѣявшись, она побѣжала вдоль стѣны, потомъ вдругъ прыгнула и исчезла въ широкомъ отверстіи развалинъ. Стивенъ Мастертонъ глупо глядѣлъ ей вслѣдъ, держа розу въ рукахъ. Потомъ онъ бросилъ цвѣтокъ и вошелъ въ свой домъ. Онъ зажегъ свѣчу, раздѣлся и усердно помолчился — такъ усердно, что даже тѣнь воспоминанія о пустомъ, «праздномъ» случаѣ была стерта въ его памяти — и легъ спать.

Спать онъ хорошо — безъ сновидѣній. На слѣдующее утро, вспомнивъ прошлую ночь, онъ подумалъ, что не уклонился отъ духовной своей чистоты, и не сообразилъ, что мысль эта сама по себѣ была уже опасна. Ноги его совершенно естественно направились къ саду въ лучахъ раннего солнца и подняли его къ стѣнѣ, гдѣ стояла она. Но онъ не обратилъ вниманія на живительную свѣжесть утра, на возобновленіе обѣтовъ

жизни и возрожденія, на прозрачный воздух и побѣдное солнце—ему только казалось, что онъ опять видитъ фигуру молодой дѣвушки, опирающуюся о стѣну, во всемъ чарующемъ обаяніи своей всецѣльной и невинной юности. Передъ нимъ снова развѣртывалась вся пережитая сцена: воздушныя драпировки, полускрытыя въ темной листвѣ, легкій крикъ и паденіе: мгновенное, легкое прикосновеніе юнаго тѣла, ручки, обхватившія его шею, шепель душистыхъ волосовъ, все это на него нахлынуло съ силою, раньше *не испытанною*. Онъ хотѣлъ было отвернуться, но глаза его встрѣтились съ желтой розой, лежавшей среди развалинъ стѣны, тамъ, гдѣ онъ ее кинулъ—все еще чистой, свѣжей, неувядшей. Онъ подпаялъ ее со страшной мыслью, что роза *она сама*, и поцѣлъ дохой. Когда онъ робко вставлялъ ее въ стаканъ съ водою на письменномъ столѣ, ему въ голову пришла другая поразительная мысль: не былъ ли эпизодъ вчерашней ночи дѣломъ провидѣнія? Эта дѣвушка—своеправный ребенокъ,—но она не безвозвратно погружена въ цѣлѣбныя и въ праздность. Она свѣтильникъ, который полагается вырвать изъ пламени. Развѣ тутъ не представляется желанный случай обращенія? возможность излить даръ краснорѣчія, скрытый въ издрахъ уединенія и одиночества? Да, все это *предназначено*. Его болѣзнь, изгнаніе въ страну кумировъ, сосѣдство съ миссіей, все это часть свыше начертаннаго плана для спасенія дѣвической души, и не *онъ* ли самъ избранъ для достиженія этой цѣли? Даже больше: развѣ сама эта дѣвушка не безсознательное орудіе въ рукахъ высшей силы? И эти ея мимовольныя попытки ему аккомпанировать не были ли неслышимъ движеніемъ этой силы? А эта пгривость, эта суетность, и вмѣстѣ съ тѣмъ не попытка имъ сначала дѣтская наивность—развѣ эти контрасты не тѣ же движенія души и плоти? Развѣ онъ можетъ ее покинуть въ этой борьбѣ добра и зла? Онъ поднимать свою голову, склоненную на рукѣ передъ маленькимъ цвѣткомъ въ стаканѣ—точно передъ святыней,—и въ глазахъ его сверкнулъ рѣшительный блескъ. Сморщенная шиданка, пришедшая для исполненія своихъ обязанностей, съ трудомъ узнала своего печально-сосредоточеннаго барина въ этомъ преобразившемся человѣкѣ. Она отвѣтила на его привѣтъ и на вопросы, высказанные свободно вслѣдствіе новой, овладѣвшей имъ рѣшимости.

— Да, да. Она племянница садовника миссіи и живетъ съ дядей въ разорепномъ флигелѣ стараго «Presidio». Первое прилчастіе она приняла четыре года тому назадъ. О, да! она прекрасная музыкантша—играетъ на органѣ и на гитарѣ—о, да, конечно! Она весела и заигрываетъ съ молодыми и старыми «caballeros», но не любитъ никого изъ нихъ.

Если послѣднее заявленіе и доставило удовольствіе Сти-

вену Мастертону, то онъ приписалъ это удовольствіе сознанію, что отсутствіе свѣтской привязанности сдѣлаетъ ее способной къ обращенію. Но какъ совершить это обращеніе? Какъ продолжать случайное знакомство? Мастертонъ впервые понялъ цѣну тактики: его натура требовала открыто и публично искать ея общества, но онъ зналъ, что это невозможно; зналъ также, что она испугалась его перваго духовнаго признанія. Онъ долженъ быть мудръ, какъ змій, кротокъ, какъ голубица. Онъ долженъ тайно овладѣть ея душою. Онъ, который отказался бы отъ тайнаго общенія со всякой женщиной изъ-за простой человѣческой привязанности, ничего дурного не видѣлъ въ нѣкоторой интимности съ цѣлью религіознаго спасенія. Несвѣдущій въ житейскихъ дѣлахъ, неопытный въ общественныхъ обычаяхъ, онъ сталъ придумывать методу тайныхъ встрѣчъ, не брезгая интригой, какъ влюбленный.

Проницательность и чутье истиннаго любовника озарили его въ этомъ стремленіи къ духовной побѣдѣ. Вооруженный полученными свѣдѣніями и нѣсколькими испанскими словами, онъ отозвалъ въ сторону желтокожую индіанку, велѣлъ ей отнести записку и тайно передать ее миссъ Рамирезъ. Къ полному его удовольствію и удивленію, старуха сочувственно оскалила зубы, и увядшая рука ея съ привычною быстротой схватила записку вмѣстѣ съ сопутствовавшимъ ей вознагражденіемъ. Человѣку, менѣе наивному, это подало бы поводъ къ подозрѣніямъ, но сангвиническимъ надеждамъ Мастертона оно только подсказало, что и старая индіанка способна къ обращенію, что онъ, современемъ, постарается ее также спасти—но все это погода: индіанка безотлучно при немъ, а молодая дѣвушка отсутствуетъ... Записка, сочиненная имъ съ нѣкоторымъ трудомъ, простая, почти дѣловая, была, въ концѣ концовъ, слѣдующаго содержанія: «Мнѣ желательно повидаться по поводу важнаго для васъ обстоятельства. Будте добры снова придти сегодня къ стѣнѣ миссіи въ позднія сумерки. Свѣтская подозрительность будетъ отвращена, если вы принесете съ собой гитару».

Время тянулось медленно. Индіанка вернулась; она съ большимъ трудомъ успѣла повидать «сеньорита», хоть и не насидѣвъ; тѣмъ не менѣе она украдкой передала записку въ ея руки, не смѣя ждать отвѣта. Испониненный надеждою, Мастертонъ сначала не сомнѣвался, каковъ будетъ этотъ отвѣтъ, но съ наступленіемъ вечера онъ сталъ беспокоиться—найдетъ ли молодая дѣвушка возможность придти, и пожалѣлъ, что не предоставилъ ей свободный выборъ времени для этой встрѣчи. Вставая изъ-за вечерней трапезы, онъ уже не вѣрилъ въ ея готовность придти, не доверяя убѣдительности своей записки:

онъ привыкъ *улыщаться словесно*—ому слѣдовало, быть можетъ, дожидаться случая и примѣнить живую рѣчь?

Когда взошла луна, онъ спустился въ садъ. Сначала онъ медлил въ тѣни оливковаго дерева, выжидая, чтобъ лунные лучи освѣтили стѣну съ ея гребнемъ изъ густой листвы. Ничто не двигалось въ черной тѣни деревьевъ; слухъ его напряженно ждалъ знакомаго звона гитары, но все молчало. Когда луна взошла высоко, онъ смѣло подошелъ къ стѣнѣ, прислушиваясь, нѣтъ ли движенія по ту сторону. Ничто не двигалось. Она, очевидно, не придетъ—записка не имѣла успѣха. Онъ печально отвернулся и уже стоялъ лицомъ къ лицу со своимъ жилищемъ, когда тихій смѣхъ прозвучалъ рядомъ съ нимъ. Онъ остановился. Черная тѣнь выступила изъ-подъ его собственнаго миндальнаго дерева. Онъ задрогнулъ. Но, съ движеніемъ, ему какъ будто знакомымъ, верхняя часть движущейся фигуры отпала вмѣстѣ съ длинной черной мантилей, и показалось лицо молодой дѣвушки. Она была, съ головы до ногъ, одѣта въ черное кружево, казалась выше ростомъ, старше и даже красивѣе прежняго. Впозапное сомнѣніе въ возможности повліять на нее, быстрое соображеніе того, какъ трудна эта попытка, и туманное сознаніе полноты положенія впервые осязали мистера Стивена Мастертона.

— Я васъ искалъ на стѣнѣ,—пробормоталъ онъ.

— *Madre de Dios!*—возразила она съ прежней дерзостью,—вы хотите, чтобы я *осеида* тамъ сидѣла и падала на васъ, какъ груша съ дерева? Ну, нѣтъ!

— Вы не принесли своей гитары?..—продолжалъ онъ неловко, замѣтивъ, что она держитъ въ рукѣ только большой черный вѣеръ.

— Къ чему? Вы бы просили меня играть, а когда дядя спроситъ: гдѣ Пени, а? куда она потерялась, то кто нибудь замѣтитъ:—О, я слышала дзинь-дзинь ея гитары въ саду у *атегицапо*, который живетъ одинъ.—И тогда—все кончено!

Мастертонъ почувствовалъ себя страшно неловко. Въ данномъ положеніи было что-то, чего онъ не видѣлъ и во снѣ. Но, съ настойчивостью неловкаго человѣка, онъ продолжалъ:

— Вы вѣдь играли на стѣнѣ въ ту ночь—вы пробовали мнѣ аккомпанировать?

— Но вѣдь это было *въ ту ночь*, и *на стѣнѣ*. Вы не говорили со мной, вы не присылали мнѣ еще записочки черезъ вашу служанку.

Она умоляла и, вдругъ раскрывъ передъ лицомъ свой вѣеръ такъ, что видны были ея лукавые глаза, добавила:

— Вы еще не просили меня придти сюда, чтобы слушать, какъ вы будете говорить со мной о любви, *don Estaban!* Вотъ въ чемъ разница!

Окружной проповѣдникъ почувствовалъ, что кровь прилила ему въ голову: негодованіе, стыдъ, огорченіе, раскаяніе и страхъ поочередно терзали его, и сверхъ того онъ чувствовалъ сладкое, острое наслажденіе, пугавшее его пуще всего остального. Все же онъ воскликнулъ:

— Нѣтъ, нѣтъ! Я не способенъ на такую низкую выходку!

Она вздрогнула, не столько отъ произнесенныхъ имъ словъ, смыслъ которыхъ ей трудно было уловить, сколько отъ несомыслимой искренности, прозвучавшей въ нихъ.

— Низкая выходка?...—медленно и недоумѣвая, повторила она. Но вдругъ, схвативъ смыслъ его рѣчи, она обратила на него свои круглые, черные глаза и уронила вѣтеръ.

— Такъ зачѣмъ вы меня просили придти сюда?

— Я хотѣлъ побесѣдовать съ вами, затронуть серьезную тему... а хотѣлъ... — Онъ остановился. Не было возможности обращаться къ этой милой дѣвчкѣ-женщинѣ, широко открывшей свои большіе, изумленные агатовые глаза, въ тѣхъ разсчитанныхъ, строгихъ выраженіяхъ, которыми онъ обыкновенно увѣщевалъ людей зрѣлыхъ и отвѣтственныхъ.

Онъ приблизился па одинъ шагъ: она отодвинулась, ударивъ полу-нетерпѣливо, полу-запальчиво по его протянутой рукѣ. Онъ вспыхнулъ и вдругъ крикнулъ рѣзко:

— Я хочу говорить съ вами про вашу душу!

— Про мою... что?

.. Про безсмертную вашу душу, несчастная!

— А какое *оамз* до нея дѣло? развѣ вы дьяволъ?—Глаза ея еще расширились, но глядѣли сѣло.

— Я слугитель Господа,—сказалъ онъ съ торопливой мольбой,—вы должны меня выслушать! Я хочу спасти вашу душу!

— Безсмертная душа моя хранится у радге въ миссиі—*тамз* вы и можете ее разыскать. Брешное же мое тѣло,—добавила она съ лукавою улыбкой,—желаетъ вамъ покойной ночи, *don Estaban!*—и, сдѣлавъ маленькій книксенъ, она убѣжала.

— Одну минутку! Миссъ Рамирезъ!—молилъ Мастертопъ, но она ускользнула. Онъ видѣлъ ея маленькую фигуру, быстро мелькнувшую вдоль освѣщенной луною стѣны, видѣлъ, какъ она скользнула въ темное отверстіе и исчезла. Разочарованный и смущенный, онъ не посмѣлъ войти въ покинутый имъ недавно съ такою надеждою домъ и сталъ задумчиво бродить по саду. Пораженіе его было основательное; оно исходило, думалъ онъ, отъ какихъ-нибудь ошибокъ въ его методѣ—но отнюдь не отъ неисправности его предмета. Съ его стороны было духовной слабостью отнестись съ такимъ рѣзкимъ негодованіемъ къ ея предположенію, что онъ желаетъ за ней ухаживать. Ему слѣдовало это перенести, какъ христіане перепосили клевету и лже-свидѣтельство ради идеи. Онъ могъ *принять* возложен-

ную на него обузу, и торжество ея обращенія доказало бы въ концѣ концовъ его невинность. Развѣ цѣль его была несомнѣстима съ тою братскою любовью, которую онъ такъ часто проповѣдывалъ женщинамъ своего стада? Развѣ онъ не могъ взять ее за руку и назвать: «сестра Пенита», какъ, бывало, называлъ сестрою Дебору?

Въ памяти своей онъ воскресилъ несомнѣнный фактъ, что одну минуту она билась въ его объятяхъ; вспомнилъ трепетъ, вызванный на слѣдующій день этимъ воспоминаніемъ—вотъ и теперь оно залило лицо его яркой краской... Онъ поспѣшилъ домой. Послѣ безсонной ночи тысяча несвязныхъ мыслей замѣнили его прежнее степенное рѣшеніе. Онъ отыщеть радге—хранителя дѣвичьей души; онъ убѣдитъ ея, что тотъ *заблуждается*, будетъ умолять его допустить его въ тайникъ этой души! Онъ отправится къ дядѣ несчастной и воздѣйствуетъ на его образъ мыслей. Въ теченіе трехъ, четырехъ дней онъ старался совѣсть не думать о молодой дѣвушкѣ, вѣри, какъ вѣрать всѣ люди его покроя, что наступитъ высшее откровеніе и будетъ руководить его поведеніемъ. И откровеніе это пришло, какъ всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ.

Однажды вечеромъ сердце его дрогнуло при знакомомъ звукѣ ея гитары. Онъ поспѣшилъ въ садъ. Звукъ исходилъ изъ прежняго пункта, но, когда онъ подошелъ къ стѣнѣ миссіи, тамъ ея не оказалось. Она снова ударила по струнамъ, и онъ понялъ, что звуки разлетаются по ту сторону стѣны, и что аккорды эти—прелюдія къ одному изъ его гимновъ... Онъ стоялъ восхищенный—ея сладкій дѣтскій голосъ звучно повторилъ слова гимна. Онъ былъ изумленъ: она помнила и слова, и напѣвъ, и это было тѣмъ болѣе удивительно, что онъ спѣлъ этотъ гимнъ только одинъ разъ... Голосъ ея раздался снова: она пѣла вторую строфу съ отъѣнкомъ жалобы, отъ которой сжалось его сердце. Простыя дѣтскія слова замерли съ порывистымъ звукомъ всѣхъ струнъ... Наступило тревожное молчаніе, среди котораго Стивенъ Мастертонъ слышалъ бѣшеніе собственнаго сердца.

— Миссъ Рампрезъ!—воскликнулъ онъ какимъ-то чуждымъ голосомъ.—Отвѣта не было.—Пенита!—повторилъ онъ. Интонація ему самому показалась влюбленною—но не все ли равно! Голосъ пѣвицы молчалъ. Тогда онъ побѣжалъ вдоль стѣны, какъ она всегда бѣгала, пока не добѣжалъ до отвѣстія. Оно заросло виноградникомъ и каприфолиемъ и казалось непроницаемымъ. Но, если она могла прорвать эту чашу своимъ крепкимъ платьемъ, то и онъ не остановится передъ этимъ препятствіемъ! И онъ дѣйствительно прорвался и очутился въ жерцающемъ проходѣ густолиственныхъ доревьевъ, рядомъ съ бѣлою стѣною миссіонерской церкви. Съ минуту онъ стоялъ, ослѣпленный спутаннымъ узоромъ изъ эбена и перламутра, раз-

рисованнымъ восходящей луной. Его вторженіе во фрусадъ не было такъ ловко и безмолвно, какъ ея вторжѣніе въ полуцвѣтномъ нарядѣ вдругъ ожала, одушило, убѣгая отъ стѣны, замелькала среди деревьевъ, спѣхъ сказать, съ причудливымъ узоромъ аллеи.

(Стивенъ Мастертопъ неустрашимо ее преслѣдовалъ: блѣдная ея голова удвоилась, когда онъ узналъ воцареніе полосатаго Пепиты. Молодая дѣвушка имѣла надъ нимъ перевѣсъ: зная мѣстность, она имѣла возможность ускользнуть отъ слѣдователя неожиданными поворотами и увертками. Бѣшеніе нѣсколькихъ минутъ эта фантастическая лѣсная погоня продолжалась въ совершенномъ молчаніи, точно нимфы слѣдовали странствующій пастухъ. Мастертопъ всколыхнулъ, что она стремится къ черепитчатой крышѣ, перейдя надъ стѣною разваливъ, очевиднымъ ея убѣжищемъ.)

Онъ удвоилъ скорость: ловко и смѣло, съ широкими своими плечъ онъ прорвался сквозь чану изгороди, которую только что обогнула быстроногая и внезапно появился между нею и ея жилищемъ. Молодая дѣвушка вскрикнула, отвернулась и хотѣла скрыться въ густой зелени, — но окружной проповѣдникъ былъ рядомъ и поймалъ ее, бездыханную, въ свои объятія... Когда погоня онъ соображалъ, что сдѣлаетъ, что скажетъ. Къ стою просьбѣ не лишать его желаннаго общества и къ послушному слуху къ его рѣчамъ онъ присоединилъ брѣвѣнность и вызовъ ея довѣріе; сознается въ своей погрѣшности, попроситъ прощенія за рѣзкія слова; предложитъ вмѣстѣ учить новыя гимны, вмѣстѣ упражняться въ церковномъ пѣніи. Тотъ священникъ, хранитель ея души, по долгу своему долженъ это сдѣлать. Но, прежде всего, онъ станетъ благодарить ее за то, что скажетъ ей, какъ она его утѣшила, и это поведетъ къ серьезному, вдумчивому общенію... Все это было у него въ умѣ, пока онъ бѣжалъ, на устахъ, когда онъ поймалъ ее, на одну минуту, упала безсильная въ его объятія. Но, на одну минуту, увы! онъ внезапно притянулъ ее къ себѣ и вѣдалъ такъ, какъ цѣлуютъ только влюбленные....

Трава желтѣла на равнинахъ Тасаджаза, все дышало жаждою пыльного сухого лѣта, когда докторъ Дюшенъ вернулся къ своимъ обязанностямъ. Онъ пріѣзжалъ повидать діакона Сандерса, которая увеличила въ двѣнадцатилѣтнее лагерное населеніе. Когда онъ по мѣрѣ возможности крѣпко устроилъ эту зануренную женщину, то обратился къ ней и сказалъ:

— А что сдѣлалось съ Мастертопомъ?.. Онъ, какъ и вы, тоже принадлежалъ къ вашей профессіи?

Діакопъ испустилъ тяжелый стонъ.

— О! надѣюсь, рецидива не было?—спросилъ докторъ серьезно.—Я думалъ, что выбилъ изъ него весь этотъ вздоръ... простите...я хочу сказать,—добавилъ онъ поспѣшно,—что Мастертопъ писалъ мнѣ нѣсколько недѣль тому назадъ о своемъ выздоровленіи и благополучіи.

— Что касается его слабой, грубой, грязной плоти,—оно такъ несомнѣнно,--возразилъ діакопъ презрительно,—благополучно со свѣтской точки зрѣнія, для тѣхъ, кому дорога суета жизни... Но для насъ онъ навсегда погибъ — навѣкъ погибъ для жизни загробной! Хотя,—добавилъ онъ мстительно,—я часто сомнѣвался въ праведности брата Мастертопа. Онъ слишкомъ предавался грѣшнямъ и мечтамъ...

— Что же сдѣлалъ онъ, скажите?—настаивалъ докторъ.

— Сдѣлалъ! Онъ простеръ объятія къ жепщиямъ!

— О-о! II такъ скоро! Эта дама вамъ извѣстна? Не чужая жепа, надѣюсь?

— Онъ вступалъ въ чужую церковь! — вскрикнулъ негодующій діакопъ,—онъ покинулъ Бога своихъ праотцовъ ради языческихъ шатровъ! Онъ... онъ рабъ папы!

— Увѣрены ли вы въ этомъ?—спросилъ докторъ хладнопрочно.

— Увѣренъ ли я?.. — возразилъ избѣженный діакопъ, — равнѣ братъ Вилліамъ, основываясь на мудрыхъ допесеніяхъ богобоязненнаго, душеспасительнаго пастыря, самъ не отправился пилигримомъ въ край Содомы, чтобы распознать и вышпѣнить всю эту зловедность? II онъ... нашелъ Стивена Мастертопа, погруженнымъ въ богохульную игру на органѣ. Онъ, презиравшій гармонию и скрипку въ шатрахъ Господа! — засталъ его въ языческой часовнѣ, играющимъ подъ руководствомъ чужеземки. Онъ нашелъ его почетнымъ гостемъ аббата и постояннымъ посѣтителемъ миссіонерскихъ школъ, гдѣ нѣкая юная Іезавель училъ дѣтей нѣнію на непонятномъ языкѣ... Онъ засталъ его, живущимъ въ одномъ домѣ со сморщенной индіанкой, которая зоветъ его «Ридгоне» и болтаетъ вздоръ. Да, этотъ человѣкъ, шѣкогда изможденный духовно и физически, всегда блѣдный отъ постоянной борьбы съ грѣшниками — теперь жирный, розовый, поглощаетъ мѣстные вина и брашна и облачился въ яркое, цвѣтное платье!.. Да, наконецъ, развѣ братъ Вилліамъ не слышалъ громкой и звонкой молвы, повторяющей, что жалкій отступникъ собирается взять себѣ въ жены чужеземку, ту самую Іезавель, что его обольстила! Ну, какъ же вы пакуете все это?

— Это похоже на человѣческую натуру,—сказалъ докторъ задумчиво,—и я назову это — удачнымъ лѣченіемъ!..

Въ морѣ.

Мнѣ грезилось темное море,
Глухія рыданія волнъ,
Несущійся вдаль на просторѣ,
Волною кидаемый чолнъ.

Какъ чайки подстрѣленной крылья,
Повисли его паруса,
Напрасимъ молюбы и усилья,
И глухи къ молюбамъ небеса.

Изъ тучъ безопадно суровыхъ,
Зловѣщею тѣшась игрой,
Лишь отблески молній багровыхъ
Во мракѣ сверкають порой.

И небо надъ темнымъ просторомъ
Раскинулось грознымъ шатромъ,
И смертнымъ звучитъ приговоромъ
Вдали замирающій громъ.

Челнокъ, беззащитный и жалкій,
Все дальше уноситъ волна,
Коварная пѣсня русалки
Къ гребцу долетаетъ со дна.

И тяжело, и странно, и смутно,
Изъ рукъ выпадаетъ весло...
Въ пучину волною попутной
Разбитый челнокъ унесло.

О. Чюмина.

НА ЗАВОДЪ.

(Изъ записной книжки).

I.

— Послушайте, здѣсь мѣсто занято.

— Чего тамъ занято! Что-жъ, не такія деньги, что-ли, платимъ?

— Да что-жъ вы захватываете? Помщите себѣ другое мѣсто.

— Чего намъ искать, намъ и тутъ хорошо, — стаскивая и сдвигая въ уголь вещи моего визави, говоритъ здоровенный съ красной фizioноміей купчина, только что ввалившійся со станціи въ полутемный вагонъ.

— Да, говорить вамъ, я вѣдь изъ Ростова ѣду, — волнуется мой визави.

— Ну, что-жъ, а мы теперича сейчасъ отъ Харцызской поѣдемъ, — преспокойно разсаживаясь, отдуваясь и вытирая вспотѣвшее лицо клѣтчатымъ платкомъ, говоритъ купчина.

— Кондукторъ, кондукторъ, что это такое!.. Это ни на что непохоже... Я кондуктора сейчасъ позову, а начальнику станціи сейчасъ пожалуюсь...

У моего визави круглое брюшко и видъ типичнаго буржуа.

Является кондукторъ и улаживаетъ дѣло. Бьетъ третій звонокъ, но побѣдъ еще стоитъ. По платформѣ въ темнотѣ мелькають фонари; въ окна глядитъ угрюмая, черная почъ. Въ вагонѣ полутемно; свѣча надъ дверьми съ трудомъ освѣщаетъ скамьи, проходъ, вещи на полкахъ, спящихъ пассажировъ.

Мой визави аппетитно причмокиваетъ губами, съ видомъ человѣка, только что хорошо, пріятно, съ удовольствіемъ закусившаго.

— Люблю, знаете, такъ: выйдешь тутъ на станціи, выпьешь, закусишь, — буфетъ здѣсь хорошій, — потомъ побесѣдуешь немного, а потомъ соснешь себѣ... Знаете, пріятно оно какъ-то, не замѣтишь, какъ и время пройдетъ. Скучно вѣдь въ вагонѣ; а вѣдь ужъ лѣтъ десять тутъ ѣзжу.

- А вамъ далеко?
- Въ Юзово. А вы?
- Туда же.

Мы помолчали. Прожурчаль, заскакивая горошинкой, оберъ-кондукторскій свистокъ. Изъ темноты отрывисто и глухо откликнулся локомотивъ, и поѣздъ тронулся.

— Пересадка въ Ясиноватой, кажется? — спрашиваю я своего визави.

— Въ Ясиноватой. Тамъ часовъ семь ждать. Только я обыкновенно поѣзда не жду на Юзово, а прямо ѣду туда на лошадахъ.

— Недалеко развѣ?

— Верстъ пятнадцать. Тутъ всегда достаточно: лошади, фазтоны. Ну, сегодня только не поѣду, подожду поѣзда.

— Что такъ?

— Ночь, знаете...

— Развѣ тутъ песнокопно?

— Особешного-то такъ ничего не слышно, только шахты тутъ вездѣ.

— Ну?

— Ну, какъ же! ужъ шахты, это значить, народъ такой, что ему жизни не жалко. Своя ему жизнь—тьфу! Идетъ онъ... тутъ вотъ у нихъ фонарь,—мой собесѣдникъ показалъ себѣ на лобъ,—тамъ вѣдь тьма, такъ и копаются по колѣна въ водѣ; идетъ теперичка, кусъ угля оторвался, хлопъ, придавилъ передняго, энтотъ, другой-то за нимъ, ша-агай черезъ него, валяя дальше, чего тамъ, скорѣй надо: отъ куба работаютъ-то. А тамъ сейчасъ може и его очередь, придавить, путро все выдавить, сдохнетъ по-собачьи. И они совершенно, какъ звѣри: есть такіе, что цѣлую недѣлю не вылазютъ.

— Неужели же недѣлю?

— Цѣлую недѣлю! логово себѣ устроить, на углю спать, погреть, погреть, и опять работать. Я ихъ совершенно за дикихъ звѣрей считаю, окончательно просто звѣрь, совершенный звѣрь, звѣрь дикій. Ну, ему чего же: встрѣтилъ, подыхнулъ по горлу. Ему лишь бы на водку, своя жизнь ничего не стоитъ, чего же онъ чужую-то будетъ жалѣть.

— Но вѣдь это ужасно, неужели же недѣлю подъ землей?

— Въ воскресенье только вылазютъ,—сейчасъ водка, гармоника, ругня, драки, пьяные до безчувствія валяются, а тамъ опять *туда* подъ землю.

Вагонъ качало. Подъ поломъ все также неустанно что-то бѣжало съ непрерывающимся, какъ будто не особенно сильнымъ, но наполняющимъ весь вагонъ гуломъ, мѣрно постукивая черезъ разъ. Свѣча догорала, мерцающая и вытягиваясь, въ вагонѣ становилось темно. Слабо въ полумракѣ виднѣлись си-

луэты покачивавшихся, дремавшихъ и спавшихъ по лавкамъ пассажировъ; по угламъ и между скамьями сгущалась черная тьма, въ окнахъ по временамъ мелькали искры, и бѣлыми ко-леблющимися видѣніями проносились паръ локомотива.

— Скажите, пожалуйста, — вы постоянно живете въ Юзонѣ?

— Какъ же, я уже десять лѣтъ тамъ; лавка у меня крас-наго товара.

— Значить, при насъ былъ тотъ ужасный погромъ въ 92 году?

— Какъ же, какъ же! у меня двѣ лавки тогда было, обѣ сожгли и разграбили. Было тогда чистое свѣтопреставле-ніе. Народъ, такъ сказать, озирѣлъ окончательно: керосиномъ обливали, жгли. Весь базаръ сгорѣлъ, всѣ лавки: одно пожа-рище было, камня на камень не осталось, чисто помутнѣніе разума было, народъ, какъ съ цѣпи, сорвался... Теперь и то вспомнить страшно. Сколько народу разорилось, по міру по-шло. У меня двѣ лавки были, обѣ сгорѣли: тысячу на трид-цать.

Онъ помолчалъ немного, потомъ вдругъ воодушевился и заговорилъ:

— Ну, за то же я проучили ихъ, ухъ! и ловко же про-учили! Военная коммиссія пріѣхала. сейчасъ сдѣлала распоря-женіе: каждому торговцу, обремененному вообще — патруль въ двадцать солдатъ и одинъ полицейскій, — онъ, вообще, какъ знаетъ мѣстность, обычай; ну, сейчасъ приходятъ во дворъ: «Есть краденое?» — «Никакъ нѣтъ... помилуйте, да откуда!» — «Искать... А это что?» — «Но могу знать». — «Откуда же это?» — «Должно, люди подкинули». — «А-а, люди! вязать.» — Сей-часъ же запрягаютъ его же лошадь, валяя на телегу товаръ, а сверху товара прикручиваютъ самого хозяина и вѣдутъ на площадь къ коммиссіи. Коммиссія сейчасъ тутъ же: «дѣсти». Отвязываютъ, кладутъ, одинъ на голову, другой на ноги, а съ двухъ боковъ двое по пучку, по очереди: одинъ — другой, одинъ — другой... только лишь слышно въ воздухѣ: хсесъ — хсесъ... хсесъ — хсесъ... — Онъ приподнялся съ сидѣнья и, покачиваясь отъ хода вагона, показывалъ, какъ въ воздухѣ свистѣли розги.

— Въ воздухѣ стоишь, ревъ звѣриный, народъ кругомъ за цѣпью напираться, тысячу двадцать, издохи, плачь, бабы убиваются; начальникъ ходитъ: «хорошенько, хорошенько, а то насъ по-ложатъ». Ну, сѣкутъ, боятся. Жутко было, дыханіе даже какъ-то занималось.

Онъ замолчалъ, досталъ портъ-табакъ и закурилъ папиросу. Потомъ опять живо обернулся ко мнѣ:

— Да что, батенька, дѣвушка съѣли!

— Неужели же?

— Ахъ, да помилуйте, бабы-то вѣдь какъ и грабили! Въ чувалъ сѣпшить, папихиваетъ сахаръ, башмаки, шелкъ, ситецъ, платки, всякую бакалею. Какъ же, вѣдь это невозможно! Грабили, форменно грабили, не хуже мужиковъ, удержу не было. Ну, какъ найдутъ краденный товаръ, сейчасъ же на площадь, разложить и засыпать горяченькихъ, чтобъ помнила. Нелзя же.

Мой собесѣдникъ докурить папиросу, задавить ее ногой, разостлать по скамьѣ небольшой тюфячекъ и подушку, снявъ сапоги и разлегся, слегка отдуваясь и покряхтывая отъ удовольствія.

— Хорошо, знаете, теперь соснуть. Спокойной ночи.

— Спокойной ночи.

Я прислонился къ углу сидѣнья. Вагонъ качало, и все также что-то неустанно бѣжало подъ поломъ все въ одну и ту же сторону, и бѣлые видѣнія проносились за стоками. Кругомъ всѣ спали. Послѣдній кусочекъ свѣчи теплился крохотнымъ мерцающимъ огонькомъ и, наконецъ, потухъ; въ вагонѣ стало темно.

II.

— Станція Юзово, поѣздъ стоитъ семь минутъ.

Я выглядываю въ окно: раннее утро. Беру свой сакъ и выхожу на платформу. Станціонное зданіе небольшое и неказистое, по полотну тянется множество путей, заставленныхъ массою вагоновъ. Повсюду угольная пыль, все черно отъ нея. Нѣсколько поѣздовъ, груженныхъ углемъ, ждутъ отправки. Видно, что это «черная» станція.

Я прохожу черезъ залъ третьяго класса. У подѣзда стоитъ нѣсколько извозчиковъ. Подходить еще кое-кто изъ публики; нанимаемъ одного изъ нихъ, и мы трогаемся.

Проезжаемъ небольшую улицу, нѣсколько домиковъ остаются позади. Передъ нами степь, обнаженная и унылая, ни кустика, ни деревца, куда ни глянешь, все то же бурое пространство, покрытое сѣрой пылью, сухой и горькой, да изсохшимъ чернымълемъ. Мѣстами чернѣютъ пашни, краснѣютъ глиной овраги, и до самаго горизонта лѣниво тянутся степныя возвышенности, отлогія и скучныя. Въ лѣтній палаящій зной здѣсь все сгораетъ, скручивается, засыхаетъ, уступая мѣсто горькой пыли; зпмой земля, черная и голая, то сковывается морозомъ, то размывается дождями, которые разомъ начинаютъ лить послѣ стужи, чтобы также внезапно сѣбѣниться опять морозами.

Лошади бѣгутъ рысью, станція позади скрылась, вокругъ бурьянъ, изсохшая потрескавшаяся земля. Впередѣ показалось громадное кирпичное строеніе, черное, закопѣлое; надъ нимъ угрюмо высилась такая же почернѣвшая дымовая труба.

Я подумалъ, что открывается уже Юзовскій заводъ, но до Юзова еще верстъ пять. Это просто шахта. Ихъ много разбросано здѣсь среди степи. Два, три десятка каменныхъ низкихъ, придавленныхъ черепичною кровлею домовъ вытянулись въ степи, всё, какъ одинъ, выстроены по шаблону, напоминающая казарменный типъ. Вокругъ скучно, непріятно. Нѣтъ даже двороконтъ. Тѣ, кто живетъ здѣсь, выходятъ изъ дверей, прямо падаютъ въ степь. Только мусоръ да груды золы указываютъ, что въ этихъ казармахъ живутъ люди: никого не видно. Все населеніе работаетъ, быть можетъ, тутъ же, у насъ подъ ногами въ глубинѣ земли.

И я глядѣлъ на эту высокую дымовую трубу, на это потерянное зданіе, на эти низкіе придавленные дома, безъ огорожи, безъ дворовъ, безъ признаковъ хозяйственности, брошенные посреди степи. Послѣ упорнаго изнурительнаго труда въ густомъ тяжеломъ мракѣ, въ узкой дырѣ галлерей, среди струящейся отовсюду холодной воды, среди атмосферы, пропитанной газами, ядовитыми, отравляющими дыханіе, при малѣйшемъ удобномъ случаѣ готовыми страшнымъ взрывомъ похоронить копающихся въ темнотѣ людей,—выйти, наконецъ, на свѣтъ Божій и очутиться въ казармѣ среди голой унылой степи, гдѣ нѣтъ ни домовъ, ни храма Божія, нѣтъ возможности перекинуться словомъ со свѣжимъ человѣкомъ, за исключеніемъ своего же брата шахтера, такого же грязнаго, угрюмаго, озлобленнаго. Но вѣдь человѣкъ не изъ желѣза: ему нуженъ отдыхъ, во что бы то ни стало, необходимо, такъ или иначе, хоть на одинъ день отвлечься отъ подавляющей обстановки и нечеловѣческаго труда... И вотъ, эти сѣрые, пропитанные углемъ люди идутъ толпами въ лѣтній палищій зной, въ осеннюю сыкость, утоная по колѣна въ растворившемся черноземѣ, въ зимнюю выюгу и метель, идутъ степью въ Юзово, прямо въ кабаки, гдѣ напиваются до самозабвенія; больше вѣдь некуда. Теперь, правда, введена казенная монополия, и кабаки замѣнены казенными лавками, но это несколько не помѣняетъ дѣла: пьютъ въ трактирахъ, въ гостиницахъ, въ тайныхъ притонахъ, валяются въ канавахъ, по ямамъ, по оврагамъ, на улицахъ, подъ заборами. Тѣ шахтеры, которые работаютъ на шахтахъ, заброшенныхъ въ степи, откуда далеко до кабака, пользуются водкой, которой торгуетъ артельная стряпуха; само собою за рискъ она облагаетъ товаръ крупной надбавкой.

Да, дѣйствительно, онъ правъ, мой собесѣдникъ по вагону: «своей-то ужъ ему жизни, видимо, не жалко».

Шахта скрылась. Вдали маячили трубы другихъ такихъ же шахтъ. Начиная отсюда, на многія сотни верстъ люди роются въ подземныхъ галлерейхъ.

Вотъ, наконецъ, и Юзово. Небольшіе подъ черепицей домики

стоять необыкновенно тѣсно на нескончаемыхъ улицахъ. Дворики тѣсные, всѣ жмутся насколько возможно плотно къ другъ къ другу. Это потому, что земля-то, на которой стоитъ Юзовское поселеніе, принадлежитъ заводу, и онъ неукоснительно собираетъ съ обывателей очень высокую контрибуцію за каждую пядь земли. Здѣсь все обложено: каждый вершокъ земли, каждое яйцо, проданное торговкой, каждая картофелина, привезенная мужиками, и эти деньги идутъ отнюдь не на благоустройство поселенія, а въ карманъ заводчиковъ. Удивительное дѣло: Юзовка—это цѣлый городъ съ тридцати с лишкомъ тысячнымъ населеніемъ, съ огромными рядами каменныхъ лавокъ, съ кипучей торговой дѣятельностью, и жители его умираютъ безъ медицинской помощи, дѣти вырастаютъ, не зная грамоты и школы. Дѣло въ томъ, что земство отказывается затрчивать здѣсь средства на организацію медицины и школьнаго дѣла, считая, что, по существу, Юзовка городъ, и что весь доходъ, какой дастъ поселеніе, поступаетъ цѣликомъ заводчикамъ, такъ что медицину и школьное дѣло пришлось бы организовывать на средства другихъ плательщиковъ уѣзда, а это несправедливо. Заводъ же, который пользуется всѣми доходами съ поселенія, тоже заявляетъ, что школы и больницы онъ устраиваетъ только для собственныхъ надобностей. И юзовцы остаются не причѣмъ. Они не знаютъ, когда же, наконецъ, совершится отчужденіе находящихся подъ поселеніемъ земель и даровано будетъ городское самоуправленіе.

III.

— Что, какъ у васъ тутъ, свободенъ доступъ на заводъ?—спрашиваю я номерного въ гостиницѣ, гдѣ остановился.

— Да не дюже они любятъ, какъ кто чужой приходитъ. Ежели бы у васъ знакомые были въ конторѣ, такъ еще можно бы пропускъ взять, а такъ ничего не увидите, не пустятъ, гдѣ самая работа идетъ. Очень они не любятъ чужой глазъ. Студенты, значитъ, изъ заведеній которые сюда на практику приглашаютъ, такъ имъ полное запрещеніе съ рабочими и разговаривать-то, чтобы, значитъ, порядки адѣшніе наружу не выпали.

— А работа видно тамъ тяжела?

— Булы-жа чиже. Только народу набилось видимо-невидимо, все изъ голодающихъ, ну, значитъ, плату ни къ чему сбили, потому заводъ только и ждетъ: какъ народъ станетъ ѣтить, сейчасъ плату и понижаютъ.

Я отправился. Прошелъ огромную площадь, лавки, магазины аптеки, каменную церковь, заводскую больницу, школу, и съ,

горы, гдѣ оканчивается Юзово, открылся внизу заводъ. Громадныя почернѣлыя заводскіе корпуса, дымовыя трубы, гигантскія устѣпанныя конусообразныя доменные печи, вышки надъ шахтами, параллельные ряды коксовальныя печей съ грудями раскаленнаго кокса между ними, насыпь, по которой то и дѣло бѣгали поѣзда съ рудой, съ углемъ, съ плавнемъ, все это черное, закопѣлое, пропитанное угольнымъ палетомъ, точно послѣ громаднаго пожара, видѣлось у меня подъ ногами въ узкой долинкѣ, между двумя возвышенностями. Странные, рѣзкіе, поражающіе ухо звуки, точно тамъ валились груды желѣза, или били для чего-то въ огромныя чугунныя доски, неслись отсюда вмѣстѣ со свистками паровозовъ, вмѣстѣ съ тяжелыми вздохами паровиковъ. Дымная черная мгла, колебалась, курилась надъ всѣмъ этимъ мѣстомъ.

Я спустился и прошелъ въ ворота. Хаотическій внѣшній безпорядокъ поражаетъ съ перваго раза: груды желѣза, старый ломъ, полуразрушенные паровые котлы, черныя стѣны зданій, громадныя чугунныя плиты, стальные валы, рельсы, горы угля, груды есыпанной руды, шлаки, перегорѣвшее желѣзо, всюду, гдѣ есть только кусочекъ свободнаго пространства, его испещряютъ, изрѣзываютъ узенькіе, вдавленные въ землю рельсы, по которымъ суетливо бѣгаютъ въ этой тѣснотѣ, ежеминутно угрожающаго кого нибудь раздавить, перерѣзать, маленькіе игрушечные паровозики, совсѣмъ непохожіе на обыкновенные. Все черно, грязно, запылено. Тонкая, ѣдкая, всюду проникающая угольная и металлическая пыль покрываетъ землю, рельсы, стѣны, крыши, трубы, паровозы, платье, лица людей, носится въ воздухѣ, придаетъ небу дымный оттѣнокъ и вмѣстѣ съ угаромъ отравляетъ и жжетъ легкія.

Въ конторѣ, куда я прошелъ, мнѣ разрѣшили осмотрѣть заводъ и предложили проводника. Высокій съ голубыми глазами и длинными, какъ у нашихъ хохловъ, совершенно бѣлыми, сѣдыми усами англичанинъ, инженеръ на заводѣ, какъ истый джентльменъ, чрезвычайно предупредительный и деликатный, съ перваго же слова, какъ только мы отправились, заявилъ, что это—колоссальное предпріятіе, что оно оцѣнивается въ двадцать милліоновъ рублей, что ежегодно машины, постройки, всѣ приспособленія и проч. возобновляются на 12%, что рабочіе здѣсь благоденствуютъ, что они занимаютъ прекрасныя заводскіе домики, что жены рабочихъ—фешенебельныя дамы, что заработная плата здѣсь такъ высока, какъ нигдѣ въ Россіи, что въ техническомъ отношеніи Юзовскій заводъ—чудо искусства и знанія, что...

Онъ вдругъ пріостановился.

— Позвольте узнать, вы не специалистъ?

М. 5. Отдѣлъ I.

— О, нѣтъ, нѣтъ! — поторопился я его успокоить, — въ этомъ отношеніи я совершенный дилетантъ.

Онъ остался очень доволенъ, и мы пошли дальше. Кругомъ шла безпрерывная, неустанная работа: мужики, нещадно дергая заморенныхъ лошадей, торопливо возили руду, коксъ, пламень, вывозили вопъ землю; съ желѣзнодорожной насыпи, изъ вагоновъ, сыпалась руда; то и дѣло съ нею подходили поѣзда, рабочіе внизу торопливо отгребали ее лопатами.

Гигантскіе массивы доменныхъ печей, точно циклопическія башни, подымались своими желѣзными боками почти къ самому небу; отъ подножія до вершины онѣ обшиты листовымъ желѣзомъ. Верхушки ихъ слегка курятся, точно жерла вулкановъ. Люди, лошади, тѣлги, паровозы, вагоны, желѣзнодорожная насыпь, — все принимаетъ игрушечный характеръ у подножія этихъ великановъ. Странно было представлять себѣ, что всю эту массу, громадную и подавляющую, каждый кирпичъ, каждую заклепку, каждый желѣзный листъ и перекладину, — все это вывели эти муравьи — люди, такіе ничтожные и жалкіе передъ созданіемъ рукъ своихъ. И эти муравьи торопливо бросали на платформу руду, коксъ, пламень, и потомъ все это паровая машина мигомъ доставляла наверхъ и сыпала въ пасть раскаленного внутри чудовища. И оно неустанно пожирало десятки, сотни, тысячъ пудовъ, а рабочіе, внешнемогая отъ жары, отъ напряженія и усталости, все продолжали заполнять ненасытную утробу, не видя этому конца. Блѣдые, истомленные, они были черны и закончены, точно въ пороховомъ дыму, и потъ, стекая ручьями, разрисовывалъ по ихъ лицамъ причудливые узоры. Ни на минуту нельзя было отойти отъ этого прожорливаго чудовища: оно требовало къ себѣ постоянного напряженнаго вниманія, требовало, чтобъ возлѣ него всегда были люди, ни на минуту не давая имъ передохнуть, и если его хоть на мгновеніе забывали, мстило тѣмъ, что внутренность его затвердѣвала, спекался «козель», какъ говорятъ рабочіе, это значить, наступала смерть домны, и ее нужно было тогда гасить, всю разбирать до послѣдняго кирпича и вновь складывать. Домна живетъ до тѣхъ поръ, пока горитъ ея раскаленная внутренность; а этотъ адскій огонь горитъ днемъ и ночью, зимою и лѣтомъ, недѣли, мѣсяцы, годы. Выплавка чугуна идетъ непрерывно, доменная печь никогда не охлаждается, пока она не придетъ въ ветхость. Жаръ внутри домны такъ великъ, что никакой матеріалъ не выдержитъ, и стѣны ея давно должны были-бы поплыть, какъ расплавленный свинецъ, если бы по проложеннымъ въ ихъ толщѣ трубамъ не гнали неустанно холодную воду. Снизу въ доменныхъ печахъ вдувается скатый, нагрѣтый воздухъ; заставляя коксъ интенсивно сгорать, онъ по-

дымаетъ температуру въ нижней части домны до чудовищной высоты въ 1300°.

Мы идемъ осматривать машину, нагнетающую въ домну воздухъ. Когда мы входимъ въ большое новое, недавно выстроенное возлѣ доменныхъ печей зданіе, меня поражаетъ удивительная чистота, въ противоположность окружавшей насъ до этого грязи и пыли: все вычищено, блеститъ, вездѣ лакъ и полировка, нигдѣ ни соринки; кажется, будто я попалъ въ выставочный павильонъ машинъ. Гигантская паровая машина занимаетъ все зданіе; изъ громадныхъ цилиндровъ, безшумно выдвигаясь, по очереди показываются и прячутся блестящіе стержни поршней, подъ страшнымъ давленіемъ нагнетающихъ воздухъ; всѣ члены машины движутся мѣрно, безъ суетливости, спокойно и увѣренно въ своей могучей силѣ.

— Это воздушная машина; она по трубамъ нагнетаетъ въ домну воздухъ, который предварительно нагрѣвается уходящимъ тономъ—у насъ, видите ли, ничего не пропадетъ—смѣшивается съ горячими газами внутри домны, по преимуществу съ окисью углерода, давая необыкновенно высокую температуру. Но тутъ необходимо знаніе, опытъ и бдительность; горячіе газы, какъ извѣстно, въ нѣкоторыхъ пропорціяхъ съ воздухомъ даютъ взрывчатые смѣси. Въ Германіи былъ уже случай: цѣлый заводъ взлетѣлъ на воздухъ.

И покосился на черпавшіе сквозь стекла дверей бока доменныхъ печей: маленькая случайность, недосмотръ, и эти черные гиганты съ ревомъ взлетятъ на воздухъ и въ одно мгновеніе сотрутъ съ лица земли все, что ихъ окружаетъ. Не изъ пріятныхъ перспектива... Впрочемъ, заводъ работаетъ болѣе двадцати пяти лѣтъ, и шансы на такую роковую случайность незначительны.

— Машина эта повѣйшей конструкція и громадной силы; вотъ не угодно-ли взглянуть,—проговорилъ мой чичеро, указывая на трепетавшую подъ страшнымъ напряженіемъ стрѣлку манометра,—давленія такого вы не встрѣтите нигдѣ въ Россіи, не встрѣтите даже въ Англіи,—онъ уставился на меня своими добродушными голубыми глазами и проговорилъ таинственно: — не встрѣтите *во всемъ саттѣ!*

Гмъ... Я подергалъ себя усь и сдѣлалъ неопредѣленное лицо, чтобы не проявить скептицизма.

Мы пошли смотрѣть, какъ выпускаютъ изъ домны расплавленный чугунъ. На площадкѣ, густо усыпанной пескомъ, у самого подножія домны суетились рабочіе. Они торопливо лезли на колѣняхъ по песку и выдавливали круглыми скалками продольныя углубленія, въ которыя долженъ быть стекать чугунъ.

Солнце подымалось все выше и выше; сквозь мглу оно казалось красноватымъ и нещадно палило. Жаръ отъ доменныхъ печей дѣлалъ воздухъ сухимъ и горячимъ; онъ струился

надъ нами, дышать было не тѣмъ. У меня кружилась голова, въ ушахъ стоялъ звонъ. Въ этой жарѣ, въ дыму и копоти, среди лязга желѣза, грохота, свистковъ охватывала какая-то странная апатія, равнодушіе; ничто уже не поражало, не бросалось въ глаза; казалось, больше и ожидать нечего, и я бродилъ за своимъ чичероне, какъ автоматъ; обезсиленный, я не находилъ въ себѣ воли даже на то, чтобы отказаться отъ осмотра и отъправиться домой.

Осторожно пробираясь между гудами шлака, угля, желѣзныхъ отбросовъ, мы прошли къ длинному черному навѣсу. Онъ безъ конца тянулся въ обѣ стороны. Гулъ, шумъ, нестерпимое шипѣніе оглушили насъ. Человѣческій голосъ терялся совершенно, видно только было, какъ собесѣдникъ шевелитъ губами; рабочіе передаютъ другъ другу, что нужно, мимикой и свистками.

Подъ навѣсомъ выдавались изъ земли бурныя неуклюжія массы, точно синія каменныхъ допотопныхъ погребенныхъ въ землѣ животныхъ. Даже среди знойной атмосферы палящаго дня чувствуется, какъ пышетъ отъ нихъ жаромъ. Это печи несомнѣнно. У моихъ ногъ глубоко внизу, въ ямѣ, которую я въ первый моментъ не замѣтилъ, завизжало желѣзо, раскрылась чугунаая дверца, и насъ обдало такимъ ослѣпительнымъ жаромъ, что я невольно попятился. Въ ямѣ рабочій, весь черный, точно обуглившійся, что-то торопливо дѣлалъ передъ этимъ жерломъ; судорожно корчась, отворачивая лицо, онъ поминутно бросался въ сторону, гдѣ его не такъ палилъ жаръ бушевавшаго въ печи пламени. Шурясь отъ этого палящаго блеска, я сталъ всматриваться: рабочій, извиваясь передъ раскрытымъ устьемъ печи, ворочалъ тамъ огромной кочергой, выгребая сплавившуюся, спекшуюся окалину. Дверцы съ визгомъ захлопнулись, и рабочій въ изнеможеніи опустился на землю; потъ бѣжалъ съ него ручьями.

Сквозь стоявшій вокругъ шумъ и шипѣніе слышались рѣзкіе тревожные звуки ручного свистка, тѣни подъ навѣсомъ исчезли, все разомъ освѣтилось, и меня обдало сзади жаромъ. Англичанинъ схватилъ меня за руку, и мы отошли отъ навѣса. Что-то ослѣпительно яркое, сыпавшее отъ себя блестящіе вѣбды, тихо и грозно подвигалось, приподнятое въ воздухѣ. Это былъ большой кусокъ раскаленной до бѣлой стали. Его держала въ воздухѣ большая черная металлическая рука крохотнаго паровозика, едва видѣвшагося надъ землей; онъ тихо подвигался по узенькимъ рельсамъ. Машинистъ, озаренный краснымъ отблескомъ, стоялъ на площадѣ, держась за регуляторъ. Рука пронесла раскаленный кусокъ металла мимо насъ, остановилась противъ печи, повернулась, разжала свои два желѣзные пальца, и сталь погрузилась въ пламя, а паровозикъ торопливо и быстро убѣжалъ назадъ. Только что онъ

скрылся, какъ на смѣну ему показался другой; онъ такъ же торжественно несъ въ воздухѣ раскаленную сталь, которая ярко свѣтила вокругъ себя. Прокованную и обработанную сталь здѣсь нагреваютъ до высшей температуры, и потомъ тѣ же паровозики забираютъ ее и несутъ въ рельсопрокатную.

Я не зналъ, куда дѣваться. Внизу опять раскрылась печь, и оттуда несло нестерпимымъ жаромъ, съ другой стороны сыпались искры горѣвшей стали. У меня стало стучать въ голову, какъ это бываетъ отъ угара. Газы, идущіе въ эти печи изъ генераторовъ, ядовиты: они, вѣроятно, просачиваются сквозь стыки трубы, сквозь печи и отравляютъ атмосферу. Что-то тянуло меня упасть въ эту аму, гдѣ сжигало рабочего жаромъ клекотавшаго въ печи пламени, или безсильно лечь подъ надвигающуюся, повисшую въ воздухѣ накалившую сталь.

Этотъ жаръ, этотъ шумъ и свистъ, эти бѣгающіе паровозики, эти печи съ бушующимъ въ нихъ пламенемъ, эти машины, огромныя, неумолимыя, страшныя своей силой,—все это подавляетъ, оглушаетъ, и все это требуетъ постоянной траты первой силы, неустаннаго, ни на минуту не ослабѣвающего вниманія, напряженія, иначе на каждомъ шагу грозитъ мгновенная смерть, увѣче. Да и помимо того работа здѣсь такого рода, что звать не приходится: раскаленный металл не ждетъ, онъ требуетъ быстрой, торопливой обработки. И эта постоянная напряженность кладетъ свой отпечатокъ на лица рабочихъ: они серьезны, сосредоточены, даже угрюмы, движенія ихъ быстры и ловки, но въ глазахъ свѣтится печальное выраженіе переутомленія, усталости и еще особенное выраженіе людей, которые не видятъ солнца, не знаютъ свѣжаго воздуха и цѣлые годы проводятъ среди грохота и шума, среди палящаго жара печей, среди копоти и гари.

А вотъ нѣсколько мужичковъ. только что оторванныхъ отъ сохи. Ихъ сейчасъ же сразу отличаешь отъ остальной массы рабочихъ: неповоротливые, наивные, съ добродушными лицами, ихъ все поражаетъ, всему они удивляются, широко раскрывая глаза и ротъ и рискуя ежеминутно попасть куданибудь—либо подъ паровозикъ, либо въ какуюнибудь машину. Работы они не боятся, но ихъ оглушаетъ, подавляетъ окружающая обстановка. И пока изъ этого неповоротливаго, поуклюжаго, добродушнаго землероба выварится настоящій заводской рабочий, подвижной, первый, проворный и ловкій, ничему не удивляющійся, сравнительно развитой и видавшей виды,—много муки и душевныхъ испытаній придется ему перетерпѣть, если только, конечно, онъ до этого не сохнетъ окончательно, не будетъ изувѣченъ или разможенъ какойнибудь машиной. Вотъ ихъ поступило три дня тому назадъ пять человекъ, а работаетъ теперь четверо: они принесли уже кровавую жертву

богу огня и желѣза. Вчерашній день одинъ изъ нихъ попалъ подъ паровозикъ, съ котораго сорвался кусокъ раскаленнаго металла и мгновенно пережегъ несчастнаго пополамъ.

Я радъ былъ выбраться изъ этого содома, и мы прошли въ рельсопрокатную. Раскаленные до-бѣла стальные болванки величиною въ человѣческое туловище торопливо подкатывались, покачиваясь, на толѣжкахъ по рельсамъ, озаряя все вокругъ себя свѣтомъ; машина принимала ихъ, придвигала къ вальцамъ, а вальцы, быстро вращаясь въ разныя стороны, протискивали въ просвѣтъ между собою разогрѣтую сталь, и толстая неуклюжая болванка въ два-три приѣма выдвигалась съ другой стороны длиннымъ прямымъ красивымъ огненнымъ рельсомъ, который, точно это была тягучка, рѣзали по мѣркѣ на нѣсколько частей большія пожницы. Все дѣлалось такъ легко, свободно, мягко и безъ усилій, что, казалось, вальцы обжимаютъ тѣсто; такъ и хотѣлось подойти и погрузить пальцы въ эту мягкую, податливую массу.

— Ну вотъ все, что есть интереснаго у насъ,—проговорилъ мой чичероне, когда мы подошли къ выходу.

Мы распрощались. Я было отправился домой, но приѣхавъ, не чувствуя надъ собой постоянно наблюдающаго ока.

IV.

Я пошелъ назадъ и опять сталъ бродить между машинами, между вышками шахтъ, между генераторами и доменными печами; тотъ же жаръ, тѣ же измученныя, усталыя черныя лица рабочихъ. Вотъ гулкіе удары тяжелаго молота по холодной стали,—это гаршинскій «глухарь»; онъ неясно виднѣется въ темной внутренности котла.

Нѣсколько въ сторону тянутся узкія и необыкновенно длинныя, въ нѣсколько сотъ саженей, круглыя приземистыя печи для обжигапія кокса. Кажется, что это сложены изъ кирпича для чего-то параллельно валы. Отъ нихъ струится горячій воздухъ. Внутри заложенъ каменный уголь, который накаляется безъ доступа воздуха, превращаясь такимъ образомъ въ коксъ. Вдоль этихъ печей тянутся узенькіе рельсы.

Я подхожу къ маленькому паровозу, поперекъ котораго, упираясь въ стѣнку коксовательной печи, лежитъ огромный металлическій брусъ съ желѣзной головой; онъ очень похожъ на таранъ древнихъ римлянъ, которымъ разбивали стѣны осажденныхъ городовъ. На площадкѣ паровоза сидитъ рабочій. Сквозь сажу, грязь и угольную пыль сквозитъ блѣдность и желтизна его лица; щеки впалыя, грудь вдавлена, а въ угрюмыхъ глазахъ знакомое выраженіе печали.

- Здравствуйте.
- Добраго здоровья.
- Давно служите здѣсь?
- Одиннадцатый годъ.
- Тяжелая служба?

— Чужелести въ ней нѣтъ, ну только что жарко: все нутро въ тебѣ высушить. А зимой опять спереди отъ печи жгетъ, а сзади морозъ съ вѣтромъ леденить, на спинѣ сосульки.

- Сколько часовъ работаете въ день?

— Отъ шести до шести.

- А отдыхъ какъ?

— А вотъ послѣ шести и отдыхаемъ.

— Нѣтъ не то, я хочу спросить: совсѣмъ перестаете работать когда, по воскресеньямъ или среди недѣли?

— Нѣтъ, и по воскресеньямъ работаемъ, потому печи горятъ.

- Ну, а по большимъ праздникамъ?

— Все одно и по большимъ праздникамъ, хучь Свѣтло Христово Воскресенье, хучь Рождество.

— Да неужели же?! неужели же каждый день безъ перерыва круглый годъ?

— Безъ перерыва,—съ спокойной и печальной улыбкой проговорилъ мой собесѣдникъ,—потому печи неугасяемо горятъ, все одно днемъ или ночью, зимою или лѣтомъ. Оставить ихъ никакъ нельзя.

- Да у васъ нѣтъ смѣны, что-ль?

— Какъ нѣту, есть; двое насъ: одинъ ночью работаетъ, другой днемъ.

Я, не спуская глазъ, глядѣлъ на этотъ феноменъ: «человѣкъ безъ отдыха». Въѣдъ это триста шестьдесятъ пять дней стоять на одной и той же площадкѣ, поворачивать однѣ и тѣ же рукоятки, ѣздить изъ конца въ конецъ вдоль однихъ и тѣхъ же печей, и это не годъ и не два, а цѣлыхъ одиннадцать лѣтъ. Но въѣдъ есть же у него какія нибудь потребности, есть же семья, дѣти, знакомые, родственники, есть же желаніе побывать въ храмѣ Божіемъ, наконецъ, пойти въ гостиницу, въ трактиръ, или выѣхать хоть на нѣсколько часовъ изъ этого опостылѣвшаго мѣста куда нибудь. Я сказать ему объ этомъ.

— Двое насъ: я да жена, а дѣтей у насъ нѣту. А только что насчетъ отдыха, такъ мы отдыхаемъ каждый день: какъ придется со смѣномъ, ложимся и отдыхай. Ежели въ церковь захотѣлъ, иди, кто тебя держитъ: на работу-то въ шесть часовъ являться, а утренняя-то въ четыре начинается. Выпить тоже можно: иной разъ придешь съ работы, да и надрызгаешься съ устатку; всего бываетъ. Поксъ — это такая штука, что его

безустанно выжигать надо: пропасть его требуется для завода. Ну, какъ же отъ печей отойти, никакъ и нельзя; не скажешь ей—подожди; и заводъ не ждетъ. Ишь сколько его, коксу-то, однѣ домны жрутъ, страсть.

— А если вы заболѣете?

— Ну, что-жъ, безъ этого нельзя; захворалъ, такъ пока поставить машиниста въ какого нибудь другого отдѣленія. Долго только болѣть нельзя: день, два проваляешься, ну недѣлю тамъ, другую, а тамъ ужъ ступай, работай, ждать не стануть, другого замѣстъ тебя возьмутъ... Потому не остановить же печь.

— Сколько-жъ вы получаете?

— Слава Богу, получаемъ хорошо: по рублю въ день, а какъ прядниковъ нѣту, оно и выходитъ тридцать рублей въ мѣсяцъ.

Меня поражаетъ не только отсутствіе отдыха у этого человѣка, но и отсутствіе сознанія необходимости этого отдыха и естественнаго на него права. Непрерывность этой грандіозной работы завода поработщаетъ его мысль, сознаніе. Ему не приходитъ въ голову, что вѣдь заводъ могъ и долженъ былъ поставить у опредѣленнаго количества печей не двухъ, а трехъ человѣкъ, и тогда у каждого бы былъ недѣльный отдыхъ. И въ то же время онъ находитъ совершенно естественнымъ, что болѣть ему не полагается, а если и разрѣшается, такъ очень умѣренно, потому что вѣдь «печи не ждутъ». Очевидно, для этого живого придатка заводскихъ механизмовъ и приспособленій не должно было существовать извѣстнаго перерыва дѣятельности, какъ его не существуетъ для доменныхъ и коксовальныхъ печей, для генераторовъ и проч.

Къ намъ подошли двое рабочихъ. Липо моего собесѣдника сдѣлалось сосредоточеннымъ, и онъ оставилъ меня. Рабочіе желѣзными крючьями разомъ распахнули чугунныя дверцы одной изъ камеръ коксовальной печи: оттуда пахнуло нестерпимымъ зносомъ. Я отошелъ въ сторону. Паровозикъ подошелъ къ самой печи; машинистъ съ раскраснѣвшимися, пылавшими отъ жара лицомъ повернулъ какую-то рукоятку, и лежавшій на паровозикѣ желѣзный брусъ весь вошелъ въ печь и выгребъ изъ камеры на противоположную сторону раскаленный коксъ, который вывалился наружу въ раскрытыя съ противоположной стороны дверцы. Я прошелъ туда. То и дѣло изъ раскрытыхъ камеръ вываливался горящій коксъ, вдоль печи на десятки саженой громадился огромныя огненные груды раскаленнаго кокса. Стоять возлѣ не было физической возможности, волосы подымались, трещали, скручивались, платье коробилось. Нѣсколько человѣкъ рабочихъ въ однихъ портахъ и рубахъ подскакивали и, отворачиваясь, плескали изъ

ведеръ воду на горящій коксъ и сейчасъ же стремительно бросались прочь. Вода мгновенно съ легкимъ взрывомъ вырывалась оттуда бѣлыми клубами пара. Небо, облака, верхушки трубъ доменныхъ печей, дальнія постройки,—все это дрожало въ струившемся надъ огненной грудой воздухѣ.

Даже на томъ разстояніи, на какомъ я былъ, нельзя было стоять, и я пошелъ дальше. Не успѣлъ я сдѣлать и десяти шаговъ, какъ наткнулся на нѣсколькихъ рабочихъ, которые, раскинувъ руки, неподвижно, точно трупы, лежали на голой землѣ. Тотъ тяжелый, мертвый сонъ, который овладѣваетъ людьми, когда они засыпаютъ на солнцепекѣ, видимо охватилъ ихъ. Они спали, не смотря на ужасающую духоту и жаръ, съ поблѣднѣвшими лицами, съ раскрытыми ртами. Это былъ маленький свободный отъ работы промежутокъ, и они валялись, гдѣ попало, и засыпали тяжелымъ расслабляющимъ сномъ.

Я вышелъ за заводскую ограду и сталъ подниматься на пригорокъ. Внизу, у ногъ снова открылся весь заводъ; это былъ цѣлый городъ: чертѣя, подымались закопѣлыя зданія, вышки, гиганты-домны, змібились перебѣгавшимъ отблескомъ огненнымъ груды кокса, доносился все тотъ же лязгъ желѣза, и мгла, черная и дымящая, окутывала все. Рабочихъ, оживлявшихъ этотъ хаосъ, не было видно, они терялись среди построекъ, среди машинъ и механизмовъ.

По пригорку, на который я поднимался, раскинулось нѣсколько улицъ рабочихъ домиковъ. Небольшіе кирпичные, они были довольно удобны и помѣстительны. Но по разспросамъ оказалоcь, что, во-первыхъ, за эти домки администрація завода вѣнмаетъ слишкомъ высокую плату, сравнительно съ заработной платой, и, во-вторыхъ, этихъ построекъ такъ мало, что въ нихъ попадаетъ самая незначительная часть рабочихъ. Остальная же масса ютится въ поселкѣ у частныхъ лицъ по клѣтушкамъ, подваламъ, мазанкамъ, гдѣ царитъ страшная тѣснота, грязь, аловоніе, сырость, полутьма, и за всѣ эти удобства рабочіе отдають львиную долю своего заработка, «потому больше дѣться пекуда, не на улицѣ же съ семьей жить».

Уѣзжая вечеромъ на станцію, я въ послѣдній разъ взглянулъ на заводъ съ пригорка; долина, гдѣ онъ помѣщался, представляла демоническій видъ: грохотъ, желѣзный лязгъ, смѣшанные хаотическіе звуки, огромное пламя, вспыхивавшее надъ домами и озарявшее краснымъ отблескомъ черныя облака, окрестности, дома поселка и угрюмые, закопѣлыя заводскіе гиганты.

Людей не было видно и слышно.

А. Серафимовичъ.

Волны и утесъ.

На угрюмый и мрачный утесъ
 За волною волна набѣгала
 И, полна затаенныхъ угрозъ,
 Бѣлой пѣной его окаймляла.
 И стоялъ онъ—безсильный титанъ—
 Истощенный тоскою безиллодной:
 Онъ—одинокъ... Передъ нимъ океанъ,
 Океанъ непривѣтно-холодный...
 Онъ на вѣки судьбой обреченъ
 На покой... И съ мольбой безнадежной
 Онъ глядѣлъ на сѣдой небосклонъ,
 На просторъ океана безбрежный...
 И шепталъ онъ шумящимъ валамъ,
 Что послысь и роптали на волѣ:
 —«Безъ конца я завидую вамъ,
 Вашей свѣтлой и радостной долѣ!..
 Вы свободны, какъ вѣтра полетъ,
 Вы свободны, какъ чайка морская,
 И куда васъ желанье плечетъ,
 Вы песетесь, преграды не зная!..»
 А валы съ непопятной тоской
 Отвѣчали, кляня свою долю:
 —«Дай намъ твой безмятежный покой
 И возьми нашу вольную волю!..»

В. Гессенъ.

Земскія ходатайства.

V. По реформѣ мѣстныхъ крестьянскихъ учреждений.

Въ этой группѣ мы имѣемъ 169 ходатайствъ, раздѣляющихся на два періода. Болѣе раннія относятся ко времени существованія института мировыхъ посредниковъ и мировыхъ сѣздовъ и имѣютъ въ виду или реформу этого института, или совершенное его упраздненіе. Болѣе позднія возникли уже на почвѣ реформированныхъ уѣздныхъ органовъ крестьянскаго управленія, указываютъ на тѣ или иные недостатки крестьянскихъ присутствій и особенно—постановки непримѣнимаго члена этого учрежденія. Наконецъ, внѣ круга этихъ ходатайствъ стоятъ такіе, цѣлью которыхъ служить реформа волости и волостного суда *).

Начнемъ съ первыхъ.

Земскія собранія: александровское (Екатерин. губ.) (1866), харьковское губ. (1867), нижегородское губ. (1868), тульское губ. (1868) курское (1868), псковское, казанское (1870), воронежское (1870) островское (1871), нижегородское губ. (1871) и владимірскаго губ. (1873) ходатайствовали о томъ, чтобы мировые посредники были избираемы земскими собраніями, какъ мировые судьи.

„Посредники,—говоритъ владимірское собраніе,—избираемые не земствомъ, освобождался отъ контроля земства, не обнаруживая той дѣятельности, которой слѣдовало-бы ожидать отъ нихъ.“ На одно только первое изъ этихъ ходатайствъ послѣдовалъ мотивированный отказъ на формальной почвѣ: „Принимая во вниманіе, что эта должность учреждена главнѣйше для дѣлъ касающихся только двухъ сословій, крестьянскаго и дворянскаго а не всего земства, предоставленіе земству права избранія лицъ на сію должность было-бы несогласно съ вышепозложеннымъ значеніемъ ихъ“. На остальные три ходатайства заявлено, что они приняты будутъ въ соображеніе при разсмотрѣніи и разра-

*) Слѣдуетъ оговорить, что въ послѣдующее изложеніе не входятъ тѣ отзывы земствъ о реформѣ мѣстнаго управленія, которые послѣдовали на пѣтстный запросъ гр. Лористъ-Меликова (1880). Эти отзывы составляютъ особый, крайне интересный для характеристики земскихъ настроеній, матеріалъ для изслѣдованія.

боткѣ общаго вопроса о преобразованіи учрежденій по крестьянскимъ дѣламъ.

Засимъ, передъ нами два ходатайства о нѣкоторыхъ измѣненіяхъ въ функціяхъ мировыхъ посредниковъ. Крестецкое (1867) земство желало соединить обязанности мировыхъ посредниковъ съ должностію мировыхъ судей, а новгородское губ. (1867)—возложить обязанности мировыхъ посредниковъ по полюбовному размежеванію земель на членовъ земскихъ управъ. Выразившееся во всѣхъ приведенныхъ до сихъ поръ ходатайствахъ отрицательное отношеніе земства къ посредникамъ второго состава сказалось и въ просьбѣ орловскаго уѣзда. (1870) и козымодемьянскаго собраній (1872) о сокращеніи имъ жалованія до 1000 р. и 900 руб., нижегородскаго губ. (1868), нѣжинскаго (1868) и владимірскаго губ. (1878) о предоставленіи земствамъ права опредѣлять размѣры ихъ жалованія, и красноуфимскаго (1877) о безплатномъ отпускѣ имъ лошадей взаимнѣ развѣдочныхъ денегъ. На всѣ эти ходатайства слѣдовалъ тотъ-же отвѣтъ. Наконецъ, цѣлый рядъ земствъ (перечислять которыхъ мы не будемъ) представили 46 ходатайствъ объ увеличеніи размѣровъ участковъ мировыхъ посредниковъ, т. е. объ уменьшеніи числа послѣднихъ въ видахъ сокращенія безцѣльныхъ земскихъ расходовъ. Мотивами этихъ ходатайствъ служило, съ одной стороны, то обстоятельство, что „сроки обязательныхъ развѣстаний угодій между помѣщиками и крестьянами приближается къ концу, дѣлъ по поземельному устройству крестьянъ остается весьма немного“, а съ другой—что „размѣры дѣятельности мировыхъ посредниковъ значительно уменьшились по открытіи мировыхъ судебныхъ учрежденій“. Въ результатъ этихъ пятилѣтнихъ ходатайствъ и вызвавшихся ими ходатайствъ губернскихъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій было признано возможнымъ сокращать число посредниковъ (1871) въ видѣ временной мѣры впредъ до упраздненія этого института. Тѣмъ менѣе понятенъ отвѣтъ на послѣднее изъ ходатайствъ этой серіи (кушанскаго собранія—1878): „земство не въ правѣ было входить въ обсужденіе настоящаго вопроса, такъ какъ общія соображенія о необходимости сокращенія мировыхъ участковъ предоставлены губернскому по крестьянскимъ дѣламъ присутствію“.

Гораздо болѣе рѣшительный характеръ носятъ всѣ остальные ходатайства этого періода. Прежде всего передъ нами 25 ходатайствъ *) о совершенномъ упраздненіи мировыхъ посредниковъ. Съ открытіемъ судебно-мировыхъ учрежденій должностъ эта всѣмъ

*) Земствъ: александровскаго (Екатер. губ.) (1866), олонецкаго губ. (1870), таврическаго губ. (1869), ярославскаго губ. (1868), епифанскаго (1868), можайскаго (1868), московскаго губ. (1867), псковскаго губ. (1868), тѣльскаго губ. (1869), медынскаго (1870), чамбарскаго (1870), тарусскаго (1870), орловскаго губ. (1870), карачевскаго (1871), олонецкаго губ. (1871),

перечисленными земствами признавалась непужою, вызывающею „обременительный и бесполезный для земства расходъ“; обязанности посредниковъ „значительно уменьшились“ и могли быть распределены между „вѣдомствами судебнымъ и полицейскимъ“. Въ нѣкоторыхъ ходатайствахъ вопросъ ставился нѣсколько шире, и рѣчь шла объ упраздненіи не только посредниковъ и сѣздовъ, но и губернскихъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій. Это составляютъ предметъ особыхъ ходатайствъ губернскихъ земствъ херсонскаго (1874) и с.-петербургскаго (1870). Последнее просить „объ упраздненіи губернскихъ и уѣздныхъ по крестьянскимъ дѣламъ учреждений съ распределеніемъ обязанностей ихъ, по усмотрѣнію правительства, между земскими и судебными учреждениями“. Въ его мотивахъ, между прочимъ, читаемъ: „1) власть судебная не хуже будетъ защищать имущественныя права и не менѣе будетъ преслѣдовать проступки по крестьянскому общественному управленію, чѣмъ учрежденія по крестьянскимъ дѣламъ; 2) сліяніе обонхъ мировыхъ институтовъ упростило бы мѣстное управленіе; сельскіе обыватели перестали бы путаться въ пререканія о подсудности между мировыми посредниками и мировыми судьями; 3) расходы земства уменьшились бы на 38.500 р. въ годъ“. Иныя земства просили хотя бы объ уменьшеніи личнаго состава губернскихъ присутствій (тверское губ. 1869 и 1870, екатеринославское губ. 1874, пермское губ. 1874). Наконецъ, земства хлопотали и объ упраздненіи должности члена отъ правительства въ губернскомъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіи и на мировыхъ сѣздахъ и объ освобожденіи земства отъ расхода на содержаніе такихъ членовъ (екатеринославское губ. 1867 и 1869, псковское губ. 1868, тамбовское губ. 1868, саратовское губ. 1868, симбирское губ. 1868, нижегородское губ. 1868, московское 1868, тульское 1868, курское 1868, казанское 1868 и смоленское 1868). На первое (по времени) изъ всѣхъ этихъ ходатайствъ (александровскаго земства Екатеринославск. губ. 1866) послѣдовалъ отказъ, но уже съ 1867 года почти на всѣ остальные слѣдовалъ тотъ же отвѣтъ, который уже приведенъ выше, что ходатайства эти будутъ приняты въ соображеніе при разсмотрѣніи и разработкѣ общаго вопроса о преобразованіи учреждений по крестьянскимъ дѣламъ. Въ 1868 году послѣдовало разрѣшеніе „внести въ установленномъ порядкѣ представленіе объ упраздненіи должности мирового посредника съ замѣною ея новымъ учрежденіемъ, болѣе соответствующимъ положенію крестьянскаго дѣла“; но новое положеніе объ устройствѣ мѣстныхъ по

херсонскаго губ. (1872), холмскаго (1872), сапожковскаго (1872), полтавскаго губ. (1872), болховскаго (1873), глуховскаго (1873), херсонскаго уѣзда (1873), симбирскаго губ. (1874), екатеринославскаго губ. (1874), бессарабскаго губ. (1875).

крестьянскимъ дѣламъ учрежденій получило силу закона лишь 27 июня 1874 года. Такимъ образомъ, длинный рядъ предшествующихъ ходатайствъ не остался безъ результата. Но желаніе, выраженное нѣкоторыми земствами, о томъ, чтобы наслѣдство прежнихъ крестьянскихъ учрежденій было раздѣлено между различными судебными, земскими и административными учрежденіями, чтобы при этомъ расширилось значеніе суда въ области крестьянскихъ гражданскихъ отношеній и сократилось вліяніе административнаго элемента—желаніе это не получило осуществленія. Съ созданіемъ уѣздныхъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій, явилась новая форма административнаго водѣйствія специально на крестьянскую жизнь, но не особенно много помѣнялся тотъ принципъ такого водѣйствія, который воплощался и въ мировыхъ посредникахъ *не перваго* состава послѣ изыятія отъ нихъ и передачи въ вѣдѣніе мировыхъ судей (25 октября 1865 г.) нѣкоторыхъ разрядовъ судебныхъ дѣлъ. Практика весьма скоро начала обнаруживать недостатки новаго „творенія“; уже съ 1875 г. начинался длинный рядъ земскихъ ходатайствъ объ его измѣненіи въ тѣхъ или другихъ частяхъ.

Остановимся, прежде всего, на тѣхъ, которые касаются организаціи самихъ крестьянскихъ присутствій.

Одного непремѣннаго члена этого присутствія на цѣлый уѣздъ скоро оказалось мало. По словамъ рязанскаго земства, „всѣ прочіе члены присутствій отвлечены исполненіемъ своихъ прямыхъ обязанностей, а потому при болѣзни, отлучкѣ или въ случаѣ выбытія непремѣннаго члена теченіе дѣлъ неминуемо останавливается, или значительно замедляется, командировка непремѣннаго члена изъ другого уѣзда не помогаетъ успѣшному теченію дѣлъ, а напротивъ—производитъ замятательство и замедленіе въ ходѣ дѣлъ по двумъ уѣздамъ“. По этой причинѣ съ самаго введенія въ дѣйствіе новаго „положенія“ разныя земства, подходя къ вопросу съ разныхъ сторонъ, стремятся найти средство исправить этотъ недостатокъ закона. Первымъ выступило кириловское собраніе (1876), предлагавшее привлекать къ активной дѣятельности въ присутствіяхъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ одного изъ членовъ уѣздной управы. Въ этомъ ему было отказано. Въ томъ же году (1876) поступили также ходатайства губернскихъ земствъ рязанскаго и тамбовскаго (и полтавскаго губернатора) о порученіи исполненія обязанностей непремѣннаго члена въ перечисленныхъ случаяхъ другому лицу—кандидату („непремѣнный членъ, по словамъ тамбовскаго земства, лишенъ возможности имѣть надлежащій надзоръ за волостными правленіями“); это было разрѣшено; губернское собраніе получило право (1 февраля 1877 г.) назначать и болѣе одного непремѣннаго члена въ уѣздахъ, гдѣ то будетъ найдено необходимымъ уѣзднымъ земскимъ собраніемъ. Но сказаннымъ дѣло не ограничилось: нѣкоторые земства ходатайствовали

о разрѣшеніи назначать кандидатовъ и къ двумъ непремѣннымъ членамъ, что вызывалось тѣмъ, что послѣдніе не могли своевременно выполнять всѣхъ лежащихъ на нихъ обязанностей (нижегородское губ. 1879, пермское губ. 1880, курское губ. 1880); послѣднее изъ этихъ ходатайствъ оставлено безъ движенія уже „въ виду предстоящаго пересмотра положенія 27 іюня 1874 г.“ *).

Если, съ одной стороны, была такимъ образомъ констатирована недостаточность числа непремѣнныхъ членовъ созданныхъ закономъ 1874 г. присутствій, то съ другой—ощущались и нѣкоторые недостатки въ самой постановкѣ названныхъ органовъ уѣздной администраціи. Въ этомъ отношеніи заслуживаетъ вниманія ходатайство орловскаго губернскаго собранія (1879) „о предоставленіи присутствіямъ права взыскивать мѣры и способы къ обезпеченію исправнаго платежа податей и другихъ сборовъ съ тѣхъ, чтобы на обязанности полиціи оставлено было исполненіе этихъ мѣръ и взысканіе платежей подѣ наблюденіемъ присутствій“ и объ отнятіи права исправниковъ „налагать взысканія на волостныхъ старшинъ съ предоставленіемъ этого права исключительно“ крестьянскимъ присутствіямъ. Интересны мотивы этого ходатайства: „вся дѣятельность полиціи по взысканію податей ограничивается назначеніемъ весьма неудобныхъ сроковъ для взноса неуплаченныхъ податей и, въ случаѣ неуплаты таковыхъ въ означенные сроки, составленіемъ описи крестьянскаго имущества. За три года практикѣ уѣздныхъ присутствій сін послѣднія получили столько описей, что въ присутствіяхъ не бывало имущество крестьянъ всего уѣзда. При такомъ формальномъ отношеніи полиціи къ дѣлу взысканія невозможно достигъ никакого успѣха въ этомъ дѣлѣ, не обременяя не по силамъ крестьянское населеніе“; присутствія же могутъ взыскивать „способы къ обезпеченію исправнаго платежа податей, не имѣющіе вредныхъ послѣдствій для самаго благосостоянія крестьянскаго населенія“. Второе ходатайство возбуждено потому, что бывали случаи, когда старшины, представляемые даже къ наградамъ присутствіями, были подвергаемы взысканіямъ исправниками „только по ихъ личному въ томъ усмотрѣнію“. Послѣ продолжительной переписки по этимъ вопросамъ ходатайство орловскаго земства въ числѣ многихъ другихъ передано было въ особую комиссію для новаго пересмотра вопроса о мѣстномъ управленіи. Такой же результатъ имѣли и ходатайства самарскаго губ. (1879) и казанскаго губ. земства (1880), аналогичныя съ предшествующими: „объ уравненіи власти всѣхъ членовъ присутствій по крестьянскимъ дѣламъ

*) Къ этой же серіи относятся имѣющія мѣстный характеръ ходатайства алаутовскаго (1877) и уфимскаго губ. (1878) собранія, чтобы для уѣздовъ алаутовскаго и бирскаго учреждены были два непремѣнные члена, а не одинъ, какъ то было намѣчено.

въ смыслѣ отмены права исправниковъ подвергать должностныхъ лицъ волостного и сельскаго управленія дисциплинарнымъ взысканіямъ"; вмѣстѣ съ тѣмъ послѣднее земство заговорило и объ уменьшеніи рамокъ, ограничивающихъ его въ дѣлѣ избранія непремѣнныхъ членовъ—объ уничтоженіи всякаго ценза для лицъ, избранныхъ единогласно. О томъ же ходатайствовало и пермское губернское земство (1880), ссылаясь на малочисленность лицъ, удовлетворяющихъ требованіямъ закона для избранія въ непремѣнные члены. Смоленское губернское земство (1876) полагало, что съ должностью непремѣннаго члена должны быть соединены обязанности посредника полюбовнаго размежеванія. Двадцать земствъ *) всѣхъ частей земской Россіи ходатайствовали о перенесеніи выборовъ непремѣнныхъ членовъ уѣздныхъ присутствій изъ губернскаго въ уѣздныя земскія собранія въ виду того, что изъ числа представляемыхъ къ баллотировкѣ кандидатовъ „встрѣчаются лица, совершенно невѣстные губернскимъ гласнымъ, и потому при производствѣ выборовъ въ губернскомъ собраніи могутъ быть неудачныя назначенія“. Это правильное соображеніе, настолько простое, что его можно было предвидѣть при выработкѣ положенія 1874 года, встрѣчало вначалѣ отказы по разнымъ мотивамъ; такъ, въ отвѣтъ владимірскому земству сказано, что „составъ и дѣятельность губернскихъ собраній удовлетворительнѣе (?) и отъ нихъ можно ожидать лучшихъ (?) назначеній“. Но скоро и эти ходатайства стали направляться въ общую массу матеріаловъ по новому пересмотру положенія 1874 года, какъ и ходатайства объ отнесеніи расходовъ на содержаніе непремѣнныхъ членовъ съ губернскаго на уѣздный счетъ **).

Заключительнымъ аккордомъ для всѣхъ ходатайствъ этого ряда звучитъ просьба самарскаго губ. земства (1879) о „совершенномъ упраздненіи мѣстныхъ по крестьянскимъ дѣламъ учрежденій и передачѣ дѣлъ по жалобамъ на волостные суды въ вѣдѣніе мировыхъ судебныхъ установленій“. Аргументація этого земства обобщаетъ мотивы всѣхъ прочихъ земствъ, ходатайствовавшихъ по этому вопросу, и рѣзче всѣхъ подчеркиваетъ существеннѣйшіе недостатки реформы 1874 года. Желаніе свое земство основываетъ „на неудовлетворительномъ положеніи крестьян-

*) 1) вятское губ. (1875), 2) владимірское губ. (1875), 3) харьковское губ. (1875), 4) рязанское губ. (1876), 5) смоленское губ. (1877), 6) вологодское губ. (1877), 7) полтавское губ. (1877), 8) екатеринославское губ. (1878), 9) тульское губ. (1878), 10) курское губ. (1878), 11) новгородское губ. (1878), 12) тверское губ. (1878), 13) самарское губ. (1879), 14) крестецкое (1880), 15) казанское губ. (1880), 16) корчевское (1880), 17) валдайское (1880), 18) острожское (1880), 19) пермское губ. (1880), 20) псковское губ. (1881). Сверхъ того, какъ видно изъ матеріаловъ, въ томъ же смыслѣ было еще нѣсколько ходатайствъ уѣздныхъ земствъ.

**) Черниговскаго губ. земства (1875), тверскаго губ. (1875), пермскаго губ. (1880), всковскаго губ. (1881).

скаго дѣла, имѣющемъ свои причины главнымъ образомъ въ несоотвѣстной организаціи присутствій и неравноправности членовъ ея". „Предводитель дворянства, председатель управы и исправникъ,—говоритъ самарское земство,—имѣющіе свои прямыя обязанности, не могутъ постоянно принимать дѣятельнаго участія въ дѣлахъ присутствія, а потому и вся дѣятельность присутствія лежитъ по необходимости на непремѣнномъ членѣ; между тѣмъ на непремѣнныхъ членовъ начали раздаваться такія же жалобы за равнодушіе и бездѣятельность, какъ и на бывшихъ мировыхъ посредниковъ. Кромѣ того, присвоеніе исправнику преимущественнаго права налагать взысканія на сельское начальство вредно вліяетъ не только на крестьянское самоуправленіе, но и на земскія учрежденія, наложеніемъ взысканій на земскихъ гласныхъ изъ волостныхъ старшинъ и писарей. Такимъ образомъ, цѣли закона 27 іюня 1874 г. не достигнуты".

Неудовлетворительность послѣдняго была сознаваема весьма скоро и въ высшихъ учрежденіяхъ. Мы выше упоминали о нѣкоторыхъ поправкахъ, которыя уже были сдѣланы въ положеніи 1874 г. высочайшимъ повелѣніемъ 1 февр. 1877 г.; почти всѣ земскія ходатайства, начиная съ этого (1877) года, оставались безъ движенія въ виду предстоявшаго коренного пересмотра всего положенія, хотя ему было суждено еще дѣйствовать до изданія закона 12 іюля 1889 года о земскихъ начальникахъ. Если такимъ образомъ пересмотръ положенія былъ рѣшенъ уже черезъ нѣсколько лѣтъ по его утвержденіи, то не представляетъ неожиданности то обстоятельство, что земство выражало желаніе принять участіе въ выработкѣ новаго положенія, чтобы тѣмъ легче были избѣгнуты въ будущемъ недочеты и пробѣлы, обнаружившіеся въ практикѣ примѣненія закона 27 іюня. Такъ, харьковское губ. собраніе (1881) ходатайствовало „о предоставленіи разработки вопроса о преобразованіи учреждений по крестьянскимъ дѣламъ особому сѣзду изъ лицъ, назначенныхъ правительствомъ, и депутатовъ, избранныхъ губернскими и уѣздными собраніями"; казанское губ. земство (1882) просило пригласить для той же цѣли въ комиссію „выбранныхъ земскимъ собраніемъ лицъ для объясненія нуждъ и потребностей населенія по данному вопросу"; тождественныя ходатайства поступили въ томъ же (1882) году и отъ губернскихъ земствъ бессарабскаго, новгородскаго и псковскаго. Для той же цѣли весьегонское земство (1881) предлагало созвать „волостныхъ и сельскихъ выборныхъ", съ правомъ участія и другихъ мѣстныхъ обывателей, „для обсужденія вопроса объ измѣненіи нѣкоторыхъ статей положенія 27 іюня 1874 г." Всѣ эти ходатайства были препровождены „въ канцелярію особой комиссіи по составленію проектовъ мѣстнаго управленія", но дальнѣйшая судьба ихъ намъ неизвѣстна; ходатайство весьегонскаго земства отклонено.

Переходя къ ходатайствамъ, касающимся волостного устройства, находимъ, прежде всего, нѣсколько такихъ, цѣлью которыхъ служить упорядоченіе волостного суда путемъ установленія надъ нимъ апелляціонной инстанціи въ лицѣ мировыхъ судей (рославльскаго земства 1871, тверскаго губ. 1871, сапожковскаго 1872). Новгородское собраніе (1871) желало видѣть въ уѣздномъ крестьянскомъ присутствіи кассационную инстанцію „въ видахъ устраненія крайне медленнаго движенія дѣлъ въ волостныхъ судахъ“. Другія земства выражались рѣшительнѣе и предлагали уничтоженіе волостного суда, какъ сословнаго учрежденія, и передачу его дѣлъ въ вѣдѣніе мировыхъ судебныхъ учреждений. „Суды сословные,—говоритъ рязанское губ. земство (1872),—отжили свое время и представляются противорѣчіемъ заявленнаго уставами 20 ноября 1864 г. равенства предъ закономъ всѣхъ вообще людей различныхъ классовъ“. Ростовское на Дону собраніе находило (1872), что волостные суды „дѣйствуютъ вредно на народъ, затѣмняя въ его понятіяхъ принципы нравственности и правосудія и способствуя развитію въ немъ жетрезости. При томъ же сословные суды представляются излишними и несвоевременными тамъ, гдѣ введены земскія и мировыя судебныя учрежденія, которыя соединяютъ въ себѣ сословія и всѣ классы народонаселенія въ одно цѣлое въ отношеніи самоуправленія и равноправности“. Въ томъ же духѣ представлено ходатайство и костромскихъ губ. земствомъ (1874). На всѣ почти эти ходатайства было заявлено, что „на необходимость измѣненій въ узаконеніяхъ о волостныхъ судахъ уже обращено вниманіе правительства“.

Въ ближайшей связи съ приведенными находятся и ходатайства о всесословной волости. Въ нихъ съ наибольшей ясностью выразились желанія покончить съ сословной организаціей мѣстнаго управленія, главныя основанія котораго пали 19 февраля 1861 года, и стремленія земствъ сдѣлать дальнѣйшій шагъ въ дѣлѣ развитія идеи всесословности, положенной въ основу земскихъ и новыхъ судебныхъ учреждений, идея, которая несомнѣнно находила себѣ немалый откликъ въ вліятельныхъ земскихъ кругахъ. Такъ, харьковское уѣздное земство (1872) ходатайствовало о введеніи „всесословныхъ волостныхъ выборовъ, такъ какъ въ исключительной сословности выборнаго начала заключается главный недостатокъ всего строя крестьянскаго управленія и кроется главное зло и главный корень всѣхъ безпорядковъ и неурядицъ крестьянскаго самоуправленія“. Херсонское губ. собраніе (1874) желало учрежденія „всесословныхъ волостей, какъ менѣе крупныхъ земскихъ единицъ, съ тѣмъ, чтобы проектъ по сему предмету, предварительно утвержденія его въ законодательномъ порядкѣ, былъ передавъ на обсужденіе земскихъ учреждений“. Оба эти ходатайства оставлены безъ послѣдствій, „такъ какъ возбужденіе подобныхъ вопросовъ не отнесено къ предметамъ вѣдом-

ства земскихъ учреждений“, какъ сказано въ отвѣтѣ на первое, и такъ какъ „вопросъ объ общемъ преобразованіи мѣстной административной единицы не входитъ въ кругъ вѣдѣнія земскихъ учреждений“, какъ значится въ отвѣтѣ на второе. Мотивъ отказа представляется въ этомъ случаѣ мало понятнымъ послѣ того, какъ были допущены и не были признаны незаконными многочисленные ходатайства объ упраздненіи института мировыхъ посредниковъ и предположенія земства о подчиненіи крестьянскихъ учреждений общему суду и земству. Эти ходатайства затрогивали не менѣе коренной вопросъ, чѣмъ и тѣ. Очевидно, не желательна была такая *форма* рѣшенія задачи, но не самый фактъ обсужденія земствомъ данного вопроса. Это же можно замѣтить и въ мотивахъ отклоненія третьяго ходатайства въ томъ же направленіи ковровскаго земства въ періодъ поступленія второй серіи ходатайствъ этой группы—о реформѣ уѣздныхъ крестьянскихъ присутствій (1882). Земство исходило изъ мысли, что „по всѣмъ вопросамъ, непосредственно касающимся крестьянъ, полезно было бы прежде всего знать ихъ собственное мнѣніе, что волостныя правленія въ настоящее время почти совсѣмъ потеряли то значеніе, которое имъ дано было положеніемъ 19 февраля 1861 года, и сдѣлались исполнительными органами всѣхъ возможныхъ финансовыхъ, полицейскихъ, административныхъ, судебныхъ и земскихъ учреждений. Масса возложеннаго на нихъ дѣла имъ не подъ силу, и это и есть главная причина волостной безурядицы“. Въ виду того, что въ то время разрабатывался вопросъ о реформѣ мѣстнаго управленія, ковровское земство находило, что „было бы полезно, попросивъ предварительно разрѣшеніе, передать на обсужденіе волостныхъ сходовъ вопросъ о земскомъ устройствѣ волости, т. е. о волости всесословной съ выборомъ волостныхъ старшинъ всесословнымъ волостнымъ сходомъ“. Владимірскій губернаторъ въ представленіи своемъ объяснилъ, что это ходатайство затрогиваетъ вопросы общаго значенія (? не болѣе общаго, чѣмъ всѣ ходатайства объ упраздненіи мировыхъ посредниковъ и о реформѣ уѣздныхъ присутствій по крестьянскимъ дѣламъ?) и потому не подлѣжитъ удовлетворенію „тѣмъ болѣе, что означенные вопросы могли бы возбудить въ средѣ крестьянскаго населенія различныя весьма нежелательныя толки“. Ходатайство и было отклонено на этомъ основаніи *).

*) Въ нашемъ матеріалѣ въ этой группѣ ходатайствъ встрѣчается безпримѣрное ходатайство нижегородскаго (1872) уѣзднаго собранія объ „обязательномъ раздѣлѣ крестьянскихъ земель на подворные участки“ въ видахъ побужденія крестьянъ „къ лучшей обработкѣ и удабриванію полей“. Это единственное въ своемъ родѣ ходатайство, имѣвшее цѣлью дѣйствительно разрушеніе общины, сопровождалось не менѣе характернымъ представленіемъ пензенскаго губернатора, полагавшимъ себя и въ правѣ, и въ силахъ упразднить это „отжившее“ учрежденіе. Губернаторъ заяв-

Опуская нѣсколько (10) второстепенныхъ ходатайствъ, приведенныхъ исчерпываются всѣ, какія мы находимъ въ нашемъ матеріалѣ по вопросу о реформѣ мѣстныхъ крестьянскихъ учреждений. Едва ли мы ошибемся, если скажемъ, бросая взглядъ на все до сихъ поръ сказанное въ этой статьѣ, что въ данной области главной характерной чертой ходатайствъ земствъ было отрицательное отношеніе ихъ къ тѣмъ административнымъ учреждениямъ, которыя вѣдали въ то время крестьянскую жизнь. Формы воедѣйствія ихъ на послѣднюю, повидимому, совершенно не удовлетворяли потребностямъ населенія. Рядомъ съ этимъ раздавались въ земской средѣ весьма опредѣленные голоса и противъ самаго принципа такого воедѣйствія. Мѣстное управленіе, основанное на различіяхъ сословныхъ, казалось не соответствующимъ болѣе условіямъ времени; оно должно было быть преобразовано на началахъ безсословности — общій судъ въ судебно-мировыхъ учрежденіяхъ, общее хозяйственное самоуправленіе въ земствѣ.

Распространенностью такого взгляда, быть можетъ, объясняется, что рядомъ съ ходатайствами о тѣхъ или другихъ исправленіяхъ въ институтѣ мировыхъ посредниковъ *не первого* состава, вполне зависящихъ отъ мѣстной губернской власти, земства не меньше хлопотали о полномъ его упраздненіи. Последнее и должно было быть слѣдствіемъ безнадежности ходатайствъ о дарованіи земству права выбора посредниковъ, которое сообщало бы имъ менѣе чиновничій характеръ и ставило бы ихъ въ ближайшую связь съ земскими представителями мѣстнаго населенія, платившаго имъ жалованье изъ земской кассы, какъ и „членамъ отъ правительства“... Реформа мѣстныхъ учреждений въ 1874 г. не оправдала никакихъ надеждъ и не удовлетворила никакихъ желаній земства. Принципъ сословности остался въ силѣ; крестьянская жизнь по прежнему оставлена была подъ специальнымъ административнымъ воедѣйствомъ; къ тому же и новый административный аппаратъ страдалъ крупными техническими недостатками. Крестьянская жизнь цѣлаго уѣзда доставляла непосильную работу единственному активному дѣятелю уѣзднаго присутствія — непрѣмному члену. Недостаточность такого одного члена обнаружилась во многихъ мѣстахъ на слѣдующій же годъ, послѣ реформы. Кромѣ этого, избраніе его поставлено было въ довольно стѣснительныя

заявляя, что „онъ принялъ уже мѣры къ устраненію гибельнаго для земледѣльческаго хозяйства крестьянъ за ежегоднаго передѣла полей и внушалъ крестьянскимъ обществамъ пользу и необходимость раздѣла полей на участки между членами общества *разъ наоседа* или, по крайней мѣрѣ, на нѣсколько лѣтъ, и что крестьяне, сознавая пользу такого раздѣла, въ большой части обществъ составили уже приговоры о раздѣлѣ полей. Но нижнемоловское земство, полагая, что приговоры эти останутся мертвой буквой, считаетъ нужнымъ обязать крестьянъ закономъ къ означенному раздѣлу“...

раменъ цѣнза и притомъ должно было производиться въ губернскомъ собраніи, большинство членовъ котораго въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, конечно, совершенно не знало лица, которому принуждено была класть шары налѣво или направо. Наконецъ, особы полномочія одного изъ членовъ присутствія—исправника нарушали единство дѣйствія этого учрежденія и парализовали его значеніе. Отсюда рядъ приведенныхъ ходатайствъ сперва объ исправленіихъ „положенія“ 27 іюня, а затѣмъ и объ его уничтоженіи, при чемъ выражалось желаніе, для лучшаго успѣха реформы, привлечь земства къ выработкѣ новой организаціи мѣстнаго управленія. А рядомъ говорилось опять и опять о равенствѣ передъ закономъ, о безусловномъ судѣ и даже о мелкой земской единицѣ—всесословной волости. Наконецъ, земство, какъ извѣстно, всетаки было опрошено по этому (хотя и „общему“, а не мѣстному) вопросу. Отвѣты его весьма интересны и должны составить предметъ особаго изслѣдованія.

VI. По судебной, нотаріальной и межевой части.

Въ этой группѣ встрѣчаемъ сравнительно много ходатайствъ (224), изъ которыхъ двѣ трети (65,7%) отклонены. Наибольшее ихъ число имѣетъ въ виду участковыхъ и отчасти почетныхъ мировыхъ судей и ихъ компетенцію.

Начиная съ тѣхъ, которыя касаются выборовъ судей, упомянемъ о двухъ ходатайствахъ земствъ павлоградскаго (1870) и ростовскаго на Дону (1878) объ участіи членовъ управъ въ составленіи списковъ лицъ, имѣющихъ право баллотироваться въ эти должности, и о правѣ земскаго собранія дополнять эти списки. Оба ходатайства должны были быть приняты во вниманіе при общемъ пересмотрѣ соответственныхъ правилъ.—Далѣе, намъ уже знакомъ рядъ ходатайствъ о пониженіи имущественнаго ценза для выбора не только въ гласные, но и въ мировые судьи. Здѣсь мы встрѣчаемъ еще одиннадцать ходатайствъ объ облегченіи условій такого избранія. Тверское губ. собраніе (1870) желало сохранить это право для лицъ, цензъ которыхъ уменьшился послѣ выбора ихъ въ судьи. Земства: самарское губ. (1870), болховское (1870), рязанское губ. (1871), курское губ. (1871), полтавское губ. (1871), нижегородское губ. (1872), кашинское (1876) и тульское губ. (1881) желали получить право избирать большинствомъ (простымъ, двухъ третей или четырехъ пятыхъ), а не единогласно, лицъ съ недостаточнымъ имущественнымъ цензомъ; вятское губ. (1871) и рязанское губ. (1877) собранія просили, чтобы лица, однажды уже избранныя единогласно, могли быть потомъ избираемы простымъ большинствомъ. Мотивъ у всѣхъ этихъ земствъ былъ одинъ и тотъ же—отбѣснительность рамокъ цѣнзы и недостаточное число лицъ, изъ которыхъ можно дѣлать выборъ, согласно требованіямъ

закона. На всѣ эти ходатайства послѣдовалъ или отказъ, или заявленіе, что они будутъ разсматриваться въ связи „съ общими вопросамъ о необходимости нѣкоторыхъ преобразованій въ учрежденіи мировыхъ судебныхъ установленій“. Далѣе, уѣздныя земскія собранія: казанское (1869), екатеринославское (1869), порховское (1870) и александровское (Екатериносл. губ., 1871) желали получить право на избраніе добавочныхъ (запасныхъ) судей, которые займались-бы участковыхъ во время ихъ отпусковъ, болѣзни и т. п. Результатъ возникшей по этому поводу переписки въ нашемъ матеріалѣ недостаточно выясненъ. Земства: елисаветградское (1872), серпуховское (1874), зѣньковское (1876) и еедосійское (1880) ходатайствовали о томъ, чтобы мѣсто для постоянныхъ камеръ мировыхъ судей избиралось не сѣздами, а уѣзднымъ земскимъ собраніемъ, такъ какъ „мѣстопребываніе мировыхъ судей нерѣдко распределяется сѣздами не по соображенію съ удобствами и общими выгодами населенія, а лишь согласно съ личными желаніями судей, предпочитающихъ открывать камеры въ своихъ мѣстностяхъ; послѣдствіемъ такого порядка является, между прочимъ, отсутствіе въ нѣкоторыхъ довольно населенныхъ ородахъ (Бобринцѣ, Ольвѣнолѣ, Новомиргородѣ) постоянныхъ камеръ мировыхъ судей“. Эти ходатайства, вытекавшія изъ соображеній общественнаго удобства и общей пользы, всѣ были отклонены, потому что (какъ сказано, между прочимъ, въ отвѣтѣ елисаветградскому земству) „едва ли было бы справедливо запрещать судьямъ нѣтъ камеру въ своей усадьбѣ, такъ какъ подобное запрещеніе воспрепятствовало бы вступленію въ число участковыхъ судей нѣкоторымъ землевладѣльцамъ, привлеченіе которыхъ къ мировой дѣятельности признано было однимъ изъ существенныхъ условій ея успѣшности“.

Съ другой стороны, институтъ мировыхъ судей, привлекавшій къ себѣ столько заслуженныхъ симпатій населенія, по мысли земства, долженъ бы былъ получить болѣе широкую компетенцію. Такъ, херсонское губ. земство (1874) ходатайствовало „о передачѣ нѣвѣстнаго рода дѣлъ (мы, къ сожалѣнію, не знаемъ, какихъ) изъ вѣдомства общихъ судовъ въ мировыя учрежденія“; яранское (1878) просило о предоставленіи судьямъ принимать къ своему разбору всѣ гражданскія дѣла, безъ ограниченія суммы, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда одна изъ сторонъ не пожелаетъ разбираться въ судебномы-мировыхъ учрежденіяхъ; рязанское губ. (1880), полтавское губ. (1881) и островское (1882) желали передать мировымъ судьямъ иски о недвижимыхъ имуществѣхъ до 500 руб.—На первое ходатайство было заявлено, что оно будетъ принято во вниманіе при пересмотрѣ общаго вопроса, а на всѣ остальные (до 1884 г.) отвѣта не послѣдовало.

Рядомъ съ этими нѣкоторыя земства желали освободить судей отъ излишней канцелярскаго работы и хлопотали объ увеличеніи

отвѣтственности за правильность ея веденія секретарей мировыхъ судей путемъ предоставленія имъ правъ государственной службы. Ростовское на Дону собраніе (1874) желало, чтобы мировые судьи не обязаны были писать рѣшенія въ окончательной формѣ (ограничиваясь резолюціями) по тѣмъ дѣламъ, которые не переносятся на сѣзды; о второмъ ходатайствовало екатеринославское губ. земство (1870). Оба ходатайства отклонены. Тульское губ. собраніе (1867) просило права для уѣздныхъ собраній нанимать собственною властью границы судебно-мировыхъ участковъ сообразно мѣстнымъ удобствамъ, что тоже не было разрѣшено.

Затѣмъ—передъ нами цѣлый рядъ ходатайствъ (18), перечислять которыхъ не представляетъ интереса, о возложеніи на судей нѣкоторыхъ нотаріальныхъ функцій, главнымъ образомъ—по совершенію купчихъ крѣпостей не свыше известной суммы (чаще всего до 500 руб.), по засвидѣтельствованію договоровъ и актовъ, по выдачѣ залоговыхъ свидѣтельствъ—и о скорѣйшемъ введеніи ипотечной системы. Такое расширеніе компетенціи судей признавалось необходимымъ для удобствъ мѣстнаго населенія, преимущественно мало обезпеченнаго, для котораго посѣщеніе нотаріусовъ въ болѣе или менѣе удаленныхъ пунктахъ сопряжено бываетъ съ большою тратой времени и средствъ. Какъ известно, часть этихъ пожеланій впоследствии получила осуществленіе, хотя въ существенныхъ частяхъ они и остались только пожеланіями. А въ то время всѣ указанныя ходатайства были или отклонены, или приобщены къ пересмотру общаго вопроса. Не имѣли также практическаго значенія и 4 другія ходатайства о нѣкоторыхъ упрощеніяхъ судебной процедуры перехода недвижимости по куплѣ-продажѣ.

Два ходатайства касались почетныхъ мировыхъ судей. Одно псковскаго губ. земства (1867) имѣло цѣлью расширеніе ихъ власти и было отклонено. Другое—устюжинскаго собранія (1873) поднимало вопросъ о предоставленіи званія почетнаго судьи *пожизненно* лицамъ, удостоившимся двукратнаго выбора въ мировые судьи или нѣкоторыхъ другія земскія должности; послѣднее интересно по своимъ мотивамъ. „Зависимость мирового института отъ періодическихъ случайностей,—говорило земство,—далеко не обезпечиваетъ ни правильнаго развитія новаго учрежденія, ни спокойнаго, безпристрастнаго отправленія правосудія. Сознывая, что довѣріе къ суду основывается на стойкости, послѣдовательности и независимости, залогомъ чего служить неимѣняемость судей, признанная правительствомъ для общихъ судебныхъ мѣстъ, собраніе желало бы, чтобы составъ мирового сѣзда, какъ инстанція руководящей и направляющей правосудіе въ уѣздѣ, состоялъ изъ элемента, менѣе подверженнаго случайнымъ переиначамъ“. Ходатайство оставлено безъ послѣдствій.

Къ такому-же поднятію престижа мировыхъ сѣздовъ клони-

лось и ходатайство херсонскаго уѣзднаго собранія (1881) о предоставленіи имъ права „при ежегодномъ возобновленіи свидѣтельствъ на хожденіе по чужимъ дѣламъ входить въ нравственную оцѣнку лицъ, уже имѣющихъ эти свидѣтельства, подобно таковому же удостовѣренію при первоначальномъ допущеніи къ занятіямъ частныхъ повѣренныхъ“. Ходатайство отклонено на формальномъ основаніи.

Много ходатайствъ (52) хотѣли пзмѣнить размѣры получаемаго мировыми судьями содержанія; въ однихъ, довольно многочисленныхъ, выражалось желаніе уменьшить его, въ другихъ — увеличить (по большей части прибавкой квартирныхъ денегъ городскимъ судьямъ); всѣ ходатайства, очевидно, вызывались мѣстными условіями. Почти всѣ они, по разнымъ причинамъ, отклонены. Одно земство—олонецкое губ. (1868)—по специальнымъ причинамъ, просило отнестись расходъ по содержанію судебно-мировыхъ установлений на счетъ государственнаго казначейства, по крайней мѣрѣ на 8 года; земство получило казенную субсидію на два года. Звенигородское собраніе (1866), въ видахъ сокращенія земскихъ расходовъ, ходатайствовало о сокращеніи числа судебныхъ слѣдователей, по получило отказъ. Чернское собраніе (1870) просило о назначеніи втораго слѣдователя на уѣздъ и также получило отказъ. Вообще, во всѣхъ этихъ случаяхъ компетентность земства въ сужденіи о такихъ практическихъ мѣстныхъ удобствахъ принималась во вниманіе лишь въ рѣдкихъ случаяхъ.

Вопросъ, поднятый земствами орловскимъ губ. (1869), переславскимъ (1872), самарскимъ губ. (1878) и ярославскимъ губ. (1879) о вычетахъ на пенсіи изъ жалованій мировыхъ судей и служащихъ въ мировыхъ сѣздахъ, сначала разрѣшался отрицательно; затѣмъ вопросъ былъ возбужденъ общимъ порядкомъ, но о разрѣшеніи его въ нашемъ матеріалѣ свѣдѣній не имѣется.

Ходатайства 12 земствъ (съ 1877 г.) о введеніи для взиманія судебныхъ сборовъ, въ видахъ его упрощенія, марочной системы, поддержанныя отзывами губернскихъ земствъ, на разсмотрѣніе которыхъ они были переданы, повліяли на выработку законопроекта въ этомъ смыслѣ. Но до 1884 г. еще не были собраны нѣкоторыя „дополнительныя свѣдѣнія и данныя“, изъ-за которыхъ дѣло затормозилось. Ходатайства-же земствъ рязанскаго губ. (1879), гдовскаго (1880), нерехтскаго (1881) и новоторжскаго (1881) о совершенномъ уничтоженіи судебного сбора съ гражданскихъ дѣлъ въ виду его обременительности для населенія, „тягости для многихъ недостаточныхъ крестьянъ“ и незначительности поступающей этимъ путемъ суммы—были отклонены.

Опускаемъ 11 ходатайствъ уѣздныхъ земствъ *) по специаль-

*) Полтавскаго (1868), орловскаго (1868), курскаго (1869), нижегородскаго (1869), тверскаго (1869), смоленскаго (1869), владимірскаго (1870), вологодскаго (1870), воронежскаго (1870), тамбовскаго (1871), калужскаго (1872).

ному вопросу объ „апелляціонномъ капиталѣ“, проценты котораго они считали принадлежащими имъ (на основаніи ст. 95 т. XIII свод. зак. уст. общ. припр.). Но этотъ капиталъ признавъ принадлежащимъ министерству внутреннихъ дѣлъ, и тогда земства должны были возбудить вопросъ, изъ какихъ-же источниковъ слѣдуетъ производить выкачу денегъ апелляторамъ, жалобы конхъ были признаны правильными, въ виду отсутствія у земства суммъ на этотъ предметъ. Отвѣтъ получился въ томъ смыслѣ, что земства должны удовлетворять эти требованія „займообразно“ изъ наличности своей кассы съ возвратомъ этихъ суммъ внослѣдствіи министерствомъ. Ослабленіе земской кассы, далеко не всегда находящейся въ блестящемъ состояніи, и проценты на авансированныя такимъ образомъ земствамъ суммы въ расчетъ, очевидно, приняты не были, хотя наличныя деньги на этотъ предметъ въ министерствѣ получались въ видѣ процентовъ на упомянутый капиталъ.

Ходатайства 27 земствъ объ учрежденіи новыхъ нотаріальныхъ конторъ въ разныхъ городахъ и селахъ почти всѣ удовлетворены. Отклонена, однако, просьба кашинскаго уѣднаго собранія (1869) „объ учрежденіи для кашинскаго уѣзда земскаго нотаріуса для доставленія крестьянамъ удобствъ въ совершеніи сдѣлокъ“. Земство имѣло, вѣроятно, въ виду нѣкоторое удешевленіе послѣднихъ.

Восемнадцать земствъ *) просили разрѣшенія назначать изъ земскихъ суммъ денежное пособіе присяжнымъ засѣдателямъ изъ недостаточныхъ крестьянъ во время исполненія ими своихъ обязанностей. Всѣ эти ходатайства отвергнуты: „однимъ изъ главныхъ условій для исполненія обязанностей присяжнаго засѣдателя поставлено обладаніе имущественнымъ цензомъ“; „уѣдныя коммиссіи имѣютъ полное право не вносить въ списки присяжныхъ такихъ лицъ, которые не имѣютъ средствъ содержать себя“. Такимъ образомъ, министерствомъ юстиціи опредѣленно установлено былъ (1874) принципъ имущественнаго ценза для представителей общественной совѣсти. Отклонено было и ходатайство смоленскаго губ. земства (1878) объ освобожденіи отъ обязанностей присяжныхъ засѣдателей предсѣдателей губернскихъ и уѣдныхъ управъ, во набѣжаніе замедленія въ ходѣ земскихъ дѣлъ, причемъ земство ссылалось на примѣръ такого-же освобожденія городскихъ головъ.

Опускаемъ нѣсколько второстепенныхъ ходатайствъ объ имѣненіи тѣхъ или другихъ статей устав. гражд. и уголовн. судопр.

*) 1872 г.: велгужское, кинешемское, коротоянское, чебоксарское, кременчугское, золотойское; 1873: павлоградское; 1874: казанское губ., нижегородское губ., симбирское губ., ирѣвское, переславское, поглазское губ., чебарское, острогское; 1878: нижегородское уѣда; 1879: ставропольское, нижегородское губ.; 1881: новгородское губ.

О всѣхъ этихъ ходатайствахъ было заявлено, что они будутъ приняты во вниманіе при начатомъ уже пересмотрѣ тѣхъ частей дѣйствующаго законодательства, о которыхъ шла рѣчь. Слѣдуетъ при этомъ отмѣтить, однако, что ни на одно изъ нихъ не было отвѣчено въ томъ смыслѣ, чтобы земство превышало свою компетенцію, хотя въ каждомъ такомъ случаѣ оно, несомнѣнно, поднимало общій вопросъ.

Въ области вопросовъ межевыхъ наибольшее число ходатайствъ имѣетъ въ виду упрощеніе и удешевленіе межеванія. Земства александровское (Екатер. губ.) (1866), ялтинское (1867), еодосійское (1868) и таврическое губ. (1869) просили объ уравниніи, при соблюденіи нѣкоторыхъ условій, юридической силы нѣмѣній, производимыхъ частными землеустроителями и инженерами, состоящими при управѣ, съ дѣйствіями уѣздныхъ землеустроителей. Первое ходатайство было отклонено, какъ „лишенное законнаго основанія“; на прочія же заявлено, что вопросъ о такомъ уравниніи возбужденъ особой комиссіей по преобразованію межевой части, и поэтому министръ юстиціи, „не отклоняя этихъ ходатайствъ, полагалъ разрѣшеніе ихъ отложить до обсужденія работъ названной комиссіи“. То же опредѣленіе состоялось въ 1869 г., но о дальнѣйшей судьбѣ ходатайствъ (до 1884 г.) свидѣній въ нашемъ матеріалѣ не имѣется. Нѣсколько собраній (московское губ. 1874, тамбовское губ. 1874, самарское губ. 1874, рязанское губ. 1876, ярославское губ. 1878, перемышльское 1876) просили объ упраздненіи канцеляріи губернской посреднической комиссіи (съ передачей дѣлъ ей для окончанія предводителямъ дворянства), объ уничтоженіи должностей посредниковъ полюбовнаго размежеванія (съ возложеніемъ ихъ обязанностей на мировыхъ посредниковъ, а потомъ—на непрѣмѣнныхъ членовъ уѣздныхъ присутствій по крест. дѣламъ), объ отнесеніи содержанія посредниковъ полюбовнаго размежеванія на счетъ тѣхъ дачъ, въ которыхъ будутъ дѣйствовать посредники; ни одно изъ нихъ не имѣло практическихъ послѣдствій, и земства не могли этимъ путемъ сократить свои обязательные расходы. Костромское губ. собраніе (1879) просило о томъ, чтобы существующій порядокъ производства судебного размежеванія земель окружнымъ судомъ замѣненъ былъ новымъ, „съ возложеніемъ обязанностей оного на мѣстные сѣзды мировыхъ судей“—и также получило отказъ. Полтавское губ. земство (1867) желало, чтобы составленіе свѣдѣній на потребности межевою палатою производилось совместно съ губернской управою, и чтобы земской ревизіонной комиссіи предоставлено было право „просматривать“ отчетъ межевой палаты. Ходатайство отклонено, между прочимъ, „за оной смѣтанныхъ правилъ 1862 г.“, т. е. на данныхъ до учрежденія земскихъ установленій. Павлоградское земство (1870) безуспѣшно просило о введеніи общаго обязательнаго размежеванія

земель; купянское (1869)—столь-же безуспѣшно—о скорѣйшемъ окончаніи размежеванія земель въ уѣздѣ. Наконецъ, харьковское губ. (1874 и 1877) рѣшительно ходатайствовало „о назначеніи окончательнаго срока полюбовнаго размежеванія земель, или-же о замѣнѣ постоянныхъ годовыхъ окладовъ жалованья посредниковъ выдачею имъ вознагражденія по количеству размежеванныхъ земель“; но и такой проектъ примѣненія принципа „сдѣльной платы“ не имѣлъ успѣха.

Наконецъ, московское губ. собраніе (1866), ярославское губ. (1868), мышкинское (1869) и порховское (1871) просили о томъ, чтобы изъ архивовъ упраздненныхъ уѣздныхъ судовъ были переданы въ земскія управы межевые планы и книги, необходимыя земству „въ видахъ правильнаго и точнаго веденія поземельныхъ книгъ“. Не смотря на этотъ доводъ, рѣшено было передать эти планы и книги не управамъ, а въ губернскія чертежи.

Обозрѣвая приведенныя ходатайства, нельзя не видѣть, что объединяющей идеею ихъ служить—сдѣлать правосудіе, нотаріатъ и размежеваніе *болѣе доступнымъ и удобнымъ массѣ населенія*. Для этого земства желали расширить юрисдикцію мировыхъ судей, регулировать размѣщеніе ихъ камеръ, сообразно удобствамъ тяжущихся, имѣть въ запасъ добавочныхъ судей, во избѣжаніе замедленія дѣлопроизводства, возложить на судей часть нотаріальныхъ обязанностей, для облегченія заключенія разнаго рода сдѣлокъ, но въ то же время до нѣкоторой степени облегчить ихъ канцелярскую работу и снять съ нихъ часть ответственности за правильность веденія послѣдней. Для той же цѣли земства хлопотали объ упрощеніи взиманія и даже о полномъ уничтоженіи судебныхъ сборовъ, этого „налога на правосудіе“, котораго не знала мировая юстиція въ первые годы своего существованія. Далѣе, для той же цѣли земства не мало способствовали увеличенію числа нотаріальныхъ конторъ въ деревняхъ къ услугамъ сельскаго населенія; была даже попытка имѣть особаго земскаго нотаріуса специально для крестьянъ. Не мало усилій потратило земство на то, чтобы исполненіе одной изъ важнѣйшихъ гражданскихъ обязанностей—присяжнаго засѣдателя—стало доступнымъ бѣднѣйшимъ слоямъ населенія, такъ какъ въ земской средѣ, повидимому, не было популярно мнѣніе о томъ, чтобы годность человека къ роли выразителя общественной совѣсти измѣрялась его имущественнымъ цензомъ. Далѣе, земство стремилось ускорить размежеваніе земель, сдѣлать его болѣе дешевымъ, упростить его процедуры, очевидно, желая этимъ сократить и предотвратить возможность возникновенія наиболѣе обременительныхъ для населенія земельныхъ тяжбъ. Изъ земства-же раздался голосъ о независимости суда; этотъ принципъ одно изъ собраній желало, насколько можно, провести и въ набирательную среду. Наконецъ, весьма важно отиѣтитъ и то обстоятельство,

что, заботясь о сокращении своих расходов и обнаруживая при этом значительную долю безпристрастия, земство ходатайствовало об увеличении жалованья судьям лишь в тех случаях, когда это было необходимо по местным условиям (напр., на наем квартиры в городе), но что оно желало не менее часто сократить размеры этого жалованья, вопреки ходячим обвинениям, которые раздавались нередко на земство в противоположном направлении.

VII. По вопросам духовного ведомства.

В этой группе мы встречаем наименьшее число ходатайств—всего 19, из которых, однако, отклонено 18 или более двух третей (68,4%), т. е. больше всех прочих групп, кроме первой и восьмой, к которой мы сейчас перейдем.

Прежде всего, четыре земства останавливаются на правѣ участія духовенства въ земскихъ выборахъ. Новоторжская уѣздная земская управа (1866) поставила на разрѣшеніе правительства вопросъ: „могутъ-ли священники, если при церквахъ, при которыхъ они находятся, состоитъ количество земли, какое требуется закономъ для права личнаго голоса при выборѣ гласныхъ, пользоваться правомъ непосредственнаго голоса на сѣздѣ избирателей“? Этотъ запросъ возбудилъ въ высшихъ учрежденіяхъ весьма оживленную переписку, налагать ходъ которой здѣсь не представляется возможнымъ, восходятъ трижды на разрѣшеніе государственнаго совѣта, который, наконецъ (1872), представилъ министру внутреннихъ дѣлъ внести въ государственный совѣтъ окончательныя соображенія по вопросу „требуемому еще обсужденія“: „1) о правѣ представительства церквей, имѣющихъ въ своемъ владѣніи земли внѣ отведенныхъ имъ для пользованія на основаніи межевыхъ законовъ и 2) о правѣ такого представительства монастырей, владѣющихъ недвижимою собственностью, дающею право на участіе въ земскихъ выборахъ“. Сомнѣнія возбуждало главнымъ образомъ то обстоятельство, „справедливо-ли пользуются численныя въ ст. 19 учрежденія правомъ представительства по землямъ, не обложеннымъ никакими сборами“. Во исполненіе такого постановленія государственнаго совѣта, „нынѣ,—читаемъ мы въ матеріалѣ (1884),—изготавливается общее по обоимъ вопросамъ представленіе въ государственный совѣтъ“. Тамбовское губ. земство (1870) ходатайствовало объ отмѣнѣ установленнаго порядка (п. д., ст. 23 пол. о зем. учр.) участія уполномоченныхъ отъ церковнослужителей, владѣющихъ въ уѣздѣ церковной землей въ избирательныхъ сѣздахъ мелкихъ землевладельцевъ, „или же о предоставленіи земству права обложить сборомъ церковныя земли“. Поводомъ служило заявленіе липецкаго собранія о томъ, что „число представителей церковныхъ земель,

при большой свободѣ во времени и по праву представительства отъ каждаго 33-хъ десятинъ, почти всегда превышаетъ на предварительныхъ сѣздахъ число мелкопомѣстныхъ землевладѣльцевъ". Ходатайство отклонено, ибо „по собраннымъ свидѣніямъ, участие духовенства въ земскомъ представительствѣ тамбовской губерніи незначительно“, хотя уѣздное и губернское земство утверждали какъ разъ обратное. Наконецъ, не получали дальнѣйшаго движенія ходатайства костромского губ. (1880) и прѣвѣскаго (1880) собраній о томъ-же.

Три земства желали развитія приходскихъ попечительствъ, роль которыхъ можетъ быть важнѣйшей въ строѣ хозяйственнаго быта населенія. Тверская губ. земская управа (1867) ходатайствовала „о безотлагательномъ открытіи въ губерніи повсемѣстно приходскихъ попечительствъ, по связи дѣятельности ихъ съ дѣятельностью земскихъ учреждений“. Въ отвѣтъ заявлено, что попечительства должны быть открываемы „не одновременно, а постепенно“ и что одновременное повсемѣстное открытіе ихъ „не общало-бы желаемой пользы“. Пензенское губ. собраніе (1868) хлопотало „о передачѣ всѣхъ церковныхъ суммъ, собираемыхъ въ приходахъ, въ заведываніе приходскихъ попечительствъ при православныхъ церквяхъ“. Контроль надъ храненіемъ и употребленіемъ такихъ суммъ, собираемыхъ изъ средствъ мѣстнаго населенія, не могъ, конечно, не интересоватъ земство. Св. синодъ нашелъ это ходатайство „несогласнымъ ни съ цѣлью учрежденія попечительства, ни съ существующими гражданскими и церковными постановленіями“. Наконецъ, устюженское земство (1869) просило „о влѣненіи въ обязанность приходскимъ попечительствамъ содѣйствовать земской управѣ въ собраніи свидѣній о земляхъ, принадлежащихъ владѣльцамъ и сельскимъ обществамъ, приписаннымъ къ приходамъ“, такъ какъ члены попечительствъ достаточно для этого компетентны, трудъ ихъ не могъ-бы быть обременителенъ и набавлялъ бы земство отъ весьма значительнаго расхода по хозяйственной съемкѣ. Конечно, можно было-бы подвергать сомнѣнію точность и вѣрность такихъ данныхъ, а потому и пригодность ихъ для земства, но едва-ли также можно согласиться и съ мотивомъ отклоненія этого ходатайства, что возложеніе такой обязанности на членовъ попечительствъ „послужитъ къ ихъ уклоненію отъ ихъ прямой обязанности“.

Далѣе, нѣкоторые собранія желали имѣть дѣйствительное право голоса въ перераспределеніи приходовъ, такъ какъ вопросъ этотъ не можетъ не касаться близко матеріальныхъ интересовъ мѣстнаго населенія. Мещовское уѣздное собраніе (1869) просило предоставить ему право „принять участіе въ дѣлѣ наиболѣе правительственнаго росписанія приходовъ въ уѣздѣ и — чтобы опредѣлена была цифра, которая считалась бы тамъ достаточной для содержания церковнаго причта тѣми прихожанами, которые пожела-

бы содержать причты из своих средств, в случае закрытия их приходской церкви". В ответном уведомлении оберъ-прокурора св. синода указано, что вопросы эти подлежат компетенции губернских по обеспечению духовенства присутствий (что земству было, без сомнения, и без того известно; земство и просило именно об изменении этого порядка); ходатайство земства przeprowadжено „на рассмотрение и зависящее распоряжение“ этого присутствия. Новгородское губ. собрание (1870) желало допущения земских управ в полном составе „къ совѣщанію въ мѣстные уѣздные комитеты, образованные для рассмотрения проектов перераспределения приходовъ и причтовъ, и чтобы опредѣленія комитетовъ были вносимы на заключеніе уѣздныхъ земскихъ собраний“. Оберъ-прокуроръ св. синода сообщилъ, что, по его мнѣнію, „мѣра участія земства“ въ этомъ вопросѣ вполне исчерпывается тѣмъ, что комитетами будутъ рассмотрѣны „всѣ свѣдѣнія и соображенія“, которыя были-бы доставлены „исправниками, членами отъ земства и другихъ вѣдомствъ“. На аналогичное ходатайство харьковского губ. собрания (1878) отзывъ не последовало.

Не осталось земство глухо и къ вопросу объ улучшеніи быта духовенства. Въ этомъ смыслѣ ходатайствовали саратовское губ. (1867) и камышловское (1869) собрания.

По поводу второго изъ этихъ ходатайствъ сдѣлано сношеніе министерства внутреннихъ дѣлъ съ оберъ-прокуроромъ св. синода 30 апрѣля 1869 г.; но „не смотря на напоминанія 4 іюня 1878, 26 января 1879 и 29 октября 1880 г., отзывъ не последовало“ (1884). На ходатайство петергофскаго земства (1881) объ увеличеніи содержанія причтовъ церквей этого уѣзда последовало обѣщаніе удовлетворить его въ значительной степени. Наконецъ, въ 1875 г. шадринское собрание желало назначить жалованье мѣстному приходскому духовенству даже на счетъ земскаго сбора. Впрочемъ, на отношеніе министерства внутреннихъ дѣлъ по этому ходатайству отъ 6 апрѣля 1877 года заключенія оберъ-прокурора св. синода долго не было получено; а въ 1881 г. шадринское собрание постановило: „отмѣнить возбужденное въ 1875 г. ходатайство“ по указанному вопросу.

Съ другой стороны, земства, заботясь о мѣстныхъ матеріальныхъ пользахъ и нуждахъ, не могли обойти молчаніемъ и встрѣчающіяся злоупотребленія при заніманіи сборовъ за исполненіе требъ, лежащихъ тяжелымъ бременемъ на хозяйство мало-обеспеченныхъ прихожанъ. Кромское (1878) и орловское уѣздныя (1879) собрания ходатайствовали „о введеніи таксы для духовенства за исправленіе требъ въ приходахъ, въ видахъ охраненія благосостоянія крестьянъ отъ непосильныхъ для нихъ сборовъ, взимаемыхъ священнослужителями при отправленіи церковныхъ требъ“. Аналогичныя ходатайства поступили и отъ воронежскаго

губ. (1881) и конотопскаго (1883) земствъ. На послѣднія два отвѣта не было получено (1884); на первыя-же св. синодъ призналъ совѣтъ невозможнымъ дать свое заключеніе, „находя, что кромское и орловское земства не представили соображеній относительно размѣра и способа взиманія предполагаемой таксы и не указали гарантій своевременнаго и точнаго вознагражденія по таксѣ священно-церковнослужителей; и не уomatривая, чтобы названныя земства входили въ сношеніе съ духовенствомъ и имѣли въ виду дѣйствительныя обоюдныя соглашенія по сему дѣлу священно-церковнослужителей и прихожанъ подлежащихъ церкви“. Едва-ли и можно было-бы достигнуть „соглашеній“ по такому вопросу, въ которомъ земства желали оберечь населеніе отъ злоупотребленій.

Въ связи съ только-что сказаннымъ находится въ упомянутомъ ходатайствѣ воронежскаго губ. земства (1881) и выраженіе пожеланія „о предоставленіи прихожанамъ избирать себѣ священниковъ“, что возвращаю-бы прежній строй этихъ отношеній, при которомъ бывають немислмы упомянутыя злоупотребленія. Какъ уже упомянуто, на это ходатайство отвѣта еще не было получено (1884).

Нѣсколько нмы основанія, хотя и вытекающія также изъ круга обязанностей, возлагаемыхъ на земство положеніемъ о земучр., послужили поводомъ двухъ слѣдующихъ ходатайствъ. Тверское губ. собраніе (1866) желало, чтобы „1) правительство обратило заботливое вниманіе на нравственную сторону духовенства; 2) имѣли-бы въ обязанность консисторіямъ, чтобы, на основаніи ст. 74 уст. дух. консист., собраніе свѣдѣній о лицѣ, назначаемомъ въ приходъ въ священнослужители, было отбираемо отъ прихожанъ черезъ уѣздныя управы, и 3) чтобы по заявленію прихожанъ управамъ о неисправномъ совершеніи богослуженія и исполненія требъ или немирнолюбін священнослужителей, по сообщенію управъ, епархіальное начальство немедленно и въ точности исполняло смыслъ ст. 203 высоч. утв. уст. дух. консисторій“. Земство возбудило такое ходатайство въ полномъ убѣжденіи, что оно не выходитъ этимъ изъ круга дѣлъ своего вѣдѣнія. Оно основывалось „на предоставленномъ ему правѣ всесторонняго участія въ дѣлѣ народнаго образованія; а такъ какъ, въ видахъ православія, немислмо устраненіе духовенства въ дѣлѣ народнаго образованія, то оно и признало необходимымъ обратить вниманіе правительства на нравственную сторону духовенства, отъ вліянія котораго зависитъ вполнѣ будущность народа русскаго, преуспѣяніе земства и благоденствіе государства“. По сношеніи съ оберъ-прокуроромъ св. синода земству было заявлено, что оно „не имѣло никакого права возбуждать подобный вопросъ и что посему ходатайство его не можетъ подлежать удовлетворенію“.

Тѣ же цѣли преслѣдовало и ходатайство саратовскаго губ. собранія (1867) о смягченіи кастоваго характера духовенства. Земство желало для этого „учрежденія при нашихъ университетахъ богословскихъ факультетовъ, доступныхъ для всѣхъ сословій“; кромѣ того, земство просило, чтобы „выходъ священнослужителей изъ ихъ званія не сопровождался лишеніемъ не только тѣхъ правъ, которыя они имѣли до принятія священнаго сана, но и тѣхъ, которыя они должны имѣть соответственно своему сану“. — „По сношеніи съ оберъ-прокуроромъ св. синода“ саратовскому земству заявлено, что оно „вышло изъ круга предоставленной ему дѣятельности и что посему ходатайство это не подлежитъ удовлетворенію“.

Эта группа ходатайствъ весьма немногочисленна, но значеніе ея представляется большимъ. Наличность этихъ 19 ходатайствъ спасаетъ земство перваго 20-лѣтія отъ упрека въ томъ, что оно не возвышало своего голоса въ вопросахъ, хотя и входящихъ въ область его компетенціи, но такихъ, въ которыхъ, по разнымъ внѣшнимъ причинамъ, отклоненіе ходатайства можно было предвидѣть напередъ. Этимъ земство заявило, что оно имѣетъ, по его толкованію закона, не только право, но и обязанность входить въ обсужденіе данной серіи вопросовъ и мѣстныхъ интересовъ, и исполнило, такимъ образомъ, свой долгъ. Въ самомъ дѣлѣ, оно должно было выяснить размѣры права участія духовенства въ земскихъ выборахъ. Этотъ вопросъ и затронутъ были земскими ходатайствами. Далѣе, будучи уполномочено закономъ стоять на стражѣ матеріальныхъ интересовъ мѣстнаго населенія, оно не могло не коснуться вопроса о развитіи церковныхъ попечительствъ и не жалеть контроля этихъ коллегіальныхъ учрежденій надъ способомъ храненія и расходованія суммъ собираемыхъ въ церквахъ. Тѣ же интересы должны были побудить земства жалеть имѣть голосъ въ перераспределеніи и сокращеніи числа приходовъ; въ способахъ и размѣрахъ обезпеченія духовенства, что отражается на его матеріальныхъ отношеніяхъ къ прихожанамъ; въ урегулированіи этихъ отношеній путемъ установленія таксъ за требы и пѣванія священниковъ, что предотвращало-бы злоупотребленія послѣднихъ и устанавливало-бы иные, болѣе цѣлесообразныя отношенія ихъ къ своей паствѣ. Наконецъ, будучи уполномочено закономъ стать проводникомъ образованія среди населенія, земство не могло не высказать разныхъ пожеланій съ цѣлью поднятія нравственной и умственной подготовки лицъ, столь близко стоящихъ, по необходимости, къ народной школѣ. Можно, конечно, по желанію въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ соглашаться или нѣтъ съ предлагаемой тѣмъ или инымъ ходатайствомъ мѣрой, но едва-ли есть какое-либо твердое основаніе думать, чтобы земство во всѣмъ приведенномъ гдѣ-либо вышло изъ сферы законной своей компетенціи. Если-бы было больше ходатайствъ въ

этомъ направленіи, вѣроятно, и выборъ соответственныхъ мѣропріятій былъ-бы богаче; самые предметы ходатайствъ были-бы болѣе разработаны. Не слѣдуетъ, однако, удивляться, что земства не касались чаще и большаго количества вопросовъ этой группы, если каждое такое „прикосновеніе“ систематически имѣло въ результатѣ почти всегда отказъ.

VIII. По воинской повинности.

Подобно предшествующей, эта группа отличается небольшимъ числомъ ходатайствъ—ихъ всего 36,—изъ которыхъ отклонены почти всѣ: 31, т. е. 86,1%. Здѣсь мы имѣемъ максимальный для всѣхъ группъ процентъ отказовъ.

Чаще всего эти ходатайства касались семейнаго положенія лицъ, призываемыхъ къ исполненію воинской повинности, положенія, которыя земства находили справедливымъ считать за основаніе для льготъ при поступленіи на дѣйствительную службу въ войска.

Воинская повинность охватываетъ цѣль рабочаго населенія страны; если упомянутыя льготы не сообразены съ рабочимъ составомъ двора, хозяйство послѣдняго должно приходить въ упадокъ; всѣ пробѣлы и недочеты законодательства въ этомъ случаѣ чувствительно отражаются на благосостояніи и платежной способности населенія. Вотъ та точка зрѣнія, съ которой земство могло и должно было указывать на эти пробѣлы и недочеты въ томъ случаѣ, когда оно ихъ усматривало.

Губернскія земскія собранія: псковское, с.-петербургское и вологодское ходатайствовали въ 1875 году о дарованіи незаконнорожденнымъ тѣхъ-же льготъ по семейному положенію при отбываніи воинской повинности, какими пользуются и законнорожденные. Первое изъ названныхъ земствъ приводило слѣдующіе мотивы: „лишеніе льготы единственнаго при матери незаконнорожденнаго сына, съ поступленіемъ котораго на службу окончательно разстраивается хозяйство, не только оказываетъ неблагопріятное вліяніе на экономическое состояніе сельскаго населенія, но и представляется несправедливымъ въ понятіи крестьянъ, которые, одѣливая законъ не столько по духу его, сколько по практическимъ послѣдствіямъ, не могутъ уяснить себѣ, почему единственный при матери сынъ—законнорожденный—пользуется льготой, а такой-же единственный сынъ, незаконнорожденный—поступаетъ на службу“. Положеніемъ комитета министровъ 29 іюня и 2 сентября 1875 года приведенныя ходатайства с.-петербургскаго и вологодскаго земства отклонены, какъ касающіяся такихъ предметовъ, которые не входятъ въ число „исключительно мѣстныхъ хозяйственныхъ польвъ и нуждъ губерній“; къ такимъ „ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть отнесены дѣла по отбыванію“.

ванію воинской повинности". Но уже высочайшимъ повелѣніемъ 4 октября того-же 1875 года ст. 45 уст. о воин. пов. дополнена пунктомъ слѣдующаго содержанія: „для незаконнорожденнаго, на попеченіи коего находится мать, имѣющая другихъ способныхъ къ труду сыновей, или сестра, или-же неспособный къ труду братъ". Затѣмъ 28 ноября 1875 г. министерство внутреннихъ дѣлъ входило съ представленіемъ въ комитетъ министровъ объ оставленіи безъ послѣдствій ходатайства псковскаго губернскаго земства, „какъ выходящаго изъ круга мѣстныхъ интересовъ губерніи"; но комитетъ министровъ журналомъ 9 декабря 1875 г. положилъ только: предоставить министру поставить земское собраніе въ извѣстность о приведенномъ высочайшемъ повелѣніи 4 октября.

Далѣе, передъ нами нѣсколько ходатайствъ о льготахъ для работниковъ въ малоробочихъ семьяхъ. Вологодское губернское собраніе въ упомянутомъ ходатайствѣ (1876) просило, чтобы такіе молодые люди поступали на службу „только въ случаѣ недостатка въ многоробочихъ семействахъ". Ту-же цѣль преслѣдовало ходатайство елецкаго земства (1877). Воронежское губернское собраніе (1888) просило объ установленіи льготы 4-го разряда по семейному положенію „для призываемаго, за принятіемъ коего на службу, останется семейство изъ 10 и болѣе нерабочихъ душъ на попеченіи одного только способнаго къ труду лица". Воронежское губернское земство (1884) ходатайствовало „объ измѣненіи редакціи ст. 49 уст. о воин. пов. въ томъ смыслѣ, чтобы за смертью способнаго къ труду брата, единственные сыновья у отцовъ, хотя-бы еще способныхъ къ труду, увольнялись изъ дѣйствительной службы". Всѣ эти ходатайства отклонены.

Весьма близки къ этимъ по цѣлямъ и девять ходатайствъ восьмиземствъ *) о льготахъ для одиночекъ, имѣющихъ отдѣльное, самостоятельное хозяйство (холостыхъ, или женатыхъ, или имѣющихъ дѣтей). „Одиночки изъ рабочаго класса,—говоритъ рязанское земство,—вступаютъ въ бракъ не вслѣдствіе прихоти, а вслѣдствіе необходимости имѣть въ домѣ работницу и, теряя права на льготу, часто оставляютъ семью свою на произволъ судьбы безъ необходимой поддержки", „въ безвыходномъ положеніи", „въ нищетѣ,—по словамъ крестецкаго земства; ихъ „хозяйство совершенно упадетъ", „выполнѣ разорвется",—прибавляетъ бирюченское. Первые три изъ упомянутыхъ ходатайствъ были отклонены, какъ касающіяся предмета, „вѣднію земства не подлежащаго". Съ 1881 г., однако, такого отвѣта по данному вопросу земскія собранія болѣе не получали. На него было обращено вниманіе и по

*) Волчанскаго (1875), тверскаго губ. (1876 и 1881), елецкаго (1878), рязанскаго губ. (1881), крестецкаго (1881), псковскаго уѣднаго (1881), бирюченскаго (1883) и воронежскаго губ. (1888).

его поводу началась переписка въ высшихъ учрежденіяхъ. Въ концѣ концовъ, высоч. утв. мѣн. гос. сов. 10 іюня 1883 г. ст. 45 уст. о воинск. пов. была дополнена въ томъ смыслѣ, что лица, пользующіяся правомъ на льготу, сохраняютъ это право и по смерти родственниковъ, находящихся на ихъ попеченіи, если „вступивъ въ бракъ при жизни послѣднихъ, имѣютъ дѣтей, для которыхъ личный трудъ отца служить средствомъ къ существованію“. 8 декабря того же 1883 года этотъ законъ былъ распространенъ и на семейныхъ одиночекъ, поступившихъ на службу до его изданія. Этими законодательными актами получили удовлетвореніе хоть нѣкоторыя изъ поименованныхъ ходатайствъ.

Земства воронежское губ. (1878), симбирское губ. (1878), херсонское губ. (1878) и рославльское (1870) просили о томъ, чтобы приемыши, усыновленные до 10 лѣтняго возраста, и пасынки у отчима или мачихи считались за родныхъ сыновей лишь въ семействахъ, неимѣющихъ сыновей, способныхъ къ труду. Въ томъ же направленіи ходатайствовали еще и земства тверское губ., бессарабское и вологодское губ. Основаніями для такихъ ходатайствъ приводятся: 1) „что приемыши и пасынки, живя отдѣльно отъ своихъ отчимовъ и мачихъ, не оказываютъ имъ никакого вспомошествованія, и хозяйства ихъ, съ поступленіемъ на службу единственныхъ родныхъ сыновей, способныхъ къ труду, совершенно разстраиваются“ и 2) что „число семействъ, нуждающихся въ пособіи земствъ, ежегодно увеличивается, вслѣдствіе приѣма на службу единственныхъ родныхъ сыновей при приѣмахъ и пасынкахъ“. Первые два ходатайства и въ этомъ случаѣ были отклонены, какъ касающіяся вопросовъ, имѣющихъ общегосударственное значеніе, равно и потому, что „въ средѣ сельскихъ обывателей и мѣщанъ пасынки считаются обыкновенно такими же членами семьи, какъ и родные сыновья, и служатъ, наравнѣ съ послѣдними, поддержкою семьи“. Что касается до этого бытового взгляда, то земства, стоя ближе къ крестьянской средѣ, и указывали на его нецѣлостность; что же касается до перваго, формальнаго довода, то онъ и въ данномъ случаѣ скоро долженъ былъ подвергнуться измѣненію. Министерство внутреннихъ дѣлъ 2 мая 1878 входило въ комитетъ министровъ объ отклоненіи ходатайства херсонскаго губ. земства на томъ же основаніи, но комитетъ, „находя, что повторяющіяся ходатайства земскихъ собраній по сему предмету вызываютъ необходимость обратиться вновь къ разсмотрѣнію вопроса, исполнѣ ли соответствуетъ законъ выяснившимся на пріѣтнѣ потребностямъ“, положилъ: „не отклоняя нынѣ ходатайствъ херсонскаго земства, предоставить министру внутреннихъ дѣлъ войти въ сношеніе съ военнымъ министромъ по вопросу объ измѣненіи редакціи прим. 1 ст. 45 уст. о воин., пов. и затѣмъ дать дѣлу дальнѣйшее движеніе“. Не смотря, однако, на это, желанія земства не получили практическаго осу-

жесташенія: пріемыши и пасынки остались юридически равными (въ отношеніи воинск. пов.) роднымъ сыновьямъ, если о нихъ будетъ сдѣлано заявленіе (которое, конечно, всегда можетъ быть сдѣлано), что они служатъ поддержкой семьи.

Въ 1878 г. таврическое губернское земство просило, чтобы вольноопредѣляющіеся зачитывались въ число новобранцевъ, слѣдующихъ по разверсткѣ съ призывного участка. Мотивомъ служило то, что „въ виду дарованныхъ вольноопредѣляющимся особыхъ правъ, число ихъ годъ отъ года увеличивается, между тѣмъ если бы допустить помянутыхъ лицъ къ вынужтію жребія наравнѣ съ прочими призываемыми, то нѣкоторые изъ нихъ поступили бы на службу въ счетъ числа новобранцевъ, чѣмъ *сохранилась бы рабочая сила въ тѣхъ семьяхъ, которыя въ данное время должны поставлять полный контингентъ новобранцевъ*“. Аналогичное ходатайство было представлено и тверскимъ губернскимъ земствомъ въ томъ же году. Оба отклонены по тому же формальному мотиву, что предметъ этотъ выходитъ изъ сферы вѣдѣнія земства. Опуская нѣсколько другихъ предложеній о льготахъ, наложеніе которыхъ носило бы чрезвычайъ специальный характеръ, и изъ которыхъ каждое имѣло ту же тенденцію—по возможности охранять рабочій составъ семьи, упомянемъ лишь о ходатайствѣ владимірскаго губернскаго земства (1882) о томъ, чтобы взаимнѣ не явившихся новобранцевъ не принимались на службу слѣдующіе по порядку жеребьевыхъ номеровъ лица, а чтобы пополненіе общаго ихъ числа было производимо при слѣдующемъ призывѣ. Основаніемъ ходатайству служило то, что число неявившихся на службу незначительно, и они являются на службу черезъ мѣсяцъ, два, три, рѣдко—черезъ годъ, „принятые же временно взаимнѣ ихъ отбываютъ воинскую повинность съ большимъ убыткомъ для себя и семьи, отрываясь отъ занятій, теряя иногда выгодныя мѣста и должности“. Ходатайство отклонено. Далѣе, псковское губ. (1881) и костромское губ. (1883) земства просили о распространеніи льготъ по семейному положенію и на ратниковъ ополченія, чтобы „подвергались освидѣтельствуванію при пріемѣ ихъ на службу прежде всего лица, призываемыя безъ льготы, затѣмъ уже пользующіеся льготами 3-го и 2-го разрядовъ и, наконецъ, 1-го разряда, и чтобы призывъ ополченія былъ прямымъ продолженіемъ призыва новобранцевъ, т. е. начинался съ того изъ призываемыхъ, которымъ закончился призывъ на дѣйствительную службу“. Переписка между вѣдомствами, начатая по этому поводу, не привела еще къ опредѣленнымъ результатамъ до 1884 г.

Наконецъ, были ходатайства о льготахъ и по другимъ соображеніямъ. Херсонское губ. земство (1879) и смоленское губ. (1882) желали расширеніе льготъ по образованію для низшихъ школъ, но получили отказъ. Новгородское губ. (1878), курское губ. (1881), новгородское уѣзди. (1882), лаишевское (1882) и казанское губ.

(1882) собранія просили, „въ виду крайняго и повсемѣстнаго“ недостатка въ фельдшерахъ и ветеринарныхъ фельдшерахъ, особенно при эпидеміяхъ и эпизоотіяхъ, не отнимать у земствъ этихъ дѣятелей для исполненія воинской повинности, а приравнять ихъ въ этомъ случаѣ къ народнымъ учителямъ, или же, по крайней мѣрѣ, дать отсрочку до 27 лѣтъ, въ теченіе которой земскіе стипендіаты изъ фельдшерскихъ школъ могли бы отслужить свой срокъ на службѣ земству. Не смотря даже на сочувствіе министерства внутреннихъ дѣлъ послѣдней комбинаціи, обнаруженное имъ при разсмотрѣніи ходатайства курскаго губ. земства, пожеланія эти всетаки были отклонены изъ опасенія чрезмѣрнаго увеличенія числа лицъ, пользующихся льготами. Едва ли, однако, слѣдовало примѣнять этотъ принципъ по отношенію къ вышеупомянутымъ, столь необходимымъ для населенія, работникамъ.

Съ другой стороны, когда не существовало экономического или образовательнаго основанія для льготъ, земства едва ли откосились къ нимъ сочувственно. У насъ нѣтъ въ распоряженіи ни одного ходатайства, на основаніи котораго можно было бы утверждать противное, но есть за то ходатайство костромскаго губ. земства (1883) о принятіи мѣръ къ прекращенію торговли рекрутскими квитанціями. Въ томъ же ходатайствѣ собраніе высказалось противъ льготъ народныхъ учителей, выражая увѣренность, что интересы народной школы отъ того не потерпятъ. Оба предположенія отклонены.

Наконецъ, слѣдуетъ обратить вниманіе на просьбу тверскаго губ. земства (1881) о предоставленіи уѣзднымъ по воинской повинности присутствіямъ права пересматривать свои постановленія о льготахъ по семейному положенію и послѣ вынутаго жребія, до приведенія новобранцевъ къ присягѣ, а новобранцамъ—права приносить жалобы на неправильный приемъ ихъ. Мотивомъ служило то обстоятельство, что „призывные списки составляются неаккуратно, семейное положеніе призываемыхъ показывается очень часто невярно и, хотя списки провѣряются, но не все лица, имѣющія права на льготу, пользуются до жеребьеванія своимъ правомъ заявлять объ исправленіи списковъ, а дѣлаютъ это уже послѣ вынутаго жребія“. Такія заявленія присутствіями часто во вниманіе не принимаются, а „при той степени развитія, на которой стоитъ большинство крестьянскаго населенія, строгія требованія буквы устава для многихъ призываемыхъ непонятны“. Не смотря на такую безусловно общую постановку вопроса, тверское земство на этотъ разъ не получило въ отвѣтъ замѣчанія о превышеніи имъ своей компетенціи. Тамъ не менѣе, ходатайство было всетаки отклонено по формальнымъ мотивамъ.

О прочихъ ходатайствахъ этой группы, не касающихся льготъ, намъ остается сказать два слова.

Опуская четыре ходатайства о перераспределеніи призывныхъ

участковъ, вызываемомъ мѣстными удобствами и справедливостію, и желаніе одного земства (судогодскаго 1882) измѣнить сроки призыва, отмѣтитъ лишь нѣсколько ходатайствъ по вопросу о расходахъ по воинской повинности.

Земства новгородское губ. (1874), костромское губ. (1876) и сердобское (1881) справедливо полагали, что всѣ эти расходы подлежатъ сложенію съ земства и принятію на счетъ казны. „Расходы эти,—говорить второе изъ названныхъ земствъ,—вызваны не мѣстной потребностью и не на удовлетвореніе нуждъ мѣстнаго населенія, а составляютъ всецѣло предметъ государственной потребности“ *). Всѣ три ходатайства, однако, были отклонены; сдѣлана была ссылка на то, что уѣзднымъ присутствіямъ отпускается на канцелярскіе расходы по 1 р. на каждого новобранца. Новгородское собраніе возобновило свое ходатайство (1875); „земство,—говорить оно,—призванное, по закону, только для вспоможенія казнѣ въ этомъ дѣлѣ, является главнымъ плательщикомъ, не смотря на то, что воинская повинность имѣетъ, несомнѣнно, характеръ чисто государственный“. Приводится и справка: казной израсходовано на этотъ предметъ въ 1874 г. 1.998 р., въ 1875 г.—2.480 р., а земствомъ—7.804 р. и 8.267 р. мѣсто надержки на путевое и квартирное довольство председателей и членовъ воинскихъ присутствій отъ земства. Но и этотъ доводъ остался безъ успѣха.

Наконецъ, принужденныя въ этомъ случаѣ обходиться своими средствами, земства губернскія и уѣздныя вступили между собой въ нѣкоторый конфликтъ по вопросу о томъ, на чей счетъ отнести расходы по этой общегосударственной повинности. Губернскія собранія: симбирское (1875), черниговское (1875), владимірское (1875), нижегородское (1875), орловское (1876) и вологодское (1881) ходатайствовали объ отнесеніи расходовъ по содержанію уѣздныхъ воинскихъ присутствій на счетъ уѣздныхъ земствъ, что вызвало, между прочимъ, протестъ орловскаго губернатора. Рядомъ съ этими и нѣкоторые другія губернскія земства, не возбуждая ходатайствъ передъ правительствомъ, сдѣлали такіе-же постановленія, что вызвало, съ одной стороны, также протестъ одного изъ губернаторовъ (с.-петербургскаго), а съ другой—ходатайства уѣздныхъ земствъ (чухломскаго 1875 и слободскаго 1876) объ оти́яніи соотвѣтственныхъ постановленій костромскаго и вятскаго губернскихъ земскихъ собраній. Однако, по разъясненію сената, оказалось, что губернское земство „имѣетъ полное право отнести эту повинность къ губернской или уѣздной, по ближайшему своему усмотрѣнію, и отснять его въ этомъ от-

*) Такой же смыслъ имѣло и ходатайство аткарскаго собранія (1882) объ отпускѣ казенныхъ денегъ не по числу новобранцевъ, а по числу лицъ, внесенныхъ въ призывные списки. Ходатайство также отклонено.

ношеніи не представляется законнаго основанія" (указъ 25 октября 1875 г.). Такимъ образомъ, отклоненіе земскихъ ходатайствъ о принятіи расходовъ по общегосударственной повинности на общегосударственный-же счетъ нѣло слѣдствіемъ отнесеніе этихъ расходовъ на счетъ самыхъ малыхъ бюджетовъ—бюджетовъ уѣздныхъ земствъ (кроме, конечно, содержанія губернскаго по воинской повинности присутствія), ограничивая тѣмъ возможность послѣднихъ приходить на встрѣчу нѣкоторой части дѣйствительно мѣстныхъ „полезъ и нуждъ“.

Какъ видно изъ предшествующаго изложенія, весьма немногочисленна была земская программа (по скольку о ней можно судить по ходатайствамъ) по вопросамъ, связаннымъ съ воинской повинностью. Но программа эта находилась, безъ сомнѣнія, въ полномъ соотвѣтствіи съ назначеніемъ земскихъ учреждений, какъ уже выше упомянуто. Почти всѣ приведенныя ходатайства проникнуты одной тенденціей, преслѣдуютъ одну цѣль—подчеркнуть такіе пробѣлы закона 1874 года, которые могутъ отражаться губительно на народномъ хозяйствѣ. Въ каждомъ изъ этихъ ходатайствъ стремленіе устроить такъ, чтобы дворъ, хозяйственная единица терпѣла возможно меньшій ущербъ отъ необходимости для одного изъ его взрослыхъ работниковъ отбывать воинскую повинность. Мы видѣли, что въ этихъ видахъ земства желали уравненія по данному признаку незаконнорожденныхъ съ законнорожденными, расширенія льготъ для мало-рабочихъ семей и одиночекъ, измѣненія льготъ для приемышей и пасынковъ, зачета вольноопредѣляющихся при разверсткѣ новобранцевъ, льготъ для ратниковъ ополченія и нѣкот. друг. Едва-ли можно было дѣйствовать болѣе послѣдовательно и съ большимъ знаніемъ хозяйственныхъ и бытовыхъ условій жизни населенія, чѣмъ то дѣлало земство. Рядомъ съ этимъ земство желало сохранить для населенія нѣкоторыхъ своихъ служащихъ и освободить ихъ отъ отбыванія воинской повинности въ общественныхъ интересахъ, какъ то признано было возможнымъ сдѣлать для народныхъ учителей. Оно стремилось, даѣе, сохранить и, если можно, расширить льготы по образованію для кончившихъ курсъ низшихъ школъ, но, что характерно, не представило, насколько намъ извѣстно, ни одного ходатайства о расширеніи такихъ-же льготъ для окончившихъ курсъ въ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Выше указано было, что почти ни одно изъ пожеланій земствъ въ этой области не было удовлетворено. Но первоначальный доводъ, который приводимъ былъ при отклоненіяхъ земскихъ ходатайствъ по воинской повинности—о превышеніи земствомъ своей компетенціи разсмотрѣніемъ общегосударственнаго вопроса—доводъ, такъ плохо гармонировавшій съ отнесеніемъ на счетъ того же земства крупной части расходовъ на призы новобранцевъ,

доводъ этотъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, подъ вліяніемъ повторенія ходатайствъ снова и снова, не повторился болѣе и уступилъ мѣсто законодательному пересмотру тѣхъ или иныхъ льготъ. Этимъ путемъ, конечно, не достигалось всетаки удовлетворенія земскихъ пожеланій въ полномъ объемѣ, но нѣкоторые слѣды такой настойчивости земствъ, какъ выше можно было видѣть, все-же остались въ законодательствѣ даже въ этой области, признанной сначала рѣшительно стоящей внѣ всякой связи съ кругомъ вѣдѣнія земскихъ учрежденій.

Н. Карышевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ)

ПЕРЕДЪ ГРОЗОЙ.

Часть первая.

(Продолженіе).

VIII.

Чагинъ занималъ небольшую лачугу, выходившую окнами въ огородъ, а крыльцомъ на широкій дворъ, сплошь заросшій травой, лопухомъ и крапивой. Къ крыльцу отъ воротъ шла узкая прямая тропинка; другая такая же вела въ мастерскую сапожника Чубарова.

Былъ вечеръ. Высоко въ глубинѣ неба неподвижно стояло кудрявое сверкающее облако. Правая половина двора вмѣстѣ съ старой березой, одиноко торчавшей среди почернѣвшихъ убогихъ построекъ, ярко освѣщалась красными лучами заходящаго солнца, — лѣвая оставалась въ глубокой тѣни. На крыльцѣ мастерской, въ кожаномъ фартукѣ, съ ремешкомъ на головѣ сидѣлъ сапожникъ Чубаровъ. Онъ смотрѣлъ черезъ заплоть на золотой куполъ церкви, весело игравшій на солнцѣ, курилъ цыгарку и съ видомъ невозмутимаго равнодушія слушалъ жалобы стоявшихъ передъ нимъ мужиковъ. Мужики горько жаловались на Чагина, отъ котораго только что вышли.

— То горе, соколикъ, что разговору нашего не сколь не припимаетъ, — говорилъ высокій, худощавый, бѣлокурый мужикъ съ выраженіемъ глубокой затаенной тоски въ голубыхъ, дѣтски-наивныхъ глазахъ: — хоть говори, хоть не говори, онъ все на свой ладъ, на свой рассудокъ...

— Мудренъ больно, — продолжалъ другой съ черною борою и сердитыми глазами: — онъ все самъ одинъ рассудить!.. Дѣло мірское, дѣло междуусобное, его надобно обмозговать, а не какъ нибудь... Пословица говорится: семь разъ отмѣрай, одинъ отрѣжь. А онъ что? Приговоръ не надо, планъ не надо, вотъ и поди съ нимъ!.. Какъ въ эдакомъ дѣлѣ безъ приговора? а планъ кому помѣшалъ? да ежели все общество жалеетъ! Господи Боже мой! да будь у насъ планъ, то, хоть бы и при-

става взять, пошто бы онъ поѣхалъ описывать? Да если бы и пріѣхалъ, такъ у насъ планъ: вотъ онъ! на! смотри на ево!.. Нѣтъ, онъ не туда гнеть!.. Плана не надо! Господи помилуй! какъ это такъ?..

— Во тѣхъ ходимъ, соколики, какъ въ темномъ лѣсу. Одинъ одно, другой другое, кто чего, а толку все нѣту... Разорялись въ корень... Царяца небесная!..

— Ни одинъ человѣкъ въ обществѣ не отопрется, всѣ руки даютъ: нашъ хлѣбъ и сѣно наше — больше ничего!.. Ну, ладно: одному человѣку нѣту вѣры, такъ неужто не повѣрять всему обществу?

Третій мужикъ, старикъ лѣтъ семидесяти, съ бѣлою, какъ лунь, бородою, стоялъ, опираясь на палку. Онъ былъ глухъ и не принималъ участія въ разговорѣ.

— На фатеру теперича пойдемъ али какъ? — спрашивалъ онъ старчески дребезжащимъ голосомъ.

— Молчи, дѣдко, молчи: какъ пойдемъ, — скажемъ, — кричали ему на ухо, и онъ опять терпѣливо ждетъ.

Чубаровъ, казалось, не слушалъ мужиковъ и черезъ ихъ головы смотрѣлъ вдаль. Вдругъ онъ сдѣлалъ рѣшительное движеніе, сплунулъ, бросилъ цыгарку, растопталъ ее сапогомъ и заговорилъ, впиваясь въ мужиковъ маленькими, блестящими, острыми глазами:

— Будемъ такъ говорить: Смолинъ на себя танеть, на свою ливню? такъ?

— Такъ, такъ, — сказали мужики, ободрясь.

— А вы, какъ природные жители, на свою? вѣрно?

— Вѣрно, вѣрно.

Чубаровъ поочередно оглядѣлъ мужиковъ строгимъ, испытующимъ взглядомъ, помолчалъ и потомъ заявилъ рѣшительно:

— Больше ничего, что надо вамъ землемѣра. А какъ выйдетъ землемѣръ, дать ему сто рублей въ зубы да вина выпить, скажемъ, ведро или два — вотъ! больше ничего не требуется! Наведетъ онъ стрелябію, направитъ магнитъ, наставитъ столбовъ съ орлами — конченное дѣло! на вѣки нерушимо! вѣрнѣе вѣрнаго!.. Поняли?

Мужики заволновались.

— Чего!.. сказалъ, какъ въ ротъ положилъ... Видимое дѣло!.. И мы то же говоримъ... вотъ это самое... все общество жалеаетъ...

— Капиталовъ чуръ не жалѣй, выкладывай, робя, сколь потребуется, безъ сумлѣнія.

— Не говори, мерекуюмъ мало-мало.

— Выворачивай мошну! встрясай начисто! тутъ ужъ прямо, безъ торгу, а лишь бы взять. Ежели знающій межевой, ему прямо тысячу рублей въ зубы, хлещи его водкой безусыпно!

— Дѣло извѣстное... Признаться, и есть ужъ такой на примѣтъ: съ удовольствіемъ, говорить, за пятьсотъ рублей...

— Не зѣвай!

— Одно горе: не велить онъ...

— Чагинъ-то? Ну, не знаю... Почему, однако?

— Не поможетъ, говорить.

— Какъ не поможетъ? это землемѣръ-то не поможетъ?

— Зря, говорить, безъ дѣла...

— Это столбы-то зря? Эге! наплюйте вы ему въ самую морду! Вѣдь, на столбахъ-то орлы? такъ или нѣтъ?

— А вотъ поди, поговори съ нимъ!

— Ничего! а бы поговорилъ! Не вамъ чета: а бы ему утеръ носъ! а бы попытался, какой такой сурьезный законъ, чтобъ орлы безъ вниманія!.. Не такихъ видали! работали, слава Богу, и на господъ офицеровъ, прямо сказать, шивали на самого полковника...

— А что, въ самомъ дѣлѣ, ежели бы того... а?.. ежели бы ты, милый человѣкъ—ни называть тебя, ни взвеличать—того бы... поговорилъ съ нимъ... а?.. Ты вольный человѣкъ: говори напрямки, безъ опаски...

— Я могу. Я прямо скажу: для чего горбамъ положеніе? для какого предмета? Ну-ка? Посмотримъ, что онъ отвѣтитъ!.. Давай на сороковку,—прибавилъ неожиданно Чубаровъ дѣловымъ тономъ:—не для чего, а для духу, для куражу восемнадцать копѣекъ. Понимаешь?

— На счетъ этого не постонимъ.

— Для духу, понимаешь, для этого собственно... для простору...

— Изъ за сороковки не постонимъ... Дѣдушка! — крикнулъ чернѣйшій мужикъ старику:—добывай восемнадцать копѣекъ.

— Пошто?—спросилъ старикъ.

— Вотъ человѣку надо, дѣло одно оборудовать.

— Сдѣлаетъ ли? — спросилъ старикъ, подозрительно приглядываясь къ Чубарову, который уже не сидѣлъ теперь, а стоялъ въ вдохновенной позѣ.

— Сдѣлаетъ, сдѣлаетъ.

Старикъ, отвернувшись, растегнулъ воротъ рубахи, досталъ изъ-за пазухи привязанный за шюу кошелекъ и долго въ немъ рылся, потомъ ваялъ въ ротъ добытые изъ него мѣдаки, застегнулся и подалъ Чубарову ровно восемнадцать копѣекъ. Тотъ быстро на ладони пересчиталъ деньги, сказалъ: «вѣрно!», прищелкнулъ языкомъ и скрылся за воротами. Минутъ черезъ десять онъ вернулся. Глаза его оживленно блеснули.

— Эхъ-ма! маловато,—сказалъ онъ. — Ну, да ничего. Теперь я могу говорить о предметахъ. Сейчасъ, сейчасъ, не сумѣйте, идю.

Чубаровъ исчезъ въ дверяхъ. Мужики въ ожиданіи усьлились на крыльцѣ.

Чагинъ, молодой человѣкъ лѣтъ двадцати пяти, съ большими, строгими, умными глазами, сидѣлъ у стола и что-то писалъ. Онъ не замѣтилъ осторожно вошедшаго Чубарова. Чубаровъ переступилъ съ ноги на ногу и откашлялся.

— А, Чубаровъ! — сказалъ Чагинъ, обернувшись: — чего надо?

На лицѣ Чубарова тотчасъ же заиграла заискивающая, пріятная улыбка, и онъ суетливо сталъ оглядывать комнату.

— Сапожки не почистить ли? Не поставить ли самоварчикъ?.. Мы съ удовольствіемъ... время свободное...

— Нѣтъ, не надо.

Чубаровъ однимъ пальцемъ почесалъ въ затылкѣ, помолчавъ, посмотрѣлъ подъ ноги и проговорилъ несмѣло:

— А что хотѣлъ я спросить у васъ, Петръ Филиппычъ: землемѣры эти, они для чего ходятъ?

— Какіе землемѣры?

— Да вотъ землемѣры называются, межевые... Говорятъ, орлы у нихъ на столбахъ-то...

— Ну?

— Землемѣры эти, скажемъ, мѣряютъ землю, а орлы въ какой силѣ?.. Будто бы орлы у нихъ... Ну, такъ вотъ насчетъ этихъ самыхъ орловъ... какъ они? къ чему?.. неужели, молъ, вовсе безъ дѣла, а такъ взялъ, примѣрно, налѣпилъ ихъ зря, безо всякаго вниманія?.. Я думаю, есть же то положеніе, чтобы, значитъ, безъ орловъ невозможно... какъ-никакъ, хоть и маломальскіе, а, вѣдь, все же орлы...

— Тебя мужики послали? — спросилъ Чагинъ.

Чубаровъ сначала заморгалъ глазами отъ неожиданности, потомъ лицо его засіяло улыбкой удовольствія при видѣ такой догадливости со стороны Чагина.

— Да что, — отвѣчалъ онъ, — вѣдь, дурачье! пристали, какъ банный листъ: сходи да сходи къ барину... Идолы! подметку приточать — это мое дѣло, а тутъ я что могу? У меня и языкъ сукопный, какъ худая бабалайка: дребезжить, дребезжить, а что къ чему — неизвѣстно... право, ей-Богу!.. Народы!.. Я говорю: коли баринъ сказалъ, будьте въ покоѣ... Идолы! Понятія нѣту... Тыфу! заставили свалять дурака!..

— Ну, хорошо, уходи. Мужикамъ скажи: пусть ѣдутъ домой, нечего имъ здѣсь околачиваться.

— Извѣстно, чего имъ здѣсь околачиваться!

— Ну, иди, иди.

— Ладно. Я имъ скажу, будьте спокойны... Черти! нѣ-за-эдакихъ, прости Господи, нѣ-за-продовъ...

Чубаровъ ушелъ. Минутъ десять спустя въ дверяхъ поя-

вился черный мужикъ. За его спиной изъ глубины темной прихожей выглядывали головы остальных двухъ мужиковъ.

— Это зачѣмъ?—сурово обратился къ нему Чагинъ.

Мужикъ прежде всего истово помолился на икону, степенно пригладилъ на голоѣ волосы, кивнулъ головой, потомъ притѣливо улыбнулся и сказалъ пріятельскимъ тономъ:

— Ишшо здорово, Петръ Филиппычъ... Опять быдто до вашей милости... надоѣдать вамъ...

— Зачѣмъ?—спросилъ Чагинъ, не отвѣчая на поклонъ.

— Все беспокоитъ васъ... ужъ извините... Оно и не хорошо, да какъ быть? терпѣть надо...

— Зачѣмъ, я спрашиваю?

— Товарищи все вотъ сомнѣваются... насчетъ того... насчетъ этого...

Чагинъ, едва сдерживая раздраженіе, упорно смотрѣлъ на мужика черными, блестящими отъ гнѣва глазами. Отъ этого взгляда мужикъ все больше и больше смущался, путался и смотрѣлъ въ полъ.

— Въ чемъ сомнѣваются?

— Насчетъ, то есть, того собственно... какъ, значитъ, насчетъ этого... Насчетъ землемѣра...

Книга, бывшая у Чагина въ рукахъ, съ трескомъ полетѣла на полъ. Чагинъ порывисто поднялся со стула. Черный мужикъ испуганно попятился назадъ и учащенно замигалъ глазами.

— Не гнѣвись ты, ради Христа, Петръ Филиппычъ,—заговорилъ отъ жалобнымъ голосомъ:—прости нашу мужицкую глупость... Ночи не спимъ отъ заботы... Бродимъ, какъ въ дремучемъ лѣсу... измаялись вовсе... Прости насъ, ради Христа, выслушай безгнѣвно нашу глупую мужицкую рѣчь...

Въ голосѣ мужика слышалась неподдѣльная тоска, но лицо Чагина продолжало оставаться холоднымъ и строгимъ. Онъ снова сѣлъ на стулъ и сказалъ уставшимъ голосомъ:

— Хорошо, я слушаю. Говори, только, пожалуйста, покороче.

Мужикъ нѣкоторое время молчалъ, собираясь съ мыслями, обильный потъ выступилъ у него на лицѣ.

— Землемѣръ этотъ, господинъ Сопѣлкинъ,—началъ онъ, наконецъ, медленно и съ трудомъ выговаривая слова:—карда на емъ, свѣтлыя пуговицы, ихъ высокоблагородіе... баринъ ничего, обходительный... Сдѣлаю, говорить, по всей формѣ, при понятыхъ, безъ обману, при всемъ народѣ астролабію наведу... Ну, вотъ какъ тутъ?.. За пять, говорить, сотъ цѣлковыхъ... Конечно, вы большо понимаете... а только онъ, вѣдь, присягу прималъ, опять же, въ случаѣ чего, онъ и въ отвѣтъ... А ежели непарокомъ, Божиимъ благословеніемъ по-

дѣйствовать? какъ въ такомъ разѣ?.. Ты подумай, эдакое дѣло упустить!.. Какъ мы передъ міромъ отвѣчать станемъ?.. Да и все намъ повеселѣе, какъ у насъ планъ... да ежели сдѣлать его настоящимъ маперомъ, по закону, по всей формѣ...

Чагинъ, сурово сдвинувъ брови, молчалъ. Мужикъ все больше и больше путался. Онъ чувствовалъ, что говоритъ вздоръ, нелогично и необъяснительно, что слова его противны даже ему самому, но въ то же время былъ глубоко убѣжденъ, что есть какія-то другія, настоящія слова, отъ которыхъ, еслибъ только они пришли ему въ голову, вдругъ все стало бы ясно, просто и убѣдительно. Отъ чрезмѣрнаго усилія припомнить эти слова потъ катился съ него градомъ, на лбу вдулись синія жилы, а рѣчь становилась все бессвязнѣе и труднѣе: «Эхъ, не то, не то говорить», съ тоскою думалъ стоявшій за его спиною товарищъ. Наконецъ, онъ умолкъ.

— Все?—спросилъ Чагинъ.

Мужикъ вздохнулъ и ничего не отвѣтилъ.

— Боже мой!—сказалъ Чагинъ:—вѣдь, ты уже говорилъ мнѣ всю эту ерунду!.. Нѣтъ, это кошмаръ какой-то! Вы меня съ ума сведете! вымотаете изъ меня всю душу!—прибавилъ онъ съ унылымъ видомъ. Глаза его вдругъ потухли, лицо осунулось, на лбу показались морщины, и видно было, что онъ, въ самомъ дѣлѣ, усталъ, что ему тяжело говорить и хотѣлось бы отдохнуть, успокоиться и забыться. Онъ тряхнулъ головой и началъ, стараясь сохранить хладнокровіе:

— Ну, слушайте... только ужъ въ послѣдній разъ. Если вы только займетесь еще о разныхъ нелѣпостяхъ, внушаемыхъ вамъ всякими проходивцами, я брошу все! ну васъ къ дьяволу! мнѣ до омерзѣнія надоѣло возиться съ дураками!.. Зарубите это у себя на носу... Вы понимаете сами, что изъ множества вашихъ дѣлъ самое важное о землѣ. Всѣ остальные дѣла и дѣлишки: о самоуправствѣ тамъ, всѣ эти гражданскіе иски, взысканія и прочее—статья особая, и не слѣдуетъ валить ихъ въ одну кучу. Ихъ нарочно выдумываютъ, чтобы вывести васъ изъ терпѣнія и довести до безпорядковъ... И если, чего сохрани Боже, вы опять натворите глупостей, меня въ двадцать четыре часа не будетъ въ губерніи... Поняли? А я вамъ еще пока нуженъ... Но это все пустяки, если вы будете держать себя умно. Самое главное теперь—не волноваться и спокойно ждать результатовъ. Правда на нашей сторонѣ, мы выиграли дѣло во всѣхъ инстанціяхъ... Я говорю про главное дѣло о землѣ, не смущайтесь, что другія дѣла мы иногда проигрывали—это не бѣда. Земельное дѣло доведено до сѣнаты, потерпите немного: я ручаюсь вамъ, что и въ сенатѣ оно будетъ рѣшено въ вашу пользу. И это рѣшеніе уже окончательное. Сенатъ высшая и послѣдняя инстанція, его рѣ-

шеніе уже никто не можетъ отрицать, кромѣ Государя. Понимаете? Вотъ почему всѣ просьбы, жалобы, прошенія и заявленія, которыя, по вашему мнѣнію, надо куда-то еще подавать, и разныя глупости, въ родѣ землемѣра Сопѣлкина, не имѣютъ теперь никакого смысла. Все это ненужно, понимаете?

Чагинъ говорилъ такимъ образомъ съ полчаса. По тупому и тоскливому выраженію на лицахъ мужиковъ онъ видѣлъ, что они его плохо слушаютъ и думаютъ какую-то свою думу. Это выводило Чагина изъ себя, и нѣсколько разъ онъ испытывалъ страстное желаніе пинками выгнать ихъ вонъ.

— Побѣжайте домой,—сказалъ онъ въ заключеніе:—здѣсь вамъ нечего дѣлать, а тамъ вы необходимы. Употребите всѣ усилія, чтобы все оставалось спокойно. Все же вы самые благоразумные люди: васъ послушаютъ. Чтобы ни самоуправства, ни сопротивленій властямъ, ни поджоговъ, ни дракъ съ рабочими Смолина! слышите? Что бы ни случилось, оставайтесь спокойны, защиту найдемъ. Много терпѣли, потерпите еще немного. Я слышалъ, у Смолина опять сожгли сѣно... Чтобы этого не было! Слышите? Постарайтесь удержатъ народъ отъ всякаго самоуправства... Побѣжайте сегодня же. Если я узнаю, что вы продолжаете околачиваться въ городѣ, я откажусь отъ всего. Вы знаете: мое слово твердо. Поняли?

Мужики угрюмо молчали

— Все поняли, что я сказалъ?

— Какъ не понять! понять-то поняли...

— Ну, хорошо. Я сказалъ свое слово, а тамъ какъ хотите. Съ Богомъ!

Мужики, однако, не уходили. Чагинъ взялъ со стола книгу, отвернулся и сталъ читать или притворился читающимъ. Съ минуту длилось молчаніе.

— Уходите, уходите,—сказалъ Чагинъ, не поднимая головы. Вдругъ онъ вздрогнулъ отъ страннаго звука и съ испугомъ поднялся съ мѣста, заштынь у своихъ ногъ блѣбрысую голову высокаго мужика, который неслышно вышелъ изъ прихожей и молча бухнулся Чагину въ ноги. Черный мужикъ постоялъ одно мгновеніе въ нерѣшительности и тоже повалился на полъ. Его примѣру послѣдовалъ и старикъ. Затѣмъ всѣ трое поднялись красные, взволнованные и какъ-будто радостные и просвѣтленные.

Чагинъ сжалъ кулаки, глаза его загорѣлись бѣшенымъ гнѣвомъ.

— Это что значить?—проговорилъ онъ сдавленнымъ голосомъ.—Это что за комедія?—крикнулъ онъ вслѣдъ затѣмъ, и голосъ его сталъ металлически рѣзокъ и пронзительнѣе.

— Мы поклонились тебѣ до земли,—отвѣчалъ черный му-

жикъ:—Что хочешь съ нами дѣлай, а только домой мы ѣхать не можемъ: съѣдятъ насъ общественники... Изъ милости тебя просимъ, земно молимъ—ослобони!.. Мы люди обреченные, намъ нельзя... Со свѣту сживуть, станутъ корить, надъ нами измы-ваться... Скажутъ: васъ изобразилъ въ хоматели, а вы на печи лежите, васъ обрели на мірское дѣло, а вы по своей домашности занимаетесь... А почему землемѣра нѣтъ? почему планъ не охлопотали?.. Что мы скажемъ? какъ станемъ передъ міромъ отвѣтъ держать?.. Нѣтъ, воля твоя, а только домой ѣхать намъ невозможно... Какъ никакъ будемъ здѣсь стараться по своему уму-разуму... Послужимъ обществу до послѣдняго...

— Боже мой! какая даже и тутъ трусливая, подлая без-
помощность! какая жалкая глупость!—вскричалъ Чагинъ съ пре-
зрѣніемъ. — Эхъ вы! только хныкать вы умѣете да прикидываться
казанскими сиротами!.. Что скажемъ? Скажите то же самое,
что я вамъ говорилъ, а если вамъ не повѣрять, станутъ уко-
рять, высказывать подозрѣнія, откажитесь отъ вашихъ полно-
мочій, пусть выбираютъ другихъ! Кажется ясно, какъ день: не
довѣряете намъ, выбирайте другихъ, кому можно довѣриться.
Вотъ и все.

— А что, ребята,—оживляясь, заговорилъ черный мужикъ:—
это вѣрно: пусть, коли такъ, выбираютъ другихъ! какого еще, про-
сти Господи!.. Довольно, послужили, пускай другіе послужатъ.

— О, Господи! Царица небесная!—вздыхалъ высокій мужикъ.

— Больше ничего, что откажемся ото всего...

Мужики распространились было на эту тему, но Чагинъ
безцеремненно оборвалъ ихъ.

— Ну, уходите, уходите. Довольно, надоѣли.

Въ это время отворилась дверь, и показалась каящая, ще-
голетовая фигура Николая Ивановича. Мужики испуганно по-
пятились въ уголъ. Чагинъ очень обрадовался гостю. Ему по-
казалось съ его приходомъ, что въ удушливую атмосферу за-
ботъ, досады и утомленія, которою онъ дышалъ, вдругъ ворва-
лась струя свѣжаго воздуха изъ другого міра, гдѣ все было
радостно и беззаботно весело.

— Ахъ, какъ я тебѣ радъ!—сказалъ онъ.

— Что это у тебя? я тебѣ помѣшалъ?—спрашивалъ Нико-
лай Ивановичъ, улыбаясь и кладя на столъ камышевую трость
и шляпу, отъ которыхъ пахло духами.

— Нисколько. Дѣла мы только-что покончили. Кстати по-
зволь рекомендовать тебѣ моихъ гостей.

— Это неволинцы?

— Они самые. Ты видишь здѣсь всю дѣйствующую армію.
Вотъ главнокомандующій Парфенъ Лукичъ Мухинъ, вотъ по-
мощникъ его Лука Парамонъчъ Ухаревъ, а вотъ казначей Иванъ
Степанъчъ Пимокатовъ. Онъ старъ и глухъ, какъ и всѣ каз-

начен, но къ дѣлу рачителенъ. Онъ же и контролеръ: онъ не дастъ ни одной копѣйки, пока не убѣдится, что она имѣетъ правильное назначеніе... Собственно, вполнѣ правильными онъ считаетъ только двѣ категоріи расходовъ: на марки и на взятки. Взятки мы не даемъ, но старикъ глухъ и объясняетъ съ нимъ тяжело, поэтому значительную часть расходовъ мы относимъ для старика въ эту послѣднюю категорію. На содержаніе въ городѣ онъ выдаетъ каждому по пятнадцать копѣекъ въ день, а себѣ беретъ только десять. Конечно, всѣ трое живутъ впроголодь. Не правда ли, какой поразительный примѣръ гражданскій добродѣтели! Ты знаешь, что я за свой трудъ, во избѣжаніе недоразумѣній и нареканій, не получаю съ нихъ ничего, даже и пятнадцать копѣекъ на прокормъ не беру. Это они объясняютъ тѣмъ, что я стараюсь для души, для Бога, однако полнымъ ихъ довѣремъ я все-таки не пользуюсь. Они полагаютъ, что плохо при мнѣ не клади: при случаѣ и я могу смошенничать, напримѣръ, присвоить деньги, передаться на сторону Смолина, что-нибудь въ этомъ родѣ, поэтому за мной надо поглядывать...

— Эхъ! баринъ!.. — съ укоризной проговорилъ черныи мужикъ.

— А что? развѣ не правда? А помнишь, когда нужно было съѣздить въ губернской городъ, какъ меня считывали? По моимъ соображеніямъ, надо было около двадцати пяти рублей, но мнѣ стали доказывать, что и семи за глаза довольно: вмѣсто пары лошадей предложено было ѣхать на одной протажной, вмѣсто помера и обѣда въ гостиницѣ указали постоялый дворъ какого-то Шилохвостова на Черномъ рынкѣ, расходъ на извозчика вызвалъ обидное недоумѣніе. Вообще, предполагалось, что я, истративши не болѣе семи рублей, остальные восемнадцать положу себѣ въ карманъ.

— Эхъ, ей-богу!.. какъ это, Господи!.. — пытался возражать черныи мужикъ, но Чагинъ, не обращая на него вниманія, продолжать:

— Но я настоялъ на своемъ, объявилъ, что безъ двадцати пяти рублей не поѣду.

— Ну, и что-же? — спросилъ Николай Ивановичъ.

— Ну, дали, конечно.

— И все ты, баринъ, не такъ, все не такъ... — опять началъ черныи мужикъ.

— Ну, а какъ же, однако?

— А такъ, что мы безо всякаго спору жертвовали тебѣ четвертную: бери, сдѣлай милость!.. Какже, вѣдь, и ты тоже стараешься... Ну, семь рублей издержишь, думали, а восемнадцать тебѣ за труды. Вотъ объ чемъ былъ разговоръ.

— Да, вѣдь, это то же самое. Предполагалось, что изъ

двадцати пяти рублей, назначенных мною на расходы, въ действительности будетъ истрачено только семь, а остальные я положу себѣ въ карманъ, т. е. обману васъ, но что вы, зная этотъ обманъ, заранее мнѣ его простаете, въ виду моихъ прежнихъ заслугъ.

— Эхъ, баринъ!... и все ты не такъ...

— Ну, хорошо, такъ или не такъ, а разговаривать больше не о чемъ. Идите съ Богомъ да помните, что я вамъ сказалъ. Вы знаете меня: я слова своего не мѣняю. Идите.

Мужики ушли, однако, не сразу. Съ минуту они толкались на мѣстѣ, о чемъ-то пошептались въ прихожей, сказали: «ну, какъ значить-что, до пріятнаго виданія», еще постояли и, только окончательно убѣдившись, что Чагинъ не обращаетъ на нихъ больше никакого вниманія, медленно и неохотно удалились.

IX.

— Ну, теперь говори, какія новости въ свѣтѣ?—спрашивалъ Чагинъ.

— Какія новости? Никакихъ,—отвѣчалъ Николай Ивановичъ и потомъ началъ подробно рассказывать, что на-дняхъ происходило въ клубѣ, какъ пели за здоровье Чагина и за успѣхъ его дѣла, какія при этомъ говорились рѣчи и какъ рѣшительно высказалось общественное мнѣніе противъ Смолина.

На столѣ кипѣлъ самоваръ. Чагинъ слушалъ и съ жадностью глоталъ чай.

— Конечно, всѣ были пылны, какъ сомьдосятъ семь сапожниковъ?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ, вовсе нѣтъ,—совралъ Николай Ивановичъ.

— Что же, коли такъ, это хорошо. Публика всегда преклоняется передъ успѣхомъ. Недавно рукоплескали Смолину, теперь рукоплещутъ мнѣ. Удайся Смолину его продѣлка,—а это могло случиться,—и тогда, я увѣренъ, рукоплескали бы Смолину, а въ мою защиту никто не сказалъ бы ни одного слова. Вотъ, если Смолина отдадутъ подъ судъ, я буду самымъ популярнымъ въ городѣ человѣкомъ.

— Да ты и теперь популяренъ. Повѣрь, что тебѣ всѣ втайнѣ сочувствуютъ.

— Втайнѣ сочувствуютъ? Знаю я это сочувствіе!.. Всегда и вездѣ встрѣчалъ я одно глухое подброджелательство и противодействіе. Сочувствіе! общественное мнѣніе! просто злорадство. Смолинъ въ дуракахъ остался,—какъ же по этому поводу не злорадствовать?

— Повѣрь, что ты ошибаешься.

— Ну, ужъ сдѣлай милости!.. Въ концѣ концовъ меня, конечно, слопають, тогда увидишь, какое будетъ сочувствіе....

— Какъ слопають?

— Очень просто. Одна штука не удалась, удастся другая, да и было бы просто не въ порядкѣ вещей, если бы я уцѣлѣлъ. Теперь уже дѣло идетъ о личной мести, а Смолинъ настойчивъ и безпощаденъ.

— Полно, ихъ пѣсенка спѣта.

— Она только-что начинается.

— А вотъ посмотримъ.

— Посмотримъ.

— Ахъ, да! — вскричалъ Николай Ивановичъ и рассказалъ о своей ссорѣ съ Смолинымъ. По его словамъ, дѣло происходило будто бы такъ. Смолинъ спросилъ Николая Ивановича, правда ли, что въ клубѣ пили за здоровье Чагина и за успѣхъ его предпріятія. Николай Ивановичъ отвѣчалъ, что правда. — А правда ли, что и вы принимали участіе въ этой манифестаціи? — Да, принималъ, — отвѣчалъ будто бы Николай Ивановичъ. — Следовательно, по вашему мнѣнію, я мошенникъ, и вы солидарны съ Чагинымъ? — Вполнѣ солидаренъ, — отвѣчалъ будто бы Николай Ивановичъ.

— Тутъ вышелъ у насъ весьма крупный разговоръ, и теперь мы ни на глаза. Я заявилъ, что при встрѣчѣ не подамъ ему руки и назвалъ его мерзавцемъ.

Разсказывая такимъ образомъ, Николай Ивановичъ былъ убѣжденъ, что говорить сущую правду.

— Я такъ отчиталъ его! — хвастался онъ: — по крайней мѣрѣ пусть знаютъ, что думаютъ о немъ порядочные люди.

— II все это у него въ домѣ? — спросилъ Чагинъ.

— Да, да.

— Удивляюсь, какъ онъ тебя съ лѣстницы не спустилъ.

Спохватившись, что разсказъ его не вполнѣ правдоподобенъ, Николай Ивановичъ, чтобъ поправиться, съ необыкновенною живостью заговорилъ:

— Въ томъ-то и дѣло-то, что въ его собственномъ домѣ! Ха, ха, ха!.... Не правда ли? Это оригинально?

Николай Ивановичъ захохоталъ, хотя на душѣ у него вдругъ стало не хорошо.

— Зачѣмъ ты у него былъ? и, вообще, зачѣмъ ты бываешь у этого проходимца?

— Зачѣмъ?.. Да просто... вообще... Видишь ли, маленькое дѣльце было.... по порученію управы.... такъ, глупость: справки разныя.... просилъ предсѣдатель.... А, впрочемъ, ну ихъ къ дьяволу! будь все они прокляты!... Скажи-ка лучше, какъ ты живешь? какъ твои денежныя дѣла?

— По обыкновенію. Долговъ нѣту, но и капиталовъ тоже. Вонъ на столѣ лежитъ послѣдній четвертакъ.

— Знаешь что? возьми у меня.

Чагинъ подумалъ и согласился.

— Хорошо, — сказалъ онъ просто: — дай тридцать рублей, только предупреждаю: когда отдамъ — неизвестно.

— Это все равно.

Николай Ивановичъ тутъ же передалъ Чагину деньги, и ему вдругъ сдѣлалось весело.

— Нѣтъ, ей-богу, ты не унывай, — заговорилъ онъ, оживляясь. — Чортъ ихъ бей! Ты не падай духомъ, не унывай!

— Да я и не унываю.

— И не унывай. Чортъ съ ними!

Чагинъ засмѣялся, и Николаю Ивановичу стало еще веселѣе.

— Знаешь что? пойдемъ гулять, — сказалъ онъ.

— Пойдемъ.

Они взялись за шляпы, но въ это время отворилась дверь, и въ комнатѣ появилось новое лицо. Это былъ высокій, худощавый, болѣзненного вида мужчина лѣтъ сорока пяти, въ очкахъ, съ высокимъ лбомъ, большими сѣрыми впалыми глазами и длинною бородой, въ которой серебрилась сѣдина. Вошелъ онъ сгорбившись и обвелъ комнату испуганными, блуждающими глазами.

— Извините, я, кажется, помѣшалъ вамъ, — проговорилъ онъ и попытался къ двери.

— Нѣтъ, нѣтъ, нисколько, — быстро и чрезвычайно пріятливо сказалъ Чагинъ. — Позвольте васъ познакомить: Николай Ивановичъ Толмачевъ, Павелъ Михайловичъ Березинъ.

Березинъ низко поклонился и неловко протянулъ руку.

— Я знаю Николая Ивановича, — сказалъ онъ, застѣливо улыбаясь, — хотя и не имѣлъ чести до сего времени быть знакомымъ.

Онъ малъ шляпу въ рукахъ, не рѣшаясь сѣсть.

— Садитесь, Павелъ Михайлычъ. Право же, вы намъ не помѣшали.

Березинъ сѣлъ.

— Собственно я на одну минуту, и сидѣть мнѣ нельзя, — началъ онъ, учтиво и какъ-то церемонно подобравшись. — Я рукопись вашу принесъ... Извините, задержалъ долго.. но подошли такіа обстоятельства...

— Ну что? какъ вы наши? — съ живостью спросилъ Чагинъ.

— Я тутъ сдѣлалъ замѣточки...

— Ну, а вообще? вашъ выводъ? заключеніе? Пожалуй-ста, не стѣсняйтесь, — Николай Ивановичъ мой пріятель.

Березинъ съежился. Лицо его приняло страдальческое выраженіе, и глаза глядѣли съ испугомъ.

— Мнѣ кажется, у васъ нѣтъ художественнаго таланта, — выговорилъ онъ съ усиленіемъ, — конечно, это только мое мнѣніе.

— Ну, нѣтъ, такъ нѣтъ. Признаться, я и самъ такъ думаю. Слѣдовательно, все это по боку! — сказалъ Чагинъ, но видно было, что онъ нѣсколько огорченъ.

Березинъ порывисто поднялся съ мѣста и сталъ прощаться.

— Куда вы? что вы, Господь съ вами?

— Извините, не могу болѣе сидѣть ни одной минутъ. У меня жена больна.

— Елена Васильевна? Что съ нею?

— Головная боль, высокая температура, общая слабость. Вчера былъ Красногорскій, опасается, что тифъ.

— Это пехорошо. Завтра я забѣгу къ вамъ.

— Милости просимъ, будемъ очень рады. Мое почтеніе.

— Кто это? — спросилъ Чагина Николай Ивановичъ, когда они вышли изъ дому.

Чагинъ покачалъ головой.

— Знакомыхъ у тебя цѣлый городъ, сказалъ онъ, — а вотъ Березина ты не знаешь. Да и не мудрено: это самый маленькій изъ всѣхъ самыхъ маленькихъ людей — школьный учитель. А между тѣмъ онъ во всѣхъ отношеніяхъ человѣкъ замѣчательный. Начать съ того, что онъ кандидатъ университета, всесторонне образованный человѣкъ, знаетъ три европейскихъ языка, сотрудникъ педагогическихъ журналовъ, знатокъ русской и иностранной литературы. Я люблю его за смѣлый и свѣтлый умъ, за кротость и незлобивость характера, за честность и прямоту убѣжденій... Способностей онъ необыкновенныхъ, трудолюбія необычайнаго и, кажется, могъ бы пойти далеко, а между тѣмъ посмотри, какъ онъ жалокъ, забитъ, робокъ и бѣденъ... Онъ неудачникъ. Прежде былъ преподавателемъ гимназій, но оттуда бѣжалъ и сдѣлался народнымъ учителемъ. Педагогъ онъ, въ самомъ дѣлѣ, замѣчательный, но этого почему-то никто не цѣнитъ. У инспекціи онъ на плохомъ счету, товарищи его не любятъ, можетъ быть, за его превосходство... Къ своему дѣлу онъ привязанъ до обожанія... У него семья: жена, теща и трое дѣтей. Живутъ они бѣдно, переколачиваются кое-какъ, а впереди новая, почти неразрѣшимая задача: надо дѣтей учить... Такъ-то, Николай Ивановичъ. Вечеръ, однако, чудесный, пойдемъ за городъ.

— Идемъ, идемъ, — согласился Николай Ивановичъ, хотя его тянуло въ городской садъ, гдѣ сегодня было гулянье, и откуда доносился гулъ турецкаго барабана и звукъ мѣдной трубы.

Пройдя нѣсколько улицъ и миновавъ городской пустырь, поросшій тѣлымъ лѣсомъ высокой крапивы, они очутились среди чистаго поля. Городъ съ куполами и крестами церквей темными силуэтами отчетливо рисовался на багряномъ фонѣ догоравшей зари. Надъ нимъ отъ горизонта поднималось облако, пропизанное, словно напоенное багровымъ свѣтомъ заката. Въ противоположной сторонѣ, куда они шли, все было смутно, неясно, тихо и задумчиво спокойно. Какъ скатерть, ровное поле тонуло въ сумеркахъ, сливаясь съ далекими уснувшими горами. Надъ рѣкой и въ долинахъ, какъ зѣи, ползли легкія волны тумана.

Они долго шли молча, осторожно ступая по пыльной, мягкой дорогѣ, полные неясныхъ думъ и ощущений.

— Вгляни, какъ тихо и спокойно вонъ тамъ, вдали, точно уснуло все и давнымъ давно спятъ, — заговорилъ Чагинъ какимъ-то страннымъ голосомъ: — я, однако, въ этомъ спокойствіи есть что-то волнующее и тревожное, какъ будто тамъ, за туманнымъ горизонтомъ, за предѣлами нашего зрѣнія скрывается какая-то дѣя, разрушеніе нашихъ стремленій. •

Слова Чагина страннымъ образомъ слѣвались съ далекимъ сумракомъ горъ, съ рѣчной сыростью, ароматомъ луговъ и запахомъ дорожной пыли и казались Николаю Ивановичу полными глубокаго и таинственнаго смысла. Въ сумеркахъ онъ не видѣлъ его лица, даже не могъ припомнить его въ эту минуту, и ему казалось, что идетъ подлѣ него и говорить съ нимъ какой-то совершенно неизвѣстный ему чело-вѣкъ, который, можетъ быть, все знаетъ, все можетъ понять и разъяснить.

— Гляжу я вотъ такъ иногда, — продолжалъ Чагинъ. — и кажется мнѣ, что я уже долго-долго живу на свѣтѣ, отъ вѣчности, отъ начала міра, и буду жить вѣчно, такъ что весь міръ состарится и одряхлѣетъ, высохнутъ моря и рѣки, исчезнетъ всякая растительность на землѣ, погибнетъ всякая тварь, а я все буду жить и все буду вотъ такъ, какъ теперь, идти впередъ, прямо, туда, въ загадочную даль, къ невѣдомой дѣли... Вѣдь, вотъ такая чепуха иногда лѣзетъ въ голову!.. Между тѣмъ пройдетъ всего нѣсколько лѣтъ, одинъ мигъ вѣчности, и насъ уже не будетъ, а все, что мы видимъ, останется по прежнему... И куда мы дѣнемся? Не правда ли, какъ это странно?..

Подшли къ рѣкѣ и остановились. Николай Ивановичъ легъ на траву и сталъ смотрѣть на небо, въ которомъ зажигались звѣзды. Слышно было, какъ въ городѣ лаяли собаки, дребезжали экипажи, доносились обрывки оркестра, гдѣ-то скрипѣли ворота, гдѣ-то пѣли пѣсню; въ полѣ кричали коростель, трещали кузнечики въ травѣ, у берега сонно плескалась рѣка.

— Какъ подумаешь, сколько въ мірѣ горя, страданій, обидъ, злобы и самой черной неправды, то не вѣрится, чтобы все это прошло безслѣдно и въ будущемъ не получило возмездія, — опять заговорилъ Чагинъ, очевидно, вслухъ продолжая говорить то, о чемъ думалъ. — А, между тѣмъ, умереть Смолиппъ, умереть неволинскіе мужики, умру я, и слѣда отъ насъ не останется. Что изъ того, что мы страдали, были обижены, были жестоки или великодушны, ненавидѣли, любили?... не все ли равно?... Можетъ быть, меня самымъ незатѣйливымъ образомъ приведеуть къ одному знаменателю, мужики ничего не добьются и останутся въ вѣчной кабалѣ, Смолиппъ подь судъ попадеуть и будетъ наказанъ, а можетъ быть сухъ изъ воды выйдетъ и до конца жизни будетъ благоденствовать.... Но, вѣдь, и онъ, и мужики—всѣ мы умремъ, такъ не все ли равно? Въ сущности, развѣ не всѣ мы одинаково несчастны? изъ-за чего жъ мы хлопочемъ? изъ-за чего хлопочу я? изъ жалости къ мужикамъ? изъ непапвсти къ Смолиппу? Право же, мужиковъ ужъ вовсе не такъ жаль, а къ Смолиппу я не питаю непапвсти.... Изъ-за чего же?...

— Да, да,—по слухая, разсѣянпо отвѣчалъ Николай Ивановичъ. Онъ думалъ о томъ, что хорошо бы навсегда сохранить въ себѣ всю полноту возвышеннаго настроенія сегоднѣшней ночи, никогда не томиться скукой, не впадать въ уныніе, не бояться людей, страданій и смерти, всегда сознавать себя чистымъ и правымъ.

— Это живое, божественное, творческое начало, — говорилъ между тѣмъ Чагинъ: — оно изъ бездны мертвой матеріи влечетъ насъ къ свѣту, къ источнику жизни, къ истинѣ, къ идеалу, къ высшимъ предѣламъ. И можетъ быть, когда-нибудь паука откроеть, что, только благодаря этой живой нематеріальной силѣ, совершается прогрессъ всего живущаго.

— Да, да,—сказалъ Николай Ивановичъ, хотя всегда думалъ иначе.

— И, только слѣдуя велѣніямъ этого божественнаго пачала, человекъ можетъ жить и вѣрить въ торжество правды, въ градушее счастье человечества.

— Да, да,—съ чувствомъ поддакивалъ Николай Ивановичъ, и будущее счастье человечества рисовалось ему въ видѣ потухающей зари, за которою горитъ ослѣпительно яркое солнце. Онъ сѣлъ и, обхвативъ руками колѣни, спросилъ Чагина:

— Скажи, пожалуйста, считаешь ли ты меня порядочнымъ человекомъ?

— Что такое?—переспросилъ Чагинъ съ недоумѣніемъ.

— Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ? Мнѣ кажется иногда, что ты меня презираешь.

— Ну, вотъ еще! за что же?

— Да так вообще... за все....

— Что за глупости!

— Нѣтъ, право...

— Видишь ли.... Ты хорошій человѣкъ, но ты слишкомъ податливъ, безхарактеренъ, а главное—слишкомъ лѣнивъ.... Но откуда ты взялъ, что я тебя презираю?... Какія глупости!... Ты лѣнивъ, какъ сто лѣнтаевъ, ты быешь баклуши уже второй годъ. Вѣдь это вѣрно?

— Ну, хорошо, ну, можетъ быть... Но что же дѣлать?

— Какъ что дѣлать? Дѣла непочатый уголъ, была бы охота. Ты человѣкъ образованный, обеспеченный, тебѣ ли быть баклуши? А, вѣдь, ты даже и по службѣ равнохонько ничего не дѣлаешь.... Ты любишь разсуждать о превыспреннихъ матеріяхъ, мечтать о праведной жизни, а въ сущности тебя тянетъ къ буфету, къ женщинамъ, къ праздности, къ увеселеніямъ, къ легкой и безпечальной жизни.... Не правда ли?

— Да, да... Чортъ его знаетъ! дѣйствительно,—согласился Николай Ивановичъ, хотя въ глубинѣ души почувствовалъ обиду.

— Какъ всѣ лѣнтаи, ты можешь работать только по нуждѣ, изъ-подъ палки; вотъ почему тебѣ кажется, что нечего дѣлать. Дѣла тьма, а дѣлателей мало.

— Да, да, конечно, — пробормоталъ Николай Ивановичъ, но обидѣлся еще болѣе.

— Можетъ случиться, наконецъ, что ты незамѣтно очутишься въ станѣ аникующихъ, праздно болтающихъ....

— Обагривающихъ руки въ крови?... Ну, это ужъ ты напрасно, другъ, ей-богу, напрасно,—проговорилъ Николай Ивановичъ, и въ голосъ его слышалась обида и слезы.

Чагинъ сѣлъ рядомъ съ нимъ и взялъ его руку.

— Прости, голубчикъ,—проговорилъ онъ сердечно: — ей-богу, я не хотѣлъ тебя обидѣть.... Я сталъ раздражителенъ и несправедливъ... Я хотѣлъ только пожурить тебя за лѣность и разгильдяйство.... Ну, не сердись, не сердись.

— Помилуй, несколько.... Ты, можетъ быть, и правъ, да, ты, можетъ быть, и правъ, — съ горечью провознесъ Николай Ивановичъ.

— Все это вздоръ! Возьми себя въ руки, займись вплотную чѣмъ-нибудь, а то, еще лучше, убѣжай изъ этой поганой ямы.

— И уѣду, непременно уѣду....

«Да, онъ правъ, онъ правъ» думалъ Николай Ивановичъ, возвращаясь домой, но откуда-то изъ глубины души поднималось негодующее чувство противъ Чагина, и тогда онъ говорилъ про себя: «Но какое право имѣетъ онъ поучать меня, какъ мальчишку? кто далъ ему это право?... И какой учительскій

тонъ! какая увѣренность въ своей собственной непогрѣшимости!... У всякаго есть свои недостатки, есть они у меня, есть и у него.... Дружба, дружба.... хороша дружба!... Въ концѣ концовъ это не дружба, а чортъ знаетъ что!...» Но черезъ минуту онъ опять говорилъ себѣ: «Да, но онъ правъ: я лѣнивъ, слабъ, неустойчивъ, а главное—я трусъ.... онъ еще не знаетъ этого, но я трусъ.... Да, да, это вѣрно, все это вѣрно...»

Остановившись передъ домомъ своей квартиры, который угрюмо и непривѣтливо смотрѣлъ на него темными неосвѣщенными окнами, онъ почувствовалъ на сердцѣ такую жуткую пустоту, что, постоявъ въ нерѣшительности съ полминуты, повернулся назадъ и направился въ городской садъ, который представлялся ему единственнымъ мѣстомъ, гдѣ онъ могъ бы разсѣять тоску и найти развлеченіе.

Въ саду уже было темно и пусто. Фонари догорѣли, музыка умолкла, публика разбрелась по домамъ, только въ темныхъ аллеяхъ уныло бродили, какъ тѣни, одинокія женскія фигуры, да изъ отдѣльныхъ кабинетовъ вырывались иногда взрывы грубаго, пьянаго смѣха. Шатаясь, прошелъ мимо Николая Ивановича пьяный фабричный мастеровой, тяжело ступая нетвердыми шагами, и обдалъ его запахомъ перегорѣлаго пива и водки. Николай Ивановичъ остановился, постоялъ нѣсколько минутъ, посмотрѣлъ въ темноту древесной поросли, на темно-синее небо съ мерцавшими звѣздами, и ему захотѣлось плакать. Онъ присѣлъ на скамью и долго сидѣлъ, опустивъ голову. Темная женская фигура прошла мимо него взадъ и впередъ и сѣла поодаль на ту же скамейку.

— Одолжите, будьте добры, господинъ, папироску, — сказала она.

Николай Ивановичъ ничего не отвѣтилъ. Женщина пересѣла съ нимъ рядомъ.

— Одолжите папироску, — повторила она, наклоняясь къ нему. На него пахло запахомъ пива. Онъ неохотно досталъ и брезгливо подаль ей портсигаръ. Пока она закуривала, Николай Ивановичъ при свѣтѣ вспыхнувшей спички разсмотрѣлъ, что она молода и красива.

— Зачѣмъ вы такъ смотрите? — жеманясь, проговорила она и вдругъ засмѣялась. Этотъ смѣхъ, въ которомъ звучало что-то цинпчески-неразумное, не понравился Николаю Ивановичу, и онъ съ отвращеніемъ отторнулся.

«Какое это, должно быть, ужасное, темное существованіе, — подумалъ онъ, — а вѣдь и она для чего-то живетъ, цѣнитъ жизнь, находитъ возможнымъ жить».

— Какой нелюбовный мужчина!.. Вамъ, должно быть, скучно однимъ? — опять заговорила дѣвица. — Я всегда скучаю одна. Я люблю, когда весело, и ужасно скучаю, когда нѣтъ кавалеровъ.

Николай Иванович молчал. Онъ зналъ, что ему надо встать и уйти, но почему-то остался на мѣстѣ.

— О чемъ вы думаете?—спросила дѣвица.

— О васъ.

— Ахъ, какая неправда! ни за что не повѣрю.

— Я думаю о вашей жизни: она должна быть ужасна...

— Ахъ, нѣтъ!.. вы не подумайте... вы очень обо мнѣ ошибаетесь... Я пишу и занимаюсь работой.

— Такъ проводить васъ?—минутъ двадцать спустя спрашивала Николай Ивановичъ.

— Что жъ, проводите,—отвѣчала она.

Когда, возвращаясь домой, Николай Ивановичъ шелъ черезъ пустынную площадь, справа надъ горизонтомъ поднималась громадная, зловѣще-багровая луна, и, глядя на нее, онъ думалъ о томъ, что онъ погибъ, что ему нѣтъ спасенія, и что на свѣтѣ все мрачно, страшно и полно загадочной неизвѣстности.

X.

Смолинъ, получивъ вечеромъ какую-то телеграмму, въ ту же ночь, сильно встревоженный, уѣхалъ въ губерпскій городъ. Ходили темные слухи, что положеніе его пошатнулось, что ему грозитъ отставка, что, уѣзжая, онъ взялъ съ собою всѣ наличныя деньги и что его едва ли не отдадутъ подъ судъ. Зловѣщимъ признакомъ было и то обстоятельство, что Красногорскій уже второй день ѣздилъ по городу и ругательски ругалъ Смолина. Онъ дѣлалъ таинственные намеки на какую-то ревизію, на какой-то запросъ изъ Петербурга, но прямо не говорилъ ничего. Слушая его, одни явно злорадствовали, другіе втайнѣ трепетали.

На третій день послѣ отъѣзда мужа Марья Ивановна отправила Николаю Ивановичу записку слѣдующаго содержанія: «Милый! ради Бога, зайди на полчаса. Видѣться необходимо». Прочитавъ записку, Николай Ивановичъ съ минуту въ сильномъ волненіи ходилъ по комнатѣ, потомъ сѣлъ къ столу, изорвалъ нѣсколько листовъ почтовой бумаги и, наконецъ, остановился на слѣдующей редакціи отвѣта: «Многоуважаемая Марья Ивановна! весьма сожалѣю, что былъ непростительно грубъ, несправедливъ и жестокъ съ Вами, но исполнить Ваше желаніе не могу, такъ какъ, послѣ извѣстнаго Вамъ случая, рѣшилъ вообще не бывать въ вашемъ домѣ. Съ почтеніемъ Николай Толмачевъ».

Черезъ полчаса пришла другая записка: «Въ четыре часа дня буду ждать Васъ въ городскомъ саду, наверху высокой бесѣдки. Приходите непременно».

— Ну, хорошо. — сказалъ посланному Николай Ивановичъ: — передай барынкѣ, что хорошо.

— Это на счетъ чего? — переспросилъ тотъ.

— А на счетъ того, что ты дуракъ! — внезапно разсердившись, закричалъ Николай Ивановичъ. — Какъ тебѣ сказано, такъ и передай.

Посланный въ недоумѣніи удалился.

Около четырехъ часовъ дня Николай Ивановичъ выбрался наверхъ высокой бѣдки. Садъ былъ совершенно пустъ. Солнце нестерпимо ярко свѣтило. Въ воздухѣ стужался влажный, томительный зной. На краю неба видѣлись смутныя громады темносинихъ и темно-фіолетовыхъ тучъ. Огромный, старинный городской садъ былъ выдѣнъ съ бѣдки, какъ на ладони; за нимъ съ одной стороны разстилался городъ, съ другой — пустынная площадь, рѣка, городской выгонъ и лѣсъ. На фонѣ чернѣющихъ тучъ сверкало вдали бѣлое зданіе пересыльного замка, и больно рѣзали глаза освѣщенные солнцемъ деревянныя крыши домовъ. Глухо, точно подъ землею, пророкоталъ громъ, сверкнула молнія, откуда-то тянуло холодомъ и сыростью, какъ изъ погребѣ. Ярko освѣщенные горы, лѣсъ и дуга за рѣкой потемнѣли и стали такими же синими, какъ и нависшія надъ ними тучи. Надвигалась гроза. Вихремъ закрутилась пыль по дорогѣ, поднимался къ небу бѣлыми струйками; деревья дрогнули и покачивались; словно встревоженные, зашептались кусты, загудѣли сосны. Потомъ опять стало такъ тихо, что деревья сверху до низу казались окаменѣвшими.

Николай Ивановичъ жадно смотрѣлъ въ ту сторону, откуда шла гроза, испытывая странное чувство восторженнаго ожиданія. Ему казалось, что, разразившись, гроза страхнетъ съ него душевную хмару, обновитъ его духъ, укрѣпитъ силы, просвѣтитъ разумъ, освѣжитъ потускнѣвшія чувства. На ступени бѣдки тяжело упало нѣсколько крупныхъ капель дождя. Въ аллеѣ между кустами акацій показалась Марья Ивановна.

«А всетаки, какая она хорошенькая!» — подумалъ Николай Ивановичъ, любуясь ея легкой и граціозной фигурой.

Марья Ивановна поспѣшно взбѣжала по лѣстницѣ, откинула съ лица вуаль и остановилась, чтобы перевести духъ.

— Ахъ, вы уже здѣсь! Здравствуйте, — сказала она порывисто. — Благодарю, что пришли.

Николай Ивановичъ почтительно и холодно поздоровался. Замѣтивъ, что она поблѣднѣла и похудѣла, что глаза ея стали еще больше и глядѣли вдумчиво, серьезно и печально, онъ внутренне насторожился и сталъ еще холоднѣе.

Она растерянно оглянулась кругомъ и подошла къ рѣшеткѣ. Николай Ивановичъ впдѣлъ, какъ ея рука, слегка вздрагивая, нервно сжимала перчатку.

— Скажите, что мнѣ дѣлать?—глядя внизъ, глухимъ голосомъ спросила она.

Николай Ивановичъ молчалъ.

— Что мнѣ дѣлать? Что мнѣ дѣлать? Научите.

— То-есть что же собственно?..

— Ахъ, Боже мой! какъ вы не понимаете? неужели вы не понимаете?.. Развѣ возможно теперь оставаться по прежнему?.. Я читала то, что вы говорили... ну, статью этого Чагина... Все тамъ правда, и это ужасно!.. Но что же дѣлать? скажите, что дѣлать?

«Вонъ о чемъ она—съ недоумѣніемъ подумалъ Николай Ивановичъ.—Однако что же я ей скажу? что ей дѣлать? что же, въ самомъ дѣлѣ, ей дѣлать?»

Онъ слегка поблѣднѣлъ и, чувствуя, что она смотритъ ему прямо въ глаза, натянуто улыбался.

— Я, право, не знаю, что вамъ сказать...—съ усиленіемъ проговорилъ онъ.—Въ такого рода дѣлахъ вообще трудно совѣтовать... Я положительно затрудняюсь... я, право, не знаю...

— Неужели? но почему? не можетъ быть, чтобъ вы не знали!.. И какъ же такъ? неужели вы ничего не скажете?.. Тогда зачѣмъ же было говорить? зачѣмъ упрекать? зачѣмъ открывать глаза?.. Я, вѣдь, ничего этого не вѣдала... то-есть, нѣтъ... я знала, но не понимала...

— Да, я виновата, конечно,—пробормоталъ Николай Ивановичъ, не смѣя поднять на нее глазъ.

— Нѣтъ, не то... вы не виноваты... такъ и слѣдовало... Но это ужасно! я думала, что вы знаете, какъ надо иначе и что дѣлать... Но вы и знаете, только не хотите сказать... Вы думаете, что я не пойму или не сдумѣю? да? вы это думаете?

— Отчасти,—пробормоталъ Николай Ивановичъ.

— Ну, вотъ... Но это все равно, мнѣ надо все знать... я не могу теперь, все равно, не могу... И еслибъ вы знали, какая тоска!.. Видите ли... Петра Петровича я никогда не любила и вышла за него такъ... я не знаю, какъ это случилось... Мнѣ было шестнадцать лѣтъ, ему сорокъ пять, и онъ былъ тогда еще красивый мужчина... Мы прожили семь лѣтъ, но я его не любила... Онъ много разъ измѣнялъ мнѣ, но все же я считала его хорошимъ и добрымъ... Но теперь я узнала, и онъ мнѣ сталъ противенъ... И онъ, дѣйствительно, ужасный. Когда я прочитала то, о чемъ вы говорили, я пришла къ нему и спросила: правда ли? Онъ сталъ страшенъ, какъ звѣрь, разорвалъ книгу, закричалъ, затопталъ ногами и булавкомъ съ размаху ударилъ меня по лицу... Я упала и лишилась чувствъ. Послѣ онъ стоялъ на колѣняхъ и просилъ прощенія, говорилъ, что все это неправда, проклиналъ Чагина,

бранилъ мужиковъ, читалъ мнѣ какіе-то законы... Я ничего не поняла, но не повѣрила ему, нисколько! я видѣла, что онъ считаетъ меня за дуру и все вретъ... Теперь у насъ адъ крошечный.. Прежде онъ не ревновалъ, теперь ревнуетъ и къ кому? къ Красногорскому. Какія глупости!.. Но я, все равно, убѣгу, я рѣшила...

— Куда же?

— А все равно.

Николай Ивановичъ сомнительно показалъ головой.

— Но какъ вы будете жить?

— А хоть какъ, не все ли равно?

— Ну, однако? вѣдь, вы не имѣете собственныхъ средствъ?

— Да, по это все равно. Ну, буду работать, вѣдь живутъ же люди... Ну, буду поденщицей, учительницей, акушеркой, я не знаю чѣмъ... ну, тамъ... мало ли...

— Это легко сказать.

— Почему же? Нѣтъ, все это пустяки, а вотъ теперь, что дѣлать? Говорятъ, мужъ можетъ вернуть жену черезъ полицію? правда ли это?... И, вообще, вы научите меня.

— Это мудреный вопросъ, Марья Ивановна, надо подумать... Пословица говоритъ: семь разъ отмѣрай, одинъ отрѣжь.

— Но чего же еще думать? Думать ужъ некогда. Вы только скажите... Вы умный и образованный человѣкъ, научите меня.

— Не знаю, Марья Ивановна. Совѣтовать, вообще, въ такомъ щекотливомъ, въ такомъ ответственномъ дѣлѣ... я не знаю... вы застали меня врасплохъ... Но крайней мѣрѣ, дайте нѣкоторый срокъ, ну недѣлю, ну двѣ... Я подумаю, подумайте и вы, дѣло не къ сѣху.

— Да... Ну, хорошо. Но вы подумаете? будете думать? правда? и потомъ скажете мнѣ? да?

— Да, да, непременно.

— Ну, благодарю васъ. Смотрите, сейчасъ начнется гроза.

Въ самомъ дѣлѣ, вдругъ стало темно. Солнце, набѣжавъ на тучу, потухло и скрылось. Облака пѣзъ темносинихъ стали свинцово-сѣрыми, горы и лѣсъ слились съ небомъ. Глухой шумъ съ необыкновенною быстротою приближался со стороны лѣса; рѣдкій и крупный дождь забарабанилъ по сухой землѣ, отскакивая и поднимая пыль по дорогѣ. За надвигавшимся ливнемъ постепенно исчезали поля, рѣка, бѣлое зданіе тюрьмы, городъ съ церквами, дальняя часть сада съ рѣзными воротами и острокопечной башней. Съ вѣтромъ налетѣвшій ливень обдалъ холодными брызгами полъ и стѣны бесѣдки и съ шумомъ забарабанилъ по крышѣ и по ступенямъ лѣстницы. Ярко вспыхнула молнія, и на одинъ мигъ все исчезло въ ея

блескъ, затѣмъ съ страшнымъ трескомъ разорвалось на части что-то огромное, и ливень, смолкнувшій на мгновенье, ударилъ съ новою силой.

— Ахъ! — съ испугомъ вскричала Марья Ивановна и потомъ прибавила: — но я нисколько не боюсь, нисколько!.. Мнѣ такъ весело, такъ весело!..

Николай Ивановичъ увлекъ ее въ глубину бѣсѣдки.

— Какъ вы теперь пойдете домой? ноги промочите, — сказала онъ, сжимая ее руку.

— Ахъ, какіе пустяки!.. Но какъ хорошо! прелесть! Я такъ люблю грозу...

Подобравъ платье и прижавшись въ уголь, съ каплями дождя на волосахъ и рѣсницахъ, съ наивнымъ и восторженнымъ взглядомъ, она казалась прелестною маленькою дѣвочкой, и Николай Ивановичъ не узнавалъ ее.

— Вы меня не любите, Николай Ивановичъ? — спросила она, съ боку заглядывая ему въ лицо: — да? нисколько?

Онъ также съ боку посмотрѣлъ въ ея ясные, улыбающіеся глаза, смотрѣвшіе на него съ выраженіемъ павной увѣренности, что онъ не можетъ ее не любить, и почувствовалъ, что въ это мгновеніе онъ можетъ сказать всю правду.

— Я отвѣчу вамъ съ полной откровенностью, — началъ онъ, ласково улыбаясь, хотя руки у него слегка дрожали: — вы мнѣ очень нравитесь, потому что вы прелестная, обворожительная женщина, но я васъ не люблю.

— Милый, милый, — проговорила она какъ бы про себя, нѣжно и ласково глядя ему прямо въ глаза: — а я васъ люблю... Что такое любить? Это значитъ быть какъ можно ближе къ тому человѣку, смотрѣть ему въ глаза и радоваться, что онъ тутъ, съ тобою, скучать безъ него и томиться... Не правда ли?.. А я безъ васъ такъ скучаю... Съ Петромъ Петровичемъ мнѣ всегда было тяжело, и я бывала рада, когда онъ уѣзжалъ... я не любила его... а васъ я люблю, люблю...

Глаза ея загорѣлись страстью, и Николай Ивановичъ потупился.

— Милый, приходите сегодня вечеромъ.

— Куда?

— Въ нашъ садъ.

Николай Ивановичъ молчалъ.

— Придете? да?

— Это не возможно, Марья Ивановна, — наконецъ, проговорилъ онъ съ усмѣшкою: — я не могу... это нельзя... это нехорошо...

— Ахъ, Боже мой! не все ли равно! почему нехорошо? почему нельзя? не все ли равно?

«Въ самомъ дѣлѣ, не все ли равно?» подумалъ Николай Ивановичъ.

— Нѣтъ, Марья Ивановна... это невозможно, это ни къ чему не поведетъ... ни къ чему хорошему...

— Милый, милый, — какъ пьяная, твердила она: — неужели не придетъ?... Итъ, вы придетъ... Я буду всю ночь до утра ждать васъ...

— Смотрите, какъ быстро прошелъ дождь, — неестественно спокойнымъ голосомъ сказалъ Николай Ивановичъ, отходя къ периламъ: — посмотрѣте, тамъ уже солнце, видите — тамъ, за горами.... И какъ красиво!...

— Да, да, — разсѣянно отвѣчала Марья Ивановна. — Я знаю, почему вы не хотите придти: потому что поссорились съ мужемъ и дали слово не бывать въ нашемъ домѣ? поэтому?

— Да, конечно.

— Но, нѣтъ, вы будете у меня, въ моемъ домѣ и даже не въ домѣ, а въ саду.

— Я думаю, что вашего тамъ ничего нѣтъ.

— Ну да... это правда...

— И потому еще, что вы чужая жена... и все это сопряжено съ обманомъ...

Онъ хотѣлъ было прибавить: «я потому еще, что я не люблю васъ», но, взглянувъ на ея лицо, вдругъ сдѣлавшееся блѣднымъ, утомленнымъ и печальнымъ, удержался.

— Ну, все равно... я все-таки буду ждать васъ, буду думать, что вы придетъ.... Ахъ, какая тоска, какая тоска, если-бъ вы знали!... И жить такъ страшно...

И, облокотившись о край рѣшетки, она стала смотрѣть вдаль, гдѣ снова показалась синева яснаго неба и сверкали солнцемъ освѣщенные горы.

Въ тотъ же день, часовъ въ одиннадцать вечера Николай Ивановичъ подходилъ къ дому Смолина и думалъ: «зачѣмъ я иду? Какъ это глупо! Сказалъ, что не буду и все-таки иду.... Какая глупость, какая глупость!...»

Передъ калиткой онъ остановился и прислушался. Вокругъ все было тихо. Гдѣ-то лаяли собаки, далеко за рѣкой звенѣлъ колокольчикъ. Николаю Ивановичу стало невыразимо грустно, захотѣлось вернуться и пойти туда, на просторъ, гдѣ въ сонномъ безмолвіи разстилались луга и гдѣ одиноко звенѣлъ колокольчикъ, и тамъ, среди тишины, въ сумеркахъ ночи углубиться въ себя, подумать о чемъ-то задумчивомъ, неотложно необходимомъ и значительномъ; но по какому-то странному перечасу себѣ чувству онъ вмѣсто того отворилъ калитку и вошелъ въ садъ. Съ тоскливымъ чувствомъ, которое отравляло всю прелесть предстоящаго свиданія, машинально прошепталъ онъ до конца сада и какъ-то тупо и безучастно отнесся къ тому, что Марья Ивановна нигдѣ не оказалось. Онъ посидѣлъ на скамьѣ, заглянулъ въ старую бесѣдку, откуда пахнуло на

него запахомъ гнили и гулко отдались звуки его осторожныхъ шаговъ... Марья Ивановна нигдѣ не было. Онъ крадучись пробрался къ террасѣ. Въ домѣ было темно, и онъ казался необитаемымъ. «Не пришла... Что же, можетъ быть, это и лучше», подумалъ Николай Ивановичъ и направился къ выходу. Онъ уже подходилъ къ калиткѣ, какъ кто-то схватилъ его за руку. Онъ вздрогнулъ и отстранился, но тотчасъ же успокоился, узнавъ Марью Ивановну. Она задыхалась отъ быстрой ходьбы и отъ волненія.

— Едва нашла тебя.... Я видѣла, какъ ты прошелъ.... то-есть, я догадалась... — заговорила она прерывающимся шепотомъ. — Я такъ боялась... я увѣрена была, что ты придешь.... Знаешь, онъ пріѣхалъ... вечеромъ часовъ въ семь.... Я никакъ не ожидала.... Я разъ десять выбѣгала въ садъ, и теперь на одну минуту.... Онъ не спитъ и что-то пишетъ.... Пріѣхалъ вдругъ, такъ неожиданно.... Должно быть, что-то случилось: онъ на себя непохожъ и очень встревоженъ.... Какъ пріѣхалъ, послалъ за исправникомъ, и они заперлись.... Онъ страшно кричалъ, а тотъ въ чемъ-то оправдывался.... Потомъ говорили тихо... Потомъ Петръ Петровичъ опять кричалъ и бранился, а исправникъ говорилъ жалобнымъ голосомъ и просилъ пожалѣть дѣтей.... Они что-то затѣваютъ... я не знаю что, но, кажется, что-то на счетъ Чагина.... Ахъ, какъ страшно!... Мнѣ кажется теперь, что я въ вертепѣ разбойниковъ, и они меня убьютъ.... Какъ я раньше не видѣла, что это за люди?.. Ужасно, ужасно!... Ты предупреди Чагина...

— О чемъ?

— Я, право, не знаю... по вообще... Видишь ли... я такая безтолковая... я слышала часть разговора... Я не знаю... но я поняла, что мужъ давалъ большую взятку этому... секретарю или какъ его... кажется, начальнику канцеляріи... этому извѣстному Андрееву, которому всѣ чиновники платятъ... ну, ты знаешь, кому... и онъ не взялъ, и это, кажется, очень похорошо.... Исправникъ говорить: надо выходить въ отставку, а мужъ говоритъ: если въ отставку, то всѣ мы пропадемъ... Ну, а потомъ и о Чагинѣ.... Этотъ Андреевъ научилъ его что-то сдѣлать... я не расслышала—чего, или не поняла... Но что они могутъ съ нимъ сдѣлать? какъ вы думаете?.. Мнѣ почему-то за него страшно...

— Не знаю, думаю, что ничего особеннаго.... Но Чагина, вѣдь, не запугаешь, онъ ничего не боится...

— Да, да... это хорошо—ничего не бояться... это главное... Милый! а мнѣ такъ страшно, такъ трудно и, кажется, я съ ума сойду... Мнѣ страшно все, все... и, главное, такая скука, такая скука!...

Не столько въ словахъ, сколько въ ея голосѣ звучала, въ

самомъ дѣлѣ, такая тоска, что у Николая Ивановича сжалось сердце, и онъ въ первый разъ увидѣлъ въ ней человѣка. могущаго серьезно страдать и нуждаться въ помощи и сочувствіи другихъ людей.

— Не бойтесь ничего. Марья Ивановна, — сказалъ онъ ласково: — можетъ быть, все обойдется.... Что-нибудь придумаемъ.... Я посоветуюсь съ Чагинымъ, онъ умный человѣкъ...

— Да, да, поговорите съ нимъ...

Послышалось, какъ отворилась стеклянная дверь, и на террасѣ показалась неуклюжая фигура Смолина.

— Сссс.... прощай... Онъ меня ищетъ... Благодарю тебя за все, за все... Прощай....

— Мама! — послышался голосъ Петра Петровича.

И Марья Ивановна неслышно скользнула въ кусты.

— Гдѣ ты шляешься? — говорилъ Петръ Петровичъ сердито.

Николай Ивановичъ видѣлъ, какъ Марья Ивановна молча прошла по террасѣ и какъ за нею послѣдовалъ мужъ, хлопнувъ дверью. Николай Ивановичъ постоялъ съ минуту, вздохнулъ и осторожно вышелъ изъ сада.

XI.

Щурясь отъ косыхъ встрѣчныхъ лучей заходящаго солнца, Николай Ивановичъ садился въ повозку. Захаръ Ивановичъ въ халатѣ и туфляхъ стоялъ на крыльцѣ, поправлялъ папироской л, также щурясь отъ солнца, говорилъ:

— Славная погода... Ничего не позабыли? все взяла?

— Кажется, все.

— То-то, смотрите. Ну, гладкой дорожкой!

Ямщикъ подобралъ подъ себя какую-то рухлядь, которою рассчитывалъ укрыться на обратномъ пути отъ ночного холода, и, нахлобучивъ шапку, спросилъ:

— Готово, что-ли?

— Трогай!

— Ну, съ Богомъ! — проговорилъ Захаръ Ивановичъ, сдѣлавъ серьезное и озабоченное лицо. — Въ Воздвиженкѣ будете?

Татѣйка тронулась. Николай Ивановичъ мотнулъ головой и, обернувшись, отвѣтилъ:

— Буду.

— Карлу Карлычу кланяйтесь! пріятелю! непременно! — кричалъ въ догонку Захаръ Ивановичъ.

— Какому такому?

— Ну этому.... нѣмцу... какъ его.... однимъ словомъ, Рукавицынскому управляющему...

— Ну, ладно... какому-то тамъ чорту иванычу... — проворчалъ про себя Николай Ивановичъ, усаживаясь плотнѣе и протягивая ноги.

Быль праздникъ, и павстрѣчу попадались гуляющіе горожане, разодѣтые и веселые. Глядя на нихъ, Николай Ивановичъ испытывалъ чувство нѣкоторой зависти и вмѣстѣ съ тѣмъ тотъ родъ наслажденія, какое испытываетъ занятой человѣкъ при видѣ шелопаевъ и празднующихся. Миповали клубъ, общественный садъ, театръ, у котораго толпился народъ; проѣхали заставу, солдатскую слободку, заводскую часть города, и впереди раскинулся трактъ, прямой, какъ стрѣла, усаженный по сторонамъ березовыми аллеями. Припоминая, что сегодня въ театрѣ идетъ оперетка «Корневильскіе колокола», что въ саду дается блестящее магическое представленіе, что у Полововыхъ вечеринка, на которую онъ былъ приглашенъ, Николай Ивановичъ чрезвычайно живо представлялъ себѣ все это и думалъ: «А ну ихъ къ чорту!», подражывая подъ этимъ и оперетку, и магическое представленіе, и всѣхъ гостей, какіе будутъ у Полововыхъ.

Марью Ивановну онъ ни разу не вспомнилъ, можетъ быть, потому, что съ воспоминаніемъ о ней соединилось для него что-то тягостное и гнетущее. Страхъ за ея судьбу, стыдъ за свою душевную дряблость и мысль, что онъ является единственной ея надеждой, отравляла въ послѣдніе дни все его существованіе. «Однако, что могъ бы я для нея сдѣлать?—думалъ онъ:—какой дать совѣтъ, если дѣло идетъ только о совѣтѣ? Сказать: выкинь дурь изъ головы, покорись и останься тѣмъ, чѣмъ была до сихъ поръ—было бы слишкомъ подло; посоветовать бросить мужа и начать новую жизнь—значить припять на себя большую отвѣтственность, навязать себѣ обузу и, кромѣ того, навлечь массу непріятностей. Отказаться отъ всякой помощи, отъ всякаго участія и совѣта было бы слишкомъ жестоко и безчеловѣчно»... Положеніе его представлялось ему безвыходнымъ, и потому онъ очень обрадовался пришедшей ему мысли поѣхать по уѣзду, гдѣ, какъ онъ думалъ, накопилась у него масса неисполненныхъ дѣлъ. Онъ сразу ожилъ, повеселѣлъ, выбросилъ изъ головы тягостныя размышленія и собрался въ дорогу.

Колокольчикъ заливался протяжнымъ звономъ. Солнце клонилось къ закату: по землѣ тянулись длинныя тѣни; вершины березъ горѣли пурпуровымъ золотомъ. Пыльная дорога уходила вдаль и пропадала въ долинѣ. Николаю Ивановичу казалось, что она уноситъ его въ новѣдомую страну, гдѣ все незнакомо и чуждо, и какъ всегда, отрываясь отъ насиченнаго мѣста, ему становилось пемного тоскливо и жутко. Мысли его все продолжали вертѣться около городскихъ увеселеній. Онъ отчетливо

сознавалъ, что, какъ ни пуста хорошенъкая Лидочка Половодова, какъ ни безобразна подвыпившая компанія, забавляющаяся въ клубѣ фокусами профессора магіи, какъ ни бессмысленно веселье на вечеринкахъ, какъ ни плоски опереточныя остроты, однако во всемъ этомъ было для него что-то милое, близкое, знакомое и родное, а деревня, куда онъ ѣхалъ, съ ея тяжелымъ трудомъ, тусклымъ и унылымъ существованіемъ, заключала въ себѣ что-то чуждое, скучное, мрачное и угрюмое. Тѣмъ не менѣе онъ искренно полагалъ, что презираетъ городскую жизнь и всей душой тяготеетъ къ деревнѣ, чтитъ святость мужицкаго труда, «правду деревенскихъ устоевъ» и красоту ея нравственныхъ идеаловъ.

На третьей верстѣ свернули на проселокъ, и тѣлѣжка мягко и плавно покатиалась по извилистой дорожкѣ межъ зеленыхъ кустовъ ивыяка. Солнце, какъ расплавленное золото, опустилось за гребень горъ, и долго надъ тѣмъ мѣстомъ, куда оно погружалось, оставалось малиновое сіяніе. На противоположной сторонѣ неба поднялся надъ полями круглый мѣсяцъ, блѣдный, похожій на кусокъ серебряной амальгамы; на немъ явственно видны были сѣрыя пятна, точно амальгама мѣстами сносилась и полиняла, отчего онъ до странности казался похожимъ на искаженное человеческое лицо, съ кривою улыбкой и прищуреннымъ глазомъ, какъ изображаютъ его на карикатурахъ.

Впереди показалось красное облако пыли. Изъ него навстрѣчу, беспорядочно перегоняя другъ друга, мчалось нѣсколько крестьянскихъ тѣлѣгъ; на нихъ грудой, какъ попало, громоздились пьяные мужики и бабы. Они горланили пѣсни и неистово жестикулировали; замѣтивъ Николая Ивановича, всѣ подались впередъ, простирая къ нему руки, точно хотѣли выскочить и закричали что-то нестройнымъ хоромъ. Николай Ивановичъ успѣлъ разглядѣть старуху, которая, обнявъ за шею молодого парня, съ истушеннымъ видомъ кричала, должно быть, пѣла пѣсню; мужикъ безъ шапки, съ взлохмаченной головой и разорваннымъ воротомъ отчаянно нахлестывалъ лошадей. Съ гикомъ и шумомъ промчались они мимо и скрылись въ облакъ пыли за поворотомъ дороги. На смѣну имъ изъ-за дѣся мчались еще тѣлѣги съ такими же пьянымъ, кричащимъ и восторженно наступленнымъ народомъ. Черезъ полверсты попалась опрокинутая посреди дороги тѣлѣга безъ передковъ. Надъ ней стояли два мужика и вадумчиво разсматривали, сломанное колено. Третій съ окровавленнымъ лицомъ, со спутанными, слипшимися отъ крови волосами лежалъ поперекъ дороги, тщетно пытаясь подняться. Въ сторонѣ, подлѣ казавы сидѣли рядышкомъ бабы и пронзительно голосили пѣсню.

— Помочь сегодня у Настуховскаго попа, — сказалъ ямщикъ,

радостно улыбаясь.—Ишь какъ угостѣлись!.. И здорѣвъ же только Пастуховскій попъ угощать!..

Въ хвостѣ прослѣдовала телѣга съ крестьянскими ребятами. На нихъ весело было смотрѣть. Обнявшись и свѣсивъ съ телѣги босыя ноги, оживленно блестя глазенками, они звонкими голосами выкрикивали какую-то пѣсню, очевидно, подражая взрослымъ. Одинъ изъ подростковъ стоялъ на ногахъ и концами возжей настигивалъ лошадей, но она плохо его слушалась и не прибавляла рыси.

— Смотри-ка, и ребята туда же, ахъ, въ ротъ имъ пирога съ малиной!.. Ну, веселая, надо быть, помочь!.. Когда человѣкъ по сту бываетъ, а когда и болѣ.—продолжалъ ямщикъ, все такъ же радостно улыбаясь.—Весельство, братецъ ты мой!.. Это проѣхали Чухаревскіе мужики, они всегда ранѣ другихъ... Веселая помочь!.. Каждый годъ ужъ безпримѣнно одинъ или двое запыются до смерти...

— Неужели?

— Вѣрное слово. У попа насчетъ водки слобода. Иной постарается черезъ силу и помреть отъ этого. Теперича тамъ стонъ стономъ... проваландаются до утра. Который тутъ же и заночуетъ... свалится и спать... Раздолье!..

— И попъ пьетъ?

— Нѣтъ, самъ батко не пьетъ, а все угощаетъ: кланяется, благодаритъ—обходительный священникъ!.. Ну, знамо, выпьетъ и самъ для пачатія, нѣтъ чести, для божяго благословенія, а потомъ ужъ только все угощаетъ... Ну, а какъ подвыпьютъ, пожалуй, и угощать не надо: сами припрашиваютъ, только давай... Я былъ однава... Слобода!—прибавилъ онъ сладкимъ голосомъ и погналъ лошадей.

По мѣрѣ того, какъ потухала заря луна становилась все ярче и выше. Николай Ивановичъ смотрѣлъ вдаль, грезилъ о чемъ-то несбыточномъ и, наконецъ, задремалъ. Временами онъ просыпался, кутался въ одеяло отъ легкаго ночнаго холода, вдыхалъ въ себя посвѣжѣвшій воздухъ вмѣстѣ съ ароматомъ полей, смотрѣлъ на небо, думалъ сквозь дремоту: «Боже мой! какъ хорошо!» и опять засыпалъ. Ему снилось, что онъ влюбленъ, что онъ склонился у ногъ чудной, недосыгаемо прекрасной женщины, онъ чувствовалъ, какъ сладостно сжималось его сердце отъ страсти и обожанія, какъ хотѣлось ему уничтожиться, исчезнуть, перестать жить, и какой-то голосъ пѣлъ слова извѣстной семинарской серенады: «Не разбуду-ль я пѣсней удаломъ роскошный сонъ красавицы молодой?.. Звѣзда любви, волшебница молодая»... Но какой это былъ голосъ и какая чудная пѣсня! Это была не та пошлая серенада съ изношенными словами, которую онъ слышалъ множество разъ, а совсѣмъ другая, хотя и слова, и мотивъ были тѣ же. И вдругъ

пѣспя смолкла, стала необычайно тиха, красавица исчезла, и онъ ощутилъ въ сердцѣ страшную пустоту; онъ хотѣлъ бѣжать и не могъ, хотѣлъ зарыдать, но кто-то схватилъ его за плечо и сказалъ грубымъ голосомъ: «Айда на фатеру!»

Николай Ивановичъ открылъ глаза. Надъ нимъ было небо. Свѣтила луна. Была необычайная тишина. Лошади стояли у воротъ поскотины. За воротами, подъ горой въ лунномъ сіяніи видѣлась спящая деревня. Подлѣ Николая Ивановича стоялъ ямщикъ и, дотрогиваясь до его плеча, говорилъ:

— Пріѣхали, баринъ. Куда прикажете: къ ямщику или на фатеру?

— Что такое?—спросилъ Николай Ивановичъ.

— Насилу добудился. Почевать станете, али какъ? къ ямщику ѣхать, али на фатеру?

— Нѣтъ, пѣтъ, почевать не буду, айда къ ямщику,—сказалъ Николай Ивановичъ, опять укладываясь.

Онъ видѣлъ, какъ спускались подъ-гору, замѣтилъ крайнюю освѣщенную луной избу, которая печально смотрѣла темными, словно подслѣповатыми окнами, и снова заснулъ.

Проснулся онъ во дворѣ подъ навѣсомъ. Ямщикъ перекладывалъ вещи. Николай Ивановичъ долго не могъ понять, гдѣ онъ и что съ нимъ.

— Запрягаютъ? — спросилъ онъ, наконецъ, приходя въ себя.

— Станутъ сейчасъ запрягать.

Николай Ивановичъ вышелъ изъ тѣлѣжки и закурилъ папирску. Въ темномъ углу, на замлѣ, подъ тулупами лежали какіе-то люди. Двое или трое изъ нихъ не спали и говорили въ полголоса.

— Вотъ я ему и скажи: люди бають, говорю, будто ты, Сытъ, колдунъ? съ чертями знаешься?—разсказывалъ кто-то въ темнотѣ.—Ка-акъ онъ дастъ мнѣ по харѣ!.. Схватилъ я полѣно, да полѣномъ его по башкѣ, да бѣжать. А онъ кричитъ: «Трошка говорить, айда!» А лѣсъ кругомъ, ни души: хоть убей другъ дружку. «Давай, говорить, Трошка, мириться».—Давай, говорю. А денегъ у него въ ту пору навоплено было двадцать три рубля. Пришли мы въ деревню. «Бѣги, говорить, волоки штофъ». Я побѣгъ, приволокъ штофъ,—выпили. «Четверть, говорить, волоки». Значить, не беретъ ужъ его вино-то. Ладно. Приволокъ я спирту. Зачали мы вдвоемъ пить да пять день пировали. Деньги всѣ пропили, одежду пропили и струментъ пропили.

— Ого!.. ладно же вы...

— Наконецъ того, тутъ со мной и сдѣлалось. Лежу это я въ избу, вдругъ въ колокола будто зазвонили, и ровно бы ракета какая взвилась—тррахъ! такъ что изба закачалась.

Испугался, вскочилъ смотрю: все ничего, только столъ кверху ногами стоитъ. Кое-какъ доползъ, поставилъ его на ноги да тутъ и заснулъ. Просыпаюсь—темно, лежу на голубцѣ. Смотрю, отворяется дверь, и идутъ пять мужиковъ съ бородами, въ красныхъ рубахахъ, а маленькіе, четверти полторы, не болѣ, а пятый чернѣй, какъ уголь, и красная сосулька виситъ у него изъ носу, назади хвостъ...

— Готово, баринъ, садитесь,—сказалъ ямщикъ.

«Чортъ знаетъ, какая чепуха!» — подумалъ Николай Ивановичъ, усаживаясь въ повозку.

— Трогай!

Опять пыльная, мягкая дорога, лунный свѣтъ, черныя тѣни, смутно мерцающая впереди даль и монотонный звонъ колокольчика. Николай Ивановичъ дремалъ, погружаясь въ какія-то хорошія, задушевные мысли, которыхъ, просыпаясь, не могъ припомнить.

На разсвѣтъ пріѣхали въ село Покровское. Николай Ивановичъ крѣпко спалъ, и его едва разбудили.

— Что такое? Что такое?—испуганно спрашивалъ онъ, съ усилиемъ раскрывая глаза.

— Пріѣхали, баринъ. На фатеру, что ли?

— Да, да, пожалуйста, — пробормоталъ Николай Ивановичъ и опять погрузился въ сонъ.

На квартирѣ его снова пришлось будить. Пока переносили вещи, устранивали постель, онъ, зѣвая, безучастно смотрѣлъ на пыльную дорогу, на траву подъ окномъ покрытую росой, какъ серебромъ, на рѣчку, въ которой отражались сѣрая облака и свѣтло розовое небо, на поля, окутанныя синеватою мглой, въ которой тонули, какъ въ водѣ, перелѣски, зеленые бугры и куполъ церкви какого-то села. Въ сторонѣ неподвижно, словно заколдованный, спалъ чей-то садъ. Надъ нимъ растилась фіолетовая и розовая полоса неба, постепенно переходя въ блѣдно-желтый, въ прозрачно-зеленоватый и, наконецъ, въ ярко-бизюровый цвѣтъ небесной лазури. Надъ этой картиной пробуждающагося дня царилъ строгая, задумчивая и печальная тишина. Николай Ивановичъ закрылъ окно, раздѣлся и заснулъ, какъ убитый.

(Продолженіе слѣдуетъ).

А. Погорѣловъ.

ПАДАЮЩІЯ ЗВѢЗДЫ.

Разсказъ.

(Продолженіе).

XXVII.

Послѣ смерти миссъ Гудъ въ квартирѣ Бургарта воцарилась самая мучительная пустота. Всѣ въ домѣ, въ каждой мелочи домашняго обихода, чувствовали, что чего-то не достааетъ, какъ въ часахъ, гдѣ сломалась пружина, приводившая въ движеніе весь часовой механизмъ. Человѣку Андрею въ свое время доставалось отъ старой миссъ Гудъ не мало, и онъ отъ души ее ненавидѣлъ, но сейчасъ, при каждомъ удобномъ случаѣ, говорилъ:

— Ужъ что тутъ говорить: какая жизнь безъ нашей старой барышни. Другой такой-то и не najтъ... Какъ за каменной стѣной всѣ жили. Она только для видимости строгость на себя напустила, потому какъ въ дому должно быть порядокъ, а сама была добрая... Черезъ число даже добрая.

Бургардтъ въ первое время послѣ похоронъ думать куда нибудь уѣхать, чтобы немного разсѣяться и развлечь скучавшую Аниту. Но этотъ планъ оказался пока неосуществимымъ, потому что приходилось ждать миссъ Гудъ померъ второй. Положимъ, Анита уже большая дѣвочка, но путешествовать вдвоемъ было какъ-то неудобно. Не вездѣ можно найти померъ въ двѣ комнаты, а оставить въ померѣ дѣвочку одну было неловко. Вообще, выступилъ цѣлый рядъ совершенно новыхъ заботъ, о существованіи которыхъ при миссъ Гудъ онъ и не подозрѣвалъ. На первый планъ выступилъ, напри- мѣръ, вопросъ специально о женскомъ обществѣ для Аниты, и Бургардту пришлось забраковать всѣхъ своихъ знакомыхъ дамъ. При миссъ Гудъ Анита могла съ ними встрѣчаться время отъ времени, а безъ нея получалась совершенно другая картина. Вѣдь всякое общество накладываетъ на своихъ чле-

повъ извѣстную печать, и Бургардтъ меньше всего желалъ, чтобы его дочь походила на Ольгу Спиридоновну, на Шуру или на миссъ Мортонъ. Последнее женское имя особенно его огорчало. Вѣдь онъ почти любилъ эту дѣвушку-загадку, вѣрилъ въ нее, самъ возрождался въ ея нетронутой молодости, и, всетаки, его коробило при одной мысли, что Анита будетъ проводить свое время въ обществѣ миссъ Мортонъ. Единственнымъ исключеніемъ являлась Марипа Игнатьевна, на которую можно было вполнѣ положиться, но именно въ этомъ пунктѣ Анита проявила самое отчаянное сопротивленіе. Оказалось—чего Бургардтъ совершенно не замѣчалъ раньше,—что Анита ненавидитъ Марину Игнатьевну и не хотѣла ничего слышать. Сначала Бургардтъ серьезно этимъ возмущался и пробовалъ переубѣдить Аниту, но это ни къ чему не повело, или, вѣрнѣе, привело какъ разъ къ обратнымъ результатамъ. Анита окончательно не желала видѣть Марины Игнатьевны и даже запиралась у себя въ комнатѣ, когда та пріѣзжала. Марина Игнатьевна женскимъ чутьемъ поняла, въ чемъ дѣло, и объяснила, въ чемъ дѣло.

— Это, мой другъ, наша женская ревность,—говорила она съ какой-то большой улыбкой.—Бѣдняжка сильно меня подозрѣваетъ и совершенно напрасно. Да... Она стережетъ свое гнѣздо, какъ настоящая, хотя и маленькая женщина.

Изъ знакомыхъ рѣдко кто заглядывалъ теперь къ Бургардту. Точно всѣ сговорились, и Бургардту начинало казаться, что это не широта. Вѣдь всѣ крысы уходятъ съ корабля, который далъ течь... Оставался неизмѣннымъ одинъ старикъ Гаузеръ, который бывалъ чуть не каждый день и иногда оставался ночевать. Онъ какъ-то особенно близко сошелся съ Анитой и проводилъ съ ней цѣлые часы.

— Онъ, кажется, все на свѣтѣ знаетъ,—удивлялась Анита.—И такой, папа, интересный...

Когда Аниты не было дома, Гаузеръ уходилъ въ столовую, вынималъ карты и по цѣлымъ часамъ раскладывалъ какой-то необыкновенный старинный пасьянсъ: «Веселый монахъ». Старикъ выѣшивался во всѣ дѣла Аниты, даже по хозяйству и ходилъ въ кухню присмотрѣть, такъ ли готовить обѣдъ, какъ было заказано. Ему же принадлежала честь примиренія горничной и кухарки, которыя чуть не бросили мѣсто, чтобы насолить одна другой. Но всего интереснѣе Гаузеръ относился къ человѣку Андрею, котораго возненавидѣлъ съ перваго момента своего появленія въ квартирѣ Бургардта. Человѣкъ Андрей платилъ ему той же монетой и ворчалъ про себя:

— Вотъ чортушекъ навязался... Уморилъ старую барышню, а потомъ и насъ всѣхъ переморить.

— Ты что это тамъ ворчишь?—строго замѣчалъ ему док-

торъ, сдвигая брови.—Ты не забывай, мой милый, что если бы не другой докторъ Гаузеръ, который устроилъ противъ меня самую гнусную интригу, то я давно былъ бы дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ, а теперь просто статскій совѣтникъ Гаузеръ... Понимаешь? Но мой врагъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Гаузеръ, который не хотѣлъ, чтобы были два дѣйствительныхъ статскихъ совѣтника Гаузера, — получилъ уже давно смерть, а я еще живъ и полагаю, что живой статскій совѣтникъ Гаузеръ всетаки лучше мертваго дѣйствительнаго статскаго совѣтника Гаузера. Понимаешь?

— Очень превосходно понимаю. ваше превосходительство...

— И я тебя пасквозъ вижу и все понимаю, — неожиданно прибавлялъ Гаузеръ и даже грозилъ пальцемъ лѣнному и лукавому рабу.—Ты меня никогда не можешь обманывать...

Человѣкъ Андрей отводилъ душу въ кухню, гдѣ читалъ что-то вродѣ лекціи о генералахъ, кухаркѣ и горничной.

— Тоже, генераль выискался, подумаешь!.. «Я», «я» — а самъ просто нѣмецкая котерыжка. Такими генералами заборъ подпирай... Вотъ былъ настоящій генераль Шипидитъ. Вся повадка генеральская. И разорился по генеральски, потому что больше всего уважалъ клубнику.

Бургардтъ отъ души полюбилъ стараго доктора, съ которымъ отводилъ душу въ безконечныхъ спорахъ. Какъ истинный нѣмецъ, Гаузеръ любилъ искусство, хотя признавалъ его существованіе только въ предѣлахъ Германіи. Исключеніе дѣлалось только для нѣкоторыхъ старыхъ итальянскихъ мастеровъ и антиковъ. Къ русскому искусству, какъ и къ русской наукѣ, старіеъ относился презрительно и только пожималъ плечами.

— Русское искусство?!..—возмущался онъ.—Великое искусство—продуктъ долгой и послѣдовательной культуры, а гдѣ ваша русская культура? Все, что сдѣлано въ Россіи за послѣдніе два вѣка, сдѣлано исключительно нѣмцами. Даже вашъ знаменитый царь Петръ сдѣланъ Петромъ нѣмцами... Это смѣшно говорить: искусство да еще *русское*... Развѣ можетъ быть національное искусство въ совершенно дикой странѣ? Такъ называемые русскіе художники только допашиваютъ уже отжившія формы и школы европейскаго искусства, какъ допашивали прежде фіжмы, парики и шпигиретны.

Докторъ Гаузеръ былъ твердъ въ своихъ положеніяхъ, и для него все было ясно. Докторская голова походила на аптеку, гдѣ въ самомъ строгомъ порядкѣ по коробкамъ, ящичкамъ, ящичкамъ, банкамъ и стеклянкамъ были размѣщены всевозможныя средства. На каждый вопросъ отвѣтъ уже былъ заготовленъ впередъ, стоило только протянуть руку. Развѣ это не ясно: das Schöne—прекрасное, das Hässliche—безобразное, das

Komische—комическое, das Erhabene—возвышенное. Вся суть въ раз Schöne, которое является тождествомъ идеи и образа, переходя три стадіи—das Schöne въ натурѣ, das Schöne въ фантазій и das Schöne въ образѣ (das Bild). Развѣ можно тутъ о чемънибудь спорить или сомнѣваться? Всѣ эти термины въ нѣмецкой головѣ доктора Гаузера напоминали тѣхъ высохшихъ бабочекъ и жуковъ, которые сохраняются приколотыми на булавакахъ въ витринахъ какогонибудь музея цѣлыми столѣтіями, пока ихъ не съестъ какаянибудь благодѣтельница моль. Лукаво подмигивая, докторъ говорилъ Бургардту:

— О, старые умные нѣмцы все понимали, и докторъ Гаузеръ тоже все понимаетъ... Развѣ нынче есть искусство? Я читаю иногда русскія газеты для курьеза и что вижу: въ живописи—импрессионисты, въ поэзій—декаденты, въ наукѣ—марксисты, а въ философіи... да, даже въ философіи!—Шопенгауеръ, Гартманъ, Ницше. Скоро старый Гаузеръ не будетъ ничего понимать.

— Видите ли, дорогой докторъ, всѣ эти новыя теченія въ искусствѣ, литературѣ и наукѣ доказываютъ только то, что и мы живемъ одной жизнью съ Западомъ и даже болѣемъ его послѣдними, самыми модными болѣзнями...

— Да, да. Это ваша русская басня о Тришпенномъ кафтанѣ.

Докторъ любилъ сидѣть въ мастерской и наблюдать, какъ работаетъ Бургардтъ, который время отъ времени пробовалъ чтонибудь закончить изъ начатыхъ работъ. Особенно его мучилъ бюстъ Ольги Спиридоновны, являвшійся какимъ-то живымъ упрекомъ его художественной копченности. Ему иногда казалось, что онъ какъ будто попадаетъ на счастливую разгадку и лихорадочно принимался за работу, но возбужденіе быстро падало, и Бургардтъ погружался въ свои унылыя мысли. Гаузеръ высиживалъ въ мастерской цѣлые часы и по старческой болтливости задавалъ цѣлый рядъ вопросовъ, касавшихся главнымъ образомъ художественной техники. Но среди этихъ вопросовъ попадались такіе, которые невольно смущали Бургардта, точно докторъ задавалъ ему осторожный докторскій экзаменъ, запутывая основную мысль разными пустяками.

— Неужели онъ догадывается?—въ ужасѣ думалъ Бургардтъ, чувствуя, какъ начинается весь холодѣть.—Старикъ наблюдательный и не можетъ не видѣть...

Разъ, въ минуту такого возбужденнаго состоянія, Бургардтъ неожиданно для самого себя въ упоръ спросилъ:

— Послушайте, докторъ, говоря между нами, вы, вѣдь, не считаете меня художникомъ?

— Я?...—обиженно удивился старикъ и, пожевавъ губами, отвѣтилъ уже съ улыбкой.—Какъ я смотрю на васъ? О, это

меня самого начинаеть весьма интересовать... да. Вотъ вы считаете себя русскимъ художникомъ, а между тѣмъ... хе-хе!..

— Вы хотите сказать, что я нѣмецъ? Вы ошибаетесь, милый докторъ... У меня отъ всего нѣмецкаго осталась одна фамилія.

— И всетаки... О, я весьма васъ понимаю, я все понимаю. Вы имѣете свое самолюбіе, и я тоже имѣю свое самолюбіе, и каждый имѣеть свое самолюбіе. Вы ѣли русскій хлѣбъ и поэтому считаете себя русскимъ. О, я весьма понимаю... Но нѣмецкая кровь сказывается. Повѣрьте мнѣ, какъ старому врачу и вашему другу. Только одни нѣмцы могутъ быть истинными художниками, и вы никого не обманете.

Это оригинальное объясненіе успокоило Бургардта, хотя онъ и не совсѣмъ довѣрялъ хитрому «старикалѣ», какъ называла доктора Анита. Въ свою очередь Бургардтъ время отъ времени наводилъ разговоръ на тему о глухонѣмыхъ. Гаузеръ, какъ оказалось, былъ въ курсѣ дѣла и сообщилъ много интереснаго и поваго, чего Бургардтъ не зналъ.

— У нихъ умственное развитіе приостанавливается на извѣстной стадіи.—объяснялъ докторъ.—И получается въ сущности необъяснимая странность, на которую наука еще не обратила достаточнаго вниманія. Именно, слѣпые гораздо развитѣе глухонѣмыхъ, хотя должно было быть какъ разъ наоборотъ. Въ самомъ дѣлѣ, наша внутренняя жизнь складывается изъ выплывшихъ впечатлѣній, а главнымъ проводникомъ этихъ впечатлѣній служитъ нашъ глазъ. И Христосъ сказалъ: свѣтильникъ тѣлу есть око. Да... А между тѣмъ, слѣпые стоятъ выше по умственному и нравственному развитію. Невольно припоминаются забытыя слова Аристотеля, что въ отношеніи всѣхъ чувствъ человекъ остается позади многихъ животныхъ, но осазаніе у него острѣе, чѣмъ у другихъ, поэтому онъ и умнѣйшее изъ животныхъ.

— Но, вѣдь, глухіе могутъ читать, а слѣпые лишены этого?

— Вотъ здѣсь-то и штука... Da ist der Hund begraben. Наука довольствуется только фактомъ, что у глухонѣмыхъ существуетъ преобладаніе животныхъ инстинктовъ.

XXVIII.

Докторъ Гаузеръ пріѣхалъ къ завтраку, но завтракъ еще не былъ готовъ. Анита проспала, а прислуга безъ барышни ничего рѣшительнаго не предпринимала. Бургардтъ работалъ у себя въ мастерской и былъ не въ духѣ, что докторъ замѣтилъ сразу. Докторъ посидѣлъ въ мастерской, а потомъ неза-

мѣтно ушелъ въ столовую, гдѣ и принялся за свой любимый пасьянсъ. Сегодня выдался какой-то день неудачъ, и даже «Веселый монахъ» не желалъ выходить. Докторъ Гаузеръ только хотѣлъ разсердиться, какъ въ столовую вошелъ человѣкъ Андрей и заявилъ, что его спрашиваетъ какая-то барышня.

— Меня?!..—разсердился старикъ.—Кто меня можетъ спрашивать здѣсь?

— Не могу знать, ваше превосходительство...

Доктору Гаузеру показалось, что человѣкъ Андрей хотѣтъ надъ нимъ подшутить и, поднявъ брови, строго проговорилъ:

— Пригласи ее въ гостиную...

— Слушаю-съ, ваше превосходительство.

Когда докторъ вышелъ въ гостиную, сдѣлавъ строгое и недовольное лицо, онъ невольно попятился. Въ дверяхъ стояла она, да, та самая миссъ Гудъ, въ которую онъ былъ влюбленъ тридцать лѣтъ тому назадъ. Это явленіе до того его ошеломило, что старикъ, не сказавъ ни одного слова съ призракомъ, бросился къ Анитѣ.

— Тамъ... она...—бормоталъ онъ растерянно, чувствуя, какъ у него идутъ мурашки по спинѣ.—Боже мой, что это такое? Идите скорѣе, Анита... Она тамъ.

Анита сразу узнала въ гостѣ племянницу миссъ Гудъ, которую ожидала съ особеннымъ нетерпѣніемъ. Англичанка тоже была рада, главнымъ образомъ, тому, что могла, наконецъ, говорить на своемъ родномъ языкѣ. Это была темноволосая дѣвушка съ типичнымъ строгимъ лицомъ, красивая, но уже вступившая въ свой критическій возрастъ. Одѣта она была въ сѣрый дорожный костюмъ, причемъ изъ-подъ короткой юбки выставлялись некрасивыя и плоскія англійскія ноги. Круглая соломенная шляпа довершала костюмъ. Анита побѣжала къ отцу и, задыхаясь отъ смѣха, рассказала, какъ перепугался старикалка-докторъ. Дѣвочка никакъ не могла понять, въ чемъ дѣло, и Бургардту пришлось объяснять.

— Онъ зналъ миссъ Гудъ еще молодой, и, вѣроятно, покойная миссъ Гудъ страшно походила на свою племянницу.

— Ахъ, какъ я рада, папа! Вылитая миссъ Гудъ...

Человѣкъ Андрей посмотрѣлъ на гостью съ своей точки зрѣнія, именно, по части дорожныхъ вещей. Немного привезла съ собой новая барышня, какъ онъ окрестилъ гостью, — всего-то одинъ дорожный сундучишко, подушечка въ пледѣ — и вся тутъ.

— Церемонія небольшая, — соображалъ старикъ, водворяя вещи новой барышни въ комнату Аниты. — Только, видно, и всего, что на себѣ... Голенькая прѣхала, какъ облупленное анчко.

Горничная вполне раздѣляла это мнѣніе и впередъ возне-

навидѣла новую барышню, которая, хоть и голая прѣхала, а небось, сейчасъ же примется заводить свои порядки.

Бургарту очень понравилась новая миссъ Гудъ, типичная *aristocrat*, какой въ свое время была и покойная миссъ Гудъ. Онъ сказалъ съ ней нѣсколько англійскихъ фразъ, а дальнѣйшій разговоръ шелъ уже при помощи Аниты. Миссъ Гудъ изъ писемъ своей тетки знала, что Бургартъ знаменитый русскій художникъ и отнеслась къ нему съ тѣмъ особеннымъ почтеніемъ, которое русской публикѣ неизвѣстно. Она смотрѣла на него такими покорными глазами, какъ на какое-то высшее существо. Затѣмъ, она знала, что это чрезвычайно добрый человѣкъ и истинный джентльменъ, хотя и съ присущими всѣмъ русскимъ джентльменамъ недостатками. Къ доктору Гаузеру она отнеслась довольно равнодушно, такъ какъ онъ не былъ ей извѣстенъ по письмамъ.

Завтракъ прошелъ очень оживленно. Даже вышелъ дичившійся въ послѣднее время Гаврюша. Новая миссъ Гудъ только покосилась на его поджакъ со слѣдами скульптурной глины. Растерявшійся въ первый моментъ докторъ теперь точно старался выкупить свое малодушіе и былъ особенно милъ. Онъ когда-то немного говорилъ по англійски и теперь пресмѣшно коверкалъ англійскія слова. Бургарту было немного странно видѣть за столомъ на мѣстѣ бывшей миссъ Гудъ новую миссъ Гудъ, и онъ невольно подумалъ французской фразой: *le roi est mort—vive le roi!*. Анита такъ и впилась въ свою новую руководительницу и даже обнюхивала ее, какъ дѣлаютъ комнатныя собачки, когда входятъ незнакомый имъ человѣкъ. Ея очень поправилась новая гувернантка, къ которой она отнеслась, какъ къ подругѣ, а не какъ къ начальству.

— Знаете, все это мнѣ даетъ на нервы,—нѣсколько разъ повторялъ Гаузеръ, обращаясь къ Бургарту.—Удивительно странный случай... Ну, какъ живая!..

— Да, удивительно, — соглашался Бургартъ. — Совѣтъ живая!..

Анита слышала этотъ разговоръ и старалась по расхохотаться. Она поняла, что старикалка Гаузеръ былъ влюбленъ въ миссъ Гудъ только теперь и смотрѣла на отца улыбающимися счастливыми глазами.

А Бургартъ былъ такъ далекъ отъ всего происходившаго. Работая давеча въ своей мастерской, онъ сдѣлалъ взволновавшее его открытіе, именно, что Гаврюша его ненавидитъ и ненавидитъ специально профессиональной ненавистью. Раньше онъ смотрѣлъ на него только какъ на ученика, а теперь ему приходилось съ нимъ считаться. Бургартъ боялся сказать самому себѣ послѣднее слово, именно, что Гаврюша оказался пустышкой въ художественномъ смыслѣ. Изъ талантливаго

мальчика рѣшительно ничего не вышло, кромѣ плохого кописта. Въ послѣднемъ онъ винить одного себя, какъ неспособнаго учителя, не могшаго и не умѣвшаго вдохнуть душу живу. Не смотря на всю старательность, у Гаврюши ничего не выходило, кромѣ разrostавшагося болѣзненнаго самолюбія и какой-то жажды отыскивать въ другихъ одни недостатки. Въ послѣднемъ отношеніи онъ сдѣлалъ большіе успѣхи и слушалъ Саханова, какъ оракула. У Гаврюши были уже свои собственные мысли, и Бургардтъ чувствовалъ, что онъ и къ нему начинаетъ относиться критически, что ему въ его теперешнемъ настроеніи было особенно больно.

Сидя за завтракомъ, Бургардтъ припоминалъ нѣкоторые вопросы, которые ему дѣлалъ Гаврюша сегодня въ мастерской, и ему казалось, что всѣ эти вопросы имѣли одинъ наводящій смыслъ—Гаврюша догадывался раньше другихъ о его конченности. Да, именно, такъ... Потомъ Бургардтъ припоминалъ являвшееся у него жуткое ощущеніе, какое испытывается первыми людьми, когда ихъ упорно наблюдаютъ. И раньше Гаврюша слѣдилъ за его работой, но то было совсѣмъ другое.

— Я, кажется, дѣлаюсь подозрительнымъ, — думалъ Бургардтъ, наблюдая, какъ Гаврюша ѣстъ свой бифштексъ.

Онъ старался не думать о Гаврюшѣ, но всѣ его мысли сводились именно къ нему. Да, за что можетъ этотъ мальчикъ ненавидѣть его? Вѣдь онъ ничего дурного не сдѣлалъ ему, а напротивъ—старался, какъ умѣлъ, вывести его на настоящую трудовую дорогу.

Докторъ Гаузеръ, напротивъ, былъ въ самомъ лучшемъ настроеніи и даже прочелъ какіе-то нѣмецкіе стихи, вѣроятно очень сентиментальные. Миссъ Гудъ осталась въ самомъ трогательномъ невѣдѣніи относительно ихъ содержанія, какъ Анита ни старалась перевести эти стихи по англійски. Дѣвочка едва дождалась конца завтрака, чтобы завладѣть окончательно новой гувернанткой и сейчасъ же утащила ее въ свою комнату. Докторъ и Бургардтъ остались въ столовой вдвоемъ.

— Славная дѣвушка...—говорилъ докторъ, раскуривая свою трубку.

— Сейчасъ трудно сказать что нибудь опредѣленное, докторъ,—почему-то возражалъ ему Бургардтъ.

— Нѣтъ, славная... Она не можетъ не быть славной. О, я все понимаю... Если бы была такая сила, которая дала возможность снять съ плечъ лѣтъ тридцать... да... О, тогда Гаузеръ былъ бы совсѣмъ молодой и поступалъ бы совсѣмъ по молодому!..

— Что же, вы хотите меня лишитъ гувернантки? Это не благородно, чтобы не сказать больше...

— Нѣтъ, не то... Мнѣ давеча было весьма жаль самого себя, потому что я могъ бы устроить весьма иначе.

— Это ничего не значить, докторъ. Гете, кажется, женился семидесяти лѣтъ...

— Да, то былъ Гете... Онъ совмѣщалъ въ себѣ весь міръ. Да, великій Гете...

Миссъ Гудъ точно унесла съ собою хорошее настроеніе доктора, и онъ сдѣлался опять грустнымъ. Бургардту отъ души было жаль хорошаго старика.

— А какъ я давеча испугался.. —разсказывать докторъ.— Выхожу, а она стоять въ дверяхъ. Да, та она, которую я зналъ тридцать лѣтъ тому назадъ...

— Извините нескромный вопросъ: у васъ тогда было что нибудь серьезное?

— О, нѣтъ... Миссъ Гудъ была не такая дѣвушка. Но мы смотрѣли другъ на друга, много смотрѣли, и я чувствовалъ себя совсѣмъ бѣднымъ молодымъ человѣкомъ, который не имѣетъ права такъ долго смотрѣть на красивую молодую дѣвушку...

XIX

Бургардту страстно хотѣлось уѣхать изъ Петербурга съ Анитой куда нибудь подальше, но когда пріѣхала новая миссъ Гудъ—это желаніе какъ-то отпало. Началось съ того, что миссъ Гудъ должна была отдохнуть послѣ дороги, потомъ Анита непременно захотѣла показать ей острова, Петергофъ, Стрѣльну, Павловскъ. Миссъ Гудъ пришла въ восторгъ главнымъ образомъ отъ Невы, такой холодной, быстрой и глубокой.

— Это просто какая-то сказочная рѣка, —удивлялась она.— Я не ожидала ничего подобнаго... И вообще, Петербургъ—удивительный городъ. Я не могу понять, зачѣмъ дѣтомъ уѣзжать изъ него на дачи.

Только разъ впечатлѣніе отъ Петербурга было для миссъ Гудъ омрачено. Она съ Анитой ѣздила на Елагинъ, чтобы посмотреть со стрѣлки на закатъ солнца, и здѣсь встрѣтила Шуру и миссъ Мортонъ, которыя ѣхали въ одной коляскѣ. Анита имѣла неосторожность раскланяться съ ними и потомъ должна была объяснить миссъ Гудъ, что это за дамы. Она еще не успѣла докончить свою характеристику, какъ уже попала непоправимую ошибку. Лицо миссъ Гудъ точно окаменѣло, и она не отвѣтила Анитѣ ни однимъ звукомъ.

— Вѣдь папа—художникъ, и у него бывають всѣ,—старалась выпутаться Анита.—Шура была его натурщицей «для всего»... Есть натурщицы только для головы или для рукъ, потомъ натурщицы въ костюмахъ. Миссъ Гудъ очень ее любила и миссъ Мортонъ тоже..

Миссъ Гудъ продолжала сохранять свое замороженное состояние, въ какомъ вернулась и домой. Она раньше не рѣшалась войти въ мастерскую, а тутъ сама попросила Аниту показать ей работы отца. Бургардта и Гаврюши не было дома, и миссъ Гудъ долго и внимательно рассматривала барельефы и статуи, точно дѣлала имъ экзаменъ. Она узнала Шуру въ Маринѣ и особенно долго рассматривала ее.

— А гдѣ же *другая*?—спросила она, не находя миссъ Мортонъ.

— Она не патурщица, а просто знакомая...

Мастерская произвела на миссъ Гудъ довольно грустное впечатлѣніе, и у нея явилась даже мысль вернуться въ свою добрую старую Англию. Что она могла ожидать здѣсь, въ этомъ царствѣ голыхъ мраморныхъ женщинъ? Но старая миссъ Гудъ перепосила все это, значить, нужно оставаться на своемъ посту. Это былъ критическій моментъ въ жизни миссъ Гудъ, и она даже краснѣла при одной мысли, что Бургардтъ могъ смотрѣть на нее сквозь платѣе. Вѣдь для этихъ художниковъ существуетъ только, одно тѣло... Съ другой стороны, ей въ первый разъ сдѣлалось жаль Аниту, и она поняла, почему покойная тетка оставалась на своемъ посту до самой смерти.

Въ нѣсколько дней миссъ Гудъ совершенно освоилась въ новой обстановкѣ и внесла новую струю въ жизнь дома. Она по англійски не обращала никакого вниманія на прислугу и только требовала строгаго исполненія обязанностей. Въ ея англійскихъ глазахъ это были не люди, а живыя машины. Развѣ можно сердиться на машину или разговаривать съ ней? Человѣкъ Андрей сразу понялъ англійскую политику новой барышни и пожаловался барину.

— Что же это такое, баринъ? Этакъ и житья не будетъ. Все молчитъ новая барышня и за людей насъ не считаетъ...

— Она просто не умѣетъ говорить по русски,—объяснялъ Бургардтъ.

Последнему человѣкъ Андрей никакъ не могъ повѣрить, тѣмъ болѣе, что старая барышня тоже была англичанка, а между тѣмъ говорила и даже очень обидно иногда говорила. Анита тоже не понимала въ этомъ отношеніи новой гувернантки. Она была на сторонѣ прислуги, хотя и ссорилась съ ней въ качествѣ ответственной хозяйки.

— Эти англичане, папа, страшные эгоисты,—жаловалась она. —Для нихъ прислуга что-то вродѣ низшихъ животныхъ...

— А развѣ хорошо ругаться съ прислугой, какъ дѣлаютъ наши русскія барыни? Даже есть такія, которыя дерутся...

— Ольга Спиридоновна бьетъ свою горничную по щекамъ, а всетаки она добрая, и ее любятъ.

— Дѣло вкуса... Лучше всего не ссориться съ прислугой, какъ миссъ Гудъ, и относиться къ ней гуманно.

Проявленная новой гувернанткой сухость не нравилась Бургарту, но онъ рассчитывалъ на то, что время сдѣлаетъ свое дѣло, и англійская жестокость постепенно ступшется.

Послѣ смерти миссъ Гудъ прошло уже около двухъ недѣль, и Бургартъ совершенно забылъ о статьѣ Саханова, пока онъ въ одно прекрасное утро не появился самъ съ рукописью въ рукахъ.

— Я думалъ, что вы куда нибудь уѣхали,—говорилъ Сахановъ съ дѣловымъ видомъ:—и совершенно случайно узнаю, что вы дома...

— Очень радъ васъ видѣть, и сегодня мы можемъ заняться вашей статьёй.

Въ сущности Бургартъ совсѣмъ не желалъ слушать статьи Саханова, чтобы не сдѣлаться этимъ косвеннымъ путемъ ея участникомъ, а затѣмъ онъ отлочно понималъ, что Сахановъ, именно и добивается послѣдняго, чтобы потомъ имѣть право сказать, что читать ее Бургарту и получилъ его одобреніе. Бываютъ такіа непріятныя положенія, когда ваши друзья насилуютъ вашу волю самымъ безцеремоннымъ образомъ, и когда вы, при всемъ желаніи, не можете высказать имъ откровенно свои настоящіе мысли и чувства. Бургартъ только покосился, когда Сахановъ развернулъ довольно объемистую тетрадь, испещренную помятками и вставками, чѣмъ онъ гордился, какъ отпосившійся строго къ своей работѣ авторъ.

— Статья въ сущности общаго характера,—предупреждалъ Сахановъ, усаживаясь поудобнѣ въ кресло.—Я знаю, что вы врагъ всякихъ предисловій и поэтому могу выпустить нѣкоторыя общія соображенія объ искусствѣ... Тѣмъ болѣе, что мы по нѣкоторымъ пунктамъ съ вами расходимся.

— Нѣтъ, ужъ читайте все,—упрямо заявлялъ Бургартъ, начинавшій впередъ испытывать смутное озлобленіе.

— Основная тема во всякомъ случаѣ является повостью въ нашей художественной литературѣ...

— Развѣ такая есть?

— Въ собственномъ смыслѣ слова, конечно, нѣтъ, но есть статья по отдѣльнымъ вопросамъ и художественная отсѣбятина. Не скрою, что я немножко горжусь своей темой, потому что другіе всетаки до нея не додумались. Какъ хотите, а въ искусствѣ монотонъ всегда являлся своего рода маховымъ колесомъ, и я самъ удивился, когда пришлось подводить итоги, какую страшную силу онъ представляетъ изъ себя.

Общая часть, не смотря на массу цитатъ изъ всевозможныхъ авторовъ, начиная съ древнѣйшихъ временъ, и на массу подстрочныхъ примѣчаній, ничего новаго и оригинальнаго изъ

себя не представляла, а носила эклектический характер. Это было только подсчетъ существующимъ формуламъ и легкая характеристика новыхъ теченій въ искусствѣ. Надлежащее мѣсто было отведено и приподнятому цвѣтистому стилю, когда Сахановъ опредѣлялъ искусство шумливыми фразами, какъ «глубочайшее откровеніе жизни и единственный языкъ народовъ, поколѣній, всего человѣчества». Были пущены въ ходъ довольно избитыя остроты по адресу декадентовъ, символистовъ, плеяперистовъ и, вообще, всѣхъ новшествъ, которыя не признавали единой и непогрѣшимой, академической школы, поскольку она движется впередъ. Гораздо интереснѣе было дальнѣйшее, когда на сцену появился меценатъ, сначала въ лицѣ древнихъ азіатскихъ деспотовъ, египетскихъ фараоновъ, всесильныхъ языческихъ жрецовъ, античной уличной толпы и народныхъ героев. Искусство являлось только одной изъ формъ рабства, какъ это ни странно сказать, и многіе художники были настоящими рабами, почему имена ихъ и не сохранены исторіей для благодарнаго потомства. Это рабство продолжалось и дальше, замаскировавшись въ тогу меценатства. Художникъ творилъ свободнымъ только по имени, а по существу дѣла опъ служилъ только прихоти какого нибудь знатнаго и богатаго человѣка, причемъ еще вопросъ, что лучше—физическій ли рабъ, служившій государству, своей религіи и своему народу, или свободный рабъ, служавшій отдѣльнымъ лицамъ.

— Мнѣ кажется, что у насъ здѣсь противорѣчіе уже въ самомъ словѣ: свободный рабъ,—замѣтилъ Бургардтъ.

— Я хочу только выяснитъ разницу между физическимъ рабствомъ и рабствомъ культурнымъ. Мы всѣ рабы чего нибудь...

— Это уже слишкомъ широкое обобщеніе, въ которомъ растворяется совершенно основное понятіе, и получается что-то вродѣ гомеопатіи. Я не могу согласиться съ этой основной формулой, что искусство только одна изъ формъ рабства, а даже наоборотъ—вѣрю въ его освободительную миссію.

— Ахъ, вы не хотите меня понять, Егоръ Захарычъ! Правда, что мысль совершенно новая и можетъ быть немножко смѣлая... Наконецъ, можетъ быть я не сумѣлъ сформулировать ее достаточно убѣдительно, но въ своемъ основаніи она глубоко вѣрна, въ чемъ вы убѣдитесь дальше.

Дальнѣйшее заключалось въ перечисленіи историческихъ фактовъ, какъ меценатами явились ограбившіе весь міръ римскіе магнаты, обезумѣвшіе отъ власти римскіе цезари, византійскіе императоры, римскіе папы, христіаннѣйшіе средневѣковыя короли, а въ послѣднее время выступалъ на сцену капиталистическій феодализмъ. Въ послѣднемъ кроется основная причина упадка новѣйшаго искусства, по сравненію съ антич-

нымъ, т. е. временемъ античныхъ республикъ, когда художникъ творилъ для государства, воплощая въ своихъ произведеніяхъ свою мифологію и религіозныя представленія. Мертвый камень дѣйствительно оживалъ, превращался въ чудные образы античнаго творчества, въ которомъ горячее и живое участіе принималъ весь народъ. Античная статуя являлась предметомъ религіознаго культа и на нее молились, какъ на святыню.

Бургардъ слушалъ внимательно, но не хотѣлъ спорить съ авторомъ, ожидая настоящаго, — все предшествовавшее, очевидно, было только вступленіемъ. Дѣйствительно, все «настоящее» было припрятано авторомъ подъ конецъ, гдѣ онъ разбираетъ исторію специально русскаго шальнаго меценатства, до вашихъ дѣй въключительно. Здѣсь Сахановъ былъ въ курсѣ дѣла и, не называя именъ, наговорилъ цѣлую массу самыхъ горькихъ истинъ, причемъ оказалось, что наше меценатство принесло страшный вредъ русскому искусству, внесло въ него разлагающіе элементы и систематически развращаетъ художниковъ, которые вынуждены поддѣлываться подъ вкусъ своихъ заказчиковъ и вѣрольных покупателей. Можетъ, въ послѣднемъ кроется простая причина и того грустнаго явленія, что русская публика относится совершенно равнодушно къ своему родному искусству, какъ къ прихоти ничтожной кучки богатыхъ людей. Главнымъ страдающимъ лицомъ во всей этой грустной исторіи является художникъ, незамѣтно для самого себя раздѣливающий свое дарованіе на гроши и копѣйки.

— А третьяковская галлерей въ Москвѣ?—спросилъ Бургардъ.

— Это — исключеніе... Притомъ, на всю Россію одна галлерей—это слишкомъ немного. Я смотрю на русскихъ художниковъ, какъ на мучениковъ въ своемъ дѣлѣ, потому что имъ приходится разрабатывать не тѣ сюжеты и томы, которые близки всему складу ихъ характера, а сюжеты и томы, заданные какимъ нибудь шальнымъ меценатомъ.

— Ну, послѣднее уже слишкомъ огульно сказано, Павелъ Васильичъ, и я опять не могу согласиться съ вами. Потому, въ концѣ концовъ, говоря между нами, ваша статья написана прямо противъ Красавина и... противъ меня, между прочимъ.

— Противъ васъ?!

Сахановъ вскопчилъ и забѣгалъ по кабинету.

— Да, и противъ меня,—твердо повторилъ Бургардъ.— И, какъ видите, я нисколько не сержусь на васъ... Въ вашихъ словахъ есть много горькой правды, въ чемъ я и расписываюсь.

— Позвольте, конечно, вы можете многое приписать на свой счетъ, какъ художникъ, но, именно васъ я и не имѣлъ въ

виду. Скажу больше: продолженіемъ этой статьи будетъ статья о роли женщины въ искусствѣ... да. Вѣдь намъ подайте именно голую женщину, чтобы меценатъ заржалъ отъ удовольствія, а вы, кажется, въ этомъ не грѣшны. Да... Глубоко разтѣвшающее вліяніе меценатовъ именно и выразилось въ этомъ стремленіи художниковъ рисовать и лѣпить именно голую женщину. Всѣ эти якобы богини, якобы вакханки, якобы римскія оргіи — все это дань ожирѣвшему меценатскому скусу. Вотъ на тебѣ такую вакханку, чтобы у тебя духъ заперло... Въ нашемъ искусствѣ для порядочной женщины даже и мѣста не осталось. а такъ, иногда напишутъ какую нибудь дѣвушку съ кувшиномъ, покинутую, утопленницу...

XX.

Какъ Бургардтъ ни старался сдержать себя, но статья Саханова возмутила его до глубины души. Когда онъ уходилъ, обѣщая принести продолженіе, онъ невольно подумалъ:

— Родятся-же подобные негодяи!..

Даже Анита замѣтила, что отецъ не въ духѣ, и спросила:

— Ты поссорился съ Сахановымъ, папочка?

— Нѣтъ, этого не было, но это не мѣшаетъ ему быть большимъ... ну, все равно кѣмъ.

Взволновавшись, Бургардтъ никогда не работалъ. Сегодняшній день былъ испорченъ, и онъ рѣшился съѣздить въ Озерки, навѣстить Бачульскую, которую уже давно не видалъ.

— Папа, ты не обижайся на меня...—говорила Анита, провожая его въ переднюю.— Не обидишься?

— Нѣтъ. Въ чемъ дѣло?

— Если ты встрѣтишь Шуру или миссъ Мортонъ, то, пожалуйста, не приглашай ихъ къ намъ... т. е. пока...

— Это почему?

Анита смущенно передала эпизодъ своей встрѣчи на островахъ, и то впечатлѣніе, которое произвела эта встрѣча на миссъ Гудъ.

— Папочка, она, вѣдь, совсѣмъ не знаетъ, какъ живутъ художники, а потомъ привыкнетъ и пойметъ, что дурного въ этомъ ничего нѣтъ.

Бургардтъ только пожалъ плечами, а разсердился только на лѣстницѣ.

— Ея-то какое дѣло?—ворчалъ онъ.— Вотъ еще опека явилась...

Впрочемъ, это настроеніе разсѣялось еще дорогой, пока Бургардтъ ѣхалъ по финляндской желѣзной дорогѣ. На него природа дѣйствовала успокаивающимъ образомъ, и въ окнѣ

вагона онъ все время любовался дачными постройками. Онъ любилъ эти маленькія, на живую нитку сколоченныя дачки, въ которыхъ ютилась лѣтомъ приличная петербургская бѣднота. Почему-то принято относиться къ нимъ съ пренебреженіемъ, а между тѣмъ, именно въ нихъ такъ много своеобразной лѣтней поэзіи, гораздо больше, чѣмъ въ вычурныхъ дачныхъ палаццо гдѣ нибудь въ Павловскѣ, Стрѣльнѣ или Петергофѣ. Бивуачный характеръ всей дачной обстановки имѣетъ свою прелесть. Кромѣ всего этого, именно съ этимъ дачнымъ уголкомъ у Бургардта были связаны такія хорошія и свѣтлыя юношескія воспоминанія, когда онъ жилъ въ этой мѣстности еще академикомъ. Конечно, съ того времени много воды утекло, и онъ не узналъ бы многихъ дорогихъ по воспоминаніямъ уголковъ.

«А, вѣдь, Сахановъ правъ,—думалъ Бургардтъ, переживая снова непріятное чувство.—Конечно, статья написана пристрастно и съ намѣреніемъ оскорбить именно Красавина — а всетаки, много правды».

Потомъ оказалось, что и миссъ Гудъ по своему тоже права, потому что имѣла въ виду исключительно интересы Аниты. Что могла позволить покойная миссъ Гудъ, какъ болѣе опытный человѣкъ, того же самаго не могла допустить молодая бирюшница. Какъ всѣ нервные и безхарактерные люди, Бургардтъ соображалъ всѣ обстоятельства потомъ, когда остывало первое впечатлѣніе.

Бачульская была дома, но Бургардтъ попалъ въ самый неудобный моментъ,—она только что собралась идти въ театръ, хотя было всего шесть часовъ.

— Что вы такъ рано идете?—удивился Бургардтъ.

— Ахъ, вы не знаете нашей проклятой службы, Егорушка... Чего стоитъ актрисѣ одѣться, потомъ гримировка, прическа.

Бургардтъ былъ еще въ первый разъ въ Озеркахъ у Бачульской, и она не знала, куда его усадить и чѣмъ угостить. Онъ осматривалъ ея квартиру, точно отыскивая что-то глазами и слегка морщился.

— Мы сегодня въ дурномъ расположеніи духа?—ласково спрашивала его суетившаяся хозяйка.—Хотите, я сама сварю вамъ кофе?

— Нѣтъ, я чего нибудь съѣмъ въ вашемъ театральномъ буфетѣ. Идите, а то опоздаете.

Они пошли пѣшкомъ, и дорогой Бургардтъ рассказывалъ о своей новой гувернанткѣ и объ Анитѣ.

— Дѣвочка ужъ большая и, кажется, я скоро попаду подъ ея опеку,—говорилъ онъ съ улыбкой.

— А вамъ нравится эта новая миссъ Гудъ? — пылливо спрашивала Бачульская, заглядывая въ лицо своему кавалеру.— Она молодая?

— Вы желаете меня ревновать?

— О, я васъ ревную ко всѣмъ женщинамъ...

Она засмѣялась и покраснѣла.

Театръ былъ еще пустъ, и гдѣ-то гулко отдавались шаги невидимыхъ людей. На улицѣ стоялъ июльскій жаръ, и Бургардтъ съ удовольствіемъ почувствовалъ прохладу большого помѣщенія.

— Черезъ полчаса вы можете войти ко мнѣ въ уборную, — предлагала Бачульская.

Уходя за кулисы, она обернулась и, какъ показалась Бургардту, улыбнулась съ несвойственнымъ ей вызывающимъ лукавствомъ.

«Вотъ что значить лѣто, — невольно подумалъ Бургардтъ, шагая къ буфету. — Что-то такое есть»...

Буфетъ былъ большой, совсѣмъ даже не по театру, и Бургардтъ напрасно старался придумать цифру его посѣтителей. Слава Озерковъ, какъ дачной мѣстности, уже отошла, и театръ былъ великъ для мѣстной дачной публики. По привычкѣ Бургардтъ прошелъ прямо къ буфетной стойкѣ и здѣсь лицомъ къ лицу встрѣтился съ Бахтеревымъ.

— Батенька, какими судьбами? — дѣланнымъ тономъ проговорилъ послѣдній, торопливо прожовывая бутербродъ и вытирая руки салфеткой. — Вотъ пріятная неожиданность...

Оглянувшись на всякій случай кругомъ, Бахтеревъ взялъ Бургардта за лацканъ верхняго пальто и проговорилъ заученнымъ драматическимъ шепотомъ:

— А я здѣсь того... да... Мнѣ дома полагается всего одна рюмка, а для моей машины, согласитесь, это немного мало.

Въ доказательство онъ выпятилъ колесомъ грудь, повелъ богатырскими плечами и прибавилъ упавшимъ голосомъ:

— Cherchez la femme...

Бургардтъ кое-что слыхалъ о его семейномъ положеніи и постарался замять непріятный разговоръ. Бахтеревъ здѣсь, въ театральномъ буфетѣ являлся другимъ человекомъ. У него явилась какая-то чисто актерская развязность и склонность къ душевному изліянію, чего Бургардтъ не выносилъ.

— Вы участвуете въ спектаклѣ? — спрашивалъ Бургардтъ, чтобы сказать что нибудь.

— Къ несчастью... У насъ труппа съ бору да съ сосенки набрана, антрепренеръ... ну, однимъ словомъ, лѣтній антрепренеръ. Пригласилъ на гастроли, а выходитъ чортъ знаетъ что такое...

Они вышли по второй рюмкѣ и разошлись. Бургардту было немного стыдно, что онъ даже не посмотрѣлъ на афишу, какая сегодня шла пьеса. Онъ заказалъ человѣку по карточкѣ бифштексъ и попросилъ подать его на террасу, выходившую

въ садъ. Сейчасъ за садомъ виднѣлось красиво блестящее озеро, а впереди настоящая горка съ вычурной бесѣдкой на верху. На террасѣ было прохладно. Публика еще и не думала собираться. По саду бродили одни музыканты, игравшіе въ антрактахъ не въ театрѣ, а на открытой садовой эстрадѣ. Офиціантъ, накрывая столъ чистой скатертью, подавъ афишу сегодняшняго спектакля, и Бургардъ чуть не ахнулъ, когда прочелъ, что сегодня идутъ «Медea», и Медео играетъ Марина Игнатьевна.

«И, вѣдь, ничего не сказала...—подумалъ Бургардъ.— Язонъ-Бахтеревъ... Очонь подурно!.. Ну, Марина Игнатьевна едва ли справится съ своей ролью. Не хватитъ темперамента...

Вечеръ былъ тихій. Накаленный воздухъ такъ и переливался. Блестящее между деревьями озеро рѣзало глаза. Гдѣ-то сосно перекликались невидимыя птицы. Пахло сосной и болотной травой. Послѣ городской пыли всетаки хорошо, хотя до настоящей природы и далеко. Бургардъ опять думалъ о статьѣ Саханова, но уже не волновался. Конечно, немного обидно, что Сахановъ правъ изъ желанія насолить Красавину и по пути бьетъ всѣхъ художниковъ въ самое большое мѣсто, выдвигая «шкурный вопросъ». Бургардъ имѣлъ громадный успѣхъ и, слѣдовательно, виноватъ «шкурно» больше другихъ, что сейчасъ же и поймутъ, конечно, всѣ эти другіе.

«Э, все равно... — думалъ Бургардъ. — Вѣдь Сахановъ только сказалъ громко то, о чемъ другіе думали».

Онъ не успѣлъ доѣхать своего бифштекса, когда Бачульская прислала за нимъ капельдинера. На спенѣ было темно, и на него налетѣлъ какой-то маленькій разсерженный чело-вѣчекъ, комкавшій въ рукахъ какую-то писаную тетрадку.

— Вы, вы...—наскочилъ онъ на него.—Ахъ, виновать... Гдѣ Петровъ? Господи, онъ меня зарѣжетъ... Гдѣ Петровъ?

— Играетъ на билліардѣ...—отвѣтилъ хриплый голосъ изъ темноты, и маленький разсерженный чело-вѣчекъ громко обругался.

Уборная Бачульской походила на всѣ уборныя лѣтнихъ театровъ, т. е. имѣла видъ чердачной комнаты съ досчатыми деревянными стѣнами, съ расщелившимися поломъ и вѣчнымъ сквознякомъ. Пахло керосиномъ, какой-то противной гарью и пудрой.

— Видѣли афишу?—спрашивала она Бургардта, отдавая свою голову въ распоряженіе камеристки, которая должна была докапчивать античную прическу.—Я знаю, что вы подумали: «Какая она Медea»? И я тоже думаю... А хочется сыграть эту роль до смерти и боюсь до смерти.

— Чего жѣ бояться?

— И сама знаю, что нечего, а вотъ подите... Бахтеревъ

тоже боится, а, кажется, мужчина солидный. Боюсь, чтобы онъ не напился для храбрости... А тутъ еще случай: у насъ заболѣла Креуза и ее будетъ играть маленькая выходная актриса... такъ, водеvilная штучка Комова. Вотъ трусить-то бѣдняжка... А я ее боюсь. Какъ разъ перепутаетъ какую нибудь реплику, будетъ «паузить» — это наше театральное слово. Это когда дѣлаютъ ненужныя паузы.

Бургардтъ сидѣлъ и довольно безцеремонно разсматривалъ свою собесѣдницу, одѣтую въ бѣлую тунику. Античный костюмъ очень шелъ къ ней, и особенно выдѣлялась красивая шея и голыя до плеча руки. Портитъ впечатлѣніе только гримъ — глаза были подведены, губы подкрашены, даже шея и руки были намазаны чѣмъ-то бѣлымъ, придававшимъ кожѣ мертвый тонъ.

— Что, хороша? — спрашивала Бачульская, разсматривая себя въ зеркало и еще разъ подводя глаза карандашемъ. — Настоящая чортова кукла...

Она засмѣялась и опять посмотрѣла на Бургардта лукавыми глазами. Очевидно, загулисный воздухъ оцѣнялъ ее, какъ и Бахтерева, и Бургардту она казалась другой женщиной.

— Ну, теперь вы все видѣли и можете идти въ свою ложу, — заявила она, поднимаясь. — Ваша ложа номеръ третій... съ правой стороны... Когда я буду выходить, вы, пожалуйста, не смотрите на меня, а потомъ можете смотрѣть сколько угодно.

— Хорошо, хорошо... Не трусьте.

— Публики мало — единственное мое спасеніе.

Бургардтъ только сейчасъ вспомнилъ, что Сахановъ живетъ въ Озеркахъ, и ему непріятно было бы встрѣтиться съ нимъ въ театрѣ.

— Не беспокойтесь, именно сегодня онъ не придетъ.

Она объяснила объ его отношеніяхъ къ Комовой, и что бѣдная дѣвушка съ слезами умоляла его не приходить.

Когда капельдиноръ открылъ дверь ложи, Бургардтъ даже попятился назадъ, — у барьера сидѣла миссъ Мортонъ и привѣтливо улыбалась. Она, очевидно, его ждала, и Бургардтъ только сейчасъ понялъ, почему Марина Игнатьевна тоже улыбалась, когда разговаривала съ нимъ. Это былъ коварный сюрпризъ. Миссъ Мортонъ указала мѣсто рядомъ съ собой и показала свою запасную книжечку, въ которой было написано:

— Я васъ ждала...

Онъ молча подѣловалъ у ней руку и не вдругъ собрался, что отвѣтить. Миссъ Мортонъ была хороша, какъ весна. Бургардтъ чувствовалъ, какъ у него замерло сердце, и какъ выпали изъ головы всѣ слова, которыя хотѣлъ ей сказать. Она, видимо, поняла его настроеніе и продолжала улыбаться,

ласковал, сіяющая, строгая. Бургардтъ, дѣлая орографическія ошибки, написалъ въ ея книжкѣ:

— Я такъ радъ... я счастливъ...

Она не дала ему докончить и спрятала книжку въ карманъ, а потомъ уже знаками объяснила, что онъ лучше ничего не напишетъ, и что она рада его счастью, какъ своему. Онъ вторично поцѣловалъ ея руку, охваченный сладкимъ безуміемъ, отъ котораго кружилась голова. Какъ она попала въ Озерки и какъ попала именно на этотъ спектакль и въ эту именно ложу—онъ не спрашивалъ, точно все такъ и должно было быть. Развѣ спрашиваютъ упавшаго съ неба ангела, какъ онъ упалъ и развѣ стали бы спрашивать статую, если бы она вдругъ заговорила?

XXI.

Публики въ театрѣ было мало, да и та имѣла какой-то унылый видъ, что дѣйствовало на актеровъ угнетающимъ образомъ. Каждый опытный театральный человѣкъ понималъ, что спектакль успѣха не будетъ имѣть. Артистъ живетъ своей публикой, которая служитъ для него живымъ резонаторомъ. Спектакль начался вяло, потому что не для кого было играть. Одавѣ Бургардтъ не хотѣлъ ничего замѣчать и даже пропустилъ моментъ появленія на сценѣ Моеи

— Язозъ пьянъ...—записала въ своей книжкѣ миссъ Мортонъ.

Она, очевидно, подготовилась къ пьесѣ и хорошо знала ея содержаніе. Бургардтъ слѣдилъ все время за выраженіемъ ея лица, старался угадать, что она испытываетъ. Вѣдь это было ужасно—все видѣть и ничего не слышать. Сцена для нея являлась чѣмъ-то въ родѣ акваріума, гдѣ идетъ жизнь безъ малѣйшаго звука. Бургардтъ припомнилъ объясненіе доктора Гаузера о преобладаніи въ психологій глухонѣмыхъ животныхъ инстинктовъ, и ему казалось, что въ лицѣ миссъ Мортонъ онъ находилъ что-то такое новое, особенное, чего раньше не замѣчалъ. На немъ, какъ на живомъ экранѣ, пробѣгали причудливыя тѣни, отражая смѣну внутреннихъ движеній, какъ на поверхности текучей воды отражается невидимый внутренний токъ. Когда миссъ Мортонъ понимала отдѣльныя сцены пьесы, ея лицо освѣщалась какой-то дѣтской радостью, и она смотрѣла на Бургардта счастливыми улыбающимися глазами.

— Милая, милая, милая...—шепталъ Бургардтъ, отвѣчая ей счастливой улыбкой.—О. милая...

Въ антрактѣ миссъ Мортонъ непременно захотѣла пойти

за кулисы къ Маринѣ Игнатьевнѣ. По дорогѣ они встрѣтили Креузу, которая виновато стояла передъ сердившимся режиссеромъ. Бѣдная дѣвушка смотрѣла на него умоляющими глазами и, кажется, готова была расплакаться каждую минуту. Эта сцена на сценѣ покорила Бургардта, и ему хотѣлось наговорить режиссеру дерзостей. Марина Игнатьевна приняла гостей довольно сухо, и Бургардту не понравилось, когда она сказала совсѣмъ громко:

— Егорушка, вы счастливы? Ахъ, идите въ садъ, тамъ играетъ музыка, а мнѣ нужно еще просмотрѣть роль. Мы сегодня ужинаемъ вмѣстѣ? Я васъ приглашаю...

— Мы опоздаемъ къ послѣднему поѣзду, — неосторожно отвѣтилъ Бургардтъ и сейчасъ же спохватился, когда лицо Медея точно потемнѣло отъ этого «мы».

Медея еще больше потемнѣла, когда миссъ Мортонъ въ припадкѣ непопятной пѣжности обняла ее и поцѣловала.

— Она тоже счастлива, бѣдняжка, — уже тихо проговорила Бачульская, поправляя прическу. — Идите, идите... Счастье не повторяется.

— Что съ вами сегодня, Марина Игнатьевна? — спросилъ Бургардтъ.

— Ахъ, оставьте меня... Вѣдь я сегодня — Медея.

Въ саду игралъ довольно плохенькій оркестръ и уныло бродила публика. Все это были дачники, которые пришли въ театръ только потому, что гдѣ нибудь нужно было убить вечеръ. Какія-то скучныя фizioноміи пили за отдѣльными столиками пиво, какія-то скучающія дачныя дѣвицы уныло маршировали по центральной площадкѣ, — вообще все было скучно и уныло, и только одна миссъ Мортонъ улыбалась своей дѣтской улыбкой, крѣпко опираясь на руку Бургардта. Они поднялись на горку и долго сидѣли на самомъ верху деревянной башни, любясь открывавшимся отсюда видомъ на лѣсистыя горы, усаженныя дачами, на линію финляндской желѣзной дороги, на широкую равнину, которая уходила къ невидимому вѣморю. Миссъ Мортонъ объяснила, что ее сегодня приглашала Бачульская, чтобы она посмотрѣла на нее въ роли Медеи. Спускалось солнце, затихали въ садахъ птицы, по окрашенной розовыми бликами поверхности озера медленно чертили лодки.

— Вамъ хорошо? — спрашивалъ Бургардтъ свою задумавшуюся даму.

Она посмотрѣла на него какими-то непроснувшимися глазами и отвѣтила однимъ словомъ:

— Очень...

— О чемъ вы сейчасъ думали?

Она смутилась, потомъ подняла на него глаза и засмѣялась.

Занавѣсъ уже былъ поднятъ, когда они вернулись въ театръ. Шла сцена между Креузой и Медеей. Бургардта поразила перемена въ тонѣ послѣдней, — это была совсѣмъ другая женщина, оскорбленная, страдающая, большая своимъ женскимъ горемъ. Чувствовался тотъ подъемъ настроенія, который такъ заразительно дѣйствуетъ на публику. Бургардту казалось, что и публика совершенно измѣнилась за одинъ актъ, и даже въ молчаливомъ вниманіи къ происходящему на сценѣ слышалась какая-то парастающая сила. Медеей завладѣвала этой публикой, она дѣлалась ея властительницей, душой и сердцемъ. Только артисты понимаютъ такіе великіе моменты въ своей жизни, которыми она только и красна. Даже миссъ Мортонъ точно заразилась общимъ настроеніемъ и записала въ своей книжкѣ:

— Какъ она страдаетъ...

Когда заставѣтъ пать, наступила короткая пауза, которая разрѣшилась постояннымъ залпомъ апплодисментовъ. Никто не торопился къ выходу, вызывая Бачульскую безъ конца, точно каждое ея появленіе усиливало произведенное впечатлѣніе. Дальнѣйшіе акты шли уже полнымъ триумфомъ артистки. Другіе актеры точно приподнялись и даже Креуза не портила своей роли. Когда послѣ третьяго акта Бургардтъ зашелъ съ миссъ Мортонъ въ уборную, Марина Игнатьевна встрѣтила ихъ такая измученная, утомленная, и только лихорадочно горѣли одни глаза.

— Я не буду говорить вамъ комплиментовъ, — говорилъ Бургардтъ, цѣлуя ея руки. — Это одинъ изъ рѣдкихъ спектаклей, какіе мнѣ случалась видѣть...

— Признаться, вы совершенно не ожидали ничего подобнаго?

— Вѣроятно, и вы сами тоже...

Бачульская грустно улыбнулась и отвѣтила:

— Это мой послѣдній успѣхъ, а первыхъ я не знала. Я еще несчастнѣе, вѣдь, этой Медеей, у которой были хоть дѣти, а мой Язонъ не желалъ даже сдѣлать меня несчастной...

У нея на глазахъ блеснули слезы, и Бургардтъ почувствовалъ, что она играла только для него одного, переживая непережитое и увлекаясь призракомъ собственнаго воображенія.

Изъ присутствующихъ никто не замѣтилъ сплывшую скромно въ уголѣ Креузу. Когда Бургардтъ и миссъ Мортонъ вышли, Бачульская быстро поднялась, сдѣлала нѣсколько шаговъ къ двери и, прислонившись къ стѣнѣ, зарыдала. Комова осторожно подошла къ ней, обняла и прошептала:

— Марина Игнатьевна, перестаньте... Ахъ, какъ я васъ сейчасъ люблю!..

Бачульская опомнилась и, улыбаясь сквозь слезы, отвѣтила:

— Это так... нервы... Ахъ, крошка, если бы вы знали, что я переживаю!..

— Да, я знаю, что вы такая милая и всегда жалѣла, что вы меня почему то ненавидѣли...

— Развѣ я могу ненавидѣть? Вѣдь нужно умѣть и любить и ненавидѣть, и заставлять себя любить... Куда мнѣ, семеркѣ, как меня называютъ Павелъ Васильичъ... Вотъ вамъ все дано, а я рядомъ съ вами какая-то несчастная побирושка.

— Перестаньте, голубчикъ, говорить такія жалкія слова... Это не хорошо. У каждого свое горе. Вы знаете, почему я сегодня хорошо играю? Въ партерѣ сидитъ мой Язонъ, а съ нимъ рядомъ Креуза... Они счастливы и не могутъ видѣть, что мое сердце истекаетъ кровью.

Эта чувствительная сцена была прервана стукомъ въ двери уборной. Это былъ неумолимый режиссеръ, тотъ самый маленький разсерженный человечекъ, который давеча чуть не довелъ Креузу до слезъ. Теперь онъ смотрѣлъ восторженными глазами на Бачульскую и повторялъ:

— Марина Игнатьевна! Ради Бога, не сорвитесь въ четвертомъ актѣ, особенно во второй картинѣ. Вѣдь я стою за кулисами и трясусь за васъ.

Но умиленный успѣхомъ режиссеръ напрасно беспокоился, — четвертый актъ прошелъ блестящимъ образомъ, вызвавъ настоящую бурю рукоплесканій. Бургардтъ стоялъ у барьера своей ложи и неистово аплодировалъ. Миссъ Мортонъ махала платкомъ и тоже аплодировала. Но Бачульская уже не замѣчала ихъ и раскланивалась съ публикой вообще.

— Знаете, я хотѣлъ ухъать съ послѣднимъ побѣдомъ, — писалъ онъ въ книжкѣ миссъ Мортонъ: — но придется жемѣнить планъ. Вы останетесь ночевать у Марины Игнатьевны, а я уѣду въ городъ на извозчикѣ. Послѣ спектакля поужинаемъ... Придется немного подождать, пока Марина Игнатьевна будетъ переодеваться.

Они отправились въ буфетъ, и Бургардтъ заказалъ ужинъ на четверыхъ, потому что нужно было еще пригласить Бахтерева.

Было уже темно. Съ озера вѣяло прохладой. Въ ожиданіи ужина они отправились пройтись по пустыямъ аллеямъ. Миссъ Мортонъ боялась темноты и прижималась всѣмъ тѣломъ къ своему кавалеру. А въ это время съ озера доносился свѣжій молодой голосъ, пѣвшій старинный романсъ Даргомыжскаго:

Насъ вѣнчали не въ церкви,
Не въ вѣнцахъ, не съ свѣчами...
Вѣнчала насъ полночь средь мрачнаго бора...
Вѣнчальныя пѣсни пропѣлъ буйный вѣтеръ
Да воронъ зловѣщій...

— Слышите, миссъ Мортонъ?—спрашивалъ Бургардтъ, забывая, что говорить съ глухонѣмой.

Не дожидаясь отвѣта, онъ быстро обнялъ и крѣпко поцѣловалъ ее прямо въ губы. Она не сопротивлялась и точно вся распустилась въ его объятіяхъ. А голосъ на озерѣ продолжалъ пѣть:

Всю ночь бушевала гроза и ненастье,

Всю ночь пировала земля...

— Милая, милая...—стонялъ Бургардтъ въ отчаяніи.—Она не слышитъ моихъ словъ?!

Онъ усадилъ ее на спанью, и она припала своею бѣлокурою чудной головкой къ его плечу. Онъ поцѣловалъ ея лицо, шею, руки, а она сидѣла съ раскрытыми глазами, точно статуя, если бы статуи умѣли возвращать поцѣлуй и обнимать.

А голосъ все пѣлъ:

Разбудило насъ утро...

Земля отдыхала отъ буйнаго пира.

Веселое солнце играло съ рососою...

Бургардтъ немного сконфузился, когда, вернувшись на террасу, засталъ уже всѣхъ въ сборѣ. Бахтеревъ имѣлъ недовольный видъ страдающаго жадной человѣка. Марина Игнатьевна пригласила на ужинъ Комову, которая очень стѣснялась за свою лѣтнюю кофточку не первой молодости. Миссъ Мортонъ чувствовала на себѣ пристальный взглядъ Марины Игнатьевны и выдавала себя виноватой улыбкой.

— Поздравляю...—проговорила Бачульская, когда Бургардтъ сѣлъ рядомъ съ ней.— Я рада за васъ...

Бургардтъ почему-то счелъ нужнымъ сдѣлать непонимающее лицо и вопросительно пожалъ плечами.

Ужинъ прошелъ какъ-то вяло. Бахтеревъ съ какимъ-то ожесточеніемъ глоталъ водку рюмку за рюмкой и приговаривалъ къ каждой:

— Да, Марина Игнатьевна... гмъ... Говоря откровенно... Впрочемъ, вы можете припять мои слова за лести... вообще... да.

Бачульская молча пила шампанское и заставляла пить Комову, за которой ухаживала съ афишированной нѣжностью. Комова съ непривычки быстро оцѣняла и совершенно забывала о своей кофточкѣ. Она раскраснѣлась и сдѣлалась разговорчивой. Миссъ Мортонъ жаловалась, что ей жарко, и попросила шерри-коблеръ. Чтобы не встрѣчаться глазами съ Бачульской, она дѣлала видъ, что не можетъ справиться съ соломинкой, сломала нѣсколько штукъ и требовала новыхъ. Бургардтъ замѣтилъ, что Бачульская пьетъ сегодня лпшнее, и высказалъ ей это въ шутливомъ тонѣ.

— Ахъ, оставьте меня...—первно отвѣтила она.—Я никогда не бывала пьяной, а сегодня желаю напиться. Къ кофе спросите ликеровъ...

— Вамъ будетъ дурно, Марина Игнатьевна...

— Э, не все-ли равно?.. Я хочу веселиться, а каждый веселится по своему.

Она по лицу миссъ Мортонъ прочитала все, и ее охватило отчаяніе. Да, они счастливы за ея счетъ... Да, она жалкая комедіантка, можетъ быть, ускорила своей счастливой игрой развязку.

Бургардтъ едва дождался окончанія ужина, чтобы уѣхать въ городъ. Миссъ Мортонъ осталась почевать у Бачульской.

XXII.

Вернувшись домой, Бургардтъ почти не спалъ. Съ одной стороны, онъ былъ безумно счастливъ, а съ другой—ему было стыдно. Въ сорокъ лѣтъ влюбиться—это и тяжело, и какъ-то обидно. То, что принадлежитъ молодости по праву—здѣсь является своего рода преступленіемъ. А главное—неуверенность въ самомъ себѣ, какая-то смутная тревога, полная утраты душевную равновѣсія. Въ такой любви замаскировано холодное отчаяніе, какъ неуловимый призракъ. Всѣ разумныя мысли и разсужденія отпадаютъ, какъ сухой листъ съ дерева, и чело-вѣкъ начинаетъ двоиться. Именно, ощущеніе этой раздвоенности больше всего и мучило Бургардта.

«Вотъ тобѣ и конченый чело-вѣкъ!» повторялъ онъ про себя.

Да, онъ былъ счастливъ, и ему казалось, что онъ любитъ еще въ первый разъ, и что прежнія увлеченія были только жалкимъ недоразумѣніемъ, а настоящее чувство онъ переживалъ только теперь, испытывая радостную полноту существованія и томительно-сладкую тревогу. Онъ не могъ-бы отвѣтить, если-бы его кто нибудь спросилъ, что ему нравится въ миссъ Мортонъ, и какъ все это могло случиться. Ему казалось, что все это такъ ясно и что иначе и быть не можетъ, и что самъ онъ впѣ этого уже не существуетъ. А между тѣмъ, выступала на первый разъ задача, требовавшая немедленнаго практическаго рѣшенія—ни содержанкой, ни любовницей миссъ Мортонъ онъ не желалъ дѣлать, и одна мысль о возможности подобной комбинаціи уже оскорбляла его, и въ то-же время онъ не могъ представить ее своей женой, той женщиной, которая займетъ по праву принадлежащее ей мѣсто вотъ въ этихъ этнахъ.

Съ послѣднимъ представленіемъ, какъ роковая тѣнь, свя-

зывалось имя старухи Мортонъ. Это было уже чудовищно... Въ немъ проснулось «чувство дома», своего угла, банальная святость котораго могла быть нарушена. Да еще являлся одинъ маленькій вопросъ: какъ отнесется Анита къ такой метаморфозѣ? Дѣвочка уже вступала въ такой возрастъ, что могла имѣть свое собственное маленькое мнѣніе и защищать свое родное гнѣздо. Однимъ словомъ, чѣмъ дальше думалъ Бургардтъ, тѣмъ больше возникало препятствій, точно онъ дальше и дальше шелъ въ какой-то темный лѣсъ, населенный чудовищами и ловящими призраками. И тутъ-же рядомъ свѣтлый, ликующій неземной красотой образъ, который блуждающимъ огнемъ манилъ въ эту глубину.

Бургардтъ хватался за голову, точно боялся сойти съ ума, и повторялъ:

— Милля... чудная... Мы будемъ счастливы наперекоръ всему. Да, счастливы, какъ боги, а счастье даже богамъ не доставалось даромъ...

Онъ припоминалъ, какъ цѣлыхъ десять лѣтъ спало его сердце, и онъ все глубже и глубже уходилъ въ типъ безпутной жизни, разбѣгиваясь на мелкую монету. А теперь, въ день посѣщенія, въ день счастья, онъ старается разбить его собственными руками, какъ ребенокъ, который изъ неудержимаго любопытства ломаетъ любимую куклу. Въ самомъ дѣлѣ, кто можетъ быть его судьей? Почему онъ долженъ отказаться отъ личной жизни, отъ которой зависитъ его творчество? Это было бы чудовищнымъ безуміемъ...

Странно, какъ мѣняются мысли даже отъ такихъ простыхъ причинъ, какъ перемена дня и ночи. То, что такъ волновало Бургардта ночью, при дневномъ свѣтѣ оказалось самой обыкновенной нелѣпостью. Скажите, пожалуйста, какое и кому дѣло до него? Прежде всего, всякій живетъ для самого себя, особенно, если онъ соблюдаетъ вѣжливость не мѣшать другимъ.

Когда человекъ Андрей утромъ подалъ въ кабинетъ обычную порцію изъ сельтерскій воды, кваса и лимонада, Бургардтъ прогналъ его довольно позорнымъ образомъ.

— Ты, кажется, съ ума сошелъ, Андрей?..

Человекъ Андрей покорно унесъ всю «снась» въ кухню и съ удрученнымъ видомъ объяснилъ, что барянь немного рехнулся. Ну, квасъ—это еще туда-сюда, а какой-же барянь, ежели онъ не желаетъ утромъ принимать сельтерской воды?

Выпивъ свой стаканъ чаю у себя въ кабинетѣ, Бургардтъ отправился въ мастерскую. Ему показалось, что онъ въ чемъ-то виноватъ передъ Гаврюшей, даже больше—онъ чувствовалъ себя его тайнымъ сообщникомъ, потому что Гаврюша тоже любить... Конечно, проявленіе чувства у Гаврюши выразилось въ болѣе интенсивныхъ формахъ, но, вѣдь, это не мѣшало

сущности дѣла оставаться одной и той-же. Потому, своя собственная работа для Бургардта являлась сейчасъ совершенно въ иномъ свѣтѣ,—она скрашивалась мыслью о любимомъ человѣкѣ. точно онъ работаетъ сейчасъ для двоихъ. Мысль о копченности казалась ему сейчасъ просто смѣшной и нелѣпой.

— Ну, какъ у васъ подвигается работа?—спрашивалъ Бургардъ своего ученика, чувствуя фальшь въ собственномъ голосѣ.

— Все тоже...—мрачно отвѣтилъ Гаврюша, глядя на учителя изподлобья...

Бургардъ, увлеченный своимъ настроеніемъ, хотѣлъ сдѣлать нѣсколько указаній, но во время вспомнилъ о несправости Гаврюши и удержался. Бѣдный юноша, вѣроятно, тоже работалъ для двоихъ.

Сегодня свои собственные работы Бургардту показались въ нѣсколько иномъ свѣтѣ. Право, нѣкоторыя вещи были не дурны... Взять хоть ту же Марину. Конечно, нужно было докончить аксессуары, поправить немного посадку, какъ справедливо замѣтилъ Красавицъ, а детали выработаются сами собой. Бюстъ Ольги Спиридоновны подождетъ—до весенней выставки еще далеко.

Въ этомъ бодромъ настроеніи Бургардтъ явился къ завтраку и только тутъ вспомнилъ, что Анита не вышла утромъ даже поздороваться съ нимъ, какъ это дѣлала обыкновенно. Миссъ Гудъ тоже смотрѣла въ сторону, на что уже не имѣла рѣшительно никакого основанія.

«Что съ ними?»—удивлялся Бургардтъ про себя, напрасно стараясь принять непринужденный тонъ.

У Бургардта явилась даже малодушная мысль о докторѣ Гаузерѣ, точно старикъ все могъ устроить. Анита, очевидно, дулась, хотя не имѣла на это рѣшительно никакого права. Она припала по отношенію къ отцу какой-то оффиціальныи тонъ и многозначительно переглядывалась съ миссъ Гудъ, когда онъ рассказывалъ о вчерашнемъ спектаклѣ въ Озеркахъ.

«Эге, начинается бабій бунтъ», — подумалъ Бургардтъ, наблюдая своихъ женщинъ.

Да, у женщинъ въ нѣкоторые моменты является просто какая-то прозорливость, онѣ, какъ пчелы, предчувствуютъ самое появленіе соперницы. Почему, напримѣръ, Анита раньше ничего не замѣчала, хотя онъ пропадалъ изъ дому иногда по нѣскольку дней? Вѣроятно, у него что нибудь есть въ выраженіи лица или въ манерѣ себя держать. Однимъ словомъ, чувствовался другой человекъ. Бургардту казалось, что даже и горничная какъ будто смотритъ на него другими глазами. Не замѣчая за собой, Бургардтъ проявлялъ въ то же время совершенно необычную для него угодливость, какъ поступаютъ виноватые мужья.

Послѣ завтрака онъ поступилъ уже совсѣмъ безтактно. Обыкновенно онъ отдыхалъ у себя въ кабинетѣ съ чашъ, про-бѣгая газеты. Сегодня онъ измѣнилъ своему обыкновенію и остался въ столовой, чтобы поговорить съ Анитой.

— Ну, какъ, дѣтка, мы будемъ устраниваться съ нашимъ лѣтомъ?—спрашивалъ онъ фальшивымъ голосомъ.—Теперь миссъ Гудъ пріѣхала, и мы можемъ гдѣ-нибудь взять хвостикъ лѣта...

Анита посмотрѣла на него удивленными глазами и улыбнулась улыбкой обманутой женщины.

— Лѣто прошло, папа, и объ этомъ не стоитъ говорить...

— Мы можемъ уѣхать на осень въ Крымъ или за границу...

— Ты забудь, что у меня есть гимназія, а тебѣ придется работать для весенней выставки... Ты, какъ я замѣчаю, папа, начинаешь лѣниться...

— А, вѣдь, ты, Анита, права... да...

Бургардтъ вынужденно засмѣялся и поцѣловалъ Аниту, что миссъ Гудъ не понравилось. Положимъ, поцѣлуй отца, но Анита уже въ такомъ возрастѣ, когда съ поцѣлуями нужно обращаться осторожно. Анита продолжала оставаться холодной, и Бургардтъ опять вспомнилъ про старика Гаузера, который не являлся точно на зло.

Цѣлый день Бургардтъ провелъ очень тревожно и едва дождался вечера, когда условился быть у миссъ Мортонъ. Онъ и страстно желалъ этого свиданія, и чего-то смутно боялся. До сихъ поръ онъ еще не былъ ни разу у нея съ визитомъ. Она жила на Большой Морской, въ какихъ-то меблированныхъ комнатахъ. Раза три Бургардтъ проѣзжалъ мимо и не могъ рѣшиться нанести визитъ. Почему—онъ и самъ не могъ себѣ объяснить. Но сегодня онъ долженъ былъ ѣхать къ ней, потому что такъ было условлено, и въ записной книжкѣ миссъ Мортонъ стояла лаконическая фраза: «Завтра я васъ жду»... Какъ она его встрѣтитъ? Онъ напрасно старался представить себѣ выраженіе ея лица, ея глаза, улыбку. Даже то, что случилось вчера въ саду, начинало казаться ему какимъ-то сномъ. Это было какое-то безумное счастье, отъ одной мысли о которомъ у него захватывало дыханіе. Нѣтъ, онъ счастливъ, какъ молодой богъ... Къ чорту всѣ сомнѣнія! Жизнь человѣческая такъ коротка, и ни одно солнце не поднимется во второй разъ. А, вѣдь, люди больше всего бояться именно собственнаго счастья, какъ слѣпые, когда имъ снимутъ катарактъ, боятся дневного свѣта.

Бургардтъ отправился на Морскую часовъ въ девять вечера. Анита видѣла, что онъ уѣзжаетъ, но не спросила, куда онъ ѣдетъ, зачѣмъ и надолго ли. Онъ вышелъ изъ своей квартиры съ чувствомъ вора, который уноситъ съ собой самое дорогое и боится, что его кто-нибудь остановитъ на дорогѣ. Только на

улицѣ онъ вздохнулъ свободнѣе. Жаръ свалилъ. Съ моря громоздившимися облаками надвигалась гроза. Подъѣжая къ Морской, Бургардъ слышалъ первый ударъ грома. У него мелькнула малодушная мысль о бѣгствѣ, — вѣдь можно послать письмо, что некогда или что нибудь въ этомъ родѣ.

Она была дома и встрѣтила его въ передней. Первое впечатлѣніе, которое непріятно подѣйствовало на него—это запахъ какихъ-то крѣпкихъ восточныхъ духовъ. У миссъ Мортонъ было три комнаты, устроенныхъ, какъ бонбоньерки, что тоже не понравилось Бургардту.

— Я такъ ждала...—объясняла она, не сопротивляясь его ласкамъ.

Онъ точно опьянѣлъ отъ одного взгляда на нее, и ему показалось, что онъ уже раньше бывалъ вотъ въ этихъ комнатахъ, знаетъ всю обстановку, всѣ привычки хозяйки и что никогда не уйдетъ отсюда.

Бургардъ замѣтилъ, что сегодня у нея шевелились губы, точно она что-то повторяла про себя. Но развѣ нужны были слова, когда такъ краснорѣчиво блестяли эти глаза... И онъ еще могъ колебаться, могъ въ чемъ-то сомнѣваться, раздумывать,—онъ больше уже не принадлежалъ самому себѣ.

— Милая, милая, милая...—шепталъ онъ, теряя всякое чувство дѣйствительности.—Я тоже ждалъ и много думалъ и былъ счастливъ, что могу думать о тебѣ...

Все время вникла Бургардта безпокоила мысль о старухѣ Мортонъ. Ему даже казалось, что она сидитъ въ сосѣдней комнатѣ, но миссъ Мортонъ какимъ-то чутьемъ угадала его мысли и, не дожидаясь неловкаго вопроса, предупредила, что «мама въ Лондонѣ». Бургардъ вздохнулъ свободно, хотя и не желалъ оставаться въ этихъ комнатахъ, въ которыхъ было что-то подозрительное.

— Мы ѣдемъ на острова?—предложилъ онъ.

Она согласилась и вопросительно посмотрѣла на него.

XXIII.

Докторъ Гаузеръ по прежнему бывалъ у Бургардта довольно часто, но какъ-то случилось такъ, что онъ появлялся именно въ тѣ часы, когда хозяйка не было дома. Можетъ быть, это была простая случайность, но миссъ Гудъ это не нравилось, и она не отпускала отъ себя Аниты. Старикъ проявлялъ по отношенію къ ней особенную внимательность и даже при-

зозиль конффкты, причеъ миссъ Гудъ краснѣла и строго говорила доктору:

— Это лишнее, г. Гаузеръ... да. Вы испортите характеръ Аниты...

Анита очень удивлялась, что конффкты привозились именно ей, но находила такой обычай очень хорошимъ, потому что любила конффкты. Потомъ у нея явилось сомнѣніе въ адресѣ, по которому приносились въ ихъ домъ конффкты, и начала слѣдить за поведеніемъ своего стараго друга. Закончилось это наблюденіе открытіемъ, что старикъ Гаузеръ влюбленъ въ миссъ Гудъ. Анита въ этомъ не сомнѣвалась, хотя и молчала съ лукавствомъ маленькой обезьянки.

Но появилось и неопровержимое доказательство. Разъ утромъ Анита ворвалась въ кабинетъ къ отцу вся красная отъ душиваго ее смѣха.

— Папа, милый, посмотри, что это такое...

Она подала отцу листокъ почтовой бумаги съ вѣнечкой изъ незабудокъ. Онъ былъ исписанъ убористыми старческими почеркомъ и въ заголовкѣ стояло: къ ней.

— Что это такое?—удивился Бургардтъ.

— Прочитай, папочка... Это ужасно смѣшно.

Это было самое удивительное произведеніе, какое только случилось Бургардту когда нибудь читать.

«Я былъ степнымъ вѣтромъ,
Я поднимался утреннимъ туманомъ,
Я падалъ на истомившуюся отъ зноя землю дождемъ,
Я былъ соловьиной трелью и хрипѣньемъ умирающаго,
Я летѣлъ въ небо птицей и рычалъ въ лѣсу звѣремъ,
Я былъ голубымъ цвѣточкомъ въ рукахъ невинной дѣвушки,
Я заглядывалъ въ ея спальню лучемъ утренняго солнца,—
Я былъ всѣмъ, потому что я—все...
Я—все, потому что полюбилъ тебя.
Я любилъ тебя, когда еще ты не родилась на свѣтъ».

Подъ этимъ наборомъ фразъ стояла черта и подъ ней приписка, сдѣланная другой рукой:

«И я плакалъ... какъ старый швейцарскій сыр!»

Бургардтъ прочиталъ нѣсколько разъ написанное и, возвращая листокъ Анитѣ, проговорилъ:

— Это бредъ какого-то сумасшедшаго...

— Нѣтъ, папочка, это писалъ Гаузеръ... Написалъ и забылъ въ столовой на столѣ. Можетъ быть, онъ это сдѣлалъ съ намѣреніемъ... А послѣ него приходилъ Сахановъ, прочиталъ и сдѣлалъ приписку. Ты узнаешь его руку?

— Да, да... Теперь и я начинаю понимать: старикъ хотѣлъ пошутить...

— Нѣтъ, папа, опъ писалъ серьезно...

Бургардтъ засмѣялся въ свою очередь, когда Анита ушла. Милый старикалка былъ влюбленъ, но не могъ никакъ поладить съ риомами и притомъ написалъ по русски, а миссъ Гудъ читала только по англійски. Всего вѣроятнѣе, что это былъ только конспектъ для будущаго произведенія, и старикъ просто забылъ его въ столовой. Примѣчаніе Саханова заставило Бургардта хохотать до слезъ.

— Вотъ комики!—повторялъ онъ.

Но настоящему слѣдовало бы вернуть этотъ листочекъ автору, но это было невозможно, благодаря примѣчанію Саханова.

— Да, любовь всецѣльна...—думалъ Бургардтъ.—Бѣдный Гаузеръ!.. Онъ опоздалъ какъ разъ на тридцать лѣтъ..

Но пути Бургардтъ припомнилъ, что и самъ онъ тоже опоздалъ лѣтъ этакъ на пятнадцать. Ему начинали иногда приходить въ голову мысли о старости. Да, она близилась, безпощадная, холодная, жалкая въ собственномъ безсиліи... Это особенно чувствовалось, когда миссъ Мортонъ смотрѣла на него такими пытливыми глазами. Она, вообще, держалась неровно и бывали такіе дурные дни, когда точно замерзала. Садеть куда нибудь въ уголокъ, закутается въ шаль и точно ничего не видитъ, что дѣлается кругомъ. По отношенію къ Бургардту эта неровность проявлялась особенно рельефно. То она ласкалась, какъ котенокъ, то смотрѣла на него совсѣмъ чужими глазами, точно удивлялась, что онъ въ одной комнатѣ съ ней.

Бургардтъ бывалъ теперь на Морской каждый день и часто мучился совершенно полѣвыми вещами. Такъ мысль о старухѣ Мортонъ положительно его убивала. А если она не въ Англіи, а гдѣ нибудь въ Петербургѣ, чего могла не знать и сама дочь? Можетъ быть, съ другой стороны, что она потихоньку навѣщаетъ дочь, что тщательно скрывается обѣими извѣсть. Въ самой обстановкѣ комнатъ чувствовалось что-то подозрительное и то неуловимое иѣчто, когда люди живутъ не по средствамъ или добываютъ ихъ какими нибудь нелегальнымъ путемъ. Кстати, о средствахъ онъ какъ-то раньше совсѣмъ не думалъ. Чѣмъ жить, въ самомъ дѣлѣ, эта миссъ Мортонъ? Спросить ее прямо объ этомъ онъ не рѣшался.

— Эта обстановка хозяйки комнатъ,—объяснила однажды дѣвушка, угадывая мысли Бургардта.

Вотъ вамъ и разгадка: зачѣмъ было старухѣ Мортонъ прятаться, когда она могла взять комнату для себя отдѣльно, чтобы не компрометировать своимъ присутствіемъ дочь. Но, вѣдь, за комнату нужно платить, деньги нужны на костюмы и просто на мелочные расходы? Потомъ Бургардтъ замѣтилъ у миссъ

Мортонъ нѣсколько очень дорогихъ бездѣлушекъ, какъ брошь и серьги съ изумрудами, кольца и браслеты, и ему было непріятно, что она прятала ихъ отъ него, какъ ему, впрочемъ, казалось, а въ дѣйствительности могло выходить и случайно. Бургардтъ замѣтилъ, что всѣ эти бездѣлушки совершенно новыя, сдѣланныя по специальнымъ рисункамъ. Однѣмъ словомъ, что-то было, чего онъ не понималъ, какъ не понималъ иногда холоднаго выраженія лица миссъ Мортонъ, какого-то особеннаго способа щурить глаза и особенно улыбаться. Последняя особенность серьезно его огорчала, точно каждая такая улыбка убивала ту миссъ Мортонъ, которую онъ такъ безумно любилъ.

Разъ, встрѣтивъ на улицѣ Васяткина, Бургардтъ остановилъ его

— Ужасно тороплюсь, Егоръ Захаровичъ,— предупредилъ его Васяткинъ.—Представьте себѣ: Ивановъ умеръ... да... Завтра похороны.

— Какой Ивановъ?

— Ахъ, какой вы... Ну, онъ постоянно бывалъ у Кюба и на скачкахъ. Его всѣ ресторанныя татары знаютъ... Онъ, кажется, игралъ на биржѣ. И вдругъ... да... Не желаете ли сигарку? Ахъ, да. послѣдняя новость: вы, конечно, читали статью Саханова? Вотъ это называется взять быка за рога...

— Развѣ она напечатана? Т. е. онъ говорилъ мнѣ, что будетъ печатать осенью какую-то статью о меценатахъ...

— Не утерпѣлъ и напечаталъ, а осенью будетъ другая. И какъ написана!.. За границей одна такая статья сдѣлала бы челобѣку мнѣ. Нѣмцы кричали бы: «пирамида!» колоссаль!.. И замѣтите, какъ остроумно сдѣлано самое заглавіе: «Меценатъ въ искусствѣ», а не «меценаты»

— Въ чемъ же тутъ остроуміе?

— Очень просто: назови онъ «меценаты» — каждый думалъ бы, что это написано про другихъ, а теперь каждый будетъ думать, что это имонно про него. Жаль, что нѣтъ Красавина, а я ему уже приготовилъ одинъ экземплярчикъ... Ха-ха!.. Интересно будетъ посмотреть на его фیزیономію, когда онъ прочтетъ статью. Кстати, тамъ есть нѣкоторые намеки и по вашему адресу. Очень тонкіе намеки, правда, но можно узнать.

Когда они уже прощались, Бургардтъ спросилъ какъ будто между прочимъ:

— Скажите, пожалуйста, Алексѣй Ивановичъ, вѣдь вы знаете все на свѣтѣ... Мнѣ давеча показалось, что я встрѣтилъ старуху Мортонъ.

— Позвольте: старуха Мортонъ... Это мать нѣмущки? Нѣтъ, она въ Англіи... Была, но уѣхала. Впрочемъ, о комъ мы говоримъ? Я могу перепутать... Были двѣ старухи Мор-

тонъ, обѣ англичанки и у каждой по красавицѣ дочери. Видѣ въ этомъ міркѣ псевдонимы переходять изъ рукъ въ руки, какъ имена скаковыхъ лошадей.

Бургардтъ едва отвязался отъ этого болятуна. Онъ замѣтилъ, что въ послѣднее время его начали раздражать старыя друзья. Ну, что такое сами по себѣ ноть этотъ Васяткинъ или Сахановъ, — чѣмъ дальше отъ нихъ, тѣмъ лучше. Сахановъ, хоть умный человѣкъ, а Васяткинъ уже совсѣмъ погодай. Даже если изять Красавина, то и онъ самая подозрительная личность. Къ числу удивительныхъ особенностей послѣдняго принадлежало то, что онъ не сердился на оскорбленія, какъ было въ тотъ пакникъ, когда Бургардтъ спьяна наговорилъ ему какихъ-то дерзостей. Положимъ, что на пьяныхъ людей нельзя сердиться, по тутъ было и пѣчто другое, что понималъ Бургардтъ изъ поведенія новой миссъ Гудъ, именно, развѣ сердятся на людей «служащихъ», которыхъ, когда они не лужны, просто выгоняютъ, а въ обыкновенное время игнорируютъ. Статскъ Саханова какъ-то не выходила изъ головы Бургардта, и онъ часто думалъ о ней. Что же, что правда, то правда... Конечно, Сахановъ пересолнилъ и съ излишнимъ усердіемъ подтасовалъ факты, а всаки, если разобрать, и т. д.

Встрѣча Васяткина произвела на Бургардта самое непріятное впечатлѣніе, а вернувшись домой, онъ засталъ чуть не драку.

Еще въ передней человѣкъ Андрей, принимая пальто, заявилъ съ ироніей:

— Ихъ превосходительство изволили весьма забунтоваться... Рукаютъ г. Сахановъ на чемъ свѣтъ стоить.

Изъ кабинета доносился крикливый голосъ доктора Гаузера. По дорогѣ Бургардтъ видѣлъ, какъ Анита подслушивала изъ гостиной и скрылась въ столовую, когда увидѣла его.

— Въ васъ нѣтъ ничего священнаго... да!... — кричалъ докторъ, размахивая роковымъ листочкомъ со стихами.

— Во-первыхъ, я не церковный сторожъ... — совершенно спокойно отпѣчалъ Сахановъ, сиди на диванѣ. — Во вторыхъ, это не обязательно...

— А... а... а. не обязательно?! — визжалъ старикъ, насканивая на Саханова, какъ пѣтухъ. — А я обязанъ быть старымъ швейцарскимъ сиромъ? Я никогда не былъ старымъ швейцарскимъ сиромъ... Я — старый честный баварецъ, у меня есть свой король, я даже не бывалъ въ Швейцаріи.

— Вы перепутываете, мойнъ герръ... — невозмутимо отпѣчалъ Сахановъ, раскуривая сигару. — Я написалъ: какъ старый швейцарскій сиръ. Это только сравненіе, которое допускается всѣми учителями словесности. Затѣмъ, самъ по себѣ сиръ вещь очонокъ и для желудка полезная я, наконецъ, слогъ доказы-

вают только высокую чувствительность души и великое преимущество над нами всякой женщиной. Вообще, я чувствую себя правым.

— Развѣ хорошо читать чужія письма?

— Это было не чужое письмо, а просто, выражаясь юридически, *res nullius*... Прибавьте къ этому, что я очень уважаю васъ и что примѣчаніе, говоря между нами, дополню остроумно, что очень рѣдко встрѣчается въ наше безцвѣтное время.

— Я знаю, что вы остроумный человѣкъ, но въ васъ все-таки не осталось ничего священнаго! — упрямо повторялъ докторъ и даже топалъ ногами. — Вы — погребшій человѣкъ!

Бургардтъ оставилъ друзей ссориться, сколько имъ угодно, а самъ отправился сдѣлать выговоръ Анитѣ за ея предательство. Это, кажется, былъ еще порвый серьезный выговоръ, который онъ дѣлалъ дочери. Она выслушала его съ удивленными глазами и, повидимому, осталась при своемъ коварствѣ. У нея на лицѣ появилось такое же упрямое выраженіе, какъ у Гаврюши. Бургардтъ только махнулъ рукой и отправился къ себѣ въ кабинетъ, откуда уже слышался смѣхъ Гаузера. Недавніе враги сидѣли на диванѣ рядомъ, и Сахановъ, хлопая хохотавшаго старика по колѣнкѣ, объяснялъ что-то такимъ тономъ, какимъ говорить съ дѣтьми.

— Охъ, я умираю! — стоналъ докторъ. — Это невозможный человѣкъ... Это чудовище!..

— Вы не подумайте, что я сказалъ что-нибудь дѣйствительно остроумное, — предупреждалъ Сахановъ Бургардта тѣмъ же тономъ. — А только получилась очень оригинальная комбинація. Милый докторъ прямо отбиваетъ хлѣбъ у декадентовъ... Влюбиться въ человѣка, который еще не родился, даже не былъ еще въ зародышевомъ состояніи..

— Позвольте, г. Сахановъ, — перебивалъ его докторъ: — вы человѣкъ развратный и не можете понять самой простой вещи... Докторъ Гаузеръ былъ молодъ и бѣденъ и встрѣтилъ дѣвушку молодую, красивую и бѣдную. Да? У доктора Гаузера былъ только умъ, и этотъ умъ сказалъ ему: «не дѣлай красивую, молодую, бѣдную дѣвушку несчастной»... Такъ? Докторъ Гаузеръ остался старымъ холостякомъ и потомъ, черезъ тридцать лѣтъ, опять встрѣчаетъ ее, ту самую бѣдную, молодую, красивую дѣвушку, которую разъ уже любилъ. И сердце (тогда говорилъ больше умъ доктора Гаузера) доктора Гаузера сказало: «Я любилъ тебя, когда ты еще не родилась на свѣтъ»...

— Да, это совершенно новая форма любви, не предусмотренная даже учебниками словесности. Это цѣлое открытіе, и всѣ декаденты ахнули бы отъ неожиданности такой комбинаціи. Да, милый докторъ Гаузеръ... И я даю только съ своей стороны опредѣленіе этому новому чувству: любовь-продіусъ. На скаж-

какъ есть такой призъ, который называется «продіусъ», т. е. записываютъ на призъ еще не родившихся лошадей, но предполагаемыхъ по нѣкоторымъ даннымъ къ рожденію именно въ такомъ-то году. Простите за грубую аналогию, но другой я не могъ подыскать.

— Господи, развѣ можно говорить съ такимъ человѣкомъ?— стоналъ докторъ Гаузеръ.

Бургардъ только пожалъ плечами. Онъ рѣшительно ничего смѣшного не находилъ въ шутовствѣ Саханова и не могъ никакъ понять веселаго настроенія стараго доктора. Объясненіе могло быть одно: старикъ впадалъ въ дѣтство.

Вечеромъ, прощаясь съ отцомъ, Анита тихонько шепнула ему на ухо:

— Милый папочка, я понимаю, что поступила дурно, но не могла удержаться...

— А я забылъ тебѣ сказать еще одно: каждая глупость ведетъ за собой слѣдующую. Не слѣдовало передавать письмо доктору, а затѣмъ еще больше не слѣдовало подслушивать, какъ они будутъ ссориться. Наконецъ, ты ставишь въ глупое положеніе людей, которые имѣютъ право на извѣстное уваженіе...

— И Сахановъ?—спросила Анита, дѣлая удивленное лицо.

— Да, и Сахановъ...

Это объясненіе только прибавило горечи. Бургардъ еще раньше замѣтилъ у Аниты скептическое отношеніе къ артистамъ, художникамъ и вообще къ его друзьямъ, въ которыхъ она видѣла только однихъ слабые стороны. Въ ней начинало сказываться чисто русское неуваженіе къ именамъ, больше--желаніе ихъ упизать, развѣнчать и, вообще, уничтожить, какъ ребенка уничтожаютъ свои игрушки.

XXIV.

Миссъ Мортонъ иногда куда-то уѣзжала, и это волновало Бургарда. Ей одной было трудно ѣздить, значитъ, она ѣдила съ кѣмъ нибудь. Нѣсколько разъ Бургардъ оставлялъ въ ея квартирѣ свою визитную карточку, и она каждый разъ объясняла ему одно и то же:

— Я была въ Озеркахъ, у Марины Игнатьевны... Мнѣ скучно сидѣть одной по цѣлымъ днямъ.

Съ этимъ объясненіемъ нельзя было не согласиться. Бачульская продолжала, очевидно, сердиться на него, не пріѣзжала сама и не приглашала къ себѣ. Бѣдная ревновала его... Но, съ другой стороны, онъ совершенно не могъ понять, какъ она могла ухаживать за миссъ Мортонъ, которую считала своей соперницей. Это уже выходило совсѣмъ не по-женски. Есть вещи,

которыхъ самыя идеальныя женщины не прощаютъ. А миссъ Мортонъ рассказывала, какъ Марина Игнатьевна ее любитъ и скучаетъ, если она нѣсколько дней не бываетъ у ней.

— А вы ее любите?—спросилъ какъ-то Бургардтъ.

Миссъ Мортонъ посмотрѣла на него и только улыбнулась. Бургардтъ почему-то днемъ говорилъ ей всегда «вы» и только вечеромъ переходилъ на «ты». Не это забавляло, а для него оставалось загадкой, чему она иногда улыбается.

Разъ онъ захотѣлъ ее провѣрить и по горячему слѣду отправился въ Озерки. Миссъ Мортонъ оказалась у Бачульской. Но онъ не пошелъ къ нимъ, чтобы не выдавать своей неудавшейся ревности. Кто пойметъ двухъ женщинъ, которыя любятъ одного и того же мужчину?

Для черезъ три Бургардтъ встрѣтилъ Бачульскую въ Петербургѣ. Она поздоровалась съ нимъ довольно сухо и проговорила:

— Егорушка, вы держите себя, какъ гимназистъ шестого класса... Пріѣзжаете incognito въ Озерки, чтобы узнать, у меня ли миссъ Мортонъ. Представьте себѣ мое положеніе, когда моя прислуга докладываетъ мнѣ, что видѣла васъ, какъ вы разспрашивали дворника.

— Да, это было,—признался Бургардтъ.—Думаю, что не нужно ставить надъ і точку? А вотъ. почему вы не хотите бывать у меня...

— Я? О, сто и одна причина, какъ отвѣчалъ какой-то комендантъ, когда сдалъ свою крѣпость непріятелю и сказалъ, что первая причина была та, что у него не было пороха. Его просили не продолжать перечисленіе послѣдовавшихъ отсюда дальнѣйшихъ причинъ.

— Comparaison n'est pas raison..

— Вы хотите знать? Извольте... Ваша Анита меня пенавидитъ, и мнѣ это больно чувствовать. У васъ есть новая миссъ Гудъ, которая ненавидитъ меня заочно. Накопецъ, я не хочу бывать въ домѣ, гдѣ все наполнено другой женщиной. Да, я ревнива, я — Медея... Скажу больше: васъ удивляетъ, почему я ухаживаю за миссъ Мортонъ?... Ахъ, въ этомъ есть непонятное вамъ жгучее удовольствіе!! Наслаждаться собственными муками, отравлять себя каждую минуту... Когда пытали Равальяка, вливая горячее масло въ его раны, онъ кричалъ: «Сильнѣе! Сильнѣе»... Однимъ словомъ, вы этого не поймете, мой дорогой другъ...

— Марина Игнатьевна, что вы говорите? Опомнитесь...

— Какой трогательный совѣтъ... Вѣдь женщина должна быть только красивой и пикантной, а горе ее старить и дѣлаетъ безобразной... Вы правы, мой другъ. Сумасшествіе никогда не можетъ быть красивымъ... Меня можетъ выѣздить только ваша женитьба. Видите, какъ я говорю откровенно и

прямо... Бѣдняжка васъ такъ трогательно любитъ. Она мнѣ рассказываетъ все и часто плачетъ...

— О чемъ?

— Отъ счастья... Она любитъ, а любовь—это судъ Божій. Да... Наконецъ, Егорюшка, вы должны ее пощадить и не компрометировать своими ухаживаньями. Для дѣвушекъ существуетъ специальное уложеніе о наказаніяхъ...

— Вы серьезно совѣтуете мнѣ жениться, Марина Игнатьевна?

— О, да... Я этого даже требую. Вы сдѣлаетесь совсѣмъ другимъ человѣкомъ... Въ послѣднее время вы работали вяло, а присутствіе любимой женщины воодушевитъ васъ, вдохнетъ новыя силы. Вѣдь соловей поетъ только для своей жены, для нея-же навѣишь распускаетъ свой хвостъ...

— ... и для нея же олень поситъ свои великолѣпные рога?

Простившись, Бачульская вернулась и, взявъ Бургардта за руку, надела ему на мизинецъ маленькое колечко въ формѣ змѣйки съ рубиновыми глазками и брилліантомъ въ раскрытой пасти.

— Даръ Медем...—прошептала она, улыбаясь.

Бургардту сдѣлалось ей жаль, и онъ долго провожалъ глазами извозчичью пролетку, гремѣвшую по мостовой. Да, у женщинъ есть страшный недостатокъ—всѣ онѣ напоминаютъ одна другую, какъ монеты одного чекана. Даже горе не дѣлаетъ ихъ разнообразнѣе. Марина Игнатьевна только повторила то, что ему говорили другія женщины. Да, онѣ тоже кончали великодушіемъ, когда ничего другого не оставалось. Бѣдная Марина Игнатьевна...

Мысль о женитьбѣ приходила Бургардту нѣсколько разъ и безъ совѣта Бачульской. Но для ея реализаціи у него просто не хватало силъ. Доходило до того, что онъ представлялъ себѣ обиженное лицо человѣка Андрея, который, конечно, не одобритъ женитьбы на вѣдушкѣ. А тамъ Анита, миссъ Гудъ, Гаврюша, добрые знакомые...

«Вотъ иѣтъ Шипидина,—подумалъ Бургардтъ, привыкшій въ трудныя минуты своей жизни хотя заочно обращаться къ незамѣтному старому другу. — Онъ бы рассудилъ и рѣшилъ все сразу»...

Дома Бургардта какъ-то все начало теперь раздражать, и онъ дѣлался придирчивымъ, что было уже совсѣмъ не въ его характеръ. Вообще, онъ жилъ сейчасъ раздвоенной жизнью, и дома у себя ему казалось пусто. Какой нибудь выходъ изъ такого ненормальнаго положенія долженъ былъ быть, и нормальный здоровый человѣкъ давно бы его отыскалъ. Самимъ собой Бургардтъ чувствовалъ себя только на Морской, и съ однимъ изъ гизантовъ изъ миссъ Мортонъ у него явилась счастливая мысль,

именно, отчего бы не съездить куда нибудь вдвоемъ, страхнуть съ себя эти сѣрые будни. Побывать вдвоемъ нѣсколько дней, въ всякихъ условіяхъ, въ раздражающихъ мелочахъ, въ той паутины, которой опутана жизнь каждаго... Да, это была счастливая мысль.

— Если бы мы съездили на Иматру?—предложилъ Бургардтъ, когда миссъ Мортонъ приняла скучающій видъ.

Она какъ-то вздрогнула и посмотрѣла на него удивленными большими глазами, а потомъ улыбнулась своей загадочной улыбкой.

— Дня на два, на три...—продолжалъ свою мысль Бургардтъ.—Будемъ совершенно одни... Да, хорошо?

Она какъ-то боязливо прижалась къ нему и долго держала его руку въ своихъ рукахъ. Потомъ въ записной книжкѣ появились отвѣты:

— Какъ хочешь...

На нее находили минуты такой милой покорности, когда она точно боялась кого-то разбудить.

— Главное, никого-никого знакомыхъ, — объяснилъ Бургардтъ.—Совершенно одни... Горы, лѣсъ, чудныя озера... Ахъ, какъ мы будемъ счастливы, когда будемъ чувствовать себя совершенно свободными, и весь міръ на время исчезнетъ для насъ. Вѣдь это называется счастьемъ...

Записная книжка отвѣтила той же фразой:

— Какъ хочешь, милый...

Какъ всѣ безхарактерные люди, Бургардтъ, не откладывая дѣла въ долгій ящикъ, рѣшилъ, что они выѣдутъ завтра же.

— Какъ хочешь, милый...

— Да, я этого именно хочу! Каждый человѣкъ имѣетъ право быть самимъ собой хоть два-три дня...

Мысль объ этой поѣздкѣ точно опьянила Бургардта, хотя дома онъ и не сказалъ прямо, куда ѣдетъ и насколько времени. Явилась та маленькая домашняя ложь, которая окутываетъ нашу жизнь и гнѣздится въ каждой комнатѣ, какъ паутина по угламъ. Анита съѣдала видъ, что ей все равно — это тоже была маленькая домашняя ложь. Дѣвочка выдержала характеръ и не стала спрашивать, куда онъ ѣдетъ. Она знала только одно, что онъ ѣдетъ не одинъ.

Бургардтъ ужасно торопился, точно человѣкъ, который въ первый разъ рѣшается ѣхать по желѣзной дорогѣ и боится опоздать, потерять багажъ и пропустить какой-то роковой срокъ. Когда онъ заѣхалъ на слѣдующій день за миссъ Мортонъ, она встрѣтила его съ равнодушной усталой улыбкой.

— Вы, кажется, не рады этой поѣздкѣ?—участливо спрашивалъ ее Бургардтъ.

— Нѣтъ, рада...—совершенно равнодушно объяснила она.

Бургардтъ боялся какой-нибудь неожиданной встрѣчи съ кѣмънибудь изъ своихъ многочисленныхъ знакомыхъ, пока поѣздъ идетъ до Выборга, и рѣшилъ впередъ, что упорно будетъ сидѣть въ вагонѣ. Но на финляндскомъ вокзалѣ уже встрѣтился знакомый докторъ, ни имени, ни фамилии котораго онъ не зналъ.

— На дачу?—спрашивалъ докторъ, походившій на купца съ Сынвой, и, не дожидаясь отвѣта, прибавилъ съ улыбкой:—А я тоже на дачу и нагруженъ, какъ верблюду...

Онъ глазами показалъ на картонки и свертки, которые держалъ въ обѣихъ рукахъ.

— До свиданія,—прощался онъ.—Какъ видите, я добросовѣстно исполняю роль дачнаго мужа...

Это еще было милостиво. Докторъ былъ мало знакомъ и встрѣча не могла имѣть угрожающаго характера. Другое дѣло если встрѣтитъ Саханова, Бахтерева или Бачульскую. Само, опасное было доѣхать до границы Финляндіи, а тамъ уже дачными мѣста дѣлаются рѣже, и публика больше финская. Бургардтъ замѣтилъ, что и миссъ Мортонъ волновалась и тревожно поглядывала на желѣзнодорожную публику. Впрочемъ, она успокоилась, когда поѣздъ миновалъ Озерки. Бургардтъ смотрѣлъ въ окно вагона и вспоминалъ почему-то покойную миссъ Гудъ, которая всегда любила Финляндію. Сколько разъ они ѣздили вмѣстѣ вотъ по этой самой дорогѣ, а теперь старушка лежитъ на своемъ кладбищѣ. Миссъ Мортонъ точно понимала мысли Бургардта и, когда при выѣздѣ изъ Пестербурга направо мелькнула колокольня католическаго кладбища, показала ему на нее и сдѣлала грустное лицо. Когда поѣздъ проходилъ мимо Озерковъ, Бургардтъ молча показалъ на баскувшее въ зелени озеро. Смерть и жизнь шли рука объ руку...

До самого Выборга не случилось ничего особеннаго. Толстакъ докторъ высказывалъ на каждой станціи, гдѣ былъ буфетъ, и торопливо что-нибудь ѣлъ.

— Люблю чухонцевъ,—объяснялъ онъ Бургардту, когда тотъ вышелъ въ буфетъ купить бутылку лимонада.—Какъ ѣдятъ, какъ ѣдятъ—куда нашей прославленной Москвѣ! Нужно умѣть ѣсть, а здѣсь именно умѣютъ ѣсть.

Докторъ точно преслѣдовалъ, и Бургардтъ напрасно ждалъ, когда онъ, наконецъ, исчезнетъ. Разсчесть, что онъ выйдетъ на какой-нибудь промежуточной станціи до Выборга—не оправдался. Въ Выборгѣ миссъ Мортонъ захотѣла прогуляться, чтобы подышать воздухомъ—докторъ оказался опять въ буфетѣ и опять что-то ѣлъ.

— «Это, наконецъ, свинство»,—подумалъ Бургардтъ.

Бургардтъ окончательно разсердился, когда, выѣжая изъ

Выборга на Иматру, онъ увидѣлъ торчавшую изъ окна вагона докторскую голову. Получалось что-то вродѣ преслѣдованія, и Бургардтъ возненавидѣлъ на въ чемъ неповиннаго представителя медицины.

— «А, чортъ, вѣроятно, онъ тоже тащится на Иматру, а говорилъ, что ѣдетъ на дачу»,—думалъ Бургардтъ.

Миссъ Мортонъ была все время какая-то вялая, и Бургардтъ замѣтилъ, что она нюхаетъ воздухъ.

— Меня преслѣдуетъ запахъ моихъ любимыхъ духовъ Grave-Apple,—объяснила она въ своей книжкѣ.—Я чувствую, какъ у меня начинается кружиться голова...

Конечно, это было отъ неподвижнаго сидѣнья въ вагонѣ.

XXV.

На Иматру поѣздъ приходитъ около шести часовъ. День былъ великолѣпный. Съ вокзала они отправились пѣшкомъ. Бургардтъ сразу почувствовалъ себя такъ легко и хорошо, точно снялъ съ себя какую-то тяжесть. Онъ любилъ эту бѣдненькую финляндскую природу съ ея выцвѣтшими блеклыми красками и какимъ-то особеннымъ сѣрымъ тономъ, лежавшимъ на всемъ. Вѣдь есть красота и въ этихъ жиденькихъ лѣсахъ съ бахромой готическихкихъ стрѣлокъ, и въ свѣтлыхъ озерахъ, и бурныхъ потокахъ, и торчавшихъ изъ земли валунахъ, точно позабытыхъ здѣсь какимъ-то гигантомъ-строителемъ, не успѣвшимъ докончить свою циклоническую постройку. Въ самомъ воздухѣ чувствовалась та особенная бодрящая свѣжесть, какую даетъ только сѣверное скупое лѣто. Близость любимаго человека точно освѣщало всю картину.

— Вамъ хорошо, миссъ Мортонъ?

— О, очень...

Она крѣпко опиралась на его руку и улыбалась.

Отъ станціи до главнаго отеля, стоявшаго надъ самымъ водопадомъ, было съ версту. Они остановились на легкомъ желѣзномъ мосту, который такъ смѣло былъ перекинутъ черезъ водопадъ. Внизу вода неслась бурнымъ потокомъ, сливаясь пѣнящимся клубомъ и бросая направо и налево шипящія волны, которые съ какимъ-то бѣшенствомъ лѣзли на прибрежныя скалы. Дальше все сливалось въ одну пѣнящуюся массу, kloctавшую въ безумномъ порывѣ вырваться на волю. Собственно это былъ не водопадъ, а рядъ крутыхъ пороговъ.

Миссъ Мортонъ не могла оторвать глазъ отъ кружившейся внизу бездны и чувствовала, какъ у нея начинается кружиться голова. Она крѣпко держалась за руку Бургардта, точно боялась броситься съ моста въ воду.

— Хорошо?—спрашивалъ опъ.

— Очеь... Я совершенно счастлива.

Бургардтъ еще изъ Петербурга послать телеграмму въ отель на Иматрѣ, чтобы имъ оставили два номера. Прислуга ихъ встрѣтила на подъѣздѣ громаднаго деревяннаго зданія, напомнившего барскую дачу. Когда миссъ Мортонъ вошла въ свой номеръ, то поморщилась и объяснила, что здѣсь тоже пахнутъ духами Grab-Apple, какъ давеча на желѣзной дорогѣ.

— Займите мой номеръ,—предлагалъ Бургардтъ, не чувствовавшій запаха модныхъ духовъ.

Въ его номерѣ, выходившемъ окнами прямо на водопадъ, миссъ Мортонъ нашла тотъ же преслѣдовавшій ее запахъ, хотя и въ меньшей степени.

До обѣда они долго гуляли по обѣимъ берегамъ водопада, любуясь бурной работой воды. У Бургардта явилась мысль о тщетѣ искусства изобразить хотя приблизительно всю подавляющую грандіозность разбуневавшей стихіи. Музыка и скульптура оставались безсильны, а живопись оставалась плоской ложью, какъ опредѣлилъ ее Гейне. Можетъ быть, искусство будущаго найдетъ новыя средства для осуществленія этой задачи. Книжка миссъ Мортонъ была вся исписана на эту тему, съ добавленіемъ, что и маленькое человѣческое счастье тоже недоступно искусству, хотя въ жизни каждаго человѣка случаются свои страшные водовороты и бурные моменты, выходятъ свое ясное солнце и наступаютъ благодатные теплые дни.

Кое-гдѣ по берегу бродили скучающіе туристы, въ лѣсу мелькали дамскіе зонтики, но настоящаго оживленія не чувствовалось. Русская публика не умѣетъ веселиться. Бургардтъ чувствовалъ себя безсовѣстно счастливымъ и старался избѣгать всякихъ встрѣчъ. Миссъ Мортонъ раскраснѣлась отъ ходьбы и свѣжаго воздуха. Въ книжкѣ появилась фраза: «Я тебя люблю... очень...»

Они вернулись въ отель только къ восьми часамъ вечера, когда обѣдъ уже кончался. Имъ согласились подать только изъ особой любезности, какъ своимъ квартирантамъ. Бургардтъ петербургскимъ глазомъ сразу завѣсилъ всѣ достоинства отеля, у котораго не было и тѣни чего-нибудь кабацкаго, какъ даже въ лучшихъ петербургскихъ ресторанахъ. Все было солидно и носило почти семейный характеръ. Въ общей залѣ на столахъ лежали иллюстрированныя изданія и разные альбомы, вездѣ цвѣты, а среди нихъ стояли гипсовые бюсты знаменитыхъ финляндскихъ людей. Постѣднее носило самый трогательный характеръ. Маленькая страна съ такой материнской заботливостью относилась къ своимъ именамъ. Бургардтъ пожалѣлъ, что не могъ показать этого своей Анитѣ. Была и бібліотека, гдѣ всѣ стѣны были украшены портретами, среди которыхъ

находились и русскіе. Это являлось маленькой любезностью по отношенію къ метрополиі. Вообще, все было хорошо, кончая выдержанной приличной прислужкой, которая не проявляла татарской угодливости и ресторанным халуйства.

Они заняли мѣсто на террасѣ и первое, что замѣтилъ Бургардтъ, былъ опять толстякъ докторъ, который что-то ѣлъ, уткнувшись лицомъ въ тарелку.

«Ну, пусть его ѣсть, — подумалъ Бургардтъ, на всякій случай садясь къ доктору спиной.

По финляндскому обычаю предъ обѣдомъ была подана оная закуска, и миссъ Мортонъ съ большимъ аппетитомъ принялась уничтожать какіе-то шведскіе консервы. Бургардтъ немножко былъ шокированъ этимъ, — для него ѣда, вообще, не существовала, а сейчасъ въ особенности. Онъ сидѣлъ и думалъ о томъ, въ какой формѣ ему сдѣлать предложеніе. Лучшій моментъ былъ, какъ ему казалось, пропущенъ. именно, когда они сидѣли въ деревянной бесѣдкѣ у самого водопада. Прозамеческая обстановка обѣда точно нарушала важность наступившаго момента, а тутъ еще аппетитъ миссъ Мортонъ. «Эти англичане всѣ помѣшаны на питаніи» — думалъ Бургардтъ, точно стараясь оправдать аппетитъ миссъ Мортонъ.

Послѣ закуски она съ такимъ же аппетитомъ принялась за обѣдъ и съ улыбкой показала на стоявшую въ меню жареную форель. Вѣдь такой форели нигдѣ не достать — прямо изъ водопада, живая. Когда миссъ Мортонъ ѣла, Бургардтъ припоминались слова доктора Гаузера, — у нея въ лицѣ, дѣйствительно, получалось «преобладаніе животныхъ инстинктовъ». Впрочемъ, всѣ люди, когда ѣдятъ, не отличаются особенной красотой. Терраса была пуста и только подъ конецъ пріѣхали три дѣвушки велосипедистки съ финляндскими ножами на поясахъ. Онѣ заняли отдѣльный столикъ и, видимо, были счастливы собственной свободой. Да, онѣ пріѣхали въ ресторанъ одѣтъ, что-то заказали и даже спросили полбутылки какого-то вина. Бургардтъ новольно попробовался возбужденными молодыми лицами, точно освѣщенными безпричиннымъ счастьемъ первой нетронутой молодости. Дѣвушки посматривали на миссъ Мортонъ и о чемъ-то шептались, очевидно передавая взаимныя впечатлѣнія. Сейчасъ, по сравненію, Бургардтъ въ особенности оцѣнилъ вызывающую красоту своей дамы, остававшившую на себѣ общее вниманіе.

Подана была жареная форель. Миссъ Мортонъ сдѣлала видъ, что аплодируетъ этому чуду финской кухни. Но она взяла всего одинъ кусокъ и положила его обратно на тарелку. Форель была прожита Grab-Apple...

— Это не можетъ быть! — вступился Бургардтъ. — Это вамъ просто кажется... Какая-то галлюцинація...

Но лицо миссъ Мортонъ поблѣднѣло, она быстро поднялась изъ-за стола и, закрывая ротъ платкомъ, быстро пошла въ общій залъ. Бургардтъ побѣждалъ за ней, чтобы проводить до ея номера и едва поспѣвалъ. Въ номерѣ съ ней сдѣлалось дурно, но она объяснила, что это пройдетъ, и что она встаетъ будетъ ѣсть чудную форель.

— Вы уходите, а я сейчасъ приду,—объяснила она.— Скажите, чтобы не убирали форель...

Онъ вернулся и тщательно изслѣдовалъ свою порцію форели, причемъ оказалось, что, конечно, никакого признака запаха духовъ не было, а форель пахла форелью. Бургардтъ только покачалъ головой, удивляясь дамскимъ нервамъ.

— Ну, *domine*, какъ здѣсь кормить...—раздался за его спиной голосъ неотступнаго доктора.—Какъ это у чухонцевъ называются ихъ закуски на вокзалахъ? Ышь-ышь-ышь, а потомъ сорокъ копѣекъ заплатишь, да еще водку можешь даромъ пить. Это, батенька, такая роскошь... Я парочно останавливаюсь на Иматрѣ, чтобы пообѣдать. Грѣшный человѣкъ, но утерпѣлъ и послѣ обѣда спросилъ еще себѣ порцію жареной форели... Видѣ такой форели вы нигдѣ въ свѣтѣ не получите. *Unicum*...

— Послушайте, докторъ, при вашей комплекціи...

— Э, все равно. Доктора умираютъ точно такъ же, какъ и обыкновенные люди...

Докторъ хотѣлъ что-то еще прибавить на эту тему, но увидѣлъ выходящую изъ залы миссъ Мортонъ и отошелъ къ своему столу, соображая, что бы ему еще такое съѣсть.

У миссъ Мортонъ явилось недовольное выраженіе лица, когда она пашла свою порцію форели остывшей. Бургардтъ, чтобы поправить свою оплошность, заказалъ новую порцію. Когда ее принесли, миссъ Мортонъ, не обнюхивая, взяла кусокъ въ ротъ и опять поблѣднѣла.

— Духи... опять духи...—объяснила она, вскакивая.

Когда она ушла въ свой номеръ, Бургардтъ рѣшился обратиться за совѣтомъ къ доктору, который опять что-то ѣлъ.

— А я сейчасъ ее посмотрю, вашу даму,—спокойно заявилъ докторъ, вытирая жирное лицо салфеткой.

Бургардтъ объяснилъ, что она пѣмая и что съ ней можно объясняться только знаками. Докторъ махнулъ рукой и пошелъ на верхъ. Бургардтъ остался на террасѣ. Нѣсколько минутъ, которыя провелъ докторъ на верху, показались ему слишкомъ долгими. Онъ прислушивался къ шуму водопада и старался сосчитать ритмическій ропотъ бушевавшей въ слѣпой ярости воды.

Докторъ вернулся улыбающійся и, пожимая плечами, проговорилъ:

— Самая обыкновенная вещь...

— Именно?

— Видите ли, я не знаю вашихъ отношеній къ этой дамѣ...

— Она—дѣвушка.

— Да, но и съ дѣвушками иногда случается... Однимъ словомъ, самая обыкновенная вещь.

Докторъ продолжалъ улыбаться. Бургардъ смотрѣлъ на него остановившимися глазами и боялся понять ужасную истину. Ему казалось, что водопадъ шумитъ у него въ головѣ... Потомъ онъ проговорилъ задыхавшимся голосомъ:

— Вы хотите сказать, что она въ такомъ положеніи?

— Внѣ всякаго сомнѣнія, domine...

А водопадъ шумѣлъ, шумѣлъ...

(Продолженіе слѣдуетъ)

Д. Маминъ-Сибирякъ.

Въ ожиданіи утра.

Разъ какой-то гусляръ, запоздавъ на пути,

Повстрѣчался случайно съ волками.

Не дають ему сѣрье дальше идти,

Подступаютъ, сверкая глазами.

Взялъ гусляръ свои гусли и началъ играть.

Звонко грянули струны въ тревогѣ,—

Отшатнулась волковъ оробѣлая рать,

Но не хочетъ убраться съ дороги.

А ненастная ночь и бурна, и темна,

Воетъ вѣтеръ, дождь хлещетъ, какъ плетью...

Вотъ со стономъ порвалась на гусляхъ струна,

Вслѣдъ за нею другая и третья.

Не робѣетъ гусляръ,—хоть въ струнахъ недочетъ,

Много въ сердцѣ и муки, и жара,

И звенять гусли-мысли всю ночь напролетъ,

И не трогаютъ волки гусляра.

Наконецъ, утро гонитъ тьму ночи долой,

И восходить заря золотая,
И трубить вдалекѣ чей-то рогъ удалой,
И волковъ разбѣгается стая.
Я не дыромъ любилъ этотъ старый разсказъ,
Въ дѣтствѣ плакалъ надъ нимъ я не даромъ.
По вроніи рока теперь я какъ разъ
Сталъ такимъ-же бѣднягой гусляромъ.
Какъ и онъ, я стою позабытъ, одинокъ
На тернистой житейской дорогѣ,
Такъ-же мракъ вокругъ меня непроглядно глубокъ,
И полна моя пѣсня тревоги.
Много струнъ оборвалось въ сердцѣ моемъ,
Утомленномъ ненастьемъ и тьмою,
Много глазъ, ярко блещущихъ злобнымъ огнемъ,
Угрожаютъ мнѣ гибелью злою.
Но пока хоть одна въ буйномъ сердцѣ струна
Не успѣла отъ муки порваться,
Будетъ пѣсня моя и звонка, и вольна
Вражьей стаѣ на страхъ раздаваться.
О, когда-бы дожидаться разсвѣта я могъ,
Встрѣтить пѣсней зарю золотую
И слышать победы ликующій рогъ,
Разгоняющій стаю лихую!

Н. Вѣдковъ.

Къ пересмотру законодательства о крестьянахъ.

(Объ условіяхъ выхода крестьянъ изъ сельскихъ обществъ).

Въ нашемъ законодательствѣ давно уже оставлено стремленіе разграничить разные роды дѣятельности между различными сословіями. Раньше, особенно въ XVIII вѣкѣ, при Екатеринѣ II, такое разграниченіе строго проводилось. Тогда дворяне и крестьяне не могли заниматься торговлею, владѣть лавками, амбарами и пр., такъ какъ эти права составляли привилегію купеческаго сословія. Въ свою очередь, купцы не имѣли въ то время права владѣть землею въ усадьбѣ, т. е., не могли заниматься земледѣліемъ и т. п. Теперь эта сословная точка зрѣнія считается несоотвѣтствующей интересамъ государства—и за всѣми гражданами признается свобода выбора занятій.

Однако, если по отношенію къ дворянскому и городскому сословіямъ велѣнія закона имѣютъ полную возможность осуществляться на дѣлѣ, то не въ такомъ видѣ представляется эта свобода въ выборѣ занятій по отношенію къ сельскому сословію. Здѣсь такая свобода въ значительной степени тормозится той зависимостью отъ общества, въ которой находится каждый принадлежащій къ нему членъ.

Свобода выбора занятій предполагаетъ право оставить прежнее занятіе, право перемѣнить мѣсто жительства, право самостоятельно распоряжаться всѣмъ своимъ заработкомъ. Всѣ эти права для лицъ, принадлежащихъ къ сельскому обществу, значительно стѣснены. Правда, по правиламъ Положенія о видахъ на жительства, крестьянинъ, заручившись паспортомъ, можетъ оставить деревню и земледѣліе; можетъ переѣхать въ городъ или, вообще, избрать мѣсто жительства по своему усмотрѣнію. Но получение паспорта—это не такое легкое дѣло, особенно для не отдѣленныхъ членовъ крестьянскихъ семействъ. Такимъ лицамъ, при полученіи паспорта, приходится считаться не только съ произволомъ хозяина двора, согласіе котораго, по ст. 19 Положенія, необходимо,—но и съ возможнымъ „veto“ со стороны сельского схода—въ случаяхъ, когда за ними числятся недоимки по тѣмъ

изъ сборовъ, ноступленіе которыхъ обезпечивается круговой порукой (ст. 44). И если, предвидя возможность неосновательнаго отказа въ выдачѣ паспорта со стороны родителей, законъ допускаетъ выдачу паспортовъ и помимо ихъ воли—по распоряженію земскаго начальника (правда, не подлежащему обжалованію),—то произволу общества онъ не ставитъ никакихъ преградъ; хотя намъ кажется, что въ случаяхъ, которые имѣетъ въ виду ст. 44 Положенія, въ интересахъ и общества и заботящихся о полученіи паспорта его членовъ—можно было бы обязать общество выдавать паспорта, перенося долги, лежащіе на получателяхъ паспорта, по мѣсту новаго ихъ жительства, подъ угрозой, въ случаѣ неуплаты этихъ долговъ въ опредѣленный срокъ, отбирать у нихъ паспорта и возвращать такихъ неисправныхъ должниковъ въ деревню. Такимъ образомъ, очевидно, что Положеніе о видахъ на жительства не устраняетъ для крестьянъ нѣкоторыхъ затрудненій въ выборѣ занятій. Но этого мало. Даже въ томъ случаѣ, когда крестьянинъ получилъ паспортъ, его право на избраніе мѣстожительства и рода занятій ограничивается тою властью, которою надѣляетъ законъ хозяина двора, предоставляя послѣднему требовать отлучившагося обратно въ деревню. Не меньшія права имѣетъ надъ такимъ крестьяниномъ и сельское общество, которое, избравъ отлучившагося на одну изъ должностей, означенныхъ въ ст. 112 Общ. Полож., можетъ заставить его возвратиться на родину *).

Что касается права отлучившагося распоряжаться своимъ заработкомъ въ мѣстѣ избранной имъ дѣятельности, то оно стѣснено не только его обязанностью присылать часть заработка главѣ семьи, чтобы не навлечь на себя его гнѣва, могущаго привести къ требованію объ отобраніи отъ отлучившагося паспорта и о возвращеніи его въ село,—но и необходимостью нести всѣ лежащія на немъ, какъ членѣ общества, платежи и повинности.

Довольно рельефной иллюстраціей той зависимости, въ которой находятся крестьяне, живущіе по паспорту, внѣ общины, служатъ слѣдующій примѣръ.

Въ Одессѣ проживалъ по паспорту крестьянинъ **); жилъ онъ въ городѣ долго, обзавелся семьей, устроилъ сапожную мастерскую; дѣла его шли прекрасно. Связи его съ деревней ограничивались только періодическими присылками денегъ отцу на уплату различныхъ налоговъ; и о возвращеніи въ деревню онъ, конечно, не думалъ; да и возвращаться туда ему было незачѣмъ, ибо онъ совершенно отвыкъ отъ деревенской работы. И вдругъ, ссылаясь на свою старость, отецъ требуетъ его возврата въ до-

*) Полож. о вид. на жит. ст. 55.

**) Изъ доклада А. П. Никольскаго: О личномъ началѣ въ строѣ крестьянскаго быта.

ревню, чтобы заниматься земледѣліемъ и быть поддержкой семьи. Сынъ, конечно, отказывается ѣхать, ссылаясь на то, что отъ сельской работы онъ уже отвыкъ и что, имѣя прочный источникъ существованія въ городѣ, онъ можетъ оказать гораздо болѣе серьезную поддержку отцу, не бросая своего городского занятія. Но отецъ требуетъ, требуетъ черезъ полицію и послѣдняя, руководствуясь опредѣленными статьями закона *), понуждаетъ сына покинуть Одессу, бросить дѣло и отправиться въ деревню. Судите сами, какъ себя чувствовалъ этотъ бѣдняга, разоренный, оторванный отъ любимого дѣла и принуждаемый разстаться съ прежнею жизнью, которая была ему по сердцу, и начинать новую жизнь, которую ему насильно навязали.

А вотъ еще примѣръ **). Крестьянинъ Т. проживающій по паспорту въ С.-Петербургѣ и также пьющій въ столицѣ какое то дѣло, дающее ему средства къ жизни, приѣзжаетъ на побывку въ свою деревню. Здѣсь, присутствуя на сходѣ, гдѣ старшина, ссылаясь на словесное приказаніе земскаго начальника, пытался предпринять незаконный захватъ части принадлежащей Т. земли, послѣдній заявляетъ старшинѣ, чтобы онъ показалъ бумагу, въ которой выражена воля земскаго начальника, а не дѣйствовалъ бы въ такомъ серьезномъ дѣлѣ на основаніи словесныхъ приказаній. Сторону Т. принимаютъ другіе крестьяне, и въ заключеніе старшина составляетъ протоколъ о сопротивленіи властямъ со стороны Т.; а потомъ, на основаніи ст. 86 Общ. Пол., приговариваетъ Т. къ двухдневному аресту. Но въ то время, когда состоялся этотъ приговоръ, Т. въ деревнѣ уже не было; онъ уѣхалъ въ С.-Петербургъ. Старшина задумалъ привести въ исполненіе приговоръ черезъ столичную полицію, и послѣдняя, въ одинъ прекрасный день, сообщила Т., что ему придется отправиться въ деревню, за нѣсколько сотъ верстъ, чтобы отбыть наказаніе, наложенное на него старшиной. Можете себѣ представить положеніе Т., котораго принуждали бросить свое дѣло, дающее ему кусокъ хлѣба, чтобы ѣхать въ деревню и отсидѣть два дня подъ арестомъ. Наглядная несообразность такой поѣздки заставила задуматься и столичную полицію, которая до поры до времени оставила Т. въ покоѣ, а бѣдняга, съ своей стороны, принялъ мѣры, чтобы избѣжать печальной необходимости ѣхать въ деревню. Но, почему знать—говоритъ г. Дружининъ, быть можетъ, ему и придется вскорѣ поѣхать туда для отбытія наказанія, ибо законъ нигдѣ не освобождаетъ его отъ этой непріятной обязанности.

*) Полож. о вид. на жит. ст. 55.

**) Изъ доклада Г. Дружинина. О юридической безпомощности крестьянскаго населенія. Примѣры эти приведены нами въ томъ видѣ, въ какомъ они остались въ нашей памяти послѣ выслушанія докладовъ. Поэтому за точность передачи деталей мы не ручаемся.

Такимъ образомъ, для крестьянина, оставляющаго деревню и прилагающаго свой трудъ не къ землѣ, а къ какой либо другой отрасли дѣятельности, если только онъ хочетъ спокойно работать, не боясь, что всѣ его хозяйственные соображенія, въ одинъ прекрасный день, будутъ разбиты требованіемъ родителей или общества возвратиться въ деревню; для крестьянина, рѣшившаго прочно и надолго устроиться у избраннаго имъ новаго источника существованія, побуждаетъ ли его къ этому малоземелье или естественное желаніе улучшить свое экономическое положеніе,—если онъ желаетъ освободиться отъ постоянныхъ платежей на нужды своей общины, благами принадлежности къ которой онъ совершенно не пользуется—единственнымъ средствомъ является выходъ, увольненіе изъ общества.

Нашимъ законодательствомъ такой выходъ изъ общества не возбраняется; но условія, при которыхъ разрѣшается увольненіе изъ общества, настолько стѣснительны, что на практикѣ такое увольненіе представляется въ настоящее время дѣломъ нелегкимъ. Впрочемъ, надо сознаться, что затруднительность выхода изъ общества является не столько отъ тѣхъ препятствій, которыя ясно и опредѣленно ставитъ самъ законодатель, сколько отъ той неопредѣленности, которая заключается въ законахъ, касающихся этого предмета, и которая даетъ обществу во многихъ случаяхъ возможность не только тормазить выходъ изъ него принадлежащихъ къ нему членовъ, но часто и вовсе возбранять такой выходъ—подъ тѣми или иными предлогами. Такимъ образомъ, на нашъ взглядъ, существующее законодательство о выходѣ изъ общества представляется неудовлетворительнымъ, какъ потому, что оно обставляетъ этотъ выходъ нѣкоторыми условіями, отъ которыхъ слѣдовало бы вовсе отказаться, такъ и потому, что, не отличаясь ясностью и категоричностью, обставляя выходъ изъ общества излишними формальностями, оно даетъ поводъ различнымъ лицамъ и учрежденіямъ ставить преграды тѣмъ членамъ общества, которые желаютъ уволиться изъ него.

Посмотримъ, въ чемъ же заключаются тѣ недостатки нашего законодательства, касающагося выхода изъ общества, о которыхъ мы только что упомянули.

Увольненіе изъ крестьянскаго общества нормируется, главнымъ образомъ, статьею 180 Общ. Полож., которая требуетъ отъ члена общества, желающаго выйти изъ него, соблюденія слѣдующихъ условій:

1. Чтобы крестьянинъ, желающій получить увольненіе изъ общества, отказавшись навсегда отъ участія въ мірскомъ надѣлѣ, сдѣлалъ состоявшій въ его пользованіи участокъ земли;
2. Чтобы на семействѣ увольняемаго не было никакихъ казенныхъ, земскихъ, ни мірскихъ недоимокъ, и чтобы, при томъ, овдаты были уплачены имъ по первое января слѣдующаго года;

3. Чтобы на увольняемомъ не было безспорныхъ частныхъ взысканій и обязательствъ, предъявленныхъ волостному управленію;

4. Чтобы увольняемый не состоялъ подъ судомъ и слѣдствіемъ;

5. Чтобы родители увольняемаго были согласны на увольненіе;

6. Чтобы остающіеся въ обществѣ — въ семействѣ увольняемаго крестьянина-малолѣтнія и другія лица, неспособныя къ работѣ, были обезпечены въ своемъ содержаніи;

7. Чтобы на увольняемомъ крестьянинѣ, если онъ пользуется надѣломъ помѣщичьей земли, не было недоимокъ въ повинностяхъ, причитающихся за такое пользованіе, и —

8. Чтобы желающій получить увольненіе представилъ пріемный приговоръ отъ того общества, куда онъ переходитъ, кромѣ случая, указаннаго въ примѣчаніи къ ст. 147, въ которомъ приговоръ замѣняется свидѣтельствомъ волостного старшины...

Нѣкоторые изъ этихъ требованій естественны и справедливы, хотя и нуждаются въ нѣсколько большей ясности и определенности. Другія, — не представляя собою дѣйствительной гарантіи ни общественныхъ, ни государственныхъ интересовъ, сильно затрудняютъ выходъ изъ общества и подлежатъ коренному измѣненію.

Такъ, напр., п. 1 ст. 180 заключаетъ въ себѣ требованіе, не только стѣснительное для выхода изъ общества, но и несправедливое. Въ самомъ дѣлѣ: нѣкоторые изъ увольняющихся крестьянъ, уплативъ большую часть выкупной ссуды, приобрѣли, вслѣдствіе этого, право собственности, если не на весь надѣлъ, то на часть его, и потому — отъ такихъ крестьянъ не только не слѣдуетъ при выходѣ изъ общества требовать „безвозмезднаго отказа отъ своего надѣла и безвозмездной его передачи обществу“, но, въ виду того, что ихъ надѣлъ остается односельцамъ и что увольняющіеся отказываются отъ принадлежащаго имъ права на соразмѣрную часть общинной земли, слѣдовало бы, чтобы общество уплачивало такимъ увольняющимся что либо въ возмѣщеніе несомыхъ ими матеріальныхъ потерь. Еще менѣе основательно и болѣе тягостно требованіе п. 1 ст. 180 по отношенію къ тѣмъ крестьянамъ, которые получили отъ помѣщиковъ дарственные надѣлы, по 123 ст. мѣст. полож. вел. А между тѣмъ, Сенатъ признаетъ суровыя требованія п. 1 этой статьи обязательными также и для этой категоріи крестьянства *), что, конечно, не можетъ не являться значительнымъ торжествомъ въ дѣлѣ выхода крестьянъ изъ общества. Такъ думаютъ и нѣкоторые Губернскія Совѣщанія. „Необходимость оставить безвоз-

*) Рѣш. П. С. 1892 г. № 3162 (Горемыкинъ).

медно свои надѣлы, на которые ушло не мало труда и затратъ, удерживаетъ весьма часто крестьянъ отъ переселенія“,—говорить Екатеринбургское Губернское Совѣщаніе *).

Во всякомъ случаѣ, если п. 1 ст. 180 Общ. Пол. я не удержитъ отъ увольненія изъ общества тѣхъ, кто рѣшилъ уволиться; однако, нельзя отрицать, что такое требованіе законодателя придаетъ самому увольненію изъ общества такой характеръ, будто бы это увольненіе представляетъ собою не право каждого крестьянина, а милость, даруемую ему въ видѣ исключенія, да и то послѣ цѣлаго ряда тяжкихъ съ его стороны жертвъ. Что касается того случая, когда въ пользованіи крестьянъ находятся значительные, по числу десятинъ, земельные надѣлы **), которые по своимъ качествамъ настолько неудовлетворительнымъ, что принятіе ихъ отъ выходящихъ изъ среды общества членовъ составляетъ для общества лишнее бремя и ставитъ его въ затруднительное положеніе, по неимѣнію силъ для эксплуатаціи, то, во избѣжаніе—съ одной стороны, разоренія обществъ, принужденныхъ платить налоги за земли, которыми они фактически не пользуются, а съ другой,—во избѣжаніе стѣсненій къ выходу изъ общества, слѣдовало бы принимать такіе участки выходящихъ изъ общества членовъ въ непосредственное распоряженіе казны.

Такому порядку, казалось бы, надо отдать предпочтеніе передъ дѣйствующимъ въ настоящее время способомъ продажи такихъ земель съ торговъ. По утвержденію Вятскаго Губернскаго Совѣщанія, способъ продажи съ торговъ встрѣчаетъ на практикѣ крайнія затрудненія, и землю такую въ концѣ концовъ приходится сдавать въ казну, а между тѣмъ, за все время производства операцій продажи съ торговъ, тянувшейся иногда 2—3 года, земли по прежнему числятся за крестьянами и облагаются разнаго рода сборами ***).

Несправедливость того, что усадебная земля увольняемого крестьянина поступаетъ также въ распоряженіе общества, безъ всякаго вознагражденія со стороны послѣдняго въ пользу собственности, и стѣснительность требованія, предъявляемого ст. 178 къ увольняемому,—снести или продать на сносъ усадебнаго строенія обязательно въ 6-ти мѣсячный срокъ ****), намъ кажется, ясны и безъ особенныхъ комментариевъ.

2 п. 180 ст. также порождаетъ не мало затрудненій для лицъ, желающихъ уволиться изъ общества. Такъ, напр., такіа лица получали отказъ на свое ходатайство объ увольненіи—на томъ

*) См. Сводъ заключеній, II, 107.

**) Какъ напр., въ Вятской губ. См. Сводъ заключеній, II, 104.

***) Сборн. закл. II, 106.

****) Пол. о вых. ст. 178.

основаніи, что на сельскомъ обществѣ числилась недонимка, хотя на ихъ семействѣхъ не было недонмокъ. Губернскія по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, отказывая въ такихъ случаяхъ въ увольненіи, руководствовались примѣчаніемъ къ ст. 173 Пол. о выкуп. Эта статья, обязывая присутствія „каждый разъ удостовѣряться, что увольненіе членовъ общества, на коемъ числится недонимка, не сдѣлаетъ общества несостоятельнымъ къ исправному взносу выкупныхъ платежей“, даетъ Губернскимъ Присутствіямъ широкій просторъ отказывать крестьянамъ въ увольненіи изъ общества. Правительствующій Сенатъ (рѣш. 1864 г. № 8.750) очелъ неосновательными подобныя отказы, найдя, что недонимка, числящаяся на сельскомъ обществѣ, не можетъ служить препятствіемъ къ увольненію крестьянина изъ общества, если на самомъ увольняющемся не числится недонимки. Но желательно было бы, чтобы взглядъ Сената вылился въ законодательную форму: иначе недоразумѣнія и задержки при увольненіи крестьянъ изъ общества неизбежны.

Собственно говоря, намъ кажется, что наличность недонмокъ даже на самомъ увольняющемся или на его семействѣ не всегда можетъ служить препятствіемъ къ увольненію изъ общества. Рационально отказывать въ увольненіи, до уплаты недонимки, только въ тѣхъ случаяхъ, когда есть основаніе предполагать, что желающій уволиться недонимщикъ имѣетъ средства, чтобы уплатить недонимку, и только не хочетъ этого сдѣлать, разсчитывая какъ нибудь вовсе увильнуть отъ уплаты. Но въ тѣхъ случаяхъ, когда наличность недонимки на увольняющемся служитъ, дѣйствительно, признакомъ его полнаго экономическаго разстройства и когда нѣтъ основанія предполагать, что дальнѣйшее пребываніе его въ сельскомъ обществѣ будетъ содѣйствовать улучшенію его благосостоянія,—намъ кажется, удержаніе такого члена въ обществѣ невыгодно и нерационально, какъ для него, такъ и для казны, да и для самого общества. Быть можетъ, было бы гораздо лучше, если бы въ такихъ случаяхъ стремящійся къ выходу крестьянинъ получалъ увольненіе съ переводомъ числящейся на немъ недонимки по мѣсту его новаго жительства. Такое увольненіе, какъ намъ кажется, дало бы крестьянину „возможность и видъ занятія земледѣліемъ добывать средства къ существованію и выполненію податныхъ обязанностей передъ сельскимъ обществомъ и передъ казною“ *); ибо весьма вѣроятно, что получивъ увольненіе изъ общества и хорошо устроившись при новомъ дѣлѣ, такой недонимщикъ оказался бы способнымъ выплатить своему обществу ту недонимку, которую онъ, оставаясь въ обществѣ, всего вѣрнѣе, только увеличивалъ бы. Эти соображенія, мы думаемъ, примѣнны также и къ п. 7 той же ст. 180.

*) Вржескій. Недонимочн. и круг. порука, 169.

Здѣсь же не мѣшаетъ сказать два слова и о стѣснительности для увольняющихся изъ сельскаго общества ст. 173 Полож. о вык., которая требуетъ въ случаѣ, если надѣлъ приобрѣтенъ цѣлымъ обществомъ непремѣнной уплаты увольняющимися половиною остающагося еще непогашеннымъ капитальнаго долга, причитающагося по выкупной казенной ссудѣ на участокъ, состоящій въ пользованіи увольняемаго **). Прежде всего это требованіе несправедливо: крестьянинъ, уплачивая ежегодно часть выкупныхъ платежей за землю, находящуюся въ его пользованіи, казалось бы, не только не долженъ при выходѣ изъ общины платить часть остающейся не уплаченной половиною выкупной ссуды, но еще самъ могъ бы претендовать на полученіе отъ общества нѣкоторой суммы за отказъ отъ своего права на приобретенную имъ отчасти землю и за передачу этой земли въ пользу общества. Затѣмъ, требованіе это признается вполнѣ основательно нѣкоторыми Губернскими Совѣщаніями (между прочимъ, Архангельскимъ Губ. по крест. дѣл. присутствіемъ) излишнимъ, такъ какъ, по малоземелью, остающіеся надѣлы перечисляющихся крестьянъ не только не могутъ подорвать платежныхъ силъ общества, но, напротивъ, послужатъ только къ увеличенію его благосостоянія.

Стѣснительность ст. 173 сказывается, кромѣ этого, еще и въ томъ, что, даже при согласіи увольняющихся уплатить половину остающагося непогашеннымъ долга по выкупной ссудѣ, право его на увольненіе зависитъ отъ благоусмотрѣнія общины. Последняя можетъ лишитъ его этого права, не согласившись „принять на себя ручательство за остальную половину уплаты“. Стѣсненія эти еще болѣе увеличиваются, если изъ сельскаго общества уволено уже до $\frac{1}{2}$ членовъ онаго и эти члены не замѣнены другими. Въ этомъ случаѣ дальнѣйшее увольненіе членовъ общества совершается при условіи взноса капитала, соответствующаго лежащей на нихъ долѣ выкупной уплаты; при чемъ, безъ предварительнаго такого взноса, увольненіе можетъ быть разрѣшено только „съ утвержденія Губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія“.

Но этого мало. Казалось бы, на основаніи здраваго смысла, погашеніе части выкупной ссуды при увольненіи изъ общества не можетъ быть требуемо отъ такихъ крестьянъ, съ коихъ весь полевой надѣлъ уже заранѣе снятъ обществомъ; однако, нѣкоторые общества требовали уплаты такой части и отъ крестьянъ этой категоріи. Разъясненіе Сената *), что погашеніе части выкупной ссуды должно быть требуемо только отъ крестьянъ, пользующихся надѣломъ по раскладкѣ общества, конечно, не устраняло тѣхъ мытарствъ, которыя приходилось испытывать и послѣ

*) Горемыкинъ. Сводъ узак. и расп. прав. т. I, ч. 1, 524.

**) Р. II. С. 88 г. № 956.

этого рѣшенія—да, вѣроятно, приходится испытывать и въ настоящее время—крестьянамъ, желающимъ выхода изъ общества и встрѣчающимъ къ этому препятствіе въ неправильномъ взглядѣ общества на обязанность всякаго выходящаго изъ него члена уплачивать выше упомянутую часть выкупной ссуды. Нужно категорическое предписаніе закона, чтобы устранить подобныя мнтарства, рѣшеніе Сената адѣсь недостаточно.

Приблизительно тѣ же соображенія, которые мы приводили, разбирая 2 п. ст. 130, могутъ быть приняты и къ п. 3 той же ст. 130 Общ. Полож. Если, по отношенію къ состоятельнымъ членамъ, отказъ въ разрѣшеніи на увольненіе, въ виду предъявленія въ волостномъ управленіи безспорныхъ частныхъ взысканій къ желающему уволиться, способенъ побудить такихъ лицъ къ уплатѣ долговъ,—то, по отношенію къ дѣйствительно немущимъ членамъ общества, такой отказъ можетъ скорѣе вредить кредиторамъ, нежели имъ благопріятствовать. Допедаші до не-состоятельности крестьянина, при воспрепятствованіи ему улучшить свое положеніе въ той области, гдѣ такое улучшение возможно, останется въ обществѣ тѣмъ же безнадежно несостоятельнымъ и неспособнымъ къ уплатѣ своихъ долговъ, каковымъ онъ былъ и раньше. А дайте ему возможность уйти отъ тѣхъ условій, которыя по разнымъ причинамъ не располагають къ приобритенію благосостоянія—почемъ знать?—быть можетъ, онъ и выбьется изъ своей матеріальной неволи и расплатится со своими долгами.

Нечего и говорить, что совершенно неосновательны возраженія тѣхъ обществъ, которыя отказывали въ увольненіи своимъ членамъ на томъ основаніи, что частныя взысканія были предъявлены къ родственникамъ крестьянина, ходатайствовавшаго объ увольненіи. Хотя п. 3 и не даетъ, повидимому, никакихъ поводовъ для такого толкованія, однако, Правительствующій Сенатъ знаетъ и такой неосновательный отказъ въ увольненіи *),—и это только указываетъ на то, какими зачастую трудностями обставленъ выходъ крестьянъ изъ общества.

П. 4. ст. 130 Общ. Полож. намъ кажется раціональнымъ какъ потому, что увольненіе лица, состоящаго подъ судомъ и слѣдствіемъ, можетъ дать такому лицу возможность уклониться отъ отвѣтственности или, по меньшей мѣрѣ, тормазить отправление правосудіемъ его функций, такъ и потому, что для такого лица увольненіе изъ общества не можетъ явиться источникомъ спокойной и плодотворной работы, ибо самое нахожденіе подъ судомъ исключаетъ возможность такой работы.

За то п. 5 ст. 130 нерѣдко чрезвычайно стѣсняетъ увольненіе крестьянъ изъ общества. Стѣсненія эти заключаются въ томъ,

*) Рѣш. 1884 г. № 626.

что родители часто отказываютъ въ своемъ согласіи на увольненіе дѣтей изъ общества. Несомнѣнно, что такіе отказы иногда вытекають изъ искреннаго убѣжденія родителей во вредѣ для ихъ дѣтей выхода изъ общества. Но, помимо того, что такое искреннее убѣжденіе можетъ быть зачастую совершенно неосновательно, — эти отказы нерѣдко не имѣють ничего общаго съ интересами дѣтей и являются слѣдствіемъ корыстолюбивыхъ соображеній самихъ родителей... Такъ, Олонекое Губернское Сопѣщаніе указываетъ на случаи, когда семья не даетъ разрѣшенія на увольненіе только потому, что постоянно требуемая отъ сына, живущаго въ городѣ, деньги доставляютъ семьѣ хорошій доходъ *). Здѣсь роль родителей принимаетъ некрасивый оттѣнокъ. Въ согласіи на увольненіе отказывается не вслѣдствіе заботъ объ участи сына, а вслѣдствіе удобства пользоваться даромъ результатами его труда. И родители широко пользуются предоставленнымъ имъ правомъ. Они отказываютъ въ своемъ согласіи на увольненіе не только дѣтямъ неотдѣленнымъ, но даже и отдѣленнымъ, давно живущимъ вполне самостоятельно. Такіе случаи бывали—они извѣстны и практикѣ Сената **), который, впрочемъ, не призналъ такого расширительнаго толкованія требованій закона относительно согласія родителей на увольненіе. Но, несмотря на это рѣшеніе Сената, такіе случаи будутъ—это несомнѣнно; и будутъ до тѣхъ поръ, пока уровень развитія нашего крестьянина повысится настолько, что онъ всегда счѣтетъ отстаивать свое право, которымъ онъ не пользуется теперь часто вслѣдствіе полнѣйшаго невѣдѣнія тѣхъ путей, которые ведутъ къ этому праву. Но, чтобы крестьянинъ и при настоящемъ уровнѣ развитія пользовался своимъ правомъ, надо сдѣлать норму права ясной и очевидной для всѣхъ, чтобы не представлялось возможности къ злоупотребленіямъ и чтобы осуществленіе права не было сопряжено съ чрезмѣрными хлопотами и заботами. Поэтому, если нельзя совершенно изъять увольненіе изъ общества изъ сферы родительскаго созволенія, то желательно, по крайней мѣрѣ, помѣщеніе въ текстѣ закона того ограниченія родительской власти въ данномъ вопросѣ, которое вытекаетъ изъ приведеннаго выше рѣшенія Сената. Но намъ, вообще, кажется, что было бы желательно, если бы родители были лишены права препятствовать своимъ несогласіемъ выходу изъ общества. Такое право родителей налагать свое veto на стремленіе дѣтей къ самостоятельной дѣятельности при условіяхъ, которыя они (т. е. дѣтя) находятъ наиболѣе для себя благоприятными,—имѣетъ мѣсто только въ крестьянской средѣ. Въ нашемъ быту, т. е., въ сферѣ тѣхъ отношеній, которыя нормируются

*) Сбор. Заключеній II, 113.

**) Р. П. С. 1883 г. № 2378.

И ч. X т., такого права родители не имѣютъ, ибо основное начало нашего гражданского строя—свобода личности—не принимается въ жертву даже родительской власти, которая, въ случаяхъ своего наибольшаго проявленія (требованіе разрѣшенія родителей на вступленіе дѣтей въ бракъ),—въ концѣ концовъ уступаетъ началу свободы личности и самоопредѣленія: бракъ, заключенный помимо согласія родителей, не считается уничтоженнымъ.

Намъ кажется, что нѣтъ никакого основанія и въ крестьянскомъ быту надѣлять родителей правомъ, лишаящимъ дѣтей свободы выбора занятій, обрекающимъ ихъ на подчиненное положеніе, тормозящимъ плодотворное проявленіе ихъ личности. Такая опека родителей надъ ихъ дѣтьми не можетъ считаться благотворнымъ началомъ въ крестьянскомъ быту, а скорѣе должна быть отнесена къ элементамъ, оказывающимъ неблагоприятное вліяніе на благосостояніе цѣлой группы крестьянскаго населенія.

Что касается пункта 6 ст. 130, то и этотъ пунктъ нуждался бы въ болѣе ясной и опредѣленной формулировкѣ, чтобы не являться помѣхой въ вопросѣ объ увольненіи крестьянъ изъ общества.

Если трудно требовать болѣе точнаго указанія въ законѣ на размѣры и способъ обезпеченія остающихся въ обществѣ неспособныхъ къ работѣ членовъ семейства увольняемаго, то желательно было бы болѣе точно опредѣлить, какихъ именно неспособныхъ лицъ долженъ содержать увольняющійся изъ общества членъ: тѣхъ ли, которые были неспособны въ моментъ увольнения, или также и тѣхъ, которые сдѣлались неспособными послѣ полученія вышедшимъ изъ общества членомъ увольнительнаго приговора. Казалось бы, что несправедливо на увольняющагося изъ общества члена обязанность давать средства на содержаніе тѣхъ членовъ его семьи, которые сдѣлались неспособными къ труду уже послѣ того, какъ относительно вышедшаго изъ общины состоялся увольнительный приговоръ. А между тѣмъ, благодаря отсутствію на это указанія въ 6 п., нѣкоторые общества неосновательно (что, между прочимъ, признано и Сенатомъ *)) требовали отъ увольнявшихся изъ общества лицъ содержанія и тѣхъ членовъ ихъ семействъ, которые сдѣлались неспособными къ труду послѣ увольненія такихъ лицъ изъ общества и, слѣдовательно, подлежали обезпеченію со стороны самого общества.

Переходя къ п. 8 ст. 130, мы думаемъ, что требованіе отъ увольняющагося, до выдачи увольнительнаго свидѣтельства, представленія пріемнаго приговора того общества, куда онъ переходитъ, какъ оправдываемое нѣкоторыми фискально-полицейскими соображеніями, имѣетъ за себя извѣстные основанія.

*) Р. II. С. 1890 г. № 7.003. Горемык. I, 254.

Что же касается самого порядка перечисленія изъ общества, то мы присоединяемся къ воззрѣнію Тульскаго Губернскаго Совѣщанія *), полагая, что не мѣшало бы упростить этотъ порядокъ, передавъ дѣло увольненія изъ вѣдѣнія казенной палаты въ вѣдѣніе волостного правленія подѣ контролемъ земскихъ начальниковъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и—губернскихъ правленій. Такой порядокъ упростилъ бы перечисленіе изъ общества и, освободивъ ихъ отъ излишняго формализма, вполне отвѣчалъ бы истиннымъ интересамъ дѣла.

Разсмотрѣвъ, такимъ образомъ, законодательныя постановленія, касающіяся вопроса объ увольненіи изъ общества, мы приходимъ къ тому заключенію, что одни изъ нихъ нуждаются въ болѣе ясной и точной регламентаціи, другія—подлежать совершенной отмѣнѣ. Все это желательно для того, чтобы облегчить, по возможности, выходъ изъ общества, такъ какъ такое облегченіе особенно, на нашъ взглядъ, принести только благотворные результаты.

Выходъ изъ общины указываетъ на то, что въ общинѣ жить трудно, что въ ней или мало земли, или складъ жизни не по душѣ ея отдѣльнымъ членамъ, или, наконецъ, личныя побужденія стремящагося къ выходу изъ общины ея члена влекутъ его изъ деревни въ городъ, на фабрики, на заводы, гдѣ представляются болѣе благопріятныя условія для дѣятельности энергичнаго и способнаго человѣка. И нѣтъ никакихъ основаній ставить преграды такому выходу изъ общины ея членовъ, нѣтъ основаній затруднять такой выходъ, подобно тому, какъ это имѣетъ мѣсто въ нашемъ законодательствѣ. Правда, сенатская практика вѣщески старается уменьшить существующія стѣсненія, но нахожденіе въ текстѣ закона такихъ стѣсненій, все же, отражается неблагоприятно на дѣятельности отдѣльныхъ членовъ крестьянскаго сословія, во первыхъ, потому что, при рѣшеніи вопроса объ увольненіи, не всегда обращаютъ на эту практику должное вниманіе, а во вторыхъ, потому что надо потратить много энергій и денегъ, чтобы осуществить свое право, путемъ проведенія дѣла черезъ всѣ инстанціи вплоть до Сената. А между тѣмъ, осуществленіе права на выходъ изъ общества должно быть, по возможности, сопряжено съ наименьшими затрудненіями. Мы говоримъ это, будучи твердо убѣждены, что всякія ограниченія личности въ свободѣ распоряженія не оправдываются ни тѣми благами, которыя взаимѣ этого даетъ община, ни тѣми задачами, которыя должно преслѣдовать государство.

Крайніе защитники общиннаго начала стремятся безусловно подчинить этому началу начало индивидуалистическое. Они говорятъ, что личность должна быть принесена въ жертву, должна поступиться своею свободой ради интересовъ общины, ради блага послѣдней.

*) Сводъ Заключ., 127, II.

Но такое требованіе имѣло бы за себя нѣкоторое основаніе въ томъ случаѣ, если бы пребываніе въ общинѣ обеспечивало каждому ея члену безпрепятственность и полноту удовлетворенія насущныхъ его потребностей. Но препятствія къ такому удовлетворенію членами общины ихъ потребностей представляются неизбежными — въ силу прироста населенія и вытекающаго отсюда уменьшенія величинъ земельного надѣла. А если такъ, если община не гарчтируетъ отдѣльную личность отъ нужды и лишеній, то имѣть ни права, ни основанія стѣснять эту личность, лишать ее возможности добывать себѣ средства къ существованію тѣми способами, которые являются, по ея мнѣнію, наиболѣе дѣйствительными. Мы не отрицаемъ того, что общинное начало во многихъ отношеніяхъ выше начала индивидуалистическаго. Однако, мы думаемъ, что обезличеніе отдѣльныхъ членовъ общины, будучи, вообще, явленіемъ отрицательнымъ, не можетъ имѣть мѣста въ томъ случаѣ, когда возникаетъ вопросъ о добываніи необходимыхъ средствъ къ существованію. Мы далеки отъ того, чтобы раздѣлять воззрѣнія Ад. Вагнера, который, говоря объ общинномъ землевладѣніи въ той его формѣ, какая имѣетъ мѣсто въ нашей крестьянской средѣ, отрицаетъ возможность, при этой формѣ земледѣлія, экономическаго и техническаго прогресса. Мы полагаемъ, что, по мѣрѣ поднятія общаго уровня развитія сельскаго населенія, сознаніе собственныхъ интересовъ отразится на существующей въ настоящее время неудовлетворительной системѣ обработки, въ смыслѣ замѣны ея системою, болѣе совершенной и плодотворной. Технические усовершенствованія въ области сельскаго хозяйства, несомнѣнно, найдутъ тогда примѣненіе и въ нашемъ сельскомъ быту, а вмѣстѣ съ этимъ, безспорно, явятся и новые пути для экономическаго преуспѣянія нашего крестьянства. Мы и не думаемъ посягать на общину; мы не хотимъ разрушать той основы, на которой она зиждется и которую, какъ намъ кажется, является, главнымъ образомъ, общинное землевладѣніе.

Но, съ другой стороны, мы думаемъ, что забота государства исключительно объ интересахъ сельскаго хозяйства совершенно не согласуется ни съ достиженіемъ того независимаго въ экономическомъ отношеніи положенія, которое должна занимать Россія среди другихъ государствъ, ни съ предвидѣніемъ тѣхъ неизбежныхъ въ будущемъ осложненій, которыя непременно явятся въ результатъ подобной односторонней экономической политики. И потому мы думаемъ, что надо позаботиться о развитіи и другихъ сторонъ экономической жизни, для чего, между прочими мѣрами, необходимо предоставить личности свободу распоряженія, а не стараться совершенно ее обезличить.

Мы думаемъ далѣе, что предоставленіе отдѣльной личности

свободы распоряженія не только не противорѣчить благополучію общины, но прямо находится въ связи съ такимъ благополучіемъ. Въ самомъ дѣлѣ: всякія стѣсненія личности, всякія преграды въ ея дѣятельности, хотя бы даже преграды, не исключаящія возможности преодолѣть ихъ и поставить на своемъ—отражаются неблагопріятно на экономическомъ благополучіи не только отдѣльныхъ членовъ, но и самой общины. Только люди съ непреклонной волей не побоятся борьбы съ такими преградами и, послѣ ряда усилій, добьются права на свободный трудъ въ той области, которая имъ наиболѣе по душѣ. Но за то цѣлая группа лицъ, ничѣмъ не выделяющихся изъ уровня обыкновенной посредственности, люди, быть можетъ, способные трудиться и желающіе улучшить свое положеніе, но неспособные энергично добиваться права на такой трудъ, права на проявленіе своей личности—такіе люди будутъ молча переносить гнетъ общиннаго начала, заглушая въ себѣ пробуждающійся по временамъ голосъ другого начала—не менѣе жизненнаго и плодотворнаго—начала личнаго. И едва-ли интересы общины тѣсно связаны съ удержаніемъ такихъ лицъ въ своей средѣ. Въ этомъ можно сомнѣваться, особенно тогда, когда количество общинныхъ земель слишкомъ мало, по сравненію съ количествомъ членовъ общины. Въ такихъ случаяхъ меньшее количество членовъ дѣлаетъ возможнымъ большую ихъ обеспеченность и со ірво сообщаетъ общинѣ характеръ болѣе крѣпкаго и сильнаго учрежденія.

Мы уже говорили, что новыя паспортныя мѣры, стоя во многомъ на стражѣ интересовъ личности, являются для полной гарантіи послѣдней, все же, не вполне удовлетворительными. Эти мѣры не устраняютъ власти общины надъ ея членами, въ періодъ нахожденія ихъ въ отлучкѣ, а между тѣмъ одно сознаніе той суровой зависимости отъ міра, отдѣльные случаи проявленія которой были нами выше приведены, не можетъ не вліять парализирующимъ образомъ на предпріимчивость, на энергію тѣхъ крестьянъ, которые живутъ внѣ общины и не могутъ освободиться отъ ея власти, вслѣдствіе затруднительности выхода изъ нея. Вотъ почему необходимо устранить затруднительность выхода крестьянъ изъ общества—тѣмъ болѣе, что облегчитъ выходъ изъ общества не значитъ посягать на самую общину; не значитъ разрушать ея основы, а значитъ—отнять у нашей общины то, что, сообщая ей характеръ могучей власти надъ отдѣльными ея членами, совершенно противорѣчитъ, однако, интересамъ государства, которое процвѣтаетъ только тогда, когда каждый изъ его гражданъ находитъ свободный доступъ ко всѣмъ тѣмъ отраслямъ дѣятельности, куда его влекутъ его наклонности, его способности и его вкусъ.

С. Бородаевскій.

Попечительства о народной трезвости въ 4-хъ восточныхъ губерніяхъ.

I.

Въ тѣхъ губерніяхъ, въ которыхъ вводится винная монополія, организуются, какъ извѣстно, особые полу-административныя, полу-общественныя учрежденія—„Попечительства о народной трезвости“.

О дѣятельности этихъ попечительствъ до сихъ поръ въ печати извѣстно очень немногое. Мы считаемъ не безынтересныхъ, поэтому, познакомить въ настоящей замѣткѣ нашихъ читателей съ тѣми данными, которыя заключаются въ единственномъ пока систематическомъ сводѣ свѣдѣній о работѣ попечительствъ, помещенномъ въ отчетахъ главнаго управленія неокладныхъ сборовъ и казенной продажи питей за 1895 и 1896 годы.

Въ теченіе этихъ двухъ лѣтъ попечительства дѣйствовали въ четырехъ восточныхъ губерніяхъ: Пермской, Самарской, Уфимской и Оренбургской, гдѣ винная монополія была введена 1 января 1895 года. Съ 1 июля 1896 года попечительства открылись еще въ 9-ти южныхъ губерніяхъ: Бессарабской, Волынской, Екатеринославской, Кіевской, Подольской, Полтавской, Таврической, Херсонской и Черниговской, но за вторую половину этого года они ни въ чемъ не проявили своей дѣятельности—по крайней мѣрѣ, въ отчетѣ за 1896 годъ на это нѣтъ указаній; отчетъ приводитъ лишь данныя о суммахъ, поступившихъ въ распоряженіе попечительствъ, въ видѣ пособія отъ казны (всего 100,850 руб.). Поэтому, въ дальнѣйшемъ изложеніи мы будемъ касаться дѣятельности попечительствъ лишь 4-хъ восточныхъ губерній.

По уставу, дѣлами попечительствъ вѣдаютъ комитеты, губернскіе и уѣздные; членами этихъ комитетовъ состоятъ представители разныхъ вѣдомствъ, точно указанные въ законѣ; губернскіе комитеты находятся подъ предсѣдательствомъ губернатора, уѣздные—подъ предсѣдательствомъ дворянства. Въ дѣятельности попечительствъ могутъ принимать участіе и лица, не принадлежащіе къ

официальному ихъ составу, въ качествѣ членовъ-соревнователей и членовъ почетныхъ; члены-соревнователи избираются уѣздными комитетами и утверждаются губернскими. Кроме того, уставъ предусматриваетъ учрежденіе участковыхъ попечителей, имѣющихъ постоянное жительство въ данной мѣстности; они обязаны, живя въ своемъ участкѣ, наблюдать за правильностью питетной торговли и исполнять порученія уѣздныхъ комитетовъ. Участковые попечители назначаются изъ числа членовъ и членовъ-соревнователей. Члены-соревнователи и участковые попечители являются главными работниками въ дѣлѣ, возложенномъ на попечительства: отъ того или другого ихъ состава, отъ пониманія ими своихъ обязанностей, отъ того или другого отношенія къ своему дѣлу, отъ большаго или меньшаго, наконецъ, досуга, находящагося въ ихъ распоряженіи, существенно зависитъ успѣшная или неуспѣшная дѣятельность попечительства. Въ засѣданіяхъ уѣздныхъ комитетовъ участковые попечители имѣютъ право рѣшающаго голоса. Члены-соревнователи пользуются лишь совѣщательнымъ голосомъ. Комитетамъ принадлежитъ роль направляющая, организаціонная; на участковыхъ попечителяхъ и членахъ-соревнователей лежитъ роль исполнительная.

При удачномъ подборѣ своихъ рабочихъ силъ, при привлеченіи къ работамъ возможно широкіхъ круговъ общества попечительства несомнѣнно могутъ оказывать не малые услуги дѣлу просвѣщенія народа; дѣятельность ихъ въ этомъ отношеніи имѣетъ ту выгодную сторону, что всѣ основываемыя попечительствомъ учрежденія, какъ полу-официальныя, свободны отъ очень многихъ отсѣненій, задерживающихъ развитіе частной инициативы на той же почвѣ.

Посмотримъ, на сколько же въ дѣйствительности сумѣли и успѣли развернуть свою дѣятельность введенныя въ 1895 году въ 4-хъ восточныхъ губерніяхъ губерніальныя попечительства.

II.

Денежныя средства попечительства составляются изъ суммъ, ассигнуемыхъ отъ казны, сборовъ отъ устраниваемыхъ чтеній и другихъ развлеченій, дохода отъ наданій, отъ чайныхъ, столовыхъ и отъ частныхъ пожертвованій.

Ежегодное пособіе отъ казны на всѣ четыре губерніи, въ которыхъ основаны были попечительства, составляетъ 208,400 руб.; эта сумма распределяется между губерніями, пропорціонально количеству населенія. Большую часть полученнаго отъ казны пособія губерніскіе комитеты перевели въ распоряженіе уѣздныхъ комитетовъ, въ которые поступали и всѣ остальные сторонніе доходы, составившіе въ 1896 году всего 9,586 руб., что вмѣстѣ съ пособіемъ отъ казны составило 212,986 руб.

Въ 1896 году средства попечительства значительно увеличились и составили въ общей суммѣ 407,974 руб.; это увеличение произошло какъ вслѣдствіе повышенія собственныхъ доходовъ уѣздныхъ комитетовъ, получившихъ всего 57,178 руб. (отъ чайныхъ и столовыхъ, отъ пожертвованій, отъ наданій, чтеній и пр.), такъ и вслѣдствіе того, что, какъ мы увидимъ ниже, попечительства не сумѣли воспользоваться въ 1895 году всеми находившимися въ ихъ распоряженіи суммами и къ 1896 году сохранили свободный остатокъ, составившій въ общемъ по всѣмъ комитетамъ 147,401 руб. (по даннымъ отчета 1896 г.).

Дѣятельность *губернскихъ* комитетовъ въ оба отчетныхъ года была очень незначительна и выражалась, главнымъ образомъ, въ расходахъ на дѣлопроизводство. Въ 1895 году всѣ *губернскіе* комитеты нарасходовали только 1,499 руб. 25 коп.; что составляло 2,1% суммъ, находившейся въ ихъ распоряженіи; остальные деньги (67,040 руб.) перешли, какъ свободный остатокъ, на слѣдующій 1896 годъ.

Въ 1896 году *губернскіе* комитеты нарасходовали 10,642 руб., т. е. 8% суммъ, находившихся въ ихъ распоряженіи. Изъ этой суммы 74% (7,998 руб.) приходится на одинъ *пермскій* губернский комитетъ, нарасходовавшій эту сумму на устройство народныхъ хоровъ. Эта дѣятельность была дальнѣйшимъ развитіемъ дѣятельности комитета въ 1895 году, выразившейся въ устройствѣ хоровъ въ нѣкоторыхъ уѣздныхъ городахъ *Пермской губерніи*. Дѣятельность по устройству хоровъ возникла по инициативѣ бывшаго предсѣдателя губернскаго комитета *Погодина*, который обратилъ на нихъ вниманіе, какъ на средство отвлеченія народа отъ питейныхъ заведеній. Въ 1896 году было приглашено особое лицо, съ жалованьемъ въ 2,000 руб., для направленія и руководительства дѣломъ устройства народныхъ хоровъ въ губерніи; кромѣ въ г. *Перми* были устроены курсы пѣнія, на которые явилось 109 человекъ: 64 чел. духовнаго званія и 45 чел. учителей *земскихъ* и *министерскихъ* школъ. На курсы было нарасходовано 6,881 руб. Изъ остальныхъ 2,649 руб., было нарасходовано на дѣлопроизводство 797 руб. (7,5% всей суммъ) и на выдачу пособій 1,852 руб. (причемъ *уфимскій* губернский комитетъ произвелъ расходъ лишь на дѣлопроизводство 226 руб., что по отношенію къ суммѣ, бывшей въ его распоряженіи, составляетъ всего 0,37%).

На 1897 годъ въ *губернскихъ* комитетахъ осталось 121,967 р.: въ *пермскомъ* 11,298 руб., *самарскомъ* 28,798, *оренбургскомъ* 24,187 руб. и *уфимскомъ* 57,789 рублей. Эти громадныя суммы, оставшіяся безъ всякаго употребленія, свидѣтельствуютъ о томъ, что *губернскіе* комитеты (кромя *пермскаго*) не сумѣли найти дѣла, на которое онѣ могли бы быть нарасходованы; едва ли можно думать, что такого дѣла не было—отсутствіе просвѣдатель-

ныхъ учреждений и почти поголовная безграмотность сельскаго населенія, особенно женщинъ, свидѣлствуютъ противъ этого. Не целесообразнѣ ли было бы, поэтому, если бы губернскіе комитеты отпускали больше средствъ уѣзднымъ комитетамъ, которые, будучи ближе къ населенію, лучше бы сумѣли ими воспользоваться. Между тѣмъ уфимскій губернскій комитетъ, оставивъ себѣ 88,114 руб., перевелъ въ распоряженіе уѣздныхъ комитетовъ лишь 13,586 руб., что на каждый изъ 6 комитетовъ составитъ въ среднемъ лишь 2,809 руб., въ то время, какъ въ Пермской губерніи на каждый изъ 12 комитетовъ было переведено въ среднемъ по 4,670 р., въ Самарской на каждый изъ 7 комитетовъ по 6,957 р. и въ Оренбургской на каждый изъ 5 комитетовъ по 3,900 р. Эта разница станетъ еще нагляднѣе, если мы скажемъ, что въ Уфимской губерніи было переведено въ распоряженіе уѣздныхъ комитетовъ 29% всего пособія отъ казны, въ Пермской 86%, Самарской 80,5% и въ Оренбургской 62%. Сравнительно съ предыдущимъ годомъ послѣдніе три комитета повысили ассигновку уѣзднымъ комитетамъ, только одинъ уфимскій уменьшилъ ее.

Перехода къ разсмотрѣнію дѣятельности уѣздныхъ комитетовъ, мы должны прежде всего отмѣтить тотъ фактъ, что и уѣздные комитеты, подобно губернскимъ, не сумѣли воспользоваться всѣми находившимися въ ихъ распоряженіи суммами и сохранили свободный остатокъ, составившій въ общей суммѣ по 4 губерніямъ 78,906 руб. къ 1 января 1896 года и 51,826 руб., къ 1 января 1897 года.

Въ первый годъ своего существованія уѣздные комитеты израсходовали въ среднемъ только 45,8% суммъ, бывшихъ въ ихъ распоряженіи, въ 1896 году эта средняя нѣсколько повышается, но все-таки доходитъ лишь до 66,6%.

Обратимся теперь къ разсмотрѣнію того, на что именно израсходовали свои средства попечительства и въ чемъ именно выразилась ихъ дѣятельность.

Въ теченіе этихъ отчетныхъ годовъ въ 4 восточныхъ губерніяхъ дѣйствовало 80 уѣздныхъ комитетовъ: 12 въ Пермской, 7 въ Самарской, 5 въ Оренбургской и 6 въ Уфимской.

Изъ отчетовъ мы видимъ, что въ 1895 года наибольшее вниманіе комитетовъ привлекло устройство чайныхъ и столовыхъ, на что было израсходовано 42,890 руб. (68,7% всѣхъ расходовъ); на второмъ мѣстѣ стоятъ народныя чтенія, на устройство которыхъ пошло 7,715 руб. (12,8%); на читальни истрачено лишь 8,779 руб. (6%); на народныя развлеченія (кромя чтеній), устранившіяся въ Пермской и Оренбургской губерніяхъ, израсходовано 1,584 руб. (2,5%), а остальные 6,480 руб., или 10,5% пошли на *дмлопроизводство, выдачу пособій* и др. мелкіе расходы.

Въ 1896 году распредѣленіе расходовъ по родамъ дѣятельности

очень близко къ цифрамъ 1895 года, именно: на устройство чайныхъ и столовыхъ израсходовано 110.717 руб. (60,3% всѣхъ расходовъ), на устройство народныхъ чтеній 20,480 руб. (11,1%), читальнъ и библиотекъ 17,838 руб. (9,7%) народныхъ развлеченій (кромя чтеній), происходившихъ въ 1896 году, 4,580 (2,5%); затѣмъ въ 1896 г. выступаютъ двѣ новыхъ статьи расходовъ—на устройство народныхъ хоромъ въ суммѣ 6,360 руб. (3,7%) и на устройство театральныя представленія и постоянныя сцены 4,293 руб. (2,3%); на дипломпроизводство и прочіе малые расходы истрачено 16,855 руб. (9%).

Такимъ образомъ, наиболѣе широкую относительно дѣятельность комитеты проявили по устройству чайныхъ и столовыхъ, въ которыхъ они видѣли одно изъ лучшихъ средствъ отвлеченія народа отъ посѣщенія трактировъ и отлученія его отъ злоупотребленія спиртными напитками.

Въ 1895 году изъ 30 уѣздныхъ комитетовъ только три не занимались устройствомъ чайныхъ и столовыхъ; остальные 27 комитетовъ устроили 117 чайныхъ и одну столовую, именно:

Въ 1896 году всѣ 29 *) комитетовъ устраивали чайныя и столовыя и всего ими было устроено 174 чайныхъ и 6 столовыхъ при нихъ, что съ имѣвшимися въ 1895 году составитъ 284 чайныхъ и 7 столовыхъ, изъ коихъ 18 закрыто и 1 сгорѣла, итого къ 1897 году было 270 чайныхъ и 7 столовыхъ при нихъ.

Къ сожалѣнію, въ отчетѣ не показаны отдѣльные расходы по устройству новыхъ чайныхъ и по содержанію раньше открытыхъ, а потому мы лишены возможности опредѣлять средній расходъ на каждую вновь открытую въ 1896 году чайную. Между тѣмъ, это раздѣленіе расходовъ важно и съ другой стороны: оно дало бы возможность опредѣлить, дастъ ли содержаніе чайныхъ и столовыхъ какой-либо доходъ или оно приноситъ убытокъ. Изъ данныхъ, приведенныхъ въ отчетѣ, вывести какое-либо заключеніе нельзя, выдержки же изъ отчетовъ уѣздныхъ комитетовъ даютъ лишь свѣдѣнія о количествѣ посѣтителей, о стоимости порціи чаю, объ отношеніи населенія къ чайнымъ, и т. п.

Поэтому приходится ограничиться опредѣленіемъ средняго на комитеты расхода на чайныя: въ Пермской губ. этотъ расходъ равенъ—3.964 руб., въ Самарской—5.108 руб., въ Оренбургской 3.956 руб. и въ Уфимской—1.521,2 руб.

Отчеты уѣздныхъ комитетовъ констатируютъ, что чайныя посѣщаются охотно, особенно тѣ, при которыхъ были читальни или, по крайней мѣрѣ, предлагались газеты и журналы. Въ нѣсколькихъ чайныхъ посѣтителемъ предлагались извѣстныя игры:

*) По одному комитету (стерлитамакскому, Уфимской губерніи) подробныхъ свѣдѣній не имѣется.

шашки, бильярдъ, нѣкоторые завели у себя органы—все это не мало содѣйствовало привлеченію публики. Изъ этого ясно, что чайныя и столовыя не могутъ ограничиваться одной цѣлю—до-
 ставить населенію возможность пить чай и тѣмъ отучить его отъ злоупотребленія спиртными напитками. Кабакъ былъ не только мѣстомъ, гдѣ народъ потреблялъ спиртные напитки, онъ былъ также мѣстомъ, гдѣ деревенское населеніе могло собираться, гдѣ оно удовлетворяло своей потребности въ общеніи—онъ былъ своеобразнымъ клубомъ. Такимъ клубомъ должна стать и чайная.

Вотъ что мы читаемъ по этому поводу въ отчетѣ одного изъ уѣздныхъ комитетовъ: „онъ (чайныя) представляютъ собою нѣчто вродѣ деревенскихъ клубовъ, гдѣ населеніе не безъ пользы и вполне благообразно проводить свои досуги. Разумѣется, не слѣдуетъ думать, чтобы чайныя совершенно отучили или значительно сократили употребленіе среди населенія крѣпкихъ напитковъ, но все же онъ должны быть признаны учрежденіемъ въ высшей степени полезнымъ и пока единственнымъ въ своемъ родѣ, какъ по своей новизнѣ, такъ и по тому значенію, которое имъ придало само населеніе, обративъ ихъ въ мѣста своихъ частныхъ собраній и бесѣдъ“. По единоголосному заявленію участковыхъ попечителей, посѣтителей привлекали не столько чайныя сами по себѣ, сколько даваемая ими возможность собраться вмѣстѣ, потолковать и почитать, послушать музыки или поиграть въ шашки“. Ирбитскій уѣздный комитетъ пришелъ къ заключенію, что одиѣ чайныя безъ читаленъ не могутъ существовать и приносить пользу.

Общимъ правиломъ для читаленъ является бесплатная выдача книгъ; такъ же бесплатно выдаются для чтенія выписываемыя въ чайныя газеты и журналы. Нельзя тутъ не остановиться на одномъ обстоятельстве, сильно тормозящемъ дѣятельность чайныхъ въ этомъ направленіи. По существующимъ правиламъ, чайныя могутъ выписывать только тѣ газеты и журналы, которые допущены къ обращенію въ народныхъ читальныхъ, мѣстные же газеты, представляющія наибольшій интересъ для посѣтителей чайныхъ, не допускаются; вслѣдствіе этого, чайныя находятся въ худшемъ положеніи сравнительно съ любимымъ трактиромъ или портерной, которые не стѣснены въ этомъ отношеніи никакими правилами и могутъ выписывать какія имъ угодно газеты. На это очень важное по существу, но курьезное по вѣщности, явленіе обратилъ вниманіе въ „Новомъ Времени“ г. Тамбовецъ, который указывалъ на преимущество, получаемое трактирами сравнительно съ чайными и неоправдываемое никакими соображеніями: „подобная аномалія“,—говоритъ авторъ, — „ставящая кабатчика въ болѣе благопріятное положеніе сравнительно съ правительственнымъ учрежденіемъ, не можетъ быть терпима“.

„Русскія Вѣдомости“ (№ 227 1898 года) передаютъ, что „вслѣдствіе возбужденнаго въ послѣднее время однимъ изъ губернскихъ комитетовъ ходатайства о томъ, чтобы въ народныя читальни было разрѣшено выписывать мѣстныя газеты, дабы дать возможность читающей публикѣ получать свѣжія новости дня и притомъ новости наиболѣе важныя съ точки зрѣнія мѣстныхъ интересовъ“, министерство народнаго просвѣщенія по сношенію съ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ и оберъ-прокуроромъ св. синода, признало возможнымъ допустить къ обращенію въ народныхъ читальняхъ и библіотекахъ нѣкоторыя изъ мѣстныхъ изданій, именно тѣ, которыя будутъ признаны для того пригодными по соглашенію попечителя учебнаго округа съ губернаторомъ и епархіальнымъ начальствомъ“. Нѣтъ сомнѣнія, что удовлетвореніе этого ходатайства хотя въ нѣкоторой степени поможетъ попечительствамъ въ ихъ дѣлѣ отвлеченія населенія отъ посѣщенія трактировъ и лишитъ послѣдніе лишняго орудія въ противодѣйствіи этой работѣ.

На этотъ путь превращенія чайной въ народный клубъ попечительства вступили еще въ 1895 году, хотя ихъ расходы по устройству читаленъ чрезвычайно незначительны—они составляютъ только 6,1% всѣхъ расходовъ; всѣ устроенныя въ 1895 году читальни были открыты при чайныхъ, составляя съ ними одно цѣлое.

Слабую дѣятельность по открытію читаленъ-библіотекъ многія попечительства объясняютъ тѣмъ, что имъ еще не получены разрѣшенія на открытіе читаленъ, но при большей энергіи можно было бы сдѣлать гораздо болѣе, а разрѣшеніе дается комитетамъ гораздо скорѣе и легче, чѣмъ частнымъ лицамъ и учрежденіямъ, тѣмъ болѣе, что, по правиламъ 15 мая 1890 года, разрѣшеніе дается губернаторомъ, состоящимъ предсѣдателемъ губернскаго комитета.

Изъ 80 уѣздныхъ комитетовъ открытіемъ читаленъ занялось въ 1895 году только 14 и открыли 26 читаленъ, причемъ въ Самарской губерніи не было открыто ни одной читальни, а израсходованные 700 рублей пошли, очевидно, на приобрѣтеніе книгъ. Въ Оренбургской губерніи всѣ 5 уѣздныхъ комитетовъ открывали читальни, которыхъ и было открыто 9 (въ среднемъ по 110 рублей на каждую); въ Уфимской губерніи двумя уѣздными комитетами открыто 10 читаленъ (по 30 рублей на каждую); въ Пермской губерніи 6 комитетами устроено 7 читаленъ (по 286 руб. на читальню). Такимъ образомъ, наилучше обставлены читальни въ Пермской губерніи, а наибольшее вниманіе на эту сторону дѣла обратило оренбургское попечительство—небольшой средней размѣръ расхода на читальню объясняется здѣсь тѣмъ, что въ свое распоряженіе оно получило гораздо менѣе средствъ—19,164 рубля противъ 60,104 руб. въ Пермской губерніи.

Въ 1896 году дѣятельность попечительствъ по устройству читаленъ пошла нѣсколько живѣе. Такъ, въ *Пермской* губерніи было открыто 26 читаленъ, что съ 7 читальнями, открытыми въ 1895 году, составитъ 33 читальни, такимъ образомъ изъ 113 чайныхъ—33 были снабжены книгами. Въ *Самарской* губерніи въ 1895 году не было ни одной читальни, а въ 1896 году при 6 чайныхъ изъ 74 были устроены читальни. Въ *Оренбургской* губерніи изъ 22 чайныхъ—20 были снабжены читальнями; въ *Уфимской* губерніи въ 1896 году прибавилось еще 53 читальни, что вмѣстѣ съ 10, открытыми въ 1895 году, составитъ 63 чайныхъ съ читальнями на 68. Такимъ образомъ, Оренбургская и Уфимская губерніи дальше другихъ пошли въ стремленіи создать изъ чайной народный клубъ. Но для правильной оцѣнки качества открытых читаленъ, намъ слѣдовало бы опредѣлить средній расходъ на читальню, но такъ какъ изъ общихъ расходовъ по устройству читаленъ въ отчетахъ не выдѣлены ни расходы по открытію читаленъ при чайныхъ, ни расходы по содержанію раньше открытых читаленъ, то намъ пришлось прибѣгнуть къ другому приему—опредѣлить средній расходъ по устройству читаленъ на каждый уѣздный комитетъ. Этотъ расходъ въ *Оренбургской* губерніи равенъ 1,284 руб., а въ *Уфимской* всего 431 руб.; въ *Пермской* губ. онъ равенъ 1.000 руб., а въ *Самарской*—388 руб.

Какъ было указано выше, самостоятельныхъ читаленъ въ 1895 году попечительства не открывали; въ 1896 г. нѣкоторые комитеты приступили къ устройству самостоятельныхъ *библиотекъ-читаленъ*; такихъ библиотекъ было всего, устроено 27, изъ нихъ на *Пермскую* губернію приходится 2, на *Самарскую*—4, *Оренбургскую*—18 и *Уфимскую*—3. Въ отчетѣ констатируется полный успѣхъ всѣхъ читаленъ-библиотекъ. Къ сожалѣнію, подробныхъ свѣдѣній о всѣхъ библиотекахъ не имѣется, и потому нельзя получить полное представленіе о количествѣ книгъ, числѣ посѣтителей и пр.

Всего въ 1896 году было открыто 125 читаленъ (самостоятельныхъ и при чайныхъ), изъ нихъ на *Пермскую* губернію приходится—28, на *Самарскую*—10, *Оренбургскую*—31 и на *Уфимскую*—56 читаленъ, а съ открытыми въ 1895 году получимъ въ *Пермской* губерніи—85 читаленъ, въ *Самарской*—10, въ *Оренбургской*—40 и въ *Уфимской*—66 читаленъ.

Въ другой отрасли просвѣтительной дѣятельности, именно въ дѣлѣ устройства *народныхъ чтеній*, имѣющихъ особенно важное значеніе, въ виду доступности ихъ и для неграмотной части населенія, попечительствами сдѣлано было очень мало.

Въ 1895 году изъ 30 комитетовъ только 17 занялись этимъ дѣломъ. Въ *Пермской* губерніи народныхъ чтеній совсѣмъ не было, а въ 7 уѣздахъ были приобретены только фонари (46 шт.)

и картины къ нимъ на сумму 2,624 руб. 94 коп. Остальные три попечительства устроили народныя чтенія, причежъ въ *Оренбургской* губерніи чтенія происходили въ 3 пунктахъ по 7 чтеній; въ *Самарской* губерніи чтенія велись только въ гор. Самарѣ въ городскомъ театрѣ—на 66 чтеніяхъ присутствовало 23,617 человекъ—по 358 чел. на чтеніи; комитеты остальныхъ уѣздовъ ограничились лишь приобрѣтеніемъ фонарей. Въ *Уфимской* губерніи народныя чтенія происходили въ 2 пунктахъ, въ одномъ было 6 чтеній, въ другомъ чтенія происходили каждое воскресенье осенью и зимой. Уфимскій уѣздный комитетъ израсходовалъ на народныя чтенія только—72 коп. Такимъ образомъ, чтенія происходили въ 6 пунктахъ, изъ нихъ три приходится на Оренбургскую губернію, главный расходъ по народнымъ чтеніямъ составила покупка фонарей и картинъ.

1896 году дѣятельность попечительствъ приняла болѣе широкіе размѣры. Изъ 29 комитетовъ 17 занялись этимъ дѣломъ. Въ *Пермской* губерніи чтенія происходили въ слѣдующихъ уѣздахъ: Пермскомъ, гдѣ чтенія были во многихъ селахъ и заводахъ и въ г. Перми—въ каждомъ изъ этихъ пунктовъ чтеній было отъ 20 до 80, среднее число посѣтителей равнялось 800—400 человекъ; Соликамскомъ—въ 2 пунктахъ: въ гор. Оханскѣ было устроено 5 чтеній; въ Красноуфимскомъ—въ 7 пунктахъ; въ остальныхъ уѣздахъ чтеній не было, хотя мѣстными комитетами, кромѣ осинского, не признаваемаго надобности въ устройствѣ чтеній, были сдѣланы соотвѣтствующія постановленія и возбуждены ходатайства, но разрѣшенія въ отчетномъ году получено не было. Въ *Оренбургской* губерніи чтенія устраивались во всѣхъ уѣздахъ; преимущественно въ городахъ; въ г. Орскѣ было 40 чтеній съ 8,000 посѣтителей; въ гор. Троицкѣ было 40 чтеній, въ гор. Верхне-Уральскѣ съ октября по май чтенія происходили каждое воскресенье и привлекали по 300 человекъ посѣтителей; въ Челябинскомъ уѣздѣ чтенія производились по праздникамъ и воскреснымъ днямъ при чайныхъ. Въ *Самарской* губерніи чтенія устраивались въ трехъ уѣздахъ: Самарскомъ—въ гор. Самарѣ, въ мѣстномъ театрѣ, гдѣ было 24 чтенія съ 23,808 челов. посѣтителей, въ среднемъ по 984 на каждомъ чтеніи; Ставропольскомъ и Новоузенскомъ—въ двухъ мѣстахъ. Въ *Уфимской* губерніи чтенія происходили въ трехъ уѣздахъ: Уфимскомъ—въ гор. Уфѣ—чтенія производились въ трехъ мѣстахъ, въ чайной и въ двухъ училищахъ съ начала 1896 года по 6 мая и съ 11 сентября до конца года—всего было 71 чтеніе съ 8,500 посѣтителей; Мензелинскомъ и Бирскомъ—въ гор. Бирскѣ, но въ послѣднемъ уѣздѣ комитетъ лишь выдавалъ пособія другимъ учрежденіямъ. Средній расходъ на комитетъ равенъ въ *Пермской* губерніи—625 руб. въ *Самарской*—1,331 руб., *Оренбургской*—2,470 руб. и въ *Уфимской*—448 руб.

Всѣ комитеты отмѣчаютъ, съ одной стороны, полный успѣхъ чтеній, интересъ, съ какими относится къ нимъ населеніе и, съ другой стороны, затруднительность получения разрѣшеній и то, какая масса времени нужна для получения этого разрѣшенія. Такъ, наприм., ирбитскій комитетъ (Пермской губерніи) возбудилъ ходатайство въ 1895 году и въ 1896 году еще не получилъ разрѣшенія; екатеринбургскій комитетъ (той же губерніи) возбудилъ ходатайство также въ 1895 году, а разрѣшеніе получилъ только въ 1897 году; вслѣдствіе неполученія разрѣшенія многимъ комитетамъ приходилось уступать фонари и картины въ пользованіе другимъ учрежденіямъ, уже имѣвшимъ разрѣшенія на производство чтеній. Дѣйствительно, общія условія, въ которыхъ находится устройство народныхъ чтеній, особенно внѣ городскихъ поселеній, должны были неблагопріятно отразиться въ дѣятельности попечительства въ этомъ направленіи.

Точно также дѣятельность попечительства по доставленію народу развлеченій — театральныхъ представленій, гуляній, въ сколько нибудь замѣтныхъ размѣрахъ начинается только со второго года ихъ существованія. Въ 1895 году театральныя представленія были организованы лишь въ 4 уѣздахъ Пермской губерніи. Въ трехъ мѣстахъ эти представленія происходили на постоянныхъ сценахъ, устроенныхъ или заарендованныхъ комитетами. Въ гор. Ирбитѣ былъ арендованъ городской театръ, и на представленіяхъ, съ платой за мѣсто отъ 7 коп. до 2 р. 50 к., присутствовало отъ 800 до 640 чел.; въ Юговскомъ заводѣ и въ с. Ильинскомъ (Пермскаго уѣзда) — отъ 200 до 400 чел.; въ гор. Осѣ въ среднемъ на представленіи присутствовало 150 человекъ. Пермскій и осыпскій комитеты устраивали народныя гулянья.

Въ 1896 году дѣятельность попечительства въ этомъ направленіи выразилась въ слѣдующемъ.

Въ Вирскомъ уѣздѣ, Уфимской губерніи, было устроено по два спектакля въ гор. Вирскѣ и 8 въ с. Асканѣ; кромѣ того, комитетъ заготовилъ декораций на сумму 132 рубля, преслѣдуя цѣль устройства народнаго театра. Особенно выдаются по своему значенію спектакли, устраивавшіеся въ с. Языковѣ, Бузулукаго уѣзда, Самарской губерніи. По предложенію комитета, вдова извѣстнаго композитора, В. С. Сѣрова, сдѣлала опыты постановки съ участіемъ крестьянъ, сначала въ хорахъ, а затѣмъ и въ сольных партіяхъ, отрывковъ изъ оперъ „Игорь“ и „Вражья Сила“. Спектакли происходили 3 раза лѣтомъ и 4 раза на Рождествѣ; число посѣтителей доходило до 250 человекъ, изъ коихъ три четверти были крестьяне. На платномъ спектаклѣ (5 коп.) число посѣтителей было вдвое. Затраты были очень незначительны — всего 458 руб. 15 коп., по 64 руб. 70 коп. на спектакль. Въ гор. Илецкой-Защитѣ, Оренбургской губерніи, былъ данъ одинъ спектакль, а въ нѣкоторыхъ селахъ устраивались гулянья и игры;

въ гор. Орскѣ было дано 4 бесплатныхъ концерта, привлекая 1600 посѣтителей, и бесплатныхъ спектаклей съ 2.750 зрителей. Въ *Пермскомъ* уѣздѣ спектакли давались въ 6 заводахъ и 2 селахъ, причемъ въ 3 пунктахъ имѣются постоянныя сцены. Въ гор. Ирбитѣ былъ заарендованъ городской театръ, гдѣ было дано 5 представлений и затѣмъ въ городскомъ пассажѣ, гдѣ было дано еще 6 спектаклей. Спектакли и концерты устраивались и въ другихъ уѣздахъ *Пермской губерніи*: Оханскомъ, Осинскомъ, Шадринскомъ. Красноуфимскомъ, Екатеринбургскомъ, преимущественно въ уѣздныхъ городахъ.

Новой для попечительства отраслью дѣятельности въ 1896 году явилось устройство народныхъ хоровъ, чѣмъ занималось 14 комитетовъ, изъ коихъ 6 приходится на *Пермскую губернію*, съ общимъ расходомъ въ 3,634 рубля (по 605 рублей на комитетъ) и по 2 комитета на остальные губерніи.

Соликамскій уѣздный комитетъ, *Пермской губерніи*, устроилъ воскресную школу съ двумя отдѣленіями—мужскимъ и женскимъ. Чердынскій комитетъ, той же губерніи, сдѣлалъ постановленіе объ устройствѣ церкви-школы въ дер. Усть-Улаѣ, какъ въ виду мѣстныхъ условий, удаленности этого пункта отъ уѣзднаго города, такъ и въ виду отсутствія тамъ членовъ попечительства и неимѣнія подходящихъ помѣщеній и лицъ для открытія того или другого рода предпріятій. На постройку церкви-школы комитетъ собралъ 1,060 руб., ассигновавъ изъ своихъ средствъ 500 руб.

Эти два факта ясно показываютъ, что умственный уровень населенія нѣкоторыхъ захолустныхъ уголковъ нашего отечества находится на такой низкой ступени, что просвѣтительнымъ учрежденіямъ приходится начинать свое дѣло съ самаго начала—именно съ распространенія грамотности. Это обстоятельство возлагаетъ большую нравственную отвѣтственность на учрежденія, призванныя къ распространенію культуры и просвѣщенія, и требуетъ отъ нихъ приложенія всѣхъ силъ и всѣхъ средствъ, имѣющихся въ ихъ распоряженіи. Между тѣмъ, какъ мы видѣли, попечительствами ни въ 1895 году, ни въ 1896 году не всѣ средства были использованы.

Помѣщенная ниже таблица представляетъ выраженные въ процентахъ по отношенію къ общей суммѣ средствъ, находившихся въ распоряженіи уѣздныхъ комитетовъ каждой изъ четырехъ губерній,—размѣры расходовъ ихъ на ту или другую отрасль дѣятельности, а также размѣръ суммъ, оставшихся въ каждомъ попечествѣ къ концу отчетныхъ годовъ. Эта таблица даетъ наглядное представленіе объ объемѣ и характерѣ дѣятельности попечительства.

	Чайныя и столовыя.		Читальни и народныя чтенія.		Народныя развлечения и народныя мелкія рахоры.		Дѣлопроизв. и другіе расходы.		Остатокъ къ 1-му января.	
	1895.	1896.	1895.	1896.	1895.	1896.	1895.	1896.	1895.	1897.
Пермская . .	20.4	39.5	7.7	12	2.2	7.2	4.6	5.2	65.1	36.1
Самарская . .	32.7	41	10.4	11	—	5.4	2.9	7.4	52.2	35.2
Оренбургск. .	46.4	48.1	9	27	1.2	5.1	7	6.3	36.4	18.5
Уфимская . .	42.2	32.2	5.2	13.5	—	1.1	5.7	6	46.9	46.1
Всѣмъ . . .	—	—	—	—	—	—	—	—	54.7	33.4

Попробуемъ теперь, имѣя въ виду все вышеизложенное и данныя настоящей таблицы, сдѣлать выводы относительно характера дѣятельности попечительствъ.

Наибольшую часть своего бюджета попечительства расходовали на устройство учреждений, имѣющихъ въ виду не столько духовные, сколько матеріальные интересы населенія, именно на устройство чайныхъ и столовыхъ. Въ оба отчетные года на первомъ мѣстѣ стоитъ *оренбургское* попечительство, затѣмъ идутъ *уфимское*, которое въ 1896 году значительно уменьшило свои расходы на этотъ предметъ, *самарское* же и *пермское* попечительства, занимавшія въ 1895 году второе мѣсто, въ 1896 году значительно увеличиваютъ относительный размѣръ этихъ расходовъ.

Израсходовавъ на устройство чайныхъ отъ $\frac{1}{3}$ до половины бюджета, попечительства удѣлили очень мало средствъ на другую, наиболѣе, однако, важную, сторону своей дѣятельности, именно на устройство *читальни-библіотекъ* и *народныхъ чтеній*. По обнаруженному интересу къ этому дѣлу въ 1895 году на первомъ мѣстѣ стоитъ *самарское* попечительство, затѣмъ идутъ *оренбургское*, *пермское* и *уфимское*. Въ 1896 году мы наблюдаемъ слѣдующее явленіе: *оренбургское* попечительство утрачиваетъ относительный размѣръ своихъ расходовъ на этотъ предметъ, доводя его до 27%; то же мы наблюдаемъ и въ *уфимскомъ* попечительствѣ, которое увеличиваетъ его съ 5,2% до 13,5%; въ то же время *пермское* и *самарское* лишь незначительно увеличиваютъ процентъ своихъ расходовъ, причемъ въ послѣднемъ это увеличеніе равно лишь 0,6%.

Дѣятельность попечительствъ по доставленію народу *развлеченій*, потребовавшая въ 1895 году лишь очень незначительной части бюджета, въ 1896 году получаетъ нѣкоторое развитіе, причемъ здѣсь особенно выделяется *пермское* попечительство, затѣмъ идутъ *самарское* и *оренбургское* и, наконецъ, *уфимское*.

Такимъ образомъ, въ дѣлѣ устройства чайныхъ и столовыхъ всѣ попечительства обнаружили почти одинаково широкую дѣятельность, что объясняется какъ отсутствіемъ затрудненій и формальностей при ихъ открытіи, такъ и несложностью и неотвѣтственностью веденія самаго дѣла, требующаго отъ руководителя лишь опытности и знанія хозяйственной стороны предпріятія.

Совершенно въ другомъ положеніи находится дѣло устройства и заведыванія учрежденіями, преслѣдующими просвѣдѣтельными цѣли, т. е. читальными-библіотеками и народными чтеніями. Независимо отъ массы формальностей и затрудненій, которыя приходится преодолѣть при открытіи этихъ учрежденій, что должно было до нѣкоторой степени стѣснить дѣятельность попечительствъ въ этомъ направленіи, самое веденіе и заведываніе этимъ дѣломъ требуетъ отъ лицъ, которымъ оно можетъ быть поручено, не только знанія хозяйственной стороны предпріятія, но и нѣкотораго умственного денга, любви къ дѣлу и значительнаго досуга; очень можетъ быть, что невозможность для комитетовъ найти средѣ своихъ членовъ такихъ лицъ, которыя захотѣли и могли бы взять на себя заведываніе подобными учрежденіями, и вызвало столь слабое развитіе этой стороны ихъ дѣятельности.

III.

Очень интересныя данныя, но мало способствующія выясненію дѣятельности попечительствъ, даютъ отчеты по вопросу о личномъ составѣ комитетовъ.

Уже выше мы указывали, что вся дѣятельность попечительствъ можетъ выразиться только при посредствѣ членовъ-соревнователей и участковыхъ попечителей; отъ того или другого ихъ состава исполнѣ зависѣтъ успѣхи попечительствъ и чѣмъ шире будетъ участіе общества въ работѣ попечительствъ, чѣмъ больше будетъ къ ней привлечено мѣстныхъ силъ изъ лицъ, имѣющихъ наиболѣе досуга и не отвлекаемыхъ своими служебными обязанностями отъ просвѣдѣтельной работы, тѣмъ благотворнѣе и полнѣе будутъ результаты дѣятельности попечительствъ.

Если это такъ, если правильно наше мнѣніе, что необходимымъ условіемъ успѣха *общественнаго* дѣла является широкое участіе въ немъ *общества*, то мы впрямѣ сдѣлать обратное предположеніе, что чѣмъ успѣшнѣе и полнѣе была дѣятельность попечительствъ, тѣмъ шире было участіе въ ней мѣстныхъ общественныхъ силъ.

Посмотримъ, какой отвѣтъ дадутъ намъ на этотъ вопросъ цифры отчетовъ. Последнія въ таблицахъ о составѣ комитетовъ въ особую графу выносятъ лицъ, *на службѣ не состоящихъ*, противопоставляя ихъ тѣмъ, которыя состоятъ на службѣ государственной или общественной; мы не сдѣлаемъ большой ошибки, если для характеристики личнаго состава попечительствъ возьмемъ именно цифру лицъ, на службѣ не состоящихъ, и по численному отношенію ихъ къ общему количеству членовъ будемъ судить о степени участія общества въ дѣятельности попечительствъ.

Изъ общаго числа членовъ-соревнователей въ 1895 году въ

2685 человек—неслужащих было 1288, или 48,7%—выше средней въ попечительствахъ *Самарской* — 59,4% и *Оренбургской* губерний—58,2%, ниже средней въ *Пермской*—39% и въ *Уфимской*—38%. Въ 1896 году процентъ участія общества подымается до 52,3% (при общемъ числѣ членовъ-соревнователей въ 4108 челов.); въ частности онъ выше средней въ *оренбургскомъ* и *уфимскомъ* попечительствахъ (69% въ первомъ и 57% во второмъ), ниже средней въ *самарскомъ*—48,9% и въ *пермскомъ*—42,7%.

Такимъ образомъ, наибольшее повышеніе участія общества въ дѣятельности попечительствъ въ 1896 году замѣчается въ *уфимскомъ* (19%) и *оренбургскомъ* (11%), въ *пермскомъ* оно равно лишь 8,7%, въ *самарскомъ* участіе общества даже падаетъ съ 59,4% до 48,9%.

Мы должны признать, что при низкомъ уровнѣ культурнаго и умственнаго развитія народа самымъ важнымъ дѣломъ, самымъ настоятельнымъ вопросомъ является возможно широкая дѣятельность, направленная къ поднятію этого уровня, къ доставленію народу возможности не только приобрести знаніе грамоты, но и способствовать дальнѣйшему его развитію, при помощи учрежденій, дающихъ дополнительное, внѣшкольное образованіе.

Потому, наиболее важной стороною дѣятельности попечительствъ, требующей наибольшаго вниманія, мы должны признать работу, направленную на просвѣдѣтельные дѣла; между тѣмъ, мы видѣли, что дѣятельность попечительствъ въ этомъ направленіи была очень слабо развита и очень неравномерна.

Съ другой стороны, мы указывали, что работа въ области просвѣщенія, въ дѣлѣ доставленія населенію средствъ для внѣшкольнаго образованія, по самому своему существу, требуетъ широкаго участія общества, безъ котораго немислимо достаточно широкое ея развитіе.

Мы только что видѣли, что по участію общества въ 1895 году въ дѣятельности попечительствъ послѣднія идутъ въ слѣдующемъ убывающемъ порядкѣ: самарское, оренбургское, пермское и уфимское—въ области просвѣдѣтельной дѣятельности въ 1895 году попечительства идутъ въ томъ же порядкѣ. Въ 1896 году участіе общества значительно повышается въ *оренбургскомъ* и *уфимскомъ* попечительствахъ, затѣмъ идутъ *пермское* и *самарское*—въ области просвѣдѣтельной дѣятельности значительный интересъ проявили въ 1896 году тѣ же *оренбургское* и *уфимское* попечительства, затѣмъ идутъ *пермское* и *самарское*, съ незначительнымъ новышеніемъ интереса къ просвѣдѣтельной работѣ.

Такимъ образомъ, степень участія общества въ дѣятельности попечительствъ отразилась на степени ихъ работы въ области просвѣщенія.

Не такъ наглядно отразилось вліяніе участія общества на дру-

тихъ сторонахъ дѣятельности попечительства: на устройствѣ чайныхъ и столовыхъ и народныхъ развлеченій, какъ вслѣдствіе того, что первыя не требуютъ такой напряженной и идейной работы общества, а вторыя, въ особенности народные хоры, не пользуются, повидимому, повсемѣстнымъ сочувствіемъ общества и признаніемъ своей полезности въ данныхъ условіяхъ.

Дѣятельность участковыхъ попечителей, назначаемыхъ изъ членовъ попечительства или членовъ-соревнователей ограничивается, по уставу, спеціальными функціями, такъ какъ они назначаются (п. 15) „для исполненія порученій уѣздныхъ комитетовъ и ближайшаго наблюденія за ходомъ питейной торговли въ мѣстахъ продажи питей какъ казенныхъ, такъ и содержимыхъ частными лицами, а равно для преслѣдованія тайной торговли крепкими напитками“.

Участіе мѣстныхъ общественныхъ дѣятелей въ составѣ участковыхъ попечителей было очень слабымъ и равнялось лишь 36,5% въ 1895 году и 38,2% въ 1896 году. Гораздо выше средней этотъ процентъ въ *оренбургскомъ* попечительствѣ, гдѣ онъ равенъ 57,2% въ 1895 году и 68,5% въ 1896 году, въ *уфимскомъ* же попечительствѣ онъ очень незначителенъ, равнялся 1,1% въ 1895 году и 3,6% въ 1896 году. Въ *пермскомъ* и *самарскомъ* участіе общества среди участковыхъ попечителей даже падаетъ въ 1896 году сравнительно съ 1895 годомъ съ 30,4% и 39,6% до 26% и 27,8%.

Изъ лицъ, состоящихъ на службѣ, въ качествѣ участковыхъ попечителей работали земскіе начальники, священники, врачи и учителя; подъ рубрикой „прочіе“ помѣщены, очевидно, служащіе по выборамъ. Участіе земскихъ начальниковъ въ оба отчетные года было очень значительнымъ и доходило до половины всѣхъ попечителей изъ лицъ служащихъ; по Уфимской губерніи этотъ процентъ подымается до $\frac{2}{3}$. Число священниковъ почти не измѣнилось, а врачей и учителей даже упало съ 54 до 42.

Данныхъ о размѣрахъ участковъ въ отчетахъ не имѣется, даны только отрывочныя указанія по нѣкоторымъ губерніямъ. Такъ для 1895 года мы встрѣчаемъ указаніе, что въ *Уфимской* губерніи на одинъ участокъ приходилось отъ 1,000 до 1,500 кв. верстъ, въ *Пермской*—отъ 230—9,143 кв. верстъ; въ отчетѣ за 1896 годъ говорится, что районъ участка колеблется отъ 18 кв. верстъ въ *Оренбургской* губерніи до 2,335 кв. верстъ въ *Пермской* губерніи. Поэтому, для оцѣнки успѣшности проведенія взгляда законодателя по вопросу о раздѣленіи губерній на участки мы должны остановиться исключительно на приведенныхъ въ нижеслѣдующей таблицѣ данныхъ.

ГУБЕРНИИ.	Общее чис- ло участко- вых попе- чителей.		Въ томъ чи- слѣ служ- ба не состо- щихъ.		Въ % къ общему чис- лу.		На 1 участокъ приходится.			
	95	96	95	96	95	96	Населенія.		Простран- ства въ кв. верстахъ.	
Пермская . . .	273	284	83	74	30,4	26	10.988	10.578	1003	1021,7
Самарская . . .	154	208	61	58	39,6	27,8	17.937	93.278	887,7	657,2
Оренбургская . .	208	311	119	213	57,2	68,5	7.732	5.171	801,5	536
Уфимская . . .	88	109	1	4	1,1	3,6	25.225	20.305	1218,3	983,6
Итого . . .	723	912	264	349	36,5	38,2	—	—	—	—

Изъ нея мы видимъ, что *оренбургское* попечительство и здѣсь стоитъ во главѣ другихъ; въ 1896 году *уфимское* попечительство значительно уменьшаетъ размѣръ участка, но количество населенія въ каждомъ участкѣ по прежнему остается наибольшимъ среди остальныхъ попечительствъ; *пермское* и *самарское* попечительства занимаютъ среднее мѣсто между этими двумя крайними по количеству населенія, приходящагося на каждый участокъ.

Отмѣчая выше желательность и благотворное вліяніе участія общества въ работѣ просвѣдительныхъ обществъ, каковыми въ частности являются и „Попечительства о народной трезвости“, констатируя зависимость результатовъ этой стороны ихъ дѣятельности отъ участія мѣстныхъ дѣятелей, мы были очень далеки отъ истины, подтвержденіе которой мы находимъ и въ отчетахъ нѣкоторыхъ уѣздныхъ комитетовъ, приведенныхъ въ выдержкахъ въ отчетахъ главнаго управленія. Тамъ встрѣчаются жалобы на отсутствіе со стороны мѣстной интеллигенціи интереса къ дѣятельности попечительствъ, на то, что некому поручить заведываніе тѣмъ или другимъ учрежденіемъ. Такимъ образомъ, если попечительства сдѣлали значительно меньше, чѣмъ они могли бы сдѣлать, если бы воспользовались всѣми находившимися въ ихъ распоряженіи суммами, то на мѣстномъ обществѣ лежитъ отчасти вина въ этомъ, такъ какъ оно не приняло возможно широкаго участія въ дѣятельности попечительствъ, но, съ другой стороны, нѣтъ ничего удивительнаго и въ томъ, что оно сочло нужнымъ присмотрѣться сначала къ новому для него учрежденію—въ 1896 году уже замѣтно усиленіе участія общества въ работѣ попечительствъ.

Можно только пожелать, чтобы попечительства шире и шире развивали свою просвѣдительную дѣятельность, и, привлекая въ ряды своихъ членовъ все болѣе широкіе круги общества, работали, на ряду съ другими учреждениями, на пользу и просвѣщеніе народа.

Изъ Англіи.

I.

Туристъ, желающій увидѣть „самое характерное“ въ Лондонѣ долженъ отправиться въ воскресенье въ Гайдъ-Паркъ, къ мраморной аркѣ. Во всякую погоду, въ проливной-ли дождь, въ сезонъ-ли желтыхъ и черныхъ тумановъ, въ лѣтнюю жару, начиная съ трехъ часовъ дня, туристъ найдетъ адѣсь цѣлую толпу, собравшуюся послушать ораторовъ. Иные изъ нихъ стоятъ подъ знаменами съ вышитыми девизами и собрали вокругъ себя порядную аудиторию; другіе просто взобрались на рѣшетку и говорить „въ пустое пространство“. Предъ ними нѣтъ слушателей; но ораторы этимъ не смущаются: они говорятъ и говорятъ. Вотъ остановился одинъ прохожій; за нимъ другой; скоро вокругъ оратора образовывается толпа. Она слушаетъ внимательно; иногда кто-либо вставляетъ замѣчаніе. Если ораторъ говоритъ не убѣдительно, его не будутъ слушать вовсе. Иногда слова оратора возбуждаютъ глубокій интересъ; тогда слушатели разбиваются на десятки кружковъ; въ центрѣ каждаго изъ нихъ какой-нибудь „книжникъ“, добровольно взявшій на себя обязанность комментатора. Кого только нѣтъ въ этой публикѣ! Рабочій, одѣтый по воскресному; солдатъ въ опереточной красной формѣ, съ палочкой въ рукахъ (англійскимъ солдатамъ воспрещено носить на улитѣ оружіе), матросъ, съ „душенькой“ въ ярыхъ перьяхъ; рука въ руку, клеркъ въ лоснящемся цилиндрѣ, суровый диссидентскій священникъ и т. д. Англичане крайне дорожатъ своей открытой аудиторіей; право свободной рѣчи досталось имъ очень не дешево. Стоитъ для этого просмотрѣть, напр., только что вышедшее „Жизнеописаніе“ недавно умершаго Ричарда Карлейля (Carlyle). Всего лишь 60 лѣтъ тому назадъ за рѣчь въ Гайдъ-Паркѣ можно было угодить на 3 года въ тюрьму. Еще болѣе, чѣмъ ораторы, любопытны тѣ темы, на которыя говорятъ въ Гайдъ-Паркѣ. Одинъ ораторъ обличаетъ съ цифрами въ рукахъ послѣдній министерскій билль; другой разъясняетъ, какъ необходимы Англіи высшія формы производства. Подъ однимъ деревомъ ораторъ толкуетъ, что такое прибавочная стоимость, а рядомъ лектируетъ „новомальтузіанецъ“, или „секуляристъ“, или Джорджъ Гаспарі, вотъ уже 30 лѣтъ каждое воскресенье разъясняющій публикѣ, что такое истинный „гуманитаризмъ“ и какаа польза отъ него. Но больше всего подъ деревьями, возле мраморной арки, релігіозныхъ проповѣдниковъ, представителей безъ

численныхъ англійскихъ сектъ. Иные являются со своей музыкой, съ собственнымъ хоромъ; другіе — ограничиваются переноснымъ органомъ да тремя-четырьмя пѣвцами; третьи, наконецъ, являются самъ-другъ. Какіе только догматы не выставляются! Какія только эксцентричныя теоріи не создаются! О чемъ только не говорить тѣ жиденькія „tracts“, которыя въ такомъ изобиліи раздаются и продаются сектами. Какая причина существованія ихъ? Чѣмъ объясняется усердіе ихъ въ пропагандѣ? Самое простое, часто выставлявшееся объясненіе это — ханжество англичанъ. Достаточно даже только внимательно присмотрѣться къ ораторамъ и послушать ихъ, чтобы убѣдиться, что объясненіе далеко не охватываетъ всего явленія. Второе объясненіе существованія нѣкоторыхъ особенно эксцентричныхъ сектъ это — взрывъ грубаго суевѣрія, который наблюдается теперь въ части среднихъ англійскихъ классовъ. И это объясненіе, вѣрное въ значительной степени, не охватываетъ явленія. Существовать еще какія-то причины, которыя заставляютъ смиреннаго клерика или мелкаго разносчика превратиться въ уличнаго проповѣдника, въ *corner preacher*, какъ его здѣсь называютъ. Чтобы выяснить эти причины, присмотримся нѣсколько ближе къ нѣкоторымъ ораторамъ, прежде чѣмъ познакомиться съ сектами. Быть можетъ, кое-что выяснится для насъ.

Воскресенье. Четыре часа. Главная аллея, ведущая отъ мраморной арки къ голому Виллингтону, залита публикой. На желѣзныхъ перилахъ сидятъ старичекъ и крѣпко сжимаетъ руками палку, на которой болтается полныя знамя съ изображеніемъ льва. Старичекъ выглядитъ такимъ жалкимъ, такимъ голоднымъ, въ особенности, когда весь Лондонъ укутанъ въ непроницаемый плащъ чернаго тумана, что хочется подойти и предложить ему выпить чашку кофе въ ближайшемъ рестораникѣ. Между тѣмъ, старичекъ этотъ считаетъ себя счастливѣйшимъ человѣкомъ. Господь послалъ его возвѣстить англичанамъ, что они — потерянные десять колѣнъ Израиля, которые переселились въ Англію изъ-за рѣки Самбатанъ, выбрасывающей постоянно градъ камней, — не помню ужъ при какомъ королѣ. У старичка въ карманѣ цѣлый ворохъ неопровержимыхъ доказательствъ въ видѣ выписокъ изъ Апокалипсиса, какихъ-то цифръ, таинственныхъ чертёжей и проч. Подъ знаменемъ со львомъ станутъ когда-нибудь всѣ „спасенные“, но пока ихъ нѣтъ. Старичекъ — страшный заика. Ему не только не удалось еще обратить кого-либо, но не пришлось даже произнести ни одной рѣчи. На первой-же фразѣ языкъ отказывается совершенно служить и ворочается совсѣмъ не въ ту сторону, куда слѣдуетъ. А между тѣмъ, если бы языкъ только послушался, — старичекъ увѣренъ въ томъ, — подъ знамя со львомъ сложились-бы сотни тысячъ. И вотъ регулярно каждое воскресенье старичекъ приходитъ сюда со знаменемъ въ рукахъ, съ

пламенной рѣчью въ головѣ и съ грудой вещественныхъ доказательствъ въ карманѣ. Остановка только за языкомъ. И каждый разъ старичекъ убѣждается, что и сегодня рѣчь не можетъ быть произнесена. И, подождавъ три часа, онъ взваливаетъ на узкія плечи огромное древко и тащится обратно на край города. А завтра съ утра старичекъ будетъ на работѣ. Онъ надписываетъ адреса въ одной фирмѣ. Отъ семи утра до восьми вечера онъ выводитъ одуряюще-однообразныя строки за полкраны въ день. Вечеромъ старичекъ произнесетъ мысленно: „однимъ днемъ ближе до воскресенья! Быть можетъ, теперь я заговорю“!

Рядомъ со старичкомъ, сверкая бѣлками и ослѣпительными зубами, проповѣдуетъ молодой красавецъ-индусъ. Онъ горячо машетъ руками, закатываетъ глаза въ экстазъ, подпрыгиваетъ. Его гибкій, стройный станъ извивается, какъ тѣло кобры, мотающейся головою въ тактъ арин, высвистываемой на дудкѣ укротителямъ. Нѣсколько женщинъ, большею частью старыя и некрасивыя, стоятъ за ораторомъ и замерли въ экстазъ, ловя каждое слово. Это—буддистъ, объясняющій толпѣ, что такое карма. Нѣсколько дальше, на опрокинутомъ ящикѣ изъ-подъ крахмала, стоитъ джентльменъ въ бѣломъ балахонѣ до пятъ, съ какими-то страннымъ уборомъ на головѣ, напоминающимъ не то тиару, не то тюрбанъ. Ораторъ—миссіонеръ съ береговъ Большого Солонного Озера. Онъ возвѣщаетъ толпѣ близость конца міра и говорить объ откровеніяхъ, скрытыхъ въ „книгѣ Мормона“. Костюмъ миссіонера это—нарядъ священника, по его словамъ. У мормоновъ въ Лондонѣ двѣ „церкви“. Говорятъ, въ послѣднее время миссіонеры особенно усердствуютъ, потому что городъ святыхъ послѣднихъ дней нуждается въ рабочихъ рукахъ. Лондонскій Lumpreproletariat, у котораго двѣ альтернативы: либо солдатскія казармы, либо тюрьма,—доставляетъ не мало новообращенныхъ въ мормонство.

Раздались ликующіе голоса; слышенъ звонъ цимбаловъ, пискъ дудокъ и хлопанье въ ладоши. Это идетъ „сражаться съ дьяволомъ“ отрядъ „Плззбруцовской арміи“. „Сраженіе“ будетъ состоять въ томъ, что произнесутъ рядъ проповѣдей и пропоютъ десятокъ гимновъ. Это называется на языкѣ арміи „обстрѣливать дьявола по всему фронту“. Гораздо болѣе энергично сражается съ тѣмъ же врагомъ секта „вѣрующихъ въ Джэзъ Саутпотіанъ“. Послѣ нѣсколькихъ гимновъ всѣ „саутпотіане“ начинаютъ подпрыгивать на лугу.

— Пригайте выше, братья! Аллилуйя!—кричитъ, запыхавшись, „капитанъ“, толстый, страдающій одышкой старикъ, въ кудой курткѣ, въ форменной фуражкѣ, обшитой черными шнурами.—Выше, выше! Дьяволъ на землѣ. Чѣмъ выше прыгнете вы, тѣмъ ближе будете къ небу, тѣмъ тяжелѣе упадете на дьявола. — Но братья и сестры и безъ того усердствуютъ.

Къ четыремъ часамъ, если погода хороша, являются сведенборгианцы, поклонники духовидца Эмануэля Сведенборга. Ихъ знамена украшены мистическими надписями и символическими треугольниками. Сведенборгианцы, у которыхъ въ Англіи около сотни церквей, комментируютъ таинственную книгу основателя „*Agaspa Coelestia*“ или же излагаютъ взглядъ пророка на темныя мѣста Апокалипсиса. Почти постоянно можно встрѣтить въ Гайдъ-Паркѣ „Агасемонитовъ“, проповѣдующихъ, что страшный судъ уже наступаетъ, что весь міръ осужденъ на муки вѣчныя, а спасеніе лишь въ „убѣжищѣ любви“, о которомъ дальше. Въ ясную погоду подъ деревьями и на лугу любознательный туристъ насчитаетъ не менѣе тридцати различныхъ сектъ; тутъ: „Алсеианцы“, „Зостъ Перисостъ“, „Армія славы“, „Ревуны“, „Ревивалисты“ и пр. Но это лишь незначительная часть всѣхъ сектъ, существующихъ въ Англіи. Раскройте Унтекерскіе альманахъ за этотъ годъ. Вы тамъ найдете списокъ англійскихъ сектъ. Ихъ всѣхъ... 292. Но это лишь, такъ сказать, официально существующія. Въ томъ же Гайдъ-Паркѣ, возлѣ мраморной арки, поучаютъ не мало проповѣдниковъ, не принадлежащихъ ни къ одной изъ перечисленныхъ сектъ. Какойнибудь маленькій клеркъ, парapaющій всю недѣлю въ громадномъ грессбухѣ, или работникъ, или мелкій лавочникъ, въ немногія свободныя минуты отъ своихъ обязанностей додумывается до того, что кажется ему неопровержимой истиной. Искать же истину онъ долженъ, потому что для одного мамона жить не можетъ. Концепція „истины“, конечно, находится въ прямой зависимости, какъ отъ силы ума, такъ и отъ запаса знаній додумавшагося до нея. Разъ истина найдена, клеркъ или лавочникъ не могутъ держать ее только для себя. Англичанинъ по натурѣ своей пропагандистъ. Сдѣлавши извѣстное открытіе, онъ желаетъ его повѣдать всѣмъ. И вотъ, жертвуя своимъ досугомъ, онъ отправляется въ воскресенье въ Гайдъ-Паркъ, а то на первый перекрестокъ и возглашаетъ всѣмъ, что считаетъ истиной. Проповѣдь не даетъ открывшему истину рѣшительно ничего: ни славы, ни денегъ. Единственной наградой ему будетъ развѣ инфлуэнца, которую проповѣдникъ схватитъ, потому что лондонскій климатъ измѣнчивъ, хляби небесныя часто раскрыты, а обычай требуетъ, чтобы говорили съ непокрытой головой. Публика послушаетъ; если ораторъ затронетъ какънибудь чувствительныя струны въ ея сердцѣ, у него будутъ послѣдователи. Въ противномъ случаѣ, ораторъ будетъ проповѣдывать деревьямъ. Такимъ образомъ, подчасъ, многія англійскія секты, даже самыя эксцентричныя, являются результатомъ, во-первыхъ, извѣстной пытливости духа, а, во-вторыхъ, послѣдствіемъ *интеллигентности*, если допустить, что послѣдняя находится въ зависимости не отъ суммы знаній даннаго лица, а отъ сознанія необходимости жить не только для самого себя.

Въ своей конституціи англичане воздерживаются отъ писанныхъ формъ. Они не вѣрятъ, что писанная конституція есть гарантія свободы: по ихъ мнѣнію, лучшей гарантіей является постоянная готовность населенія отстаивать свои права отъ всякихъ покушеній. Если это такъ, то писанная конституція только стѣсняетъ ростъ общественной жизни, выдвигающей все новыя и новыя запросы.

То же самое и въ духовной жизни англичанина. Онъ недоверчиво относится къ догмату, который можетъ сковать духъ. Даже господствующая англиканская церковь является, въ сущности, тремя различными церквами: *high church*, *low church* и *broad church*. Англичанинъ охотно мирится съ сотнями сектъ, подчасъ, какъ увидимъ, слишкомъ эксцентричныхъ; онъ видитъ въ нихъ незначительно меньшій вредъ, чѣмъ въ насильно навязываемой одной закостенѣвшей формѣ. „Все, но только не папство!“ „*No popery!*“ — говоритъ средній англичанинъ. Для него „*popery*“ значитъ — гоненія на совѣсть, костры Маріи Кровавой и клейменіе сектантовъ каленымъ желѣзомъ при Стюартахъ.

Теперь познакомимся съ различными типами эксцентричныхъ сектъ.

II.

Въ Лондонѣ есть дома, которые, какъ магнитъ иглу, притягиваютъ не только миссіонеровъ всякаго рода, но и дамы изъ лиги „Подсѣжника“. Всѣ они считаютъ особенно пріятнымъ спортомъ странствовать туда. Эти дома — тѣ „складочные сараи челоуѣчества“, какъ ихъ называютъ здѣсь, которыхъ такъ много въ наиболѣе бѣдныхъ кварталахъ Лондона. Это тѣ дома, которые отъ погребовъ до чердаковъ набиты людми, захваченными „мальштремомъ неправильной работы“, людми, пытающимися жить на бюджетъ, на который въ столицѣ прожить нельзя. Такихъ домовъ теперь гораздо больше въ центрѣ столицы, напр., между Риджентъ-Стритъ и Чарингъ-Кроссомъ, чѣмъ въ знаменитомъ Уайтчепелѣ. Заглянемъ въ одинъ изъ этихъ „складочныхъ сараевъ челоуѣчества“. Когда-то это былъ барскій домъ. Впослѣдствіи онъ пришелъ въ ветхость. Такъ какъ до срока аренды осталось уже немного лѣтъ *), то домовладѣлецъ пересталъ ремонтировать зданіе. „Хорошіе“ жильцы ушли; но домовладѣлецъ отъ

*) Въ Лондонѣ всѣ дома выстроены на землѣ, снятой у лэндлордовъ на 99 лѣтъ. Домовладѣлецъ строитъ зданіе въ томъ расчетѣ, чтобы оно простояло только этотъ срокъ. Чѣмъ ближе конецъ аренды, тѣмъ болѣе неохотно дѣлаетъ домовладѣлецъ какой либо ремонтъ. Обыкновенно, дома, простоявшіе 85—90 лѣтъ, напоминаютъ „Вяземскую лавру“ былаго времени.

этого ничего не потерялъ, такъ какъ впустилъ перекаченную голытьбу. Въ домѣ, въ которомъ прежде жила одна семья, теперь живетъ ихъ 30—40. Заняты всѣ углы. Домъ можно узнать еще издали по острому, пронзительному тошноту запаху: лучшія двѣ комнаты заняты скорнякомъ, превращающимъ въ бобровъ шкуры, содранные съ бездомныхъ кошекъ.

Какая пестрая коллекція типовъ! На самомъ верху, въ антресоляхъ, живетъ ветхій старикъ, который спитъ днемъ и выполняетъ лишь вечеромъ. Это—астрономъ-самоучка. Онъ составилъ самъ телескопъ, и вечерами вы можете видѣть старика близъ парламента. Онъ предлагаетъ прохожимъ „взглянуть на звѣзды“—за пени. Астрономъ въ то же время и „будильщикъ“. За пени въ недѣлю онъ будитъ въ три часа утра тѣхъ, кому нужно идти на работу въ первую смену. Рядомъ съ астрономомъ—старый чистильщикъ улицъ. Онъ организовалъ секту, состоящую изъ себя самого да изъ старухи-жены и печатаетъ даже газету. Набираетъ и составляетъ онъ ее самъ. Печатаетъ первобытнымъ путемъ, т. е. накладывая листъ бумаги на наборъ и приколачивая сапожной щеткой, чтобы всѣ буквы вышли. Номера этой газеты старикъ самъ продаетъ въ Гайдъ-Паркъ по воскресеньямъ. Ихъ покупаютъ любители курьезовъ или же наши братья, иностранецъ. „Хорошій“ тиражъ—это 20—25 №№. Статьи всѣ написаны въ очень сильныхъ выраженіяхъ, какъ напр., „гарпія нашей совѣсти“, „толстые пузы, обтянутыя рясами“ и т. д. Этажомъ ниже живетъ какой-то кудлатый джентльменъ, съ длинной, нечесанной шевелюрой гораздо ниже плечъ. Я его постоянно встрѣчаю въ британскомъ музеѣ, гдѣ этотъ джентльменъ занимается третье мѣсто отъ меня. Онъ прежде пробовалъ было являться въ бібліотеку въ самодѣльномъ костюмѣ: въ длинномъ лиловомъ хитонѣ до колѣнъ, съ открытыми руками и шеей, въ длинныхъ чулкахъ, въ полотняныхъ башмакахъ; но безъ той существенной части туалета, къ которой, говорятъ, африканскіе дикари питаютъ особенное отвращеніе. Джентльменъ до сихъ поръ негодуетъ, когда рассказываетъ, какъ воспретили ему ходить безъ штановъ. Это—докторъ N, не самозванный, а настоящій докторъ филозофіи Оксфордскаго университета, немножко тронутый, но совершенно безобидный. Онъ основалъ секту „первобытныхъ людей“ и теперь пишетъ все трактаты, въ которыхъ доказываетъ, что человѣчество утратило чистоту и добродѣтель съ тѣхъ поръ, какъ изобрѣтена дурацкая часть туалета. Докторъ, повидимому, имѣетъ кое какія средства и живетъ среди нищихъ въ силу какихъ-то особыхъ соображеній. Дальнѣйшіе этажи набиты цвѣточницами,—не тѣми куколками, какъ ихъ рисуютъ, а цвѣточницами съ Пикадилли-Серкесъ, оборванными, грязными, ругающимися хриплыми отъ водки басами, съ кулачищами, какъ у первоклассныхъ боксеровъ. Затѣмъ, въ домѣ живутъ чернорабочіе, не

знающіе утромъ, найдутъ ли они какую нибудь случайную „job“ (работишку) и т. д. Не все населеніе такое лояльное. Въ этотъ домъ часто заглядываетъ своими рысьими глазами ужась лондонскихъ преступниковъ—„детективъ“ (сыщикъ). Появленіе его пронаводитъ сенсацию. Вы сразу можете видѣть, кто изъ населенія имѣетъ свои основанія не встрѣчаться съ детективомъ. Одна часть населенія любопытно выглядываетъ изъ дверей, другая—бросается въ рассыпную, какъ тараканы, когда кухарка войдетъ въ кухню со свѣчей. Детективъ, однако, знаетъ заранѣе, гдѣ жертва. Онъ налетаетъ на нее, какъ коршунъ. Старый и опытный воръ сразунокоряется участи и самъ протягиваетъ руки для наручников. Онъ даже подаетъ совѣты, какъ лучше сдѣлать это. Молодой и неопытный преступникъ барахтается и призываетъ небо въ свидѣтели своей невинности. Иногда въ домъ ловятъ важнаго преступника, совершившаго убійство. Онъ становится героемъ дня. Въ томъ домѣ, о которомъ говорю я, почти во всѣхъ квартирахъ можно видѣть приклеенный къ стѣнѣ портретъ, вырѣзанный изъ вечерней улочной газеты. Это—пошленный мѣсяца три тому назадъ въ Ньюгэтской тюрьмѣ Вильямъ Дарси, иначе, „коротышка Билъ“, совершившій взволновавшее весь Лондонъ „дрюриленское убійство“. „Коротышку Била“ арестовали въ описываемомъ домѣ.

Воскресенье. Все населеніе сидитъ дома. Мужчины, безъ сигаретокъ, съ трубками въ зубахъ сидятъ на окнахъ и читаютъ воскресныя газеты. Женщины судачатъ на лѣстницѣ. Во дворѣ гомозятся оборванные дѣти въ возрастѣ отъ 12 лѣтъ до четырехъ мѣсяцевъ. Внизу настоящій пандемоніумъ. Въ одной изъ маленькихъ комнатъ, сдающихся по 2 ш. 6 пенсовъ въ недѣлю, лежитъ хозяинъ помѣщенія, молодой парень, грузильщикъ по профессіи. Когда онъ „не остается съ мышкомъ“, т. е., когда онъ имѣетъ постоянную работу, парень получаетъ 18 шиллинговъ въ недѣлю. Сегодня парень, по случаю воскресенья, занятъ не черной работой, а литературой и искусствомъ. Вокругъ него на постели лежатъ 5—6 №№ специальныхъ комическихъ журналовъ, издаваемыхъ для подонковъ. Всѣ они на одинъ ладъ: стоятъ полпенни, напечатаны на грязной, сѣрой бумагѣ и состоятъ почти исключительно изъ рисунковъ. Текста тамъ такъ мало, что „World's Comie“, „Funny Wonder“, „Funny Cuts“, „Larks“ или другія подобныя изданія можно сѣло дать въ руки не только неграмотному, но даже „tandmo“, тому бабуну, который, сидитъ въ зоологическомъ саду въ отдѣльной клеткѣ у входа въ „обезьяній домъ“. „Юморъ“ изданій состоитъ въ зубосокрушительныхъ пощечинахъ, въ вытеченныхъ глазахъ, въ переломанныхъ ребрахъ или же въ огромномъ количествѣ выпитой водки. Герои рисунковъ—пьянствующіе матросы, громины, форточники, полицейскіе, сварливыя бабы и т. д. Всѣ эти журналы, сотрудники

которых, повидимому, троглодиты,—падаются крупными капиталистами; изъ нихъ одинъ недавно, когда уличная печать муссировала „гулиганизмъ“, горько скорбѣлъ объ упадкѣ нравовъ среди массы. Въ этихъ журналахъ нѣтъ „безнравственнаго“ въ смыслѣ фривольнаго трактованія отношеній мужчины къ женщинамъ; но, кажется, даже „безнравственное“, если оно освѣщено хоть искрой остроумія, не такъ дѣйствуетъ удручающимъ образомъ, какъ этотъ „юморъ“ пещерныхъ людей. Если бы по этимъ нападѣніямъ кто либо сталъ изучать англійскія массы, онъ составилъ бы себѣ ужасное представленіе. Нашъ паренъ критически разсматриваетъ рисунки. Въ номерѣ есть еще рассказы: „Клеймо каторжника“, „Человѣкъ упырь“, „Черная смерть“,—но это „для бабъ“, въ судачаньи которыхъ на дѣйствицѣ теперь слышатся все болѣе и болѣе грязныя ноты. Но вотъ въ двери кто-то постучался. Входить, ласково улыбаясь, старенькій джентльменъ, весь въ черномъ, съ лоснящимся цилиндромъ на головѣ. Въ рукахъ у джентльмена пачка тоненькихъ книжечекъ, да свертокъ.

— Доброе утро, мой молодой другъ!—сладенько говоритъ джентльменъ. По выговору можно сейчасъ же узнать лавочника. Это и есть удалившійся отъ дѣлъ зеленщикъ, „для души ради“ присоединившійся къ сектѣ „отрядъ пилигримовъ“, страстующихъ въ бѣдныя кварталы.—А я принесъ вамъ картинку, которая какъ разъ придется къ вашему камину. Джентльменъ вынимаетъ изъ свертка лубочную картину. На ней изображена королева Викторія, вся увѣшанная жемчугомъ и брилліантами, какъ индійскій бурханъ. Передъ Викторіей на козлѣхъ стоитъ дикарь въ полной опереточной формѣ, т. е. въ юбкѣ и коронѣ изъ страусовыхъ перьевъ, съ огромными золотыми кольцами въ носу и ушахъ и съ браслетами на рукахъ и ногахъ. Королева протягиваетъ дикарю книгу, на корешкѣ которой написано: „Душеспасительныя гнины“. Внизу надписъ гласитъ: „Истинная причина величія Британіи“.

— Картина приноситъ двоякую пользу,—сладко продолжаетъ джентльменъ.—Во-первыхъ, вы видите, надъ какими народами править ея величество; во-вторыхъ, вы убѣдитесь, какіе дары она расточаетъ имъ. Къ картинкѣ я прибавлю вамъ еще эту книжечку. Изъ пачки вытаскивается брошюра, носящая нѣсколько странное названіе: „Плоть—это головня, вытѣшенная изъ адскаго огня“. Паренъ прячетъ брошюрку и разсматриваетъ картинку. Онъ вспоминаетъ только что видѣнный рисунокъ въ „Funny Cuts“, юморъ котораго состоитъ въ томъ, что дикари ѣдятъ миссіонера.

— Какъ зовутъ этого дурилу?—спрашиваетъ паренъ, тыча пальцемъ въ дикаря.—Онъ завтракаетъ холоднымъ миссіонеромъ?

— Олѣтъ, напротивъ,—считаетъ нужнымъ заступиться джентльменъ,—съ ними никогда не было хлопотъ. Миссіонеры наши ими не нахвалются.

— А на какомъ языкѣ лопочеть этотъ бештанникъ?

— Думаю—по нашему, на ломанномъ англійскомъ языкѣ. Въ особенности, съ тѣхъ поръ, какъ пристаѣ къ намъ.

— Какъ думаете, весь свѣтъ теперь знаетъ, какъ по нашему слѣдуетъ крещеному человѣку спросить „половину на половину“?—Парень думаетъ сказать, что весь міръ уже настолько усовершенствовался въ англійскомъ діалектѣ, что можетъ въ лондонскомъ кабакѣ спросить себя смѣсь изъ эля и портера и быть понятымъ. По понятіямъ парня, это высшая степень лингвистическихъ познаній.

— О, да, разумѣется. Въ особенности, съ тѣхъ поръ, какъ всюду распространяются наши брошюры,—со скромной гордостью отвѣчаютъ миссіонеръ.

Нѣсколько секундъ продолжается молчаніе. Викторія мило-ство глядитъ на дикаря, парень сосредоточенно рассматриваетъ ихъ обоихъ, а старый джентльменъ кротко созерцаетъ и Викто-рію, и дикаря, и парня.

— На какомъ языкѣ говорить наверху? — внезапно спраши-ваетъ парень.

— Гдѣ наверху?—недоумѣваетъ миссіонеръ.

— Въ томъ мѣстѣ, которое вы восхваляете постоянно.—Па-рень тычетъ пальцемъ въ брошюрку.

— По всей вѣроятности, по англійски. Во всякомъ случаѣ, тамъ поймутъ по нашему,—отвѣчаетъ, не задумываясь, старый джентльменъ.—Визитъ оконченъ. Миссіонеръ уходитъ, оставивъ еще брошюру, въ которой доказывается, что англичане—избран-ный Богомъ народъ. На лѣстницѣ диапазонъ дамскихъ голосовъ становится все громче да громче. Опять кто-то стучится. Вхо-дитъ пасторъ, дюжій, здоровый, съ могучими плечами, въ одно-бортномъ, высоко застегнутомъ сюртукѣ, съ низкой, широкопо-лой шляпой на головѣ. Это—представитель секты „Народная Лига“. Пасторъ рѣшительно приступаетъ прямо къ дѣлу. Парню дѣлается слѣдующее выгодное предложеніе. Онъ каждый вечеръ будетъ приходить въ „церковный клубъ“. Тамъ онъ можетъ ку-рить, играть въ кегли, читать газету, пить или, если онъ любитъ, подраться боксомъ со священникомъ. За то въ воскресенье па-рень долженъ явиться въ „скинью“, выслушать проповѣдь и про-пѣть, виѣсть съ конгрегаціей, два-три гимна. Я забылъ сказать, что къ этому прибавляется обязательство не пить ничего, кромѣ воды. Пасторъ спѣшитъ къ другимъ жильцамъ и оставляетъ бро-шюрку: „Стави въ небесныхъ окнахъ ужъ открыты“. На лѣстницѣ, между тѣмъ, вотъ-вотъ разразится гроза. Голоса стали прозвиз-тельными. Слышны крики: „bloody dog!“ „Bitch!“ Парень соби-рается выйти на лѣстницу, ибо, на основаніи долгаго опыта, знаетъ, что когда квартирантки договорились до „кровавой со-баки“, то слѣдующимъ шагомъ будетъ пощечина. Но вдругъ крики

сразу затихли. Подъ окнами раздался стук колесъ. Кто-то подѣхалъ. Публика высунулась изъ оконъ и смотритъ на коляску, запряженную парой, изъ которой вылетаетъ нарядно одѣтая лэди и начинаетъ подниматься по лѣстницѣ. За лэди идетъ лакей, которому огромный мѣховый воротникъ и топикъ, обтянутыя ноги придаютъ видъ на славу выстриженного пуделя. У лакея подъ мышкой огромный свертокъ. Дама начинаетъ обходить кварталы. Въ каждой она быстро сыплетъ словами минуть пять, затѣмъ уходитъ, оставивъ портретъ лорда Виконсфильда. Это дама изъ ультраконсервативной лиги „Подсѣжника“ вербуетъ защитниковъ „империализма, основъ и господствующей церкви“. Лига „Подсѣжника“ имѣетъ своихъ „рыцарей“, „дамъ“, „ключарей“ и „магистровъ“. Рыцарями, большею частью, являются приказчики изъ модныхъ магазиновъ, конторщики и пр. публика, которымъ лезно за пять шиллинговъ въ годъ стать въ одну лигу съ лордомъ Салсбюри да получить еще огромную, величиной въ ладонь, орденскую звезду „ложн“. Дамы „лиги“ убѣдились, что молодая демократія слишкомъ холодно относится къ идеямъ „Подсѣжника“; но такъ какъ лигѣ нуженъ „народъ“, то дамы обратились къ Lumphreproletariat'у. Интересно, послѣ ухода дамы, попроситъ нашего парня повторить то, что ему говорила проповѣдница. Мы бы услышали, что „русскіе не должны имѣть Константинополя“, что „Виконсфильдъ принесть цвѣты подсѣжника въ Англію“, кромѣ того, „побить Уата Тэйлора и Джэка Када“. Имя перваго мало извѣстно; но Джэка Када вѣдь мы хорошо знаемъ по хроникѣ Шекспира. Это тотъ самый вождь повстанцевъ, который во второй части хроники „Король Генрихъ VI“, во второй сценѣ четвертаго дѣйствія обращается къ своимъ товарищамъ со словами: „Вождь вашъ общаетъ реформу. Въ Англіи семь булокъ пенсовыхъ будутъ продаваться за одинъ пенни. Квартальная чарка будетъ вмѣщать три чарки... Все государство будетъ общее... Мы не оставимъ лордовъ, щадя лишь тѣхъ, на комъ одинъ лохмотья“. Изъ той же хроники мы знаемъ, что Джэка Када убилъ кентскій дворянинъ Иденъ и было это много вѣковъ назадъ. При чемъ же тутъ Виконсфильдъ? Дама, желая, чтобы парень ее лучше понималъ, сообщила ему, что Виконсфильдъ уничтожилъ современныхъ Уатовъ Тэйлоровъ и Джэковъ Кадовъ, т. е. всѣхъ иномыслящихъ, чѣмъ лига *Подсѣжника*. Историческія же познанія парня обогатились новыми фактами...

Чуть только уѣхала дама, какъ на улицѣ раздался пискъ духовъ, ревъ турецкихъ барабановъ и пѣнья. Очевидно, намѣреніе каждого изъ пѣвцовъ, во-первыхъ, состояло въ томъ, чтобы перекричать турецкіе барабаны, въ которые музыканты тузили, не жалѣя рукъ, и, во-вторыхъ, каждый пѣвецъ хотѣлъ, чтобы его именно голосъ услышали. Вслѣдствіе этого, пѣніе выходило не совсѣмъ стройнымъ. Это—секта и личная гвардія

Господня „шла на приступъ крѣпости сатаны“—дома съ жильцами. На лестницѣ слышался звонъ цимбаловъ. Въ комнату парня постукались. Вошла старая, высохшая, маленькая дѣвушка, въ очкахъ, въ огромномъ форменномъ капорѣ.

— Алллуйя! Братъ, идите за мной! помните, вѣдь вы мнѣ обѣщали, — говоритъ она. Парень клянется, что онъ шутитъ, что лучше его не брать, потому что онъ все равно будетъ смѣяться на митингѣ.

— Идемъ. Смѣйтесь, но только слушайте. Въ васъ сидитъ еще дьяволъ. Мы его выгонимъ. Идемъ!—Парень со вздохомъ беретъ шапку, надвигаетъ ее на самый затылокъ и идетъ за дѣвницей съ цимбаломъ. Ему неловко передъ сосѣдами; онъ пробуетъ отшучиваться; но дѣвица, громко звеня цимбалами, ведетъ „отбитаго у дьявола брата“.

III.

Сектъ, проповѣдующихъ, что англичане—избранный Богомъ народъ,—нѣсколько. Между ними самая интересная, безъ сомнѣнія, „Новый и послѣдній домъ Израиля“ или секта „Безсмертныхъ.“

По дорогѣ между Дувромъ и Лондономъ лежитъ маленькій приморскій городокъ Чатамъ, родина величайшаго англійскаго романиста, автора „Пиквикова.“ Если туристъ проезжаетъ это мѣсто днемъ, онъ, навѣрное, обратитъ вниманіе на громадное, полуразрушенное зданіе фантастической архитектуры, возвышающееся на крутой прибрежной скалѣ. Зданіе стоитъ совсѣмъ на юру, открытое всѣмъ вѣтрамъ.

Что это? Старинная ли это крѣпость римлянъ, какъ та, что бросается прежде всего въ глаза туристу, когда пароходъ причалитъ къ Дувру? Рыцарскій ли замокъ той эпохи, когда Кентъ былъ отдѣльнымъ королевствомъ? Нѣтъ, зданіе гораздо болѣе поздняго происхожденія. Это—разрушенный храмъ „безсмертныхъ“ или же „Джезрилитовъ,“ сложенный тридцать лѣтъ тому назадъ сектантами, которые, какъ будто бы, проспали шесть вѣковъ и принесли въ XIX в. вѣру XIII. Въ шестидесятыхъ годахъ въ Чатамѣ жилъ отставной солдатъ Джэмсъ Уайтъ. Онъ былъ очень близокъ съ корабельнымъ плотникомъ Роджерсомъ, который дошелъ до вывода, что англичане никто иные, какъ потерянные десять коленъ Израиля. Джэмсъ Уайтъ былъ женихомъ дочери Роджерса, красавицы Клариссы. Скоро Уайтъ сталъ горячимъ послѣдователемъ Роджерса. Онъ сталъ удалиться на вершину прибрежной скалы, чтобы тамъ въ уединеніи приписывать новыя доказательства тому, что англичане и Израиль — одно и то же. Здѣсь ему были видѣнія. Результатомъ ихъ явилась книга „Летающій Свитокъ,“ „послѣдняя Божья заповѣдь человѣку“, по

толкованію вѣрующихъ. Уайтъ сталъ пророкомъ новой вѣры и замѣнилъ свое нѣя другимъ:—„Джемсъ Джонъ Джезрилъ“.

По словамъ увѣровавшихъ, „Летающій Свитокъ“ разъясняетъ всѣ темныя мѣста Св. Писанія. Намъ, неувѣровавшимъ, „Свитокъ“ кажется характернымъ произведеніемъ душевно-больного. Та же безсвязность и туманность, тотъ же ворохъ цитатъ, приведенныхъ ни къ селу ни къ городу, то же „я“ на первомъ планѣ, т. е. всѣ тѣ признаки, которыми отличаются проповѣденія маттодоловъ, страдающихъ религіозной маніей. Простому смертному очень трудно расшифровать хоть два параграфа. Главные пункты ученія пророка Джезрила заключались въ слѣдующемъ: 1) Израиль долженъ собраться вмѣстѣ, чтобы ожидать близкое второе пришествіе Христа, и 2) всѣ увѣровавшіе въ „Летающій Свитокъ“—бессмертны. Джезрилъ въ особенности напиралъ на второй пунктъ. Смерть, училъ онъ, является послѣдствіемъ грѣха; вслѣдствіе этого всѣ не причастные грѣху—бессмертны. Всѣ, жившіе до сихъ поръ, умирали, потому что грѣшили; но истинный Израиль, познавшій „Летающій Свитокъ“, будетъ жить вѣчно. Весь онъ будетъ спасенъ отъ смерти.

Джезрилъ сталъ путешествовать по Англіи, пропагандируя всюду свое ученіе. Онъ былъ превосходнымъ ораторомъ. Современныя газеты приводятъ много разсказовъ о томъ, какъ аудиторія его дрожала отъ страха и въ концѣ концовъ начинала галлюцинировать, когда Джезрилъ описывалъ всѣ ужасы ада, ожидающіе не увѣровавшихъ. Огромный успѣхъ онъ имѣлъ въ глухихъ приморскихъ графствахъ, среди рыбаковъ и матросовъ. Джезрилъ поѣхалъ въ Австралію, но тамъ отнеслись очень холодно къ „Летающему Свитку;“ за то ученіе имѣло поразительный успѣхъ въ Америкѣ. Много богатыхъ фермеровъ стали „учениками“ пророка. Въ это время Джезрилъ женился на Клариссѣ. Онъ убѣдилъ всѣхъ увѣровавшихъ собраться вмѣстѣ близъ Чатама, въ Новомъ Брамтонѣ, чтобы тамъ ожидать второе пришествіе. На призывъ отозвались многіе. Въ Америкѣ обращенные фермеры продавали свои земельные участки, въ Шотландіи лавочники продавали свои лавки и отправлялись на призывный кличъ въ Новый Брамтонъ. Туда же шли нѣшкомъ рабочіе, которые были такъ бѣдны, что не могли купить билета для проѣзда. „Новая долина Иосафата“, Нью-Брамтона—лишь бѣдный рабочій пригородъ. Нужно было приспособить кварталъ такъ, чтобы вѣрующіе не умерли отъ голода. Джезрилъ снялъ большой участокъ пахотной земли и превратилъ часть публики въ земледѣльцевъ. Онъ завелъ также мастерскія всякаго рода, открылъ лавки, булочныя. Скоро во всемъ округѣ были лишь продавцы книгъ Джезрила, его чая, пива безъ алкоголя, сливковъ, башмаковъ, хлѣба и т. п. Повидимому, пророкъ твердо рѣшилъ, что новая вѣра должна держаться на прочномъ, „дѣловомъ“ фундаментѣ. Всякій

новообращенный долженъ былъ отдать одну десятую часть своего состоянія въ казну общины.

На первыхъ порахъ мѣстные лавочники смѣялись надъ новымъ конкурентомъ. Скоро, однако, они убѣдились, что это опасный соперникъ. Всѣ новообращенные покупали лишь въ лавкахъ Джезрида. Дѣла его такъ разрослись, что онъ открылъ отдѣленія своихъ магазиновъ въ другихъ городахъ. Пущены были въ ходъ самыя широкія рекламы. Въ окрестностяхъ Чатама стало модой патронизировать продукты общины. На вершинѣ холма, гдѣ Джезридъ составилъ „Летающій Свитокъ“, пророкъ началъ строить громадное зданіе фантастической архитектуры, „Святилище Изараня“, новый храмъ, который долженъ былъ быть въ то же время и штабъ-квартирой новой вѣры. „Залъ для собраний“ рассчитанъ былъ на пять тысячъ человекъ. По проекту, къ храму примыкали ряды лавокъ и мастерскихъ. Крѣпкая, высокая стѣна должна была окружать всѣ постройки. Повидимому, Новый Брамтонъ превращался въ центръ сильнаго религіознаго движенія. Отсюда краснорѣчивые миссіонеры отправлялись по всѣмъ колоніямъ и въ Америку. Но вотъ случился роковой ударъ: пророкъ, проповѣдывавшій безсмертіе, заболѣлъ и умеръ. Смерть произвела потрясающее впечатлѣніе на новообращенныхъ. Масса послѣдователей оставили Новый Брамтонъ. Напрасно вдова пророка, Кларисса, пробовала было остановить исходъ. Она возвѣстила, что Джезридъ явился лишь предтечей ея; что собственно она есть воплощеніе божества на землѣ: царица Эсепрь, невѣста Христова. Часть вѣрующихъ осталась; но смуты происходили непрерывно. Одно время произошелъ настоящій мятежъ, который повелъ къ расколу. Обѣ партіи отказались оставить храмъ, что вызвало рядъ настоящихъ сраженій. Въ концѣ концовъ, „царица Эсепрь“ восторжествовала; но черезъ три года секта потерпѣла новый ударъ. „Истинное воплощеніе божества“, Кларисса, провозгласившая догматъ безсмертія всѣхъ увѣровавшихъ—умерла. „Новый и послѣдній домъ Изараня“ распался. Вѣрующіе распались по всему свѣту, притокъ средствъ прекратился. Храмъ такъ и остался неоконченнымъ. Кредиторы пробовали продать его съ молотка, но не нашлись покупатели. Зданіе осталось памятникомъ страннаго движенія. Однако „безсмертные“ не исчезли совершенно. До сихъ поръ въ Новомъ Брамтонѣ у нихъ есть нѣсколько мастерскихъ. Въ ясную погоду вы можете видѣть нѣсколько странно одѣтыхъ стариковъ, которые копошатся возлѣ заброшенныхъ стѣнъ храма. То послѣдніе „безсмертные“ оплакиваютъ свое бывшее величіе, совѣтъ какъ вѣрующіе евреи у разрушенной стѣны Соломонова храма, въ Іерусалимѣ. „Безсмертные“ имѣютъ также свою „скупку“ въ Лондонѣ, на Gray's-inn-road, въ самомъ центрѣ судебной ябеди, на улицѣ, восмѣтой не разъ Диккенсомъ (въ „Пикникъхъ“, въ „Коперфильдъ“ и пр.). Трудно представить себѣ что либо бо-

лѣе печальное, чѣмъ „моленіе“ безсмертныхъ. Скиннѣя—маленькая комната въ третьемъ этажѣ. Все ея убранство состоитъ изъ старыхъ, покачнувшихся деревянныхъ скамеекъ съ высокими спинками. На стѣнѣ, подѣ стекломъ какіе-то странные треугольники, лѣвы съ человѣческими лицами, рыбы, сидящія верхомъ на быкахъ съ змѣйными головами, и т. д. Все это—иллюстраціи къ „Летающему Свитку“, графическое доказательство безсмертія „Новаго и послѣдняго дома Израилева“. На скамьяхъ—человѣкъ восемь стариковъ и старухъ. Слышится непрерывное старческое кряхтѣніе, прерываемое удушливымъ кашлемъ. Старики одѣты въ длинныя хантіи. Бороды у нихъ по поясъ. Изъ-подъ черныхъ скуфеекъ надаютъ спутанные сѣдые волосы. Вотъ двѣ старухи зацѣпили костлявыми пальцами струны арфъ. Пошлись дребезжащія, печальныя, тихія звуки: это изъ ораторіи Генделя. Старики пытаются пѣть; но слова гимна заглушаются непрерывнымъ кашлемъ. Припоминаются тѣ безсмертные „Струдобруги“, которыхъ видѣлъ д-ръ Лимуэль Гулливеръ, во время путешествія въ Лапуту. Но „струдобруги“ проклинали жизнь и смотрѣли на смерть, которая не могла придти къ нимъ, какъ на величайшее счастье; тогда какъ „безсмертные“, повидимому, цѣпко держатся за жизнь и создаютъ себѣ иллюзію, чтобы удалить призракъ приближающейся смерти... Гимнъ конченъ. Поднимается одинъ изъ стариковъ и тихо читаетъ что-то. Это—отрывокъ изъ „Летающаго Свитка“. Тѣ слова, которыя удастся разобрать, повидимому, лишены всякаго смысла. Это какая-то серія несвязныхъ кошмаровъ. Чтеніе окончено. „Если мы станемъ исполнять всѣ эти заповѣди,—мы никогда не умремъ,—прибавляетъ проповѣдникъ.—Мы станемъ жить до второго пришествія Спасителя“. Старики тихо качаютъ головами. Какая-то старуха всхлипываетъ. Кто знаетъ, въ сколькихъ сердцахъ адѣсь смутно и неопредѣленно носится то же, что было съ такой поразительной силой сформулировано когда-то великимъ поэтомъ стихами:

«Erlöschen sind die heitern Sonnen,
Der meiner Jugend Pfad erhellt,
Die Ideale sind zertrönnen,
Die einst das trunk'ne Herz geschwellt?»

„Только заблужденіе—жизнь; знаніе—смерть“,—приходитъ въ голову, когда видишь этихъ жалкихъ стариковъ, такъ цѣпко держащихся за призракъ чего-то.

IV.

Нѣсколько особо стоятъ „вѣролѣчители“, импортированныя секты изъ Америки. Въ послѣднее время „вѣролѣчители“ особенно заинтересовали публику, вслѣдствіе двухъ громкихъ процессовъ, о которыхъ я скажу сейчасъ. Повидимому, для этой

секты, по крайней мѣрѣ для вождей ея, уготовленъ тотъ „Narremillion“, о которомъ говорить Гейне въ „Книгѣ Лестрантъ“. Секта лѣчить „мысленно“ всякія болѣзни. Такъ какъ за лѣчение она беретъ очень много, то ея пациентами являются исключительно люди богатые. „Вѣролѣчители“ перекочевали въ Лондонъ года два тому назадъ. Близъ Гайдъ-Парка они основали „церковь“ и штабъ-квартиру со складомъ своихъ наданій; но заговорили о нихъ лишь послѣ смерти маіора Сесили Лестера, въ концѣ прошлаго года. Маіоръ былъ типичный лондонскій „снобъ“, жизнь котораго проходила въ казармахъ, на скачкахъ и въ ресторанахъ. Въ августѣ прошлаго года маіоръ заболѣлъ перитонитомъ. Пріятели посоветовали ему „полѣчиться вѣрой“ у секты. Тотчасъ же была послана телеграмма въ штабъ-квартиру, откуда на другой день явилась „вѣролѣчительница“, миссъ Грантъ. Результаты были, однако, плачевны. Больной умеръ. Коронеръ, опредѣлявшій причину смерти маіора, вызвалъ свидѣтельницей Грантъ. Она сказала, что не знаетъ, что собственно такое перитонитъ, отъ котораго страдалъ маіоръ; но Богъ вѣдь всевѣдущъ. Никакихъ лѣкарствъ они, вѣролѣчители, никогда не употребляютъ. Все лѣчение лишь „мысленное“. Маіору стало лучше послѣ перваго же сеанса; онъ, повидимому, былъ на пути къ выздоровленію, какъ вдругъ внезапно умеръ.

— Мнѣ хотѣлось бы знать, въ чемъ собственно состоитъ лѣчение?—спросилъ одинъ изъ присяжныхъ.

— Мы лѣчимъ мысленно и только. Мы не допускаемъ, что страданія посланы отъ Бога. Иисусъ Христосъ никогда не посмалъ больныхъ къ врачу.

— Да, но Онъ былъ Самъ величайшимъ исцѣлителемъ,—замѣтилъ одинъ изъ присяжныхъ.—Въ Немъ была мощь, которую вѣролѣчители хотятъ узурпировать. Такимъ образомъ, они хотятъ стать сами божествами.

Коронеръ констатировалъ смерть отъ перитонита, къ чему присяжные прибавили, что „они не могутъ не выразить своего порицанія вѣролѣчителямъ“.

Прошло лишь пять недѣль послѣ смерти Лестера, какъ вѣролѣчители снова заняли вниманіе общества. Этотъ случай, который мнѣ пришлось наблюдать самому, я опишу нѣсколько подробно. Въ Кенли, близъ Лондона, жилъ довольно извѣстный американскій романистъ Гарольдъ Фредерикъ. Его специальность—тѣ романы съ удивительными приключеніями, съ убійствами, похищеніями милліонами, таинственными ядами, съ шапками великосвѣтскихъ воровъ и пр.,—которые составляютъ почти весь продуктъ американскаго и значительную часть англійскаго книжныхъ рынковъ. Романы эти низменны, глупы до одури, шаблонны, но имѣютъ огромный успѣхъ среди извѣстной публики. Гарольдъ Фредерикъ заболѣлъ. Призваны были врачи, которые посадили

его на строгую діету, между прочимъ, воспретили шампанское и виски съ содовой водой, къ которымъ романистъ питалъ большую слабость. Сожительница романиста, миссъ Кэтъ Лайонъ, посоветовала Гарольду Фредерику обратиться къ „вѣролѣчителямъ“, съ которыми была знакома и которые, по ея словамъ, „лѣчатъ даже заочно“. Романистъ согласился. Миссъ Лайонъ немедленно послала въ штабъ-квартиру слѣдующую телеграмму: „Побѣда. Пришлите кого нибудь немедленно. Онъ долженъ быть силенъ и уменъ. Крайне необходимо“. Изъ штабъ-квартиры прибылъ главный жрецъ секты—миссъ Милсъ. Каждый визитъ ея оплачивается 10 рублями, кромѣ дорожныхъ расходовъ. Прежде всего, миссъ Милсъ потребовала, чтобы удалили всѣхъ врачей; затѣмъ разрѣшила больному все, между прочимъ, шампанское и виски съ содовой водой. Больной былъ „на пути къ выздоровленію“, какъ вдругъ внезапно умеръ. Коронеръ, опредѣляя причину смерти, вызвалъ свидѣтельницей миссъ Милсъ. Въ тотъ день камера коронера была биткомъ набита. Публика замѣтно заволоналась, когда въ свидѣтельской ложѣ появилась дама лѣтъ 35, изысканно одѣтая, съ большими брилліантами въ серьгахъ и въ брошкѣ, которой былъ застегнутъ шарфъ,—миссъ Милсъ. Гораздо болѣе, чѣмъ ея брилліанты, приковывало ея лицо: блѣдная, съ плотно сжатыми синеватыми губами, съ тяжелымъ, широкимъ подбородкомъ. Бѣловато-сѣрые глаза ея упорно глядѣли на коронера. Изъ-подъ модной шляпки выбивалась прядь бѣлокурыхъ, почти бѣлыхъ волосъ.

— Я—вѣролѣчительница,—начала, на вопросъ коронера, миссъ Милсъ низкимъ, какъ бы сдавленнымъ голосомъ.—Мой мужъ тоже вѣролѣчитель. Первый курсъ уроковъ вѣролѣченія я взяла два года тому назадъ, въ декабрѣ. Мой мужъ прежде былъ музыкантомъ.

— А что же нужно знать, чтобы стать вѣролѣчителемъ? — задалъ вопросъ коронеръ.

— Нужно быть добрымъ и повиноваться повелѣніямъ Божіимъ.

— Ну, а еще? Вѣдь это мы всѣ обязаны исполнять,—допытывается коронеръ.

— Еще нужно вѣрить въ истину и жить по ней,—спокойно и невозмутимо отвѣтила миссъ Милсъ.

— Ну, а еще?

— У васъ заполнится все время, если вы станете исполнять то, что я только что сказала.—Дальше свидѣтельница показала, что явилась къ романисту, „поговорила серьезно о причинахъ болѣзни“ и потребовала удаленія врачей. Это постоянное условіе: вѣролѣчители не хотятъ дѣйствовать тамъ, гдѣ есть доктора. Она не сказала ничего о лѣкарствахъ, а лишь о могуществѣ Божьемъ. Въ этомъ и состоитъ вѣролѣченіе. За визитъ миссъ

Милсъ брала гниевъ (10 руб.). Лѣчение бываетъ двоякое: въ присутствіи больного и заочное. Разницы никакой нѣтъ. Методъ одинъ и тотъ же, Богъ и Божій разумъ—одно и то же. Господь вездѣсущъ.

— Надѣялись ли вы исцѣлить покойнаго? — спросилъ ко-роверъ.

— Я ничего не знаю. Все предоставлено Богу. Я сказала Гарольду Фредерикку, что миссисъ Милсъ не можетъ сдѣлать ничего. Богъ можетъ сдѣлать все. Все зависитъ не отъ миссисъ Милсъ.

— Говорите ли вы пациентамъ, что они выздоровѣютъ?

— Съ Божьей помощью все возможно. Благо, коли человекъ здоровъ и крѣпокъ. Я сама исцѣлилась при помощи вѣролѣченія. Я не была крѣпкой и здоровой, но, благодаря Бога, я теперь такова.

— Сколько пациентовъ вы лѣчите разомъ?

— Мы не ограничиваемъ всемогущества Божьяго. Онъ добръ. Я знаю это. Я Его любила. Онъ—живая правда и дѣлаетъ все для насъ, если мы не осуждаемъ Его пынствомъ, худой или дурными дѣлами.

— Допускаете ли вы когда нибудь врачей?

— Нѣтъ, мы не можемъ лѣчить при нихъ. Мы не можемъ колебаться между между матеріей и духомъ. Господь—это духъ. Господь всемогущъ и добръ.

— Не можете ли вы сказать присяжнымъ, какъ часто вы видѣли покойнаго?

— Я не знаю. Ему всегда было пріятно видѣть меня. Это все, что я знаю. Онъ желалъ истину, а не миссисъ Милсъ.

— Я васъ спрашиваю, сколько разъ вы были у Гарольда Фредерика?

— Не знаю. Я была у него столько разъ, сколько онъ желалъ меня видѣть.

— Поправился ли онъ отъ вашего лѣченія?

— Да, онъ рѣшилъ, что нужно служить одному господину и что нельзя служить разомъ двумъ. Я сказала ему, что пью лѣкарство для него, и если онъ не приметъ лѣкарства,—я уйду. У меня не было другого лѣкарства, чтобы дать ему. Онъ сказалъ мнѣ: „оставайтесь, сударыня“....

— Каково было состояніе здоровья м-ра Фредерика, когда вы явились въ первый разъ?

— Мы не ставимъ діагнозовъ, какъ обыкновенные врачи.

— Былъ ли онъ очень слабъ?

— Я не обратила вниманія на то. Я сказала ему, что ему слѣдуетъ думать о Богѣ, и онъ будетъ счастливъ.

— Было ли замѣтно какое нибудь физическое улучшение съ тѣхъ поръ, какъ вы явились?

— Онъ не просилъ бы меня приходить, если бы не чувствовалъ облегченія.

Та же система уклончивыхъ отвѣтовъ, не говорящихъ рѣшительно ничего, продолжалась до самаго конца допроса. Коронеръ спросилъ, позвали ли бы вѣролѣпители врача, если бы ихъ попросили къ пациенту, сломавшему ногу.

— Развѣ Богъ не можетъ исцѣлить сломанной ноги?— отвѣтила попросомъ же миссисъ Милсъ.— Богъ—хорошій хирургъ.

— Я васъ спрашиваю, позвали ли бы вы врача?—нѣсколько раздражается коронеръ.

— Я живу только въ настоящемъ. Господь—въ настоящемъ.

— Отвѣте мнѣ: да или нѣтъ?

— Я не могу вамъ сказать теперь, что бы я сдѣлала.

Коронеръ нервно хмуритъ брови и уступаетъ мѣсто адвокату душеприказчиковъ, испускшемуся въ танцствахъ перекрестнаго допроса; но и онъ не узнаетъ ничего. Свидѣтельница, какъ стѣной, окружила себя уклончивыми отвѣтами. Адвокатъ проситъ свидѣтельницу опредѣлить присяжнымъ, что такое „вѣролѣпленіе“.

— Вы можете найти это въ Вэблинъ,—отвѣчаетъ миссисъ Милсъ.

— Могутъ ли „вѣролѣпители“ исцѣлить болѣзнь?

— Истина лѣчитъ и исцѣляетъ людей.

— Но играйте словами. Дайте прямой отвѣтъ. Вы давеча говорили, что посѣщали больныхъ, какъ врачъ. Такъ ли это?

Свидѣтельница утвердительно качаетъ головой. Въ ея свѣтлыхъ глазахъ на мгновеніе мелькаетъ выраженіе человѣка, которому предстоитъ перейти по тонкому льду; но затѣмъ на тонкихъ губахъ появляется легкая усмѣшка увѣренности, что переходъ совершится благополучно.

— Вы полагаете, что обладаете такою же силою исцѣленія, какъ и Всемогушій?

— Я полагаю, что истина всемогуща.

— Вѣрите ли вы, что обладаете особенной силой и что ваши молитвы бывають услышаны?

Свидѣтельница отвѣчаетъ, что, по ея мнѣнію, всѣ вѣрующіе въ истину могутъ стать исцѣлителями и могутъ совершать то же, что свершалъ Христосъ. Такъ повѣдалъ Онъ Самъ. Она шла лѣчить туда, куда ее звали. Адвокатъ переходитъ къ вопросу о гонорарѣ. Представитель душеприказчиковъ думаетъ, что на этой реальной почвѣ свидѣтельница не удастся окончать утвержденіями и перифразами. Надежда не оправдывается.

— Можете ли вы сказать намъ, сколько вы зарабатываете вѣролѣпленіемъ?

Свидѣтельница говоритъ, что не принесла книгъ своихъ и не можетъ отвѣтить даже приблизительно.

— Но вѣдь вы живете вѣролѣпленіемъ?—допытывается адвокатъ:—не можете ли вы намъ дать какую нибудь цифру?

— Я не веду книгу.

— Ну, скажите хоть, сколько вы зарабатываете въ хорошую недѣлю?

— Ничего не знаю.

— Получаете ли вы въ годъ 500—600 ф.?

— Не знаю.

— Я настаиваю на томъ, чтобы вы сказали, сколько вы получаете въ годъ путемъ вѣролѣченія: 100, 500, 1.000, 2.000 фунтовъ?

— Я никогда не обременяла своей памяти подобными фактами.

— Знаете ли вы, что „вѣролѣченіе“ мошенническое занятіе?

— Я сказала все, что знаю,—спокойно и невозмутимо отвѣчаетъ свидѣтельница.

— Ну, а вашъ мужъ имѣетъ достаточно денегъ?

— Онъ имѣетъ на хлѣбъ насущный.

— Живете ли вы комфортабельно?

— Не знаю. Придите—увидите.

Адвокатъ надѣется еще, повидимому, что лучшіе результаты получатся тогда, когда вопросы станутъ касаться непосредственно смерти Гарольда Фредерика.

— Имѣете ли вы какое нибудь представленіе о медицинѣ или о томъ, какъ ухаживать за больными?—продолжается допросъ.

— Нѣтъ, я ничего не знаю о медицинѣ и не желаю знать. Я вѣрю въ Христа. Я—послушница.

— Сколько больныхъ вы лѣчили?

— Не считала.

— Чѣмъ они страдали?

— Я ихъ не спрашивала. Это меня не касалось. Знаніе—заблужденіе.

— Если исцѣленіе не отъ васъ, то почему же вы берете за него деньги?

— Я не желаю, чтобы другіе дѣлали за меня что либо даромъ. Другіе думаютъ, вѣроятно, то же самое.

Допросъ тянется до безконечности. Свидѣтельница отвѣчаетъ въ томъ же духѣ. Встаютъ другой адвокатъ, представитель интересовъ вдовы романиста. (По завѣщанію, Гарольдъ Фредерикъ раздѣлитъ свое состояніе между вдовой и сожительницей). Но второй адвокатъ скоро пораженъ. На вопросъ, какъ давно свидѣтельница знаетъ Кэтъ Лапонъ (сожительницу),—миссисъ Милсъ отвѣчаетъ: „съ того дня, какъ я познакомилась съ ней“. Наконецъ, одинъ изъ присяжныхъ заявляетъ: „мы ничего не можемъ добиться отъ этой свидѣтельницы. Вотъ уже цѣлый часъ, какъ она говоритъ тутъ неистинно“. По опредѣленію коровера, миссисъ Милсъ и Кэтъ Лапонъ были преданы суду за убійство безъ зараніе обдуманнаго помѣщенія (manslaughter). Присяжные, однако, вынесли оправдательный приговоръ, и, по всей вѣроятности, вѣролѣчители до сихъ поръ имѣютъ значительное число пациентовъ.

V.

Заглянемъ теперь въ „Ковчегъ“, который одинъ, по мнѣнію основавшаго его, устоитъ среди разрушеннаго міра. Ковчегъ этотъ находится въ Лондонѣ на Rookwood Road. Онъ весь украшенъ изваяніями, имѣющими символическій смыслъ. Тутъ и „бѣлый конь“ изъ Апокалипсиса, и колесо, состоящее только изъ глазъ, и змѣй съ зѣриннымъ числомъ, и т. д. Гдѣ-то жалобно звенятъ струны арфы, время отъ времени прерываемы грозными трубными звуками. Молящихся почти нѣтъ. Въ силу этого, въ пустомъ „ковчегѣ“ арфа звучитъ еще жалобнѣе, а труба гремитъ еще грознѣе. Сгорбленная старушка съ выдающимися подбородкомъ, съ огромными круглыми очками на остромъ носу предлагаетъ пачку брошюрочекъ. Всѣ онѣ носятъ своеобразные заголовки. Та книжечка, которую я купилъ, называется „Крюкъ въ носу у Левіаана“. Авторъ комментируетъ слова книги Іова: „Ты можешь-ли Левіаана на удѣ вытащить“. По словамъ комментатора, Левіаанъ—это дьяволъ. Сокрытъ онъ въ человѣкѣ. Авторъ учитъ, какъ всадить ему крючекъ въ носъ, чтобы павлечь дьявола.

Мы—у секты „Агапемоне“, основатель которой, „братъ Принсъ“, породилъ въ свое время цѣлую литературу и теперь, недѣли три тому назадъ, умеръ въ глубокой старости. „Страшный судъ уже совершился“—поучалъ Принсъ. Онъ, проповѣдникъ, посланъ на землю для того, чтобы собрать спасенныхъ и отдалить ихъ отъ осужденнаго на вѣчныя муки міра. Принсъ имѣлъ, въ особенності, глубокое вліяніе на женщинъ. Подъ вліяніемъ проповѣди Принса, около 200 обращенныхъ отдали ему все свое имущество. На эти деньги былъ выстроенъ „ковчегъ“ въ Лондонѣ, а затѣмъ купленъ значительный участокъ земли въ Сомерсетѣ. Здѣсь была рѣка, лѣсъ и луга. Все это обнесли высокой стѣной. Въ оградѣ выстроили нѣсколько домовъ, гдѣ поселились обращенные агапемониты. Скитъ получилъ названіе „убѣжища любви“, *the Abode of love*. „Пусть кипитъ кругомъ грѣховная жизнь,—училъ „братъ Принсъ“, —ей не захватить „убѣжища“. Въ немъ спасенные будутъ жить впредъ времени и пространства, дожидаясь, пока Богу будетъ угодно привести свой приговоръ въ исполненіе и уничтожить осужденный уже міръ. Время это—порожденіе грѣха. Оно не существуетъ для спасенныхъ. Смерть вызвана тѣмъ же обстоятельствомъ“.

Миссіонеры новой вѣры привлекли много новообращенныхъ изъ всей Англіи. Измученные и изломанные жизнью и пресыщенные ею стекались со всѣхъ сторонъ въ „убѣжище любви“. Туда допускались и мужчины, и женщины; но они должны были жить лишь въ духовномъ общеніи. Скоро для „убѣжища“ наступили трудныя времена. Родственники тѣхъ, которые отдали

„убѣжищу“ всѣ свои средства, подняли процессъ. Они натравили цѣлую стаю самыхъ ловкихъ адвокатовъ, которые узнали, что творится въ „убѣжищѣ“, не смотря на то, что „спасенные“ были совершенно отрезаны отъ остальнаго міра. Даже поставщики провизіи не допускались въ „убѣжище“. Они оставляли продукты въ одномъ помѣщеніи, принимающемъ въ оградѣ. Стало навѣстно, что Принсъ живетъ, какъ король; что „спасенные“, не принеся съ собою денегъ, исполняютъ всю черную работу и т. д. Все это до крайности раздувалось печатью, какъ свѣтской, такъ и духовной. Начатый, однако, гражданскій процессъ не раскрылъ того, чего ожидали. Публика думала увидѣть новаго Іоанна Лейденскаго; но вмѣсто него оказалась очень маленькая и очень плохая копія. Процессъ, въ сущности говоря, кончился ничѣмъ; но онъ далъ возможность нѣкоторымъ ближе познакомиться съ внутреннимъ строемъ „убѣжища“. Ко времени процесса относится также любопытное интервью съ „братомъ Принсомъ“. Описавъ свиданіе наблюдательный авторъ, давшій намъ нѣсколько книгъ о жизни американскихъ и англійскихъ сектантовъ. Принсъ принялъ автора въ длинной, расшитый золотомъ мантіи.

Старый міръ осужденъ. Спасеніе лишь въ „убѣжищѣ любви“. Правда, въ мірѣ миллионы людей; но развѣ многіе спаслись въ ковчегѣ? Въ „убѣжищѣ“ живутъ лишь настоящихъ. Мысль о смерти оставлена,—сказалъ пророкъ.

— Но когда вы видите, что кругомъ васъ всѣ старѣются, что нѣкоторые умираютъ,—вы вѣдь должны допустить, что смерть можетъ явиться?—спросилъ у Принса посѣтитель.

— Мы никогда не думаемъ о смерти; мы не ждемъ ея,—отвѣтилъ пророкъ. — Мы знаемъ, что живъ Господь, и что мы живы въ Немъ. Смерть—это слово, находящееся во времени.

— Но вѣдь мы всѣ живемъ во времени? — переспросилъ посѣтитель.

— Вы живете во времени, но не мы. Мы ничего не знаемъ о немъ.

— А развѣ вы не имѣете никакого представленія о времени?

— О, нѣтъ!

Далѣе Принсъ сообщалъ, что Христосъ пришелъ для того, чтобы разрушить дѣло діавола въ душѣ. Онъ же, Принсъ, посланъ для того, чтобы сокрушить вліяніе сатаны на тѣло.

— Въ такомъ случаѣ, вы учите?—спросилъ посѣтитель.

— Нѣтъ.

— Проповѣдуете?

— Нѣтъ.

— Значитъ, пишете?

— Нѣтъ.

— Что же вы дѣлаете? Читаете?

— Ничего.

— Обрабатываете землю?

— Нѣтъ.

— Разсылаете миссіонеровъ?

— Нѣтъ.

— Какъ же вы проводите время?

— Мы не знаемъ времени, — отвѣтилъ апостолъ. (*Dixon*, „*Spiritual Wives*“). „Братья“ не признавали смерти, но она признала ихъ. Въ концѣ прошлаго мѣсяца умеръ братъ Принсъ; но гораздо рѣдше этого времени жизнь захлестнула своими волнами „убѣжище“. Отъ натиска дѣйствительности не спасли ни высокія стѣны, ни тѣпныя сады. Большинство „спасенныхъ“ оставили ковчегъ, не дожидаясь того, чтобы голубъ принесъ вѣстіе, что вода грѣхъ смыла.

Я бы долго не кончилъ, если бы захотѣлъ перечислить всѣ эксцентрическія англійскія секты, порожденныхъ одною изъ указанныхъ въ началѣ письма причинъ, т. е. либо ханжествомъ, либо взрывомъ суетврія, либо „интеллигентностью и запросомъ знанъ“. Поэтому, ограничусь еще одной сектой, самою „ученою“ среди „эксцентричныхъ“, именно сведенборгіанской, основанной лѣтъ семьдесятъ тому назадъ для истолковыванія мистическихъ книгъ шведскаго „визіонера“ Эммануила Сведенборга. Личность послѣдняго довольно хорошо извѣстна, поэтому я могу ограничиться нѣсколькими словами. Извѣстно, что, какъ законное дѣтище развеселаго XVIII вѣка, Сведенборгъ дебютировалъ въ литературѣ фривольными подражаніями метаморфозамъ Овидія („Полярная муза“); затѣмъ, онъ выступилъ съ дѣлымъ рядомъ математическихъ работъ, крайне важныхъ для своего времени. Съ середины тридцатыхъ годовъ прошлаго вѣка въ его многотомные труды все болѣе и болѣе проникаетъ мистическій элементъ. Таковы „философскіе и минералогическіе труды“, появившіеся въ 1784 г. (Сведенборгъ писалъ крайне много: никогда не меньше одного печатнаго листа въ день). Въ нихъ авторъ доказываетъ четыре положенія: 1) Природа въ основѣ вещей положила простые элементы. Части этихъ элементовъ состоятъ изъ еще болѣе простыхъ и однообразныхъ частицъ. 2) Всѣ явленія природы разрѣшаются геометрическими путемъ. Все въ природѣ—геометрія и *vis a tercia*. 3) Всѣ элементы могутъ вращаться въ одномъ пространствѣ, не препятствуя другъ другу. 4) Чтобы строить теоріи, пущимъ непровержимымъ факты; безъ нихъ нельзя ступить ни шагу. Научныя теоріи Сведенборга теперь не интересуютъ даже его послѣдователей, но въ деталяхъ онѣ любопытны. Въ своихъ „*Lettres de philosophie chimique*“ Дюма говоритъ, что Сведенборгъ создалъ кристаллографію и предугадалъ открытіе Уоластона о роли сферической формы въ составѣ кристалловъ. Вмѣстѣ съ Гершелемъ Сведенборгу принадлежатъ честь открытія положенія солнца и солнечной системы въ млечномъ пути.

Въ томъ же 1784 г. Сведенборгъ падаетъ книгу „О Безконечномъ, о цѣли природы и о таинственной связи души съ тѣломъ“. Читая эту книгу, равно какъ и послѣдующія произведенія, — все равно, что бродить по Лондону во время чернаго тумана: кругомъ мракъ; не знаешь, куда двинуться и что ждетъ впередъ. Мистическія формулы начинаютъ встрѣчаться все чаще и чаще, хотя въ 1785 г. Сведенборгъ посѣщаетъ Парижъ и пишетъ трактатъ о балетѣ, которымъ очень увлекался тогда. Въ 1741 г. Сведенборгъ переселился въ Лондонъ, гдѣ и умеръ въ 1772 г. Здѣсь написано поразительное количество томовъ на различныхъ темы. Здѣсь въ 1745 г. у Сведенборга начались „видѣнія“, которыя онъ описалъ въ громадныхъ трактатахъ. Характерно то, что въ перемежку съ трактатами объ „Ангельской мудрости“, о „Новомъ Іерусалимѣ“, „О бѣдомъ коня, упомянутомъ въ XIX главѣ Апокалипсиса“, Сведенборгъ пишетъ произведеніе по англійски „The Generative Organs“. Именно Сведенборга вывелъ Гёте во второй части Фауста, какъ „Pater Seraphicus“. Это онъ отвѣчаетъ хору „блаженныхъ отроковъ“:

„Knaben! Mitternachts geborne,
Halt erschlossen Geist und Sinn.
Für die Eltern gleich verlorne,
Für die Engel zum gewinn“, и т. д.

Съ сороковыхъ годовъ прошлаго вѣка Сведенборгъ является основателемъ „Новаго Іерусалима“. Если отбросить мистическія форіатуры, таинственные чертежи и безконечныя формулы *), то все ученіе сводится къ четыремъ положеніямъ, меньше всего могущимъ претендовать на оригинальность или новизну: 1) нужно возможно чаще читать Библию; 2) необходимо „сплзъ насъ гнетущей покоряться и терпѣть“; 3) нужно быть сдержаннымъ, и 4) вѣрно исполнять свой долгъ. Черезъ много лѣтъ, послѣ смерти Сведенборга, его „новая церковь“ возродилась въ Англіи. Въ таинственномъ ученіи комментаторы увидѣли не то, что тамъ было, а то, что имъ хотѣлось увидать. Сведенборгианцы имѣютъ теперь въ одномъ лишь Лондонѣ 10 „скупій“. Желающему познакомиться съ сектой слѣдуетъ, однако, отправиться не въ одну изъ этихъ церквей, а въ книжный складъ, что на Bloomsbury street, рядомъ съ Британскимъ музеемъ. Вдоль стѣны здѣсь шкафы съ огром-

*) Сведенборгъ часто прибѣгаетъ къ математическимъ доказательствамъ. О характерѣ ихъ можно судить по остроумной пародіи у Вольтера. Бордоская академія наукъ предложила сочиненіе на премію: „Почему у барана (котораго вывелъ Кандидъ изъ Эльдорида) красная шерсть“. Одинъ ученый докторъ написалъ многотомный трактатъ, въ которомъ доказалъ что $\frac{a+b}{x} = Z$, ерго, баранъ долженъ имѣть красную шерсть и умереть отъ паршей. Вольтеръ имѣлъ въ виду математическія выкладки Сведенборга въ его мистическихъ трактатахъ.

мыми фоліантами въ красныхъ переплетахъ. Это все труды пророка, какъ на латинскомъ, такъ и англійскомъ языкахъ. „De socio et inferno ex auditis et visis“,—читаете вы на корешкахъ десятка томовъ.

— Тутъ разсказывается о путешествіи учителя въ другой міръ и о томъ, что онъ видѣлъ тамъ своими глазами и слышалъ своими ушами,—объяснить вамъ бібліотекаръ. — „De ultimo iudicio et Babyloniae destructa“,—читаете вы на другихъ томахъ. „Это—новый Апокалипсисъ“,—объяснить вамъ тотъ же бібліотекаръ. Почти цѣлую полку занимаетъ иностранное сочиненіе „Агсана Coelestia“, изъ котораго сведенборгіанцы особенно любятъ черпать мудрость.

— Великій Кантъ интересовался Сведенборгомъ. Онъ написалъ даже о немъ трактатъ въ 1786 г.,— быть можетъ прибавить вамъ бібліотекаръ, если заподозрить, что вы нѣмецъ. Безъ сомнѣнія, ему неизвѣстны слова того же Канта о Сведенборгѣ: „Когда-то визионеровъ жгли на кострахъ. Теперь достаточно дать имъ хорошій приемъ слабительнаго“.

О двухъ первыхъ причинахъ, порождающихъ эксцентричное сектантство въ Англіи, мнѣ говорить не приходится. Что же касается третьей, то мнѣ нужно было бы подвести кое-какіе итоги. Я позволю себѣ, вмѣсто этого, повторить одну старинную католическую легенду, составляющую 107 разсказовъ въ средневѣковомъ сборникѣ „Gesta Romanorum“, любимомъ чтеніи книжныхъ людей Западной Европы до реформаціи.

Въ городѣ Римѣ стояла статуя съ протянутою правою рукою. И на среднемъ пальцѣ ея видна была надпись: „Ударь здѣсь“. И многіе годы стояла статуя въ подобномъ положеніи, и никто не могъ понять, что означаетъ надпись. Ей многіе удивлялись, многіе истолковывали ее; но не могли ее понять даже первые мудрецы. Наконецъ, одинъ писецъ услышалъ про статую и захотѣлъ увидать ее. Онъ замѣтилъ, что когда статуя освѣщена солнцемъ, тѣнь отъ простертаго пальца особенно рѣзко выдѣляется. Подумавъ немного писецъ, затѣмъ взялъ лопату и сталъ копать тамъ, гдѣ падала тѣнь. И едва онъ покопалъ на три фута, какъ нашелъ дверь, а за ней дѣстницу, которая вела въ подземелье. Сильно поразился писецъ своему открытію и продолжалъ нѣслѣдованіе. Скоро онъ нашелъ огромную великолѣпную горницу. Здѣсь увидалъ онъ короля, королеву и много благородныхъ рыцарей, которые сидѣли за столомъ. И видно отъ многочисленной свиты было въ горницѣ. Всѣ были въ золотомъ платьѣ и хранили гробовое молчаніе. Писецъ осмотрѣлся кругомъ и видитъ въ углу горницы хитро грабенный камень, именуемый карбункуломъ. Отъ одного лишь блеска самоцвѣтнаго камня было свѣтло въ горницѣ. Въ другомъ углу стоялъ стрѣлецъ съ натянутымъ лукомъ и мѣтилъ въ карбункулъ. И прочелъ писецъ на лбу у стрѣльца надпись: „Если

то, что есмь. Моя стрѣла не минетъ цѣля; но самоцѣльному камню легко избѣжать удара". Изумился писецъ и пошелъ дальше. И вошелъ онъ въ обширный покой, гдѣ увидѣлъ множество прекрасныхъ женщинъ, наряженныхъ въ пурпуръ и выстроенныхъ въ рядъ. И сомкнуты крѣпко были уста ихъ. Дальше писецъ пошелъ въ конюшню, гдѣ нашелъ не мало коней и ословъ. Когда же онъ дотронулся до нихъ, то убѣдился, что они изъ камня. И много различныхъ горницъ и покоевъ еще осмотрѣлъ писецъ. Что только душа можетъ пожелать, то было тамъ. Когда писецъ возвратился въ первую горницу, онъ сказалъ себѣ: „не мало чудесъ я видѣлъ сегодня. Никто не повѣритъ мнѣ, если только не унесу отсюда какое нибудь доказательство". Окинувъ быстрымъ взглядомъ огромный столъ, писецъ увидалъ не малое количество хитро чеканныхъ золотыхъ кубковъ и сулей. И взялъ онъ нѣкоторые изъ нихъ, чтобы унести съ собою. Но не успѣлъ писецъ спрятать добычу за пазуху, какъ стрѣлецъ спустилъ тетиву. И попала стрѣла въ карбункулъ, и раздробила его на тысячу кусковъ. Мгновенно все погрузилось въ глубокій мракъ. Въ ужасѣ сталъ искать дорогу писецъ, но не нашелъ ея во мракѣ и погибъ въ великихъ мукахъ среди невѣдомыхъ статуй.

Къ легендѣ въ „Gesta Romanorum" приложенъ и ключъ. „Возлюбленный читатель,—говорится въ этомъ ключѣ,—статуя—это диаволъ, побуждающій къ знанію. Писецъ—одинъ изъ тѣхъ пытливыхъ, что горятъ желаніемъ познать все. Лѣстница, по которой онъ спускается—страсти. Стрѣлецъ—смерть; карбункулъ—жизнь человѣческая, а кубки и сулей—то, что люди называютъ знаніемъ".

Было время въ Англии, когда господствующая церковь кострами и вѣсѣльцами охраняла отъ „писцовъ" „лѣстницу". Это время прошло не такъ еще давно. Теперь и самыя эксцентричныя секты въ Англии являются доказательствомъ, что жажда познанія волнуется даже покрытые наиболѣе густымъ туманомъ умы. Пусть ищущіе истину идутъ совершенно ложнымъ и, подчасъ, смѣшнымъ путемъ, но все же это лучше, чѣмъ слѣпое принятіе морали, заключающейся въ приведенной легендѣ.

Діонео.

Восточные мотивы въ средневѣковомъ европейскомъ эпосѣ.

(Исследование Г. Н. Потанина. Над. географ. отдѣленія Имп. Общества любителей естествознанія. М. 1899).

I.

Последнее десятилѣтіе ознаменовалось спланнымъ стремленіемъ къ научному изученію народности на всѣхъ ступеняхъ ея духовнаго и матеріальнаго быта. Это стремленіе не обусловливается только тѣмъ живымъ интересомъ къ народу, который былъ за-вѣщанъ намъ прежними поколѣніями и особенно людьми шестидесятихъ годовъ; оно находится въ непосредственной связи съ общимъ подъемомъ образованности въ обществѣ, съ развитіемъ этнографическихъ изслѣдованій, появленіемъ этнографическихъ журналовъ и множества книгъ по общей и частной этнографіи, предназначенныхъ для обширнаго круга читателей. Этнографическія темы перѣдко бывали предметами публичныхъ лекцій; этнографическія выставки и музеи насчитывали десятки тысячъ ежегодныхъ посѣтителей. Въ то же время литература въ лучшихъ своихъ представителяхъ не переставала съ любовью изображать различныя стороны народнаго характера и быта, которая давала обширныя темы для музыкальной и художественной обработки.

Но особенно посчастливилось той области духовной культуры, которая является наиболее яркой выразительницей народной мысли и чувства, въ которой воплотились лучшія стороны народнаго духа, сказались его запросы и идеалы. Область эта—народная словесность, эпосъ и лирика. Отражая въ себѣ бытовые черты, вѣрованія и понятія народа, пытаясь, такъ сказать, соками этнографіи, она неотдѣлима отъ послѣдней; но, взятая самостоятельно съ точки зрѣнія своего идейнаго и художественнаго содержанія, она тѣсно примыкаетъ къ исторіи литературы и служитъ въ ней существенной частью, перѣдко опредѣляетъ ея направленіе и въ значительной степени уясняетъ законы ея внутренняго развитія. Цѣлый рядъ капитальныхъ изслѣдованій въ области былевой поэзіи по преимуществу открываетъ собой перспективу болѣе общихъ вопросовъ культурно-историческаго характера и далеко выходитъ за предѣлы академическихъ стѣнъ, чему немало способствуетъ и то обстоятельство, что для работъ въ этомъ направленіи все чаще и чаще стали открываться страницы журналовъ литературно-общественнаго свойства. Научный интересъ сли-

вается въ этой области съ живою потребностью проникнуть въ сокровенные тайники народной души, постичь загадочный смыслъ ея разнообразныхъ проявленій и тѣмъ вѣрнѣе пойти навстрѣчу ея насущнымъ стремленіямъ и запросамъ.

На глазахъ у всѣхъ, такъ сказать, возникло и развилось изученіе обширной литературы европейскаго и азіатскаго фольклора, и сравнительный методъ нашелъ громадное приложеніе при изученіи „параллелей“ къ сюжетамъ нашихъ былинъ. Расширился научный горизонтъ, и народное творчество, еще недавно питавшее гордость нѣкоторыхъ патриотовъ своей якобы самобытной мощью и обособленностью, оказалось частью великаго цѣлага и навсегда утратило ароматъ національной исключительности.

Въ этомъ отношеніи книга Г. Н. Потанина имѣетъ полное право на вниманіе образованнаго общества. Она представляетъ собой первую наиболѣе полную попытку рассмотреть основные внѣшніе мотивы въ цѣльной и относительно стройной системѣ и выяснитъ, по возможности, ихъ историческую послѣдовательность и пути ихъ распространенія. Русскій эпосъ является въ ней полноправнымъ членомъ обширной семьи восточныхъ и западныхъ мотивовъ; въ теченіе вѣковъ онъ выполнилъ большую самостоятельную работу, но далеко не порвалъ тѣхъ нитей, которыя связывали его съ отдаленными въ настоящее время родинами.

Г. Н. Потанинъ—неутомимый путешественникъ и изслѣдователь духовнаго быта центральной Азіи. Своими трудами въ этомъ направленіи онъ создалъ себѣ видное положеніе въ современной этнографической наукѣ, и послѣдняя, несомнѣнно, оцѣнитъ крупныя достоинства его труда. Но этотъ трудъ въ гораздо большей степени ждетъ историко-литературной оцѣнки, всесторонней и серьезной, какой онъ заслуживаетъ по своимъ крупнымъ достоинствамъ и, можетъ быть, не менѣе же крупнымъ недостаткамъ.

Въ настоящей запискѣ мы не беремъ на себя подобной задачи. Дать всестороннее критическое разсмотрѣніе труда Г. Н. Потанина значило бы написать тоже цѣлую книгу, своего рода „изслѣдованіе объ изслѣдованіи“, гдѣ явилась бы возможность на просторѣ разобратся въ чрезвычайно трудныхъ по своей сложности и гибкихъ вопросахъ строящейся науки фольклора. Мы почтемъ нашу задачу выполненной, если намъ удастся указать на содержаніе и характеръ интересующаго насъ изслѣдованія, отмѣтить его отношеніе къ русскому эпосу, коснуться вкратцѣ научныхъ пріемовъ автора и выяснитъ то, въ чемъ, по нашему мнѣнію, заключается безусловно положительная сторона его труда.

II.

Исследование „О восточных мотивах в средневековом европейском эпосе“ посвящено выяснению взаимоотношений между эпическими преданиями культурного Запада и степного Востока. Изучение обширного фольклористического материала привело исследователя к заключению о единстве средневекового западного и восточно-ордынского эпоса в очень раннюю эпоху, когда в культурах центральной Европы и Средней Азии не было еще той разницы, какая появляется позже, и обильные эпические материалы могли происходить более естественно и свободно. Эпоха эта так далеко уходит в глубину веков, что даже переселение среднеазиатских орд, которыми можно бы наметить первичную ступень хронологии, считается по отношению к ней позднейшим фактом. Исходя из той мысли, что переселения, по ториной дорог между Каспийским морем и Уральским хребтом, совершались в историческое время почти только в одном западном направлении, исследователь а priori предполагает „большие заносы с востока на запад и ничтожные с запада на восток“; последние были особенно случайны, так как снова в Азию уходили те же азиатские орды, почему-либо не оставшие в Европе, и потому „едва-ли успевшие чем-нибудь обогатить свою память на европейской почве“.

Занимствование одним племенем у другого его поэтического наследия может быть различно по количеству и глубине. В известных случаях, как это доказали разыскания ученых школы Г. Париса, Дармстедера, Райна, Леона Готье и др. в отношении Карловингского эпоса, происходит глубокое и многостороннее усвоение чуждаго предания, иногда во всем его объеме. Высшая культура при этом не является необходимым условием, при котором водворяется приходится на долю более культурного племени, а занимствование совершается только другой стороной. Занесенный франками немецкий эпос привился у более культурных галлов, а из Франции распространился в Италию и Испанию, т. е. в наиболее культурных странах романского юга. Подобным же образом варвары-гуны могли сообщить свои предания готам, а через них германцам; недаром в песнях о Нибелунгах гунский царь Аттила и его резиденция играют такую видную роль, и некоторые западно-европейские сюжеты хранят следы отчетливого, по мнению автора, гунского воздействия.

Но занимствования подобного рода, „в виде внезапного великого нашествия сюжетов“, не могли, естественно, совершаться часто. Гораздо более определенно можно говорить о занимствованиях частичных, притом взаимных, чаще всего по пути

разселенія племенъ на новыхъ мѣстахъ; передача сюжета отъ одного обитавшаго племени къ другому сосѣднему совершалась медленно, или, какъ выражается Г. Н. Потанинъ, шла „маятниковымъ порядкомъ“.

Представляя собою такимъ образомъ общую схему того, въ какихъ формахъ могло совершаться заимствование элементовъ народно-поэтического творчества, исследователь подвергаетъ обзору громадное количество параллелей изъ ордынскаго фольклора къ мотивамъ западно-европейскаго эпоса и приходитъ къ выводу, что многіе мотивы проникли въ Европу изъ центральной Азіи, вѣроятно, въ эпоху вторженія хазаръ, болгаръ и другихъ кочевниковъ. „Вся площадь центральной Азіи, можетъ быть, высмала дары Европѣ и на болгаро-хазарской территоріи соединялось, можетъ быть, нѣсколько азіатскихъ теченій, какъ въ общемъ руслѣ“. Указывая ордынскія параллели, авторъ не наставляетъ, исключая нѣкоторыхъ случаевъ, на прямой преемственности отъ нихъ европейскихъ сюжетовъ, но ихъ сходство говоритъ ему о единомъ источникѣ для тѣхъ и другихъ. Въ вопросѣ о пересадкѣ ихъ съ востока на западъ исследователь придаетъ большое значеніе народности уйгуровъ, которые представляются ему, какъ распространители идей, для Средней Азіи тѣмъ же, чѣмъ евреи были для Палестины и окрестныхъ странъ.

III.

Основная тема „восточныхъ мотивовъ“, привлеченныхъ къ изслѣдованію, раскрывается въ легендѣ о сотвореніи міра. Эта легенда безконечно варьируется, разбивается на отдѣльные элементы, переплетается съ другими сюжетами и въ большей или меньшей степени отклоняется отъ своего прототипа. Послѣдній можетъ быть переданъ такъ: Богъ хочетъ создать міръ, но безъ посторонней помощи не можетъ этого сдѣлать. Онъ находитъ себѣ помощника въ своемъ сынѣ (по другимъ вариантамъ ему помогаетъ сатана). Передъ Богомъ сплошной океанъ. Чтобы достать матеріалъ для земли со дна океана, помощникъ опускается туда, приноситъ землю, и Богъ создаетъ надъ океаномъ твердую оболочку. Затѣмъ между Творцомъ и помощникомъ возникаетъ споръ изъ-за обладанія землѣю.

Эта дуалистическая легенда, распространенная, между прочимъ, и понынѣ въ народныхъ массахъ Россіи, возникла гдѣ-то на сѣверо-востокѣ Азіи, въ Саянахъ, около Байкала, отсюда разселлась на Западъ съ инородческимъ населеніемъ и перешла съ вогулами, вотяками и пр. къ великоруссамъ, затѣмъ къ малоруссамъ (и бѣлоруссамъ).

Въ дальнѣйшихъ видоизмѣненіяхъ этого мотива царь неба, Творецъ міра, является земнымъ царемъ. Состыѣственно этому, и твореніе міра замѣняется военнымъ походомъ, въ которомъ

отецъ питеть помощи у сына и только благодаря ей выходитъ изъ затруднительнаго положенія. Дѣтство паревича проходитъ обыкновенно въ говеніяхъ и обидахъ со стороны братьевъ, но впоследствии онъ чудеснымъ образомъ возстановляетъ свои права, мститъ своимъ обидчикамъ, совершаетъ побѣдоносные походы и добываетъ „эрдени“, палладіумъ національнаго благополучія, „за-логъ счастья“.

Одинъ изъ вариантовъ (бурятскіхъ) легенды творцомъ міра называють Эсага-малана, у алтайцевъ Ульгена; помощникомъ его является Еранкъ; отождествляемый алтайскимъ сказаніемъ съ сыномъ знаменитаго Чингисъ-хана. Другими словами, Чингисъ-ханъ является на мѣстѣ творца, приурочивая къ себѣ, вѣроятно, уже до него существовавшію легенду о сотвореніи міра. „Если въ нѣкоторыхъ сказаніяхъ міра мѣсто творца занималъ Чингисъ, то, значитъ, были рассказы о соперничествѣ его съ сыномъ, помощникомъ въ твореніи“. Сынъ этотъ, какъ мы уже видѣли, называется Еранкомъ; по другимъ даннымъ, онъ же иногда назывался Орусъ или Урусъ, откуда, наконецъ, произошелъ Урусланъ нашихъ сказокъ. Это имя также связано съ мотивомъ о борьбѣ отца съ сыномъ: отецъ Урусланъ Лазаревичъ бьется съ своимъ сыномъ Урусланомъ Уруслановичемъ, какъ въ Шахъ-наме Рустемъ съ Зорабомъ.

Русская сказка объ Урусланѣ представляется автору такимъ же сводомъ легендъ о сынѣ деба, соперникѣ творца міра, различно называемомъ въ ордынскихъ вариантахъ, между прочимъ и Чингисомъ (уже „сыномъ неба“), какъ повѣсть о Гесарѣ. Иранская Рустеміада, дававшая, по мнѣнію В. В. Стасова и В. Ө. Миллера, матеріалъ для объясненія этой сказки, имѣетъ за себя мнѣніе данныхъ, чѣмъ ордынскія параллели, которыя если и имѣютъ генетическую связь съ працеской поэмой, то не прямую и не въ нисходящей линіи.

Споръ послѣ сотворенія міра, приводящій къ соперничеству отца съ сыномъ, выдѣлился въ особый разрядъ легендъ о противодникахъ, спорящихъ о вѣрѣ; легенды эти приводятъ къ лѣтописному преданію о кн. Владимірѣ, устроившемъ въ своемъ присутствіи состязаніе представителей трехъ религій: христіанской, мусульманской и іудейской. Въ космогонической легендѣ спорщики пытаются рѣшить споръ физической силой; книжная обработка, понятно, должна была облечь состязаніе въ новую форму—форму діалектическаго диспута.

Ордынскіе варианты легендъ о Чингисъ-ханѣ могли послужить источникомъ кавказскихъ народныхъ преданій, находящихся въ близкой связи съ грузинскимъ народнымъ романомъ объ Амиранѣ, въ появленіи котораго обыкновенно предполагали значительное книжное, именно—персидское вліяніе. Новыя развитія легенды о боѣ отца съ сыномъ приводятъ къ темамъ о на-

казаніи сына за гордость и прикованіи или заточеніи къ горѣ. Эти темы распространены отъ Кавказа во всей Средней Азии до южнаго Тибета; варіированіе въ нихъ основного мотива создало, съ одной стороны, легенды о зломъ демоническомъ существѣ, враждебномъ виновику и творцу жизни на землѣ, затѣмъ о змѣяхъ, заточенныхъ въ горѣ, и змѣеборцахъ, а съ другой—отразилось въ мотивахъ о самонадѣянности и похвальбѣ, находимыхъ и въ нашихъ былинахъ о Святогорѣ, Ильѣ Муромцѣ, Алешѣ Поповичѣ, Добрынѣ.

Ордынскіе преданія о Чингисъ-ханѣ распадутся подобнымъ образомъ на множество мотивовъ, цѣпляющихся одинъ за другой и соединяющихся, какъ звеньями цѣпи, преданія Запада и Востока. Съ одной стороны, они представляютъ собою варианты, различной степени близости, къ средневѣковымъ преданіямъ объ Аттілѣ и особенно Карлѣ, объ его происхожденіи, юности, хожденіи въ Иерусалимъ и т. д., а съ другой—сохраняють слѣды легенды о Буддѣ. Но и въ томъ, и другомъ случаѣ варианты эти находятся между собой въ извѣстной связи. Романъ о Карлѣ и его гонимой матери, напримѣръ, представляетъ собою вариантъ средне-азиатскаго сказанія о той божественной личности, которая извѣстна ламамъ подъ именемъ Арья-Бало или Авалокитешвары; въ то же время и слѣды легенды о Буддѣ авторъ склоненъ объяснять тѣмъ, что эта легенда была первоначально легендой Арья-Бало.

Арья-Бало монгольскихъ и тибетскихъ сказокъ представляетъ собой нѣсколько странное явленіе: въ одно и въ то же время онъ—воплощеніе идеи сираведливости, учитель, воспитывающій въ людяхъ добрыя чувства, и онъ же—хитрый обманщикъ, выходецъ изъ ада, издѣвающийся для потѣхи надъ честными людьми. Изъ многочисленныхъ сюжетовъ на тему о существѣ съ двойственной натурой, свѣтлой и темной, являющейся въ легендахъ съ различными именами и въ различныхъ формахъ могли войти нѣкоторые элементы въ апокрифическую христіанскую литературу и въ рассказы народной нѣмецкой книги о докторѣ Фаустѣ. Напримѣръ, Фаустъ продаетъ на рынкѣ коня. Передавая его покупателю, Фаустъ предупреждаетъ послѣдняго, чтобы онъ не ѣздилъ на этомъ конѣ на водоной. Тотъ согласился было, но, побуждаемый любопытствомъ, отправился туда, гдѣ купаютъ лошадей. Въ результатѣ—лошадь внезапно исчезла, а всадникъ оказался сидящимъ на связкѣ соломѣ. Въ подобное же комическое положеніе попадетъ Еркингъ, владыка мертвыхъ, промѣнявшій, по наущенію обманщика Балданъ-Сенге (alter ego Арья-Бало), своего дракона на быка.

Мы останавливаемся только на нѣкоторыхъ главахъ интереснаго изслѣдованія Г. Н. Потанина, болѣе другихъ находящихся въ связи съ основнымъ мотивомъ ордынскаго фольклора.

Будучи стѣснены размѣрами настоящей замітки, мы упомянемъ только такія главы, какъ Гунтеръ и Гагенъ, Виргилій въ средне-вѣковой легендѣ, Ацоллоній Тирскій, Калевала, поставленныя въ соотношеніе съ восточными параллелями, и перейдемъ къ главамъ, непосредственно соприкасающимся съ русскимъ эпосомъ.

IV.

Теорія заимствованій народно-поэтическихъ сюжетовъ русскаго эпоса съ востока, впервые опредѣленно заявленная В. В. Стасовымъ и надѣлавшая столько шума въ спеціальной и общей литературѣ своего времени, была вскорѣ послѣ своего появленія отвергнута критикой. Крайности и недостаточно-научная обоснованность ея играли при этомъ для нѣкоторыхъ изслѣдователей второстепенную роль; возраженія по существу чередовались съ тѣми, которыя къ наукѣ не имѣли никакого отношенія: такъ, критики славянофильскаго толка не могли допустить мысли о не-исконности эпическихъ основъ, изъ которыхъ они исходили въ своихъ построеніяхъ націоналистическаго и культурно-историческаго свойства. Время взяло свое; общественный интересъ къ вопросу о степени самобытности идейнаго и художественнаго содержанія нашего эпоса, въ которомъ прежде всего искали воплощенія рѣзко выраженнаго, такъ сказать, исторически-обособленнаго національнаго характера и типа, захватился детальною научною работою, освѣтившею предметъ съ новыхъ сторонъ и давшей ему совершенно иную постановку, независимую отъ предвзятыхъ теорій и формулъ казеннаго патріотизма. Была поставлена на прочную почву и можетъ считаться вполне доказанной гипотеза о культурномъ взаимодействіи племенныхъ элементовъ, не прекращавшемся никогда на пути историческаго развитія народа, взаимодействіи, результатомъ котораго объясняется не только сходство многихъ поэтическихъ сюжетовъ, но и сходство чертъ въ различныхъ областяхъ духовнаго и матеріальнаго быта. Другіе изслѣдователи не безъ успѣха отыскивали историческія черты подъ массою эпическихъ наслоеній и обнаруживали въ исторіи русской былинны сложный процессъ переработки какого-нибудь общаго Востоку и Западу мотива, подъ влияніемъ новыхъ условій бытовой и исторической жизни. Это изслѣдованіе отраженія исторіи въ былинахъ нерѣдко открывало въ нихъ древнѣйшія бытовые черты, указывало на близкую связь съ древней письменностью, а иногда могло служить и реальнымъ историческимъ подспорьемъ. Если районъ распространенія былиннаго репертуара могъ послужить, напр., косвеннымъ указаніемъ на исторію колонизаціоннаго движенія на сѣверъ и на востокъ, то обнаруженныя въ былинахъ слѣды воздѣйствія старинной книжной повѣсти или заходяго романа приводили изслѣдователя къ вопросу о пу-

тихъ, какими могли проникнуть въ народную массу иноземные литературные сюжеты, при чемъ выдвигался вопросъ объ участіи скомороховъ въ ихъ передѣлкѣ и обработкѣ новыхъ и т. д. Наряду съ изслѣдованіями народно-поэтического склада былинъ и техническихъ приемовъ въ ея сложеніи не забывались и общіе вопросы о томъ или иномъ происхожденіи русскаго эпоса, но рѣшались они уже исключительно научнымъ путемъ. Подвергшаяся нѣкогда остракизму Стасовская теорія воскресла въ недавнее время въ „Экскурсахъ“ московскаго профессора Вс. Ө. Миллера, гдѣ была проведена мысль объ иранскихъ источникахъ основныхъ мотивовъ нашего эпоса и высказано много цѣнныхъ наблюденій.

Мы останавливались уже на нѣкоторыхъ фактахъ, имѣющихъ отношеніе къ нашему эпосу, и обратили вниманіе на зависимость, въ которой находятся нѣкоторые мотивы нашихъ былинъ и сказокъ отъ развѣтвленій основныхъ преданій Востока. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ та или другая былина или сказка только однимъ или нѣсколькими изъ составляющихъ ее элементовъ обнаруживаетъ свое родство съ восточными преданіями, иногда же въ основѣ тѣхъ и другихъ лежитъ одна общая схема, которую находимъ, напр., изслѣдователь въ сюжетѣ былинъ объ Иванѣ Годиновичѣ и въ монгольскихъ и киргизскихъ сказаніяхъ. Сюжетъ названной былинъ общезвѣстенъ. Иванъ Годиновичъ, племянникъ кн. Владиміра, ѣдетъ въ Черниговъ (землю Лаховинскую, золотую орду, въ Индію) сватать за себя Настасью Дмитревну (Авдотью Лебедь бѣлую), но отецъ ея, богатый гость, заявляетъ, что она уже просватана за Кошю Трплетовича (Вахрамѣя Вахрамеевича, Одолища Кошечича). Тогда Иванъ Годиновичъ увозитъ силой невѣсту, по дорогѣ въ полѣ располагается на отдыхъ и разбиваетъ палатку. Въ это время нѣзаметъ Кошей и вызываетъ на бой. Иванъ повалилъ Кошею, хочетъ „спорить ему груди бѣлыя“ и проситъ Настасью подать ему ножъ. Но та, сдавшись на обѣщанія Кошю, помогаетъ послѣднему осилить Ивана и привязать его къ дереву. Кошей торжествуетъ побѣду и отирается съ Настасей въ палатку, но вскорѣ прилетаетъ на дерево воронъ и вѣщаетъ человѣчѣмъ голосомъ, что не владѣтъ Настасей Кошею, а владѣтъ тому же Ивану Годиновичу. Кошей пускаетъ въ ворона стрѣлу, которая, однако, обращается назадъ и убиваетъ его самого. Боясь мести, Настасья беретъ саблю и хочетъ отрубить привязанному богатырю голову, но сабля скользитъ и разрѣкаетъ только ремни, которыми онъ былъ привязанъ. Въ заключеніе Иванъ жестоко расправляется съ Настасей, отсѣкаетъ ей сначала руки, потомъ ноги, губы и наконецъ голову. Этотъ сюжетъ примыкаетъ въ цѣлому циклу т. н. „бродячихъ“ сюжетовъ о невѣрныхъ женахъ, невѣстахъ, сестрахъ. Немало параллелей ему открывається въ великорусскихъ сказкахъ и легендахъ, отра

вился онъ въ малорусской народной повѣсти пѣсней объ Иванѣ и Марьянкѣ, разсѣялся въ цѣлой массѣ сербскихъ и болгарскихъ пѣсней. Мысль о восточномъ происхожденіи подозрѣвалась учеными довольно давно, и индійскіе сходные сюжеты были отмѣчены еще Бенфеємъ въ его „Панчатантрѣ“. Съ большей определенностью Г. Н. Потанинъ указываетъ основную схему этого сюжета въ монгольской былинѣ о Хавугѣ и Хадынѣ, помогающей отиками и представляющей разсказъ объ измѣнѣ женщины, ея участіи въ схваткѣ богатырей, коварствѣ и наказаніи. Эта былина во всѣхъ своихъ частяхъ совпадаетъ, говоритъ Г. Н. Потанинъ, съ русской сказкой—на тотъ же мотивъ, но нѣсколько видоизмѣненной редакціи, а русская былина представляется изслѣдователю отрывкомъ этой сказки. Та же схема легла въ основу повѣсти о Гесэрѣ и киргизской сказки, послужившей параллелью къ роману о Бовѣ, и привела, съ одной стороны, къ русской лубочной сказкѣ о Бовѣ-королевичѣ, а съ другой—къ сказкамъ о Василиѣ Кирбятѣвичѣ, Иванѣ-царевичѣ и др.

Но если въ былинѣ объ Иванѣ Годиновичѣ изслѣдователь предположилъ только новыя параллели, не настаивая на ихъ положительной генетической связи съ русской былинной, то въ главѣ объ Ильѣ Муромцѣ онъ устанавливаетъ совершенно новую точку зрѣнія на происхожденіе сказаній съ именемъ этого богатыря. Извѣстный въ былинахъ съ неизмѣннымъ эпитетомъ „старого казака“, Илья Муромецъ 33 года въ сидняхъ сидѣлъ, былъ неслѣпъ, по былинамъ, каліками и отправился служить князю Владимиру. Изъ его подвиговъ особенно замѣчательны: освобожденіе Чернигова отъ разбойниковъ, плѣненіе Соловья-разбойника, борьба съ Идолищемъ поганымъ и Калиномъ-царемъ и, наконецъ, бой его съ сыномъ,—мотивъ сходный съ тѣмъ, о которомъ мы говорили выше. Научная разработка этихъ сюжетовъ вызвала многочисленныя изслѣдованія, изъ которыхъ въ однихъ проводилась мысль объ иранскихъ источникахъ, въ другихъ—и особенно для послѣдняго сюжета—указывались западныя параллели (Тидрексага), въ третьихъ дѣлались попытки историческаго обоснованія.

Г. Н. Потанинъ останавливается особенно на эпизодѣ съ Соловьемъ-разбойникомъ. Онъ привлекаетъ къ изслѣдованію этого мотива самарскую сказку о Борѣ Ярыжѣ, добытателѣ царскихъ нисигнѣй (короны, скипетра, державы). Какъ доказано И. Н. Ждановымъ, сказка эта въ несомнѣнной зависимости отъ повѣсти о Вавилонскомъ царствѣ, въ которой, по вызову царя, подобнымъ же образомъ добываются царскіе предметы изъ населеннаго чудовищами „змѣйнаго“ города Вавилона. Мнѣніе г. Жданова находитъ себѣ подтвержденіе въ упоминавшейся уже нами монгольской повѣсти о подвигахъ Гесэра, въ которой встрѣчаются параллели почти по всѣмъ эпизодамъ славянской повѣсти о Вавилонскомъ царствѣ и по многимъ сказочнымъ, изъ чего слѣдуетъ,

что указанная славянская повѣсть, русская сказка о Борнѣ и монгольская повѣсть о Гэсэртѣ „ведутъ свое начало изъ одного источника“.

Изъ этихъ произведений къ былинѣ объ Ильѣ Муромцѣ имѣетъ особое отношеніе сказка о Борнѣ. Она даетъ возможность раз-
вернуться въ темахъ, связанныхъ съ именемъ интересующаго насъ богатыря. Ильѣ представляется г. Потанину такимъ же добы-
телемъ сокровища, какъ и Борма, и былина о Соловѣй-разбой-
никѣ соответствуетъ разсказу о побѣдѣ Бормы въ Вавилонѣ.
По былинѣ Ильѣ спрашиваетъ у Соловья, гдѣ у него хранятся
сокровища. „Это намекъ на то, что Ильѣ (какъ и Борма) ѣхалъ
за какиъ-то сокровищемъ, вѣроятно, въ чужеземное царство и
наѣзжалъ на Соловья, сторожа этого царства, который никого
туда не пропускалъ“. Продолжая дальнѣйшее сопоставленіе де-
талей, исследователь приходитъ къ выводу, что „русская былина
объ Ильѣ происходитъ не отъ той сказки объ Ильѣ-сидѣ, ва-
рианты которой были рассмотрѣны гг. Веселовскимъ и Милле-
ромъ, а отъ какой-то другой сказки, которая по своему со-
держанію стояла близко къ сказкѣ о Борнѣ Ярыжкѣ. Это былъ
разсказъ о приносѣ благотворныхъ предметовъ, которые понима-
лись такъ же, какъ семь атрибутовъ власти надъ вселенной“. Въ
связи съ этимъ г. Потанинъ допускаетъ предположеніе, что
второй членъ имени Ильѣ Муромецъ ничто иное, какъ латинен-
ное Борма (Бурма), и, въ противоположность географическому
объясненію термина „Муромецъ“, полагаетъ, что этимъ именемъ
могъ называться какой-нибудь почитаемый предметъ (борма, бармы
и т. д.), и это названіе еще въ древности могло перейти въ зна-
ченіе собственнаго имени.

Эпизоды съ Идолищемъ и Калиномъ-царемъ даютъ поводъ на-
шему исследователю сблизить ихъ съ тибетскими легендами о
Балъ-Дорджи. Подобно Ильѣ, онъ переодѣвается, проникаетъ къ
насилънику Ландармѣ и убиваетъ его. Совершивъ казнь надъ
Ландармой, Балъ-Дорджи забѣгаетъ въ пещеру, садится тамъ и
впадаетъ въ неподвижное состояніе; слѣдовательно, онъ „окаме-
нѣлъ“, какъ Ильѣ Муромецъ по одной изъ былинныхъ версій.

Наконецъ, въ восточномъ фольклорѣ, какъ это показываетъ
сказка объ Ирнѣ-Сайнѣ и др., существуетъ представленіе о по-
граничномъ сторожѣ, сторожевомъ казакѣ, представленіе, также
неизмѣнно связываемое съ именемъ Ильѣ Муромца, и образъ этотъ
появляется въ параллельныхъ нашей былинѣ сюжетахъ. Это слу-
житъ убѣдительнымъ доказательствомъ для г. Потанина, что „ста-
рый казакъ“ Ильѣ Муромецъ не имѣетъ подъ собой никакой
исторической почвы, и что „догадки о какомъ-то Ильѣ, уроженцѣ
изъ г. Муромъ, отличавшемся на сторожевой казацкой службѣ и
заслужившемъ пѣсенную память, совершенно лишены“. Такой

пограничный сторож—„не позднѣйшее созданіе русскаго творчества, а образъ древній и международный“.

Цѣлой стѣю дальнихъ и близкихъ параллелей обставлена у Г. Н. Потапина и былина о щеголѣ и похитителѣ женскихъ сердецъ Чурилѣ Пленковичѣ. Съ Востока она примыкаетъ къ циклу преданій о Чингисъ-ханѣ, на Западѣ она можетъ быть поставлена въ соотношеніе съ нѣкоторыми эпизодами романа о Карлѣ. Чурила Пленковичъ хвастаетъ передъ Владиміромъ своими несмѣтными сокровищами и возбуждаетъ въ немъ желаніе загнать на нихъ и проверить Чурилыны слова. Владиміръ подѣзжаетъ къ дому Чурилъ, видитъ богато одѣтую женщину и принимаетъ ее за Чурилыну мать, но она оказывается простой портомошницей, выходитъ другая, поражающая его блескомъ наряда,—она оказывается горничной и т. д. Богатство Чурилъ поражаетъ Владиміра. Подобное же рассказывается и въ эпосѣ о Карлѣ и Гуголѣ. Подѣзжая къ Константинополю, Карлъ и его шеры видятъ богатый павильонъ; они принимаютъ его за павильонъ самого Гугона, но жестоко разочаровываются: это павильонъ свинопаса Гугона. Вторая палатка еще богаче, но и въ ней нѣтъ Гугона: тамъ живетъ его коровій пастухъ. Третья палатка еще роскошнѣе, но и она предназначена не для Гугона, а для овечьего пастуха. Гдѣ же палатка самого Гугона?—спрашиваютъ шеры.

Гуголъ ослѣпляетъ Карла своимъ богатствомъ, но послѣдній, вмѣстѣ со своими шерами, показываетъ, въ свою очередь, чудеса своей силы и власти надъ природой. Это знакомый уже намъ мотивъ состязанія, намекъ на которое можно пайти и въ былинахъ о Чурилѣ. Мы знакомы и съ другого рода состязаніемъ, которое выражалось въ формѣ диспута о вѣрѣ. Подобный диспутъ ведетъ, по апокрифической легендѣ, Кириллъ при дворѣ несмѣтно-богатаго сарацинскаго кагана Амаврія. Сопоставленіе параллелей приводитъ къ возможности замѣнить Владиміромъ—Карла и Кирилла соответствующихъ сказаній, а Чурилу поставить на мѣсто Гугона. „Если Гуголъ есть только парцетальное каганъ, которое иногда придавалось и Владиміру, и если Чурило то же, что Кириллъ (какъ это доказывалось и ранѣе—А. Н. Веселовскимъ), а также и Карлъ, то какъ будто выходитъ, что была версия, въ которой не Карлъ ѣздилъ къ богатому Гуголу, а Гуголъ (каганъ Владиміръ) ѣздилъ смотрѣть великое богатство Карла (Чурилъ)“. Къ этому сближенію родственниковъ, по мнѣнію автора, мотивовъ слѣдуетъ добавить, что въ одной изъ статей въ „Вѣстникѣ Европы“ имъ былъ указанъ цѣлый рядъ параллелей въ преданіяхъ о русскомъ князѣ Владимірѣ, съ одной стороны, и Чингисъ-ханѣ—съ другой.

Не выходя изъ магическаго круга ордынскихъ параллелей и нѣкоторые изъ элементовъ, входящихъ въ составъ Голубиной книги, этого интереснѣйшаго памятника нашей письменности и

фольклора въ одно и то же время. Она состоитъ, какъ извѣстно, изъ вопросовъ Волота или Волотомана и отвѣтовъ царя Давида Ессеевича, которые заключаютъ въ себѣ своего рода откровеніе относительно происхожденія міра и предметовъ, поразившихъ, повидимому, воображеніе и особо почитаемыхъ; оканчивается она предсказаніями. Сходство нѣкоторыхъ темъ (напр., борьба двухъ вѣтрѣй, блага и сѣраго, предсказанія) заставляетъ изслѣдователя сдѣлать заключеніе, что въ этомъ памятникѣ соединены мотивы борьбы Чингисъ-хана съ Ванъ-ханомъ и отголоски космогонической легенды о сотвореніи міра. Чингисъ, какъ мы помнимъ, являлся, по предположенію г. Потанина, творцомъ міра или сыномъ его. Эта прикосновенность Чингиса къ дѣлу сотворенія міра „оправдываетъ“ появленіе темъ изъ Чингисады, въ видѣ добавочнаго разсказа о происхожденіи составныхъ частей міра. Дальнѣйшее сопоставленіе сходныхъ темъ не указываетъ, однако, ни на одинъ устный или письменный ордынскій памятникъ, который представлялъ бы подобіе Голубиной книги въ ея цѣломъ видѣ, но за то въ ордынскомъ преданіи есть матеріалъ „какъ бы въ разрозненномъ состояніи“ для всѣхъ трехъ ея частей; можетъ быть, она представляетъ собой отрывокъ легенды о сотвореніи міра или легенды о преніи о вѣрѣ.

Въ заключительной главѣ авторъ останавливается на восточныхъ отголоскахъ въ русскои начальной лѣтописи и находитъ въ ордынскомъ фольклорѣ параллели къ знаменитымъ эпизодамъ Ольговой мести и преданію о трехъ братьяхъ-насилъникахъ (нашихъ Кіѣ, Щеки и Хоритѣ). Способъ, которымъ воспользовалась коварная Ольга для взятія древлянскаго Коростена, очень напоминаетъ тотъ способъ, который употребилъ Чингисъ-ханъ для взятія города джурджитскаго хана. Ольга, по лѣтописи, потребовала отъ коростенцевъ дань голубицъ, которыхъ отпустила обратно въ городъ съ привязанною къ нимъ зажженной соломой. Подобнымъ же образомъ и Чингисъ-ханъ требуетъ отъ Ванчука джурджитскаго дань въ десять тысячъ ласточекъ и тысячу кошечекъ, которыхъ и отпускаетъ съ привязанной зажженной хлопчатой бумагой. Мстительница за своего мужа Ольга напоминаетъ Балишъ-слу киргизскихъ сказаній, которая заставляетъ въ концѣ концовъ, пришедшихъ къ ней съ предложеніемъ выйти замужъ за убійцу ея мужа. Разсказъ о кievскихъ братьяхъ, у которыхъ есть сестра Либедь (т. е. Лебедь), связывается съ бурятскими преданіемъ, въ которомъ является дѣва-лебедь, но этихъ, признается изслѣдователь, и ограничивается сходство.

Мы далеко не исчерпали содержанія обширной и интересной книги г. Потанина. Но уже изъ приведеннаго нами краткаго обзора можно замѣтить, насколько великъ кругъ вопросовъ, поднимаемыхъ авторомъ, и то, насколько самостоятельно онъ приступаетъ къ ихъ разрѣшенію. Идея объ единствѣ источника, къ

которому сходятся великія духовныя сокровища Европы и Азіи, идея, смѣло и послѣдовательно проведенная, прежде всего опредѣляетъ значеніе и важность основныхъ положеній, разработкѣ которыхъ посвящена эта книга.

У.

Авторъ изслѣдованія знакомъ почти со всѣми выдающимися трудами въ области русскаго и западно-европейскаго фольклора. Онъ считается съ мнѣніями авторитетныхъ ученыхъ, вноситъ въ нихъ добавленія и поправки, въ нѣкоторыхъ случаяхъ даетъ подробное освѣщеніе вопроса данными, добытыми современной наукой, но лишь съ тѣмъ, чтобы подчинить этотъ вопросъ общей схемѣ, внести въ него новый матеріалъ, освѣтить съ другой стороны. Противоположныя мнѣнія, какими бы именами они не были подписаны, нигдѣ не сводятъ автора съ прочно занятой имъ позиціи и не мѣшаютъ высказывать оригинальные и нерѣдко чрезвычайно своеобразные взгляды. Это вполне понятно въ спорной области фольклора, менѣе другихъ изслѣдованной и тающей въ своихъ нѣдрахъ немало открытій для тѣхъ искателей истины, которые отважно рѣшаются вступить въ ея, на первый взглядъ, непроходимыя дебри.

Но создаваемыя при вышеуказанныхъ условіяхъ гипотезы неизмѣнно отличаются однимъ чрезвычайно цѣннымъ для науки свойствомъ: онѣ заинтересовываютъ и быстро вызываютъ на всесторонній пересмотръ вопроса,—за ними остается обыкновенно заслуга начальныхъ ступеней въ его разрѣшеніи. Эта судьба, по нашему мнѣнію, ожидаетъ и изслѣдованіе Г. Н. Потанина. Въ своемъ „заключеніи“ авторъ съ рѣдкимъ въ наше время безпристрастіемъ говоритъ о своемъ „неумѣннѣ ориентироваться въ литературѣ, относящейся къ предмету“, о томъ, что онъ не филологъ и не ориенталистъ. Но—„не изъ однихъ академическихъ трудовъ видѣтся наука,—говоритъ авторъ,—и труды дилетантовъ бывають не бесполезны для нея“. Это совершенно справедливо, но критика не будетъ избавлена отъ обязанности фактически проверить эти показанія автора, и, если въ общемъ она и согласится съ ними, то она же выяснитъ и ту сторону работы, которую приметъ наука, какъ неизбѣжный матеріалъ для дальнѣйшихъ изысканій.

Прежде всего возбуждаетъ недоумѣніе то обстоятельство, что авторъ въ одно и то же время говоритъ и объ единствѣ источника для преданій Запада и Востока (идея этого единства—„господствующая идея книги“), и объ „обширѣ эпосахъ на такомъ дальнемъ разстояніи, какъ центральная Монголія и центральная Франція“, обусловливая этотъ обширъ вoadѣйствіями, которыя авторъ „допускаетъ“ въ очень раннюю эпоху, ранѣе тѣхъ переселеній кочевыхъ племенъ съ Востока на Западъ, которыя извѣстны первымъ ступенямъ исторіи. Если допустить единство

источника, отъ котораго впоследствии разошлись въ разные стороны отдѣльныя вѣтви, то объ обмѣнѣ можно говорить лишь въ смыслѣ дальнѣйшаго воздействія, но и то лишь въ историческую эпоху; изъ гадательныхъ же предположеній выводить положительныя слѣдствія болѣе чѣмъ рискованно.

Характеризуя различныя формы, въ которыхъ могло совершаться заимствование поэтическихъ сюжетовъ однимъ племенемъ отъ другого, и „завѣдомо“ предполагая большіе заимствования съ Востока на Западъ и ничтожныя съ Запада на Востокъ, г. Потанинъ, однако, совершенно устраняетъ отъ себя историческое обоснованіе своей гипотезы; какъ бы скудны ни оказались, быть можетъ, научныя данныя по этому вопросу, онѣ все же поддержали бы заключенія автора, дѣлаемыя имъ на основаніи соображеній слишкомъ общаго свойства. Не рѣшивъ исторически ближайшихъ этаповъ расселенія племенъ и не указавъ на то, какими чертами (стало быть, верхними пластами) эти этапы отразились въ эпосѣ, ставить вопросъ о древнѣйшемъ распространеніи того или другаго мотива, а еще болѣе группы мотивовъ, представляется нѣсколько преждевременнымъ.

Важнѣйшей частью книги, какъ мы видѣли, является у автора сопоставленіе легендъ, приуроченныхъ къ имени Чингисъ-хана и восходящихъ, какъ мы видѣли, къ первичной легендѣ о сотвореніи міра, съ легендами или, лучше сказать, съ романомъ о Карлѣ. И въ этомъ романѣ есть разсказъ о дѣтствѣ Карла; гонимый братьями, онъ убѣгаетъ въ королевство Галафра, помогаетъ ему въ войнѣ съ врагами, съ его помощью возвращается во Францію и восстанавливаетъ свои права. Впоследствии Карлъ отправляется на поклоненіе въ Іерусалимъ, гдѣ получаетъ отъ патріарха святыни, своего рода „залогъ счастья“. Такимъ образомъ, изъ разсказовъ о Карлѣ могутъ быть выдѣлены черты, совпадающія со сводной ордынской легендой, но отдѣльные сюжеты не давали возможности г. Потанину непосредственно отождествить Чингисъ-хана съ Карломъ. Авторъ привлекаетъ въ качестве посредника героя монгольской легенды Харалика, выдвигаетъ на первый планъ интересующія его черты сходства (мотивъ о гонимой матери и добываніе талисмана), пѣз которыхъ первая отсутствуетъ въ ближайшихъ версияхъ ордынской легенды о Чингисъ-ханѣ, а вторая „несомнѣнно“ возникла на почвѣ одинаковыхъ вѣрованій, т. е. развилась самостоятельно, и отождествляетъ Харалика... съ Абатаемъ, имя котораго... „нѣсколько не напоминаетъ имя Карла, но это, можетъ быть, не имя, а только эпитетъ“, а главное—Абатай этотъ, по монгольской легендѣ, привезъ священную для буддистовъ статую въ древнѣйшій въ Монголіи монастырь (Ордени-Цау). А такъ какъ Карлъ былъ ревностнымъ поборникомъ христіанства, Абатаю же приписывается введеніе буддійскаго культа въ этой странѣ, ergo—Абатай, Хараликъ, Карлъ—одно лицо... Пой-

демъ далье. Есть другая легенда, тибетская, сходство которой съ монгольской можетъ быть выражено въ такихъ словахъ: кто-то за чѣмъ-то ѣдетъ. Въ самомъ дѣлѣ: въ чужую землю ѣдетъ не король, а посолъ, и привозитъ онъ оттуда вмѣсто статуи бога—дѣвицу-невѣсту. Это не смущаетъ автора: къ составу легенды прибавился новый инцидентъ—привозъ повѣсты и только. Но все бѣда въ томъ, что этого инцидента въ монгольской версіи нѣтъ. Онъ долженъ быть, если его нѣтъ! „Я думаю,—говоритъ авторъ,—что онъ былъ и въ монгольской версіи, но вытѣсненъ. Абатай,—читаемъ мы дальше,—кромя статуи живого бога, выпросилъ у далай-ламы еще наставника въ новой вѣрѣ; вотъ этотъ-то наставникъ и явился въ монгольской версіи на мѣстѣ дѣвицы“. Установивъ съ такой степенью вѣроятности связь между ордынскими сказаніями и Карломъ, г. Потанинъ переходитъ къ установленію связи съ Чингисъ-ханомъ. Для этого требуется легенду о введеніи новаго культа развѣнчать въ сказку и сблизить съ преданіями о томъ, „какъ Чингисъ-ханъ добывалъ себѣ жену“. Но звуковыя сближенія собственныхъ племенъ особенно произвольны. Вовсе не нужно быть филологомъ, чтобы видѣть невозможность подкрѣплять выводы сближеніемъ такихъ именъ, какъ Борма (Бурма) и Муромецъ, Кидошъ съ Кутузовымъ (селою) и Ктезифономъ, Коросту русской сказки о косоручкѣ съ монгольскимъ Чиристи. „Это имя,—говоритъ по этому поводу авторъ,—близкое къ Чиристи, отличающееся отъ него только пинціаломъ и гласными“. И это не единственные примѣры подобныхъ сближеній.

VI.

Мы позволили себѣ нѣсколько подробнѣе остановиться на вопросѣ отождествленія центральныхъ фигуръ того и другого эпоса исключительно съ цѣлью дать понятіе о методѣ послѣдованія нашего автора. Конечно, это отождествленіе проведено имъ послѣдовательно и обставлено многочисленными детальными признаками схода, но какъ бы ни казалось оно намъ сомнительнымъ, мы не рѣшаемся принципиально высказаться противъ во сточной гипотезы вообще, такъ какъ это прежде всего обязало бы насъ прослѣдить шагъ за шагомъ весь ходъ научной работы автора и явилось бы дѣломъ обширнаго и столь же послѣдовательнаго разбора.

Спеціальная критика подробно отмѣтитъ всѣ случаи, гдѣ отсутствіе исторической перспективы и слишкомъ довѣрчивое отношеніе къ кажущемуся сходству приводило автора къ построеніямъ, при первомъ же прикосновеніи разлетающимся въ прахъ. Неудобительными покажутся ей выводы, построенные на сложной цѣпи предположеній, первыя звенья которыхъ въ свою очередь несутъ проблематическій характеръ. Но если даже она признаетъ недо-

казанными основными выводами автора о восточныхъ источникахъ европейскаго эпоса, то она одѣлать самый фактъ введенія въ кругъ изслѣдованія большого количества степныхъ мотивовъ, введенія, которое является какъ нельзя болѣе кстати для нашей науки, уже давно обращающей свои взоры на Востокъ, въ надеждѣ отыскать въ его сокровищахъ ключъ къ тому, что въ ней понынѣ остается неразгаданнымъ и необъясненнымъ.

Классификація ордынскихъ сюжетовъ по темамъ и разработка основныхъ мотивовъ центральной космогонической легенды составляютъ въ книгѣ г. Потанина наиболѣе сильную сторону, придающую ей значеніе самостоятельнаго изысканія о восточно-азиатскихъ вариантахъ. По отношенію къ русской наукѣ эта попытка разобратся въ огромномъ матеріалѣ, въ значительной степени собранномъ самыми изслѣдователями, окажется плодотворной быть можетъ, не столько при изученіи собственно бытсвой поэзіи сколько при изслѣдованіи источниковъ нашихъ сказокъ, для котораго еще такъ мало сдѣлано. Изслѣдователь сказочныхъ мотивовъ найдетъ въ трудѣ г. Потанина не только богатый подборъ матеріаловъ, но и чрезвычайно важныя и остроумныя соображенія, которыя будутъ имѣть для него руководящее значеніе. Чрезвычайно важно, напримѣръ, то, что сообщаетъ авторъ о „культѣ“ сказки на Востокѣ. „На древней ступени культуры усвоеніе чужихъ продуктовъ духовной дѣятельности дѣлалось не столько въ свѣтскихъ разчетахъ, сколько въ интересахъ культа. Сказываніе сказки у кочевниковъ центральной Азіи не было дѣломъ празднымъ; сказка имѣла такое же служебное значеніе, какъ заговоръ или заклинаніе. Когда сказывали сказку, невидимо приходилъ духъ мѣстности и слушалъ ее; если она была рассказана безъ ошибки, это доставляло духу, покровителю мѣстности, удовольствіе“... На этой ступени сказка сближается съ религіозной легендой, и, быть можетъ, здѣсь слѣдуетъ искать объясненія сохранившейся въ ней свѣжести красокъ первобытныхъ вѣрованій человѣчества.

Въ заключеніе не можемъ не отмѣтить, что изслѣдованіе Г. Н. Потанина, содержащее въ себѣ около 900 страницъ текста, является плодомъ безавѣтной и безкорыстной преданности наукѣ, служенію которой почтенный этнографъ посвятилъ всю свою жизнь, и тѣ учрежденія и лица, которыя способствовали появленію разобраннаго нами труда въ печати, не только воздали должное его научнымъ достоинствамъ, но и оказали существенную услугу всѣмъ, кому дорого развитіе родного просвѣщенія.

Евг. Ляцкий.

Перлы ученой полемики.

(Запоздалый отвѣтъ г. Туганъ-Барановскому).

Къ чему ведетъ полемика и можетъ ли она имѣть серьезное значеніе? Polemika существуетъ едва ли не съ той самой поры, какъ возникла литература, и однако подобный вопросъ, въ той или иной формѣ, хотя бы и не столь категорической, и сейчасъ еще нерѣдко можно услышать во время разговоровъ о литературѣ. Что еще удивительнѣе,—и отвѣты на него даются различные. Одни, руководясь стариннымъ правиломъ: *du choc des opinions jaillait la vérité*, говорятъ, что полемика приводитъ къ разъясненію истины и, слѣдовательно, полезна. Другіе, напротивъ, утверждаютъ, что она по меньшей мѣрѣ бесполезна, такъ какъ участники ея обыкновенно увлекаются самымъ процессомъ литературной борьбы и въ результатѣ лишь наводятъ скуку на читателей, вынуждая ихъ, вмѣсто разсмотрѣнія вопроса по существу, слѣдить за утомительнымъ и часто безплоднымъ споромъ, переполненнымъ мелочами и личными нападками. И тѣ, и другіе равно подкрѣпляютъ свое мнѣніе какъ теоретическими аргументами, такъ и ссылками на многочисленные случаи изъ житейской практики. Несомнѣнно, въ обоихъ этихъ крайнихъ мнѣніяхъ есть доля правды, хотя едва ли эта доля тамъ и здѣсь одинакова. Въ самомъ дѣлѣ, какъ обойтись безъ спора въ тѣхъ случаяхъ, когда на одинъ и тотъ же, болѣе или менѣе важный, вопросъ существуютъ различные до полной противоположности взгляды? Лишь путемъ столкновенія враждебныхъ мнѣній и разбора тѣхъ аргументовъ, какими защищается каждое изъ нихъ, и возможно въ этихъ случаяхъ придти къ правильному, чуждому одностороннихъ увлеченій выводу. Желательно, конечно, чтобы такіе столкновенія происходили съ возможно большимъ спокойствіемъ и сдержанностью, но на практикѣ это благое пожеланіе далеко не всегда осуществимо. Литературный споръ, какъ и всякій другой, почти неизбежно приобретаетъ рѣзкій и страстный характеръ, разъ онъ касается вопросовъ, представляющихъ серьезный жизненный интересъ для спорящихъ сторонъ. Объ этомъ тѣмъ менѣе стоитъ сожалѣть, что сама по себѣ рѣзкость и даже страстность тона еще не мѣшаетъ плодотворности спора, если только онъ сосредоточенъ на существѣ вопроса и личности спорящихъ не заслоняютъ отъ читателя предмета спора. Но совсѣмъ иное дѣло, когда полемика сводится къ простому состязанію въ ловкости и общему рѣзкостямъ, къ своего рода фехтованію словами, замѣняющему выясненіе понятій. Тогда участіе въ ней становится

и скучно, и безплодно, давая удовлетвореніе развѣ лишь интересамъ личнаго самолюбія. И тѣмъ скучнѣе, тѣмъ досаднѣе подобная полемика, чѣмъ важнѣе вопросъ, по поводу котораго она ведется.

Къ сожалѣнію, въ настоящей замѣткѣ мнѣ приходится бесѣдовать съ читателемъ именно о полемическомъ эпизодѣ подобнаго характера. Моя статья о книгѣ г. Туганъ-Барановскаго: „Русская фабрика“ удостоилась нѣкотораго вниманія со стороны послѣдняго, и онъ, отвѣчая въ первой книжкѣ журнала „Начало“ своимъ критикамъ, между прочимъ удѣлилъ нѣсколько страницъ своей статьи для сердитой отповѣди по моему адресу. При этомъ однако полемическіе приемы ученаго автора таковы, что менѣе всего они способны возбудить охоту спорить съ нимъ, и я предпочелъ бы, признаться, оставить его возраженія безъ всякаго отвѣта, еслибы они не представляли читателямъ въ превратномъ видѣ сущности нѣкоторыхъ моихъ мнѣній по затронутымъ въ спорѣ вопросамъ. Это послѣднее обстоятельство вынуждаетъ меня отвѣчать г. Туганъ-Барановскому, но я постараюсь по крайней мѣрѣ сдѣлать свой отвѣтъ возможно краткимъ.

Въ упомянутой статьѣ своей г. Туганъ-Барановскій, какъ я уже сказалъ, пишетъ дѣло не только со мною, но и съ другими критиками, осмѣлившимися разбирать его книгу и находить въ ней недостатки. Онъ то споритъ съ каждымъ изъ своихъ критиковъ отдѣльно, то собираетъ ихъ всѣхъ вмѣстѣ и производитъ надъ ними общій судъ, въ большинствѣ случаевъ скорый и немилостивый. Я, понятное дѣло, берусь отвѣчать только за себя лично, по двухъ-трехъ эпизодахъ такого общаго суда почтеннаго ученаго надъ критиками его работы мнѣ волей-неволей придется все же коснуться, такъ какъ и я оказываюсь замѣшаннымъ въ нихъ. Возраженія, предъявленные г. Туганъ-Барановскому, по поводу его книги со стороны писателей разныхъ лагерей и различныхъ специальностей, въ нѣкоторыхъ пунктахъ совпадали между собою. Такъ, между прочимъ, довольно многіе изъ числа писавшихъ о названной книгѣ находили въ ней рядъ серьезныхъ противорѣчій. Глубокомысленный авторъ „Русской фабрики“ склоненъ однако искать причину такихъ совпаденій не въ особенностяхъ своей книги, а въ характерѣ мышленія ея критиковъ и въ ихъ предвзятыхъ мнѣніяхъ, у всѣхъ ихъ одинаковомъ.

„Меня нисколько не удивляетъ, — пишетъ онъ по этому поводу, — что и г. Слонимскій, и г. Мякотинъ, и г. Энгельгардтъ, и г. Котельниковъ, и пр., и пр. находятъ у меня противорѣчіе на противорѣчіи. Всѣ они рассуждаютъ приблизительно такимъ образомъ. Авторъ — заведомый „марксистъ“. Слѣдовательно, онъ долженъ отрицать „роль личности въ исторіи“, отрицать значеніе государственнаго вмѣшательства и все сводить къ безличному процессу экономической эволюціи. Такъ какъ „марксисты“ при-

знаютъ неизбежнымъ развитіе въ Россіи капиталистическаго производства, то авторъ долженъ отрицать возможность роста кустарныхъ промысловъ. Вся экономическая эволюція Россіи должна быть для него окрашена въ одинъ цвѣтъ и сводиться къ непрерывному стихійному росту фабричнаго производства. Промышленная политика правительства, съ его точки зрѣнія, должна диктоваться исключительно интересами правящихъ классовъ, преимущественно фабрикантовъ. Всякую „идеологию“ авторъ долженъ глубоко презирать и вѣрить лишь въ силу купеческой мощи и наживы“. „Не подумайте,—прибавляетъ г. Туганъ-Барановскій,—что я что-нибудь преувеличиваю въ этой характеристикѣ взглядовъ, приписываемыхъ моимъ критиками мнѣ, какъ представителю определенной социологической доктрины. Мнѣ не трудно было бы показать пунктъ за пунктомъ, что все сказанное съ полной наивностью присвоивается мнѣ гг. Слонимскимъ, Энгельгардомъ, Мякотнымъ и др. Свою собственную уязвимость и свое непониманіе они отождествляютъ съ доктриной, смыслъ которой имъ совершенно недоступенъ“ *).

Какъ видитъ читатель, г. Туганъ-Барановскій не жалѣетъ для своихъ критиковъ сильныхъ словъ. Сознывая за собою достоинство истаго жреца науки, непонятаго и неоцѣннаго толпой, онъ строгъ, но, надо полагать, и справедливъ. Вѣдь ему „не трудно было бы показать пунктъ за пунктомъ“ справедливость своихъ утвержденій. А впрочемъ, кто знаетъ, можетъ быть, оно было бы и трудно даже для г. Туганъ-Барановскаго? По крайней мѣрѣ, я, заставляющій его презирать всякую идеологию и вѣрить лишь въ силу купеческой мощи, я вотъ что писалъ по поводу его книги: „Мы, конечно, не хотимъ сказать ни того, что идеалъ г. Туганъ-Барановскаго одинаковъ съ идеаломъ только что упомянутой части литературы (воплощавшей интересы крупныхъ промышленниковъ и землевладельцевъ), ни того даже, что пути ихъ къ достиженію этихъ идеаловъ безусловно одинаковы. Мы хорошо знаемъ, что и въ своемъ конечномъ идеалѣ, и въ пути къ нему выбираемомъ, г. Туганъ-Барановскій далеко не всецѣло сходится съ прежними поклонниками фабрики на русской почвѣ“ („Р. Бог.“, февраль, 21). Правда, эти строчки были напечатаны во второй половинѣ моей статьи, появившейся въ свѣтъ почти одновременно съ отвѣтомъ г. Туганъ-Барановскаго его критикамъ, но можно вѣдь спросить и то, зачѣмъ надо было торопиться отвѣчать на недослушанное возраженіе. Мало того—и первая половина моей статьи, на которую мечетъ стрѣлы своей прони г. Туганъ-Барановскій, не могла дать ему никакого права на сдѣланное имъ заключеніе. Въ ней, какъ и во всехъ своемъ разборѣ „Русской фабрики“, я имѣлъ дѣло

*) „Начало“, январь-февраль, 1899, „Споры о фабриктъ и капитализмъ“, стр. 31—2.

исключительно съ мнѣніями, опредѣленно высказанными ея авторомъ, и, оспаривая нѣкоторыя изъ нихъ, старался по возможности формулировать ихъ даже собственными словами послѣдняго. Въ виду этого мнѣ остается только показать, что г. Туганъ-Барановскій потѣнился почему-то выполнить столь нѣтрудную для него и столь любопытную для меня задачу—показать „дунуть за пунктѣмъ“ вѣрность своихъ утвержденій.

Вѣрно во всякомъ случаѣ то, что на противорѣчія въ книгѣ г. Туганъ-Барановскаго дѣйствительно указывали многіе ея критики. Особенное вниманіе послѣднихъ привлекло то обстоятельство, что авторъ въ разныхъ мѣстахъ своей книги различно объясняетъ возникновеніе фабричнаго производства въ Россіи, то относя его на счетъ экономическихъ условій до-петровской Россіи, то приписывая воздѣйствію петровскаго правительства на жизнь населенія. Самъ г. Туганъ-Барановскій недоволенъ этими указываніями и рѣшительно отрицаетъ наличность противорѣчій въ своемъ трудѣ. Отвѣчая г. Слонимскому, писавшему объ его книгѣ въ „Вѣстникѣ Европы“, онъ говоритъ: „Я прошу г. Слонимскаго указать мнѣ, въ чемъ заключается логическая неправильность такого силлогизма: 1-ая посылка—„экономическія и социальныя условія Россіи естественно и необходимо привели къ мѣрамъ, принятымъ Петромъ“; 2-я посылка—„мѣры, принятыя Петромъ, вызвали крупное производство въ Россіи“; заключеніе—„возникновеніе крупнаго производства въ Россіи было естественнымъ и необходимымъ результатомъ экономическихъ и социальныхъ условій Россіи“. Скажите, г. Слонимскій, противорѣчитъ ли заключеніе второй посылкѣ? Объясните мнѣ мои противорѣчія. Но я знаю, что вы этого не объясните“. Отчаявшись въ г. Слонимскомъ, г. Туганъ-Барановскій обращается ко мнѣ, которому тоже „выше-приведенный силлогизмъ кажется противорѣчивымъ“, и melancholически замѣчаетъ: „очевидно, у насъ съ г. Мякотинимъ логика разная“ *).

Послѣднее было бы очень печально для одного изъ насъ, такъ какъ у здравомыслящихъ людей логика полагается одинаковою. Но не будемъ пока останавливаться на этой прискорбной дилеммѣ,—быть можетъ, дѣло съ логикой еще какъ-нибудь и обойдется. Я не знаю затѣмъ, объяснить ли г. Слонимскій ученому автору „Русской фабрики“ его противорѣчія. Думаю, что онъ не затруднился бы это сдѣлать. Но во всякомъ случаѣ, такъ какъ г. Туганъ-Барановскій адресуется со своими недоумѣніями и ко мнѣ, я съ своей стороны готовъ оказать ему услугу и тѣмъ охотнѣе дамъ просимое объясненіе, что оно не требуетъ и большого труда. Силлогизмъ, выставленный г. Туганъ-Барановскимъ, съ формальной стороны правиленъ, хотя еще большой вопросъ,

*) Тамъ-же, стр. 33, 34.

правильно ли онъ объясняетъ историческіе факты. Главная же беда въ томъ, что первая посылка этого силлогизма не только ничѣмъ не доказывалась, но даже и не была вполне ясно сформулирована въ трудѣ почтеннаго ученаго. Взаимнѣ того онъ въ своей книгѣ то приписывалъ возникновеніе крупнаго производства въ Россіи непосредственному влиянію экономическихъ условій до-петровской Руси, то утверждалъ, — съ чѣмъ не трудно было и согласиться, — что мѣры Петра, породившія это крупное производство, были вызваны политическими условіями современной Петру Россіи. Въ этихъ-то утвержденіяхъ, трудно примиримыхъ между собою, и заключалось коренное противорѣчіе г. Туганъ-Барановскаго, къ сожалѣнію, и въ настоящее время недостаточно имъ созданное.

Но это противорѣчіе, по крайней мѣрѣ, хотя на будущее время какъ будто устраняется нынѣшними его заявленіями. Важнѣе другое — противорѣчіе такихъ заявленій историческимъ фактамъ, свидѣтельствующимъ, что въ экономической жизни Россіи къ петровской эпохѣ не создавалось еще условій, необходимыхъ для возникновенія крупнаго капиталистическаго производства. По этому пункту мнѣ особенно любопытно было бы получить разъясненія отъ г. Туганъ-Барановскаго, но, вѣсто всякихъ разъясненій, я нахожу въ его отвѣтѣ лишь одну фразу, относящуюся сюда: „указывая на зависимость тѣхъ или иныхъ социальныхъ институтовъ отъ экономическихъ условій, я отнюдь не отрицаю роли государства, но лишь констатирую ея производный и подчиненный характеръ.“ Такъ какъ я именно отрицалъ „производный и подчиненный“ по отношенію къ экономическимъ условіямъ Россіи характеръ роли петровскаго правительства, то мнѣ естественно было ожидать, что мой оппонентъ либо разберетъ предложенные мною аргументы, либо укажетъ нинѣ, служащія въ пользу ототалпаемаго имъ мнѣнія. Ни того, ни другого г. Туганъ-Барановскій не удосужился однако сдѣлать. Онъ продолжаетъ лишь тосковать о томъ, что его не понимаютъ, — занятіе, надо сознаться, довольно бесполезное. „Распространяться на эту тему, — пишетъ онъ вслѣдъ за только что приведенной фразой, — я не буду — нашъ споръ становится утомительнымъ и безплоднымъ. Одна сторона упорно не желаетъ понять другой и навязываетъ ей точку зрѣнія, отъ которой послѣдняя открещивается. При такомъ положеніи дѣла остается одно — посоветовать непонимающимъ лучше ознакомиться съ сочиненіями противниковъ. Въ частности г. Мякотину я рекомендовалъ бы прочесть переведенныя въ „Мирѣ Божіемъ,“ кажется за 1897 г., письма Энгельса къ Конраду Шмидту. Эти письма много ему разъясняютъ, чего онъ теперь не понимаетъ, и онъ, быть можетъ, найдетъ ключъ къ моимъ противорѣчіямъ.“ Можетъ быть, г. Туганъ-Барановскій поступилъ бы лучше, еслибы, вѣсто этой навязчивой тирады, нѣсколько „распространился“ о

сущности спорнаго вопроса. Возможно, что тогда послѣдній хоть немного и выяснился бы, а теперь мнѣ остается разѣй, со всѣмъ подобающимъ мнѣ смиреніемъ, поблагодарить г. Туганъ-Барановскаго за добрый совѣтъ воспользоваться для своего самообразованія переводными статьями „Міра Божьяго“,—совѣтъ, тщательному исполненію котораго мой великобланный оппонентъ, вѣроятно, и обязанъ своей блестящей эрудиціей. Жаль только, что этотъ блескъ, что называется, свѣтитъ да не грѣетъ, — эрудиція г. Туганъ-Барановскаго ни на шагъ не подыгаетъ нашъ споръ впередъ.

Впрочемъ, я затруднился бы сказать, насколько мой оппонентъ интересуется этимъ послѣднимъ обстоятельствомъ. Затруднился бы собственно потому, что онъ позволяетъ себѣ слишкомъ вольное обхожденіе съ мнѣніями противника, едва-ли свидѣтельствующее о серьезномъ интересѣ къ предмету спора. Какъ припомнить, быть можетъ, читатель, я въ своей статьѣ отвергалъ возможность дѣленія историческихъ явленій на естественныя и искусственныя и вмѣстѣ съ тѣмъ указывалъ на обязанность историка въ каждомъ данномъ случаѣ опредѣлить, — „какого рода были причины явленія, принадлежали ли онѣ тому самому процессу, о которомъ идетъ рѣчь, или же явленія послѣдняго были выдѣльныи воздѣйствіемъ одного изъ параллельныхъ процессовъ“. Это насколько не мѣшаетъ г. Туганъ-Барановскому утверждать, будто я „на всемъ протяженіи своей статьи твердо стою“ на дѣленіи искусственныхъ и естественныхъ явленій, и поучать меня, что „для историка въ высшей степени важно различать явленія двоякаго рода: находящіися въ органической связи съ даннымъ историческимъ процессомъ и не находящіися въ такой связи“. Почтенный авторъ не ограничивается, однако, лишь тѣмъ, что мной же добромъ да мнѣ же челоуъ бьетъ. „Чтобы сдѣлать это различіе (явленій двухъ родовъ) понятнымъ для г. Мякотина“, онъ приводитъ въ примѣръ различную судьбу русской фабрики и русскихъ цеховъ. Должно быть, это очень азвѣтельно сказано, но что же дѣлать: заслуженное надо умѣть и получать. Присмотримся же къ примѣру, взятому г. Туганъ-Барановскимъ. „Русская фабрика—повѣствуеъ онъ—не могла не возникнуть. Петръ I поступалъ такъ же, какъ поступали раньше его во Франціи Людовикъ XIV, въ Англіи Елизавета, какъ поступалъ позже его въ Пруссіи Фридрихъ В., въ Австріи—Іосифъ П. Политика всѣхъ этихъ государей по отношенію къ крупной промышленности была менѣе всего случайной: она безусловно диктовалась экономической необходимостью. И лучшимъ доказательствомъ этого является сходство пріемовъ, при помощи которыхъ всюду насаждалась крупная промышленность. Успѣхъ этой политики убѣдительно свидѣлствуетъ о ея дѣлесообразности“. Признаться, я отъ г. Туганъ-Барановскаго впервые узналъ, что

Елизавета Ангальская насаждала въ своемъ отечествѣ крупную промышленность при помощи крѣпостного труда и поместническихъ крестьянъ. Видно,—вѣкъ живи, вѣкъ учись. Но пойдешь еще дальше. Въ противоположность фабрикѣ „русскіе цехи были выдумкой правительства, и выдумкой крайне неудачной“, такъ какъ „для цеховъ въ Россіи почвы не было“. И это различіе фабрики и цеха—необходимого и случайнаго элемента русскаго хозяйственнаго строя—ярко иллюстрируется различіемъ судьбы того и другого института. „Искусственно“ созданная Петромъ фабрика не только не погибла, но приобрѣтаетъ все большее и большее значеніе въ строѣ русской жизни; а „искусственно“ созданные цехи теперь, какъ и раньше, существуютъ лишь на бумагѣ“. Итакъ, неподготовленность русской почвы для цеховой организаціи подтверждается тѣмъ обстоятельствомъ, что цехи не привились въ Россіи. Но вѣдь и настоящая капиталистическая фабрика тоже не привилась при Петрѣ. Стало быть,—выводъ ужъ очень простъ,—стало быть, въ петровской Россіи почва не была подготовлена для возникновенія капиталистическаго производства. Очевидно, г. Туганъ-Барановскій прекрасно понимаетъ ту теорію, которую онъ взялся защищать отъ меня. Я не буду уже останавливаться на другой, относящейся сюда же темѣ, еще болѣе любопытной, но слишкомъ вскользь затронутой г. Туганъ-Барановскимъ, на его соблазнительно-ясномъ критеріи, согласно которому успѣхъ той или иной политики свидѣтельствуетъ уже о ея целесообразности.

По тѣмъ пунктамъ, о которыхъ до сихъ поръ шла рѣчь, въ статьѣ г. Туганъ-Барановскаго нѣтъ по крайней мѣрѣ подобіе серьезнаго спора. Теперь, въ интересахъ полной обрисовки его полемическихъ приѣмовъ, мнѣ приходится коснуться еще трехъ его возраженій, которыхъ едва-ли можно, однако, признать это названіе. Но пусть читатель самъ судитъ объ этомъ, я же только изложу фактическую сторону дѣла. Г. Туганъ-Барановскій желаетъ оспаривать тѣ замѣчанія, которыя сдѣланы были мною по поводу его экскурсій въ область исторіи русскихъ кустарныхъ промысловъ. Съ этою цѣлью онъ прежде всего пишетъ по моему адресу слѣдующее: „ссылавшись на указаніе казанскаго изслѣдователя Соколовскаго, что въ Архангельской губерніи Петру удалось улучшить полотняное ткачество среди кустарей, г. Микотинъ безпрестанно утверждаетъ, что Петръ могъ получить всѣ нужные ему предметы непосредственно отъ кустарей“. Въ данномъ случаѣ ученый авторъ „Русской фабрики“ поистинѣ безпрестанно сочиняетъ—какъ бы выразиться помягче?—завѣдную неправду, такъ какъ въ моей статьѣ нѣтъ ничего подобнаго тому утвержденію, какое онъ мнѣ приписываетъ.

Другой приѣмъ почтеннаго ученаго не столь уже грубъ, но, пожалуй, не менѣе интересенъ. Приведу опять-таки подлинныя

слова г. Туганъ-Барановскаго. „Моему замѣчанію, — говоритъ онъ, — что „успѣхи кустарной промышленности во 2-й половинѣ XVIII вѣка находились въ извѣстной связи съ увеличеніемъ числа фабрикъ“, г. Мякотинъ съ торжествомъ противопоставляетъ общезнаменитый фактъ существованія въ Россіи весьма разнообразной кустарной промышленности задолго до всякихъ фабрикъ. Но развѣ я гдѣ-нибудь въ своей книгѣ утверждаю противоположное?“ Наложение г. Туганъ-Барановскаго и въ этомъ случаѣ не совсѣмъ точно и, скрадывая истинный предметъ спора, требуетъ нѣкоторыхъ поправокъ. Въ своей книгѣ онъ утверждаетъ, что въ екатерининское время сильно развилась крестьянская промышленность, перечисляеть тѣ ея отрасли, которыя особенно выдавались своимъ разгнѣтѣмъ, и приписываетъ это развитіе вліянію фабрики. Смѣшно было бы возражать на это, указывая лишь фактъ давняго существованія въ Россіи кустарныхъ промысловъ, но я и не совершалъ такого смѣхотворнаго поступка. Я указалъ г. Туганъ-Барановскому другое, — что „большая часть промысловъ, возникновеніе или значительное развитіе которыхъ онъ относитъ ко второй половинѣ XVIII вѣка, существовала въ весьма развитомъ видѣ задолго до этого времени“, — и привелъ факты, подтверждающіе такое указаніе. Извѣстные другимъ историкамъ, эти факты, несомнѣнно, не были извѣстны автору „Русской фабрики“, такъ какъ въ противномъ случаѣ онъ не помѣстилъ бы въ своей работѣ явно опровергаемаго имъ утвержденія. Ознакомившись же теперь съ ними при моей помощи, почтенный ученый въ видѣ благодарности пытается укрыть отъ читателей истинный смыслъ этой помощи и представить мое возраженіе въ комическомъ видѣ.

Наконецъ — послѣдній, дѣйствительно комическій эпизодъ спора, не оставляющій желать ничего большаго въ смыслѣ безпритязательной веселости. „Г. Мякотинъ — говоритъ мой оппонентъ — не только не желаетъ опровергать моего тезиса о капиталистическомъ происхожденіи многихъ крестьянскихъ промысловъ, но даже находитъ, что это всѣмъ извѣстно, и я ломлюсь въ открытую дверь. Очень радъ, что высказанный въ „Русской фабрикѣ“ взглядъ на происхожденіе кустарныхъ промысловъ такъ быстро усвоенъ всѣми“. Приемъ прекрасный, и если только г. Туганъ-Барановскій не смѣется самъ надъ собой и надъ читателями, то нѣтъ сомнѣнія, что всѣ наши полемисты, и въ томъ числѣ даже всѣхъ и всегда побѣждавшій г. Волынский, должны будутъ учиться у него искусству неотразимой и ни передъ чѣмъ не отступающей полемики. Помните, чего же можно еще требовать въ смыслѣ неустрашимости? Человѣку говорятъ, что мнѣніе, выдаваемое имъ за новость, уже 87 лѣтъ извѣстно всѣмъ изъ книги Корсака, а онъ отвѣчаетъ: очень радъ, что мое мнѣніе такъ быстро усвоено. Аргументъ побѣдоносный, и непонятно только, къ чему г. Туганъ-Барановскій ослабляетъ его дѣйствіе

присоединеніемъ къ нему другихъ, не столь блестящихъ. Зачѣмъ-то онъ говоритъ о томъ, что я, „повидимому“, очень низко цѣню авторитетъ г. В. В., котораго могъ, „по справедливости“, назвать своимъ учителемъ. Почему я попалъ въ ученики г. В. В., какъ связать это утвержденіе съ предшествовавшимъ ему,—что я, повидимому, очень низко цѣню авторитетъ г. В. В.,—этого, по всей вѣроятности, г. Туганъ-Барановскій и самъ не знаетъ. Зачѣмъ-то еще онъ отстаиваетъ за собой „нѣкоторое право считать господствующей“ въ литературѣ теорію г. В. В. объ исключительномъ происхожденіи кустарныхъ промысловъ изъ домашняго производства, на томъ основаніи, что она „до выхода въ свѣтъ „Русской фабрики“ никѣмъ опровергнута не была“. Но такъ какъ и теорія Корсака никѣмъ не была опровергнута, то и это доказательство, подобно предыдущему, не можетъ ни улучшить, ни ухудшить положенія, созданнаго для г. Туганъ-Барановскаго первымъ его аргументомъ.

На этомъ эпизодѣ авторъ „Русской фабрики“ и закончилъ полемику со мной, заявивъ однако, что впоследствии, можетъ быть, еще вернется къ ней. Читатель, думаю, легко пойметъ, что, познакопвшись съ образчиками полемическихъ приѣмовъ почтеннаго ученаго, я безъ особенной радости встрѣтилъ это заявленіе и не очень огорчился, когда по выходѣ третьей книжки „Начала“ убѣдился въ нежеланіи г. Туганъ-Барановскаго продолжать начатый споръ. Мелочная и бранчивая полемика, цѣпляющаяся за детали, обходящая существо спорныхъ вопросовъ и не брезгающая искаженіемъ мнѣній противника, представляетъ слишкомъ мало интереса, и я склоненъ былъ искренно удивляться той энергіи, съ какою ведетъ ее мой оппонентъ. Мотивы, побуждающіе его избирать именно такой способъ спора, оставались для меня нѣкоторою загадкою. Теперь я, кажется, нашелъ ея разгадку, прочитавъ въ третьей книжкѣ „Начала“ полемическую статью г. Туганъ-Барановскаго, направленную противъ г. Каблукова. Своєю находкой я хотѣлъ бы подѣлиться съ читателемъ, но для того, чтобы сдѣлать это, мнѣ необходимо раньше еще разъ угостить его образчикомъ полемики, практикуемой авторомъ „Русской фабрики“. Уже самое начало его статьи является чрезвычайно характернымъ, и я рѣшусь привести изъ него довольно большое извлеченіе.

„Не такъ давно—говоритъ здѣсь авторъ—„Новое Время“ послѣ ожесточенной, продолжавшейся нѣсколько мѣсяцевъ полемики съ „марксистами“ внезапно почувствовало успокоительную утѣренность въ томъ, что битва кончена и противникъ низверженъ въ прахъ... Вся русская печать, по заявленію откровенной газеты, признала, что „марксизмъ“—не болѣе, какъ „шутовской вадорь“. Кого только нѣтъ въ спискѣ побѣдителей, приводимомъ газетою,—„Русское Богатство“ идетъ подъ ручку съ „Московскими Вѣдо-

могили", „Встань Европы" съ „Гражданиномъ", „Сынъ Отечества" съ „Сиб. Вѣдомостями". Словомъ, единеніе полное, по справедливости приводящее въ удивленіе „Новое Время". Одного вліятельнаго органа печати въ этомъ списокѣ однако не хватаетъ—„Русскихъ Вѣдомостей". Что же это значить?.. Для всякаго, знакомаго съ направлениемъ „Русскихъ Вѣдомостей", не можетъ быть никакого сомнѣнія, къ какому лагерю примыкаетъ утѣренный и благоразумный органъ московскихъ профессоровъ. Конечно, онъ идетъ „со всѣми". Конечно, его мѣсто рядомъ съ „Русскимъ Богатствомъ" и предводительствуемымъ имъ сонмомъ, а именно въ силу своей утѣренности и благоразумія „Русскія Вѣдомости" до послѣдняго времени тщательно воздерживались отъ всякой полемики съ „учениками". Въ то время, какъ вся наша пресса наполнялась растерянной бранью по адресу непріятныхъ людей, потревожившихъ застоявшееся болото нашей литературы, нарушившихъ мирный сонъ почтенныхъ отцовъ отечества, „Русскія Вѣдомости" хранили упорное молчаніе. Теперь это молчаніе нарушено—„Русскія Вѣдомости" сдѣлали первый выстрѣлъ—правда, не противъ новаго направленія вообще, а лишь противъ моей книги... *).

Въ этой характерной для г. Туганъ-Барановскаго тирадѣ особенно любопытными представляются двѣ черты. Одна—это не знающая границъ фантазія, позволяющая ему игнорировать или передѣлывать по своему произволу всѣ факты дѣйствительности отъ мелкихъ и до очень крупныхъ. „Новому Времени" прости-тельно, конечно, составлять фантастическую окрошку изъ органовъ русской журналистики, но писателю, работающему въ серьезномъ журналѣ, какъ будто и не пристало пользоваться такой окрошкой, а г. Туганъ-Барановскій—ничего, не брезгаетъ и даже еще отъ себя перцу подбавляетъ. „Р. Вѣдомости" писали въ свое время и о г. Гурвичѣ, и о г. Гвоздевѣ, но автору „Русской фабрики" кажется, что московская газета только для него прервала свое „упорное молчаніе",—и какъ его разубѣдить въ этомъ? Но всего лучше и эффектибѣе, конечно, неподражаемая картина мирнаго сна всей русской литературы вплоть до появленія на аренѣ г. Туганъ-Барановскаго и его соратниковъ, могучихъ богатырей, которыхъ не во время проснушіеся „отцы отечества" могли только осыпать „растерянной бранью". Такими картинками слѣдуетъ любоваться только издали, а иначе отъ неосторожнаго прикосновенія великолѣпное созданіе фантазіи можетъ разрушиться и исчезнуть безслѣдно. Съ этой могучей фантазіей у г. Туганъ-Барановскаго тѣсно сплетается другая особенность—какого-то простодушнаго вниманія къ самому себѣ и искренняго пренебре-

*) „Начало", № 3, статья: „Неосторожный критикъ", стр. 64—5.

женія ко всѣмъ, не умѣющимъ цѣнить его достоинствъ. При такихъ условіяхъ ему, естественно, не до того, чтобы вести съ кѣмъ-нибудь серьезный и послѣдовательный споръ.

Нельзя сказать однакоже, что онъ не интересуется ничѣмъ инымъ о себѣ и не признаетъ никакихъ авторитетовъ. Напротивъ, онъ охотно выдвигаетъ впередъ такіе авторитеты, которые, хотя бы и не были основательно, кажутся ему поддерживающими его высокое значеніе. Не безъ умиленія говоритъ онъ о томъ, что „московскій университетъ призналъ „Русскую фабрику“ работою не только вполне научной, но даже достойной высшей ученой степени“ и что „за границей она тоже обратила на себя нѣкоторое вниманіе“. „Безъ всякой инициативы съ моей стороны—сообщаетъ онъ читателю—такой солидный органъ, какъ „Zeitschrift für Social und Wirthschaftsgeschichte“ предпринялъ переводъ ея на нѣмецкій языкъ и печатаетъ ее въ настоящее время въ особыхъ приложеніяхъ къ журналу. Въ отзывѣ проф. Чушрова, такъ же, какъ и въ статьѣ о моей книгѣ въ вѣскомъ журналѣ „Die Zeit“ характерной чертой моей работы выставляется послѣдовательность проведенія въ ней основной точки зрѣнія. Но большинство отечественныхъ критиковъ уличаютъ меня въ непрерывныхъ противорѣчіяхъ. Очевидно, законы логики такъ же условны, какъ условны національные вкусы и симпатіи. Моя логика сошлась съ нѣмецкой—нѣмцы находятъ меня послѣдовательнымъ—но разошлась съ логикой большинства милыхъ моему сердцу соотечественниковъ“. Впрочемъ, послѣднее обстоятельство, вмѣстѣ съ вытекающими изъ него полемическими столкновеніями, мало трогаетъ г. Туганъ-Барановскаго. „Серьезнаго значенія этихъ нападокъ—говоритъ онъ—я не придаю. Всякому стремящемуся къ истинѣ, какъ бы скромна ни была его задача, слѣдуетъ помнить слова Шопенгауэра: „Хотя мы почти во всѣ времена видимъ наверху Горгіевъ и Гиппиевъ, абсурдъ большею частью торжествующихъ, и хотя кажется невозможнымъ, чтобы за хоромъ дурчащихъ и одурачиваемыхъ когда-нибудь услышанъ былъ единственный голосъ,—тѣмъ не менѣе во всѣ времена за истинными пронаведеніями остается совершенно особенное, тихое... медленное дѣйствіе“. На это, toutes proportions gardées, разсчитываю и я“ *).

Такимъ образомъ, уваженіе къ авторитетамъ соединяется у г. Туганъ-Барановскаго съ гордымъ презрѣніемъ къ критикѣ. Оно, пожалуй, и кстати, такъ какъ авторитеты г. Туганъ-Барановскаго представляютъ собою не совсѣмъ надежную для него опору. Правда, московскій университетъ присудилъ ему „высшую ученую степень“, однако тутъ не обошлось и безъ нѣкотораго „но“. „Диссертатъ—сообщалось въ свое время въ газетахъ—

*) Тамъ же, с. 65—6.

признанъ достойнымъ степени доктора, такъ какъ официальные оппоненты признали его трудъ очень цѣннымъ и по новизнѣ матеріаловъ, и по новизнѣ темы, посвященной русской промышленности. Но факультетъ согласился съ оппонентами, что пользование матеріалами со стороны г. Туганъ-Барановскаго было „произвольнымъ“, такъ какъ обусловливалось желаніемъ подогнать ихъ подъ свою простую и легкую схему“ („Курьеръ“, 20 дек. 1898 г.). Черезчуръ гордиться такимъ присужденіемъ, пожалуй, и не приходится. За то, скажетъ г. Туганъ-Барановскій, моя логика сошлась съ нѣмецкой. Но, во-первыхъ, такъ-ли ужъ авторитетна нѣмецкая логика для работы по русской исторіи, при оцѣнкѣ которой надо все же знать и русскіе источники, а, во-вторыхъ, вѣдь и книга г. Слонимскаго о Марксѣ, напримѣръ, тоже была переведена на нѣмецкій языкъ (и тоже, вѣроятно, безъ особой инициативы со стороны г. Слонимскаго), и, слѣдовательно, логика г. Слонимскаго также сошлась съ нѣмецкой. Убѣдительно ли этотъ аргументъ для самого г. Туганъ-Барановскаго? Такимъ образомъ авторитеты, поддерживающіе ученаго автора „Русской фабрики“, отходятъ въ сторону и передъ нами остается только утѣшающая его картина русской литературы на мотивъ Шопенгауэровскаго афоризма: абсурдъ торжествуетъ, Горгіи и Гипіи стоятъ наверху, г. Туганъ-Барановскій — внизу и производитъ „совершенно особенное, тихое... медленное дѣйствіе“.

Картина умирительная, особенно, если предположить, что тѣ перлы ученой полемики, какіе мы видѣли выше, и представляютъ собою это „особое, тихое, медленное дѣйствіе“ творца „истиннаго произведенія“. Но только въ такомъ случаѣ приходится потерять надежду вести когда-либо по поводу этого произведенія плодотворный споръ.

В. Мянотинъ.

НОВЫЕ КНИГИ.

Н. В. Волковъ. Изъ исторіи русской комедіи. Зависимость. „Ревизора“ Гоголя отъ комедіи Кнута „Приѣзжихъ изъ столицы.“ Спб. 1899.

Авторъ вполне основательно полагаетъ, что „плодъ литературнаго творчества только тогда можетъ получить всестороннюю правильную оцѣнку, когда онъ будетъ изученъ со стороны своихъ творческихъ элементовъ и процесса созданія; только при этомъ условіи могутъ быть открыты истинный смыслъ и значеніе многихъ сторонъ произведенія, до тѣхъ поръ

толкуемых весьма произвольно и гадательно, и только тогда наши выводы приобретут точность и устойчивость". Это исследование источников художественного произведения не только не ослабляет впечатлѣнія, имъ произведеннаго, но даже усугубляетъ его. Для науки оно необходимо въ самыхъ разнообразныхъ отношеніяхъ, и прежде всего, конечно, для выясненія процесса поэтического творчества.

Вопросъ, исследованиемъ котораго занялся г. Волковъ, не новъ, но серьезно имъ до сихъ поръ никто не занимался. Комедія Квитки появилась въ печати позже „Ревизора“, но написана гораздо раньше и, вѣрно, была известна Гоголю; сходство комедій отмѣчалось не разъ, и авторъ сводитъ эти поверхностныя, мимолетныя указанія; ему осталось неизвѣстнымъ одно изъ нихъ, появившееся незадолго до опубликованія его работы — въ брошюрѣ о „Ревизорѣ“ г. Александровскаго. Но послѣ работы г. Волкова, конечно, г. Александровскій не будетъ настаивать на своемъ мнѣніи, будто сходство комедій Квитки и Гоголя объясняется попросту тѣмъ, что оба обработали распространенный въ обществѣ анекдотическій рассказъ: сходство это, можно сказать, не очень глубоко, но весьма широко и идетъ отъ значительнаго совпаденія сюжетовъ до тождества многихъ отдѣльных положеній и выраженій, особенно если взять для сравненія — какъ это съ полнымъ правомъ дѣлаетъ иногда г. Волковъ — первоначальный текстъ „Ревизора“. Съ точки зрѣнія этого несомнѣннаго сходства извѣстному преданію, что Гоголь писалъ свою комедію на сюжетъ, предложенный ему Пушкинымъ, нельзя придавать особеннаго значенія. Самъ Гоголь указываетъ, что „мысль *Ревизора* принадлежитъ также Пушкину“; но въ комедіи, кромѣ самой общей схемы, нѣтъ никакихъ слѣдовъ известнаго въ подробностяхъ разсказа Пушкина о томъ, какъ нижегородскій губернаторъ принялъ его за ревизора. Основная мысль — углубить внутренній смыслъ ходячаго анекдота — быть можетъ, и принадлежала Пушкину, но послѣ работы г. Волкова не остается мѣста сомнѣнію въ томъ, что комедія Квитки повліяла на Гоголя.

Жаль только, что г. Волковъ не сумѣлъ расположить свои указанія въ надлежащей перспективѣ: не придаетъ достаточного вѣса серьезнымъ даннымъ и настаиваетъ на мелочахъ — что называется пѣть-за-деревьевъ не видить лѣса. Нѣкоторымъ его указаніямъ эта мелочность, это выискиваніе — кого-же! — Гоголя придаетъ просто комическій характеръ. Ему надо, напримѣръ, доказать, что составъ дѣйствующихъ лицъ обѣихъ комедій сходенъ; довольно бы, кажется, указать, что и адѣсь, и тамъ урядные чиновники — городничій, судья и т. д. — и ревизоръ. Но этого мало: производится тщательный подсчетъ, перечисляются лица, которыя не вошли въ комедію Гоголя, отмѣчаются такіе пункты „сходства“: „у Квитки сестра городничаго 40 лѣтъ, затѣмъ дочь

стриячаго съ матерью—у Гоголя жена городничаго, женщина не совсѣмъ пожилыхъ лѣтъ, о себѣ говорящая, что ей только еще 83 года, но „женщины любятъ уменьшать года“, замѣчаетъ тутъ же Гоголь, и дочь ея... служанка сестры городничаго въ комедіи Квитки—*замѣнилась* у Гоголя слугою городничаго.“ Правда, такими приемами можно доказать сходство „Ревизора“ съ „Телемахидай.“ До пріѣзда мнимаго ревизора оба городничіе получаютъ объ этомъ предварительное сообщеніе отъ пріятелей — сходство очевидно; но г. Волковъ находитъ нужнымъ отмѣтить, что въ обоихъ письмахъ есть слова *спышу уведомить*, у Квитки *есть*, а у Гоголя *тебя*, а въ первоначальномъ текстѣ *тебя* не было: прямая улика противъ запирающагося Гоголя.

Но все это мелочи; авторъ самъ понимаетъ, что изслѣдованной имъ зависимость безсмертная комедія Гоголя не унижается, а уясняется. Открытъ одинъ—вѣроятно, далеко не единственный—изъ ея источниковъ; „но развѣ можно считать униженіемъ для великолѣннаго рубина, когда указываютъ, что элементъ, его образующій, есть окрашенная разновидность безводной глины?“ Остается другая, болѣе важная и трудная часть работы, едва намѣченная г. Волковымъ въ его брошюрѣ: изученіе и опредѣленіе того, что Гоголь внесъ своего въ сюжетъ Квитки, чѣмъ онъ углубилъ его и поднялъ безпѣтный и довольно заунывный фарсъ до высоты „перла созданія.“

Пути къ истинѣ (Dhammapada). Изреченія буддійской нравственной мудрости. Переводъ и предисловіе Н. Герасимова. М. 1898 г.

Dhammapada представляетъ собою одинъ изъ лучшихъ сборниковъ буддійскихъ изреченій. Въ него вошло 428 стиха, или, вѣрнѣе сказать, двустипіа (въ подлинникѣ), въ томъ ихъ видѣ, въ какомъ они вышли, по преданію, изъ устъ самого Будды. Ея составленіе относится буддистами къ эпохѣ перваго собора, т. е. приблизительно къ V вѣку до Рождества Христова. Настоящій переводъ сдѣланъ, впрочемъ, не съ оригинала, а съ англійскаго перевода Макса Мюллера и, по заявленію переводчика, тщательнѣе сличался съ нѣмецкимъ переводомъ Неймарна. Основная мысль, выражающая наибольшую полноту буддійскаго чувства, мысль о томъ, насколько печально то, что призрачно и скоротечно, и наоборотъ—блаженно то, что неизмѣнно и вѣчно, раскрывается передъ читателемъ въ этой книгѣ въ цѣломъ рядѣ афоризмовъ по поводу самыхъ разнообразныхъ предметовъ: размышленія, старости, счастья, наслажденія, гнѣва, справедливости и т. д. Проникнуты ровнымъ настроеніемъ спокойной эпической мудрости, словно облиты холоднымъ блескомъ лунной ночи, афоризмы эти полны своеобразной индійской поэзіи, раскрывающейся то въ неожиданномъ параллелизмѣ

образовъ, то въ оригинальной мѣткости мысли. „Какъ на взбившуюся пѣну — смотри на этотъ міръ, взирай на него, какъ на призракъ: тогда и царь смерти никогда не узритъ тебя“. „Какъ дождь неудержимо проникаетъ въ скудно закрытое азаніе, такъ и страсти легко проникаютъ въ сердце, не защищенное размышленіемъ“. „Мнѣ принадлежатъ эти сыновья, мнѣ принадлежатъ эти богатства, — вотъ мысли безумца. Какъ могутъ сыновья и богатства принадлежать ему, когда онъ самъ не принадлежитъ себѣ“. „Есть еще умъ въ глупцѣ, сознающемъ свою глупость; но тотъ неразумный, который твердо увѣренъ въ своей мудрости, — тотъ уже истинно безумецъ“. „Тотъ, кто свои прежнія злая дѣла покрылъ добрыми вѣдствіями, свѣтится въ этомъ мрачномъ мірѣ, подобно мѣсяцу въ облачной ночи“...

Исключая нѣкоторые искусственные слова, вроде самости (т. е. эгоизма) и брахманы (вм. брахмана отъ имен. брахманъ, а не брахмана), переводъ сдѣланъ вполне добросовѣстно, и въ немъ заключается главная заслуга г. Герасимова передъ читающимъ обществомъ. Въ этомъ переводѣ, ясномъ и мѣстами красивомъ, передающемъ до извѣстной степени плавную торжественность индійскаго наречія, „Путь къ истинѣ“ прочтется съ особеннымъ интересомъ, если только читатель, при входѣ въ этотъ храмъ буддѣйской мудрости, не зацѣпитъ о пороги „предисловія“ г. Герасимова. Этими предисловіемъ переводчикъ оказалъ себѣ плохую услугу. Проводя въ немъ ту мысль, что „наше время, *такъ или иначе* своими великими научными открытіями, ... отлѣчено, однако, нѣкоторою *великою жизненною потерей* (этотъ курсивъ принадлежитъ автору) — потерей высшихъ руководящихъ идей“, и что восполнить въ извѣстной степени этотъ пробѣлъ можетъ „великое наслѣдіе древнихъ мудрецовъ“ и въ частности предлагаемая читателямъ книга, авторъ предисловія, онъ же и переводчикъ, прежде всего забываетъ, что добрая и лучшая половина этого наслѣдія давно уже перешла въ область труизмовъ, мелкой монетой разсыпалась въ народныхъ массахъ, проникла въ религіозный культъ, сроднилась съ поэзіей, тамъ — легла въ основу легенды и сказки, здѣсь — воскресла звонкой и складной пословицей. Если и сохраняется интересъ за „вѣчными словами“ древней мудрости, то лишь чисто философскій и, пожалуй, поэтичeskій, но никакъ не въ смыслъ руководящаго міросозерцанія, способнаго восполнить „жизненную потерю“. Человѣчество никогда не забывало и не забываетъ великихъ нотинъ „правды, добра и красоты“, но что оно не представляетъ ихъ себѣ въ видѣ принциповъ, приводящихъ къ буддѣйской нирванѣ, объ этомъ жалѣть нечего. Поэтому совершенно неосновательны сѣтованія автора „предисловія“ на „крайне утилитарное направленіе жизни послѣдняго времени“, вслѣдствіе чего мы разсматриваемъ творенія преж-

нихъ вѣковъ „со всѣхъ точекъ зрѣнія, но только не съ точки зрѣнія ихъ живой поучительности“.

Не можемъ не пожалѣть, что вмѣсто „предисловія“, въ которомъ авторъ занялъ полъ-книги на пересказываніе „своими словами“ ясныхъ въ общемъ и простыхъ афоризмовъ, мы не находимъ даже краткихъ свѣдѣній о жизни и ученіи Будды, чтобы не было необходимости, какъ это дѣлаетъ авторъ, отсылать „читателей, незнакомыхъ съ философій буддизма“, къ обширной и сравнительно спеціальной книгѣ Ольденберга. Этотъ очеркъ могъ бы быть также переведенъ (хотя бы изъ введенія Fernand Hù къ переводу Dhammapada въ Bibliothèque Orientale Elzévirienne) или написанъ другимъ лицомъ, болѣе г. Герасимова отважнымъ въ отысканіи „золотой середины“ того, по его словамъ, что нужно для такъ называемой большой публики.

Энгельсъ, Фр. Происхожденіе семьи, собственности и государства. Переводъ подъ редакціей М. П. Юлшина. Изд. Павленкова. Спб. 1890 г. Ц. 50 к.

Энгельсъ, Фр. Происхожденіе семьи, частной собственности и государства. Переводъ Е. П. Вошнякъ подъ редакціей Н. Н. Спиридонова. Изд. Югансона. Кіевъ-Харьковъ 1890 г. Ц. 50 коп.

Гроссе, Эрнстъ. Формы семьи и формы хозяйства. Переводъ съ нѣмецкаго. Изд. маг. „Книжное Дѣло“. Москва 1898 г. Ц. 1 р.

Передъ нами двѣ книжки рѣзко противоположнаго характера, не смотря на то, что авторы ихъ стоятъ приблизительно на одной и той-же социологической точкѣ зрѣнія, съ которой и дѣлаютъ попытку объяснить происхожденіе различныхъ формъ семьи и брака.

Книжка Энгельса написана блестящимъ языкомъ, полна чрезвычайно остроумныхъ гипотезъ и толкованій происхожденія различныхъ пережитковъ, мѣровъ и проч. и представляетъ собою мастерски изложенную исторію семьи. Правда, авторъ иногда впадаетъ въ тотъ полемическій тонъ, который непріятно встрѣчать въ книжкахъ, но имѣющихъ цѣлью сразить противника своимъ остроуміемъ. Картина развитія семьи, которую даетъ Энгельсъ, отличается необычайною ясностью, но эта ясность покупается иногда слишкомъ дорогою цѣною. Ради нея авторъ совершенно игнорируетъ многіе факты, если не окончательно опровергающіе существованіе тѣхъ или иныхъ формъ брака, семьи, то во всякомъ случаѣ значительно уменьшающіе достовѣрность ихъ существованія; ради той-же ясности онъ извѣстной формулѣ: „форма матеріальнаго производства обуславливаетъ социально-политическія и духовныя отправленія жизни человѣка“ — далъ вѣдомо ложное толкованіе, включивъ въ понятіе „форма матеріальнаго производства“ также и производство потомства, т. е.

пначе говоря, форму семьи. Наконец, надо думать, что ради той же ясности онъ отъ фразы Моргана: „Весьма вѣроятно, (It is accordingly probable), что всѣ великія эпохи человѣческаго прогресса въ большей или меньшей степени совпадаютъ съ открытіемъ новыхъ источниковъ существованія“, — отбрасываетъ два первыхъ слова. (Ср. Morgan-Ancient Society. Lond. 1877, p. 6. и Энгельсъ, „Прогн. семьи, пер. и ред. Иолшина, стр. 15). Всѣ эти „весьма вѣроятно“, „возможно“ и т. п. дѣлали-ли бы исторію культуры, и въ частности семьи, менѣе ясной и достовѣрной, нежели она рисуется въ книжкѣ Энгельса. И если, благодаря этой ясности и чисто литературнымъ достоинствамъ, книжка эта пользуется въ широкой публикѣ громаднымъ и вполне заслуженнымъ успѣхомъ (помнимъ двухъ новыхъ переводовъ книжка выдержала 4 изданія въ старомъ переводѣ), то все же едва-ли Энгельсъ сдѣлалъ ею какой-либо вкладъ въ сокровищницу науки, если не считать нѣкоторыхъ оригинальныхъ и остроумныхъ гипотезъ.

Прямую противоположность книжкѣ Энгельса представляетъ собою книжка Гроссе: живость, талантливость изложенія Энгельса замѣняется у Гроссе сухою и тѣмъ не менѣе поверхностною разработкою массы этнографическаго матеріала; остроумныя гипотезы и толкованія перваго автора замѣняются у второго полнымъ отрицаніемъ научности такого толкованія, попыткой постоянно стоять на почвѣ точно установленныхъ историческихъ и этнографическихъ данныхъ.

„Мы задаемся здѣсь только вопросомъ, — опредѣляетъ авторъ задачу и методъ своего изслѣдованія, — чѣмъ представляется семья среди разнообразныхъ культурныхъ условій, лежащихъ въ чертѣ историческихъ и этнологическихъ наблюденій, тогда какъ большинство нашихъ предшественниковъ прежде всего задавалось вопросомъ, чѣмъ могла бы быть семья среди такихъ отношеній, которыя лежатъ внѣ круга нашихъ наблюденій“ (7—8). „Погоня за этими слѣдами и описаніе этого невѣдомаго прошлаго нѣкоторое время развивалась такъ страстно, что, благодаря этому, совершенно просмотрѣли исполнѣ достовѣрное настоящее. Было-бы большою рѣдкостью, если бы путемъ такого метода удалось бы напасть на сколько-нибудь цѣнные выводы. Къ сожалѣнію, несравненно вѣроятнѣе, что даже наиболѣе даровитые изслѣдователи, глубоко вѣрящіе въ свою находчивость, и тѣ блуждаютъ въ туманѣ безсодержательныхъ и завѣдомо-ложныхъ спекуляцій, и въ особенности, если они въ своихъ заключеніяхъ исходятъ изъ очень отдаленныхъ и чуждыхъ отношеній“ (8—9). Но такъ какъ достовѣрныхъ историческихъ этнологическихъ данныхъ о первобытныхъ народахъ нѣтъ, то авторъ отрицаетъ возможность, при современномъ состояніи исторической науки, научной исторіи семьи. „Мы, — говоритъ онъ, — изслѣдуемъ лишь

связь отдѣльных семейныхъ формъ съ формами хозяйства, не касаясь ихъ генетической связи съ формами семьи" (1).

Задача, повидимому, скромная, по если принять во вниманіе тотъ методъ изслѣдованія, который избралъ себѣ авторъ,—она является едва-ли выполнимой. Авторъ не думаетъ скрывать тотъ фактъ, что описываемые этнологами народы, даже и стоящіе на самой низкой ступени культуры, подверглись въ значительной степени вліянію культурныхъ сосѣдей, вліянію непосредственному, путемъ записесіи въ ихъ среду тѣхъ или иныхъ культурныхъ формъ и отношеній, и косвенному, путемъ сокращенія племени занимаемой ими территоріи или вытѣсненія ихъ на другую территорію съ другими природными условіями, заставляющими ихъ перейти къ другимъ формамъ хозяйства: земледѣльцы вынуждаемы были часто обращаться въ кочевники или даже перемѣнить свой промыселъ на охоту. Какими же образомъ у такихъ народовъ установить зависимость формъ семьи отъ формъ хозяйства? Во первыхъ, формы семейныхъ отношеній, въ особенности у полудикихъ народовъ, могутъ измѣняться въ ту или иную сторону лишь съ теченіемъ многихъ вѣковъ, тогда какъ форму хозяйства въ данномъ случаѣ они вынуждены измѣнить очень быстро. Наконецъ, у этихъ народовъ, какъ отмѣчаетъ самъ авторъ, мы не находимъ и чистой формы какого-либо хозяйства: такъ напр., у нѣкоторыхъ народовъ на ряду съ натуральнымъ хозяйствомъ, родовымъ коммунизмомъ, — мы встрѣчаемся съ довольно широко развитымъ обменомъ.

II, дѣйствительно, попытка Гроссе не приводитъ ни къ какимъ положительнымъ результатамъ: при каждой изъ разсматриваемыхъ имъ формъ хозяйства онъ находитъ рядомъ всѣ извѣстныя этнологамъ формы брака и семьи. Такъ, раздѣляя народы по формѣ ихъ хозяйства на низшихъ охотниковъ, высшихъ охотниковъ, кочевниковъ, низшихъ земледѣльцовъ и высшихъ земледѣльцевъ,—авторъ находитъ слѣдующее у низшихъ охотниковъ: семья парная, бракъ „обмѣнный“ (на сестру или другую женщину рода), моногинный или полигинный, родословная ведется по отцу или по матери, живутъ иногда родовыми общинами, чаще обособленно, родъ патриархальный, съ абсолютнымъ господствомъ мужчины (стр. 57—90). Стало быть у низшихъ охотниковъ, кромѣ повсемѣстнаго господства мужчины въ семьѣ, однако оспариваемаго нѣкоторыми изслѣдователями, нѣтъ ни одной формы семьи общей всѣмъ этимъ народамъ. У высшихъ охотниковъ: семья парная, бракъ большею частью покупной, моногинный или полигинный, родословная ведется по матери, у многихъ также и по отцу, родъ въ большинствѣ случаевъ патриархальный, иногда матриархальный, большинство народовъ живетъ родовыми общинами, другіе обособленными семьями (стр. 102—123). У кочевниковъ: бракъ моногинный, полигинный или полиандрический, боль-

шею частью покупной, родъ ведется по отцу или по матери, семьи патриархальныя, иногда матриархальныя, живутъ родовыми общинами, иногда обособленными семьями (стр. 145—185). У низшихъ земледѣльцевъ: парная семья, бракъ большею частью покупной, моногинный или полигинный, родословную ведутъ по матери или по отцу, родъ матриархальный, или патриархальный, живутъ большею частью родовыми общинами, иногда обособленными семьями (стр. 195—262). И только у высшихъ земледѣльцевъ, народовъ находящихся въ постоянномъ общеніи съ высококультурными народами, авторъ находитъ болѣе или менѣе точно очерченную форму семьи и брака, почти тождественную съ таковыми культурныхъ народовъ (стр. 329). И послѣ всего этого, авторъ въ концѣ своего изслѣдованія говоритъ: „мы нашли, что каждому типу хозяйства соответствуетъ особый типъ семьи“ (стр. 8).

Не болѣе удачны и попытки Гроссе дать объясненіе происхожденію отдѣльныхъ формъ семьи и брака. Такъ, происхожденіе экзогаміи у земледѣльческихъ народовъ онъ объясняетъ тѣмъ, что земледѣльская родовая община нуждается въ рабочихъ рукахъ, „а обычай родовой экзогаміи представляется желаннымъ средствомъ въ данномъ случаѣ, такъ какъ обычаемъ выбирать подругу внѣ рода,—роду доставляются новыя рабочія силы“. „Такимъ образомъ писаніе земледѣльцы потому въ большинствѣ случаевъ экзогамны, что экзогамія служитъ ихъ хозяйственнымъ интересамъ“ (стр. 241). Авторъ упускаетъ изъ виду, что та же экзогамія заставляетъ терять при патриархатѣ своихъ дѣвушекъ, при матриархатѣ своихъ мужчинъ, и прибыль новыхъ работниковъ изъ другихъ родовъ уравнивается потерей прежнихъ членовъ рода, которыхъ экзогамія заставила перейти въ другіе роды.

Размѣры библиографической заимки не даютъ намъ возможности познакомить читателя со столь же неудачными попытками опроверженія существованія хищническаго брака, свальнаго брака, всеобщаго распространенія матриархата и материнства у первобытныхъ народовъ.

Переводы лежащихъ передъ нами книжекъ далеко не одинаковаго достоинства. Переводъ книжки Энгельса, сдѣланный подъ редакціей г. Юшнина, очень хорошъ своимъ легкимъ литературнымъ языкомъ, но, къ сожалѣнію, сдѣланъ слишкомъ вольно, подчасъ съ значительными отступленіями отъ оригинала. Такъ, переводчикъ въ названіи книжки слова „частная собственность“ (Privateigentum) замѣнилъ словомъ „собственность“, „культурныхъ народовъ стараго свѣта“—„древними аріями и семитами“. Второй переводъ ближе къ оригиналу, но за то языкъ его значительно тяжелѣе, однако и онъ много лучше перваго русскаго перевода, выдержавшаго 4 изданія. Что же касается перевода

книжки Гроссе, то онъ оставляетъ желать очень многого. О слогѣ перевода можно судить, хотя бы по нѣсколькимъ приведеннымъ нами выпискамъ. Переводчикъ оставляетъ въ большинстве случаевъ этнографическія имена съ латинской транскрипціей, дабы, какъ онъ говоритъ, не испортить ихъ оригинальнаго произношенія; но иногда онъ попадаетъ въ комическое положение: такъ, народъ *wedda* онъ рѣшается написать русскими буквами „ведда“, но когда ему попадается въ нѣмецкомъ оригиналѣ слово *Naturwedda*, что значить по нѣмцу природный ведда, онъ оставляетъ его непереведеннымъ, очевидно, полагая, что это какой-либо другой, невѣдомый ему народъ (стр. 61); въ другомъ мѣстѣ *„ewe-spriging peoples“*, что значить по-англійски народы, говорящіе на еве,—у переводчика превращаются въ народъ еве (стр. 217). Причисливъ копенгагенскаго профессора Штарке, очевидно, къ французамъ или англичанамъ, переводчикъ усердно склоняетъ его фамилію, представляя къ ней русскія надежныя окончанія (*Starke'a, Stark'u* и т. д.).

Проф. М. М. Ковалевскій. Развитіе народнаго хозяйства въ Западной Европѣ.—Публичныя лекціи, читанныя въ Вольномъ Брюссельскомъ Университетѣ. Изд. Павленкова. Сиб. 1899. Ц. 75 коп.

Восемь публичныхъ лекцій проф. Ковалевскаго представляютъ собою краткій конспектъ предпринятаго тѣмъ же авторомъ труда: „Экономическій ростъ Европы до капиталистическаго развитія“. Въ „Русскомъ Богатствѣ“ была помѣщена библиографическая записка о вышедшемъ въ прошломъ году первомъ томѣ этого труда. Въ томъ большомъ трудѣ авторъ своей гипотезы, согласно которой плотность населенія является факторомъ, обуславливающимъ экономическое развитіе народа, — даетъ сравнительно подробное теоретическое обоснованіе, знакомить съ ученіями демографовъ, по мнѣнію автора подтверждающими его взглядъ на главный факторъ экономической эволюціи. Слушателямъ своихъ лекцій почтенный профессоръ почему-то не счелъ нужнымъ ни дать теоретическое обоснованіе своего взгляда, ни упомянуть объ интересной работѣ Ленассера, установившаго предѣлы плотности населенія при различныхъ формахъ хозяйства, ни высказать свои демографическіе взгляды. Читая у автора, что „главнымъ факторомъ всѣхъ измѣненій экономическаго строя является ничто иное, какъ ростъ населенія“, — невольно спрашиваешь: какими факторами обуславливаетъ авторъ ростъ этого послѣдняго. Но авторъ довольствуется поясненіемъ, что теорія Лорія не имѣетъ ничего общаго съ его взглядомъ, и въ дальнѣйшемъ изложеніи дѣлаетъ попытку дать, какъ онъ говоритъ, „научное объясненіе различнымъ явленіямъ, которые привели къ созданію современнаго эко-

номического строя", т. е. иначе говоря, переходить къ обзорѣннѣ важнѣйшихъ періодовъ экономическаго развитія.

Авторъ послѣдовательно разсматриваетъ „земельную общину, происхождение помѣстнаго хозяйства“, „городское и въ частности цеховое хозяйство“, „рабочій вопросъ въ средніе вѣка“ и, наконецъ, „зарожденіе современнаго экономическаго порядка, преимущественно въ селахъ“, постоянно стараясь установить непосредственное вліяніе увеличенія плотности населенія на возникновеніе новыхъ экономическихъ формъ. Авторъ справляется со своею задачею часто весьма удачно, но наиболѣе удачныя доказательства онъ приводитъ именно въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ непосредственное вліяніе роста населенія на переходъ къ новымъ формамъ хозяйства признано всѣми историками (таковъ, напримѣръ, переходъ отъ экстенсивнаго хозяйства въ земледѣліи къ интенсивному и пр.). Какъ на одинъ изъ недостатковъ доказательствъ, приведенныхъ авторомъ, укажемъ на полное отсутствіе въ книжкѣ данныхъ о ростѣ населенія въ разсматриваемые имъ періоды исторіи; между тѣмъ эти данныя, будь онѣ приведены, если бы даже и не опровергли нѣкоторыхъ утвержденій автора, то во всякомъ случаѣ заставили бы его дать своимъ выводамъ болѣе подробное обоснованіе. Укажемъ, напримѣръ, на тотъ фактъ, что въ теченіе шести съ половиною вѣковъ, до воцаренія Карла Великаго, населеніе Галліи увеличивалось менѣе чѣмъ на 1% въ столѣтіе,—ростъ настолько незначительный, что едва-ли онъ могъ бы оказать какое либо вліяніе (не говоря уже о преимущественности) на форму хозяйства. Г. Ковалевскій вообще иногда слышкомъ увлекается въ своихъ попыткахъ доказать доминирующее вліяніе роста населенія на экономическую жизнь, и нерѣдко приходится удивляться, къ чему понадобилось почтенному ученому примѣнять свою теорію къ объясненію такихъ явленій, къ которымъ она по самой своей сущности не можетъ быть примѣнима. Вотъ что, напримѣръ, мы читаемъ на 50—51 страницѣ: „Достаточно значительнаго уменьшенія въ числѣ жителей, чтобы вызвать упадокъ города до уровня сельскаго поселка. Такъ Манчестеръ, который въ эпоху Елизаветы былъ не болѣе какъ помѣстьемъ, становится въ XIX столѣтіи колоссальнѣйшимъ городомъ, а Олду-Сарумъ, въ теченіе вѣковъ считавшійся парламентскимъ бургомъ и посылавшій представителей въ палату общинъ, падаетъ до того, что въ 1832 году въ немъ оказывается всего на всего два набирателя. Сколько городовъ Россіи, бывшихъ некогда резиденціей самостоятельныхъ князей, попало въ число, такъ называемыхъ, захудалыхъ и заштатныхъ, т. е. настолько опустившихся, что нѣтъ больше цѣли дѣлать ихъ средоточіемъ правительственныхъ учреждений! Тогда какъ Москва, бывшее помѣстье Долгоруковыхъ, становится столицей царей,—Звенигородъ центръ независимаго удѣла, впадаетъ въ совершенное ничтоже-

ство. Эти факты еще раз подтверждают нашу мысль, что накопление числа жителей является первичным фактором экономического развития".

Не вѣрится просто, чтобы проф. Ковалевскій действительно полагалъ, что въ данномъ случаѣ не географическое положеніе городовъ, а слѣдовательно, и экономическое ихъ значеніе, служило причиной роста населенія, а наоборотъ—ростъ населенія вызывалъ экономическое развитіе ихъ!

Но, оставляя въ сторонѣ „теорію“ автора, скажемъ, что сама по себѣ книжка представляетъ большой интересъ для широкой публики. Хотя читатель и не найдетъ въ ней цѣльной картины „развитія народнаго хозяйства“, но главные этапы этого развитія у автора изложены въ общемъ очень интересно.

Въ концѣ книжки помѣщены два приложенія. Въ первомъ изъ нихъ: „Историческій переходъ отъ общинной собственности къ индивидуальной“, авторъ останавливается на вопросѣ, разработанномъ имъ двадцать лѣтъ тому назадъ въ книжкѣ „Общинное землевладѣніе, причины и послѣдствія его разложенія“, а затѣмъ дѣлаетъ попытку объясненія происхожденія передѣловъ. Авторъ доказываетъ отсутствіе „существенной разницы между аграрной общиной и коммунистической деревней“, между прочимъ, тѣмъ, что „въ Россіи и вообще въ славянскихъ земляхъ еще и въ наши дни встрѣчается немало поселковъ, посящихъ названія, кончающіяся на „ичи“, что указываетъ обыкновенно на происхожденіе отъ болѣе или менѣе фантастическаго предка, послужившаго впервые объектомъ культа и искусственной связью для различныхъ элементовъ, слившихся въ концѣ концовъ въ одинъ стволъ“ (стр. 190). Вообще, въ этомъ приложеніи имѣется рядъ интересныхъ гипотезъ, которымъ авторъ, однако, не даетъ прочнаго обоснованія. Во второмъ приложеніи: „Хозяйственный строй родовыхъ союзовъ Уэльса“,—авторъ знакомитъ читателя съ книгой Фридриха Себома: „Система родовыхъ отношеній Уэльса“.

Вышкельное народное образованіе въ Запад. Европѣ и Сѣвер. Америкѣ. Составилъ по Рейеру и другимъ источникамъ В. Гель. Москва. 1890.

Распространеніе вышкельнаго народнаго образованія встрѣчаетъ сочувствіе среди все большихъ слоевъ населенія. Люди различныхъ общественныхъ классовъ, политическихъ партій и убѣжденій привѣтствуютъ его каждый на свой образецъ, по своимъ особымъ мотивамъ. Вотъ и авторъ лежащей передъ нами книжки вполне искренно привѣтствуетъ это просвѣтительное движеніе и не пытается скрыть отъ читателя тѣ экономико-патріотическіе мотивы, которые руководятъ имъ при этомъ. „Можетъ ли быть сомнѣніе,—спрашиваетъ онъ на стр. VI—VII своего предисловія,—

что народъ, вооруженный имъ (знаніемъ), представляетъ величайшую опасность для самостоятельности и независимости остальныхъ въ своемъ развитіи націй?“. „Наша промышленность уже достаточно знакома съ этимъ явленіемъ (покореніемъ чужестранцами). Кѣмъ по преимуществу эксплуатируются наши природныя богатства, желѣзо, каменный уголь, нефть? Кто хозяйничаетъ въ южныхъ богатыхъ областяхъ Россіи, кто, наконецъ, начинаетъ завоевывать Уралъ и Сибирь? Нефть, и вѣшкольное народное образованіе! Казалось бы, что можетъ быть у нихъ общаго, а между тѣмъ именно нефть и каменный уголь, разрабатываемые въ Россіи иностранцами, вдохновили автора, хотя онъ съ горечью замѣчаетъ, что едва ли его проповѣди возымѣетъ должное вліяніе на „патріотовъ“ (кавычки автора).

Свою книжку (именно книжку, а не содержаніе ея) составитель разбиваетъ на три части: 1) „Учрежденія и общества для распространенія народнаго образованія“, 2) „Народныя университеты“, 3) „Народныя бібліотеки“. Прежде всего возникаетъ вопросъ: что надо понимать подъ „учрежденіями и обществами для распространенія народнаго образованія“? Сюда надо отнести и общества для устройствъ народныхъ чтеній, лекцій, народныхъ бібліотекъ, однимъ словомъ—именно все то, что составляетъ предметъ изложенія книжки г. Гебеля. Другого значенія этимъ „учрежденіямъ и обществамъ“ не придаютъ, очевидно, и самъ авторъ, такъ какъ въ первой части книжки помѣщены свѣдѣнія и объ американскихъ и англійскихъ институтахъ, народныхъ дворцахъ, и о лондонскомъ институтѣ Тойнби, и о берлинской Humboldt-Academie, и о датскихъ высшихъ народныхъ школахъ, и о германскихъ и австрійскихъ обществахъ, и о рабочихъ и ремесленныхъ образовательныхъ союзахъ и, наконецъ, о французской лигѣ народнаго образованія. Остается лишь непонятнымъ, почему авторъ не помѣстилъ подъ этимъ заголовкомъ и всего остального содержанія книги, такъ какъ всѣ учрежденія, разсматриваемыя имъ въ дальѣйшемъ изложеніи, ничѣмъ существеннымъ не отличаются отъ приведенныхъ въ первомъ отдѣлѣ.

Во второй части авторъ знакомитъ читателя съ „высшими народными школами“, и опять является непонятнымъ, почему авторъ берлинскую Humboldt-Academie или высшія дѣтскія школы исключаетъ изъ списка „высшихъ народныхъ школъ“. Наконецъ, въ третьемъ отдѣлѣ онъ приводитъ болѣе подробныя свѣдѣнія о народныхъ бібліотекахъ.

Составитель, очевидно, совершенно не изучалъ предмета своей книжки и помѣщалъ въ нее все, что ему попадалось подъ руку въ книгѣ Рейера и другихъ источникахъ. Такъ, въ отдѣлѣ „народныя бібліотеки“ помѣщены свѣдѣнія о нѣкоторыхъ капитальныхъ городскихъ бібліотекахъ (часто платныхъ) или, напри-

мѣръ, о бібліотекѣ Ротшильда во Франкфуртѣ на Майнѣ, „предназначенной для серьезныхъ занятій и научныхъ работъ“. Изложеніе книжки отличается крайнею отрывочностью, неполнотою и безпорядочностію въ расположеніи матеріала. Книга Рейера, которому, преимущественно, пользовался г. Гебель, есть справочная книга, но представляющая большого интереса для широкой публики, для которой, очевидно, предназначалась книжка г. Гебеля, но и какъ справочная книга,—Рейеръ утратилъ значительную долю интереса, такъ какъ въ его книгѣ помѣщены устарѣвшіе данныя 1893—94 гг., съ тѣхъ же поръ дѣло распространенія вѣнскихъ народного образованія значительно подвинулось впередъ, число народныхъ бібліотекъ, лекцій и университетовъ значительно возросло. „Другіе источники“ г. Гебелемъ также выбраны неудачно; почему-то онъ не нашелъ нужныхъ познакомиться съ выходящимъ въ Лондонѣ специальнымъ журналомъ (The University Extension Journal), откуда онъ могъ бы взять болѣе свѣжіе данныя о народныхъ университетахъ.

Книжка г. Гебеля не отличается также полнотою и точностію. Такъ, въ ней совершенно отсутствуютъ свѣдѣнія о германскомъ „Victoria-Lyceum“, о бернскихъ и цюрихскихъ народныхъ университетахъ, о швейцарскомъ Pestalozzi-gesellschaft. Отмѣтимъ также, что первая датская высшая школа была организована не Грундвигомъ, а лишь черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ его смерти—нѣсколькими лицами при участіи кильскаго профессора Христіана Флора.

Приложенная къ книжкѣ въ общемъ недурная статья г. Дренгельна объ „Ураніи“ также устарѣла: теперь вотъ уже 2 года берлинская „Уранія“ помѣщается въ двухъ значительно расширенныхъ изданіяхъ, и представленія въ ней даются по значительно расширенной программѣ.

Ив. Порошинъ. Русалка и другіе рассказы. Спб. 1890.

Вываютъ книги,—и такихъ, пожалуй, большинство,—о которыхъ трудно сказать, хороши онѣ или плохи, полезны или вредны, потому что онѣ не хороши и не дурны, а, какъ говорится, ни то, ни се. Читатель можетъ прочесть такую книжку, но можетъ спокойно и не читать: и въ томъ, и въ другомъ случаѣ онъ не много приобрѣтетъ и не много потеряетъ. Написаны подобныя произведенія обыкновенно хорошимъ литературнымъ языкомъ и тѣмъ не менѣе читаются не особенно легко и безъ большой охоты. Они не оскорбляютъ нравственно требовательнаго читателя, даже, напротивъ—въ нихъ часто проглядываютъ „благія намѣренія“ автора передать читателю что-то свое, задушевное. Но эти намѣренія въ большинствѣ случаевъ выполняются поудачно, и вы, читая книжку, не испытываете ника-

кого нравственного подъема, не воодушевляетесь, не возмущаетесь,—словомъ, читаете безъ увлеченія.

Къ этому разряду книжекъ мы должны отнести и рассказы и этюды г. Порошина. Г. Порошинъ хорошо владѣетъ перомъ и хорошо описываетъ видѣнное и пережитое. Но бѣда его въ томъ, что въ его рассказахъ жизнь не развертывается сама передъ читателемъ. Авторъ не чувствуетъ въ себѣ для этого достаточно силъ и умѣнія. Онъ не *изображаетъ* жизнь, а именно *описываетъ* ее. Онъ или самъ рассказываетъ о томъ, какъ жьзуть выводимыя на сцену лица, что они дѣлаютъ и о чемъ говорятъ, почти никогда не разрѣшая имъ непосредственно вступать между собою въ разговоры,—или же заставляетъ своихъ героев и героинь говорить о себѣ, *исповѣдываться*, т. е. опять-таки преподносить читателю ту или иную личность, тотъ или другой фактъ не какъ таковой, а съ приложеніемъ готовой и не всегда удачной его оцѣнки или комментарія. Все это дѣлаетъ рассказы г. Порошина скучноватыми, подчасъ растянутыми, и придаетъ имъ характеръ нѣкоторой дѣланности, *сочинскости*.

Но у г. Порошина есть еще одна особенность, которая еще въ большей мѣрѣ кладетъ на его произведенія печать искусственности. Сознавая, повидному, бѣдность своего творческаго вымысла и желая въ то же время усилить впечатлѣніе, сдѣлавъ свои повѣствованія ярче, оригинальнѣе и интереснѣе, г. Порошинъ очень часто прибѣгаетъ къ сильнымъ внѣшнимъ, обстановкамъ, къ искусственнымъ эффектамъ. Эти сильно-дѣйствующія средства фигурируютъ почти въ каждомъ изъ десяти помѣщенныхъ въ книжкѣ рассказовъ и потому невольно бросаются въ глаза. Таковы, наиримѣръ, трагическая борьба на площадкѣ вагона въ „Роковой встрѣчѣ“, крушеніе поѣзда въ „Смыслѣ жизни“, покушеніе на убійство и самоубійство въ „Татаркѣ“; а въ двухъ рассказахъ—„Изъ записокъ случайнаго писателя“ и „Русалка“—изображаются муже- и женоубійцы. Но этимъ не исчерпывается арсеналъ „средствъ“ г. Порошина. Въ его „Недоконченномъ романѣ“ повѣствуется о томъ, какъ молодой педагогъ Юматовъ, заинтересовавшись однимъ изъ падшихъ, но не погибшихъ созданій, рѣшаетъ вывести дѣвушку на „честную“ дорогу и поднять ее до себя. Однако, Юматовъ, еще не дождавшись, пока Катя подымется до него, „понялъ, какая это страшная все-побѣждающая сила красота женщины, когда эту силу направляютъ сознательно“. Вотъ эта-то сила, физическая женская красота и, такъ называемая, физиологическая любовь,—которыя, кстати, занимаютъ очень видное мѣсто во многихъ рассказахъ г. Порошина,—также фигурируетъ у него въ числѣ искусственныхъ возбудителей вниманія. Укажемъ для примѣра на „Русалку“, герой которой на разстояніи и чуть не до самозабвенія влюбляется въ голую купающуюся женщину, или на „Записки

случайнаго писателя", гдѣ авторъ совершенно неправдоподобнымъ образомъ заставляетъ „порядочную“ женщину ночевать у незнакомаго „порядочнаго“ мужчины и въ ту же ночь сдѣлаться его любовницей...

Въ книжкѣ г. Порошина, какъ то и понятно послѣ всего сказаннаго, лучшимъ являются тѣ мѣста, гдѣ нѣтъ дѣйствія, нѣтъ изображенія жизни и гдѣ можно не выходить изъ предѣловъ личныхъ ощущеній. Г. Порошину иногда недурно удаются описанія природы, какихъ нибудь смутныхъ грезъ, мечтательнаго настроенія. Наиболѣе выдержаннымъ въ этомъ отношеніи и самымъ удачнымъ въ сборникѣ слѣдуетъ признать этюдъ „Темная ночь“, въ которомъ описаніе темной осенней ночи гармонически идетъ на ряду съ описаніемъ испытаннаго въ эту ночь авторомъ и характернаго для него душевнаго настроенія.

С. С. Орлицкій (Окрейцъ). Далекіе годы (автобіографическая хроника). Сиб. 1899.

Автобіографическая хроника!.. Кто же авторъ ея? Никогда знакомство съ авторомъ не является столь существенно необходимымъ, какъ при чтеніи автобіографій. Если исключить тѣ рѣдкіе случаи, когда личность автора и все его касающееся представляютъ сами по себѣ крупный интересъ, или когда автобіографія написана крупнымъ литературнымъ талантомъ, и взять, такъ сказать, рядовую автобіографію, то въ ней интереснѣ всего, конечно, элементъ историческій, свѣдѣтельскія показанія очевидца минувшихъ событій, описаніе современникомъ тѣхъ общественныхъ порядковъ, которыхъ онъ былъ жертвой или хотя бы только продуктомъ. Но чтобы сознательно отнестись къ этимъ показаніямъ, непременно нужно имѣть представленіе о томъ, кто ихъ даетъ, кто этотъ живой памятникъ старины, насколько онъ способенъ разбираться въ явленіяхъ окружающей его жизни и быть безпристрастнымъ свѣдителемъ прошлаго.

Воспоминанія г. Окрейца рекомендуются читателю, какъ „колоритный памятникъ далекихъ годовъ“, и, должно быть, въ виду своей колоритности они не пріютились скромно на страницахъ какого либо историческаго журнала, гдѣ могли-бы, пожалуй, легко затеряться, а выпущены отдѣльнымъ, довольно дорогимъ, изданіемъ: такъ они долѣе будутъ напоминать о себѣ, красуясь въ витринахъ книжныхъ магазиновъ. Мы сейчасъ познакомимся съ авторомъ этихъ воспоминаній... Но, быть можетъ, читатель самъ знаетъ г. Окрейца и не нуждается ни въ какихъ дальнѣйшихъ свѣдѣніяхъ? Сомнѣваемся. Конечно, г. Окрейцъ извѣстенъ въ литературѣ. Въ 80-хъ и въ началѣ 90-хъ годовъ онъ издавалъ „Лучъ“, который вмѣстѣ съ комаровскимъ „Свѣтомъ“ старательно разгонялъ густыя сумерки русской жизни. Но, во-пер-

выхъ, не всѣ помнятъ и и не всѣ знакомы съ „Лучомъ“; а если и знакомы, то... что такое „Лучъ“? Вѣдь это былъ только одинъ маленький „лучъ“, который при всемъ желаніи не могъ успѣшно бороться съ тьмою и который уступалъ въ организаторскихъ и тактическихъ талантахъ даже г. Комарову! И не удивительно, если онъ померкъ, совсѣмъ потонулъ въ морѣ свѣта, испускаемаго какими-то другими, большими и лучезарными свѣтиломъ... Если вы заглянете въ предисловіе къ автобіографической хроникѣ г. Окрейца, вы найдете тамъ очень трогательное посвященіе этой книги „литератору, котораго дѣятельность принесла выдающуюся пользу обществу“, и узнаете, что этотъ выдающійся общественный дѣятель ни кто иной, какъ... А. С. Суворинъ.

Мы очень хорошо понимаемъ, что для изданій, подобныхъ окрейцовскому „Лучу“ и комаровскому „Свѣту“, „Новое Время“ является недостижимымъ идеаломъ. Возьмемъ, наприимѣръ, г. Комарова. Онъ грубоватъ, неповоротливъ и упрямъ. Онъ отваженъ, краснорѣчиво выпускаетъ патріотическія бутады, упорно мечтаетъ о „братушкахъ“ и бываетъ порою даже величественъ; но онъ слишкомъ просто сердцемъ и доверчивъ, плохой дипломатъ и постоянно компрометируетъ себя за границей. Можно ли при такомъ простосердечіи и прямолинейности создать что либо прочное и осозательное? Мы не удивляемся, поэтому, что г. Окрейцъ, издатель маломощной и преданной забвенію газетки, воедаетъ должную дань уваженія болѣе умѣлому „предпринимателю“, поетъ хвалебный гимнъ предпринимчивости и ловкости г. Суворина. Но не такъ легко понять, какъ можетъ сколько нибудь уважающій себя писатель печатно и публично преклоняться передъ „литераторомъ и журналистомъ“, известнымъ шаткостью своихъ убѣжденій и своею склонностью ставить на руса по вѣтру. Воображаемъ, какимъ неблаговоннымъ составомъ начинилъ себя нашъ авторъ, „много лѣтъ, ежедневно читающій „Новое Время“, и сколько вздора должно было осысть въ его мозгу!.. Во всякомъ случаѣ, однако, нужно много смѣлости или ослѣпленія, чтобы писать такіа трогательно-откровенныя посвященія именно теперь, когда капризный свѣтлый вѣтеръ вдругъ задулъ навстрѣчу г. Суворину съ братіей. Но нѣтъ, говорить, худо безъ добра, и читатель долженъ быть благодаренъ г. Окрейцу за „вѣсто предисловія“: безъ него было бы труднѣе разобратъсь въ той галиматіѣ, которую г. Окрейцъ преподноситъ намъ, какъ колоритный памятникъ далекихъ годовъ. Черезъ очки „Новаго Времени“ личность нашего автора получаетъ весьма „колоритное“ освѣщеніе, и, наоборотъ, при чтеніи автобіографіи становятся понятными источники умилительнаго духовнаго сродства гг. Суворина и Окрейца.

Автобіографическая хроника г. Окрейца,—съ искусственными подзаголовками: „Дѣтство“, „Отрочество“ (почти до 20 лѣтъ!)

и „Юность“ (чрезвычайно короткая),—обнимает періодъ времени съ конца 80-хъ до 68 года; истомъ дѣйствія является сначала, очень короткое время, г. Повѣнецъ, Олон. губ., потомъ Петербургъ и, наконецъ, губерніи Западнаго края, гдѣ протекала большая часть отрочества и юность нашего лѣтописца. Авторъ воспомянавіи по происхожденію, повидимому, не русскій, онъ—католикъ, а по убѣжденіямъ... Вы, кажется, улыбаются, читатель? Да, трудно имѣть дѣло съ гг. „нововременцами“, когда рѣчь зайдетъ объ убѣжденіяхъ, трудно и тошно бродить въ этихъ дремучихъ дебряхъ противорѣчій, наивнаго хвастовства и черстватаго лукавства! Мы хотѣли сказать, что г. Окрейцъ—врагъ крѣпостнаго права, которое онъ называетъ тяжелымъ кошмаромъ и противъ котораго во многихъ мѣстахъ своей книги горячо востаетъ. Но дѣло въ томъ, что въ его книжкѣ нѣльзя, кажется, найти ни одного положенія, котораго не опровергаль бы самъ авторъ въ другомъ мѣстѣ. Грустя о „добромъ старомъ времени“ и возмущаясь новымъ, которое его, старика, подавляетъ (мы и не предполагали, что г. Суворинъ такой отчаянный пессимистъ и такой врагъ „сытаго, денежнаго, уравнишеннаго благополучія“!),—г. Окрейцъ чистосердечно сожалеетъ о томъ, что только „миражемъ богатства окончилось его отрочество, сулывшее и блескъ, и счастье, и широкій помѣщичій достатокъ“. Онъ и до сего дня жалеетъ „съ любовью о годахъ, проведенныхъ въ милой старой усадьбѣ“: жизнь въ теткинѣмъ имѣніи, жизнь развратная, безобразная, ужасная,—представляется ему „однимъ безконечнымъ лѣтнимъ солнечнымъ днемъ“. Нашъ „кolorитный“ повѣствователь старается, конечно, какъ нибудь смягчить подобныя двусмысленныя признанія; такъ, онъ говоритъ о молодости и о свойственномъ „тогда всѣмъ (!) намъ, „привилегированнымъ“, легкомысленномъ безучастіи къ некрасивымъ элементамъ, изъ которыхъ складывалась обружавшая насъ дѣйствительность“. Но это, понятно, ложь, которую самъ же авторъ, по обыкновенію, опровергаетъ: именно *тогда* далеко не всѣмъ было свойственно „легкомысленное безучастіе“ и однимъ изъ такихъ безбезучастныхъ авторъ все время стремится выставить себя самого. Напрасно также г. Окрейцъ жалуется на то, что его „засасывало болото“ и пр. Вокругъ него кипѣла тогда новая жизнь, въ воздухѣ повѣяло новымъ духомъ, и все живое могло найти достаточно здоровой пищи для ума и сердца, по крайней мѣрѣ столько, чтобы не дать болоту засосать себя. Эту пищу могъ имѣть и герой автобіографіи,—не даромъ же онъ такъ жадно набрасывался на передовую литературу, не даромъ въ гимназій дожились новыя учителя, которые читали въ классѣ „Колоколовъ“, устраивали сходки, собранія и т. п. И онъ, повидимому, вкусилъ отъ плодовъ просвѣщенія. 18-лѣтній паренъ, упорно именуемый почему-то отрокомъ, „понималъ, что творить гадости“ и

сознавалъ, что онъ хуже тѣхъ, кто „творитъ гадости, не понимая“; но... онъ больше любилъ другими возмущаться, а самъ продолжалъ дѣлать гадости, продолжалъ безстыдно крѣпостныхъ дѣвокъ своей тетюшки. Когда умерла отъ чахотки Машутка, скинувшая мертвого ребенка,—нашъ „отрокъ“, „надо сознаться, почувствовалъ большое облегченіе“ и черезъ мѣсяцъ уже завелъ „двухъ (крѣпостныхъ) любовницъ, вмѣсто одной, умершей Маши“. Да, „барскія шалости (sic!)“, при крѣпостныхъ порядкахъ, рѣдко сопровождались глубокимъ чувствомъ. Можно громить эти порядки, сколько душъ угодно,—они отошли ужъ въ вѣчность и не вернутся больше,—но отчего же вѣстѣ съ тѣмъ и не пожалѣть о добромъ старомъ времячкѣ, когда барскія шалости такъ „легко удовлетворялись“ и не вызывали даже угрызений совѣсти! Интересно также, какъ двусмысленно держалъ себя нашъ противникъ крѣпостничества въ вопросѣ о бракѣ своей сестры съ нелюбимымъ человѣкомъ, который, правда, былъ „крѣпостникомъ и, по слухамъ, умиралъ свою первую жену“, но могъ спасти ихъ тѣтку отъ разоренія и обезпечить, такимъ образомъ, и за нашихъ героемъ нѣкоторое количество „душъ“. Онъ зналъ, что сестра не должна была вступать въ этотъ бракъ, но то и дѣло приста-валъ къ ней, вкушѣ съ тетюшкой, съ просьбами и попреками, говорилъ, что она „каменная“, никого не любитъ и не жалѣетъ. И вотъ почему, когда нашъ юноша-отрокъ особенно горячо возмущается помѣщиками-крѣпостниками, намъ какъ-то неволью приходится въ голову слова нѣкоего Сыринча-Стахевича, „скота“, по выраженію автора, и глупаго человѣка: „ты меня обидѣть не можешь: у тебя ничего собственнаго нѣтъ—вотъ и либеральничаетъ... Видѣ либеральничать не трудно. Захотѣть только—почти тебѣ либераломъ сдѣлаюсь“. Но мы всетаки полагаемъ, — и въ этомъ можемъ сослаться на авторитетъ г. Суворина,—что теперь, по крайней мѣрѣ, г. Окрейцъ врагъ крѣпостнаго права. А раньше? Ну, а раньше—„отрокъ“...

Одинъ изъ товарищей назвалъ какъ-то нашего почтеннаго лѣтописца, въ бытность его молодымъ, „флюгаркой“, повертывающейся по вѣтру. Не знаемъ, всѣ ли тогдашнія „флюгарки“ полагали, что у нихъ есть какія-то убѣжденія и что ихъ „характеръ крѣпко закаленъ“. Но мы не можемъ не подивиться про-ницательности вышеупомянутаго товарища, никогда не выдававшего, къ тому же, „Новаго Времени“. Герой автобіографіи поразительно напоминаетъ собою флюгеръ. Когда послѣдній только что вышелъ изъ рукъ мастера, онъ поворачивается „въ мѣру“, степенно, съ достоинствомъ, оказывая воздуху сопротивленіе; чѣмъ дальше, тѣмъ движеніе его бойчѣе, пока, наконецъ, ослабѣвъ на своей оси, нашъ флюгеръ не начнетъ такъ бойко поворачиваться изъ стороны въ сторону и такъ вертѣться, что... мы съ недоумѣніемъ спрашиваемъ себя: кто же этотъ самоуверенный и бой-

кій красавец? чимъ онъ, во крайсѣй мірі, собі считавъ? Послушавъ его. „Гдѣ они нинѣ, хорошіе, сердечніе люди, такі искренно отдававшіеся общественнимъ дѣламъ, такі самоотверженно служившіе народу?.. развѣ люди нинѣшней эпохи—конца дев'яностихъ годовъ, въ чистъ либо похожи на мечтателівъ, радостивъ, похалуй, легковѣривъ идеалистовъ“ конца 50-ти? „Молодые люди тогдашняго общества требовали свободы развитія для каждой народности... Россія—счастливая, согласная федерація! вотъ какъ представлялось намъ наше близкое политическое будущее“. „Мы—либералы, космополиты, ничего не имѣли противъ восстановления Польши и сами дѣлили Россію на независимые кантоны... Мы всѣ тогда очень высоко и на первомъ планѣ ставили въ поступкахъ „честное“ и „нечестное“. Боже! какъ далеки теперешніе дѣятели („нововременцы“, что-ли?) отъ подобныхъ воззрѣній! Скверный народъ теперешніе дѣятели, безповоротно скверный. Но тогда! Какое идеальное, бодрое, возбуждающее настроеніе было тогда! Могъ ли тутъ устоять г. Окрейцъ? Конечно, нѣтъ. Подобно прочей молодежи, онъ съ жаромъ восклицалъ: „я хочу воспринять новыя идеи и служить имъ, проводить ихъ въ жизнь. Я не хочу поступать на службу...“ И онъ воспринялъ эти новыя идеи, считался у начальства „опаснымъ человѣкомъ“, „заводилъ безконечныя пренія про либеральную будущность Россіи, про парламентъ и даже про будущій соціальный строй міра безъ собственности, семьи и Бога (?)“ Брр какъ страшно! Но вы не бойтесь, читатель, и не вѣрьте г. Окрейцу. Этотъ страшный „сциалистъ“ былъ, въ сущности, только смиреннымъ зайчикомъ и блудливымъ котенкомъ. Онъ и самъ не вѣрилъ своимъ „разрушительнымъ рѣчамъ“. Въ его „дѣятельности, какъ члена либеральнаго кружка, не было ничего, кромѣ траты времени и нусторѣчія“, и, „искренно заглянувъ въ свою душу“, онъ не могъ не согласиться, что все это у него было „напускное“.

Такимъ же напускнымъ оказалось и принципиальное рѣшеніе „не служить“. Понявъ нашъ герой „въ цѣхъ сильно презираемыхъ чиповниковъ“ очень скоро послѣ своего рѣшенія не идти на службу, и случилось это „очень просто и естественно“. Средствъ у него не было, ему даже „нѣтъ экономіи пришлось отказаться отъ перчатокъ, отъ фрака и отъ хорошихъ сапогъ,—тутъ либерализмъ подоспѣлъ кстати на помощь; небрежность въ одеждѣ начинала входить въ моду“,—а засѣсть въ ту „сѣрую, бездонную трясину, которая называется у насъ дворянскимъ пролетаріатомъ“, конечно, непріятно. Кстати управляющимъ палатой государственныхъ имуществъ назначенъ былъ родственникъ его, посудившій нашему архилибералу сдѣлать его „современемъ окружнымъ начальникомъ“ и вѣрять ему „благо-состояніе десятковъ тысячъ крестьянъ“. „Конечно, это было честное дѣло, и я согласился“. И вотъ, мм, социалисты, слу-

жить, служимъ въ дореформенныхъ канцеляріяхъ, сидимъ въ нихъ, „Богъ знаетъ что пишемъ и притворяемся занятыми дѣломъ“. Для „насъ“ одинаково честно служить и не служить, притворяться и не притворяться,—вотъ и подите тутъ разбирайте, въ чемъ настоящая-то честность заключается! Но этого мало. Въ то доброе старое время „трудно было устроить такъ, чтобы мужикъ не „жалнася“. Мужикъ у насъ вообще любитъ жаловаться... По своей наивности онъ не понимаетъ высшихъ функций, обуславливающихъ существованіе начальства, ничего не имѣющихъ общаго съ выслушиваніемъ „мужичьихъ жалобъ“, и отрицаетъ теорію: „начальство для начальства“. А тутъ подошла ревнція министра, и дореформенные казнокрады трепетали. Тогда нашъ авторъ выступилъ съ предложеніемъ: „собрать крестьянъ на сходъ и объяснить имъ, что они не должны жаловаться министру, а за это имъ обѣщать облегченіе вонистину ихъ тяжелаго существованія“. И дѣлая это предложеніе, онъ „уже воображалъ себя Демосеепомъ, говорящимъ рѣчь къ народу, проводящимъ въ ней множество очень хорошихъ идей, и умнеленныхъ слушателей-мужичковъ, выполнѣвъ съ (нимъ) соглашающихся и даже неистово аплодирующихъ“. Какъ это красиво и идеально! Но предложеніе чиновника-соціалиста не было принято, и начальство, по рутинѣ, порѣшило сдѣлать крестьянамъ отеческое внушеніе. Оно предписало „усиленно“ выдрать мужичковъ „для устраненія ихъ склонности жаловаться“ и даже, подерѣпившись водочкой, самолично такъ „лупило по скуламъ“ побѣлѣвшихъ отъ ужаса старшинъ и писарей, что послѣдніе „выплювывали нѣсколько выбитыхъ зубовъ“, а нашъ юный Демосеенъ ассистировалъ при этой операціи. Выходило все, дѣйствительно, „очень просто и естественно“. Такъ же просто расправлялся молодой г. Окрейцъ и съ другими своими завиральными идеями...

Пора кончать. Замѣтимъ въ заключеніе, что такъ думалъ и такъ велъ себя молодой человѣкъ, въ которомъ „еще жили остатки отвращенія ко лжи, внушеннаго (ему) отцомъ“. Что же потому онъ представлялъ собой и... что представляетъ собою его автобіографія? Судите объ этомъ сами.

Мы же не можемъ еще разъ не удивиться мѣткости тѣхъ характеристикъ, которыя давались нашему автору знавшими его въ молодости людьми и о которыхъ съ дѣтской наивностью или своего рода лукавствомъ самъ онъ повѣствуетъ: учитель Коноваловъ—тоже „непрактичный идеалистъ“, но на этотъ разъ настоящій—считалъ его самымъ плохимъ изъ всѣхъ своихъ бывшихъ учениковъ и на прощанье (это было уже въ началѣ 80-хъ годовъ)—сказалъ ему: „съ вами бесѣдовать (или васъ слушать)—время тратить“.

А. Манцони. Обрученные. Романъ. Переводъ съ итальянскаго Е. Некрасовой. Паданіе О. Н. Поповой. Спб. 1890.

„Вы зачитываетесь этой книгой—этого мало: считайте ее для себя руководствомъ, изъ котораго можно научиться цѣнить гражданскую свободу и равноправіе, какъ они того заслуживаютъ; быть снисходительнымъ къ современности, ибо она лучше прошлаго; олакивать заблужденія человѣческаго ума и работать надъ улучшеніемъ жизни путемъ развитія знаній, мысли и стремленія къ общему благу“.

Съ такими словами обращался къ итальянской молодежи павѣстный историкъ Канту въ своемъ историческомъ комментарий къ „Обрученнымъ“. Въ общей и мало определенной формѣ здѣсь, однако, твердо намѣчено то достоинство романа Манцони, которое не потеряется въ переводѣ: онъ не только увлекателенъ—онъ поучителенъ, какъ только можетъ быть поучительно произведеніе правдиваго и мыслящаго человѣка.

Написавъ историческій романъ—въ переводѣ почему-то опущено его подзаглавіе: „миланская исторія XVII столѣтія“—Манцони разочаровался въ этой литературной формѣ; разговоры о томъ, что въ романахъ Вальтеръ-Скотта больше правды, чѣмъ въ самой исторіи, казались ему смѣшными, — „великій поэтъ и великій историкъ могутъ безъ помѣхи соединяться въ одномъ и томъ же лицѣ, но никогда въ одномъ и томъ же сочиненіи“. Ему самому, однако, удалось создать поэтическое произведеніе, которое, конечно, ни въ чемъ не можетъ замѣнить историческое исследование, но въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ дѣлаетъ въ изображеніи событій тотъ шагъ, который еще не въ силахъ была сдѣлать историческая наука въ моментъ появленія „Обрученныхъ“—въ началѣ второй четверти нашего вѣка: онъ переноситъ центръ тяжести повѣствованія отъ отдѣльных личностей къ истиннымъ носителямъ широкихъ историческихъ движеній — къ народнымъ массамъ. Простая и трогательная исторія о томъ, какъ превратности судьбы и злые люди мѣшали успокоиться въ лонѣ законнаго брака Ренцо и Лючіи, двумъ влюбленнымъ и обрученнымъ миланскимъ крестьянамъ, служить лишь канвой для изображенія могучихъ и трагическихъ народныхъ движеній: здѣсь жизненный нервъ романа. При всей ясности и жизненности индивидуальных характеристикъ, наиболѣе интересными и сильными въ романѣ остаются страницы, посвященныя широкимъ картинамъ бурнаго существованія старой Италіи. На фонѣ народнаго голода и чумы предъ читателемъ встаетъ эта злополучная страна съ ея истерзаннымъ народомъ, вельможными самоуправцами, пришибленнымъ сельскимъ духовенствомъ, крѣпкостворствующими судьями, наглыми „бравы“. Естественныя условія итальянской жизни переносятъ дѣйствіе романа подъ открытое небо, и лишь немногія сцены его происходятъ въ домахъ; это дѣлаетъ участникомъ его собы-

тій народную массу, то дико бушующую на миланской площади, то въ паническомъ страхѣ бѣгущую предъ иноземнымъ нашествіемъ, то благоговѣнно слѣдующую за своимъ епископомъ. Обвиненіе въ ультрамонтанскихъ тенденціяхъ, которыя видѣли въ этой книгѣ, основаны явнымъ образомъ на недоразумѣніи, — на другихъ сочиненіяхъ Мандони: авторъ просто религіозный человѣкъ, и въ романѣ нѣтъ ни слѣда какой-либо симпатіи не только къ ультрамонтанству, но и къ тѣмъ особенностямъ католичества, которыя были еще такъ могучи въ то время. Но онъ, въ самомъ дѣлѣ, глубоко вѣрующій и, по существу, консервативный умъ — и это возвышаетъ цѣну его книги. Внуку Беккариа не нанесъ поруганія памяти своего великаго дѣда направленіемъ своего романа; Гете, читавшій книгу Мандони вскорѣ послѣ ея появленія и съ большимъ интересомъ, тотчасъ же — и съ нѣкоторымъ недовольствомъ — замѣтилъ, что романъ поистинѣ счастливая находка для либераловъ („ein rechtes Wasser auf die Mühle dieser Liberalen“). И, въ самомъ дѣлѣ, духъ реформы вѣетъ надъ ея страницами. Автору казалось, что поучительные выводы изъ его романа относятся къ сферѣ личной морали, и расужденіями въ такомъ духѣ онъ кончаетъ свое проповѣданіе: „несчастія часто приходятъ человѣку по его собственной винѣ... но и осмотрительное поведеніе не застраховываетъ отъ нихъ... однако сила воли ихъ смягчаетъ“ и т. д. Даже та проповѣдь утилитарнаго альтруизма, которая предпослана послѣдней страницѣ, не выходитъ за предѣлы личныхъ добродѣтелей — „мы должны больше думать о томъ, какъ бы дѣлать для другихъ хорошо, а не заботиться только о томъ, чтобы себя устроить хорошо, — и черезъ это самое мы добьемся, что и намъ самимъ жизнь покажется болѣе радостной“. Но мораль романа шире и опредѣленнѣе морали автора; каждая страница этого классическаго произведенія, можно сказать, кричитъ своими художественными образами о томъ, куда должны быть направлены усилія тѣхъ, кто искренно рѣшился „дѣлать для другихъ хорошо“. Въ этомъ, очевидно, та „вода на мельницу либераловъ“, которая такъ не нравилась Гете; онъ находилъ даже, что нѣмецкій переводчикъ долженъ будетъ позаботиться о нѣкоторыхъ исправленіяхъ, „сократить описанія войны и голода на половину, а картины чумы на двѣ трети, чтобы отъ нихъ осталось столько, сколько нужно для характеристики дѣйствующихъ лицъ“. Переводчики, однако, не слушаются великаго поэта, и хорошо дѣлаютъ. Намъ лично эти широкія картины народныхъ движеній, гдѣ авторъ является не только умѣлымъ живописцемъ, но и глубокимъ наблюдателемъ массовой психики, показались наиболѣе интересными въ романѣ. Но въ немъ есть и иной интересъ, — который по нынѣшнимъ временамъ долженъ быть отмѣченъ: это романъ приключеній. Современные художники слыш-

комъ привыкли гоняться за перенесеніемъ всего дѣйствія во внутрь человѣческой души; это, конечно, оправдывается весьма важными данными, но это въ концѣ концовъ скучно. Средній читатель любитъ выдумку, и надо уметь съ этой стороны подойти къ нему. Что это не значить опуститься до него,—лучше всего доказываетъ романъ Манцони. Въ немъ есть длинноты — самый темпъ разсказа не такъ быстръ, какъ мы привыкли за послѣднее время; обычная и иногда привлекательная особенность стараго романа; но дѣйствіе его никогда не останавливается, никогда не вязнетъ въ разсужденіяхъ. Всякій прочтетъ его съ тѣмъ неослабѣвающимъ интересомъ, съ какимъ читалъ его Гете, и всякій извлечетъ изъ него что-нибудь хорошее—тоже привлекательная особенность стараго романа, которой не всегда могутъ похвастать новыя.

Савоги Карла Маркса. Самая обыкновенная исторія. А. Трика. С.-Петербургъ 1899 г. Цѣна 35 коп.

Намъ нѣсколько совѣстно и обидно останавливать вниманіе читатели на брошюрѣ г. Трика. Совѣстно, потому что брошюра по своей ничтожности не заслуживала бы никакого вниманія, а обидно по той причинѣ, что „исторія“ г. Трика, написанная безъ малѣйшаго намека на талантъ, заставляетъ, однако, обратиться къ ея разсмотрѣнію, ибо затрогиваетъ столь важный вопросъ, какъ внутренняя жизнь нашей молодежи. Жизнь ея такъ рѣдко служитъ источникомъ вдохновенія нашихъ беллетристовъ, что приходится всякое литературное зыко ставить въ строку, если оно даже ведетъ свое происхожденіе отъ „писателей“, подобныхъ автору данной книжки. Послѣдняя еще и потому обращаетъ на себя вниманіе, что писана человѣкомъ, стоящимъ въ рядахъ студенческой молодежи *), т. е. у самаго русла изображаемой жизни. Это обстоятельство заставитъ, быть можетъ, нѣмныхъ довѣрчивыхъ читателей отнестись къ „самой обыкновенной исторіи“ г. Трика не какъ къ вымученному плоду досужей фантазіи, а какъ къ правдивому изображенію жизни современнаго студенчества. Къ тому же самъ авторъ смотритъ на свою брошюру именно такимъ образомъ, что видно изъ слѣдующихъ словъ его предисловія: „случайно ко мнѣ въ руки попали документы, характеризующіе нашу учащуюся молодежь. Они показались мнѣ столь интересными, что я рѣшилъ ихъ напечатать“. Изъ чувства вполне похвальной скромности г. Трика подчеркиваетъ, что онъ не имѣетъ авторскихъ правъ на „столь интересные“ документы, и находитъ, что „заслуга его исключительно заключается въ изданіи“... Отно-

*) Это видно изъ брошюры г. Трика, писанной противъ проф. Карцева.

сительно „заслуги“ автора (или издателя) мы имѣемъ нѣсколько иное мнѣніе.

Г. Трика (или его персонажи) рассказываетъ, что N—никъ землячествомъ были куплены сапоги Маркса („громадные, рыжіе сапоги“), „какъ реликвіи—въ нѣкоторомъ родѣ часть нашего великаго, незабвеннаго учителя“, которые съ трепетомъ хранили первое время какія-то курсистки, порѣшившія потомъ изъ боязни обыска („однѣ истинный марксистъ съ опасностью для собственной жизни перевезъ контрабандой эти сапоги черезъ границу“) отдать ихъ одному знакомому студенту. Послѣдній ихъ взялъ и, не имѣя собственной обуви, воспользовался сапогами Маркса, какъ своими собственными, чѣмъ привелъ въ отчаяніе курсистокъ. Въ концѣ концовъ, оказалось, что и сапоги-то принадлежать не Марксу, а одному студенту, въ видахъ денежной выгоды выдававшему ихъ за „реликвіи“... Исторія, очевидно, совсѣмъ необыкновенная, какъ необыкновенны и дѣйствующія въ ней лица. Взаимныя отношенія студентовъ и курсистокъ, фигурирующихъ въ рассказѣ, построены на пошленькомъ флиртѣ, „на земляческихъ сплетняхъ, играхъ и веселіи“. При этомъ всѣ студенты люди замѣчательно оригинальные. Вотъ, напр., Глубокодумовъ. Онъ прочиталъ 12 разъ „Капиталъ“, „носитъ синюю рубашу, высокіе сапоги“, наружность имѣетъ мрачную, умъ необыкновенный, привычекъ держится особенныхъ. Вообще „непостижимо странный субъектъ“. Онъ до такой степени не похожъ на простыхъ смертныхъ, что даже „по своему обыкновенію“, раздѣваясь, не оставляетъ свои калоши на полу, а „снявъ ихъ, вѣшаетъ на вѣшалку“. Темпераментъ его довольно пылкій, такъ что однажды „онъ поспорилъ съ коночнымъ кондукторомъ и запустилъ въ него лашетой“. Глубина мысли этого субъекта явствуетъ изъ отвѣта одной курсистки, написавшей ему во время игры „въ почту“—„что скрывается подъ вашей виѣшностью?“... Отвѣтъ былъ таковъ: „подъ моею виѣшностью скрываются мои внутренности“. № 2 Никифоръ Никифоровичъ... „Онъ слыветъ за конспиратора и его комбата, какъ и вообще вся его личность, носитъ загадочный видъ. На столѣ лежитъ черепъ, кавказскій кинжалъ, револьверъ, фальшивая борода. На стѣнѣ висятъ нѣсколько шапокъ и пальто“. Кромѣ того у него—„вотъ въ этомъ ящикѣ динамитъ“. № 3—Борниловъ; „этотъ еще въ гимназій читалъ „Историческія письма“ Миртова и носился со всякой нелегальщиной“, знакомъ „съ массой студентовъ и курсистокъ“, а также „съ нѣкоторыми писателями“, но тѣмъ не менѣе настолько тупъ, что выпаливаетъ въ спорѣ: „физика и химія должны рѣшать вопросъ объ альтруизмѣ и эгоизмѣ“. № 4—Иванъ Изъ. Верхотрядовъ же еще преміеръ „исторіи“ г. Трика, котораго онъ аттестуетъ, какъ „сложный характеръ“. На дѣлѣ это пошленькій и глупенькій студентикъ. Про курсистку, за которой „ухаживаетъ“, онъ выражается: „эффект-

ная бабенка—пышечка да и только“, а себя сравнивает съ... Лассалемъ. Субъектъ этотъ считаетъ себя марксистомъ (какъ, впрочемъ, и первые три нумера); „да и какъ не быть марксистомъ—размышляетъ онъ на досугъ—когда это доставляетъ популярность, уваженіе и усиленное вниманіе курсистокъ“. Въ концѣ концовъ, онъ женится на „эффектной бабенкѣ“ и смѣется надъ тѣмъ временемъ, когда ему „даже казалось, что фабриканты дѣйствительно грабятъ рабочихъ“. Г. Трика изображаетъ намъ и „вечеринку“ студентовъ, на которой часть публики танцуетъ, а часть спорить. Г. Трика приводитъ рѣчи косноязычнаго народника, побѣдоноснаго марксиста и еще какія-то нечленораздѣльныя восклицанія „студента съ густой бородой, нервными жестами и блуждающимъ взглядомъ“... Во всѣхъ этихъ лицахъ хорошаго мало. Но еще хуже въ описаніи г. Трика курсистки; онѣ или „смазливыя дуры“, „пышечки да и только“ или молоденькія сажки, занятія ловлей мужей. Вообще о молодежи герон г. Трика мнѣнія самаго низкаго. Верхоглядомъ говорить „о тупоуміи публики“, а „непостижимо странный“ Глубокодумовъ пишетъ товарищу: „ты себя представишь не можешь, какіе наши студенты... ослы... курсистки набитыя дуры... понимаютъ въ Марксѣ столько же... сколько свиньи въ апельсинахъ“ и пр., и пр.; по мнѣнію этого же субъекта, „глупость учащейся молодежи, а также всей русской интеллигенціи скоро достигнетъ кульминаціоннаго пункта, потому что“ и т. д.,..

Такова „самая обыкновенная исторія“ г. Трика. „Исторія“ эта была бы вреднымъ насквишемъ, если бы не обличала въ авторѣ самой безнадежной бездарности и если бы имѣла сколько нибудь правдоподобный характеръ. А теперь она можетъ прельстить только литературныхъ гаменовъ. Гамены великодушны. Они не обидятся тѣмъ, что на обложкѣ брошюры значится: продается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ, за исключеніемъ „Новаго Времени“.

В. Синовскій. Пушкинъ, Байронъ и Шатобрианъ (Изъ литературной жизни Пушкина на югѣ Россіи). Сиб. 1899.

Послѣдніе мѣсяцы, когда все, сколько нибудь образованное общество волновало такъ много вопросовъ, на поверхности искусственного спокойствія привлекло вниманіе одинъ симпатичный вопросъ о чествованіи памяти Пушкина. „Прошло сто лѣтъ, и что жъ осталось отъ гордыхъ, сильныхъ спихъ мужей, столь полныхъ волею страстей? Ихъ поколѣнья миновалось“, но не исчезъ съ ними—„кровавый слѣдъ насилій, бѣдствій и побѣдъ“. Въ послѣднее полугодіе передъ празднованіемъ столѣтія со дня рожденія поэта съ особеннымъ стараніемъ искали чего нибудь новаго о поэтѣ или старались сказать о немъ что нибудь новое.

Къ сожалѣнію, въ первомъ случаѣ это доброе дѣло большой удачей не имѣло, не смотря на усиленную агитацію, всевозможные заходы и старанія даже тѣхъ органовъ печати, которые служатъ прямыми продолжателями традицій „Сѣверной Пчелы“, „Библіотеки для Чтенія“ и т. д., нынѣ же падаются и редактируются сыновьями, иногда внуками, покойныхъ Ѳ. Булгарина, О. Сенковского и др., столь любезныхъ сердцу Пушкина лѣтъ 60 тому назадъ. Къ неменьшему сожалѣнію, и попытки сказать нѣчто новое о поэтѣ, его литературной фізіономіи, характерѣ его гения и общественно-го значенія—не были пока особенно успѣшны. Мы говоримъ объ этомъ съ огорченіемъ, потому что всѣ подобныя попытки возможно яснѣе представить себѣ образъ поэта и возможно полнѣе охарактеризовать его эпоху, торжественнѣе настроиться въ дни празднованія столѣтія рожденія великаго поэта—глубокотрогательны, если онѣ искренни, и не безслѣдно должны пройти даже для тѣхъ почитателей поэта, которые, по образному выраженію Пушкина, „торгуютъ волею своею, главы предъ пѣдолами клонятъ и просятъ денегъ да цѣпей“.

Съ одной изъ попытокъ сказать нѣчто новое о Пушкинѣ и вліяніи на него Байрона и Шатобріана мы и желаемъ познакомить читателей.

Авторъ брошюры, заглавіе которой выписано выше, категорически утверждаетъ, что „о вліяніи Байрона на Пушкина обыкновенно говорятъ въ нашей ученой литературѣ, какъ о чемъ-то безповоротно рѣшенномъ: съ юности Пушкинъ увлекался Байрономъ, былъ подъ его вліяніемъ и целый рядъ произведеній написанъ съ подражаніемъ великому англійскому писателю,—вотъ мнѣніе, которое на разные лады варіируется нашими историками литературы; оно вошло въ учебники словесности и, при всей своей неопредѣленности, сдѣлалось какой-то непогрѣшимой аксіомой“. Положеніе вопроса, дѣйствительно, обезкураживающее. 75 лѣтъ иншутъ ученые объ отношеніяхъ двухъ великихъ поэтовъ и не выходятъ изъ круга роковой ошибки, распространяютъ ложныя представленія о „байронизмѣ“ Пушкина черезъ учебники въ школахъ и воспитываютъ на такихъ ложныхъ понятіяхъ миліоны русскаго учащагося юношества. Но теперь дѣло поправлено: г. Сиповскій пришелъ къ новому, правильному выводу,—онъ научилъ болѣе или менѣе почти всѣ мнѣнія ученыхъ и неученыхъ критиковъ съ 1822 года до нашихъ дней и устанавливаетъ такое положеніе: „есть два рода литературныхъ вліяній—вліянія *внутреннія*, психическія и вліянія *внѣшнія*, формальныя, иногда чисто механическія (заимствованіе, подражаніе)“. Вліяніе Байрона на Пушкина первого рода г. Сиповскій отрицаетъ, что же касается до вліянія второго рода (заимствованія, подражанія), то отрицать его существованіе въ литературной жизни Пушкина никакъ образомъ нельзя: нашъ поэтъ несомнѣнно позаимствовался многими и у

Байрона, и у Шатобриана, хотя опять-таки *болыиимъ* у второго *) (стр. 15, 22). Оставимъ въ сторонѣ Шатобриана и посмотримъ, дѣйствительно ли *ново* то, что говорятъ нашъ авторъ, и насколько обыкновенно ошибались въ вопросѣ о „байронизмѣ“ Пушкина наши ученые и критики предшествующихъ трехъ четвертей вѣка до появленія брошюры г. Сиповскаго.

Однимъ изъ наиболѣе рѣшительныхъ заявленій о „байронизмѣ“ новый ученый считаетъ слова Н. Полевого о „Цыганахъ“ въ 1827 году. „Неужели,—говоритъ критикъ,—нѣтъ тутъ ни малѣйшаго подражанія?—спросить сейчасъ злонамѣренная недовѣрчивость. Кажется: *рѣшительно нѣтъ*, по крайней мѣрѣ, *подражанія уловимаго, подлежащаго уличью*. Но намъ лично, хотя для того, чтобы поддержать свое мнѣнiе, нельзя, впрочемъ, не признаться, что, вѣроятно, не будь Байрона, не было бы и поэмы „Цыганы“ *съ настоящею изъ видъ*... Далѣе, критикъ „Библіотеки для Чтенія“, говоря о сильномъ вліяніи Байрона, сейчасъ же спѣшитъ добавить: по Пушкинъ не менѣе того поэтъ самостоятельный. Указавъ на поэмы: „Кавказскій Платинникъ“ и „Бахчисарайскій Фонтанъ“, какъ на пьесы, особенно отразившія вліяніе „суроваго пѣвца Альбіона“, тотъ же критикъ спѣшитъ оговориться: но и тогда уже Пушкинъ освобождался отъ этихъ тяжелыхъ оковъ и гордо и свободно зацѣвалъ русскимъ голосомъ, какъ въ „Братьяхъ-разбойникахъ“, *чувствовать русскимъ сердцемъ, какъ въ „Цыганахъ“* (стр. 5). Гдѣ же здѣсь утвержденіе о безусловномъ подавляющемъ вліяніи Байрона? Ничего подобнаго мы не встречаемъ въ приводимыхъ самимъ же г. Сиповскимъ текстахъ. Мы должны даже сказать, что критики 20-хъ годовъ далеко сдержаннѣе нашего автора, который признаетъ *болѣе сильное вліяніе* Байрона на Пушкина, когда утверждаетъ, что заимствованія, подражанія у Пушкина отрицать нельзя, чего упомянутые критики отнюдь не рѣшаются утверждать въ категорической формѣ. Правда, г. Сиповскій говоритъ о тѣхъ же уличаемыхъ критикахъ: впрочемъ, не смотря на эти *оговорки* (см. приведенные выше тексты) обыкновенно черезъ нѣсколько же строкъ Байронъ опять у нихъ появляется и опять склоняется во всѣхъ падежахъ (стр. 5). Но почему же авторъ не приводитъ именно этихъ текстовъ, имѣющихъ силу улики противъ „запутывателей“ вопроса о байронизмѣ, который суждено нынѣ рѣшить въ истинномъ смыслѣ г. Сиповскому, а обратно—выписываетъ тексты именно и опровергающіе его утвержденіе, ограничиваясь затѣмъ глухимъ заявленіемъ: „впрочемъ... Байронъ опять появляется и склоняется“. Въ ка-

*) Несомнѣнно, сказалося и вліяніе Шатобриана на самобытную и сильную поэзію Пушкина, какъ и вліяніе Вольтера, Шекспира, Шенъе, Парни и др., но утвержденіе г. Сиповскаго съ указаніемъ на болѣе исключительное вліяніе Шатобриана, чѣмъ Байрона, нисколько не доказано на четырехъ страницахъ его работы по этому вопросу.

комъ смыслѣ склоняется? Итакъ, мы не видимъ, чтобы Пушкину упорно навязывали вліяніе Байрона, какъ то, вопреки своимъ же ссылкамъ, утверждаетъ нашъ авторъ.

Идемъ далѣе: Булгаринъ и нѣкоторые другіе заявляютъ въ 1833 г., что Пушкинъ *оригиналенъ*, а не *подражатель*. Г. Сиповскій поясняетъ, что эти слова вырвались у Булгарина „въ пылу полемики“ (!). Бѣлинскій въ томъ же 1833 г. рѣшительно возсталъ противъ сближенія Пушкина съ Байрономъ (стр. 8) и такой же точки зрѣнія держался до конца дней своихъ (наприм., въ 1844 году онъ пишетъ: „между Пушкинымъ и Байрономъ не было ничего общаго въ направленіи и духѣ таланта... слѣдовательно, тутъ неумѣстно какое бы то не было сравненіе“). Надеждинъ еще въ 1829 г. „рѣзко противопоставилъ Байрона Пушкину“ (стр. 7). Чернышевскій защищаетъ Надеждина и утверждаетъ, что Байронъ и Пушкинъ не похожи другъ на друга. Катковъ въ 1856 г. высказалъ, что „Пушкинъ никогда не былъ подражателемъ; это природа въ высшей степени оригинальная“ (стр. 9). Добролюбовъ говоритъ, что „Пушкинъ вовсе не былъ похожъ на Байрона“... За послѣднія 20 лѣтъ проф. Тихонравовъ („Пушкинъ, отдавая дань байронизму, не увлекался имъ и остается истинно русскимъ поэтомъ“), проф. Стороженко („вліяніе Байрона на поэзію Пушкина было не такъ сильно, какъ можно было ожидать, судя по отзывамъ современниковъ и собственнымъ признаніямъ Пушкина“), Достоевскій („и самыя первыя поэмы П. были не однимъ лишь подражаніемъ, такъ какъ и въ нихъ уже выразилась чрезвычайная самостоятельность его гения“),—все эти писатели отвергаютъ въ значительной степени даже *вліяніе* Байрона на Пушкина *второго рода*, по терминологіи г. Сиповскаго. А между тѣмъ, авторъ послѣ всѣхъ приведенныхъ цитатъ рѣшается заявлять, что „изъ всего этого видно, что наше (?) „общепринятое“ мнѣніе о байронизмѣ Пушкина ведетъ свое начало еще отъ 20-хъ, 30-хъ годовъ: оно благополучно пробилось сквозь колебанія и противорѣчія присяжныхъ критиковъ, миновало и Бѣлинскаго, и Добролюбова и теперь спокойно утѣстилось и въ нашихъ учебникахъ, и въ общемъ сознаніи“ (стр. 14). И вотъ г. Сиповскій начинаетъ опровергать имъ же самымъ такъ рѣшительно и бездоказательно высказанное ложное мнѣніе и приходитъ, наконецъ, къ своему правдивому утвержденію, написанному нами въ началѣ замѣтки,—утвержденію, долженствующему разсѣять мракъ *не существовавшихъ* предубѣжденій о безусловномъ вліяніи Байрона на Пушкина, благодаря которому нашъ поэтъ якобы написалъ „цѣлый рядъ произведеній въ подражаніе великому англійскому писателю“. Приѣмъ этотъ не новъ, — сперва обвинить невиновныхъ, потомъ довести обвиненіе до высшей степени, опровергнуть его и сказать свое вѣское слово, которое намъ, „людямъ

безпристрастными", какъ говорить о себѣ г. Сиповскій (стр. 2), должно показаться новымъ, безусловно истиннымъ словомъ...

Но были же, однако, виновные въ утвержденіи, что Пушкинъ сильно увлекался Байрономъ, и что британскій бардъ нѣмѣлъ, по крайней мѣрѣ въ началѣ 20-хъ годовъ, большое вліяніе на нашего поэта? Отвѣчаемъ,—да, были, но заслуживаютъ снисхожденія.

Во-первыхъ, это самъ Пушкинъ, преувеличивавшій свое увлеченіе (см. рѣчь пр. Стороженка) „мрачной, богатырской, сильной, байронической поэзіей“ въ началѣ 20-хъ годовъ своей жизни. Напомнимъ указанія самого поэта на вліяніе Байрона въ „Бахчисарайскомъ Фонтанѣ“, „Цыганахъ“, въ первыхъ 2-хъ пѣсняхъ „Евгенія Онѣгина“, даже въ „Графѣ Нулинѣ“; не забудемъ стихотвореній „Погасло дневное свѣтило“,—въ черновикѣ озаглавленное „Подражаніе Байрону“ и пѣвшее эпитафію изъ Чилльда Гарольда: „Good night, my native land“, а также прекрасныя строфы стихотворенія „Къ морю“... Наконецъ, самъ поэтъ утверждаетъ, что въ 1822 г. онъ съ ума сходилъ отъ Байрона, а послѣ известной навихиды, устроенной Пушкинымъ въ годовщину смерти Байрона осенью того же года (1825), нашъ поэтъ восхищается „Донъ Жуаномъ“ и, нисколько не сожалея о потерѣ „Записокъ Байрона“, раскрывавшихъ интимную сторону его жизни, говоритъ: довольно и того, что мы видѣли его на тронѣ славы, видѣли въ мученіяхъ великой души, видѣли во гробѣ посреди воскресающей Греціи и т. д. (Изд. Лит. ф. т. VII, 160).

Во-вторыхъ, виновны въ преувеличеніи вліянія Байрона на Пушкина немногіе безызвѣстные или малоизвѣстные журнальные критики (отзывы нѣкоторыхъ приводитъ и г. Сиповскій), но полное отсутствіе авторитета въ ихъ словахъ и мало извѣстныхъ именъ можетъ послужить къ оправданію именно ихъ то въ обвиненіи „по дѣлу объ извращеніи ученыхъ и писателей представленія о роли вліянія Байрона на Пушкина“.

Въ третьихъ, виновны гг. Страховъ и Спасовичъ, по крайней мѣрѣ въ томъ изложеніи, какое представляетъ намъ г. Сиповскій въ отрывочныхъ фразахъ изъ ихъ статей и замѣтокъ, какія жолательно было извлечь автору разсматриваемой брошюры. Въ полномъ текстѣ ихъ работъ и общихъ выводахъ они болѣе, чѣмъ г. Сиповскій, далеки отъ утвержденія, что Байронъ овладевалъ во время созданія „Кавказскаго Плѣнника“ и „Цыганъ“ духомъ Пушкина до такой степени, что нашъ писатель, лишенный самообычности, всецѣло отдавался увлекающему его потоку байронизма (стр. 19), а посему,—оба писателя несомнѣнно заслуживаютъ снисхожденія.

Но безъ сомнѣнія, нѣчто подобное утверждаетъ, вслѣдъ за неясными и сбивчивыми разсужденіями Ап. Григорьева, одинъ ученый,—покойный Ноземеновъ, въ своей работѣ „Пушкинъ въ его поэзіи“ (его же учебникъ по исторіи русской литературы). Онъ

говорить, напр., что Пушкину пришлось испытать на своей впечатлительной натурѣ тяжелое влияние чувственной черты Байрона, так тѣсно связанной въ его поэзіи съ эгоизмомъ и гордостью, со злѣрствомъ многихъ его героевъ; далѣе Незеленовъ утверждаетъ, что поэма „Кавказскій Платиникъ“ проникнута байронизмомъ и написана подъ несомнѣннымъ влияніемъ первыхъ двухъ пѣсенъ „Чайльдъ Гарольда“, сказавшимся главнымъ образомъ въ обрисовкѣ характеровъ героевъ (стр. 76, 77). Наиболее яркимъ слѣдомъ увлеченія темной стороной байронизма, по мнѣнію Незеленова, осталась поэма „Врѣтля-разбойники“, написанная подъ влияніемъ „Корсара“ и, можетъ быть, „Шильонскаго узника“ (стр. 100). На „Бахчисарайскій Фонтанъ“ оказалъ влияние „Гяуръ“ (стр. 185), на поэмѣ „Цыгане“, говоритъ далѣе Незеленовъ, также несомнѣнно видно влияние байронизма (стр. 163) *) и т. д.

Такимъ образомъ, весь походъ г. Сиповскаго разъясняется: онъ нашелъ рядъ несомнѣтельныхъ утвержденій одного ученаго (и въ то же время составителя учебника), приписавъ эти утверждения почти всѣмъ ученымъ и критикамъ пушкинской поэзіи за истекшіе съ 20-хъ годовъ три четверти вѣка, якобы опровергъ ихъ, освободилъ поэта отъ несправедливаго обвиненія, имъ же возведеннаго отъ имени нѣсколькихъ неповинныхъ ученыхъ, критиковъ и составителей учебниковъ, и такимъ образомъ сказалъ свое „новое“ слово о Байронѣ и Пушкинѣ. Но стоило-ли изъ за такой процедуры и подобнаго новаго слова огородъ городить?

Памяти В. Г. Бѣлинскаго. Литературныя сборники, составленные изъ трудовъ русскихъ литераторовъ. Съ 3 фототипіями. Изданіе Пензенской Общественной бібліотеки имени М. Ю. Лермонтова. М. 1899 г.

Не такъ давно вышедшій, долго ожидаемый, сборникъ „памяти В. Г. Бѣлинскаго“ является какъ бы отзвукомъ той обширной литературы, которая создавалась годъ тому назадъ ко дню празднованія въ Пензѣ 26 мая 1898 года. Сборникъ, „составленный изъ трудовъ русскихъ литераторовъ“, какъ и вся прощлогодняя литература о Бѣлинскомъ, не составитъ особенно замѣтнаго вклада въ дѣло выясненія его личности и міросозерцанія. Въ русской литературѣ успѣли уже настолько опредѣленно наметиться основныя черты характера и склада мышленія Бѣлинскаго, что на долю современныхъ писателей остается главнымъ образомъ детальная разработка образа великаго критика. Разногласія во взглядахъ на дѣятельность и личность Бѣлинскаго группируются теперь около частныхъ, а не основныхъ вопро-

*) Однако и Незеленовъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ ограничиваетъ свои категорическія утвержденія, см. напримѣръ, стр. 79, 103, 120, 133, 163 и др. Учеб. II, 103.

совъ, возбуждаемыхъ той или другой стороной его образа, хотя, конечно, и эти частные вопросы въ своей совокупности имѣютъ большое значеніе. Содержаніе сборника „Памяти Бѣлинскаго“ вполне подтверждаетъ эти соображенія. Сборникъ раздѣленъ на два отдѣла, изъ которыхъ въ первомъ собраны статьи, посвященныя въ значительной части именно детальному освѣщенію образа В. Г. Бѣлинскаго (во второмъ находится рядъ произведеній по боллетристикѣ, исторіи, критикѣ, публицистикѣ и пр., и пр., которыя прямого отношенія къ первому отдѣлу не имѣютъ). Изъ числа статей о Бѣлинскомъ, разрабатывающихъ детали въ его личности и міросозерцаніи, мы отмѣтимъ небольшую, но живо написанную замѣтку г. Острогорскаго „Бѣлинскій, какъ педагогъ“ и статью „Бѣлинскій-драматургъ“. Сюда же относятся двѣ статьи, посвященныя взглядамъ критика на искусство (Н. Стороженко „Памяти Бѣлинскаго“ и М. Филиппова! „Бѣлинскій и Гегель объ искусствѣ“), одна, трактующая объ „отличительной особенностяхъ критики Бѣлинскаго“ (проф. Овсяннико-Куликовскаго) и еще одна—о томъ значеніи, которое имѣли сочиненія критика для скорѣйшаго наступленія „эпохи великихъ реформъ“ (г. Джаншиева). Остальныя работы имѣютъ дѣло уже съ болѣе общей характеристикой Бѣлинскаго. Изъ нихъ мы съ удовольствіемъ рекомендовали бы читателю статью г. Иванова, написанную на высоко интересную тему: „Бѣлинскій, какъ культурно-историческій типъ“, если бы она болѣе соответствовала высотѣ поставленной задачи и не была написана вычурныхъ, мѣстами до неудобопонятности, языкомъ... Въ общемъ „отдѣлъ первый“ сборника прочтется съ интересомъ, ибо въ цѣломъ онъ даетъ вполне опредѣленное представленіе какъ о разныхъ сторонахъ литературной дѣятельности Бѣлинскаго, такъ и о тѣхъ отличительныхъ чертахъ его личности, за которыя онъ получилъ отъ друзей характерное прозвище „Неистоваго Виссаріона“.

Нѣсколько особнякомъ стоятъ въ томъ же первомъ отдѣлѣ „матеріалы для біографіи Бѣлинскаго“. (Біографическій характеръ носитъ и статья г. Якушкина „Бѣлинскій, его друзья и враги“). Матеріалы, помѣщенные въ сборникъ, освѣщаютъ ту сторону въ жизни критика, о которой до сихъ поръ извѣстно было болѣе чѣмъ немного, — именно его семейную жизнь. Въ книгѣ г. Пыпина о Бѣлинскомъ объ этомъ сказано всего нѣсколько словъ, общій смыслъ которыхъ тотъ, что „у домашнего очага началась для него новая жизнь съ ея особыми интересами и тревогами, которыя могли быть только его личной заботой“. Передъ этими общими заключеніемъ г. Пыпинъ говоритъ, что, рѣшивъ жениться, Бѣлинскій „былъ исполненъ ожиданій“ и отъ женитьбы „ждалъ цѣлаго переворота въ своей жизни“... Многія мѣста опубликованныхъ въ сборникѣ писемъ даютъ основаніе предположить, что далеко не все изъ этихъ ожиданій получило осуществленіе. Время переписки,

помѣщенной въ сборникѣ, относится къ лѣту 1846 года, когда Вѣлинскій поѣхалъ на югъ Россіи поправлять свое разстроенное здоровье. Къ этому времени минулъ уже третій годъ его семейной жизни. Общій характеръ писемъ Вѣлинскаго къ женѣ въ болѣе чѣмъ значительной степени отличается отъ его посланій разнѣмъ въ цѣлѣхъ тетрадки къ друзьямъ. Тогда какъ послѣднія наполнены почти исключительно обширными и страстными разсужденіями по всевозможнымъ вопросамъ литературы, философіи, публицистики и для выясненія образа мыслей крилика имѣютъ значеніе едва ли не большее, чѣмъ его печатныя статьи, письма къ женѣ наполнены исключительно сообщеніями о личныя, домашнихъ и хозяйственныхъ дѣлахъ. Онъ то распространяется на ту тему, что „ходить настоящимъ аркадскимъ пастушкомъ: въ бѣлыхъ панталонахъ, въ жилетѣ, легкомъ платкѣ на шеѣ и бѣломъ пальто, припеленыхъ сапогахъ и соломенной шляпѣ“, то сообщаетъ о покупкѣ въ Палермоу „двухъ фуляровъ, за которую заплатилъ 20 рублей серебромъ“, то дѣлится соображеніями о „новомъ сукономъ сюртукѣ“, сшитомъ изъ матеріи по 25 рублей аршинъ, и „триковомъ сюртукѣ-пальто“, замѣчательной дешевизны... Кромѣ извѣстій такого рода, значительная часть писемъ, общій тонъ которыхъ грустный и сдержанный, посвящены сообщеніямъ о адоровѣ и опѣнкѣ семейной жизни. Вѣлинскій находитъ, что его разлука съ женой „принесетъ много добра имъ обоимъ“, ибо она сдѣлаетъ ихъ „уступчивѣ другъ къ другу“, а выѣстъ съ тѣмъ „болѣе чуждыми“. „Мнѣ кажется—пишетъ Вѣлинскій, и то и другое равно хорошо. Почему хорошо первое—толковать нечего, и такъ ясно; второе хорошо потому, что дастъ случай познакомиться вновь на лучшихъ основаніяхъ“. Насколько благотворно повліяла на складъ этихъ отношеній разлука Вѣлинскаго съ женой, трудно судить по письмамъ сборника. Есть однако въ письмахъ мѣста, которыя, по своей рѣзкости и опредѣленности, не оправдываютъ оптимистическихъ взглядовъ на переверотъ въ семейной жизни критика, послѣ его поѣздки на югъ. Въ одномъ мѣстѣ письма отъ 30 іюля 46 года Вѣлинскій съ нескрывасмой горечью замѣчаетъ женѣ и ея сестрѣ: „ни житье выѣстъ, ни отдаленіе разлуки, ничто не научило васъ понимать мой характеръ“ (146 стр.), а въ другомъ пишетъ: „видно, вамъ ужъ не суждено понимать меня, и я былъ бы очень радъ убѣдиться, что я больше васъ виноватъ въ этомъ“.

Нашъ обзоръ содержанія сборника былъ бы совѣтъ не полонъ, если бы мы не упомянули о помѣщенной въ качествѣ введенія къ нему статьи „26 мая 1898 года“, въ которой говорится о „дѣлахъ Вѣлинскаго“ въ Пензѣ, неожиданно получившихъ широкій общественный смыслъ, благодаря дружному отклику со всѣхъ концовъ Россіи. Объ одной сторонѣ „общественнаго смысла“ празднествъ 26 мая 1898 года мы и хотимъ сказать нѣ-

сколько словъ. Нѣтъ сомнѣнія, что сравнительно съ тѣмъ временемъ, когда нужно было для эпохи Бѣлинскаго придумывать особенное названіе „гоголевскаго періода русской литературы“, наши дни съ ихъ гласнымъ и открытымъ чествованіемъ (хотя и здѣсь можно указать на серьезные дефекты) памяти великаго автора „писма къ Гоголю“, представляютъ значительный прогрессъ. Наличностью его можно было бы оправдать тотъ радужный тонъ, которымъ проникнута статья „26 мая 1898 года“, если бы въ ней не игнорировалась совершенно обратная сторона того же прогресса. Сорокъ лѣтъ тому назадъ около имени Бѣлинскаго собирались люди, хорошо уяснившіе себѣ его идеи и глубоко проникнувшіе въ смыслъ того, за что боролся онъ, ихъ учитель. „Достойныхъ преемниковъ духовнаго наслѣдства Бѣлинскаго“ было немного, но за то они хранили „наслѣдство“ во всей его неприкосновенности и дѣлали его отправной точкой труда своихъ рукъ; въ ихъ представленіи „наслѣдство“ обрисовывалось столь опредѣленными и рѣзкими чертами, что никто изъ называемыхъ Бѣлинскимъ „филистимлянами“ („я живу по натурѣ — говорилъ онъ — и за однимъ столомъ съ филистимлянами ѣсть не могу“) не могъ имѣть никакихъ претензій на право быть „за однимъ столомъ“ съ великимъ критикомъ... Сорокъ лѣтъ тому назадъ въ Бѣлинскомъ помнили и читали автора „писма къ Гоголю“... Теперь въ значительной степени пережилось наше отношеніе къ писателю, именемъ котораго гордятся вся Россія. За 50 лѣтъ „смѣшались шашки“ и „наслѣдство“, распространяя свое вліяніе въ ширину, значительно обезформилось въ представленіи большинства преемниковъ. Не думаемъ, чтобы этимъ была уплачена „хоть часть огромнаго долга „вѣстовому Виссаріону“ (ХХІІ), который несомнѣнно значится за русскимъ обществомъ...

Въ защиту личности. Педагогическія идеи Н. А. Добролюбова. М. С. Спб., 1899 г. Цѣна 20 к.

Спеціальныя работы о педагогическихъ идеяхъ П. А. Добролюбова стали появляться у насъ только за послѣдніе годы. Не такъ давно г. Скабичевскій пытался опредѣлить педагогическій вкладъ Добролюбова въ движеніе 60-хъ годовъ (Вѣсти. Восп. 1896 г. № 6.), но, ограничившись формальнымъ разсмотрѣніемъ дѣла, онъ написалъ статью, далеко не представляющую цѣннаго „вклада“ въ богатую заглавіями и бѣдную содержаніемъ литературу о Добролюбовѣ. Въ концѣ 1897 года педагогическими воззрѣніями нашего критика интересовался въ журналѣ „Образованіе“ нѣкто г. Колтонай; этотъ авторъ, придавая большую цѣну взглядамъ Добролюбова на задачи воспитанія, поставилъ своей цѣлью „воссоздать въ стройную систему“ педагогическія идеи Добролюбова, [разбросанныя нинѣ по разнымъ его статьямъ. Однако и

работа г. Колтаная, несмотря на старание автора придать ей видъ „стройной системы“ путемъ распредѣленія по безчисленнымъ рубрикамъ соответствующихъ воззрѣній нашего критика, ничего не „возсоздаетъ“. Теперь предъ нами третья попытка выяснить педагогическія идеи критика, написанная къ тому же съ исполнѣніемъ самостоятельной цѣлью „въ защиту личности.“ Мы не удивляемся, что нашихъ писателей интересуетъ вкладъ Добролюбова въ педагогическую струю движенія 60 годовъ, ибо эта тема дѣйствительно очень интересна. Достаточно вспомнить свидѣтельство Шелгунова, что „съ 60 годовъ наши семейныя отношенія испытывали полную революцію“, и ту роль, которая отводилась тогда рациональному воспитанію молодого поколѣнія, чтобы понять, какой глубокой интересъ представляютъ воззрѣнія на задачи педагогики такого чуткаго къ требованіямъ жизни публициста, какъ Добролюбовъ. Къ тому же педагогія (какъ наука) и дѣло воспитанія были ему далеко не чужды, несмотря на противоположное мнѣніе г. Л. С., который начинаетъ свою брошюру такими словами: „Добролюбовъ не былъ ни педагогомъ по профессіи, ни специалистомъ въ педагогической наукѣ“. Это далеко не правда. Дѣйствительно, Добролюбовъ не носилъ мундира, присвоеннаго чинамъ министерства народнаго просвѣщенія („педагогъ по профессіи“) и не написалъ ни одной строчки о разныхъ звуко-подражательныхъ и др. методахъ („специалистъ въ педагогической наукѣ“), но онъ получилъ образованіе въ Спб. Главномъ *Педагогическомъ* Институтѣ и только въ самомъ концѣ послѣдняго учебнаго года „совершенно раздумалъ служить въ Нижнемъ“ (въ качествѣ учителя), предполагая раньше сдѣлаться „педагогомъ по профессіи“; но, строго говоря, фактически имъ онъ былъ, начиная со второго года ученія въ институтѣ и почти до самаго отъѣзда за границу (1855—1860), ибо все это время Добролюбовъ имѣлъ частные уроки, воспитывая вмѣстѣ съ тѣмъ своихъ младшихъ братьевъ, которые жили у него въ Петербургѣ. Очевидно, первые строки брошюры г. Л. С. не соответствуютъ истинѣ. Впрочемъ, это маловажное обстоятельство искупается тѣмъ, что въ дальнѣйшемъ изложеніи авторъ все время точно передаетъ идеи Добролюбова. Въ этомъ нельзя не видѣть достоинства (хотя и достаточно элементарнаго) книжки г. Л. С., другая положительная сторона которой заключается въ легкомъ литературномъ изложеніи. Но признавая охотно за брошюрой указанныя достоинства, мы думаемъ, что важно не „возсозданіе въ стройную систему“ педагогическихъ идей нашего критика, а сведеніе ихъ на одну ставку съ тѣмъ историческимъ моментомъ жизни Россіи, когда въ нашихъ семейныхъ отношеніяхъ происходила „полная революція“. Нужно это, конечно, потому, что вкладъ Добролюбова въ эту „революцію“ прямо громаденъ, авторъ же брошюры „въ защиту личности“ не говоритъ о томъ ни слова.

Записки старой смолянки (1833—1858 г.). Часть первая В. П. В-вой. Примѣчанія и изданіе свящ. К. Зи—скаго. Спб. 1898.

Изъ біографіи, приложенной издателемъ къ „Запискамъ старой смолянки“, мы узнаемъ, что авторъ ихъ, покойная В. П. Быкова (она такъ сама подписывается въ своемъ „Введеніи“), воспитывалась въ Смольномъ монастырѣ, черезъ десять лѣтъ послѣ окончанія курса поступила на службу въ тотъ-же институтъ и прослужила въ немъ двѣнадцать лѣтъ. „Записки“ Быковой написаны въ формѣ дневника, который она ведетъ съ 13-лѣтняго возраста, когда она была еще институткой, и кончаетъ его въ изданномъ теперь первомъ томѣ 1858 г., когда ей было уже 38 лѣтъ. Издатель „Записокъ“ говоритъ, что въ Быковой „жизнь была ключемъ“, а сама она заявляетъ, что наиболѣе пріятныя изъ ея воспоминаній тѣ, „которые относятся къ дѣтству и, вообще, къ молодости“,—„то жемчужины нашей жизни“,—прибавляетъ она. Но въ положеніи автора эти жемчужины оказываются простыми бусами, грубо сфабрикованными подъ жемчугъ. Какъ тринадцатилѣтней институткой, такъ и въ позднѣйшихъ своихъ замѣткахъ, Быкова не даетъ ни малѣйшаго представленія ни о бытѣ и жизни институтокъ того времени, ни объ ихъ образованіи и умственномъ развитіи. Быкова ведетъ свой дневникъ не только въ институтѣ: окончивъ курсъ, прежде чѣмъ поступить въ тотъ же институтъ въ качествѣ классной дамы, она десять лѣтъ прожила въ провинціи. Но и въ этой части дневника читатель не найдетъ изображенія провинціальныхъ нравовъ, не узнаетъ, что тогда волновало провинціальное общество, не познакомится и съ характерными провинціальными типами того времени. Хотя нѣкоторые заголовки дневника очень интересны, напр.: „Арестъ Петрашевскаго“, „Холера въ Петербургѣ“, „О Севастопольской войнѣ“, „Вомбардированіе Одессы“, „Англичане въ Крыму и Севастополѣ“, но обо всемъ этомъ сказано или нѣсколько словъ, не имѣющихъ ни малѣйшаго значенія, или сдѣлано по этому поводу нѣсколько замѣчаній, чисто институтскихъ, совершенно невѣжественныхъ, до смѣшнаго ребячливыхъ.

Разнообразіе темъ дневника и неожиданные переходы отъ одного предмета къ другому, не имѣющему ничего съ нимъ общаго, повстинѣ изумительны. Въ одномъ изъ оглавленій читаемъ: „О церковномъ пѣніи и сравненіе его со свѣтскими; его вліяніе на человѣка. Желѣзные источники Подюстрова“. Въ другомъ— „Осада Севастополя. Псалтирь“. Но о чѣмъ бы ни разсуждала Быкова, она, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, все сводитъ къ одному и тому-же,—къ разсужденіямъ о смерти и къ жалобамъ на тоску, совершенно не мотивированную. Читатель, окончивъ чтеніе огромнаго тома „Записокъ“, остается въ недоумѣніи, почему Быкову вѣчно обуреваютъ и въ молодости, и въ возрастѣ со старостью смежномъ, столь мрачное настроеніе духа, такъ

как и свою душевную тоску, и свое мрачное настроеніе она изображаетъ поверхностно, безсодержательными, стереотипными фразами людей не мудрствующихъ лукаво, напоминающими притчаныя кладбищенскихъ старухъ. Судя до дневнику, Быкова, какъ была въ молодости наивной дѣвочкой, такъ и осталась такою же въ весьма солидномъ возрастѣ. Въ 1834 г., когда ей было 14 лѣтъ, и когда ее вѣсть съ подругами привезли во дворецъ посмотреть на парадъ при открытіи памятника императора Александра I, она, увидѣвъ войска, проходившія по площади, восклицаетъ: „Неужели война не переведется на землѣ? Неужели кроткое ученіе Спасителя никогда не смягчитъ ожесточенныхъ сердецъ? Мнѣ бы хотѣлось, чтобы всѣ люди жили въ мирѣ между собою, какъ добрые братья или какъ, напр., мы, институтки“ (40 стр.). Черезъ 21 годъ, когда Быковой было уже далеко за тридцать, по поводу осады Севастополя она замѣчаетъ: „Что-то будетъ, когда воюющіе теперь встрѣтятся въ другомъ мірѣ? Узнаютъ-ли они тогда другъ друга?“ (299). Такъ-же наивны и другія разсужденія автора по поводу замѣчательныхъ событій русской жизни,—вотъ ея замѣтка о дѣлѣ Петрашевскаго: „1849 г. 25 іюня. У многихъ нашихъ молодыхъ людей существуетъ мода богаты всякій вадоръ и казаться чрезъ то передовыми. Вотъ что случилось недавно, благодаря этой модѣ. Молодежь собиралась къ Петрашевскому, обѣдала, кутила и болтала всякія нелѣпости. До сихъ поръ еще неизвѣстно, какого рода были тѣ глупости, но, вѣроятно, онѣ перешли за предѣлы дозволеннаго, а потому-то всю молодежь, начиная съ Петрашевскаго, отвезли ночью съ 23-го на 24-ое число въ крѣпость. И сидятъ тамъ безумные „молодые“ люди. Наши губители — французы. У нихъ, что ни день — то бунтъ, и они жаждутъ передать намъ свой беспокойный, мятежный духъ и характеръ. Но счастливы-ли вы, французы, оттого, что безпрестанно волнуетесь и хватаетесь за оружіе?.. Найдите прежде форму правленія, которая бы всѣхъ осчастливила, а потомъ скажите міру: „глядите на насъ и подражайте“. Но зачѣмъ-же теперь, когда у васъ нѣкто и заснуть спокойно не можетъ, волнуете вы, какъ духи тѣми всѣ другіе народы? Ваши возмутительные поступки губятъ наше юношество! Вы сѣете всюду раздоры, поселяете всюду вражду, вооружаете вашихъ согражданъ и истребляете ихъ. Пожаръ Европы—ваше дѣло. Смотрите и любуйтесь своимъ произведеніемъ! Если равенство и свобода состоятъ въ томъ, чтобы ближайшему безнаказанно наносить всякое зло, то—да будетъ проклята такая свобода!“ (183).

Наивность Быковой очень типична. Смольный того времени представлялъ собою настоящій монастырь, въ полномъ смыслѣ этого слова. Это былъ интернатъ, совершенно обособленный отъ міра и людей,—въ него не проникало ни одной свѣтлой мысли,

ни малѣйшаго отраженія общественнаго движенія. Институтки за все время своего воспитанія съ 9-ти до 18-ти, а то и до 18-лѣтняго возраста не знали, что дѣлается въ мірѣ Божіемъ. Естественно, что такая замкнутость совершенно отчуждала ихъ отъ всего живого и губила способности громаднаго большинства, уродовала характеры, создавала „жисейныхъ барышень“, стремившихся только наряжаться, блестѣть и плѣнять, и круглыхъ невѣждъ, поддерживавшихъ въ всемъ рутину, дикіе нравы и суевѣрія. Вся система институтскаго воспитанія 40-хъ и 50-хъ гг. была построена на формализмѣ, на солдатской дисциплинѣ и строжайшей выправкѣ. Всѣ условія, среди которыхъ протекала жизнь институтокъ, всѣ стороны ихъ быта были строго направлены на то, чтобы не было нарушено однообразие и жертвы застой ихъ жизни: сегодня день проходилъ, какъ вчера, вчера—какъ сегодня, и такъ длинный рядъ дней.

Весь этотъ институтскій строй вполнѣ отразился на всемъ характерѣ дневника Выковой. Хотя послѣ окончанія курса въ институтѣ у нея и были встрѣчи съ нѣкоторыми выдающимися людьми того времени (съ Каратыгинымъ, Глинкою, Бенедиктовымъ и др.), и читала она не мало хорошихъ книгъ, судя по тѣмъ изъ нихъ, названія которыхъ она заносила въ свой дневникъ, но все это не оставляло въ ея душѣ глубокаго слѣда, не возбуждало въ ней серьезныхъ мыслей, не тревожило ея сердца, а давало лишь поводъ къ наивнымъ разсужденіямъ и дѣтской философій, институтскимъ восторгамъ, если что-нибудь ей нравилось, и такимъ-же легкомысленнымъ порицаніямъ, если она что-нибудь не одобряла. Въ ея дневникѣ не отразилась даже такая перемена въ ея жизни, какъ выпускъ изъ института, когда, покинувъ свое крѣпко на крѣпко закрытое заведеніе, она сразу окунулась въ водоворотъ дѣйствительной жизни, когда все должно было явиться для нея новостью и сюрпризомъ. Какъ въ этотъ періодъ времени, такъ и въ послѣдующій, когда она является въ качествѣ классной дамы, ея дневникъ остается совершенно безсодержательнымъ. Испытавъ на себѣ гнетъ классныхъ дамъ, прекрасно сознавая, какъ губельно отражался онъ на воспитанникахъ, она не задается вопросомъ, какъ поступить въ томъ или другомъ затруднительномъ случаѣ, не дѣлаетъ никакихъ попытокъ сблизиться съ вѣренными ей дѣвушками. Два-три раза проскользнула въ ея дневникъ жалоба на тяжелый и однообразный трудъ классной дамы, а однажды даже и на то, что воспитанницы не любятъ ее: „этотъ трудъ мнѣ не былъ бы такъ тяжелъ, но я не вижу пользы отъ него,—къ дѣтямъ мнѣ что-то плохо прививается добро. Часто, видя свое безсиліе, я горько плачу и призываю Бога на помощь, да пошлетъ мнѣ терпѣніе: дѣти мнѣ грубитъ и болѣе послушны другимъ дамамъ,—или это мое самолюбіе?“

Если „добро“ прививать казеннымъ образомъ, какъ оно прививалось въ институтъ въ то время, т. е. скучнѣйшими сентенціями и нравоученіями, вѣчными окриками, бранью и наказаніями за самыя ничтожныя уклоненія отъ суровой дисциплины, то, конечно, „добро“ это совсѣмъ не привьется, и дѣти будутъ только грубить и ненавидѣть. Впрочемъ, авторъ „Записокъ“, не смотря на свои горькія слезы и сѣтованія на невозможность привить къ дѣтямъ „добро“, очень легко находитъ и утѣшеніе въ своемъ горѣ: „А что я имъ не мила, такъ и самого Господа ненавидѣли. Что-же я-то?“ Но можетъ быть это и не утѣшеніе, а такъ просто сорвалось съ языка, какъ у нея срывается множество фразъ, не оправдываемыхъ ни предшествующимъ, ни послѣдующимъ положеніемъ. „Всѣ мои записки — сушій вадоръ“, — вдругъ восклицаетъ Быкова совершенно неожиданно, — „и дѣйствительно вадоръ“, настаиваетъ она, — „для кого и чего я пишу?“. И это послѣднее совершенно справедливо: если Быкова, испытавшая на себѣ весь гнетъ институтскаго режима, не попыталась даже привлечь къ себѣ сердца своихъ питомицъ, это краснорѣчиво говорить о ея духовной немощи, а также и о томъ, что институтское воспитаніе убило въ ней живую душу и сдѣлало изъ нея холодную резонерку, которая умѣетъ только разсуждать о любви къ ближнимъ, да и то на казенный ладъ и сухоннымъ языкомъ.

Новыя книги, поступившія въ редакцію.

(Значащіяся въ этомъ спискѣ книги присылаются авторами и издателями въ редакцію въ одномъ экземплярѣ и въ конторѣ журнала не продаются. Равнымъ образомъ контора не принимаетъ на себя комиссія по пріобрѣтенію этихъ книгъ въ книжныхъ магазинахъ).

Избранныя сочиненія А. С. Пушкина. Съ биографич. очеркомъ, двумя портретами, изображеніями памятниковъ Пушкину. Для дѣтей школьнаго возраста. Младшій возрастъ. Составила Е. Н. Тихомирова. 8-е изданіе „Дѣтскаго Чтенія“. М. 99. Ц. 25 к.

Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ. Чтеніе для школъ и для народа. Съ портретомъ, факсимиле и рисунками памятника. Составили Е. и Д. Тихомировы. Изданіе „Дѣтскаго Чтенія“. М. 99. Ц. 10 к.

Памяти Пушкина. (Ноты). Зимній вечеръ. Музыка М. А. Слонова. Изданіе „Дѣтскаго Чтенія“. М. 99. Ц. 10 к.

Слава Пушкину. „Ты памятникъ воздвигъ себѣ нерукотворный“. (Ноты). Музыка М. А. Слонова. Изданіе „Дѣтскаго Чтенія“. М. 99. Ц. 10 к.

Пушкинъ. Очеркъ Ив. Ив. Иванова. Изданіе „Дѣтскаго Чтенія“. М. 99. Ц. 25 к.

Пушкинскій сборникъ. Наданіе „Дѣтскаго Чтенія“ подъ редакціей Дм. Нв. Тихомирова. М. 99. Ц. 75 к.

Л. Майковъ. Пушкинъ. Біографическій матеріалъ и историко-литературные очерки. Съ портретомъ Пушкина. Наданіе Л. Ф. Пантелѣева. Спб. 99. Ц. 1 р. 50 к.

О Пушкинѣ. Статьи и замѣтки В. В. Жукина. Наданіе М. и С. Сабашниковыхъ. М. 99. Ц. 1 р.

Пушкинъ въ Тавридѣ. Соч. М. В. Карскаго. Наданіе С. В. Синаи. Симферополь. 99. Ц. 25 к.

Памяти А. С. Пушкина. Юбилейный сборникъ. Наданіе редакціи журнала „Жизнь“. Спб. 99.

Поэты—поэту. Сборникъ стихотвореній, посвященныхъ А. С. Пушкину. Съ предисловіемъ Н. Н. Божерянова и иллюстраціями. Спб. 99. Ц. 25 к.

Русскіе поэты о Пушкинѣ. Сборникъ стихотвореній. Составилъ В. Каллашъ. М. 99. Ц. 1 р.

Сочиненія А. С. Пушкина, въ 8-хъ томахъ. Над. П. П. Кончаловскаго. М. 99. Ц. 6 р.

Описаніе Пушкинскаго музея Импер. Александр. лицея. Сост. воспитанники С. М. Аснашъ и А. Н. Яхонтовъ. Спб. 99. Ц. 5 р.

Сборникъ статей о Пушкинѣ. Над. Кіевского педагог. общ. Кіевъ 99. Ц. 1. 50.

Избранныя стихотворенія А. С. Пушкина, въ пер. на еврейскій языкъ Д. Фришмана. Над. общ. распр. просвѣщ. между евреями. Спб. 99.

В. Зеленскій. Русская критич. литература о произведеніяхъ А. С. Пушкина. Часть 7-ая. М. 99. Ц. 1 р.

А. С. Пушкинъ въ сельскомъ населеніи и школахъ Ярославской губ. Над. Ярославскаго статистич. комитета. Ярославль. 99

Конкордія Урлаубъ. Стихотворенія. Спб. 99.

Д. Е. Джеронъ. Трое въ одной лодкѣ. Пер. З. Н. Журавской. Спб. 99. Ц. 1. р.

П. В. Засодимскій. На большой дорогѣ. Над. О. Н. Поповой. Спб. 99.

В. П. Силькевичъ. Грѣхъ. Бытовой ком. въ 4 дѣйств. Одесса. 99.

Народный театръ. Одноактные пьесы исключительно для народныхъ театровъ. Сочин. В. В. Осетрова. Т. II и III. Спб. 99.

Д. Гумилевскій. Основы соціологіи. Над. О. Н. Поповой. Спб. 99. Ц. 1 р. 30 к.

Г. Гиготъ. Физиократы. Над. О. Н. Поповой. Спб. 99. Ц. 50 к.

Ф. де-Дантокъ. Индивидуальная эволюція, ответственность и неодавиннисты. Над. маг. „Книжное Дѣло“. М. 99. Ц. 1 р.

А. Гобсонъ. Джонъ Рескинъ, какъ соціальный реформаторъ. Над. К. Т. Солдатенкова. М. 99. Ц. 1 р.

В. Я. Вогучарскій. Маркизь Лафайетъ. Над. магза. „Книжное дѣло“. М. 99. Ц. 1 р.

R. de la Grasserie. Des religions comparées. Bibl. sociologique internationale. Paris. 99. Prix 7 fr.

R. Worms. Annales de l'Institut international de sociologie. Tome V. Paris. 99 Prix 10 fr.

H. Karélew. Les paysans et la question paysanne en France. Paris. 99. Prix 12 fr.

В. Фаусекъ. Этюды по вопросамъ биологической эволюціи. Спб. 99. Ц. 60.

Э. Мейера. Работы въ древнемъ мірѣ. Изд. маг. „Книжное Дѣло“. М. 99. Ц. 30.

Историческое обозрѣніе. Сборникъ подъ ред. Н. Н. Карѣва. Т. X. Спб. 99.

Н. Карѣва. Исторія Зап. Европы въ новое время. Т. III, изд. 2-ое Спб. Ц. 1 р. 50.

Д-ръ Леманъ. Иллюстрированная исторія суевѣрій и волшебства. Три выпуска. Изд. маг. „Книжное Дѣло“. М. 99. Ц. по подпискѣ 4 р.

Иллюстрированная исторія религій. Изд. маг. „Книжное Дѣло“. Выпуски 10-й и 11-й М. 99. Ц. по подпискѣ 5 р. 50 к.

А. П. Ковкина. Исторія русскаго искусства. Вып. 3-й. Изд. маг. „Книжное Дѣло“ М. 99. Ц. по подпискѣ 12 р.

Д. С. Милль. Система логики. Вып. 7-й. Изд. маг. „Книжное Дѣло“. М. 99. Ц. 12 р.

Сборникъ по общественно-юридическимъ наукамъ. Изд. О. Н. Поговой. Спб. 99. Ц. 1 р.

Право и Миръ въ международныхъ отношеніяхъ. Вып. 1-й и 2-й. Изд. маг. „Книжное Дѣло“. М. 99. Ц. 2 р.

М. А. Энгельгардтъ. Вѣчный миръ и разоруженіе. Изд. Ф. Павленкова. Спб. 99. Ц. 25 к.

В. В. Кинарскій. О замѣнѣ войны международнымъ судомъ. Спб. 99. Das Recht Finlands und das Manifest des Zaren vom 15 Februar 1899. Stockholm. 99.

Histoire des variations de l'Etat—major I. Dreyfus. Paris 99. Prix 1 fr.

І. Д. Трайль. Общественная жизнь Англіи. Т. 6-й. Изд. К. Т. Соладатникова. М. 99. Ц. 8 р.

В. Ф. Врандтъ. Иностранные капиталы, ихъ вліяніе на экономическое развитіе страны. Ч. 2-ая. Спб. 99. Ц. 2 р. 50.

Ф. С. Жемарскій. Семейный университетъ. Вып. 2-й. Спб. 99. Ц. по подпискѣ 12 р.

В. Варъ. Наемные сельско-хозяйственные работы въ жизни и въ законодательствѣ. Изд. маг. „Книжное Дѣло“. М. 99. Ц. 1 р. 50.

М. А. Энгельгардтъ. Письма о земледѣліи. Изд. Ф. Павленкова. Спб. 99. Ц. 50 к.

А. Е. Изъ жизни угасающаго племени. (Въ защиту инородцевъ). Томскъ. 99. Ц. 40 к.

Э. Ренанъ. Земля и люди. Вып. V. Британскіе острова. Изд. О. Н. Поговой. Спб. 99. Ц. 2 р.

А. Класовскій. Физическая жизнь нашей планеты. Одесса. 99.

М. Н. Стефановскій. Учебный курсъ теоріи словесности. Бѣлгородъ. 99. Ц. 1 р.

В. А. Богородицкій. О преподаваніи русскаго языка. Казань. 99. Ц. 25 к.

Э. К. Арнальда. Русскій языкъ. Т. II-й. Изд. А. Ф. Маркса. Спб. 99. Ц. 4 р. 50 к.

Э. А. Канторовичъ. Законы объ узаконеніи и усмысленіи дѣтей. Спб. 99. Ц. 50.

А. К. фонъ-Резенъ. Законъ о ростовщичествѣ. Изд. Я. А. Канторовича. Спб. 99. Ц. 50.

И. Левиновъ. Ближайшія задачи русской промышленности на крайнемъ востоѣ. Спб. 99.

Роза Люксембургъ. Промышленное развитіе Польши. Изд. Т-ва „Знаіе“ Спб. 99. Ц. 50 к.

Г. С. Деслятовъ. Башкирскіе припущенники. Пермь. 99.

Н. А. Расконовъ. Данныя о положеніи итейнаго дѣла въ Богородскомъ уѣздѣ. М. 99.

Обзоръ Башкирской нефтяной промышленности за 1898 г. Баку. 99. Ц. 5 р.

С. Гулишамбаровъ. Международная торговля птицей и птичьими продуктами. Изд. д-та торг. и мануф. Спб. 99.

Отчетъ главы управл. неокладн. сборовъ и казенн. продажи итей за 97 г. Спб. 99.

И. И. Першке. Отчетъ о ходѣ акцизнаго дѣла въ Закавказскомъ краѣ и Закаспійской области за 1897 г. Спб. 98.

Отчетъ государственныхъ сберегат. кассъ за 97 г. Спб. 99.

Отчетъ по Минусинскому музею и библіотекѣ за 1898 г. Минусинскъ. 99 г.

Отчетъ Пензенской общ. библіотеки имени М. Ю. Лермонтова за 1897—98 гг. Пенза. 99.

Отчетъ Нижегородской городской библіотеки за 1898 г. Нижній-Новгородъ. 99.

Путеводитель по Уралу. Изд. Газ. „Ураль“. Екатеринбургъ. 99.

Писаревъ передъ судомъ учителя исторіи.

У покойнаго (въ литературномъ смыслѣ) г. Волынскаго объявился продолжатель... Вы помните, вѣроятно, у Даля нѣкоего иѣмца, который ни за что не соглашался, что кто нибудь можетъ называться Иваномъ Ивановичемъ Ивановымъ. „Одинъ Иванъ, говорилъ онъ, это должно; два Иванъ—это можно; три Иванъ—никакъ невозможно“. Почтенный нѣмецъ могъ бы удивиться, что „Три Ивана“ не только могутъ существовать, но даже могутъ быть величественны и страшны: могутъ, напримѣръ, уничтожить дѣлаго Писарева... Вѣдны Писаревъ! И повезло же ему: сперва его уничтожилъ блаженной памяти г. Цитовичъ; потомъ его уничтожилъ блаженной памяти г. Волынскій; теперь его уничтожилъ г. Ивановъ. И замѣчательное дѣло: каждый разъ Писаревъ уничтожался до тла, а все еще дѣлъ. Если такъ будетъ продолжаться дальше, мы будемъ свидѣтелями со-

временного чуда: насыщения однимъ Писаревымъ нѣсколькихъ дюймовъ, съ позволенія сказать, титановъ русской критики...

Вы, быть, можете, спросите: зачѣмъ этотъ страстный, запальчивый тонъ въ моихъ словахъ, когда рѣчь идетъ о литературномъ дѣятелѣ прошлаго, которое, во многихъ отношеніяхъ, не только прошло, но и былшемъ поросло? Отвѣчу: я подражаю стилю статьи: „Писаревъ, его сподвижники и враги“, въ январьской книжкѣ „Мира Божьего“ *). Эта статья недѣла, именно, по ея тону. Не рѣшаясь довѣриться впечатлѣнію отъ перваго чтенія, я вновь ее прочелъ передъ тѣмъ, какъ написать эти строки; впечатлѣніе получилось то же: вся статья проникнута какимъ-то страннымъ желаніемъ—не просто подвести итоги культурному значенію дѣятельности Писарева, а непременно зашутить его и „изничтожить“. Авторъ не щадитъ никакихъ презрительныхъ и ругательныхъ выраженій по адресу Писарева и точно смакуетъ ихъ, жалѣя лишь объ одномъ: не жилъ онъ 80 лѣтъ тому назадъ, не то указалъ бы онъ Писареву свое мѣсто,—поубавилъ бы у него „назойливую притязательность новоявленного генія и героя“ (такое выраженіе значится на стр. 227), показалъ бы ему, какъ „воображать себя неотразимой творческой силой только потому, что бумага все терпитъ“ (стр. 221). Только при недостаткѣ словечекъ съ „подковыркою“, авторъ рѣшается пронести ния Писарева; въ противномъ случаѣ онъ предпочитаетъ импловать его: „нашъ герой“, „нашъ искатель свѣта и истины“, „нашъ Прометей“, „новоявленный учитель“, „юный джентльменъ крѣпостническаго воспитанія“ (стр. 235, 234, 229, 250, 236). Выраженія въ родѣ: „самообольщенный резонеръ“ (218), „ученически развитой умъ“ (218), „чисто школьническая способность“ (232),—обычные термины изложенія въ статьѣ г. Иванова. Попадаются въ ней такіе живописныя строки: „отважный разрушитель... дрожить отъ восторга при видѣ поверженныхъ призраковъ“ (243) **). Понадаются такіе каламбуры: „Писаревъ превратился въ точный и покорный отголосокъ Благосвѣтловскихъ взглядовъ. *Освѣта природа критика не исцезла...*“ (232). Говоря о періодѣ, предшествовавшемъ понижескому заболѣванію Писарева, г. Ивановъ разражается себѣ фразою: „Это, можетъ быть, сумасшествіе? Пока нѣтъ,—*придетъ оно...*“ (227), точно это „придетъ оно“ способно внушить ему чувство полемическаго удовольствія. Онъ такъ кипитъ желчью, говоря о Писаревѣ, что не чувствуетъ, что для читателя эта фраза граничитъ съ цинизмомъ. Говоря въ дальнѣйшемъ о самомъ фактѣ заболѣванія,

*) Продолженіе статьи въ февральской и мартовской книжкахъ по тому гораздо приличнѣе. (Номера страницъ безъ обозначенія мѣсяца относятся сюда, въ послѣдующемъ изложеніи, къ январьской книжкѣ).

**) Выраженіе даже чересчуръ живописное, такъ какъ призракъ едва ли можно „повергнуть“ даже и „мечомъ“.

г. Ивановъ категорически отказывается видѣть здѣсь что либо общее съ судьбой гениальныхъ людей, мимоходомъ равняетъ Ломброзо за его „полуанекдотическія и въ сильной степени подтасованныя замѣчанія“ и объявляетъ, что „проче помирится на несомнѣнномъ изъяснѣ въ умственномъ развитіи русскаго публициста“ (230). Отъ этой нити жемчужинъ перейду къ несомнѣнному брильянту, коронному брильянту. Г. Ивановъ говоритъ о дѣтскихъ годахъ Писарева: „будущій разрушитель явился на свѣтъ со всѣми задатками маленькаго балованнаго *паразита*“. Это напечатано русскими буквами на 222-ой страницѣ! Нужно надѣяться, что если не И. И. Ивановъ—журналистъ, написавшій эту удивительную строку, то И. И. Ивановъ—профессоръ Московскаго университета покрасивѣтъ за эту наглую неоправданность азыма. Она тѣмъ удивительнѣе, что авторъ ставитъ въ упрекъ Писареву, что его статьи—„цѣлая сокровищница бранныхъ словъ“ (223). Но вѣдь у Писарева есть нѣкоторое оправданіе: во-первыхъ, онъ принадлежалъ къ категоріи „ученически развитыхъ умовъ“, а во-вторыхъ, онъ велъ войну съ современниками. Ни то, ни другое не приложимо къ данному случаю, а потому указанная странная манера писать исторію остается непостижимой... если не принять за ключъ одно обстоятельство, объясняющее, по г. Иванову, ничтожность литературной дѣятельности Писарева: онъ писалъ до 50 печатныхъ листовъ ежегодно, и ему не оставалось достаточно времени, чтобы учиться и думать (250)... Пишущій эти строки подсчиталъ, сколько написано г. Ивановымъ за 1898-ой годъ въ одномъ только „Мірѣ Божьемъ“. Оказалось 772 страницы, т. е. 48 $\frac{1}{4}$ листовъ. Очевидно, что ему некогда думать надъ тѣмъ, что онъ пишетъ и какъ онъ пишетъ *).

Чѣмъ же вызванъ этотъ ливень „крѣпкихъ словъ и отчаянной живописи“ (термины г. Иванова) по адресу Писарева?

Своей характеристикѣ „молодой Россіи“ шестидесятихъ годовъ (таковъ подзаголовокъ статьи о Писаревѣ) авторъ предпосылаетъ нѣсколько общихъ замѣчаній относительно „временъ глубокихъ преобразовательныхъ теченій“ въ исторіи. Общей чертой ихъ является, по словамъ г. Иванова, „доведенная до послѣднихъ полярныхъ **“ предѣловъ борьба чистой мысли съ нагляд-

*) Нужно замѣтить еще, что за тотъ же годъ г. Ивановъ печатался въ благотворительномъ сборникѣ; у него были, вѣроятно, обязанности по университету и театральному комитету, членомъ котораго онъ (кажется) состоялъ; у него есть, навѣрное, друзья, которымъ онъ даритъ свое время и проч. Между тѣмъ Писаревъ сидѣлъ въ крѣпости; очевидно, что у него было больше времени думать, чѣмъ у г. Иванова.—Повторяя его собственную фразу относительно Писарева,—„не значить ли это уподобляться унтеръ-офицерской вдовѣ?“ (219).

**) Курсивъ г. Иванова.

нымъ фактомъ дѣйствительности" (204). И это не недостатокъ отдѣльныхъ мыслителей; это—свойство общественной мысли извѣстнаго періода. Ибо „всякая новая идея, отрицающая отжившій строй жизни, ...исполнена естественнаго очарованія для всякаго болѣе или менѣе чуткаго ума" (199) и потому „независимо отъ психологич. (отдѣльныхъ) идеалистовъ и одарена способностью неограниченнаго, исполнѣ логическаго развитія" (200). Отдѣльный идеалистъ-разрушитель ненавистной старины, отдѣльный „блестящій и страстный ораторъ" можетъ быть принужденъ замолчать,— авторъ говоритъ, въ качествѣ иллюстраціи, объ эпохѣ реформаціи и „реформаціоннаго нигилизма". „Но что значить приговоръ надъ отдѣльнымъ человѣкомъ? Развѣ существовала сила, способная прервать процессъ мысли независимо отъ того или другаго интуита?" (207).

Такъ какъ при этомъ вы читаете у г. Иванова, что „человѣческая психологія, въ своихъ основныхъ законахъ, всегда и всюду одинакова" и „логическое развитіе какой угодно идеи совершается тождественными путями во всѣ вѣка и у всѣхъ народовъ" (209), то вы склонны ожидать яркой картины того, чѣмъ была „молодая Россія" шестидесятихъ годовъ. Само собой разумеется, что она будетъ поставлена въ историческую перспективу, и „полярность" тогдашняго настроенія общественной мысли получить освѣщеніе съ точки зрѣнія законовъ логики и историческихъ условій, въ которыхъ совершалось тогдашнее общественное строительство въ пустынѣ „ненавистной старины". Ничуть не бывало! Вы услышите болѣе „простое" объясненіе тогдашней „полярности": какъ общественное настроеніе, она—результатъ „культурной первобытности русской публики"; какъ настроеніе отдѣльныхъ умовъ—результатъ малой „вдумчивости", желанія „воспарить на дотолѣ недостигаемую высоту независимой оригинальности" (211) и малыхъ свѣдѣній по исторіи. И это отнюдь не желаніе со стороны г. Иванова воспарить на недостигаемую высоту оригинальности; это—несомнѣнная истина. Пусть „человѣческая психологія всегда и всюду одинакова", но вѣдь должны же, говорить г. Ивановъ, уроки исторіи производить извѣстное дѣйствіе на позднѣйшихъ путниковъ одного и того же культурнаго пути, а „русскій нигилизмъ явился послѣ многочисленныхъ эволюцій европейской мысли въ либеральномъ и радикальномъ направленіи. Опыты въ прошломъ были въ высшей степени краснорѣчивы и внушительны. Они, при самомъ поверхностномъ знакомствѣ, могли бы научить по крайней мѣрѣ одной истинѣ: логическій процессъ отвлеченной мысли никоимъ образомъ не слѣдуетъ отождествлять съ органическимъ процессомъ жизни" (209). Какое счастливое время было 80 лѣтъ назадъ! и въ какое еще болѣе счастливое время живемъ мы! „Самаго поверхностнаго знакомства" съ исторіей для насъ достаточно,

чтобы застраховаться отъ ошибокъ въ общественномъ строительствѣ. Очевидно, напримѣръ, что весь споръ между „народниками“ и „марксистами“ зависитъ отъ недостатка адумчивости. Иначе—рѣшить было бы нетрудно: кто-нибудь изъ нихъ не долженъ схватывать логическій процессъ мысли отъ органическихъ процессовъ жизни, и basta! Понятна теперь и „отчаянная живопись“ г. Иванова: какъ обойтись безъ крѣпкихъ словъ по адресу людей, которые изъ за недостаточна выученнаго урока по всеобщей исторіи испортили русскую исторію, не понявши, что во времена глубокихъ преобразовательныхъ теченій „средній образъ мысли становится золотымъ“ (190 *). А что „Писаревъ и его сподвижники“ испортили русскую исторію, г. Ивановъ доказываетъ со всей обстоятельностью, какая возможна при годичной производительности въ 30 печатныхъ листовъ. „Будущее, по всѣмъ признакамъ **), — говоритъ онъ, принадлежало послѣдователямъ Чернышевскаго и Добролюбова. Въ самомъ дѣлѣ, какая сила могла бы уничтожить то количество здравыхъ понятій и реальныхъ знаній, какое было сообщено публикѣ старшими шестидесятинками? Какой критическій талантъ оказался бы настолько слабымъ и скуднымъ, чтобы поднять съ земли окончательно разбитое чистое искусство, возстановить престижъ мертворожденной, хотя и глубокомысленной учености, обновить безнадежно засохшія лавры на главахъ почтенныхъ, но уже болѣе не почитаемыхъ авторитетовъ?“ (212). Подорвалъ „развитіе и распространіе“ идей Чернышевскаго и Добролюбова—Писаревъ, дѣятельность котораго и была „первостепеннымъ главнѣйшимъ отрицательнымъ явленіемъ“ (251 ***)). По истинѣ, есть отчего въ отчаянье придти! Не будь Писарева, идеи Чернышевскаго и Добролюбова не встрѣтили бы никакой реакціи; чистое искусство было бы вадоромъ; декаденты были бы невозможны ни съ собственнымъ журналомъ, ни безъ журнала, ни у насъ, ни даже (быть можетъ?) на Западѣ.

*) Авторъ, впрочемъ, ничего не имѣетъ и противъ радикализма мысли, въ томъ случаѣ, если будущее оправдаетъ его. Если же не оправдаетъ, такого образа мыслей не слѣдовало придерживаться. Таковы „уроки исторіи“ въ изложеніи г. Иванова. Какъ напѣстно, много ярче они были формулированы въ такомъ смыслѣ Раскольниковымъ въ „Преступленіи и наказаніи“.

**) Эти признаки суть: „въ высшей степени дестная“ оцѣнка Чернышевскаго со стороны „Библиотеки для чтенія“ 1861 г. („въ то самое время когда Катковъ день за днемъ оттачивалъ ядовитѣйшія стрѣлы по адресу Чернышевскаго и его сочувственниковъ“—стр. 211); отношеніе Аполонома Григорьева къ Добролюбову и признаніе Ивана Аксакова победы за идеями и личностью Бѣлинскаго (212). И все. Дальше уже слѣдуетъ: „въ лагерѣ „новыхъ людей“ эти факты могли принять за исчислительные показатели своего торжества. И будущее, по всѣмъ признакамъ...“ и т. д.

***) Хороша предварительная объявленія „независимости процесса мысли отъ того или другого энтузіаста!“

Вотъ каковы были послѣдствія дѣятельности Писарева и „юныхъ шестидесятниковъ“, которые не умѣли руководствоваться тѣмъ, что „исторія не разъ и неопровержимо доказала“, и шли въ разрѣзъ съ „основными органическими законами прогресса“ (218). Впрочемъ, всѣ „молодые шестидесятники“ въ исторіи пребывали на нервыбитой ступени культурнаго пониманія и даже просто фактическаго знанія (218). Какъ видите, приговоръ произносится не надъ Писаревымъ только, а надъ цѣлымъ идейнымъ теченіемъ, „безплодность котораго *можно было предвидѣть съ самаго начала*“, такъ какъ „ни одно умственное направленіе въ 19 вѣкѣ не начиналось столь легкомысленно и слѣпо въ противорѣчіи со всѣми ранними и ближайшими указаніями европейскаго и русскаго просвѣщенія“ (210). „Оно шумно и бурно ворвалось въ русскую жизнь и неожиданно быстро разлетѣлось въ мелкія брызги, оставивъ у большинства современниковъ и у потомства впечатлѣніе какого-то случайно налетѣвшаго вихря, столь же порывистаго, сколько и безплоднаго въ вѣковой положительной культурной работѣ русскаго народа и общества“ (210). Въ голосѣ г. Иванова сдерживаемый сарказмъ. „Мы не станемъ, говорить онъ, укорять юныхъ русскихъ преобразователей въ непониманіи историческаго смысла хотя бы новѣйшихъ европейскихъ событій... Для этой задачи требовалась, можетъ быть, слишкомъ продолжительная *одумчивость*, неодолимая для очень юныхъ бойцовъ за совершенно новое будущее своего отечества“ (210). Отказываясь по безполезности „приставать къ нимъ съ запросами“, авторъ не можетъ отдѣлаться отъ пріятнаго чувства, что „Писаревъ и его единомышленники доставили торжество не себѣ, а старой, жестоко-проищеской истинѣ: не спросившись броду, не суйся въ воду“. Въ данномъ случаѣ, объясняетъ онъ, это значитъ: *не одумавшись въ историческій, цѣлесообразный смыслъ логическаго процесса, не слѣдуетъ отдаваться слѣпо и безраздѣльно абстракціямъ, не смѣшивать *) безотчетной игры чистаго ума съ органической жизнью дѣйствительности, не воображать себя неотразимой творческой силой только потому, что бумага все терпитъ и „въ теоріи все такъ просто и ясно“* (221).

Итакъ все умственное движеніе „молодой Россіи“ 60-хъ годовъ обусловлено непосильностью для тогдашнихъ дѣятелей вдумчиваго отношенія къ основнымъ органическимъ законамъ прогресса, и потому безплодность его г. Ивановъ могъ предвидѣть съ самаго начала. — Какъ извѣстно, дыганы-гадалки

*) Такъ, какъ она написана, фраза не удовлетворяетъ цѣлесообразнымъ требованіямъ синтаксиса; если же предположить пропуски: „не (слѣдуетъ) смѣшивать и проч.“, получается каламбуръ: выходитъ, что смѣшивать игру ума съ органической жизнью дѣйствительности можно, только вдумавшись въ смыслъ историческаго процесса. Правъ г. Ивановъ: хорошо писать „до пятидесяти печатныхъ листовъ“ въ годъ.

охотно предсказываютъ только будущее и не любятъ возвѣщать того, что уже было; въ литературѣ какъ разъ наоборотъ: есть тѣмъ охотниковъ „предсказывать“ то, что было десятки лѣтъ тому назадъ, и что уже напечатано въ учебникахъ г. Иловайскаго. Г. Ивановъ заявляетъ, повидимому, претензію быть такимъ же кудесникомъ, особымъ любимцемъ все вѣдающихъ боговъ. Не было ли бы полезнѣе предсказать намъ будущее, хотя бы лѣтъ на 5—10?

Безплодность и „фантастичность“ движенія 60-хъ годовъ... Я совсѣмъ не имѣю въ виду проводить параллели между нимъ и французскими акціями и реакціями, какъ это дѣлаетъ вскользь г. Ивановъ. Думаю, что и ему было бы удобнѣе воздержаться отъ такихъ вещей, для которыхъ еще не наступила оффиціально-историческая пора. Выругаться при такихъ условіяхъ—вещь нетрудная, не требующая ни особаго такта, ни „слишкомъ продолжительной вдумчивости“, но объяснить, сдѣлать понятной историческое явленіе, историческую ошибку—совершенно невозможно...

Допустимъ, что г. Ивановъ правъ, какъ папа; допустимъ, что 60-е годы не были освободительными въ исторіи русской мысли; допустимъ, что это были годы сплошныхъ ошибокъ. Но вѣдь „ложныя теоріи и неправильныя ученія составляютъ условія прогресса знанія“. Таковъ, по словамъ европейскаго ученаго (Маудсли), отрицательный, но несомнѣнно „органическій“ законъ прогресса человѣческаго знанія. Повидимому, намъ остается только радоваться, что этотъ неизбежный (съ эволюціонной точки зрѣнія) періодъ „ложныхъ теорій“ прошелъ (если только прошелъ), и не намъ пришлось примирять научный детерминизмъ съ необходимостью активно участвовать въ дѣятельности, окрашенной вчерашнимъ крѣпостнымъ правомъ; не намъ пришлось въ ней раздѣлять здоровое и больное, подлежащее устраненію; и не намъ пришлось служить для будущихъ поколѣній вѣхами, разставленными на дорогѣ къ истинѣ, черезъ болото „условій прогресса знанія“... Гдѣ же право дать этой тяжелой страницѣ русской исторіи вѣдливое заглавіе: „Не зная броду, не суйся въ воду“? Правда, Писаревъ и его „сподвижники“ не понимали „основныхъ органическихъ законовъ прогресса“... не вдумались, по неспособности, въ судьбы русскаго просвѣщенія... не предвидѣли реакціи... Но спрашивается, гдѣ и когда открыты такіе законы прогресса, помимо отмѣченныхъ Маудсли? Кто открылъ такіе положительные законы, одно несоблюденіе которыхъ дѣлаетъ „искателя свѣта и истины“ смѣшнымъ и ничтожнымъ? Левъ Толстой и помнитъ вотъ не хочетъ признать, что онъ зависитъ отъ времени, а не время зависитъ отъ него и отъ всѣхъ созданныхъ по образу и подобию Божію. Положимъ, онъ не въ счетъ; при достаточной рѣшительности и онъ можетъ быть отнесенъ къ категоріи „ученически развитыхъ умовъ“, находящихся на сту-

нени „первобытнаго пониманія исторiи“. Но вотъ два великана европейской мысли: Марксъ и Спенсеръ, и тѣмъ не менѣе второй не захотѣлъ читать присланную ему книгу первого, до такой степени расходятся они во взглядахъ на „основные органическіе законы“. Гдѣ же мѣра, по которой безошибочно опредѣляются эти законы, недоступны для глумленія со стороны желающихъ? Если этотъ пренебрежительный упрекъ цѣлому поколѣнію „искателей свѣта и истины“ не результатъ высокомерія спеціалиста, не результатъ недосмотра, не результатъ того, что автору некогда было думать,—съ его стороны, по меньшей мѣрѣ, жестоко открыть намъ политическую роль театра во Франціи 18-го столѣтія, а эти законы держать въ секретѣ... Какой бы рай насталъ на землѣ! На западѣ не было бы ни бѣлыхъ, ни красныхъ анархистовъ; у насъ не было бы ни марксистовъ, ни народниковъ, ни толстовцевъ; не было бы никакой идейной борьбы, и во всемъ свѣтѣ были бы одни благодарные читатели И. И. Иванова, успѣвшіе позабыть самыя слова: мука отъѣтственности за свою роль въ человѣческомъ муравейникѣ... Пока же этой муки не занимать стать, ибо ненавѣстны они никому—непреложные законы исторiи. Пишущему эти строки пришлось 14 лѣтъ тому назадъ быть свидѣтелемъ изъ дня въ день нравственной агоніи человѣка только въ силу того, что онъ не могъ распознать, гдѣ они—эти основные органическіе законы прогресса. Только вынужденный адъ принесть косвенный и усмолительный отвѣтъ. Это, конечно, старая исторiя...

Doch bleibt sie immer neu,

и это одно обязывало г. Иванова къ извѣстной сдержанности и приличному тону рѣчи.

Правда, г. Ивановъ настаиваетъ на томъ, что Писаревъ „беззаботно и весело“ проходилъ свой недолгій путь (это не помѣшало ему надорвать своей силой работой, по свидѣтельству Шелгунова. „Изъ прошлаго и настоящаго“). Но вѣдь все, что относится къ Писареву, относится ко всѣмъ его „едномышленникамъ“; всѣхъ ихъ г. Ивановъ даритъ своимъ презрѣніемъ. А среди нихъ, навѣрное, было много далекихъ и отъ веселья и отъ беззаботности. Доказательства—въ „Нови“, куда дѣлаетъ полемическую экскурсію г. Ивановъ... Правильно и вѣрно захватилъ онъ, что „бумага все терпитъ“ и что „въ теоріи все такъ ясно и просто“. И какъ же ему легко и беззаботно пишется! „Счастливый писатель“!

Естественно, что можно сказать объ идейномъ выразителѣ такого движенія, которое сполна объясняется невмученнымъ „урокомъ исторiи“. Ничтожество. Это и не удивительно: въ университетѣ Писаревъ ничему не научился, а выступилъ на литературное поприще совершенно свободнымъ отъ умственного

багажа; вся послѣдующая его дѣятельность заключалась лишь въ перепѣвахъ съ чужого голоса чужихъ мотивовъ. Вы вправе ожидать, что г. Ивановъ свой рѣшительный приговоръ вынесъ на основаніи изученія документовъ: наприимѣрь, говоря объ умственной жизни Писарева—студента, онъ, конечно, разобралъ въ качествѣ весьма важнаго документа кандидатскую диссертацию Писарева *); тѣмъ больше, что она написана на характерную тему: „Агонія древняго римскаго общества въ его политическомъ, нравственномъ и религиозномъ состояніи“. Ничуть не бывало. Г. Ивановъ ни единымъ словомъ не обмолвился о самомъ существованіи этой работы.

Какимъ образомъ нулевой Писаревъ превратился въ „Писарева-героя“, объ этомъ г. Ивановъ рассказываетъ разное, въ зависимости отъ номера страницы. На стр. 220 сказано: „Базаровъ явился истиннымъ Магомедомъ нигилистическаго Алаха и снабдилъ Писарева самыми эффектными рисунками новыхъ словъ и „реалистическихъ“ взглядовъ... Писаревъ будто прозрѣлъ, ознаменовавшись съ романомъ Тургенева, и можно безотыточно сказать, — важнѣйшіе психологическіе и нравственно-общественные опыты воинственнаго публициста были почерпнуты какъ разъ въ беллетристическомъ произведеніи, а вовсе не въ исторіи и не въ естествознаніи“. На стр. 230 сказано: „Писаревъ создавъ или, по крайней мѣрѣ, перерожденъ, — редакторомъ *Русскаго Слова*, имъ направленъ и богато снабженъ самымъ эффективнымъ и многостороннимъ оружіемъ разрушенія... Именно его (Благосвѣтлова) слѣдуетъ признать вдохновителемъ и первоисточникомъ нигилизма, насколько это направленіе выражалось въ публицистикѣ шестидесятихъ годовъ“. На промежуточныхъ страницахъ статьи г. Иванова средняго образа мыслей не указывается, и читатель самъ долженъ разобраться, что именно „безошибочно“. Точно также онъ долженъ самъ выяснитъ вопросъ объ обстоятельствахъ прозрѣнія слѣпота Писарева при встрѣчѣ съ Магомедомъ-Базаровымъ; почему онъ, прозрѣвши, съ Магомедомъ не согласился и во многомъ отнесся къ нему отрицательно (напр., въ вопросѣ о законности и необходимости эстетическаго наслажденія) въ своей статьѣ „Базаровъ“, и только позднѣйшіе „Реалисты“ представляютъ, по словамъ г. Иванова, „ничто (не что) иное, какъ стремительное развитіе идей и психологій Базарова“ (242). По предположенію г. Иванова, объясненіе „можетъ быть одно“ только—вліяніе Благосвѣтлова. Онъ разъяснилъ Писареву несовмѣстимость принципа наслажденія съ обязанностями, „преобразователя существующаго привсѣннаго и общественнаго строя“ (240). Повидимому, Базарова слѣдуетъ считать Магоме-

*) Хотя бы потому, что существуетъ мнѣніе (Шелгуновъ), что уже эта диссертация напѣтила, „куда и какъ пойдеть Писаревъ“.

томъ только на 220 страницъ; дѣйствительнымъ же Магометомъ является одинъ Благосвѣтловъ. Тѣмъ лучше. Это позволяетъ намъ понять фактъ, что вопросъ о направленіи Писарева былъ „безповоротно“ рѣшенъ, какъ только судьба столкнула его съ Благосвѣтловымъ — „личностью безусловно сильной и авторитетной“ (230). Точно также мы легко поймемъ, какъ могъ Писаревъ, благодаря своей „овечьей психологій“, превратиться въ „точный и покорный отголосокъ Благосвѣтловскихъ взглядовъ“ (232). Кромѣ овечьей психологій, это послѣднее обстоятельство доказывается еще тѣмъ, что послѣ разрыва съ Благосвѣтловымъ, когда Писаревъ вернулся въ первобытное состояніе, у него исчезла и сила слова и смѣлость мысли (232). Но это только до 249 страницъ. На этой страницѣ утверждается нѣчто иное: здѣсь говорится, что самый разрывъ послѣдовалъ „безъ особенныхъ сожалѣній“, потому что Благосвѣтловъ „постигъ упадокъ“ Писарева (послѣ освобожденія изъ крѣпости). То же самое подтверждается на стр. 188 мартовской книжки: здѣсь говорится, что Писаревъ (и Зайцевъ) успѣлъ „истощить всѣ свои идеи еще до разлада съ Благосвѣтловымъ“. Читателю предстоитъ еще одинъ серьезный трудъ: разрѣшить—былъ ли Писаревъ въ своихъ противорѣчивыхъ взглядахъ на Базарова точнымъ и покорнымъ отголоскомъ такихъ же противорѣчивыхъ взглядовъ Благосвѣтлова? При утвердительномъ отвѣтѣ, читателю приходится искать, чѣмъ отголоскомъ былъ самъ Благосвѣтловъ, ибо для подобной переѣмъ отношенія „объясненіе можетъ быть одно“—чужое влияние; при отрицательномъ отвѣтѣ, приходится разногласіе Писарева укладывать въ рамки подчиненія его овечьей психологій „воли и уму“ Благосвѣтлова „съ первой встрѣчи“ (231).

Къ этому вынуждену остается присоединить еще неожиданное замѣчаніе г. Иванова въ февральской книжкѣ „Міра Вожьго“ о томъ, что въ Базаровѣ Писаревъ „узналъ себя“ (стр. 225 *). Трудно не согласиться въ этомъ отношеніи съ почтеннымъ авторомъ, именующимъ Писарева „легкомысленнымъ“ (библіографомъ).

Цѣну литературной дѣятельности Писарева г. Ивановъ опредѣляетъ въ слѣдующихъ словахъ: „Онъ зналъ очень мало, думалъ крайне поверхностно, составлялъ заключенія съ высшей степени опрометчиво, и вся культурная первобытность русской публики какъ нельзя яснѣе обнаружилась именно въ успѣхахъ Писаревской литературной дѣятельности“ (251)... На сценѣ, конечно, увлеченіе естествознаніемъ, отрицаніе художественнаго творчества и—еще болѣе конечно—Пастеръ и теорія самозарожденія. (И не надобно вѣдь!)

Какой смыслъ имѣло общественное увлеченіе естествознаніемъ въ 60-е годы; отвѣчало ли оно какой нибудь дѣйствитель-

* Г. Ивановъ подчеркиваетъ эти слова.

ной потребности русскаго общества, — объ этомъ изъ статьи г. Иванова мы ничего не узнаемъ. За то мы узнаемъ, что онъ не вѣритъ въ демократичность естественныхъ наукъ, положительно не вѣритъ. Онъ говоритъ: „мы желали бы болѣе ясныхъ доказательствъ, а именно указаній, какимъ путемъ будетъ облагодѣтельствованъ народъ, если вся молодежь примется за микроскопы и лягушекъ. Базаровъ очень усердно возится съ этими предметами, но мы что-то не замѣчаемъ въ немъ особенной заботливости объ обновленіи народа. Напротивъ, онъ такъ же плохо говоритъ съ народомъ, какъ и господа Кирсановъ и, несмотря на солидные медицинскіе и естественно-научныя познанія, совершенно проваливается въ мнѣніи мужиковъ“ (242). Какъ жалко, что почтенный авторъ не отмѣтилъ по сполучности, что онъ не вѣритъ также въ чертей и домовыхъ, и почему именно не вѣритъ. Для современнаго читателя это было бы не менѣе поучительно, чѣмъ подрываніе вѣры въ спасительность лягушки... Въ своемъ увлеченіи авторъ, повидимому, не замѣчаетъ, что онъ поразилъ базаровское естествознаніе такимъ оружіемъ, противъ котораго не устоитъ никакая наука. Естествознаніе не научаетъ говорить съ народомъ и не гарантируетъ отъ провала во мнѣніи мужиковъ. Но, увы, какая наука научаетъ говорить съ мужикомъ? Исторія?

Читающая Россія дѣлится на лагери по отношенію къ историко-экономической доктринѣ, — г. Ивановъ съ силой адской высмѣиваетъ вѣру въ лягушекъ, вся грамотная Россія готовится праздновать столѣтіе со дня рожденія Пушкина, — г. Ивановъ съ такой же силой громить писаревское „разрушеніе эстетики“. „Мы отказываемся, между прочимъ заявляетъ онъ, оцѣнить по достоинству процессъ мысли, не усмотрѣвшій глубины и честности, хотя бы некрасовскаго уровня, въ образѣ маркиза Позы. Мы не въ состояніи представить критика съ логическими способностями мышленія, готового приступить къ поэзіи Некрасова съ историческими и публицистическими запросами и не усмотрѣвшаго тѣхъ же темъ въ комедіяхъ Мольера“ (220). Читатель долженъ волей неволей согласиться. Въ самомъ дѣлѣ, какъ оцѣнить достаточно процессъ мысли, который самъ усматриваетъ и не усматриваетъ, когда обыкновенно эта обязанность исполняется мыслящимъ субъектомъ? какъ допустить, что у критиковъ самыя способности мышленія раздѣляются на логическія и нелогическія, съ отписаніемъ первыхъ въ вѣдѣніе логики, а вторыхъ — въ вѣдѣніе психологій? Но читатель не можетъ согласиться, что признать поэзію Некрасова и отрицать современное значеніе Шиллера и Мольера можно только при отсутствіи способности логично мыслить. Стоитъ только потребовать отъ писателя, чтобы онъ зналъ и понималъ все, что въ данную минуту интересуетъ самыхъ лучшихъ людей и это отрицаніе — совершенно логичный вы-

воду. Некрасовъ близокъ къ данной минутѣ, и его поэзія можетъ играть роль военной музыки въ бою; Мольеръ—нѣтъ. Это—сужденіе воспитательнаго значенія художественной литературы, но это не бессмыслица. Борьба Писарева съ эстетикой—безспорное превеличеніе (павѣстная доля истинны во враждебномъ настроеніи Писарева есть, конечно: кому не навѣство, наприимѣръ, что образъ „меньшаго брата“, вызывающій нѣжную любовь, когда онъ изображенъ въ книгѣ или на сценѣ съ пропускомъ сквернословія, отрывки и прочаго, для многихъ противенъ при личномъ столкновеніи въ его грязной избѣ, во всемъ его неприглядномъ обиходѣ? А сколько эстетическихъ доводовъ приводилось противъ женскаго образованія?), но не недѣльность. Чтобы сдѣлать эти ошибки легкими, нѣтъ никакой необходимости завѣдомо искажать смыслъ того, что отстаивалъ Писаревъ. Во всякомъ случаѣ, это не добродѣтель историка. Да и для чего это нужно? кому это нужно?

Но, говорить, конецъ всему дѣлу вѣнецъ. Такимъ вѣнцомъ въ статьѣ г. Иванова является объясненіе, почему Писаревъ такъ горячо защищалъ самозарожденіе жизни, открытое Пуше. Какъ уже упоминалось, благодаря своей овецъей психологій Писаревъ отдавался всецѣло вліянію авторитетовъ. На стр. 282-ой отмѣчены два такихъ авторитета: Благовѣтловъ и... Пуше. Такъ говоритъ г. Ивановъ: „Выходка противъ Пастера засвидѣтельствовала чисто-школьническую способность—отдаваться сильно и безраздѣльно именно *авторитету*“ (курсивъ г. Иванова), почему-либо произведшему сильное, увлекательное впечатлѣніе. Почему Писаревъ всталъ горой за ученіе Пуше о произвольномъ зарожденіи и что ему внушило величественныя софизмы надъ Пастеромъ? Критическое изслѣдованіе предмета? О немъ не могло быть и рѣчи. Проверка свѣдѣній и сообщеній сторонъ? Въ ней, какъ видно изъ тона статьи, Писаревъ совершенно не нуждался. Вопросъ былъ предрѣшенъ—*только потому что Пуше признаетъ непогрѣшимымъ авторитетомъ*“ (282). Но вѣдь это пустяки, и что это пустяки—не можетъ не быть ясно для всякаго. Появленіе живой природы на землѣ представляетъ донинѣ „примитивный вопросъ“ естествознанія. Для Писарева тѣмъ паче: личность этой загадки разрушала всю стройность и цѣльность его механическаго міропониманія, мѣшая связать въ тожествомъ по своей природѣ біологическую жизнь и физическое существованіе.—

...въ полѣ каждую былинку
И въ небѣ каждую звѣзду...

И вдругъ никакого таинства природы нѣтъ: живую матерію можно „создать“ въ лабораторіи. По истинѣ: я—червь, я—Богъ... Не можетъ быть никакого сомнѣнія, гдѣ *заочетъ* увидѣть правду Писаревъ. Ошибка не перестанетъ быть ошибкой, но она

совершенно понятна, помимо „овечьей психологiи“ и „авторитета“ Пуше.

Вновь возникаетъ вопросъ, зачѣмъ нужно г. Иванову заставить Писарева лопотать ненужный вадоръ? Это непонятно даже при 50 листахъ въ годъ. Неужели только такими средствами можно „молодую Россiю“ шестидесятихъ годовъ привести къ „подлинному историческому уровню“, какъ общалъ г. Ивановъ, поясняя, что это „задача нехитрая“ (204)?

Послѣ всего сказаннаго, само собой разумѣется, что въ статьѣ г. Иванова вы не рискуете встрѣтиться съ писателемъ, о которомъ съ такой теплотой и уваженiемъ отзывался Н. В. Шелгуновъ. Ни одна строчка не обнаружитъ вамъ, что рѣчь идетъ про Писарева—„этого изумительно хорошаго и правдиваго человѣка, память о которомъ для всѣхъ, кто его зналъ и читалъ, такъ же свѣтла и ясна, какъ была ясна и свѣтла его дѣйствительно чистая душа“. Ни одна строчка не напомнитъ вамъ „глубокаго эгоиста“, который полагалъ, что есть только одна цѣль для всего нашего мышленiя, для всей нашей дѣятельности: „разрѣшить навсегда неизбежный вопросъ о голодныхъ и раздѣтыхъ людяхъ“, который полагалъ, что въ этой задачѣ „нѣтъ ничего, о чемъ бы стоило заботиться“, хлопотать и даже *размышлять*. Вся статья г. Иванова сплошной протоколъ о превратныхъ толкованiяхъ, распространившихся въ шестидесятые годы „нигилистомъ“ Писаревымъ, а не историческая характеристика писателя, съ которымъ васъ связываетъ юность, умѣвшая соединить „фанатическую“ преданность идеѣ универсальнаго эгоизма съ жаждою жертвы собой...

„Самихъ себя для насъ не существовало“, говоритъ писатель о томъ времени. Только этою цѣною казалось возможнымъ заполнить ту пропасть, которая отдѣляла насъ, „попавшихъ на умственные верхи“, отъ „голодныхъ и раздутыхъ“. И намъ, тогдашнимъ юнцамъ, казалось совершенно понятнымъ то, что кажется непонятнымъ и даже нелѣпнымъ московскому профессору,—какъ могъ Писаревъ, начавши съ проповѣди о правѣ всѣхъ на личное счастье и наслажденiе, кончить возвѣщенiемъ монашескаго устава материалистскаго исповѣданiя, который требовалъ отъ „обутыхъ“ самоотреченiя: все ихъ счастье должно заключаться лишь въ томъ, что они были плюсомъ для „необутыхъ“. Слишкомъ ужъ много нужно было одѣвать, слишкомъ ужъ много было получено отъ „вчерашнихъ рабовъ“ и слишкомъ мало заплачено, чтобы можно было думать о чемъ либо иномъ, кромѣ уплаты долга. Можно, конечно, считать это социальное наложенiе веригъ непрактичнымъ; можно считать исторически-наивнымъ фактъ, что „всѣмъ вѣрилось, что наступило время водворенiя правды на землѣ и

безповоротнаго новаго времени, когда не будетъ больше ни обниженныхъ, ни угнетенныхъ, ни бѣдныхъ, ни несчастныхъ“; можно заднимъ числомъ „предвидѣть“, что и эта вѣра и обусловленное ею подвижничество испарится въ историческій туманъ, какъ только исчезнетъ „первобытная культурность русской публики“; можно, наконецъ, скорбѣть о погибшихъ силахъ; но чтобы глумиться надъ этимъ настроеніемъ и его ошибками, нужны особыя душевныя качества. Этими качествами г. Ивановъ, повидимому, обладаетъ. Для него въ эволюціи идей Писарева нѣтъ никакой „исторіи души“; онъ отказывается „схватить доминирующую ноту въ его нравственномъ мірѣ и приурочить его умственное развитіе къ какому-либо логическому плану“ (222). Если и есть извѣстный смыслъ, то вѣдь „бываетъ и сумасшествіе методическое и съ извѣстной точки зрѣнія весьма послѣдовательное“ (222).

Изложивъ біографію Писарева, начиная съ того, что въ немъ *не могли* (!) не сказаться, *по наслѣдственности*, черты характера его предковъ, представителей „дворянской захолустной усадьбы со всѣми прелестями крѣпостнаго барскаго тунеядства, обывательскаго помѣщичьяго прозябанія и мелко-помѣщичьяго помѣщичьяго гонора“ (222) *), онъ заканчиваетъ выводомъ, что „по самому существу нравственной природы Писарева у него не могло быть эволюціи идей, а только рядъ моментальныхъ вдохновеній. И онъ, *несомнѣнно*, считалъ бы недостойнымъ себя медленными трудомъ и сложными умственными процессомъ завоевывать истину“ (235). Вотъ гдѣ, по г. Иванову, ключъ къ противорѣчіямъ Писарева! И это говорится о человѣкѣ, вся жизнь котораго заключалась въ томъ, что онъ „напряженно думалъ“, да еще при такой обстановкѣ, когда другого нечего и дѣлать! „У Писарева не было личной жизни и въ обыденномъ, и въ необыденномъ смыслѣ; сначала онъ къ чему-то готовился, потомъ напряженно думалъ... Четыре года заключенія были для Писарева временемъ самой производительной умственной дѣятельности, временемъ, когда онъ написалъ свои лучшія статьи, но за то и временемъ такого усиленно-возбужденнаго нервного состоянія, котораго бы не выдержалъ и чуждый организмъ. Сосредоточенная сила создала изумительные результаты, но за то и сѣла сама себя, какъ сѣдаетъ лампа масло. За крайнее возбужденнымъ состояніемъ послѣдовало такое-же угнетеніе, и Писаревъ вышелъ на свободу уже не тѣмъ, чѣмъ онъ былъ даже на-

*) „Не могли“ не сказаться! Этотъ доводъ положительно несравнимъ. Онъ не можетъ затеряться даже среди остальныхъ блестящихъ пріемовъ г. Иванова, помощью которыхъ онъ устанавливаетъ „съ безошибочностью“ свои положенія. Къ сожалѣнію, не указывается, примѣнимо-ли то же самое соображеніе ко всѣмъ русскимъ писателямъ, выросшимъ на почвѣ „крѣпостнаго барскаго тунеядства“ и прочихъ „прелестей“... Неужели г. Иванову не стыдно своей статьи?

канунѣ. Ему слѣдовало бы уѣхать куда-нибудь, ну хоть за-границу года на два, чтобы отдохнуть и собраться съ силами, но этого не случилось и эта замѣчательная сила погибла, не сказавъ послѣдняго слова" (Шелгуновъ. Изъ прош. и наст., XVIII). Какъ мы уже видѣли, г. Ивановъ не прошелъ мимо этого упадка Писарева, но онъ его объясняетъ „проще“: разрывъ съ Благо-свѣтловымъ лишилъ Писарева животворящаго духа. Въ подтвержденіе цитируется фраза изъ письма Благосвѣтлова о томъ, что Писаревъ „умеръ“ раньше, чѣмъ утонулъ, но при этомъ благо-разумно опускается предшествующая фраза: „Писаревъ утонулъ... Великая потеря, если бы Писаревъ сдѣлался прежнимъ Писаревымъ; но если нѣтъ,—то слава Богу“. (Шелгуновъ. Изъ прош. и наст., XVIII). По—истинѣ, „историческіе“ приемы писать исторію!

Въ чемъ заключается историческо-культурное значеніе Писарева? Вотъ что говорить современникъ Шелгуновъ.

Писаревъ и „Русское Слово“ говоритъ онъ, создались въ такое время, когда острый моментъ всѣхъ вопросовъ предреформенной поры уже миновалъ. „Освобожденіе крестьянъ—худо или хорошо—теперь уже свершилось, а остальные реформы, послѣдовавшія за освобожденіемъ, конечно, не могли заполнить всей журналистики или составить ея исключительный интересъ. О судебной реформѣ, о земствѣ было достаточно двухъ-трехъ статей... А между тѣмъ освобожденіе и новый судъ, а потомъ и земскія учрежденія открывали очень широкій просторъ для новыхъ вопросовъ и идей, непосредственно съ ними связанныхъ, и какъ-бы на время заслоненныхъ такимъ грандіознымъ дѣломъ, какъ освобожденіе. Этими новыми очередными вопросамъ было выясненіе личности, ея положенія, ея развитія, ея общественнаго значенія, содержанія и отношенія къ обществу и общему прогрессу“ (Изъ прош. и наст., XIX). На этотъ очередной вопросъ и отвѣчала дѣятельность Писарева; съ этой точки зрѣнія и должна оцѣниваться литературная дѣятельность Писарева, или вѣрнѣе—его автобіографія, его мышленіе вслухъ. „Къ Писареву, говоритъ Шелгуновъ, совсѣмъ неприхитнымъ обыкновеннымъ приемъ оцѣнки писателей. Всѣ его идеи какъ-бы концентрируются на его собственной личности, на его внутреннихъ силахъ; это не ученый, оставляющій какое нибудь открытіе, не мыслитель, создающій руководящую систему; Писаревъ не сдѣлалъ никакого открытія и не создалъ никакой системы. Во всемъ, что онъ писалъ, вы чувствуете на первомъ планѣ его собственную личность, съ обучающими ее вопросамъ, съ открыто-происходящей внутри ея работой, заключающейся не столько въ указаніи того, что нужно для правильнаго вывода, сколько въ отрицаніи того, что ему мѣшаетъ... И Писаревъ во всѣхъ своихъ статьяхъ роется на всякіе лады въ своей душѣ и въ душѣ читателя, возбуждая его на

подобную работу... Онъ и своихъ мыслей и заключеній не считалъ ни безошибочными, ни обязательными. Отрицая умственный деспотизмъ и требуя не того, чтобы съ нимъ соглашались, Писаревъ хотѣлъ, чтобы каждый думалъ самостоятельно и самъ, безъ частныхъ указаній, устраивалъ свою жизнь на общихъ началахъ правды, добра, любви и справедливости.—Въ этомъ только, а „не въ умственномъ наслѣдїи, которое онъ оставилъ“, заключается значеніе Писарева.

Но Шелгуновъ—„сподвижникъ“, его одѣика можетъ быть увеличенной... Мнѣ вспоминается мое поколѣніе—въ половинѣ восьмидесятыхъ годовъ. Еще мальчикомъ я узналъ о существованіи на свѣтѣ Писарева изъ подареннаго мнѣ школьнымъ товарищемъ романа... „Хочу быть русскою“ князя Мещерскаго. Изъ всего романа у меня въ памяти ярко сохранилась одна подробность: герои-нигилисты (по роману вся Россія кишѣла ими: праведниковъ оставалось ровно столько, чтобы было кому читать романы кн. Мещерскаго) дѣлають критерій умственного развитія изъ положенія: „почему Добролюбовъ выше Бѣлинскаго, а Писаревъ выше Добролюбова?..“ Когда мнѣ впоследствии пришлось познакомиться съ „Мефистофелемъ русской критики“—по не совсѣмъ удачному опредѣленію одного журнала—непосредственно, ни я, ни сверстники мои, съ которыми прошла моя юность, отнюдь не были персонажами изъ романа кн. Мещерскаго, и тѣмъ не менѣе Писаревъ производилъ неотразимое впечатлѣніе. Мы жерали зимними ночами у театральной кассы, чтобы заручиться билетомъ (по средствамъ) въ оперу или на спектакль съ участіемъ Стрепетовой,—и читали „разрушителя эстетики“; въ сферѣ знанія мы отдавали предпочтеніе (хотя считалось необходимымъ и естествознаніе) политической экономіи, изученію судебъ русскаго капитализма и русской общины, — и тѣмъ не менѣе съ увлеченіемъ читали автора, который политическую экономію относилъ, помнится, къ разряду безполезныхъ „палисандровыхъ дощечекъ“; мы читали Щедрина,—и читали Писарева; больше: среди насъ были и такіе, которые раздѣляли всю литературу на „Шекспира“ и „остальное“, подобнымъ же образомъ выдѣляя изъ русской литературы Пушкина,—и все же Писаревъ оставался Писаревымъ. Ибо никто не поднималъ самый тонъ нашей внутренней жизни такъ, какъ онъ; никто не вселялъ такой бодрости; никто не отрѣзывалъ такъ путь ко всякой сдѣлкѣ съ голосомъ совѣсти и мысли; никто не дѣлалъ насъ—и только насъ самихъ—отвѣственными за себя и за свое общественное будущее. И рутина, и всякая трусость мысли, при чтеніи его, были не только вредны, но и просто смѣшны. Казалось (увы! только казалось), что пройти всю жизнь по прямой линіи, въ направленіи „царства Божія“ (въ утилитаріанскомъ, конечно, пониманіи), не только можно, но и нельзя иначе... Припоминается мнѣ,

впрочемъ, и „вредное“ вліяніе Писарева; припоминается южанинъ-студентъ съ прекраснымъ голосомъ, который долго не соглашался учиться пѣть (онъ былъ изъ очень состоятельной семьи), говоря, что онъ „не имѣетъ права“ тратить на это свое время. „Человѣческое“ вѣзало, конечно, свое и въ концѣ-концовъ онъ сталъ учиться; но едва-ли онъ вспоминаетъ съ горечью то время, когда онъ считалъ себя „не имѣющимъ права“.

А вотъ и 90-ые годы.—Мнѣ передали фотографическій портретъ Писарева. На обратной сторонѣ стихотвореніе, посвященное „памяти Д. И. Писарева“. Стихи, конечно, не блещутъ изяществомъ формы; не въ этомъ и дѣло; молодой авторъ, какъ умѣлъ, выразилъ, что это его любимый авторъ, и что лучшаго подарка (портретъ—студенческий именнинный подарокъ) онъ сдѣлать не можетъ. Вотъ нѣсколько строкъ:

Ты такъ вѣрилъ, что настанутъ
Годы золотые,
И утѣшатъ Русь родную
Силы молодыя!

Мы запыты твои помнимъ...

Мы утѣшимъ Русь родную,
Облегчимъ ей муки,
Принесемъ народу правду,
Волю, свѣтъ науки.

Спи-жь спокойно, соколъ ясный!
Сколько жить мы будемъ,
Твой столь чудный и прекрасный
Образъ не забудемъ.

Внизу дата: 1891 годъ. (Авторъ этого стихотворенія, закончивъ высшее образованіе, избралъ своею дѣятельностью распространеніе сельскохозяйственныхъ знаній среди народа).

Вотъ почему 15—17 лѣтъ тому назадъ мы завидовали тѣмъ изъ сверстниковъ, которые могли затратить 40—50 руб. на пріобрѣтеніе сочиненій Писарева, а нынѣ, уже издавшіе виды и достаточно перевѣдавшіеся съ житейской мудростью, не можемъ не чувствовать горячаго оскорбленія за прекрасный образъ писателя, въ которомъ намъ свѣтится наша юность и правда этой юности.

Чѣмъ же объясняется отсутствіе этого Писарева въ статьѣ г. Ивакова? Очень просто. Онъ объясняетъ, что все, что было хорошаго въ статьяхъ Писарева, было не ново, поэтому и опущено. „Призывъ къ личной самостоятельности, чувству личнаго достоинства, къ неустанному умственному развитію, это очень цѣнный голосъ... но этотъ голосъ только отголосокъ рѣчей, звучавшихъ до Писарева и имъ застигнутыхъ въ полномъ разгарѣ“ (250). Даже допуская, что Писаревъ „сообщилъ отголоску много

привлекательности, свѣжести и энергіи, благодаря необыкновенно ясному, простому и подчасъ очень живому литературному слову" (250), авторъ находитъ, что это не мѣняетъ дѣла и ни къ чему „историка“ Писарева, его сподвижниковъ и враговъ не обязываетъ (даже воздержаться отъ ругательствъ). Выводъ бесспорно самобытный, и рецептъ бесспорно заслуживающій вниманія всѣхъ литературныхъ алхимиковъ. Съ его помощью ровно ничего не стоитъ чистѣйшее публицистическое золото превратить въ мѣдь, чугуны и даже просто въ историческій шлакъ, вроде Писарева... Все это „было до него“! Но когда же они были „новыми“ эти „вѣчные мотивы“ литературы: призывъ къ свободѣ, сохраненію чедовѣческаго достоинства и „совершенствованію въ себѣ чедовѣка“ (терминъ Карамзина)? По словамъ Рибо, изобрѣтатели существующихъ не только въ сферѣ идей и вещественной дѣятельности; они существуютъ и въ области моральной: это—„люди, стоявшие значительно выше современниковъ по своимъ моральнымъ стремленіямъ и бывшіе двигателями и пинцаторами ихъ. Не слѣдуетъ забывать (ибо это пунктъ первостепенной важности), что недостаточно одного *теоретическаго* представленія о болѣе возвышенномъ нравственномъ идеалѣ, о цѣли, лежащей впереди; необходима могучая эмоція, которая заставляетъ дѣйствовать и, заражая другихъ, передаетъ имъ свой порывъ. Всякій шагъ впередъ опредѣляется тѣмъ, что *прочувствовано*, а не тѣмъ, что *помято*“ (Психологія чувствованій. Цитир. въ статьѣ г. П. Б. „Къ вопросу о пониманіи исторіи“. „Р. Б.“ 98, II). Стало быть, говоря о Писаревѣ, что онъ „отголоску“ сообщилъ „много привлекательности, свѣжести и энергіи“, г. Ивановъ уже призналъ его значеніе въ вопросѣ „первостепенной важности“ для общественнаго развитія, призналъ его историческія заслуги. И этотъ болѣе или менѣе труднительно передаваемый на минусъ или замѣнны нулемъ.

Конечно, г. Ивановъ имѣлъ право выбрать своей темой исключительно тѣневую сторону. Но тогда пусть статья своимъ заглавіемъ не вводитъ въ заблужденіе; пусть не обѣщаетъ *характеристики* Писарева, его сподвижниковъ и враговъ или „молодой Россіи“ шестидесятихъ годовъ“. Пусть, напримѣръ, она носила бы такое заглавіе: „Полное, совершенно ненужное, но за то и неопровержимое разоблаченіе всѣхъ ошибокъ Писарева, съ краткимъ наставленіемъ о вредѣ увлеченія, съ добавленіемъ практическихъ совѣтовъ, какъ посредствомъ исторіи укрощать „отрастей волненіе и счастливымъ на свѣтѣ быть“. Если бы къ этому было сдѣлано еще предисловіе, что авторъ пишетъ ежегодно по 50 печатныхъ листовъ и что, слѣдовательно, ему некогда думать,—его статья была бы совершенно неуязвима, а для ничтожнаго и типографскаго дѣла полезна такъ же, какъ и нигдѣ.

Закончу напоминаніемъ чудесныхъ строкъ:

Не рыдай такъ безумно надъ нимъ,
 Хорошо умереть молодымъ!
 Безпощадная пошлость ни тѣни
 Положить не успѣла на немъ,
 Стамовисъ передъ нимъ на коѣнѣхъ,
 Украшай его кудри въякомъ!
 Передъ нимъ поклониться не стыдно,
 Вспомни, сколько пали въ борьбѣ,
 Сколько разъ уже было тебѣ
 За великое ими обидно!
 А теперь его слава прочна:
 Подъ холодною крышкою гроба
 На нее не положить пятна
 Ни ошибка, ни сила, ни злоба...

Останутся ли въ русской литературѣ такіе же „свидѣтели живые пролитыхъ слезъ“ послѣ великогѣнныхъ уничтожателей ничтожнаго Писарева?

А. Тельшевъ.

Земскія учрежденія на Кавказѣ.

(Письмо изъ Тифлиса).

Существуютъ дѣльныя области Россіи, платящія общіе государственные налоги на устройство своего общежитія, которыя лишены доселѣ тѣхъ культивирующихъ учреждений, которыми давно пользуется центральная Россія. Къ этимъ областямъ принадлежатъ и Кавказъ.

Необходимымъ послѣдствіемъ ограниченій района, въ которомъ дѣйствуютъ законы „эпохи реформъ“, является культурная отсталость мѣстностей, исключенныхъ изъ этого района, отсталость все болѣе и болѣе чувствующаяся. Изъ разныхъ мѣстъ раздаются заявленія представителей различныхъ группъ населенія и печати о томъ, что для поднятія уровня экономическаго, умственнаго и нравственнаго развитія окраинъ первымъ шагомъ должно быть распространеніе на нихъ дѣйствія учреждений, созданныхъ законодательствомъ „эпохи реформъ“.

Культурная отсталость Кавказа заявляетъ о себѣ въ такихъ формахъ, которыя нетерпимы въ цивилизованныхъ странахъ. Я разумію разбойничество, противъ котораго до сихъ поръ боролись только старинными мѣрами разнообразныхъ репрессій, не

смотря на то, что их нецѣлесообразность доказана многолѣтнимъ опытомъ. Но на Кавказѣ есть еще другое большее зло,— это невѣріе населенія въ силу законовъ, обеспечивающихъ его интересы, невѣріе, созданное вѣковой практикой низшихъ административныхъ агентовъ, непосредственно соприкасающихся съ народами, о дѣйствіяхъ которыхъ, при современномъ положеніи мѣстной печати, высшая администрація и не узнаетъ; до ея свѣдѣнія доходятъ только случаи выдающихся злоупотребленій, а между тѣмъ обыденныя отношенія низшей администраціи довели населеніе Кавказа до того, что оно извѣрилось въ силу закона и ищетъ правды... даже у разбойниковъ.

Столичная почта въ послѣднее время стала обращать вниманіе на событія кавказской жизни, вопіющія о культурной отсталости Кавказа, а мѣстная интеллигенція начинала сознавать, что пора уже оставить репрессивныя мѣры, которыми въ старину замѣнялись культивирующія, развивающія чувство законности учрежденія, и перейти къ этимъ послѣднимъ, чтобы въ окно, прорубленное Петромъ въ Европу, свѣтъ цивилизаціи проникъ и въ темныя ущелья кавказской общественной жизни.

Однимъ изъ проявленій этого сознанія является ходатайство тифлискаго, кутаисскаго и ставропольскаго дворянства и кавказскаго общества сельскаго хозяйства о введеніи на Кавказѣ земскихъ учреждений.

Необходимо привлечь общественное вниманіе къ этимъ ходатайствамъ, и я хочу наложить ихъ интересную исторію.

I.

Исторія ходатайства тифлискаго дворянства о земскихъ учрежденіяхъ замѣчательна по волокитѣ этого дѣла и по мотивамъ, которыми оно тормазилось въ теченіе 28 лѣтъ.

Мысль о земскихъ учрежденіяхъ въ Тифлисской губерніи явилась у мѣстнаго дворянства въ первый разъ въ 1871 году *) по случаю пріѣзда на Кавказъ императора Александра II. По обыкновенію выбрали комиссію для обсужденія предложенія ходатайствовать лично у государя о введеніи земскихъ учреждений въ Тифлисской губерніи. Но комиссія, не оцѣнивъ исторической важности предложенной задачи и руководствуясь узко-сословными интересами, „предпочла ходатайствовать о сложеніи приказнаго долга и устранила вопросъ о земствѣ, такъ какъ онъ, будто, могъ помѣшать первому ходатайству“ **).

*) Въ собраніи Горійскаго уѣзда о земскихъ учрежденіяхъ дворяне говорили еще въ 1867 году.

**) „Записки и статьи о введеніи земск. учреждений въ Тифлисской губерніи“, стр. 46а.

Затѣмъ черезъ одиннадцать лѣтъ, въ 1882 году, опять была выбрана дворянами коммиссія по тому же дѣлу, но и эта коммиссія отвергла предположеніе ходатайствовать о земскихъ учрежденіяхъ, по двумъ соображеніямъ. Во-первыхъ, она нашла, что возбуждать такое ходатайство несвоевременно, въ виду того, что въ то время въ Петербургѣ былъ начатъ пересмотръ земскаго положенія 1864 года, а во-вторыхъ, дворяне, не платившіе тогда въ Закавказьѣ земскихъ сборовъ, признали невыгоднымъ для себя обложеніе своихъ земель при земскихъ учрежденіяхъ.

Послѣ этого вопросъ о земствѣ на Кавказѣ былъ позабытъ дворянами на двѣнадцать лѣтъ. Въ 1894 году о немъ напомнилъ редакторъ „Новаго Обозрѣнія“, князь Г. Н. Тумановъ внесеніемъ въ дворянское собраніе предложенія ходатайствовать о введеніи въ Тифлисской губерніи земскихъ учрежденій.

Мотивировка этого предложенія была чисто сословная, вызванная необходимостью считаться съ упомянутымъ выше нежеланіемъ тифлискихъ дворянъ принять участіе въ земскихъ налогахъ, лежавшихъ исключительно на крестьянскихъ „дымахъ“.

Напомявъ дворянскому собранію, что для коммиссіи 1882 года „тормазомъ служило опасеніе, высказанное на дворянскомъ собраніи, о томъ, что введеніе земскихъ учрежденій потребуетъ большихъ матеріальныхъ жертвъ со стороны дворянства“, г. Тумановъ замѣтилъ, что „этотъ тормазъ можно считать теперь упраздненнымъ: у насъ земскихъ учрежденій хотя и нѣтъ, тѣмъ не менѣе введенъ уже поземельный налогъ. Крестьяне съ своей стороны платятъ земскій сборъ, которымъ распоряжается администрація. Эти сборы будутъ переданы въ вѣдѣніе земскихъ учрежденій, когда они будутъ открыты. Необходимо воспользоваться настоящимъ моментомъ, когда въ государственной жизни выдвинутъ на первую очередь вопросъ о дворянствѣ. Дворянство должно воспользоваться этимъ моментомъ, чтобы поднять свое экономическое положеніе. Упустивъ этотъ моментъ, оно возьметъ на себя большой грѣхъ передъ потомствомъ и передъ страной“ *).

Изъ протокола дворянскаго собранія не видно, испугались-ли тифлискіе дворяне „грѣха передъ потомствомъ и передъ страной“ или сдобавились желаніемъ „поднять свое экономическое положеніе“, но какъ бы то ни было, они единогласно откликнулись на предложеніе г. Туманова и выбрали для разработки вопроса третью коммиссію изъ губернскихъ и уѣздныхъ предводителей дворянства, а г. Туманову предложили представить въ эту коммиссію подробно разработанный проектъ.

Въ февралѣ 1896 года г. Тумановъ представилъ председателю названной коммиссіи три „записки по введенію въ Тифлисской губерніи земскихъ учрежденій“.

*) Тамъ же. стр. 6.

Такое промедленіе авторъ „записокъ“ объясняетъ слѣдующими соображеніями.

„Въ теченіе лѣта того же года (1894) собирались изъ разныхъ земствъ матеріалы для составленія записки и она уже почти была составлена, какъ произошла крупная перемѣна въ государственномъ управленіи нашего отечества. Съ воцареніемъ Императора Николая II въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ возникли разныя предположенія относительно коренной реформы земства. Земскія учрежденія предлагали расширить сферу своей дѣятельности, между тѣмъ какъ разрабатывавшіеся въ министерствѣ проекты клонились къ противоположной цѣли. Эти колебанія вынудили меня приостановить работу на нѣкоторое время. Съ назначеніемъ новаго министра внутреннихъ дѣлъ, осенью прошлаго года (1895) выяснилось, что никакихъ крупныхъ перемѣнъ въ сферѣ земскаго управленія не произойдетъ въ близкомъ будущемъ. Послѣдніе же нѣсколько мѣсяцевъ мною были употреблены на близкое ознакомленіе съ дѣйствующей системой земскаго хозяйства, съ системой, кореннымъ образомъ разнящейся отъ системы, дѣйствующей во внутреннихъ губерніяхъ Россіи“ *).

Для нагляднаго представленія необходимости земскихъ учреждений для развитія народнаго хозяйства на Кавказѣ, въ „запискахъ“ сдѣлано сравненіе земскаго хозяйства въ земскихъ губерніяхъ и въ Тифлисской за трехлѣтіе 1894—96 г. Разница поразительная.

Въ земской снѣтѣ Тифлисской губерніи только двѣ статьи необязательныхъ расходовъ, а именно: на пособіе православнымъ церковно-приходскимъ школамъ 2000 рублей и на телеграммы 224 рубля. На нормальныя и профессиональныя школы не ассигновано ни копѣйки и весь расходъ на народное образованіе ограничивается указанными 200 рублей. Затѣмъ, въ главѣ расходовъ „хозяйство и медицина“—одна только расходная статья въ 1500 рублей „на призы на конскихъ скачкахъ“. Такимъ образомъ—говорится къ запискѣ—улучшеніе породы скаковыхъ лошадей, судя по росписи земскихъ повинностей, есть важнѣйшая отрасль сельскаго хозяйства и только она одна заслуживаетъ ассигнованія изъ земскихъ сборовъ, медицинская же помощь населенію ограничивается устройствомъ приемныхъ покоевъ и содержаніемъ оспопрививателей; ни одной больницы въ уѣздахъ нѣтъ“ **).

Далѣе, указывая на то, что въ бюджетѣ Тифлисской губерніи нѣтъ никакихъ ассигнованій на мѣры противъ пожаровъ, для улучшенія сельско-хозяйственной культуры, для содѣйствія промышленности и торговлѣ, для борьбы съ вредными животными

*) Тамъ же, стр. 11.

**) Тамъ же, стр. 25.

и насѣкомыми, на организацію земской почты и статистики,—авторъ „записки“ говоритъ, что бюджетъ Тифлисской губерніи „такой-же, какой былъ во всѣхъ губерніяхъ до введенія земскихъ учреждений: онъ покрываетъ потребности управленія краемъ и оставляетъ безъ удовлетворенія существенныя потребности населенія. И это не случайный недостатокъ, вызванный какими нибудь мѣстными условіями: это неизбежный результатъ старинной существующей въ Закавказьѣ системы земскаго хозяйства, устраняемый только коренной реформой этой системы“ *).

Обращаясь затѣмъ къ возраженіямъ противъ земскихъ учреждений тѣхъ дворянъ, которые боятся увеличенія земскихъ налоговъ, авторъ „записки“ говоритъ, что „если бы мотивы сословныхъ интересовъ заставили кого либо заимѣть необходимую въ данномъ случаѣ земскую точку зрѣнія сословною, то и съ этой точки зрѣнія указаніе на невыгоду въ указанномъ смыслѣ земскихъ учреждений для дворянъ-землевладѣльцевъ было бы неосновательно. Уравниеніе земельного налога между всѣми землевладѣльцами Закавказья уже предположено правительствомъ независимо отъ введенія на Кавказѣ положенія о земскихъ учреждениях“ **).

Предвидя возможность замѣчанія, что указанные недостатки земскаго хозяйства въ Тифлисской губерніи можно устранить и безъ земскихъ учреждений, „записка“ указываетъ на то, что „историческимъ опытомъ доказано, что администрація при самыхъ лучшихъ намѣреніяхъ не можетъ быть хорошимъ хозяиномъ земскаго дѣла. Агентъ администраціи, чиновникъ стоитъ въ сторонѣ отъ земской жизни, не связанъ съ нею общими интересами, не знаетъ ея, не наблюдаетъ нарождающихся потребностей населенія и регламентируетъ на основаніи кабинетныхъ соображеній, а не требованій жизни. Несостоятельность администраціи въ дѣлѣ земскаго хозяйства признана была еще въ началѣ шестидесятыхъ годовъ послѣ продолжительнаго опыта административнаго веденія земскаго дѣла. Изъ этого опыта сдѣланъ государственными людьми общезвѣстный выводъ, что земское хозяйство можетъ развиваться только при условіи, чтобы хозяиномъ было само земство“ ***).

Записка г. Туманова пролежала у губернскаго предводителя дворянства князя Баграціона-Мухранскаго болѣе года. Представленная въ февралѣ 1896 года, она только 27 мая 1897 года, за три дня до губернскаго дворянскаго собранія, была передана въ комиссію изъ уѣздныхъ предводителей дворянства и депутатовъ. Комиссія рѣшила, что проектъ ходатайства о введеніи земскихъ.

*) Тамъ же, стр. 20.

**) Тамъ же, стр. 24.

***) Тамъ же, стр. 20.

учреждений слѣдуетъ рассмотреть „по уѣздамъ въ особыхъ коммисіяхъ“, а три члена, сиплахскій уѣздный предводитель князь И. Андрониковъ и депутаты гг. Саванели и Джанаридзе полагали, что его вовсе не слѣдуетъ разсматривать. Изъ „особыхъ мнѣній“ этихъ лицъ видно, что, „признавая всю пользу самоуправленія, они все же находятъ преждевременнымъ введеніе у насъ земскихъ учреждений по неподготовленности населенія къ воспріятію благъ, доставляемыхъ ими, и вслѣдствіе экономическаго положенія, не позволяющаго нести расходы, сопряженные съ дѣйствіемъ у насъ земскихъ учреждений“ *).

Въ дворянскомъ собраніи 1 іюня 1897 года, которому было представлено мнѣніе названной коммисіи, высказался противъ земскихъ учреждений на Кавказѣ только одинъ—князь Орбелиани. „Идея земскаго управленія хороша—сказалъ онъ,—но не будемъ увлекаться дешевымъ либерализмомъ и признаемся, что мы къ такому самоуправленію не подготовлены“ **).

Князь И. Г. Чавчавадзе возсталъ противъ замедленія дѣла передачей его въ новую коммисію.

„Вопросъ, предложенный на наше обсужденіе—сказалъ онъ—не такъ сложенъ. Его можно разрѣшить въ этомъ же собраніи. Намъ предлагаютъ быть хозяевами своихъ денегъ. Мы и теперь платимъ въ земскую кассу болѣе 600 тысячъ рублей въ годъ. Отчего намъ самимъ не получить эту сумму и не давать ей то назначеніе, какое мы сами желаемъ? Кто можетъ возразить противъ этого“ ***).

Никто не возражалъ на рѣчь г. Чавчавадзе, ему аплодировали, но тѣмъ не менѣе собраніе постановило передать вопросъ въ новую губернскую коммисію и для рассмотрѣнія ея доклада созвать чрезвычайное дворянское собраніе въ октябрѣ того же года. Такимъ образомъ постановили въ угоду „преждевременникамъ“ затянуть дѣло на четыре мѣсяца, но противники земства этимъ не удовлетворились и чрезвычайное собраніе, вмѣсто октября 1897 года, было созвано только на 2 марта 1899 года.

Чтобы понять эту новую волокиту, являющуюся прямымъ нарушеніемъ постановленія дворянскаго собранія, назначившаго отсрочку дѣла только въ четыре мѣсяца, надо обратить вниманіе на то, что въ практикѣ нашихъ общественныхъ учреждений въ послѣднее время установился чрезвычайно странный и вредный обычай, по которому исполнительный органъ, если его представителю или вліятельному члену не нравятся какое нибудь постановленіе общественнаго собранія, не исполняетъ его, а само собраніе равнодушнымъ отношеніемъ къ такимъ фактамъ какъ бы

*) Тамъ же, стр. 46.

**) Тамъ же, стр. 50.

***) Тамъ же, стр. 51.

санкціонируетъ такое нарушеніе закона. Такимъ образомъ, предсѣдатель или вліятельный членъ исполнительнаго органа можетъ по своему усмотрѣнію тормазить движеніе очень важныхъ общественныхъ дѣлъ. Такъ было и въ данномъ случаѣ. Губернскій предводителъ дворянства, вопреки постановленіямъ дворянскаго собранія, тормазилъ дѣло о земскихъ учрежденіяхъ въ Тифлисской губерніи до послѣдній возможности.

Послѣ состоявшихся въ прошломъ году постановленій всѣхъ уѣздныхъ дворянскихъ собраній, высказавшихся за необходимость ходатайства о земскихъ учрежденіяхъ, дальнѣйшее задержаніе дѣла стало невозможнымъ, и на 2 марта текущаго года было назначено окончательное рѣшеніе вопроса, имѣющаго уже 28-лѣтнюю давность.

II.

Въ собраніи 2 марта тифлисскіе дворяне— „преждевременники“ сдѣлали послѣднюю отчаянную попытку побѣдить сторонникомъ земскихъ учреждений.

Хотя общее настроеніе дворянъ, выразившееся въ постановленіяхъ всѣхъ уѣздныхъ собраній, отнимало у „преждевременниковъ“ всякую надежду „провалить“ ненавистное имъ дѣло; хотя ихъ было всего 11 человекъ противъ 74 и сружіе у нихъ было слѣшкомъ уже притупившееся, но все-таки они рѣшили „или пасть, или побѣдить“ въ славной борьбѣ противъ прогресса своей родины.

Въ день собранія г. Величко въ „Кавказѣ“ (№ 57) произнесъ послѣднее поощрительное слово „преждевременникамъ“. Онъ напомнилъ дворянамъ, что земство для нихъ невыгодно и совѣтовалъ воздержаться отъ ходатайства о земскихъ учрежденіяхъ, по-временить... Онъ говорилъ имъ, что „правильное развитіе всякаго жизненнаго, а не формальнаго дѣла обусловлено нормальнымъ переходомъ отъ простаго къ сложному“; что „зведеніе земства должно основываться на знакомствѣ съ экономическими силами страны и путями ихъ развитія“ и что „всякое дѣло надо начинать съ азбуки: только тотъ въ состояніи успѣшно выполнить болѣе трудную и серьезную задачу, кто хорошо справился съ менѣе трудною“ и т. п.

И вотъ, какъ только открылось дворянское собраніе, одиннадцать рыцарей выступили на защиту своей неблагообразной „дамы сердца“, дряхлой старушки г-жи Рутны.

Встаетъ князь Н. Д. Андрониковъ и заявляетъ: „въ принципѣ я стою за земское самоуправленіе, но считаю его введеніе для дворянства преждевременнымъ“ *).

* Слова этого оратора и другихъ я цитирую по отчету о дворянскомъ собраніи, напечатанному въ №№ 5205—5208 „Новаго Обозрѣнія“.

Общее изумление: князь Н. Д. Андрониковъ былъ членомъ комиссія по вопросу о земствѣ и подписалъ протоколъ о необходимости ходатайствовать о земскихъ учрежденіяхъ. Нѣсколько голосовъ напоминаютъ ему объ этомъ, но онъ нисколько не смущается и заявляетъ: „я ошибался тогда и теперь отступаюсь отъ своего рѣшенія“.

Мы видѣли, что посредствомъ передачи вопроса о земскихъ учрежденіяхъ въ комиссію это дѣло затянулось на пять лѣтъ. Къ этому же средству „преждевременники“ въ дворянскомъ собраніи опять предложили прибѣгнуть. Князь С. Амилахварі заявляетъ, что „собрано мало данныхъ для правильнаго сужденія о полезности или вредѣ для насъ земства“ и предложилъ „образовать комиссію для разработки болѣе детальнаго проекта“.

Затѣмъ князь Н. Ф. Челокаевъ предложилъ другой тормазъ. Онъ нашелъ, что для такого важнаго вопроса дворянское собраніе малочисленно (85 человѣкъ) и рекомендовалъ „отложить его окончательное разсмотрѣніе до очереднаго собранія: къ тому времени мы всѣ лучше ознакомимся съ вопросомъ, а не будемъ такъ мало подготовлены для его разрѣшенія, какъ теперь“.

Наконецъ князь Н. Андрониковъ предложилъ средство затянуть дѣло на многіе годы; онъ совѣтовалъ „ходатайствовать предъ правительствомъ, чтобы оно всесторонне изслѣдовало экономическое положеніе тифлискаго дворянства: это изслѣдованіе дастъ намъ возможность судить, готовы-ли мы къ воспріятію земскаго самоуправленія“.

Князь А. З. Челокаевъ балансировалъ, такъ что собраніе не могло сначала понять—за земство-ли онъ или противъ. „Въ принципѣ всѣ за земство—говорилъ онъ—въ томъ числѣ и я, но нужно считаться и съ тѣмъ мнѣніемъ, которое гласитъ о необходимости подождать съ введеніемъ у насъ земскаго самоуправленія... Я лично стою за земство, потому что смогу выплатить новый налогъ, но какъ мы можемъ отвѣтить за отсутствующихъ дворянъ, что они способны будутъ нести земское обложеніе. Кромѣ всего этого, нужно помнить и о другихъ многочисленныхъ затрудненіяхъ. У насъ борьба національностей, сословій—не возьметъ-ли одна національность верхъ надъ другой или одно сословіе надъ другимъ и не будутъ-ли они угнетать при помощи земства другую народность, другое сословіе? Словомъ, много затрудненій“.

Оратора, наконецъ, спросили: „въ концѣ концовъ, вы за или противъ земства?“

— Конечно, за—отвѣтилъ онъ, не объяснивъ, почему ему понадобилось произнести рѣчь во вкусъ „преждевременниковъ“.

Въ рѣчахъ послѣднихъ тифлисское дворянство было изображено въ жалкой каррикатурѣ великовозрастнаго ребенка: дворяне не способны къ земскому самоуправленію, они не могутъ быть

ни земскими гласными, ни членами земскихъ управъ, они не знаютъ, что такое земскія учрежденія; имъ необходимо пройти приготовительный классъ по этому предмету и выдержать экзаменъ; правда, дворянство уже 28 лѣтъ находится въ этомъ приготовительномъ классѣ, но всетаки они еще „не готовы къ воспріятію земскаго самоуправленія“. Преждевременники въ данномъ случаѣ вполне отрѣшились отъ сословнаго самолюбія и въ своихъ рѣчахъ представляли дворянство Тифлисской губерніи въ видѣ коллективнаго недоросля.

Въ тридцать пять лѣтъ новѣйшей исторіи Россіи дворянство, освобожденное отъ позорной роли рабовладѣльца, потеряло вмѣстѣ съ тѣмъ свою сословную привилегированность въ земской жизни, оно явилось вмѣстѣ съ другими сословіями земствомъ, а тифлисскіе „преждевременники“ какъ будто проспали эти тридцать пять лѣтъ. Они до сихъ поръ еще стоятъ на позиціи дворянина эпохи крѣпостного права и прерывезно говорятъ: мы дворяне и все недворянское намъ чуждо. Такъ князь Н. Андрониковъ прямо заявилъ въ дворянскомъ собраніи: „если-бъ я былъ крестьяниномъ, я, не задумываясь, высказался бы за земство, такъ какъ съ введеніемъ земскихъ учрежденій облегчится положеніе крестьянъ уменьшеніемъ платежей, нынѣ исключительно лежащихъ на нихъ. Но я—дворянинъ и потому я другого мнѣнія. Мы, дворяне, до сихъ поръ не несемъ земскихъ повинностей, а при земскихъ учрежденіяхъ большая часть платежей ляжетъ на насъ“.

Въ этой откровенной рѣчи и заключается гвоздь возраженій противъ земскихъ учрежденій на Кавказѣ; вся остальная канитель о неподготовленности есть только гарнитура къ сословной привилегіи быть свободными отъ земскихъ налоговъ.

Департаментъ государственной экономіи, разсматривая роспись земскихъ повинностей Закавказскаго края на трехлѣтіе 1891—93 годовъ, „въ виду того, что средства земскаго бюджета составляются главнымъ образомъ изъ подымныхъ сборовъ, замѣтилъ, что возложеніе тяжести земскихъ повинностей почти исключительно на одну категорію платежныхъ силъ мѣстности не отвѣчаетъ точному смыслу дѣйствующихъ постановленій устава о земскихъ повинностяхъ“.

Государственный совѣтъ, раздѣляя это мнѣніе, постановилъ „поручить министру финансовъ войти въ обсужденіе вопроса о привлеченіи къ расходамъ на губернскія земскія повинности Закавказскаго края всѣхъ земельныхъ угодій, какъ частнаго владѣнія, такъ равно принадлежащихъ казнѣ и удѣламъ“ *).

Увлекаемуся стариной князю Н. Андроникову было наномено княземъ Д. Э. Чедокаевымъ, что обложеніе дворянскихъ

*) „Записки и статьи о введеніи земск. учр. Тифлисской губерніи“, стр. 39.

земель и безъ земскихъ учреждений увеличивается. „Ни для кого не секретъ—сказалъ князь Д. Э. Челокаевъ,—что съ 1898 года подешатинная плата съ дворянскихъ земель увеличена съ 8 до 9 копѣекъ. Всего съ владѣльческихъ земель губерніи взыскивалось круглымъ числомъ 617000 рублей, изъ которыхъ на долю крестьянъ приходилось болѣе 470000 рублей. При введеніи земства къ этой суммѣ обложенія придется прибавить 100000 рублей на управление; всего составитъ сумма въ 700 съ небольшимъ тысячъ рублей. Если разложить эту сумму равномерно, то получимъ всего 17 копѣекъ съ десятины“.

„Князю Андроникову — прибавилъ князь Д. Э. Меликовъ—и всѣмъ, которые говорятъ о разорительности земскаго самоуправления, слѣдовало бы доказать, что мы рѣшительно не можемъ платить такого налога“. Указавъ затѣмъ на неосновательность всѣхъ доводовъ „преждевременниковъ“ противъ земства, князь Д. Э. Меликовъ закончилъ свою рѣчь, вызвавшую продолжительные аплодисменты, слѣдующими словами: „введеніе земскихъ учреждений дѣйствительно увеличить наши налоги, но если мы испрашиваемъ милости и охотно пользуемся привилегіями всего русскаго дворянства, то неужто намъ позволительно отказываться отъ тягостей въ пользу общегосударственнаго дѣла, которыя давно несутъ наши собратья во внутреннихъ губерніяхъ“.

Пренія были закончены словами извѣстнаго грузинскаго писателя И. Г. Чавчавадзе. „У насъ—сказалъ онъ—существуетъ земское бремя въ видѣ земскихъ повинностей, которыя мы платимъ, но нѣтъ у насъ земскихъ правъ, чтобы самимъ располагать платежами. Неужели же послѣ этого затруднительно рѣшить вопросъ: нужны-ли намъ права, если мы несемъ обязательства“.

Большинствомъ 74 голосовъ противъ 11 дворянское собраніе постановило: „возбудить ходатайство о введеніи въ Тифлисской губерніи земскихъ учреждений въ полномъ объемѣ, на тѣхъ же основаніяхъ, какъ дѣйствуютъ означенныя учрежденія во внутреннихъ губерніяхъ Россіи“.

Для представленія ходатайства въ законодательномъ порядкѣ, въ виду его „высокой важности“, дворянство набрало особую депутацію изъ губернскаго и уѣздныхъ предводителей дворянства и другихъ лицъ, поручивъ ей „какъ проведеніе въ высшихъ учрежденіяхъ Имперіи настоящаго насущнаго вопроса, такъ и представленіе всѣхъ необходимыхъ по дѣлу разъясненій и объясненій“.

Такимъ образомъ, послѣ 28-лѣтней волокиты, послѣ всевозможныхъ протестовъ „преждевременниковъ“—дворянъ и литературнаго врага культурнаго развитія Кавказскаго края г. Величко, дворянство Тифлисской губерніи подавляющимъ большинствомъ признало необходимость земскихъ учреждений для своей губерніи.

III.

Кутанское дворянство въ своихъ дѣйствіяхъ по вопросу о земскихъ учрежденіяхъ рѣзко отличается отъ тифлискаго дворянства. Ему не пришлось бороться въ своей средѣ съ „преждевременниками“, поэтому постановленіе собранія ходатайствовать о введеніи земскихъ учреждений въ Кутанской губерніи было единогласное. Оно состоялось 8 мая 1897 года, а 12 ноября того же года губернской предводитель дворянства князь Церетели представилъ военному губернатору записку по данному дѣлу съ просьбой „дать настоящему ходатайству дворянства установленный ход“.

Докладъ коммисіи, принятый собраніемъ, очень краткій, всего 4 печатныхъ страницы. Исходя изъ „общепризнаннаго неудовлетворительнаго состоянія земскаго хозяйства въ губерніяхъ, въ которыхъ не введены земскія учрежденія“, составители доклада приводятъ цифры земскаго бюджета Кутанской губерніи на трехлѣтіе 1894—96 годовъ и указываютъ на ничтожность сумм, расходуемой на земскія потребности губерніи (140—150 тысячъ руб.), въ то время, какъ „не только ни одна изъ губерній, въ коихъ введено „положеніе о земскихъ учрежденіяхъ“, но даже ни одинъ изъ уѣздовъ тѣхъ губерній не тратитъ такую микроскопическую сумму на удовлетвореніе своихъ земскихъ нуждъ“).

Затѣмъ, по поводу увеличенія земскихъ сборовъ вслѣдствіе введенія земскихъ учреждений въ докладѣ говорится, что „не слѣдуетъ забывать, что соответственно этому должна возрасти и польза, какую можетъ принести населенію цѣлесообразное расходование земскихъ поступленій. Назначеніе земскихъ учреждений—развѣтъ матеріальную и духовную культуру губерній, предохранить населеніе отъ угрожающихъ ему бѣдствій и т. д., а это такія высокія блага, для которыхъ всякій охотно согласится на нѣкоторое увеличеніе земскихъ платежей“ **).

Кутанское дворянство не считало даже нужнымъ останавливаться на подробномъ указаніи преимуществъ земскаго хозяйства предъ административнымъ, считая, что это давнымъ давно признано и теоріей, и законодательной властью, утвердившей положеніе о земскихъ учрежденіяхъ. Но предводитель дворянства въ запискѣ, при которой онъ представилъ военному губернатору постановленіе собранія, нашелъ необходимымъ подробнѣе указать мотивы изложеннаго въ немъ ходатайства.

Нарисовавъ печальную картину положенія всѣхъ отраслей сельскаго хозяйства въ Кутанской губерніи, онъ говоритъ, что

*) „Записки и статьи о введеніи земск. учр. въ Кутанской губерніи“, стр. 25.

**) Тамъ-же, стр. 6.

сдѣланное земствомъ для улучшенія сельскохозяйственной культуры въ земскихъ губерніяхъ „буквально не осуществимо въ Кутанской губерніи при нынѣ существующей въ ней организаціи земскаго хозяйства. Не только такія сложныя мѣропріятія, какъ перечисленныя выше, требующія специальныхъ учрежденій и обширной организаціи, но даже болѣе простыя земскія потребности, какъ устройство дорогъ шоссейныхъ и грунтовыхъ и охраненіе народнаго здравія, при существующихъ условіяхъ земскаго хозяйства въ губерніи, не могутъ быть удовлетворительны въ той мѣрѣ, какъ того требуетъ жизнь и развивающіяся потребности населенія“ *).

Далѣе записка иллюстрируетъ цифрами сказанное о путяхъ сообщенія и медицинской помощи въ губерніи. Оказывается, что въ ней на квадратную версту приходится не болѣе 5 сажень шоссированной дороги и что нѣкоторыя части губерніи, напримѣръ Сванетія, „большую часть года осуждена на полную изолированность и всякія съ нею сношенія абсолютно прекращаются; лишь немногіе лѣтніе мѣсяцы позволяютъ сванетамъ пѣшкомъ и въ крайнемъ случаѣ верхомъ на лошади пробираться въ другіе пункты губерніи на заработки или запастись потребнымъ на весь годъ количествомъ соли, недостатокъ которой весьма часто дѣлаетъ себя чувствовать несчастному сванету разными болѣзнями и истощеніемъ организма“ **). Цѣна соли въ Сванетіи вълѣдствіе бездорожья доходитъ до 2 рублей пудъ.

О медицинской помощи губерніи предводитель дворянства говоритъ, что „населеніе лишено почти всякой медицинской помощи“, и поясняетъ это слѣдующими цифрами: въ Кутанской губерніи 1 врачъ приходится на 115413 душъ или на 3973 квадр. версты; въ губерніи „не имѣется ни одной больницы гражданскаго вѣдомства и вся медицинская помощь населенію губерніи ограничивается 8 пріемными покоями, которые предназначены лишь для экстренной помощи больнымъ. Между тѣмъ въ общаго числа 55557 больныхъ, зарегистрированныхъ въ 1894 году всѣми служащими по гражданскому вѣдомству врачами, островазныхъ больныхъ было, согласно губернаторскому отчету, 11554 или цѣлая четвертая часть всѣхъ больныхъ. Благодаря отсутствію больницъ, эти островазные больные не могутъ быть изолированы и являются нерѣдко источникомъ зараженія для всѣхъ соприкасающихся съ ними“.

По сдѣланному затѣмъ расчету, оказывается, что „въ 50 человекъ, нуждавшихся въ помощи, получали ее только 4 человека или 8%, остальные же 46 человекъ или 92% нуждавшихся во врачеваніи были предоставлены на произволъ судьбы, т. е.

*) и **) Тамъ же, стр. 9 и 10

должны были обходиться безъ всякой медицинской помощи или обращаться къ невѣжественнымъ знахарямъ и знахаркамъ“.

Губернскій предводитель дворянства совершенно отрицаетъ ту неподготовленность къ земскимъ учрежденіямъ, которую такъ хотѣлось доказать тифлисскимъ „преждевременникамъ“. Онъ говоритъ, что „земскія учрежденія встрѣять въ настоящее время въ Кутаисской губерніи не инертное невѣжественное общество, какъ въ былыя времена, а болѣе или менѣе значительное общество, способное одѣлать великую силу, заключающуюся въ принципѣ мѣстнаго хозяйственнаго управленія и готовое по мѣрѣ возможности направить эту силу на благо и процвѣтаніе всего населенія губерніи“ ***). А по поводу сословнаго эгоизма, ярко выразившагося въ дворянскомъ собраніи Тифлисской губерніи, нежелающаго увеличенія налога съ дворянъ при земскомъ уравниніи повинностей, въ запискѣ кутаисскаго предводителя дворянства сказано слѣдующее:

„Дворянство Кутаисской губерніи не скрываетъ отъ себя, что съ введеніемъ въ губерніи земскихъ учрежденій, если на это будетъ соизволеніе высшаго правительства, земскіе сборы по губерніи до нѣкѣйшей степени увеличатся, какъ это имѣло мѣсто вездѣ въ тѣхъ губерніяхъ, въ коихъ введены были названныя учрежденія. Оно знаетъ напередъ и то, что земскіе сборы съ самого дворянскаго сословія также возрастутъ, но его не пугаетъ такая перспектива, такъ какъ оно убѣждено, что всякая производительная трата земскихъ средствъ будетъ способствовать поднятію матеріальнаго, умственнаго и нравственнаго благосостоянія, какъ дворянства, такъ и прочихъ сословій губерніи“.

IV.

Итакъ, дворянство Тифлисской и Кутаисской, а раньше и Ставропольской губерній признали, что только введеніемъ земскихъ учрежденій можетъ быть данъ толчекъ развитію земскаго хозяйства на Кавказѣ, находящагося теперь въ такомъ же, если не худшемъ положеніи, въ какомъ оно было и въ остальной Россіи до земскаго самоуправленія.

Кавказское общество сельскаго хозяйства 24 февраля единогласно приняло докладъ агронома Саакова о необходимости поддерживать упомянутыя ходатайства дворянъ.

Кавказская печать давно уже твердитъ о томъ, что земское самоуправленіе есть одна изъ насущныхъ потребностей кавказскаго края. И только въ „Кавказѣ“ и „Черноморскомъ Вѣстникѣ“ гг. Величко и Пальмъ усердно исполняютъ службу реак-

*) Тамъ же, стр. 9 и 10.

ція, протестуя против общественной самодѣтельности и восхваляя старинное усмотрѣніе и опеку; но быть откровенными и послѣдовательными они не хотятъ: и „Кавказъ“, и „Черноморскій Вѣстникъ“ стоять за прогрессъ вообще, но противъ прогресса конкретнаго, противъ прогресса на Кавказѣ; и земскія учрежденія очень хороши, но для Кавказа... „преждевременны“.

Дѣло дворянъ Тифлисской и Кутаисской губерній далеко еще не закончилось представленіемъ ходатайства о земскихъ учрежденіяхъ.

Условія современной жизни таковы, что всякое живое дѣло, всякая культурная реформа встрѣчаютъ множество препятствій, затягивающихъ ходъ дѣла на многіе годы и имѣющихъ тенденцію свести его на—нѣтъ. Про хорошее общественное дѣло нельзя сказать словами „Дубинушки“, что оно „само пойдеть“, лишь бы только его наладить. Нѣтъ, нужно постоянное водѣйствіе на его двигатели, чтобы оно не попало „подъ сукно“ или въ какой-нибудь портфель съ надписью „несвоевременное“. А между тѣмъ многіе упускаютъ изъ вида специфическую наклонность бюрократической машины къ прогрессивной медлительности, обратно пропорціональной спѣшности и важности дѣла. Обыкновенно различныя учрежденія, сдѣлавъ постановленіе ходатайствовать и представивъ ходатайство куда слѣдуетъ, успокоиваются и ждутъ, пока оно совершитъ установленный ходъ, а потомъ вдругъ узнаютъ, что оно никакого хода не имѣетъ, а лежитъ у какого-нибудь столоначальника. Такъ, напримѣръ, ходатайство кутаисскаго дворянства уже 1½ года тому назадъ (12 ноября 1897 года) представлено кутаисскому военному губернатору, а и до сихъ поръ еще непавѣстно дошло ли оно до Петербурга.

Тифлисское дворянство поступило очень практично, избравъ для представленія ходатайства особую депутацію, которая должна слѣдить за ходомъ дѣла, „проводить его въ высшихъ учрежденіяхъ“. Надо только, чтобы эта депутація не подчинилась вліянію попавшихъ въ нее нѣсколькихъ „преждевременниковъ“ и дѣйствовала энергично.

Ивановичъ.

Литература и жизнь.

О некоторых мнѣніяхъ г. Невѣдомскаго.

Трехмѣсячное невольное молчаніе прервало мою бесѣду о напечатанной въ первой книжкѣ „Начала“ статей г. Невѣдомскаго „Художникъ интеллигентъ“. Мнѣ хочется кончить эту бесѣду. Иной читатель спроситъ, можетъ быть, зачѣмъ это нужно? Развѣ г. Невѣдомскій авторитетъ какой-нибудь, чтобы къ его мнѣніямъ—ошибочнымъ или вѣрнымъ—слѣдовало прислушиваться такъ внимательно? Развѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ недостаточно, чтобы впечатлѣніе, произведенное его статьей, — если таковое было произведено,—загладилося въ памяти читателей?

Нѣтъ, г. Невѣдомскій не авторитетъ. Онъ, напротивъ, сколько я понимаю, только еще начинающій писатель. Но я питаю слабость къ начинающимъ писателямъ, обнаруживающимъ литературную жилку, позволяющую предполагать, что человѣкъ не мимоходомъ заглянулъ въ литературу, а имѣетъ намѣреніе основаться въ ней болѣе или менѣе прочно на постоянное жителство; имѣетъ намѣреніе и хоть какіе-нибудь шансы привести это намѣреніе въ исполненіе. Да и какъ не интересоваться такими писателями намъ, старикамъ, которымъ они идутъ на смѣну? Какъ не вглядываться, можетъ быть, даже съ чрезмѣрнымъ, на посторонній взглядъ, вниманіемъ въ то добро или зло, которое они вносятъ въ литературу, а слѣдовательно въ сознаніе безпрерывно растущей массы читателей? Добро или зло,—потому что моя слабость къ начинающимъ писателямъ, имѣющимъ намѣреніе и шансы водвориться въ литературѣ, не требуетъ признанія, что въ ихъ писаніяхъ все добро зло; она требуетъ только внимательнаго къ нимъ отношенія. II г. Невѣдомскій выполнѣ, мнѣ кажется, таковаго заслуживаетъ. Въ майской книжкѣ „Начала“ напечатана вторая его статья „О современномъ художествѣ“, еще не конченная. И—кто его знаетъ! — можетъ быть съ теченіемъ времени онъ, въ качествѣ художественнаго критика, заставитъ насъ забыть трубы и барабаны В. В. Стасова *)...

*) Журналъ „Начало“ прекращенъ. Это, конечно, затруднитъ бесѣду о немъ. Но что касается собственно г. Невѣдомскаго, то, какъ окончанію его начатой въ майской книжкѣ „Начала“ статьи, такъ и дальнѣйшимъ его работамъ, ничто, мнѣ кажется, не мѣшаетъ появиться въ другихъ органахъ печати. Мало того, „Русское Богатство“ не можетъ предоставить г. Невѣдомскому свои страницы для распространенія его идей; но если бы мнѣ случилось въ нижеслѣдующемъ сдѣлать фактическую ошибку, то мы сочтемъ себя обязанными напечатать у себя его фактическое же возраженіе.

Художественная критика—область, чрезвычайно благодарная. Г. Невѣдомскій объясняетъ во второй своей статьѣ, что онъ будетъ трактовать о явленіяхъ современнаго искусства — почти исключительно живописи — „импрессионистски“, то есть отправляясь отъ личныхъ впечатлѣній. И, конечно, онъ совершенно правъ, поскольку дѣло не касается техники искусства. Никакой критикъ въ мірѣ не убѣдитъ меня, что такая то картина хороша, если она мнѣ не нравится, и наоборотъ, что картина дурна, если она на меня производитъ хорошее впечатлѣніе. И этимъ не ограничивается сфера личнаго вкуса и произвола въ оцѣнѣ художественныхъ произведеній. Художникъ можетъ, вовсе не желая извращать дѣйствительность (а тѣмъ паче при этомъ условіи), а только произвольно выбирая, скажемъ, тотъ или другой моментъ изъ жизни историческаго лица или народа, бросить на свой сюжетъ то или другое освѣщеніе. Въ свою очередь зрители (въ томъ числѣ и критики) могутъ толковать картину каждый по своему и видѣть въ ней то, объ чемъ художникъ не думалъ, чего, можетъ быть, въ ней вовсе и нѣтъ; но ни одинъ изъ нихъ не въ состояніи доказать другому, что тотъ ошибается.

Приведу примѣръ. Въ извѣстной картинѣ Ярошенка „Кочегаръ“ г. Невѣдомскій видитъ унизительную для рабочаго человѣка тенденцію „жалѣнія“, а въ картинѣ Котте „Въ странѣ моря“, бывшей на петербургской французской выставкѣ, — „жалѣнія нѣтъ и слѣда“, тутъ „не состраданіе, не покаяніе, а уважительное (курсивъ г. Невѣдомскаго) сочувствіе“. Я не видалъ картины Котте и не знаю, что бы я прочиталъ въ ней, — можетъ быть именно „жалѣніе“, тогда какъ въ „Кочегарѣ“, мнѣ кажется, нѣтъ ничего, кромѣ правды. Кто насъ разсудитъ? Какъ убѣдитъ меня г. Невѣдомскій и какъ я могу убѣдить его? Споры на этотъ счетъ совершенно бесполезны, и всѣ „тузовые“ и „аховые“ и какіе еще тамъ есть въ арсеналѣ г. Стасова эпитеты вполне законны, какъ выраженіе личныхъ взглядовъ критика-громовержца, но ни для кого другого не обязательны.

Если такимъ образомъ въ оцѣнѣ художественныхъ произведеній сфера логическихъ доказательствъ очень ограничена, то изъ этого не слѣдуетъ, чтобы правиломъ былъ цитируемый гр. Л. Толстымъ чей то афоризмъ: „художественные критики—это глухые, разсуждающіе объ умныхъ“. Г. Невѣдомскому очень нравится этотъ афоризмъ, онъ „глубоко цѣнитъ всю его мѣткость“. Я, въ свою очередь, готовъ глубоко цѣнить скромность и самоотверженіе г. Невѣдомскаго, какъ художественнаго критика, но не могу съ нимъ согласиться. Афоризмъ просто негѣтъ логически и не вѣренъ фактически. Безспорно, существуютъ умные художники и глухые художественные критики, но ни изъ чего не видно, чтобы это было обязательное распредѣленіе ума и глупости, и мы очень хорошо знаемъ, что глухые художники и ум-

ные художественные критики совѣтъ не мнемъ и даже не какія нибудь рѣдкія, исключительныя явленія природы. Да и какъ быть съ людьми въ родѣ Дидро или Лессинга,—признать ихъ умными художниками и вѣстѣ съ тѣмъ глупыми художественными критиками?

Нѣтъ, радующій г. Невѣдомскаго афоризмъ просто пустяки, одинъ изъ тѣхъ вздоромъ, которые легко запоминаются, благодаря краткости и энергіи выраженія, что не мѣшаетъ имъ, однако, быть вздоромъ. И остановился я на немъ только потому, во первыхъ, что г. Невѣдомскій „глубоко оцѣнилъ его мѣткость“, и затѣмъ во вторыхъ, чтобы кто не подумалъ, будто ограниченность примѣненія орудій логики въ художественной критикѣ сколько нибудь подтверждаетъ положеніе о фатальной глупости критиковъ. Ни одинъ критикъ въ мірѣ не можетъ меня убѣдить логическими доводами, что картина хороша, если она мнѣ не нравится, или наоборотъ; но критикъ можетъ отстаивать свое мнѣніе умно или глупо, понимать задачи искусства широко или узко, трактовать самый сюжетъ, тему, самое содержаніе картины вѣрно или невѣрно. И тутъ уже нельзя не требовать отъ него логическихъ доказательствъ и фактическихъ подтвержденій. Принимая въ соображеніе необязательность всего, подлежащаго художественному воспроизведенію,—тутъ и фантазія и дѣйствительность, и исторія и природа, и надзвѣздный и подземный міръ, и прошедшее и настоящее и будущее, и высочайшая высь и нижайшая подлость челоуѣческаго духа,—принимая это въ соображеніе, художественный критикъ, если фактически и можетъ, то принципиально не долженъ быть глупъ. Во всякомъ случаѣ онъ имѣетъ возможность по поводу одной даже какой нибудь выставки или коллекціи художественныхъ произведеній, въ родѣ Эрмитажа или Третьяковской галлерей, распаковать значительную часть своего умственного и нравственнаго багажа, развернуть цѣлое міросозерцаніе, пустить въ ходъ запасъ своихъ научныхъ знаній и „ума холодныхъ наблюденій и сердца горестныхъ замѣтъ“...

Конечно, для этого, кромѣ извѣстнаго писательскаго темперамента, необходимы два условія: во первыхъ, чтобы у критика былъ запасъ научныхъ знаній, холодныхъ наблюденій ума и горестныхъ замѣтъ сердца; чтобы, во вторыхъ, онъ понималъ многостороннюю связь искусства съ жизнью. Иначе онъ въ лучшемъ случаѣ обреченъ или на болѣе или менѣе удачную передачу своихъ личныхъ впечатлѣній, что уже только отъ бойкости пера зависитъ, или на академическія разсужденія по части техники искусства, можетъ быть очень цѣнными для художниковъ, но мало интересныя для большой публики. Это въ лучшемъ случаѣ, а въ худшемъ онъ окажется просто болтуномъ,—забавнымъ или томительно скучнымъ.

Пока еще трудно судить о размѣрахъ научныхъ знаній и собственныхъ „наблюденій и замѣтъ“ г. Невѣдомскаго, но многостороннюю связь искусства съ жизнью, онъ, повидимому, понимаетъ. По поводу картины Ярошенка онъ касается нѣкоторыхъ интереснѣйшихъ моментовъ нашей недавней исторіи и нѣкоторыхъ основныхъ нравственно политическихъ вопросовъ. Но... Есть такіа неприятыя „но“, которыя играютъ роль ложки дегтя въ бочкѣ меда...

Книжки журнала „Жизнь“ заключены въ обертку съ вычурнымъ символическимъ рисункомъ (въ противоположность „Началу“, обертка котораго имѣла строгій, можно сказать аскетическій характеръ). На немъ изображенъ согбенный старецъ въ плащѣ, съ большой бородой; онъ сидитъ, положиа руки на какой то свитокъ; возлѣ него стоитъ совершенно голый мальчикъ, украшенный лишь узенькой повязкой на головѣ; онъ смотритъ по направленію къ слову „Жизнь“; и это слово, и обѣ фигуры помѣщены въ какомъ то пейзажѣ-неразберихѣ въ современномъ декадентскомъ стилѣ,—что то въ родѣ первобытнаго хаоса, въ которомъ небо не отдѣлено отъ земли.

Голенькій мальчикъ съ узенькой повязкой на головѣ кажется мнѣ очень удачнымъ символомъ кое какихъ современныхъ умственныхъ теченій и многихъ современниковъ; въ томъ числѣ и г. Невѣдомскаго. Именно какъ одно изъ характернѣйшихъ воплощеній этого символа и интересны статьи г. Невѣдомскаго.

Г. Невѣдомскій—сторонникъ такъ называемаго „чистаго“ или, какъ онъ предпочитаетъ выражаться, „свободнаго“ искусства. Къ сожалѣнію, не легко понять, что онъ подъ нимъ разумѣетъ. Съ одной стороны, онъ рѣшительно отказывается отъ солидарности съ тѣми, кто подъ „чистотой“ разумѣетъ „вздорное содержаніе“ („праздное искусство побрякушекъ и блестокъ“, по выраженію г. Стасова). Съ другой стороны, утверждая, что единственное обязательство, лежащее на искусствѣ, есть „совершенство формы“, онъ развиваетъ эту мысль такъ: „къ художнику, какъ таковому, можно предъявлять лишь одно требованіе, чтобы онъ говорилъ „чисто“ („не коспозачично“, правильно), и говорилъ то, что думаетъ; одинъ думаетъ о блесткахъ и побрякушкахъ—пусть его думаетъ и пусть о нихъ и говоритъ; другой думаетъ о чемъ нибудь болѣе значительномъ—пусть говоритъ болѣе значительное“.—Это, конечно, очень либерально, но нѣтъ ли тутъ маленькаго противорѣчія или, по крайней мѣрѣ, маленькой недодуманности? Если эстетическая теорія г. Невѣдомскаго разрѣшаетъ художнику изображать все, о чемъ онъ „думаетъ“, то не придется ли иногда художнику позаботиться и не только о „совершенствѣ формы“, а также и о вложеніи своихъ „думъ“ въ эту возможно болѣе совершенную форму? И будетъ ли тогда искусство „чисто“, „свободно“? Удостоится ли оно благосклоннаго

отношения г. Невѣдомскаго? Можетъ быть—да, можетъ быть—нѣтъ. „Передвижники“, по мнѣнію г. Невѣдомскаго, находились во власти ложной эстетической теоріи: они требовали отъ художника „идейности, содержательности“, какъ необходимыхъ атрибутовъ искусства. Но „если передвижники и грѣшили въ своихъ эстетическихъ теоріяхъ, то на дѣлѣ они были правы: они брали тѣ краски, которыми былъ для нихъ „окрашенъ міръ“ (выраженіе Крамского).—И такъ, вообще, теоретически, требованіе отъ искусства „идейности, содержательности“ незаконно, но практически оно вполне законно, если для художника міръ окрашенъ нѣкѣмъ образомъ, если онъ „думаетъ о чемъ нибудь значительномъ“... А такъ какъ естественно желать, чтобы художникъ, какъ и представитель любой другой профессіи, думалъ о чемъ нибудь значительномъ, то тѣмъ самымъ приходится желать, чтобы ложная теорія торжествовала.

Таковъ двусмысленный выводъ, логически вытекающій изъ разсужденій г. Невѣдомскаго и еще подчеркиваемый имъ въ концѣ статьи. Онъ говоритъ: „Моментъ, который переживаетъ теперь у насъ искусство — моментъ „совершенствованія специальности въ самой себѣ“ (по опредѣленію г. Рѣпина)—несомнѣнно законенъ (собственно говоря странно даже ставить этотъ вопросъ). Совершенно такъ же, какъ законно было „передвижничество“. Именно въ такой моментъ становится очевиднымъ, что эстетическія теоріи, художественная критика, могутъ предъявлять къ художнику только эстетическія требованія—требованія соблюдать законы художественнаго творчества; а во всемъ прочемъ искусство совершенно *свободно*“. Кажется ясно? Но г. Невѣдомскій непосредственно послѣ этихъ словъ ошеломляетъ читателя вопросомъ: „Чему могутъ „учить“ люди, не имѣющіе ключа къ жизни? Какъ требовать идеи въ картинѣ, когда ея нѣтъ въ головѣ художника?“

У г. Чехова есть прелестный разсказъ объ одномъ учителѣ гимназій, который былъ столь твердо въ своихъ убѣжденіяхъ, что исповѣдывалъ ихъ, даже умиравъ: „Волга впадаетъ въ Каспійское море“; „лошади кушаютъ сѣно и овесъ“ и т. п. Г. Невѣдомскій съ такою же непреклонностью утверждаетъ свои истины: неучи учить не могутъ; если въ головѣ художника нѣтъ идеи, то онъ не можетъ вложить ее въ картину. Истины безспорныя, но, спрашивается, какое отношеніе онѣ имѣютъ къ вопросу о „свободномъ“, „чистомъ“ или „идейномъ“, „содержательномъ“ искусствѣ? Онѣ не опровергаютъ неправильныхъ, по мнѣнію г. Невѣдомскаго, эстетическихъ теорій „передвижниковъ“, а лишь указываютъ тѣ элементарныя и сами собою разумѣющіяся условія, при которыхъ означенныя теоріи практически неосуществимы, какъ неосуществимо, наиримѣръ, хожденіе безъ всякихъ приспособленій по водѣ или плаваніе на сухомъ пути. Не подтврж-

даютъ безспорныя истинны г. Невѣдомскаго и противоположной, имъ раздѣляемой, эстетической теоріи. И самъ онъ, порадовавшись, что въ наше счастливое время „выяснился принципъ свободы искусства“, оканчиваетъ свою диссертацию такъ: „Мы не думаемъ, что наше искусство навѣки останется при однихъ красивыхъ „пятнахъ“ и „мазкахъ“... Мы увѣрены, что опять придетъ пора, когда люди (по крайней мѣрѣ большая часть общества, чѣмъ теперь) станутъ ощущать новый нервъ жизни, будутъ имѣть ключъ къ существованію... усовершенствованнаго, разработанныя формы искусства наполнятся новымъ содержаніемъ“. Иначе говоря, опять восторжествуетъ ложная теорія „идейнаго, содержательнаго“ искусства, и г. Невѣдомскій привѣтствуетъ это грядущее торжество ложной теоріи...

Но не будемъ дальше останавливаться на логикѣ г. Невѣдомскаго (боюсь, однако, что ниже намъ еще придется съ ней встрѣтиться). Мы подошли къ одному изъ самыхъ интересныхъ пунктовъ его вообще чрезвычайно интересной статьи.

Итакъ, имѣтъ у художниковъ нѣтъ идей въ головѣ, да и вообще у людей нѣтъ „ключа къ существованію“. У передвижниковъ идеи были, были ключъ, и въ этомъ ихъ историческое оправданіе, но это уже пройденная ступень, ихъ идеи, ихъ ключъ для современниковъ не годятся, а новый ключъ лежитъ гдѣ то, можетъ быть и въ близкомъ, а можетъ быть и въ далекомъ будущемъ... Пожалуй, современные художники могли бы сказать г. Невѣдомскому: *mais, parlez vous!* если вы чувствуете, что у васъ нѣтъ ключа, такъ изъ этого не слѣдуетъ, чтобы его не было и у насъ.—И это могли бы сказать не только живописцы, о которыхъ специально говоритъ г. Невѣдомскій, и не только художники вообще, а и современники вообще; тѣмъ болѣе, что, говоря о прошломъ, о передвижникахъ, г. Невѣдомскій привлекаетъ къ отвѣту и литературу 60-хъ—70-хъ годовъ и тогдашнее общественное настроеніе. Конечно, далеко не всѣ современники г. Невѣдомскаго могли бы возразить ему приведенными словами, ибо дѣйствительно велика современная растерянность, но не такъ же все таки вокругъ насъ безлюдно, пусто, не такъ умственно и нравственно безпомощно, чтобы ужъ совсѣмъ не могло быть „идей въ головѣ у художника“.

Возьмемъ такой примѣръ. На послѣдней передвижной выставкѣ была, между прочимъ, картина г. Пимоненка „Жертва фанатизма“. Для насъ здѣсь теперь безразлично, — хороша или не хороша эта картина въ техничeskомъ или какомъ другомъ отношеніи. Пусть она во всѣхъ отношеніяхъ не удовлетворяетъ г. Невѣдомскаго, но неужели же въ головахъ современныхъ художниковъ нѣтъ и не можетъ быть никакихъ идей, имѣющихъ отношеніе къ темъ картинамъ г. Пимоненка? нѣтъ и не можетъ быть ключа къ этой сторонѣ нашей жизни? И неужели, слѣдовательно, незаконно

требуваніє, чтобы художникъ въ подобной картинѣ далъ намъ теперь же, а не въ какомъ то туманномъ будущемъ, нѣчто, кромѣ „красивыхъ пятенъ и мазковъ“? Скажу больше—трактовать подобную тему при помощи исключительно красивыхъ пятенъ и мазковъ прямо таки невозможно. И очевидно, что г. Невѣдомскій стоитъ на какой то особенной точкѣ зрѣнія, съ которой „жертвы фанатизма“ не видны. И не только жертвы фанатизма. Поле зрѣнія г. Невѣдомскаго вообще необычайно узко: нѣкоторые даже близкіе предметы онъ различаетъ очень плохо, а что подальше, такъ и совсѣмъ не видитъ...

Ключъ къ существованію былъ; ключъ къ существованію потерявъ или до такой степени заржавѣлъ, что уже не годится; ключъ къ существованію найдется или будетъ сдѣланъ новый... Можетъ быть, это и очень хорошая метафора; но я предпочитаю другую: одежда была; одежда сброшена; одежда вновь найдется, а въ ожиданіи г. Невѣдомскій ходитъ на манеръ мальчугана на обложкѣ „Жизни“, имѣя узенькую повязку на головѣ вмѣсто всякаго костюма. Эта повязка, конечно, не много значить въ смыслѣ одежды, но она можетъ сдавливать голову, что не способствуетъ вѣрному воспріятію дѣйствительности и правильному теченію мысли.

Сброшенная одежда—это хіросозерпаніє 60-хъ и 70-хъ годовъ, которое г. Невѣдомскій характеризуетъ такъ (курсивъ вездѣ принадлежитъ г. Невѣдомскому):

Для нашего передового общества это была пора великаго *покаянія*, великаго *отрицанія* барина и всего барскаго, отрицанія почти всей современной дѣйствительности и въ то же время—пора великихъ *надеждъ*. Надежды на кого, на что?.. Теперь, „задирая числовъ“ мы знаемъ, что надежды эти были утопическими, что на поставленный вопросъ не дано было достаточно точнаго отвѣта. Но въ то время огромный, небывалый у насъ подъемъ общественнаго настроенія, вызванный и питаемый надежью рабства, не давалъ выждать точнаго рѣшенія вопроса, и надежды (какъ и всегда впрочемъ) имѣли происхожденіе скорѣе, такъ сказать, изнутри, чѣмъ снаружи... Не забудемъ однако, что насколько интенсивны были эти надежды у однихъ, настолько же интенсивны были у другихъ *страхи*. Вспомнимъ того помѣщика, который, по свѣдѣтельству Успенскаго, обучать своихъ дѣтей ремесламъ въ виду того, что „Богъ вѣдь знаетъ, до чего доживемъ—къ нѣхъ то времени“!.. Надѣялись на народъ, на самихъ себя—интеллигенцію. На мужика надѣялись потому, что его идеализировали, а это было вполне естественно въ „кающихся дворянахъ“ по отношенію къ тѣмъ, передъ кѣмъ они казались. Этого мужика горячо любили за надежды, которыя на него возлагались, и за тотъ грѣхъ, въ которомъ себя передъ нимъ винили, и, можетъ быть, еще горячѣе любили за тѣ страданія, которыя онъ перенесъ въ прошломъ и переносилъ въ настоящемъ: любили—жалѣли. Самихъ себя—интеллигенцію тоже любили, но лишь постольку, поскольку *откапывали* отъ себя, скидали съ себя барскія „признаки“, „сливались“ съ народомъ, дѣлая его дѣломъ... (Пропускаю одну вводную мысль, къ которой можетъ быть вернуться ниже, а можетъ быть и не вернуться. Н. М.).. Въ горячей любви къ мужику, въ великихъ надеждахъ коренился источникъ и

великой способности къ самопожертвованію. Къ срединѣ 70-хъ годовъ, когда сложился духовно Ярошенко, жизнерадостности было уже не много. Надежды оставались, но уже были не розовыя: онъ какъ бы свѣтили сквозъ какой то мрачный туманъ отъ тѣхъ трагедій, которыя тулялись въ воздухѣ... Не одна уже была введена поправка, не мало было сдѣлано огороховъ. Но все таки надежды были еликія. Лирическое, пробавлявшееся однимъ собственнымъ настроеніемъ народничество уступило мѣсто критическому. Последнее уже видѣло, что община—это „чортъ знаетъ что, а не община“, но еще держалось (и теперь намъ видится, пожалуй, здѣсь какой то порывъ отчаянія), держалось за надежду—„безсознательную красоту ржаного поля“, стихійное благообразіе формъ народной жизни ~~преставитъ~~ въ сознательную красоту и благообразіе; и сдѣлать это могла и должна была интеллигенція, которая для того сама должна стать свободной (Успенскій).

Нѣсколько дальше читаемъ:

Пересмотрѣвши нашу народническую (т. е. почти всю передовую)—прибавляетъ съ восклицательнымъ знакомъ г. Невѣдомскій въ скобкахъ) литературу, прислушиваясь при этомъ къ той нравственной нотѣ, которая является въ ней преобладающей,—всякій согласится, что рядомъ съ нотой „задолженности передъ народомъ“ нота „жалѣнія“: жалость, состраданіе, страданіе за *другихъ*, самопожертвованіе, какъ идеалъ,—вотъ нервъ эпохи. У Щедрина есть такая любимыя аргументація: „бѣдная это страна (Россія), ее надо любить“. Самое слово *жалѣніе* не разъ съ любовью употребляется имъ. Это слово не только щедринское, а и крестьянское: жалѣть и любить на языкѣ крестьянина синонимы. И выходитъ, какъ будто крестьянская этика отчасти отразилась въ этикѣ народниковъ. Какой другой образецъ правды могъ найти интеллигентъ въ носителяхъ „красоты ржаного поля“, т. е., конечно, дѣйствительно существующій, а не мнимый образецъ? Думается, что ничего лучшаго, чѣмъ „жалѣніе“ породившъ, *ужасеніе* къ страданію „несчастнѣйшихъ“—въ „красотѣ ржаного поля“ не заключалось. Это съ одной стороны. А съ другой—отношеніе барина, хотя бы и „покаявшагося“, къ только что признанному за человѣка мужику, несмотря на горячую идеализацію послѣдняго, несмотря на всю полноту самоотрицація, можетъ стать, все же, *по сущности*, не могло быть ничѣмъ инымъ, кромѣ *жалѣнія*... Во Франціи, въ эпоху „народничества“, т. е. въ эпоху великой революціи, по замѣчанію Токвиля, идея „правъ человѣка“ пропитывала собою всю жизнь, всѣ проявленія человеческой мысли, и именно въ этой формулировкѣ повторилась всюду—отъ великолѣпныхъ декларацій правительственныхъ лицъ до убогой кляузы какого нибудь сельскаго писаря. Это былъ нервъ эпохи. У насъ освобожденіе крестьянъ пошло не снизу, а сверху, и не совпадало съ освобожденіемъ буржуазин, и, можетъ быть, потому нервомъ эпохи стало „жалѣніе“—рѣдко формулировавшееся, но право, кажется, всюду присутствовавшее отъ саркастическихъ рѣчей Щедрина до писаній такого типичнаго „жалѣтеля“, какъ Гаршинъ.

Да простить мнѣ читатель эти длинныя выписки, но я хочу со всею возможною точностью передать мысли г. Невѣдомскаго и потому продолжаю. Описавъ картину Ярошенка „Кочегаръ“, онъ говоритъ:

Кажется, чуть не словами говорить эти глаза: „Вотъ до чего вы довели, извели меня!“... а пожалуй и такъ: „Господа! удѣлите мнѣ, чело-вѣку, извариваемому въ котлѣ капитализма, милостыню вашего вниманіа-

нія"—перифразъ словъ, вложенныхъ въ уста „рабочему человѣку города и деревни" Н. К. Михайловскимъ (въ замѣткѣ о Чеховскихъ „Мужикахъ"). Изъ всей выставки Ярошенки самое сильное впечатлѣніе произвѣдетъ на насъ этотъ „Кочегаръ". Но, не въ укоръ будь сказано памяти покойнаго художника и не въ укоръ эпохѣ жальнія, въ которую онъ писалъ свою картину, не жалтіе, не состраданіе и не благодарное чувство къ художнику пробудила она въ насъ... Нѣтъ, что то тяжелое, какое то ощущение чужъ не позора, какъ бы полученнаго оскорбленія, поднимается въ душѣ по мѣрѣ того, какъ вглядываешься въ подобное изображеніе человѣка. Вѣдь ничего, ни одной черточкѣ не вложено художникомъ въ это лицо, въ эту фигуру, кромѣ аргументовъ для „жалтія"! Неужели и вправду ничего не найдется въ этомъ человѣкѣ, кромѣ жалости достойнаго, кромѣ огрубѣнія, машинно или пожалуй австро-подобности? И не потому оскорбляютъ насъ подобныя картины, что мы перенесли свои надежды въ другое мѣсто изъ того, куда помѣщали свои надежды народники, не потому, что въ этой картинѣ, если она претендуетъ на обобщеніе, на созданіе типа, намъ видится теперь не правда, а клевета. Нѣтъ просто непосредственное чувство оскорблено. Если бы это было правдой, то это такая ужасная правда, которую изображать въ „картинкѣ"—почти кощунство. Мы бы сказали то же, если бы въ такомъ видѣ, съ такими же „просящими милостыни" глазами былъ изображенъ „рабочій человѣкъ деревни".

Осмотримъ немного. Я уже говорилъ, что препираться о томъ, что вложено художникомъ въ „Кочегара", „жалтіе" или что другое,—не стану, потому что это было бы вполнѣ бесполезный, а, слѣдовательно, не интересный споръ. Но вотъ что дѣйствительно интересно: по мнѣнію г. Невѣдомскаго, есть ли возможна такая „правда", которую изображать не слѣдуетъ, ибо она ужасна. Правда, г. Невѣдомскій прибавляетъ—изображать въ „картинкѣ", желая, повидимому, этимъ поставленнымъ въковычки уменьшительнымъ именемъ смягчить или ограничить свое запрещеніе. Но это онъ напрасно. „Кочегаръ" не „картинка" и г. Невѣдомскій самъ очень хорошо знаетъ это. (Онъ называетъ „Кочегара" самой лучшей и характерной вещью изъ написанныхъ Ярошенко картинъ жалтія и „можетъ быть единственной вполнѣ художественной вещью Ярошенки". „Кочегаръ" производитъ на него изъ всей выставки самое „сильное впечатлѣніе". Поэтому уничтожительное или, по малой мѣрѣ, синхронизаторное „картинка" въ данномъ случаѣ совершенно неумѣстно.

Художникъ узналъ, увидѣлъ „ужасную правду", она пронизала его душу жалостью, негодованіемъ, сочувствіемъ, гнѣвомъ, все равно чѣмъ,—въ немъ пробудился творящій духъ... Онъ долженъ подавить его въ себѣ, потому что правда ужасна... Позвольте, однако, причѣмъ же тогда всѣ вышеприведенныя разсужденія о „свободѣ" искусства, о томъ, что критикъ можетъ предъ-явить художнику только одно требованіе: чтобы онъ говорилъ „чисто" и говорилъ то, что думаетъ? Въ картинѣ „Кочегаръ" Ярошенко „говорить чисто" („съ необычайной для Ярошенки

простотой и силой, живьемъ — замѣчаетъ г. Невѣдомскій) и говорить то, „что думаетъ“. Чего же еще нужно критику, поставившему единственное требованіе? И потому, на такихъ критиковъ вѣдь не напасешься ужасныхъ правдъ. Г. Невѣдомскій видитъ такую въ „Кочегарѣ“. А я съ такими же пафосомъ буду говорить о томъ, что мое непосредственное чувство оскорблено ужасной правдой Идушки Головлева, его жестокимъ словоточивымъ апеміриемъ; другой скажетъ, что ужасна правда мукъ ревности Отелло и безвинной смерти Дездемоны; третій отвернется отъ ужасной правды Верещагинскаго „Забытаго“ или другихъ его картинъ войны; четвертый забракуетъ (и приблизительно на тѣхъ же основаніяхъ, на какихъ г. Невѣдомскій бракуетъ „Кочегара“) „Пісню о рубашкѣ“ Томаса Гуда, и т. д. и т. д. Подобные критики вѣдь и бывали, но, къ счастью, искусства въ цѣломъ они не застращали своимъ краснорѣчіемъ. Г. Невѣдомскій дѣлаетъ мнѣ честь, находя остроумнымъ мое замѣчаніе, что эти критики „не любятъ гражданской скорби, но ничего не имѣютъ противъ гражданской радости“. Очень польщенъ похвалою и былъ бы очень огорченъ его намеками на то, что въ „двуединой правдѣ, особенно въ колѣнѣ „субъективной науки“ первенствующая правда нѣсколько обижала логику“; былъ бы, говорю, очень огорченъ, если бы не было до очевидности ясно, что собственная логика г. Невѣдомскаго хромаетъ на обѣ ноги. Это, впрочемъ, естественное послѣдствіе замѣны одежды узенькой повязкой на головѣ...

Г. Невѣдомскій „сказалъ бы то же (что объ „Кочегарѣ“), если бы въ такомъ видѣ, съ такими же „просящими милостыни“ глазами, былъ изображенъ „рабочій человѣкъ деревни“. Этими словами г. Невѣдомскій хочетъ выразить свое безпристрастіе. Прекрасное качество, но дѣло въ томъ, что въ ту минуту, когда г. Невѣдомскій представлялъ читающей публикѣ эту именно благородную черту, тысячи голодныхъ рабочихъ людей деревни ходили по лицу русской земли съ просящими милостыни не только глазами, а и языками. Эта по истинѣ ужасная правда не съ разу раскрылась передъ нашимъ обществомъ, но наконецъ она и оффиціально была признана, и неужели же одно искусство должно отъ нея отворачиваться подъ тѣмъ великолѣпнымъ предлогомъ, что правда „оскорбляетъ непосредственное чувство“?

Узенькая повязка на головѣ не позволяетъ г. Невѣдомскому видѣть то, что бьетъ въ глаза, но, съ другой стороны, разрѣшаетъ видѣть то, чего нѣтъ. Онъ утверждаетъ, наприимѣръ, что слова: „Господа! удѣлите мнѣ, человѣку, вывариваемому въ котлѣ капитализма, милостыню вниманія“, — что эти слова суть „перифразъ словъ“, вложенныхъ въ уста „рабочему человѣку города и деревни“ Н. К. Михайловскимъ (въ замѣткѣ о Чеховскихъ „Мужикахъ“). — Я съ своей стороны утверждаю, что г. Невѣдомскій говоритъ *фактическую неправду*. Пишу и подчеркиваю и пред-

лагаю г. Невѣдомскому страницы „Русскаго Богатства“ для опроверженія меня или же для признанія. Я не влагалъ никому въ уста просьбы о милостивѣ вниманія. Г. Чеховъ въ концѣ своихъ „Мужиковъ“ дѣйствительно вложилъ въ уста вдовы умершаго въ деревнѣ полового и ея дочери просьбу о милостивѣ, просто о милостивѣ Христа ради. А я по этому поводу *отъ себя* попросилъ у ликующихъ господъ критиковъ „Милостивѣ вниманія“ къ рабочимъ людямъ, какъ города, такъ и деревни. На этой „милостивѣ вниманія“ уже кто то изъ единомышленниковъ г. Невѣдомскаго ѣздилъ, а теперь и ему захотѣлось на томъ же конкѣ покрасоваться! Но что же дѣлать, господа, если приходится просить у васъ милостивѣ? И что же дѣлать, если вы не понимаете ни проищ, ни метафоры, а вотъ еще добавокъ и факты превращаете? Мнѣ пришлось потомъ повторить эту проищескую метафору въ формѣ просьбы о милостивѣ вниманія къ моимъ сочиненіямъ: просьба была обращена къ челоуѣку, у котораго, по моему ссчету, ровно на грошъ амбицій и на сто рублей амбицій. Надѣюсь, это не значитъ, чтобы я серьезно позарился на какую нибудь долю гроша, имѣющагося въ распоряженіи этого гордаго, но бѣднаго челоуѣка... Да и, кажется, мнѣ нечего серьезно то просить о милостивѣ вниманія. Мнѣ и безъ того ее подаютъ въ изобиліи, такъ что даже надобно, да иной разъ еще фальшивой монетою подаютъ, вотъ какъ г. Невѣдомскій.

Спрашивается, почему же г. Невѣдомскому нужно, чтобы я вложилъ въ уста рабочему челоуѣку просьбу о милостивѣ вниманія, которой я никому не влагалъ, и чтобы дѣйствительно сказанная мною фраза была не проищеская или метафорическая? Собственно говоря, это ему совсѣмъ не нужно, но замѣняющая ему костюмъ узенькая повязка на головѣ заставляетъ его подгонять подъ свою узенькую мѣрку факты, въ томъ числѣ цѣлое и детали той одежды, которую онъ сбросилъ, за ветхостью или ненужностью. Одежда эта, по его мнѣнію пропитана запахомъ оскорбительной „милостивѣ“, унижательнаго и унижающаго „жалѣнія“ мужика; „жалѣнія“ и вмѣстѣ съ тѣмъ „горячей идеализаціей послѣдняго“. Тутъ есть какъ будто нѣкоторое противорѣчіе, а потому г. Невѣдомскій подчеркиваетъ: „несмотря на горячую идеализацію“, отношеніе того времени къ мужику „все же, *по существу* не могло быть ничѣмъ инымъ, кромя жалѣнія“.

Начнемъ съ идеализаціи. Потребность идеализаціи присуща челоуѣку и уже потому самому законна, когда она искренна и не переходитъ извѣстныхъ, впрочемъ, трудно опредѣлимыхъ, границъ. Удовлетворила-ли этихъ условіямъ идеализація мужика въ 60-хъ, 70-хъ годахъ? Отвѣтить на этотъ вопросъ гораздо труднѣе, чѣмъ это кажется г. Невѣдомскому, которому узенькая повязка мѣшаетъ видѣть оттѣнки и которому нужны огульныя

рѣшенія. Что въ общемъ идеализація была искренна,—это несомнѣнно; что во многихъ отдѣльныхъ случаяхъ она переступала законные предѣлы,—это тоже несомнѣнно. Но, во первыхъ, самая эта идеализація была направлена въ разныя стороны: кто видѣлъ въ мужикѣ великую историческую силу активную, грозную, буйную, мало обращалъ вниманія на нравственные качества, „добродѣтели“; кто, напротивъ, цѣнилъ именно „добродѣтели“, выкованныя пѣвческими общественными формами трудовой жизни; кто идеализировалъ въ политическомъ направленіи,—кто въ экономическомъ, кто—въ этическомъ; кто требовалъ уваженія лишь къ „интересамъ“ народа, а кто настаивалъ и на святости его „мирънѣи“; кто вѣрилъ, что великія силы лежатъ въ народѣ въ зародышѣ, подавленномъ вѣковыми неблагоприятными условіями; а кто утверждалъ, что онъ великая и благая сила сейчасъ, какъ онъ есть; кто разумѣлъ подъ „народомъ“ исключительно мужика, а кто—всю совокупность людей труда. Это разъ. А во вторыхъ, при этой пестротѣ направленій, характера и напряженности идеализаціи (не разъ вызывавшей рѣзкую полемику въ той самой средѣ, которую г. Невѣдомскій малюетъ, какъ суздальскій живописецъ, одной краской); при этой пестротѣ, дававшей возможности взаимнаго контроля, существовала еще жажда правды, какова бы она ни была. Страхъ и потребность идеализаціи могли въ томъ или другомъ случаѣ затемнять правду, ослаблять, но чтобы въ принципѣ, сознательно сказать: „эта правда ужасна и потому представлять ее есть кощунство“,—нѣтъ, этого не было и не могло быть въ то время, когда мы носили одежду, вѣнчъ сброшенную г. Невѣдомскимъ. „Слащавое лирическое народничество не нашло своего отраженія въ живописи,—говоритъ г. Невѣдомскій (можетъ быть—ядовито прибавляетъ онъ скобкахъ—провѣрка была слишкомъ легка, такъ какъ вѣдь живописцы пишутъ всегда съ *натуры*). Вольшиянство, и самые талантливые, писали крестьянство, точно находя удовлетвореніе въ какой то горькой правдивости (Перовъ, Рѣпинъ въ „Бурлакахъ“)“.—Къ плевкамъ Перова и г. Рѣпина г. Невѣдомскій могъ бы прибавить многія другія имена, ну хоть, напримѣръ, г. Максимова съ его „Приходомъ колдуна на свадьбу“ и „Раздѣломъ“. Но это подробности, а интересно было бы знать вотъ что: если, какъ говоритъ г. Невѣдомскій, „передвижники шли въ хвостъ у литературы“, а литература только идеализировала мужика, то почему же нѣтъ было свойственна „горькая правдивость“? Неужели только потому, что живописцы пишутъ всегда съ *натуры*? Если допустить это объясненіе, такъ вѣдь придется признать, что и вообще фальшь въ живописи невозможна, а находить же ее г. Невѣдомскій, напримѣръ, въ картинѣ Ярошенка „Всюду жизнь“ (не говорю о „Кочегарѣ“) и, конечно, въ очень многихъ другихъ произведеніяхъ живописи. Гораздо вѣрнѣе

предположить, что горькая правдивость была свойственна и литературѣ. Да и что же тутъ предполагать, когда мы знаемъ такіа горькіа пѣсѣбраженія „ужасной правды“, какъ, напри- мѣръ, „Поддѣшныи“, Рѣшетникова, какъ трепещущіе скорб- ной правдой рассказы Успенскаго, какъ многія страницы даже наиболѣе изъ тогдашнихъ крупныхъ писателей склоннаго къ идеализаціи г. Златовратскаго, какъ немногочисленные, но яркіе рассказы изъ крестьянскаго быта Салтыкова и его же публици- стическія статьи на эту тему. Я напоминаю только кое что, только такое, что занесется, какъ характерные факты, на стра- ницы каждой будущей, самой бѣглой и краткой, исторіи литера- туры. Не говорю о болѣе мелкихъ явленіяхъ, не говорю и о такихъ, какъ, наприимѣръ, проповѣднія Слѣпцова и Николая Успенскаго, въ которыхъ на мужика, на его невѣжество и гру- бость, направлялась даже чрезмѣрно обильная обличительная струя. И если принять все это во вниманіе, то по истинѣ можно только руками развести: гдѣ же глаза у г. Невѣдомскаго?

Ахъ читатель, они у него, конечно, на мѣстѣ, но закрѣплен- нымъ костюмъ узенькая повязка давить ему голову...

Но что же это за „народничество“, которое наполняло со- бою „почти всю передовую литературу“ 60-хъ, 70-хъ годовъ? Идеализація не составляетъ, какъ мы видѣли, его существа: оно „по существу не могло быть ничѣмъ инымъ, кромѣ жалѣнія“. И такъ, жалѣніе,—жалѣніе курсивомъ, жалѣніе въ кавычкахъ, словомъ всѣми возможными способами подчеркнутое жалѣніе,— вотъ корень народничества. Мы видѣли, однако, что во Франціи „эпохой народничества“ была „эпоха великой революціи“, но „жалѣнія“ тамъ не было, а „нервъ“ эпохи составляла „идея правъ человѣка“. Неизвѣстно почему эпоха великой французской революціи есть эпоха народничества (какъ бы этому изумился покойный Юзовъ, авторъ „Основъ народничества“!), но во вся- комъ случаѣ возможно народничество безъ жалѣнія, а тѣмъ паче, конечно, жалѣніе безъ народничества, и г. Невѣдомскій знаетъ нѣсколько картинъ Ярошенка „на тему жалѣнія же, но болѣе общаго—не спеціально народническаго“. Все это не способ- ствуетъ, конечно, уясненію смысла слова „народничество“ въ устахъ г. Невѣдомскаго, тѣмъ болѣе, что опредѣленія его онъ нигдѣ не даетъ. Мы узнаемъ только, что было сперва „ири- ческое, пробавлявшееся однихъ собственнымъ настроеніемъ на- родничество“, потомъ „уступившее мѣсто критическому“. Это мы узнаемъ изъ первой статьи г. Невѣдомскаго („Художникъ-интел- лигентъ“). Во второй („О современномъ художествѣ“), предъ- являя нѣкоторыя возраженія на мои предварительныя замѣчанія въ апрѣльской книжкѣ „Русскаго Богатства“, г. Невѣдомскій указываетъ еще третій фазисъ народничества. Онъ говоритъ:

Мы очень жалѣемъ, если наша замѣтка дѣйствительно длетъ поводъ обвинить насъ въ „саркастическомъ“ отношеніи къ народничеству въ его прошломъ. Мы вовсе не хотѣли „преслѣдовать сарказмами“ этой лучшей страницы нашей исторіи, этихъ единственныхъ по своему значенію годовъ нашей общественной жизни; мы не хотѣли, не думали хоть сколько нибудь умалить великихъ людей—дѣятелей и писателей того времени. Это большіе люди, немного такихъ людей создавала наша исторія, и передъ ними, передъ ихъ памятью всякій порядочный человѣкъ всегда скинетъ долую шапку—совершенно независимо отъ того, какъ онъ относится къ „жалѣнію“ или къ „любви къ дальнему“. Если въ замѣткѣ нашей были сарказмы, то мы всѣ ихъ относили не къ прошлому, а къ современности—къ выдохшемуся, выцвѣтшему народничеству нашихъ дней, утратившему и историческую почву, и „надежды“, и прежній духъ и прежній смыслъ.

Я очень радъ, что далъ г. Невѣдомскому случай снять шапку передъ прошлымъ, но эта выписка все-таки ни на шагъ не подвигаетъ насъ къ рѣшенію вопроса: что же такое, по его мнѣнію, народничество? Можетъ быть мы окажемся счастливыѣ, если войдемъ въ подробности фактическаго свойства, если остановимся на какихъ нибудь определенныхъ указаніяхъ именъ или литературныхъ произведеній. Къ сожалѣнію, такого рода указаній очень мало у г. Невѣдомскаго. Чаше другихъ онъ помнитъ, кажется, меня, но говорить съ соотвѣтственною подробностью о себѣ я не считаю удобнымъ. Возьмемъ Салтыкова. Объ немъ г. Невѣдомскій говоритъ слѣдующее:

У Щедрина есть такая любопытная аргументація: „бѣдная это страна (Россія), ее надо любить“. Самое слово *жалѣніе* не разъ съ любовью употребляется имъ. Это слово не только щедринское, а и крестьянское: жалѣть и любить на языкѣ крестьянина синонимы. И выходитъ, какъ будто крестьянская этика отчасти отразилась въ этикѣ народниковъ. Какоіи другой образецъ правды могъ найти интеллигентъ въ носителяхъ „красоты ржаного поля“, т. е., конечно, дѣйствительно существующій, а не минимый образецъ? Думается, что ничего лучшаго, чѣмъ „жалѣніе“ вродимыхъ, *улажніе* къ страданію „несчастнѣйшихъ“—въ „красотѣ ржаного поля“ не заключалось. Это съ одной стороны. А съ другой—отношенія барина, хотя бы и „покаявшагося“ къ только что признанному за человѣка мужику, несмотря на горькую идеализацію послѣдняго, несмотря на всю полноту самоотрицанія, можетъ статься, *по существу*, не могло быть ничѣмъ инымъ, кромѣ *жалѣнія*.

Перейдя затѣмъ къ „Кочегору“, въ творцѣ котораго особенно отразились литературныя вѣянія „эпохи жалѣнія“, г. Невѣдомскій поясняетъ свою мысль такъ:

Мы допускаемъ, что субъективно Ярошенко правъ и, тѣмъ болѣе, правдивъ. Мы не думаемъ винить адсья ни его, ни тѣмъ паче, всей эпохи жалѣнія. Но и мы не виноваты, если подобныя произведенія кажутся намъ оскорбительными. „Это такъ и баста!“—какъ говоритъ Крамской. На нашъ взглядъ такое „жалѣніе“ (это „двуединное“ чувство—на половнику раба, на половнику барское) можетъ быть и похвально въ „кающемся“ дворянинѣ, но содержитъ нѣчто глубоко оскорбительное для тѣхъ, кто служитъ ему объектомъ, кого „жалѣють“ эти господа... Право же они не жалости отъ нихъ хотятъ, а лишь *справедливости*, да и обойдутся

безъ нашего „жалѣнія“, даже если мы не соблаговолімъ „удѣлѣть имъ милостивую нашего вниманія“.

Г. Невѣдомскій называетъ въ одномъ мѣстѣ Салтыкова „старымъ народникомъ“, да и, конечно, этотъ умершій десять лѣтъ тому назадъ писатель не можетъ быть отнесенъ къ „современности“, какъ ее понимаетъ г. Невѣдомскій. Если ужъ Салтыковъ народникъ, то именно „старый“ и долженъ быть отнесенъ къ древнѣйшей, то есть „апрической“ стадіи народничества. И вотъ что, напริมѣръ, писалъ онъ въ 1864 г., то есть тридцать пять лѣтъ тому назадъ, когда г. Невѣдомскій, нынѣ обучающій стариковъ „справедливости“, можетъ быть еще не родился:

Когда говоришь о мужичкахъ, то нѣтъ никакой надобности ни умнѣяться, ни присѣдаться, ни впадать въ меланхолію. Надо смотрѣть на это почтенное сословіе какъ можно проще, и въ настоящее время, думается мнѣ, достаточно будетъ съ тобой, читатель, если ты доподлинно будешь знать что дѣлаетъ русскій мужикъ, и во что ему это дѣло обходится. Никогда не мѣшаешь имѣти правильныя и непреувеличенныя свѣдѣнія о предметѣ, о которомъ имѣти такковыя желаешь. Это отсутствіе преувеличеній, быть можетъ, огорчитъ нѣсколько любознательнаго изыскателя, лишитъ его удовольствія рисовать картинки на разовомъ маслѣ и вообще идеальничать и поэтизировать, но взамѣнъ того оно положитъ начало чувству болѣе прочному и плодотворному, чувству справедливости. Если идеализація, всегда основанная на поверхностномъ или неполномъ знаніи вещей, помогаетъ намъ распускаться въ умиленіяхъ и мечтахъ о сближеніяхъ, то не надо забывать, что нерѣдко та же самая идеализація ведетъ насъ и къ мордобитію. Напротивъ того, знаніе вещи необходимо отразится и на отношеніяхъ человека къ ней, и эти отношенія будутъ именно такими, какими они быть должны. Не будетъ поцѣлуевъ, но не будетъ и оплеухъ, не будетъ любви всепрощающей, но не будетъ и поученій тѣлесныхъ. Будетъ справедливость, а покажется она только и и требуется.

Не правда ли, читатель, — „веселенькій пейзажикъ“? Г. Невѣдомскій „старому народнику“ черезъ тридцать пять лѣтъ его же добромъ ему же челомъ бьетъ, имѣя притомъ чрезвычайно великодушную наружность: онъ спускается, онъ понимаетъ, что „старый народникъ“ былъ по своему можетъ быть и правъ, весь уйдя въ „жалѣніе“ и идеализацію мужика и недостаточно дѣлая „справедливость“; но голенькій мальчикъ съ узенькой повязкой на головѣ въ то же время оскорбленъ въ своихъ лучшихъ, благороднѣйшихъ чувствахъ...

Я буду имѣти скоро случай нѣсколько подробнѣе говорить о Салтыковѣ. Здѣсь же отмѣчу только, что Щедринское слово „жалѣніе“ есть дѣйствительно и крестьянское слово, но оно не содержитъ въ себѣ ничего оскорбительнаго. Жалѣть и по щедрински, и по крестьянски значить, любить — беречь, оберегать, дѣйственно любить, похотѣть жить. Ну, а что касается утвержденія г. Невѣдомскаго, будто въ крестьянской и щедринской (и вообще „народнической“) этикѣ нѣтъ ничего „лучшаго“,

чѣмъ „жалѣніе“ юродивыхъ, *уваженіе* къ страдающимъ „несчастненькихъ“, — то пусть это остается на совѣсти почтonnaго критика...

Г. Невѣдомскій! Спите еще разъ шапку...

Ключъ къ жизни былъ, ключъ къ жизни будетъ, сейчасъ ключа къ жизни нѣтъ. Въ частности у художниковъ „идей въ головахъ нѣтъ“, а потому они, пока что, обречены на „совершенствованіе въ своей специальности“, иначе говоря, на „красивые мазки и пятна“. Нѣтъ, разумеется, резона предполагать, что въ такомъ положеніи находятся только художники, какъ нѣтъ резона и для другого предположенія, будто художники, въ противоположность художественнымъ критикамъ, непременно умны, — не особенная же это какая-нибудь порода людей. Но ключъ къ жизни дается, повидимому, не только идеями, а и „надеждами“. „Надежды“ тоже были, „великія надежды“.

Г. Невѣдомскому нравятся картины Ярошенка „Курсистка“, „Студентъ“, „Старое и молодое“. Въ глаза „Курсистки“ художнику „удалось вложить столько вѣры во все „хорошее“ и въ близость его торжества, что этихъ глазъ долго не забудешь. Теперь, хоть и найдутся еще „дамы“, которыя съ враждебнымъ любопытствомъ косятся на „бѣгающихъ съ книжками“ и, при удобномъ случаѣ, готовы пустить про „стриженныхъ“ всякій пошлый вадоръ; но въ общемъ это явленіе уже старое, примелькавшееся, вошедшее въ обиходъ жизни. Конечно, отъ этого оно не утратило своего значенія. Одно только: глазъ съ такимъ выраженіемъ—содержащихъ столько *надеждъ*, онъ въ наши дни у „бѣгающихъ съ книжками“ не увидитъ... Дни теперь другіе.—„Студентъ“—„это несомнѣнный „нигилистъ“, дерзновенный отрицатель съ богатымъ запасомъ *надеждъ*, какъ бы говорящій зрителю: а вотъ погодите, разберемъ и—не сомнѣвайтесь! *pour ça changerons tout cela!* — Въ „Старомъ и молодомъ“ „внуча, прѣхавшій изъ столицы въ знакомую семью или къ роднымъ, съ увлеченіемъ излагаетъ свой „символъ вѣры“. Онъ разгоряченъ, готовъ „сломать стулъ“, на который опирается козѣнкомъ, стоя передъ противникомъ „отцомъ“. Правой рукой онъ нѣсколько комично тычетъ въ воздухъ. Можетъ быть его горячность поддерживаетъ присутствіемъ совсѣмъ юной дѣвочки, которая спидитъ за спиной у отца, прислонясь подбородкомъ къ спинѣ кресла; она подалась вслѣдъ корпусомъ впередъ, впилась глазами въ оратора и жадно ловитъ „новыя рѣчи“. Картинка задумана съ любовнымъ юморомъ и опять исполнена очень правдиво и съ чувствомъ мѣры. А сценка для того времени какъ нельзя болѣе характерна“.

„Для того времени“, теперь ужъ ничего этого нѣтъ: „дни

теперь другие,... Ни „идей“, ни „надежд“ нѣтъ, только голенькіе мальчишки бѣгаютъ, да „совершенствуютъ специальности въ самихъ себѣ“...

Я думаю, что это слишкомъ ужъ мрачная картина, или ужъ слишкомъ веселая. Мнѣ не трудно себѣ представить даже самого г. Невѣдомскаго въ положеніи юноши на картинѣ „Старое и молодое“: „поддерживаемый присутствіемъ совсѣтъ юной дѣвцы, жадно ловящей „новыя рѣчи“,—онъ „нѣсколько комично тычетъ“ въ „отцовъ“ то щедринскимъ „жалѣніемъ“, то коей „милостивей вниманія“, то не знаю чьей (кажется, Гл. Успенскаго) „красотой ржаного поля“... Или вотъ хоть эта „красота ржаного поля“. Повторяю, не знаю, чье это выраженіе, и по аналогіи могу допустить, что г. Невѣдомскій ѣздитъ на немъ столь же пзвращенно, какъ и на „жалѣніи“ и „милостивѣй вниманія“. Во всякомъ случаѣ онъ ѣздитъ на немъ до надоедливости много, какъ на одномъ изъ элементовъ отринутаго имъ комплекса идей и надеждъ. Но не угодно-ли прочесть, напри- мѣръ, слѣдующую страницу изъ статьи человѣка, по образу мыслей, кажется, очень близкаго г. Невѣдомскому:

Передъ моими глазами встаетъ, какъ живая, картина жатвы на поляхъ Дакоты и тѣ впечатлѣнія, которыми меня охватили при видѣ тянущихся безъ конца полей золотистой пшеницы, окруженныхъ баттареей въ нѣсколько десятковъ фузиллокъ. Равномѣрное движеніе машинъ, идущихъ другъ за другомъ ангажомъ и выбрасывающихъ въ правильныхъ промежуткахъ времени по нѣскольку связанныхъ сноповъ, сотни радостныхъ, укладывающихъ ихъ въ копны, механики верхомъ, исполняющіе роль офицеровъ въ промышленной арміи, повсюду на горизонтѣ столбъ дыма,—все это особеннымъ образомъ дѣйствуетъ на наше воображеніе, которое привыкло къ пространству, раздѣленному, какъ шахматная доска, на поля различныхъ цвѣтовъ, къ согнутымъ спинамъ людей, изнуренныхъ надъ серпомъ. Только поэтъ могъ бы точно выразить полученныя впечатлѣнія и передать во всей полнотѣ читателю. Было что-то прекрасное въ этомъ образѣ, предвѣщающемъ наступленіе новой эры въ земледѣліи. И если согбенная надъ серпомъ спина женщины или потъ, обильно текущій съ чела косаря, нашли своихъ поэтовъ, то восторженная жатва, исполняемая при помощи желѣзныхъ рукъ, и желѣзные чудовища, молотящіе зерно,—ждетъ еще своихъ поэтовъ, которые сумѣли бы передать очарованіе образа непахнущихъ пространствъ желтаго моря, окружающихъ его драконовъ и человѣческаго муравейника, движущагося въ потѣ. (Л. Кржижницкій „Капитализація земледѣлческой промышленности“. „Міръ Божій“ 1898, № 6).

Что тутъ рѣчь идетъ о красотѣ пшеничнаго, а не ржаного поля, это, конечно, не важно. Дѣло въ „надеждахъ“, которыми проникнута вся тирада, и въ поэтическомъ освѣщеніи картины поля. Правда, эти надежды и эта поэзія повторяются изъ вѣка въ вѣкъ. Маркесъ упоминаетъ о восторженныхъ стихахъ древне-греческаго поэта Антипароса, въ которыхъ приветствовалось изобрѣтеніе водяной мельницы: она должна была упразднить „согбенныя спины“ и „обильно льющійся потъ“ рабовъ, изнывающихъ надъ руч-

ными мельницами. Рабамъ осталось, однако, надѣ чѣмъ изны-
вать. Какъ бы то ни было, г. Крживицкій преисполненъ на-
деждъ, да и самъ г. Невѣдомскій говоритъ въ одномъ мѣстѣ:
„мы перенесли свои надежды въ другое мѣсто изъ того, куда
погибли свои надежды народники“. Значитъ, есть же надежды...
ну, хоть на „усовершенствованіе специальности земледѣлія са-
мой въ себя“, а я думаю и на нѣчто гораздо болѣе значитель-
ное и притомъ во многихъ отношеніяхъ далеко не столь отлич-
ное отъ „народническихъ“ надеждъ, какъ это кажется или хо-
чется думать г. Невѣдомскому.

Не стану объ этомъ распространяться. Это слишкомъ слож-
ная и щекотливая матерія, а читатель можетъ быть и безъ того
уже недоволенъ продолжительностью бесѣды о такомъ неваж-
номъ явленіи, какъ одна или двѣ статьи г. Невѣдомскаго. Я
думаю, однако, что сюжетъ этотъ заслуживаетъ большого вни-
манія съ отрицательной стороны. Огибю не буду утверждать,
что наши шестидесято-семидесятные годы неуловимы. Напротивъ,
если бы понадобилось, ярче г. Невѣдомскаго отмѣтилъ бы ошибки,
увлеченія и всякіе другіе изъяны того времени, но это не мѣ-
шаетъ считать непозволительнымъ—я почти готовъ сказать: пре-
ступнымъ—столь легкомысленно огульное отношеніе къ цѣлому
двадцатилѣтію, звенящему—пустъ далеко не всегда гармонично
и мелодично—всѣмъ струнами мысли, страсти и жизни, полному
многосложныхъ явленій огромной исторической важности. Для
оцѣнки, хотя бы самой строгой, этой группы явленій слишкомъ
мало—раздѣться и повязать голову узенькимъ ремешкомъ, изъ
подъ котораго ничего не видно, кромѣ „народничества“ съ од-
ной стороны и чего то столь же неопредѣленнаго, но даже не
называемаго—съ другой. Даже увлеченія знаніемъ вообще и есте-
ствознаніемъ въ частности не видно. Базаровъ, признанный Тур-
геньевымъ и Писаревымъ за центральный человѣкъ своего вре-
мени, Базаровъ, утверждавшій, что „русскій мужикъ Бога сло-
паютъ“,—это „народникъ“ и „жалѣтель“ или „жалѣльщикъ“.
Гремѣвшій на всю Россію вульгарный либерализмъ (о теченіяхъ
консервативныхъ и ретроградныхъ не говорю, ихъ и г. Невѣ-
домскій оставляетъ въ сторонѣ) съ его программой, между проч-
имъ, „свободы мужика отъ земли“,—можетъ быть тоже „народ-
ничество“? Почему нѣтъ, если и эпоха французской революціи
оказывается „эпохой народничества“, хотя въ ней и нѣтъ основ-
ного элемента народничества—жалѣнія?

На этомъ я кончу. Въ майской книжкѣ „Начала“, возражалъ
мнѣ, г. Невѣдомскій не только, какъ мы видѣли, синмастъ, хотя
и запоздало, шапку передъ прошедшимъ, а и заглядываетъ въ
„дальнее“ будущее. Онъ оговаривается, однако, что „здѣсь не
мѣсто развивать эту тему“. Слѣдовательно, изложеніе и аргумен-
тація его, по необходимости, бѣглы и недостаточны. Подождемъ

богѣ обстоятельныхъ. Я въ ожиданіи отвѣчу только на одинъ вопросъ г. Невѣдомскаго. Онъ говоритъ: „Если *жизни* въ прежнее время и являлось лучшей основой самыхъ лучшихъ чувствъ и побужденій („барскихъ“ и „рабскихъ“? или въ родѣ наприимѣръ, исключительно жалѣнія продивныхъ?), то вѣдь позволительно все же думать, что эта основа современемъ можетъ оказаться неудовлетворительной, требовать обновленія. Или въ области этики все обречено на неподвижность, все давно и навсегда установлено и никакого развитія, никакихъ горизонтовъ не полагается? Или ничего лучшаго, богѣ высокаго уже нельзя себѣ и представить? Мы полагаемъ, что можно“.

И я полагаю, что можно, и я думаю, что въ этикѣ „полагаются“ „развитіе“, „горизонты“, но я не рѣшился бы утверждать, что всякій новый этический горизонтъ есть непременно шагъ къ *лучшему*. Въ той же майской книжкѣ „Начала“ есть статья г. С. Г.—шана „Голодъ въ поселкѣ“, которую г. Невѣдомскій долженъ глубоко презирать за содержащееся въ ней призывы къ „милостивѣ вниманію“ и просто къ милостивѣ и „жалѣнію“. Между прочимъ, авторъ говоритъ: „При такомъ-то всеобъемлющемъ господствѣ нужды общество поражаетъ своимъ равнодушіемъ. Иное дѣло—*почему* такое равнодушіе? *Какіе* мотивы лежатъ въ его основаніи? внутренніе, внѣшніе, или выстѣтъ и другіе? Тѣмъ не менѣе фактъ все же остается фактомъ и фактомъ постыднымъ“. Далѣе авторъ сочувственно цитируетъ замѣчаніе или наблюденіе одной провинціальной газеты („Прибалтійскаго Листка“), каковое замѣчаніе или наблюденіе сдѣлано, впрочемъ, очень многими. Вспоминная голодную годину 1891—92 гг., „Прибалтійскій Листокъ“ пишетъ: „Какой-то священный ужасъ охватилъ тогда все живое, честное, мыслящее; всѣхъ захватила и объединила одна мысль, одно чувство страстнаго желанія помочь голодающимъ. Нынѣ совсѣмъ не то: не чувствуется усиленнаго бѣнія пульса общественной жизни. Голодающіе почти одни... Вотъ въ этомъ-то одиночествѣ и таится весь ужасъ, весь трагизмъ нынѣшняго народнаго бѣдствія“.

Я думаю, что *одна* изъ причинъ этой „постыдной“ перемены (подчеркиваю, во избежаніе недоразумѣній, слово *одна*) лежитъ именно въ успѣхахъ защищаемой г. Невѣдомскимъ этики.

Еще только два слова: Г. Невѣдомскій говоритъ: „Г. Михайловскій... краситъ краской „любви къ дальнему“ (подразумѣвая подъ ней злобу къ ближнему) сплошь всѣхъ сотрудниковъ „Жизни“ и „Начала“.—Осмѣливаясь сказать г. Невѣдомскому: это фактическая неправда.

Ник. Михайловскій.

Политика.

Гаагская конференція.—Разоруженіе.—Гуманизация войны.— Третейскій судъ. — Англо-русское соглашеніе о Китаѣ.

I.

Три мѣсяца прошло съ тѣхъ поръ, какъ мы въ послѣдній разъ бесѣдовали о современной политикѣ, но три мѣсяца мертвого политическаго сезона—Гаагская конференція да страстная борьба партій во Франціи были единственными крупными историческими явленіями этого періода. О французскихъ дѣлахъ читатели найдутъ отчетъ въ этомъ же номерѣ въ другомъ мѣстѣ. Гаагская конференція, стало быть, является первою и главною темою нашей настоящей бесѣды.

Гаагская конференція была созвана по предложенію Россіи для обсужденія вопроса о разоруженіи державъ и объ упроченіи международнаго мира. Такъ была сформулирована ея задача въ русскомъ циркулярѣ отъ 12 августа 1898 года. Такою и привѣтствовали ее народы, измученные долготѣнныи военными бременемъ и постоянною угрозою войны. Возникшіе на этой почвѣ переговоры между державами привели вскорѣ къ значительному ограниченію первоначальной задачи, какъ она выше резюмирована на основаніи ноты 12 августа. Вторая русская нота (отъ 31 декабря 1898 г.) сформулировала программу конференціи, при чемъ, вмѣсто разоруженія, предложено было обсудить возможность остановить вооруженіе на настоящемъ уровнѣ; вопросъ о постоянномъ мирѣ поставленъ въ формѣ вопроса о международномъ третейскомъ судѣ; за то включены вопросы о гуманизации войны. Это было серьезное суженіе первоначальной задачи, но и въ этихъ предѣлахъ задача была велика и благородна.

6 (18) мая состоялось открытіе конференціи въ Гаагѣ отъ имени королевы Вильгельмины ея министрами-президентами Де-Вофоромъ. Привѣтствовавъ съѣхавшихся делегатовъ двадцати четырехъ государствъ, выславшихъ своихъ представителей въ Гаагу, Де-Вофоръ предложилъ послать русскому Императору, инициатору конференціи, поздравительную телеграмму по случаю дня его рожденія, съ которымъ совпадало первое засѣданіе конференціи. Послѣ единодушнаго одобренія предложенія Де-Вофора, собраніе единогласно избрало председателемъ конференціи барона Стаала, русскаго представителя, который съ своей стороны предложилъ поднести королевѣ Вильгельминѣ адресъ съ выраженіемъ благодарности за милостивый и радушный пріемъ. Кон-

ференція единодушно одобрила предложеніе барона Стаали и приступила къ дѣлу, выдѣливъ изъ своего состава три комиссіи, сообразно тремъ основнымъ задачамъ конференціи, именно: разоруженіе, кодификація законовъ войны (гуманизация войны) и третейскій судъ. Чтобы въ самомъ заглавіи не прехрѣщать выводовъ, къ которымъ придуть комиссіи, рѣшено не давать имъ имени по ихъ занятіямъ, а только по номерамъ: № 1—разоруженіе, № 2—гуманизация войны, № 3—третейскій судъ. Организовать бюро и выдѣливъ комиссіи, конференція отсрочила свои засѣданія, собираясь иногда для нѣкоторыхъ формальныхъ дѣлъ. Жизнь и работа сосредоточились въ комиссіяхъ, которыми мы преимущественно и займемся на нижеслѣдующихъ страницахъ.

Комиссія № 1 имѣла своею задачею изучитъ вопросъ о разоруженіи, или по крайней мѣрѣ о пристановкѣ вооруженій и удержаніи ихъ на нѣмъ достигнутомъ уровнѣ. Дурнымъ предназначеніемъ для успѣшной работы этой комиссіи было назначеніе Германіей однимъ изъ делегатовъ на конференцію проф. Штенгеля, выпустившаго весьма рѣзкую брошюру противъ идеи разоруженія. Times, не стѣсняясь, назвалъ эту брошюру пустымъ памфлетомъ, состоящимъ изъ набора давно истрепанныхъ шовинистскихъ фразъ. Какъ ни было ничтожно логическое, философское и научное достоинство произведенія проф. Штенгеля, оно получило совсѣмъ другой смыслъ послѣ назначенія профессора представителемъ Германіи на конференцію мира. Проф. Штенгель не попалъ, однако, въ комиссію № 1, но въ комиссію № 2, гдѣ его познанія по международному праву могли быть полезны. Германскимъ делегатомъ въ комиссіи № 1 состоялъ полковникъ Шварцгофъ. Главною задачею этой комиссіи было обсудить русское предложеніе объ ограниченіи вооруженій, которое было сформулировано въ четырехъ слѣдующихъ пунктахъ: 1. Державы входятъ между собою въ соглашеніе, по которому обязываются въ теченіе пяти лѣтъ со дня соглашенія не увеличивать мирнаго состава своихъ армій. 2. Въ этомъ соглашеніи должна быть опредѣлена мирная численность армій, не включая въ это число войскъ колониальныхъ. 3. На тотъ же пятилѣтній срокъ державы обязуются сохранить не увеличенными ихъ военные бюджеты. 4. Державы соглашаются не увеличивать своихъ морскихъ бюджетовъ въ теченіе трехъ лѣтъ, при чемъ державы обязуются опредѣлить и объявить на этотъ періодъ а) тонажъ всѣхъ своихъ военныхъ судовъ, не специализуя тонажъ по разрядамъ и типамъ судовъ, б) опредѣлить численность экипажа, и в) опредѣлить расходы на портовые сооруженія, морскіе форты, доки, арсеналы и пр.". Обсужденіе этихъ пунктовъ продолжалось нѣсколько засѣданій. Англійскіе делегаты поставили вопросъ о контролѣ; русскій делегатъ г. Рафаловичъ указалъ,

что въ исходѣ XIX вѣка лучшемъ контролемъ служить парламентъ, пресса и общественное мнѣніе; ему отвѣчали, что эти учрежденія частью не вездѣ существуютъ, частью не вездѣ достаточно сильны и независимы, чтобы служить гарантіею. Тѣмъ же менѣе англійскіе делегаты заявили, что Англія склонна принять въ принципѣ четвертый пунктъ, ее наиболѣе касающійся, если остальные державы также его одобрятъ. Франція сдѣлала аналогичное заявленіе. Рѣшительнымъ противникомъ выступилъ делегатъ Германіи, вышеупомянутый полковникъ Шварцгофъ, который заявилъ, что Германія вовсе не чувствуетъ тяжести военного бремени, она одновременно вооружается, богатѣетъ и всесторонне прогрессируетъ, а потому и не можетъ согласиться на какое бы то ни было ограниченіе свободы ея дѣйствій въ этомъ отношеніи. Это категорическое несогласіе Германіи сняло съ очереди весь вопросъ. Если Германія сохраняетъ свободу увеличивать свои вооруженія, то кто же можетъ ограничить свою свободу въ этомъ отношеніи? Полное пласо первой коммисіи нѣсколько скрасилось нѣкоторыми постановленіями о техникѣ военного дѣла. Такъ, единогласно было подтверждено постановленіе петербургской конвенціи о неупотребленіи разрывныхъ пуль и большинствомъ всѣхъ голосовъ противъ двухъ (Англіи и Соединенныхъ Штатовъ) это запрещеніе распространено и на знаменитыя пули „думъ-думъ“. Выражено это запрещеніе въ слѣдующей формѣ, дающей нѣкоторое понятіе о строеніи этого англійскаго изобрѣтенія: запрещаются „les balles à enveloppe dure, dont l'enveloppe ne couvrirait pas entièrement le pouce ou serait pourvue d'incisions“. Далѣе, единогласно было воспрещено метаніе взрывчатыхъ снарядовъ съ воздушныхъ шаровъ и большинствомъ голосовъ (противъ голоса Соединенныхъ Штатовъ) употребленіе удашающихъ газовъ. Предложеніе же о воспрещеніи подводныхъ минометовъ было отвергнуто. Эти заключенія о нѣкоторой гуманизаціи войны и были всѣмъ результатомъ работъ первой коммисіи.

Отвѣтственность, взятая въ разсказанномъ эпизодѣ Германіей, очень велика и обнаруживаетъ и много смѣлости, и много самоуверенности, и много наступательныхъ замысловъ. Было бы несправедливо утверждать, что положеніе, занятое германскимъ правительствомъ на конференціи, доказываетъ, что оно въ ближайшемъ будущемъ замышляетъ нападеніе на кого-либо изъ сосѣдей. Будь въ члѣн Германіи князь Бисмаркъ, такое заключеніе было бы очень вѣроятно, но императоръ Вильгельмъ заслуживаетъ большаго довѣрія и его заявленія о миролюбіи можно вѣрить. Ясно, однако, что *Statu quo* не удовлетворяетъ правящую сферу Германіи, объединеніе не завершено, колоніи сравнительно ничтожны, надо готовить слѣдъ, которая въ удобный моментъ дала бы нѣмецкому народу то и другое. Стало

быть, надо думать не о разоруженіи, а о продолженіи вооруженій на сушѣ и на морѣ... Какъ бы то ни было, германское правительство не можетъ болѣе выставлять причиною своихъ вооруженій вооруженіе Россіи и Франціи. Эти державы согласились остановить вооруженіе.

Работы комиссій № 1 были самыми важными. Онѣ обѣщали немедленное экономическое и финансовое улучшеніе и уменьшали воинственность націй. Эта задача не была разрѣшена; тогда естественно выдвигалась другая задача — гуманизировать войну. Частью это входило и въ задачу комиссій № 1 (выше мы уже привели ея заключеніе въ этомъ отношеніи), главнымъ же образомъ въ программу комиссій № 2. Въ этомъ отношеніи комиссія № 2 кое что сдѣлала немаловажное. Она постановила о распространеніи Женевской конвенціи на морскую войну и вновь переработала и одобрила не ратификованную и не вошедшую въ силу Брюссельскую конвенцію о законахъ войны. При пересмотрѣ Брюссельской конвенціи было внесено два существенныхъ дополненія: торжественно засвидѣтельствовано право не военнослужащихъ гражданъ всѣми зависящими отъ нихъ мѣрами содѣйствовать оборонѣ своей страны въ случаѣ вторженія непріятеля, и безусловно воспрещена бомбардировка не защищаемыхъ городовъ и другихъ поселеній. Это послѣднее воспрещеніе не распространено однако на морскую войну, при чемъ выражено только желаніе, чтобы правительства изучили этотъ вопросъ и затѣмъ представили его на обсужденіе другой конференціи. Въ засѣданіяхъ комиссій № 2 были подняты вопросы и объ измѣненіяхъ Женевской конвенціи, но на это возражали, что пересмотръ конвенціи не входитъ въ программу конференціи, но только ея распространеніе на морскую войну. Комиссія однако все-таки нашла пересмотръ желательнымъ и выразила надежду, что швейцарское правительство, на территоріи котораго была заключена Женевская конвенція, возьметъ на себя инициативу и предложитъ пересмотръ, который и будетъ внесенъ въ программу будущей конференціи. Наконецъ, въ ту же комиссію № 2 представителемъ Соединенныхъ Штатовъ сэромъ Уайтомъ внесено было предложеніе признать, что частная собственность, уже признанная неприкосновенной въ сухопутной войнѣ, должна почитаться неприкосновенною и на морѣ. Американское предложеніе было встрѣчено крайне несочувственно делегатами Англіи и Франціи и, какъ не внесенное въ программу конференціи, было признано комиссіей не подлежащею обсужденію. Сэръ Уайтъ перенесъ однако вопросъ въ общее собраніе конференціи, гдѣ, по предложенію проф. Мартенса, рѣшено включить его въ программу будущей конференціи.

Американское предложеніе, только что упомянутое, было, несомнѣнно, самое важное изъ числа бывшихъ на разсмотрѣніи

комиссиі № 2. Это не только огромный шагъ по пути гуманизации войны, но и совершенная реформа морской войны, при томъ въ пользу слабѣйшихъ на морѣ. Не даромъ двѣ сильнѣйшія морскія державы, Англія и Франція, столь несочувственно взглянули на инициативу Америки. Вопросъ этотъ имѣетъ свою исторію. Когда на парижскомъ конгрессѣ 1856 года была семью державами подписана парижская декларація о законахъ морской войны, то эта декларація была сообщена остальнымъ державамъ въ видахъ ихъ къ ней присоединенія. Въ числѣ отказавшихся присоединиться были и Соединенные Штаты, которые однако мотивировали свой отказъ тѣмъ, что декларація заключаетъ въ себѣ внутреннее противорѣчіе: она воспрещаетъ каперство, т. е. захватъ частной непріятельской собственности судами—волонтерами, но допускаетъ крейсерство, или тотъ же организованный морской разбой, только военными судами. Соединенные Штаты предлагали воспретить всякій захватъ частной собственности на морѣ и тогда они соглашались приступить къ парижской деклараціи. Англія и Франція и тогда, какъ и теперь, отклонили предложеніе американцевъ и морской разбой остался до сихъ поръ узаконеннымъ средствомъ борьбы на морѣ. Вопросъ, однако, снова поставленъ и снова будетъ обсуждаться державами. Его справедливое рѣшеніе могло бы уменьшить бѣдствіе и раззорительность морскихъ войнъ, а между тѣмъ, конечно, никакъ не частныя потери на морѣ будутъ и впредь рѣшать исходъ войны, какъ и прежде рѣшали его битвы между эскадрами, атака береговъ, блокада и другія непосредственные столкновенія военныхъ силъ борющихся сторонъ. Значительно сокративъ раззорительность войны, американское предложеніе вмѣстѣ съ тѣмъ сократило бы и расходы на флоты, сдѣлавъ безцѣльными нынѣ содержимыя многочисленныя крейсерскіе флоты. Какъ и русскія предложенія въ комиссиі № 1, и это американское предложеніе въ комиссиі № 2 оказалось преждевременнымъ. Нации еще проникнуты военнымъ духомъ и сколько нибудь серьезныхъ ограниченій войны положить еще не желаютъ. Это несомнѣнный выводъ изъ обзора трудовъ комиссій № 1 и № 2. Обзоръ трудовъ комиссиі № 3, результаты которыхъ начитаются наибольшими и важнѣйшими, приводитъ къ тому же не отрадному выводу.

II.

Это не отрадное заключеніе о воинственномъ настроеніи народовъ, или по крайней мѣрѣ ихъ правящихъ слоевъ, вытекающее изъ исторіи работъ всѣхъ трехъ комиссій, нѣсколько смягчается для комиссиі № 3, которая все такъ успѣла достигнуть немаловажныхъ результатовъ. Обстоятельно разработанная

конвенція о постоянномъ третейскомъ судѣ и является этимъ весьма немаловажнымъ плодомъ трудовъ третьей коммисіи. Конвенція эта, состоящая изъ пятидесяти шести статей, была выработана коммисіей, исходя изъ представленнаго русскими делегатами проекта и дополнительныхъ проектовъ англійскихъ и американскихъ делегатовъ, послѣ долгой коллективной работы, въ которой значительная роль принадлежитъ французскому делегату Леону Буржуа. Конвенція еще нуждается, конечно, въ ратификаціи державъ. Приводимъ ея текстъ:

Отдѣлъ I. О поддержаніи общаго мира.

Статья 1. Въ видахъ устраненія въ предѣлахъ возможности обращенія къ силѣ въ международныхъ отношеніяхъ, державы, подписавшіяся подъ настоящимъ договоромъ, соглашаются употреблять всѣ усилія къ достиженію мирными средствами рѣшенія всякихъ столкновеній, могущихъ возникнуть между государствами.

Отдѣлъ II. Добрыя услуги и посредничество.

Статья 2. Державы, подписавшія настоящій договоръ, постановляютъ, что въ случаѣ серьезнаго разногласія или конфликта, они прежде, нежели обратятся къ силѣ, будутъ обращаться, поскольку обстоятельства это позволяютъ, къ добрымъ услугамъ и посредничеству дружественныхъ державъ.

Статья 3. Независимо отъ такого обращенія спорящихъ сторонъ, державы, не замѣшанныя въ конфликтѣ, должны по собственной инициативѣ, по скольку обстоятельства то дозволяютъ, предлагать спорящимъ сторонамъ свои добрыя услуги и свое посредничество.

Державы, не замѣшанныя въ конфликтѣ, сохраняютъ право предлагать свои добрыя услуги или свое посредничество и во время уже начавшихся военныхъ дѣйствій.

Пользованіе этимъ правомъ не будетъ принимаемо спорящими сторонами за актъ непріязненнаго вмѣшательства.

Статья 4. Задача посредника заключается въ согласованіи притязаній и успокоеніи возбужденія спорящихъ сторонъ.

Статья 5. Посредничество прекращается съ того момента, когда одною изъ спорящихъ сторонъ, или самимъ посредникомъ будетъ заявлено, что предложенныя основы соглашенія не приняты.

Статья 6. Посредничество, начатое по желанію сторонъ или по собственной инициативѣ державъ, не участвующихъ въ конфликтѣ, во всякомъ случаѣ имѣетъ значеніе лишь дружественнаго совѣта и отнюдь не имѣетъ обязательнаго характера.

Статья 7. Принятіе посредничества не влечетъ за собою

если о томъ не будетъ особаго соглашенія въ каждомъ данномъ случаѣ, приостановленія мобилизаціи и другихъ приготовленій къ войнѣ.

Равнымъ образомъ, принятіе посредничества послѣ открытія военныхъ дѣйствій не влечетъ за собою, если не будетъ особаго о томъ соглашенія въ каждомъ данномъ случаѣ, прекращенія военныхъ операцій.

Статья 8. Державы, подписавшія настоящій договоръ, соглашаются во всѣхъ случаяхъ, когда обстоятельства то дозволяютъ, принимать специальное посредничество въ слѣдующей формѣ:

Въ случаѣ серьезнаго столкновенія, угрожающаго миру, споряція стороны должны, каждая особо, выбрать по державѣ, которой каждая считаетъ возможнымъ поручить прямое сношеніе съ державою, избранною противной стороною, въ цѣляхъ устраненія разрыва мирными средствами.

Во все продолженіе этихъ полномочій, срокъ которыхъ, если противное не было принято по особому соглашенію, не можетъ длиться больше *тридцати* дней, спорный вопросъ считается всецѣло переданнымъ уполномоченнымъ державамъ, которыя съ своей стороны употребляютъ всѣ усилія для улаженія разногласій.

Въ случаѣ, если за всѣмъ тѣмъ война все таки будетъ начата, державы, получившія полномочія для посредничества, сохраняютъ ихъ въ томъ смыслѣ, что на нихъ лежитъ воспользоваться всякимъ случаемъ для возобновленія посредничества и возстановленія мира.

Отдѣлъ III. Международная слѣдственная коммиссія.

Статья 9. Въ случаяхъ возникновенія между державами такихъ столкновеній, которыя исходятъ изъ различнаго представленія о тѣхъ или иныхъ происшествіяхъ и мѣстныхъ обстоятельствахъ, при чемъ въ спорѣ не затронуты ни честь, ни жизненные интересы державъ, онѣ передаютъ спорный вопросъ международной слѣдственной коммиссіи, которая подвергаетъ происшествія и обстоятельства, возбудившія споръ, добросовѣстному и безпристрастному изученію и устанавливаетъ точные факты.

Статья 10. Международная слѣдственная коммиссія образуется согласно статьѣ 31 настоящаго договора, если не будетъ особаго соглашенія о другомъ порядкѣ ея образованія.

Статья 11. Заинтересованныя державы предоставляютъ международной слѣдственной коммиссіи всѣ, какія сочтутъ возможнымъ, данныя и средства для полнаго ознакомленія и точнаго установленія изслѣдуемыхъ фактовъ.

Статья 12. Международная слѣдственная коммиссія представляетъ результатъ своего слѣдствія обѣимъ заинтересованнымъ

сторонамъ въ актахъ, которые должны быть подписаны всѣми членами комиссіи.

Статья 13. Докладъ слѣдственной комиссіи отнюдь не долженъ имѣть характера арбитражнаго рѣшенія. Онъ оставляетъ заинтересованнымъ державамъ полную свободу воспользо­ваться установленными фактами для полюбовнаго соглашенія или прибѣгнуть къ посредничеству или обратиться къ арбитражу (третейскому суду).

Отдѣлъ IV. О международномъ третейскомъ судѣ (Justice arbitrale).

Статья 14. Международный арбитражъ имѣетъ своимъ пред­метомъ предоставить рѣшеніе споровъ между государствами судьями по ихъ собственному выбору во всемъ согласно съ ихъ правами.

Статья 15. Въ вопросахъ права и особенно въ вопросахъ толкованія и прихѣненія международныхъ договоровъ, державы, подписавшія настоящій договоръ, признаютъ третейскій судъ наиболѣе дѣйствительнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ наиболѣе справедливымъ способомъ для рѣшенія споровъ, не улаженныхъ обыкновеннымъ дипломатическимъ путемъ.

Статья 16. Соглашеніе о третейскомъ судѣ можетъ быть заключаемо между державами или для рѣшенія уже возникшихъ разногласій или вообще для рѣшенія имѣющихъ возникнуть разногласій (contestations éventuelles), всѣхъ возможныхъ, или спе­ціально въ соглашенія указанныхъ.

Статья 17. Конвенція о третейскомъ судѣ подразумѣваетъ обязательство добровольно подчиниться третейскому приговору.

Статья 18. Независимо общихъ или специальныхъ догово­ровъ, которые имѣютъ связать державы, подписавшія настоящій актъ, обѣщаніемъ въ навістныхъ случаяхъ обращаться къ тре­тейскому разбирательству, державы сохраняютъ свободу, и до ратификаціи настоящей конвенціи и послѣ ея ратификаціи, заклю­чать между собою сепаратныя соглашенія общія или спе­ціальныя, въ видахъ установленія и расширенія сферы обяза­тельнаго третейскаго разбирательства въ предѣлахъ, которые договаривающіяся державы сочтутъ удобнымъ установить.

Статья 19. Въ видахъ успѣха третейскаго рѣшенія разно­гласій, державы, подписавшія настоящій договоръ, согласились установить общія правила третейскаго судоустройства и судопро­изводства.

Эти правила примѣняются въ случаѣ, когда относительно третейской юрисдикціи не будетъ особаго между заинтересо­ванными сторонами соглашенія.

Отдѣлъ V. О постоянномъ судѣ третейскомъ.

Статья 20. Въ видахъ облегченія непосредственнаго обращенія къ третейскому суду за разрѣшеніемъ международныхъ споровъ, не улаженныхъ дипломатическимъ путемъ, державы, подписавшія настоящій договоръ, согласились учредить на ниженазложенныхъ основаніяхъ постоянный судъ третейскій, во всякое время находящійся къ услугамъ спорящихъ сторонъ и дѣйствующій на основаніи ниженазложенныхъ правилъ, если другія правила не установлены по соглашенію между спорящими сторонами.

Статья 21. Этотъ судъ компетентенъ во всѣхъ случаяхъ третейскаго разбирательства, если взаимнымъ соглашеніемъ спорящихъ сторонъ не установлена иная юрисдикція.

Статья 22. Международное бюро, учрежденное въ Гаагѣ и управляемое генеральнымъ секретаремъ Суда, будетъ служить канцеляріей Суда.

Она принимаетъ заявленія (communications), требующія созванія Суда.

Она хранитъ архивы и ведетъ все дѣлопроизводство Суда.

Статья 23. Каждая изъ державъ, подписавшихъ настоящій договоръ, назначаетъ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ со дня ратификаціи этого договора не болѣе четырехъ лицъ, компетентныхъ въ вопросахъ международнаго права, пользующихся самымъ полнымъ моральнымъ авторитетомъ (jouissant de la plus haute consideration morale) и готовыхъ принять на себя обязанности третейскаго судьи.

Всѣ этимъ порядкомъ назначенныя лица вносятся въ особый списокъ членовъ международнаго третейскаго суда, а списокъ этотъ сообщается канцеляріей Суда всѣмъ державамъ, подписавшимъ настоящій договоръ.

Всякое измѣненіе въ составѣ Суда немедленно сообщается канцеляріей всѣмъ державамъ, подписавшимъ настоящій договоръ.

Предоставляется двумъ и больше державамъ назначать сообща одного и того же члена Суда.

Одно и то же лицо можетъ быть назначено разными державами.

Назначаются члены Суда на шесть лѣтъ. Назначеніе можетъ быть возобновлено и въ послѣдующія шестилѣтія.

Въ случаѣ смерти или отставки члена Суда, вакансія замѣщается въ томъ же порядкѣ, какъ и первоначальное назначеніе.

Статья 24. Державы, подписавшія настоящій договоръ, въ случаѣ желанія обратиться къ третейскому суду для рѣшенія возникшихъ между ними разногласій выбираютъ изъ списка членовъ суда тѣхъ лицъ, которыхъ онѣ желаютъ имѣть судьями.

Онъ сообщаютъ канцеляріи Суда о своемъ желаніи подвергнуть свое дѣло третейскому разбирательству и перечисляютъ избранныхъ судей.

Статья 25. Судъ обыкновенно засѣдаетъ въ Гаагѣ. Онъ имѣетъ право перенести мѣсто засѣданія съ согласія табущихся сторонъ.

Статья 26. Державы, не подписавшія настоящаго договора, тоже могутъ обращаться къ Суду подѣ условіемъ одобренія настоящихъ правилъ.

Статья 27. Державы, подписавшія настоящій договоръ, въ случаѣ возникновенія остраго между нѣкоторыми изъ нихъ конфликта обязуются напомнить спорящимъ, что Судъ для нихъ открытъ во всякое время и для всякаго дѣла.

Само собою разумѣется, что такое напоминаніе со стороны одной или нѣсколькихъ державъ, предпринимаемое исключительно въ интересахъ мира, является исключительно актомъ добрыхъ услугъ, не больше.

Статья 28. Учреждается въ Гаагѣ немедленно послѣ ратификаціи настоящей конвенціи дипломатическій совѣтъ, состоящій подѣ предсѣдательствомъ нидерландскаго министра иностранныхъ дѣлъ изъ представителей всѣхъ державъ, подписавшихъ настоящій договоръ.

Этотъ совѣтъ озабочивается учрежденіемъ канцеляріи Суда, которая состоитъ подѣ его начальствомъ и контролемъ. Совѣтъ же увѣдомляетъ державы о сформированіи Суда. Онъ устанавливаетъ его процедуру и принимаетъ всѣ другія нужныя мѣры.

Онъ рѣшаетъ всѣ вопросы, касающіеся дѣлопроизводства.

Онъ имѣетъ неограниченную власть назначенія и увольненія всѣхъ чиновниковъ канцеляріи Суда.

Онъ устанавливаетъ размѣръ жалованья и вознагражденія и контролируетъ всѣ расходы.

Для дѣйствительности присутствія совѣта достаточно наличность пяти членовъ. Рѣшенія принимаются большинствомъ голосовъ.

Совѣтъ ежегодно разсматриваетъ державамъ, подписавшимъ настоящій договоръ, отчетъ о дѣятельности Суда, о дѣлахъ канцеляріи и о расходахъ.

Статья 29. Расходы распределяются между державами, подписавшими настоящій договоръ, порядкомъ, установленнымъ для распределенія расходовъ по всемірному почтовому союзу.

Отдѣлъ VI. О процедурѣ третейскаго суда.

Статья 30. Державы, прибѣгающія къ третейскому суду, предварительно подписываютъ особый актъ (acte spécial) или компромисъ (compromis), въ которомъ ясно излагаются предметъ

спора и размѣръ власти, предоставляемой Суду. Въ актѣ вносятся и обязательство добровольно подчиниться рѣшенію Суда.

Статья 31. Третейское разбирательство можетъ быть возложено на одно лицо или на нѣсколько, по свободному соглашенію спорящихъ сторонъ, или же по ихъ же выбору изъ списка членовъ Суда, составленнаго согласно настоящему договору.

Если между спорящими сторонами не будетъ особаго о томъ соглашения, процедура сформированія Суда производится на основаніи нижеслѣдующихъ правилъ:

Каждая сторона избираетъ двухъ арбитровъ, которые вмѣстѣ избираютъ суперъ-арбитра.

Въ случаѣ раздѣленія голосовъ при выборѣ суперъ-арбитра, онъ назначается третьей державой, на то уполномоченной обѣими тажущимися сторонами.

Если и по этому вопросу не состоится соглашеніе, то каждая сторона уполномочиваетъ державу по своему выбору, и обѣ уполномоченныя сообщая назначаютъ суперъ-арбитра.

Статья 32. Если арбитромъ избранъ монархъ или глава государства, то процедура устанавливается имъ самимъ.

Статья 33. Суперъ-арбитръ есть de jure предсѣдатель Суда. Если Судъ не заключаетъ въ своемъ составѣ суперъ-арбитра, то самъ Судъ избираетъ предсѣдателя.

Статья 34. Въ случаѣ смерти или отставки члена Суда или другой причины, препятствующей ему исполнять обязанности судьи, открывшаяся вакансія замѣщается въ томъ же порядкѣ, какъ и первоначальное назначеніе.

Статья 35. Мѣсто засѣданія Суда опредѣляется по соглашенію между сторонами, а въ случаѣ отсутствія такого соглашенія самимъ Судомъ. Мѣсто засѣданія можетъ быть измѣнено тоже только по соглашенію сторонъ и лишь въ случаѣ крайней необходимости (raison majeure) по рѣшенію самого Суда.

Статья 36. Стороны имѣютъ право назначать особыхъ уполномоченныхъ, какъ посредниковъ между ними и Судомъ. Эти уполномоченные защищаютъ передъ Судомъ ввѣренные имъ интересы и права.

Статья 37. Судъ рѣшаетъ выборъ языка для судопроизводства.

Статья 38. Третейское разбирательство въ видѣ общаго правила распадается на два фазиса, подготовительный и окончательный.

Подготовительный заключается въ сообщеніи сторонами Суду и противной сторонѣ всѣхъ документовъ и доводовъ.

Второй фазисъ—устный и заключается въ сужденіи уполномоченныхъ и адвокатовъ, ими приглашенныхъ.

Статья 39. Каждый документъ, представленный одною изъ сторонъ въ Судъ, обязательно сообщается противной сторонѣ.

Статья 40. Судоговореніємъ руководить председатель. Протоколъ составляется секретаремъ и одобряется председателемъ. Только этотъ протоколъ почитается подлиннымъ (authentique).

Статья 41. Подготовительный фазисъ происходитъ при закрытыхъ дверяхъ, судоговореніе же—гласно и публично. Судъ имѣетъ право не принять во второмъ фазисѣ новыхъ документовъ, если на то не будетъ согласія другой стороны.

Статья 42. Судъ сохраняетъ право воспользоваться для своего рѣшенія новыми документами и доводами, приведенными одною изъ сторонъ во время судоговоренія. Онъ имѣетъ право потребовать предъявленія этихъ документовъ и сообщенія ихъ противной сторонѣ.

Статья 43. Судъ имѣетъ право требовать отъ сторонъ всѣ документы и объясненія, которые сочтены необходимыми. Въ случаѣ отказа, онъ принимаетъ его къ свѣдѣнію.

Статья 44. Агенты и адвокаты сторонъ имѣютъ право во время судоговоренія приводить въ защиту вѣреннаго имъ дѣла такіе доводы, какіе сочтутъ для этого полезными.

Статья 45. Они имѣютъ право представлять возраженія, а такъ же протесты противъ процедуры. Возраженія и протесты рассматриваются Судомъ и рѣшаются окончательно.

Статья 46. Члены Суда имѣютъ право допрашивать агентовъ сторонъ и требовать отъ нихъ разъясненія сомнительныхъ пунктовъ.

Ни вопросы, задаваемые членами Суда, ни высказываемыя ими замѣчанія не должны считаться за выраженіе мнѣнія Суда или его членовъ.

Статья 47. Только самъ Судъ опредѣляетъ свою компетенцію, основываясь на соглашеніи сторонъ о судѣ, на другихъ или подписанныхъ трактатахъ и на международномъ правѣ.

Статья 48. Судъ имѣетъ право самъ установить правила дѣлопроизводства, опредѣлить формы и сроки представленія обѣими сторонами всѣхъ документовъ и объяснить и указать всѣ дѣйствія, необходимыя для разъясненія дѣла.

Статья 49. Послѣ того, какъ агенты и адвокаты сторонъ представить Суду всѣ необходимыя объясненія и доводы, председатель объявляетъ судоговореніе оконченнымъ.

Статья 50. Совѣщанія Суда происходятъ при закрытыхъ дверяхъ.

Рѣшеніе постановляется большинствомъ голосовъ.

Воздержаніе отъ подачи голоса заносится въ протоколъ.

Статья 51. Рѣшеніе, принятое большинствомъ, сопровождается изложеніемъ доводовъ. Оно должно быть написано и затѣмъ подписано всѣми членами Суда.

Меньшинство можетъ при подписи отиѣтить свое несогласіе.

Статья 52. Рѣшеніе читается публично въ присутствіи аген-

товъ и адвокатовъ сторонъ или, по крайней мѣрѣ, послѣ ихъ о томъ оповѣщанія.

Статья 53. Рѣшеніе Третейскаго Суда, сообщаемое сторонамъ, признается окончательнымъ и завершаетъ собою судебную процедуру, установленную соглашеніемъ о судѣ.

Статья 54. Если о томъ не было иного соглашенія, то пересмотръ произнесеннаго рѣшенія можетъ быть обращенъ лишь къ тому самому Суду, который произнесъ приговоръ, и который можетъ допускать пересмотръ (revision) лишь въ томъ случаѣ, когда обнаруженъ новый фактъ, способный повліять на приговоръ и неизвѣстный во время произнесенія приговора ни Суду, ни сторонамъ.

Процедура пересмотра можетъ быть рѣшена лишь Судомъ, если онъ признаетъ наличность новаго факта, отмѣчающаго вышеизложеннымъ условіямъ.

Заявленіе о пересмотрѣ не можетъ быть принято, если со дня сообщенія приговора сторонамъ протекло болѣе трехъ мѣсяцевъ.

Статья 55. Рѣшеніе, произнесенное Третейскимъ Судомъ, обязательно только для сторонъ, вошедшихъ о судебномъ разбирательствѣ въ соглашеніе.

Если предметомъ третейскаго разбирательства является истолкованіе международнаго договора, подписаннаго и другими державами, кромѣ спорящихъ, то всѣ подписавшія спорный трактатъ державы оповѣщаются о предстоящемъ судѣ и получаютъ право тоже войти сторонами въ дѣло. Тѣ изъ нихъ, которыя не пожелаютъ воспользоваться этимъ правомъ, тѣмъ не менѣе обязаны подчиняться истолкованіямъ Суда.

Статья 56. Каждая тяжущаяся сторона несетъ всѣ свои собственные расходы на разбирательство и половину расходовъ Суда, независимо отъ уплаты, которыя могутъ быть возложены Судомъ на ту или другую сторону.

Таковъ этотъ историческій документъ, отмѣчающій собою конецъ XIX вѣка и завѣщающій новому вѣку великую проблему, лишь начатую на Гаагской конференціи. Конвенція о третейскомъ судѣ есть лучшее и важнѣйшее дѣло, совершенное конференціей. Первоначально предполагалось, что для нѣкоторыхъ вопросовъ обращеніе къ силѣ будетъ рѣшительно воспрещено и третейскій судъ будетъ признанъ въ этихъ случаяхъ обязательнымъ. Въ проектѣ профессора Мартенса, представленномъ конференціи русскими делегатами, предполагалось сдѣлать третейскій судъ обязательнымъ во всѣхъ спорахъ объ убыткахъ, о матеріальномъ вознагражденіи, а такъ же для разбора пограничныхъ недоразумѣній, не имѣющихъ политическаго характера. Этотъ первый шагъ къ признанію суда обязательнымъ въ международныхъ спорахъ былъ встрѣченъ очень сочувственно громаднымъ большинствомъ делегатовъ, но наткнулся на рѣшительную оппозицію

Германія. Нѣмецкій представитель, засѣдавшій въ комиссіи № 3, профессоръ Цорнъ, соревнуя славі своихъ товарищей, профессора Штенгеля и полковника Шварцгофа, рѣшительно воспротивился признанію обязательности третейскаго суда въ какомъ бы то ни было случаѣ, допуская третейскій судъ исключительно съ согласія сторонъ въ каждомъ отдѣльномъ конкретномъ случаѣ. Въ виду необходимости сохранить подписи Германіи подъ конвенціей, державы уступили и конвенція лишилась одного изъ лучшихъ своихъ постановленій. Интересно отмѣтить, что, кромѣ Германіи, противъ обязательности третейскаго суда возставали делегаты Румыніи, Греціи и Сербіи, этихъ балованныхъ дѣтищъ великодержавной Европы.

Совершеніе фiasco комиссіи № 1; отсрочка вопроса, поднятаго Уайтомъ; и это урѣзаніе конвенціи о третейскомъ судѣ—представляются въ совокупности очень мало отраднымъ показателемъ отнюдь не миролюбиваго и не гуманнаго настроенія, еще господствующаго въ правящихъ сферахъ многихъ великихъ державъ. Но, съ другой стороны, рядъ важныхъ постановленій о гуманизации войны и особенно подписаніе вышеприведенной конвенціи о третейскомъ судѣ представляются крупными завоеваніями нашего времени и доказываютъ, что упомянутыя правящія сферы, вообще мало благоприятны къ задачамъ конференціи, не могли въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ не слѣдовать господствующимъ идеямъ вѣка и миролюбивому настроенію народовъ. Гаагская конференція сдѣлала гораздо меньше, нежели отъ нея ожидали народы, разоряемые вооруженіями и живущіе подъ постояннымъ опасеніемъ войны. Тѣмъ не менѣе и сдѣланное Гаагской конференціей представляется дѣломъ, далеко незауряднымъ, и является новымъ значительнымъ завоеваніемъ гуманизма и мира. Постановленіе же конференціи о передачѣ нѣкоторыхъ вопросовъ на разсмотрѣніе будущей конференціи, открываетъ перспективы новыхъ успѣховъ на этомъ пути.

III.

Изъ другихъ событій отчетнаго періода самымъ значительнымъ слѣдуетъ признать англо-русское соглашеніе о разграниченіи сферъ интересовъ въ Китаѣ, или, точнѣе говоря, о разграниченіи сферъ желѣзнодорожныхъ концессій. Это соглашеніе состоялось не въ формѣ какихъ либо конвенцій или трактатовъ, а въ видѣ обмѣна дипломатическими нотами, означающими намѣренія обѣихъ державъ, каковыя намѣренія становятся съ этого момента уже прямыми обязательствами. Ноты съ обѣихъ сторонъ тождественны (по двѣ съ каждой стороны). Въ англійской *Синей Книжкѣ*, представленной англійскому парламенту 6 мая (24 апрѣля), напечатаны ноты, представленныя англійскимъ посломъ сэромъ

Чарльзомъ Скоттомъ русскому министру иностранныхъ дѣлъ. Приводимъ въ переводѣ текстъ этихъ нотъ:

С.-Петербургъ, 28 (16) апрѣля) 1899.

Нижеподписавшійся посолъ Соединеннаго Королевства Великобританіи и Ирландіи, къ тому законно уполномоченный, честь имѣетъ сдѣлать Его Превосходительству графу Муравьеву, русскому министру иностранныхъ дѣлъ, нижеслѣдующее сообщеніе (déclaration suivante):

Великобританія и Россія, движимыя искреннимъ желаніемъ избѣгнуть въ Китаѣ всякихъ поводовъ къ столкновенію по вопросамъ, въ которыхъ ихъ интересы встрѣчаются, и принявъ въ соображеніе экономическія и торговыя тяготѣнія, обнаружившіяся въ разныхъ областяхъ китайской имперіи, пришли къ нижеслѣдующему соглашенію:

1. Великобританія обѣщаетъ не искать ни для себя, ни для своихъ подданныхъ, ни для кого бы то ни было вообще концессій на сооруженіе желѣзныхъ дорогъ къ сѣверу отъ Великой Стѣны Китайской; сверхъ того, она обѣщаетъ ни въ какомъ случаѣ ни прямо, ни косвенно не сопротивляться никакимъ требованіямъ, имѣющимъ отношеніе къ желѣзнодорожному дѣлу въ указанной области, если эти требованія будутъ поддержаны русскимъ правительствомъ;

2. Съ своей стороны, Россія обѣщаетъ не искать ни для себя, ни для своихъ подданныхъ, ни для кого бы то ни было вообще, концессій на сооруженіе желѣзныхъ дорогъ въ бассейнѣ Янгъ-тце-Кіанга; сверхъ того, она обѣщаетъ ни въ какомъ случаѣ ни прямо, ни косвенно не сопротивляться никакому требованію желѣзнодорожныхъ концессій въ указанной области, если это требованіе будетъ поддержано англійскимъ правительствомъ.

Обѣ договаривающіяся стороны заявляютъ, что не имѣютъ желанія нарушать верховныя права Китая, опирающіяся на существующіе трактаты, и потому немедленно сообщаютъ китайскому правительству о настоящемъ соглашеніи, которое, устраняя всякій поводъ къ осложненіямъ между ними, тѣмъ самымъ упрочиваетъ миръ на Дальнемъ Востокѣ и служитъ удовлетворенію интересовъ самого Китая.

Чарльзъ С. Скоттъ.

Такая же нота сообщена русскимъ посломъ въ Лондонѣ маркизу Салisbury съ тою только разницею, что въ русской нотѣ русское обѣщаніе стоитъ первымъ, а британское вторымъ, тогда какъ въ приведенной англійской нотѣ наоборотъ. Вторая пара нотъ касается Нью-Чванской желѣзной дороги:

С.-Петербургъ, 28 (16) апрѣля 1899 г.

Въ видахъ дополнить ноты, сего числа объявленныя и касающіяся разграниченія сферъ концессій на сооруженіе и эксплоатацію китайскихъ желѣзныхъ дорогъ, условлено наложить въ

настоящей дополнительной нотѣ соглашеніе касательно желѣзнодорожной линіи Шанхайвань-Ньючангъ, для сооруженія которой китайскимъ правительствомъ былъ заключенъ заемъ въ Шанхай-Гонконгскомъ банкѣ, представляющемъ британско-китайское предпріятіе.

Общее соглашеніе, изложенное въ вышеупомянутыхъ нотахъ, не должно никоимъ образомъ нарушать права, выговоренныя по означенному займу, и китайское правительство сохраняетъ обязательство допустить англійскаго инженера къ надзору за постройкою дороги, а европейскаго счетнаго уполномоченнаго къ надзору за расходовавіемъ ссуженной суммы.

Само собою однако разумѣется, что этотъ фактъ не можетъ установить правъ собственности или правъ иностраннаго контроля и что упомянутая линія остается линіей китайскою, состоящей подъ контролемъ китайскаго правительства, и не можетъ быть ни заложена, ни отчуждена не китайской компаніи.

Что касается боковой вѣтви Сю-чи-ханъ до Синминтона, то въ дополненіе къ вышеизложенному постановляется, что она должна быть построена самимъ Китаемъ, но допускается высшій надзоръ европейскаго, не непременно англійскаго, инженера для удостовѣренія, что она надлежащимъ образомъ выполнена.

Настоящее соглашеніе никоимъ образомъ не ограничиваетъ правъ русскаго правительства поддерживать, если оно сочтетъ то нужнымъ, проекты русскихъ подданныхъ или учрежденіе такихъ желѣзныхъ дорогъ, которыя, исходя отъ Манджурской линіи, будутъ проходить по тѣмъ же землямъ и по тому же направленію, какъ и китайскія линіи, оканчивающіяся въ Ньючангѣ и Синминтонѣ.

Чарльзъ С. Скоттъ.

Въ дополненіе къ этимъ нотамъ небезполезно привести нѣкоторыя дополнительные разъясненія, сдѣланныя британскими министрами въ парламентѣ. Такъ, немедленно послѣ опубликованія этихъ нотъ въ палатѣ общинъ оппозиція внесла вопросы съ цѣлью выяснить смыслъ и значеніе нѣкоторыхъ не вполне ясныхъ условій этого соглашенія. Сэръ Бродрикъ, подсекретарь министерства иностранныхъ дѣлъ (замѣтившій на этомъ посту лорда Керзона, назначеннаго вице-королемъ Индіи), отвѣчая на эти вопросы, разъяснилъ, что права, предоставленныя англичанамъ по Тянь-Тзинскому трактату въ земляхъ, лежащихъ на сѣверъ отъ Великой Стѣны, новымъ соглашеніемъ нисколько не ограничиваются. Тянь-Тзинскій же договоръ обезпечиваетъ англичанамъ права наиболее благоприятствуемой державы, т. е. всѣ права, которыя будутъ предоставлены какому бы то ни было иностранцамъ. Далѣе сэръ Бродрикъ заявилъ, что онъ не имѣетъ понятія о томъ, какія притязанія имѣетъ Россія на Манджурію, но можетъ сообщить, что относительно бассейна Янъ-тце-Кіанга

права, предъявленные англійскимъ правительствомъ, весьма опредѣлены: оно требуетъ, чтобы никакая часть территоріи въ этой области не была никомъ образомъ предоставляема иностранной державѣ ни въ формѣ найма, ипотеки или полного отчужденія. Подъ бассейномъ Янъ-тце-Кіанга подразумѣваются провинціи Че-Кюнгъ и Хуннанъ и всѣ провинціи по берегу Янъ-тце-Кіанга.

Затѣмъ, согласно обѣщаніямъ, обмѣненнымъ въ нотахъ, русскій и англійскій представители въ Пекинѣ представили китайскому правительству тождественныя ноты, налагающія существенныя пункты англо-русскаго соглашенія.

Таковыя вышнія, такъ сказать, факты этого соглашенія, которыми такъ много занималась и до сихъ поръ занимается западно-европейская печать. Сначала англійская печать приняла это соглашеніе съ удовольствіемъ, хотя и одержаннымъ; печать же континентальная (и германская, и французская) съ явнымъ безпокойствомъ. Въ послѣднее время континентальная печать относится къ соглашенію гораздо спокойнѣе, но и англійская тоже гораздо равнодушнѣе. Тому причиною не могли не быть факты, немедленно послѣдовавшіе за обнародованіемъ соглашенія. Мы выше привели разъясненіе сэра Бродрика относительно сохраненія за англичанами полной равноправности съ русскими и на сѣверъ отъ Великой Стѣны во всемъ, за исключеніемъ желѣзнодорожной постройки. Англичане встрѣтили это разъясненіе съ полнымъ удовольствіемъ, не замѣчая, что это само собою не можетъ не распространяться и на другую сторону. Иначе говоря, сэръ Бродрикъ своими словами утвердилъ и равноправность русскихъ съ англичанами въ бассейнѣ Янъ-тце-Кіанга во всемъ, за исключеніемъ желѣзнодорожныхъ концессій. Факты же немедленно напомнили объ этомъ.

Недавно Россія получила отъ китайскаго правительства концессію на такъ называемый settlement въ Хань-Коу, большомъ коммерческомъ портѣ Янъ-тце-Кіанга. Settlement'ы—это особые участки земли, отводимые китайцами тѣмъ или другимъ иностранцамъ въ предѣлахъ какого либо открытаго для международной торговли порта. Эти участки находятся внѣ китайской юрисдикціи и получившіе концессію иностранцы тамъ устроятся по законамъ своего отечества. Въ Шанхаѣ имѣются такіе settlement'ы китайскій, американскій, французскій и германскій. Въ Хань-Коу были англійскій и французскій; теперь появился русскій, вполне оправдываемый многочисленною русскою колоніей въ Хань-Коу, этомъ средоточіи чайной торговли всего Китая. Между тѣмъ, на участкѣ, отведенномъ русскимъ, оказалось нѣсколько англійскихъ дачъ, владельцы которыхъ рѣшительно отказались продать эти дачи и не пожелали войти въ русскій settlement на общихъ правахъ всѣхъ осталь-

ныхъ его обывателей, настаивая на своей экстерриториальности. Не успѣвъ склонить упрямыхъ бриттовъ къ уступчивости, русскій генеральный консулъ въ Хань-Коу рѣшилъ обойтись безъ ихъ согласія и приступилъ къ оцѣнкѣ ихъ владѣній для принудительнаго отчужденія съ уплатою по оцѣнкѣ. Русскій консулъ дѣйствовалъ вполне законно, но вѣдь это было на берегахъ Янъ-тцѣ-Кіанга, который англичане уже считали своимъ! Правда, это было внѣ желѣзнодорожныхъ построекъ и, слѣдовательно, вполне отвѣчало тому толкованію, которое далъ сэръ Вродриксъ относительно Манджуріи, а слѣдовательно и относительно Янъ-тцѣ-Кіанга: постановленія были строго тождественны. Англійское правительство поспѣшило возбудить переговоры въ Петербургѣ и русскій генеральный консулъ въ Хань-Коу получилъ приказъ приостановиться съ операціей принудительнаго отчужденія впредь до полученія новыхъ инструкцій. Но это распоряженіе русскаго правительства, сдѣланное послѣ разъясненій сэра Вродрикса въ парламентѣ, было уже явномъ любезностью, не болѣе. Разъясненія сэра Вродрикса, по скольку они касались Манджуріи, могли, конечно, обрадовать англичанъ: цѣнность сдѣланной въ пользу Россіи уступки уменьшилась на $\frac{1}{10}$ того смысла, который первоначально былъ всѣмъ усвоенъ, но когда оказалось немедленно, что и цѣнность уступокъ, сдѣланныхъ въ пользу Англіи, тоже уменьшается на $\frac{1}{10}$, то и все значеніе соглашенія свелось не къ разграниченію сферъ интересовъ и дѣятельности, а къ первому лишь шагу по этому пути. Конечно, это кое-что во всякомъ случаѣ, но далеко не то, чего ожидали...

Разочарованіе англичанъ получило и иную пищу. Times сообщалъ, что „русскіе предполагаютъ продолжить до Пекина сѣтъ своихъ манджурскихъ желѣзныхъ дорогъ. Русско-китайскій банкъ испрашиваетъ концессию на ея постройку“. Эта линія, параллельная Нью-Чвангской, строящейся на англійскія средства, является ей конкурирующею. Англійская печать заволновалась, находя, что русскіе нарушили только что состоявшееся соглашеніе, и не замѣчая, что такая параллельная линія въ соглашеніи предвидѣна. Китайское правительство, впрочемъ, встрѣтило русскій проектъ несочувственно и переговоры еще продолжаются.

С. Юмановъ.

Хроника внутренней жизни.

Общество и голодъ.

I. Объединительная политика, II. Отрванный путь.

Голодъ кончился... По совѣсти этого сказать, конечно, нельзя. Новый хлѣбъ дѣйствительно собранъ, но это не значитъ, что голодавшее населеніе будетъ теперь найдаться досыта. Въ корнѣ подорванное благосостояніе крестьянства не можетъ быть вновь упрочено одной жатвой. Еще меньшее значеніе новый хлѣбъ имѣетъ для тѣхъ, которые не обѣменили своихъ полей, или заложили свои загоны и посѣвы. Еще долго народъ въ восточныхъ губерніяхъ будетъ жить впроголодь...

Одной изъ самыхъ характерныхъ особенностей нашихъ голодныхъ кампаній приходится считать то фальшивое положеніе, въ которомъ каждый разъ оказывается общество. Его участіе въ борьбѣ съ голодомъ то какъ будто всецѣло признается, то какъ будто такъ же всецѣло отрицается. На ряду съ оффиціальными увѣреніями въ желательности широкой общественной благотворительности, приходится считаться съ явнымъ намѣреніемъ стѣснить ея проявленіе несвойственными ей формальностями. Воззванія къ пожертвованіямъ сопровождаются гониміями на отдѣльныхъ дѣятелей и жертвователей. Съ другой стороны, отзывчивость самого общества каждый разъ оказывается и запаздалой и недостаточной. Между тѣмъ роль, выпадающая на долю общества въ борьбѣ съ голодомъ, неизбежно оказывается очень значительной, прямо громадной.

Съ тѣмъ же пришлось считаться и въ тольکو что закончившуюся голодовку... Подавлять разыгравшіяся эпидеміи цынги и тифа пришлось общественными силами, но при такихъ условіяхъ, которыя не обезпечивали быстрого и вполне удачнаго разрѣшенія этой задачи. Теперь можетъ быть, не лишне будетъ напомнить нѣкоторые изъ тѣхъ фактовъ общественной хроники за послѣдній годъ, которыми опредѣлялось отношеніе общества къ народному бѣдствію.

I.

Какъ это ни странно, самъ по себѣ вопросъ о томъ, слѣдуетъ-ли обществу предоставить свободный просторъ въ дѣлѣ помощи голодающимъ, приходится считать не рѣшеннымъ у насъ

даже въ теоріи. Напомнимъ хотя бы полемику по этому вопросу „Новаго Времени“, оцѣтившагося между двухъ стульевъ, съ официальной „Торгово-Промышленной Газетой“, съ одной стороны, и съ „Вѣстникомъ Европы“ — съ другой. Еще страннѣе, что на ясный и категоричный вопросъ: „можемъ-ли мы помогать голодающимъ“, съ каковыми обращались обыватели глухихъ уголковъ къ столпичнымъ дѣятелямъ, приходилось отвѣчать чутли не воззваніемъ къ неопытному вѣдѣнію властямъ пререканіямъ. Въ такомъ положеніи оказался, напримѣръ, г. Меньшиковъ, которому въ „Недѣли“ пришлось дать отвѣтъ на полученныя редакціей этой газеты письма съ такимъ именно вопросомъ. „Даже такого вопроса, писалъ сотрудникъ „Недѣли“, не могутъ рѣшить сами: *законно-ли спасать людей отъ смерти или незаконно.* Добра сдѣлать боятся больше, чѣмъ зла... Признаюсь, продолжалъ онъ, не нравится мнѣ эта столь распространенная у насъ трусость. Разъ мы искренно убѣждены, что дѣло ваше доброе, такъ и дѣлайте его, не скрывая; позовутъ къ отвѣту—п отвѣтите; если бы за нарушеніе какой-либо неизвѣстной вамъ буквы закона и пришлось претерпѣть маленькую несправедливость— что за бѣда! Претерпите, лишь бы доброе дѣло было сдѣлано во время и не былъ упущенъ драгоцѣнный моментъ. Вѣдь спасая утопающихъ или горящихъ на пожарѣ, то же кое-чѣмъ рискуешь“...

„Въ Казани, напримѣръ, съ самаго начала голодовки и очень дѣлательно принялся работать кружокъ лицъ, главнымъ образомъ, на средства мѣстнаго крупнаго коммерсанта Александрова. Не прошло и двухъ мѣсяцевъ, какъ послѣдовало воспрещеніе и г. Александровъ долженъ былъ ѣхать въ Петербургъ доказывать, что онъ не преслѣдовалъ никакихъ иныхъ цѣлей, кромѣ благотворительныхъ“ *). Мы не удивляясь, когда въ „Саратовскомъ Дневникѣ“ прочитали письмо врача Николаева, въ которомъ онъ увѣдомлялъ, что „по незаписаннымъ обстоятельствамъ долженъ оставить службу въ С.-Карбулакѣ, а потому пожертвованія для нуждающихся Сухо-Карбулакской волости не могутъ быть направляемы на его имя“. Это была не первая, вѣдь, несправедливость, выпавшая на долю г. Николаева, послѣ того, какъ онъ помѣстилъ въ газетахъ письмо о бѣдственномъ положеніи окружавшаго его населенія, да, можетъ быть, и не послѣдняя. Къ сожалѣнію, дѣло не ограничивается „маленькими несправедливостями“, которыя приходится претерпѣть тѣмъ, кто не задумывается надъ вопросомъ, можно-ли помогать голодающимъ. Въ началѣ іюня въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ была напечатана краткая, но достаточно выразительная телеграмма г-жѣ Габай и Коккизовой: „25 мая, телеграфировали онѣ уже изъ Москвы, мы за-

*) „С.-Петербургскія Вѣдомости“, 14 іюня.

крыли всё наши столовые въ Чистопольскомъ уѣздѣ. Просимъ пожертвованія на наше имя не присылать". Ек. С. Габай съиграла далеко не маленькую роль въ томъ общественномъ движеніи „на голодъ“, которое мы пережили въ извѣстной мѣрѣ минувшей весной. Она работала не только тамъ—на мѣстѣ нужды, среди голодныхъ, цынготныхъ и тифозныхъ,—но и здѣсь—среди сытыхъ: ея яркія и содержательныя письма, появившіяся въ газетахъ, вызвали, вѣроятно, не одну ленту на святое дѣло, побуждали, вѣроятно, не одно лицо встать въ рядъ борцовъ съ голодомъ. Несмотря на то, что „недостатка ни въ средствахъ, ни въ сотрудникахъ у нея не было“, „несмотря на признаніе мѣстными властями ея несомнѣнныхъ заслугъ въ устройствѣ и веденіи столовыхъ“, ей все таки, какъ сообщила она въ редакцію „Одесскихъ Новостей“, „пришлось прикончить“ свою дѣятельность... Прошло нѣсколько дней и мы въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ читаемъ письмо другой видной дѣятельницы въ борьбѣ съ голодомъ, Е. К. Щепетильниковой. „Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, пишетъ она, ссылаясь на разныя формальности, тормазятъ дѣло помощи населенію, закрывая столовыя. Я открыла въ Чистопольскомъ уѣздѣ 80 столовыхъ, не имѣя на то никакого оффиціального разрѣшенія, и это было извѣстно и губернатору, и земскимъ начальникамъ, однако никто ранѣе не протестовалъ и не дѣлалъ мнѣ никакихъ затрудненій. Недавно же было закрыто три столовыя съ 6-мъ участкомъ, на томъ будто бы основаніи, что моя личность совершенно неизвѣстна г-ну земскому начальнику. Между тѣмъ я сама уроженка и землевладѣлица Чистопольскаго уѣзда, и какъ таковая извѣстна и оффиціальнымъ лицамъ города, и многимъ частнымъ, а по теперешней моей дѣятельности пользуюсь довѣріемъ массы лицъ, со всѣхъ концовъ Россіи и даже изъ-за границы посылающихъ мнѣ свои пожертвованія“ *). Когда же лицо, явившееся на помощь голодающимъ, за неотысканіемъ другихъ грѣховъ, нельзя обвинить даже въ „неизвѣстности“, то явняется розыскъ объ источникахъ, изъ которыхъ получены деньги. „На дняхъ, напр., писали въ „Нижегородскій Листокъ“ въ началѣ іюня, священникъ с. Никольскаго получилъ бумагу, въ которой его спрашиваютъ, на чьи средства открыты имъ три столовыя. Далѣе въ бумагѣ идетъ предложеніе закрыть эти столовыя, пока не будетъ выясненъ вопросъ объ источникахъ средствъ“ **). Изъ какихъ источниковъ нельзя было получать деньги для голодающихъ, мы не знаемъ. Но, должно быть, такіе запрещенные источники были. За чѣмъ же въ противномъ случаѣ было производить розыскъ объ источникахъ? Съ другой стороны мы слышимъ, что „значительныя суммы,

*) „Русскія Вѣдомости“, 11 іюня.

**) Цитируемъ по перепечаткѣ въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“, отъ 7 іюня.

какъ сообщать г. Марковниковъ, отсылались безъ всякой огласки, чтобы не дать повода поднять крики дикимъ кошкамъ и охранительнымъ шакаламъ" *). Жертвователи должны были думать не о личныхъ только неприятностяхъ, какія могли выпасть на ихъ долю, а и о голодающихъ, къ которымъ можно было переслать деньги только крадучись...

Изъ ряда фактовъ мы привели тѣ, которые оглашены были уже въ концѣ продовольственной кампаніи...

Однако неприятности, которыя ожидали дѣятелей и жертвователей, нельзя считать непосредственной причинной заповѣдью и недостаточной общественной отзывчивости.

"Все съ разрѣшенія"—вотъ принципъ, который проводится въ общественную жизнь...

Въ Екатеринославѣ появились въ продажѣ бронзовыя медали съ изображеніемъ на одной сторонѣ Дрейфуса, на другой—Эмilia Золя, но распространеніе ихъ, какъ не разрѣшенныхъ къ обращенію, было немедленно воспрещено **). Интересъ публики къ дѣлу далекаго изгнанника Чортова острова и симпатіи къ безкорыстному борцу за справедливость, хотя бы они выражались въ десятикопѣечныхъ затратахъ на медали, оказываются подъ контролемъ полиціи.

Въ Сибирскѣ весной текущаго года пріѣхалъ донской вино-торговецъ Минисевъ, чтобы оказать помощь бѣднякамъ въ неурожайный годъ, и началъ раздавать деньги на площади и на улицахъ. Но такая благотворительность ему была воспрещена и онъ долженъ былъ уѣхать, увезя съ собою, по одной версіи ***), всѣ назначенныя на благотвореніе суммы, по другой ****),—оставивъ 1.000 руб. въ мѣстномъ отдѣленіи Краснаго Креста, куда онъ былъ приглашенъ полиціей. Такимъ образомъ и порывъ любви къ своимъ обездоленнымъ братьямъ, хотя бы онъ выразился въ буквальномъ исполненіи евангельской заповѣди: „иди и раздай имѣніе твое нищимъ“,—не освобожденъ отъ надзора.

28 марта въ 8 часовъ 25 минутъ вечера—такая точность установлена потомъ полицейскимъ протоколомъ—надъ Архангельскомъ въ сѣверо-западномъ направленіи очень низко и медленно пролетѣлъ какой то предметъ, напоминающій воздушный шаръ, и скрылся за горизонтомъ. О такомъ „метеорологическомъ“ явленіи какой то обыватель сообщилъ въ „Сѣверный Край“, прося знающихъ людей объяснить его. 28 апрѣля въ той же газетѣ „во пѣбжаніе какихъ либо недоразумѣній и прайдныхъ толковъ“ напечатано разъясненіе канцеляріи архангельскаго губернатора,

*) „С.-Петербургскія Вѣдомости“, 14 іюня.

**) „Орловскій Вѣстникъ“, № 20.

***) „Сынъ Отечества“, 13 апрѣля.

****) „Казанскій Телеграфъ“. См. перепечатку въ „Орловскомъ Вѣстникъ“ отъ 26 апрѣля.

изъ котораго явствуетъ, что по поводу метеорологическаго явленія мѣстной полиціей было произведено дознаніе, при чемъ оказалось: воздушный шаръ, „но только такой, какія обыкновенно выпускаются на народныхъ гуляньяхъ для развлеченія посѣщающей ихъ невзыскательной публики“, выпустилъ для собственного удовольствія мѣщанинъ г. Архангельска Павелъ Коховскій, въ чемъ онъ при полицейскомъ дознаніи „чистосердечно признался и далъ подписку не смущать болѣе своими опытами обывателей“...

II.

Ничтожество обывательской личности въ ея общественныхъ проявленіяхъ съ особою силою дало себя почувствовать при встрѣчѣ съ громаднымъ по своимъ размѣрамъ народнымъ бѣдствіемъ. Въ самомъ дѣлѣ, что значить пятирублевка, которую можетъ пожертвовать заурядный обыватель,—а средній размѣръ пожертвованія значительно ниже даже этой цифры,—въ сравненіи съ тѣмъ океаномъ нужды, о которомъ онъ слышитъ?.. И обыватель прячется за спину Ванн, Сережи, Петя, отъ имени которыхъ онъ шлетъ эту пятирублевку. Онъ, какъ рассказываютъ одесскія газеты, стѣсняется первымъ положить свой гривенникъ въ кружку, которую ему протаскиваютъ, и ждетъ, чтобы начали класть другіе, среди которыхъ и онъ незамѣтно сунетъ свою лепту. Онъ отказывается отъ кулечей и пахли, желая ничтожной, какъ онъ сознаетъ, по ея объективному значенію жертвы придать ничтожную и субъективную цѣнность. Онъ шлетъ на „красное личко“ и „розговѣнье“ голодающимъ, хотя хорошо знаетъ, что ихъ нужно кормить изо дня въ день въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Въ лучшемъ случаѣ, онъ беретъ на себя заботу о дѣтихъ, хотя увѣренъ, что отцамъ и матерямъ ихъ живется не лучше. Принять на себя все бремя, отвѣтственность за всю массу онъ не можетъ: для этого у него нѣтъ вѣры въ себя, въ общество. А безъ этой вѣры нѣтъ и подъема духа. Изолированный и обезличенный обыватель оказывается въ заколдованномъ кругѣ: ничтожность жертвы влечетъ за собою ничтожность цѣли; ничтожность цѣли не позволяетъ сдаться жертвенному настроенію; отсутствіе послѣдняго тормозитъ увеличеніе жертвы до возможныхъ предѣловъ...

Правда, уже въ началѣ голодной кампаніи былъ указанъ Красный Крестъ, какъ официальный представитель общества. Нечего и говорить, что общество Краснаго Креста—самая крупная у насъ благотворительная организація. Но несмотря на свою силу и официальныя полномочія, оно, какъ показали факты, не объединило вокругъ себя русскаго общества и значительная часть общественныхъ силъ принуждена была при-

кати участь въ боротьбі съ голодомъ въ неорганізованій виді. Конечно, этому були свої причини и, можець быть, не лишне будетъ остановиться на нихъ.

Прежде всего причини, такъ сказать, формальныя. И составъ, и управленіе Краснаго Креста, какъ общества давняго, включило своимъ исторію и традиціи, представляють изъ себя нѣчто установившееся и при томъ внѣ всякой связи съ такою въ сущности временною и случайною для него задачею, какъ помощь голодающимъ. Уже въ силу этого Красный Крестъ не могъ проявить необходимой эластичности, чтобы объединить всѣ тѣ общественные элементы, которые вызвали на общественную арену голодъ. При томъ же составъ Краснаго Креста, какъ имъ знаютъ, довольно однообразенъ и ограничивается почти исключительно болѣе видными представителями чиновничества, дворянскаго купечества и помѣщичьяго дворянства. Члены его—все болѣе члены по своему общественному положенію, а не по призванію. Въ частности, тѣ общественные элементы, которые, какъ увидимъ ниже, оказались наиболее отзывчивы на народную нужду, совсѣмъ почти въ немъ не представлены. Кромѣ того, спеціальныя задачи Краснаго Креста не позволили ему всецѣло отдаться помощи голодающимъ: вниманіе и силы его органовъ неизбежно должны были раздѣляться между постоянными дѣлами и дѣлами случайными, не рѣдко въ ущербъ послѣднему. На сколько далеко для нѣкоторыхъ отдѣленій Краснаго Креста было дѣло помощи голодающимъ, показывается примѣръ орловскаго отдѣленія, которое нежелало денегъ, собранныхъ въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая, обратитъ на содержаніе мѣстной общины сестеръ милосердія *).

Но, кромѣ этихъ формальныхъ, были, нужно думать, и нѣкоторые другія, затрогивавшія существо дѣла, причини общественного отчужденія отъ Краснаго Креста. Мы считаемъ необходимыми отхитити адѣсь нѣкоторые факты, могущіе бросить свѣтъ на это явленіе.

Еще злымъ въ газеты проникли слухи, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ голодающихъ губерній татары, среди которыхъ, какъ извѣстно, наблюдалась самая острая нужда, не желаютъ открытія у себя даровыхъ столовыхъ отъ Краснаго Креста. Одно уже названіе „Крестъ“ для нихъ что-то страшное, внушающее серьезное опасеніе за свою религію. Уполномоченныиъ Краснаго Креста, желавшимъ организовать столовыя въ татарскихъ деревняхъ, пришлось встрѣтить препятствія, преодолѣть которыя было трудно, а можетъ быть и невозможно. Свѣдѣнія объ этихъ фактахъ были перепечатаны почти всѣми газетами для характеристики того небытья, какое пришлось встрѣтить дѣятелямъ, отправившимся для помощи голодающимъ...

*) „Орловскій Вѣстникъ“, 1 іюня.

А вотъ и другой фактъ, рассказанный гр. И. Л. Толстымъ въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ *), фактъ, не менѣе характерный и при томъ непосредственно относящійся до дѣятельности Краснаго Креста въ голодающихъ мѣстностяхъ. Въ Тульскую губернію для оказанія помощи пострадавшимъ отъ неурожая отъ главнаго управленія Краснаго Креста былъ командированъ кн. Волконскій. Онъ призналъ необходимымъ распространить свою дѣятельность и на Чернскій уѣздъ, гдѣ имъ были учреждены попечительства Краснаго Креста, при чемъ средства для удовлетворенія нужды послѣдніе получали отъ Главнаго Управленія. 25 января въ г. Черни былъ открытъ уѣздный комитетъ Краснаго Креста, которому кн. Волконскій и предполагалъ передать заведываніе организованными имъ попечительствами. Но въ первомъ же своемъ засѣданіи комитетъ рѣзко разошелся съ уполномоченнымъ во взглядахъ на положеніе населенія и не только не призналъ наличности острой нужды въ уѣздѣ, но и „обнаружилъ явное недоброжелательство“ къ миссіи, возложенной на кн. Волконскаго. „Съ тѣхъ поръ, рассказываетъ гр. Толстой, уѣздный комитетъ Краснаго Креста и отдѣльные попечительства, учрежденные кн. Волконскимъ, стали дѣйствовать совершенно отдѣльно другъ отъ друга“...

III.

Въ связи съ голодомъ въ текущемъ году общихъ вопросовъ почти не поднималось. Въ этомъ, какъ будто, была даже какая то преднамѣренность. Какъ будто всѣмъ предполагалось, что общество, не развлекемое общими вопросами, можетъ дружнее и энергичнѣе отозваться на народную бѣду. „Въ настоящую минуту, писалъ „Церковный Вѣстникъ“, ближайшая задача спасти ошошавшій отъ голода и умирающій отъ болѣзней народъ... Всевозможныя экономическія, политическія и ныя соображенія должны отойти на задній планъ и уступить мѣсто чувству христіанской любви и состраданія“ **). Въ дѣйствительности это, конечно, не такъ. „Экономическія, политическія и ныя соображенія“ тамъ, гдѣ это дѣйствительно бы слѣдовало, на задній планъ все-таки не отошли и свою печать на голодную кампанію все-таки наложили. Устраненіе же изъ сферы общественнаго вниманія общихъ вопросовъ дѣлу любви и милосердія ничуть не помогло и скорѣе затруднило, чѣмъ облегчило объединеніе отошавшагося на голодъ общества. Въ наше время всевозможныхъ экономическихъ и ныхъ „противорѣчій“ собрать подъ христіан-

*) 28 апрѣля.

**) „С.-Петерб. Вѣдомости“, 24 апрѣля.

скимъ знаменемъ значительное и дружное войско не мыслимо. Различные интересы, какъ бы усердно мы ихъ ни замалчивали, и въ скрытомъ состояніи сдѣлаютъ свое дѣло. Сказались они и на отношеніяхъ общества къ голодающимъ.

Для нѣкоторыхъ голодъ послужилъ лишь новой темой для забавы, даже для надвѣательства. Въ Ростовѣ на Дону на масляницѣ веселились, конечно, какъ и всегда. О голодѣ вспоминали лишь на костюмированномъ балу, но за то не только вспомнили, но и... увѣщали преміей. „Первая мужская премія, рассказыва-
етъ „Приазовскій Край“, была присуждена русскому крестьянину изъ неурожайныхъ губерній—убогой изможденной фигурѣ, въ запатанной пестрядевой рубашѣ, изъ-за заплат которой протягивались руки, и много этихъ рукъ тянулось къ публикѣ, ровно столько же, сколько и пострадавшихъ отъ неурожая губерній, названія которыхъ узкой лентой окружали кисти рукъ“. *) Культурныя формы—великое дѣло. Благодаря имъ, и возмутительный фактъ можетъ не только пройти незамѣченнымъ, но и вызвать даже художественное наслажденіе и общее одобреніе. Но откиньте культурную оболочку—и сердце ваше при встрѣчѣ съ такимъ же въ сущности явленіемъ содрогнется отъ негодованія. Вотъ вамъ другой фактъ, цѣлая сценка изъ области отношеній сытыхъ къ голоднымъ, рассказанная въ „Саратовскомъ Дневникѣ“. Дѣло происходитъ въ Петровскѣ, убадномъ городѣ Саратовской губерніи.

— Илья Григоричъ! Илья Григоричъ!—выкрикиваетъ бездѣйствующій, благодаря затѣшную „хлѣбныхъ дѣлъ“, какой нибудь толсто-пузый „коммерсантъ“, завидя голодныхъ:—вотъ къ тебѣ нажимаются пришли, иди скорѣй.

Илья Григоричъ важно выступаетъ впередъ, подходитъ къ голоднымъ и начинать переговоры:

— Ну что, братцы, плохо? Я вамъ работу дамъ выгодную, очень прибыльную,—хотите?

— Отецъ, благодѣтель, заставь за себя Богу молиться! дѣтишки умираютъ съ голоду... крышки раскрыли... скотину проѣли...

— Ну, довольно, довольно: мнѣ вытѣ не нужно—надо дѣло. Согласны брать со мной тюленей бить?

— На все согласны. Куда хочешь, только не дай помереть голодной смертью. Дѣтишки...

— Ну, ладно; всякаго я взять не могу, а по выбору: которыхъ ловчѣе. Иди за мной!

Бѣдяки, сопровождаемые цѣлой толпой озвѣрѣвшихъ „шутниковъ“, идутъ по зову, и тутъ имъ заявляютъ, что прежде всего ихъ нужно осмотрѣть, не больны-ли они, нѣтъ-ли на ногахъ шишекъ, а затѣмъ испытать, кто изъ нихъ „ловчѣе“.

— Что-жъ, это дѣло хозяйское, мы не прекословимъ.

— Раздѣвайтесь—приказываетъ Илья Григоричъ.

Бѣдяки, при хихиканьи публики, снимаютъ свои рубища и остаются

*) „Нижегородскій Листокъ“, 9 марта.

въ рубахахъ и крестахъ. Илья Григоричъ съ серьезнѣйшимъ видомъ начинаетъ осматривать у нихъ руки, ноги и другія части тѣла, а „нанимающіеся“ терпѣливо ждутъ конца этой процедуры.

Окончивши осмотръ, приступаютъ къ надѣвательству, которое состоитъ изъ томъ, что бѣдняка заставляютъ бѣгать по полу, бѣгать какъ можно быстрее по лѣстницѣ, ходить на четверенькахъ, лезть подъ биллардъ и въ заключеніе предъявляютъ такого рода требованіе:

— Ну, братъ, обращается изобрѣтательный „коммерсантъ“—теперь клань на полъ свою шапку и бей ее палкой, какъ бы тюленя, по головѣ, только заходи съ боку, тише и ловчѣе. Шапки не жалѣй—заплатимъ.

Бѣднякъ выполняетъ требованіе.

Представленіе кончено. Толпа сытыхъ, глядя на кривляныя полуголаго человѣка, разражается неудержимымъ хохотомъ и, нахохотавшись до упаду, благодаритъ своего остроумнаго компаньона за доставленное удовольствіе.

Илья Григоричъ, чтобы отдѣлаться отъ „нанимающагося“, проситъ съ него 10 р. задатку. Такой суммы, само собой разумѣется, у голоднаго мужа нѣтъ, и онъ отказывается отъ предложенія идти на „тюлений промыселъ“. Та же исторія повторяется съ другими *).

Другіе отнеслись къ голоду гораздо серьезнѣе и посмотрѣли на него не какъ на забаву, а какъ на удобный моментъ для наживы. Правда, въ текущемъ году мы совсѣмъ почти не слышимъ про Дрейфусовъ, Пухертовъ и другихъ крупныхъ спекуляторовъ на народную нужду...

Что спекуляторы непременно околачиваются гдѣ нибудь около голодающихъ, объ этомъ мы можемъ судить по той многочисленной стаѣ мелкаго воронья, которая спѣшитъ нажить копѣйку на голодной нуждѣ. Среди этого воронья мы встрѣтимъ и своего доморощеннаго кулака, скупающаго за безцѣнокъ остатки убогаго имуществъ, и просвѣщенныхъ помѣщиковъ, выписывающихъ за 1000 верстъ себѣ рабочихъ „по возможности болѣе или менѣе атлетическаго сложенія“ **) для работъ въ болотѣ за плату, некупающую харчей ***); и въ лучшемъ случаѣ за плату, какую получаютъ подростки ****)...

Надѣвательство и беззащитная эксплуатація—это, конечно, наиболѣе рѣзкія формы, въ которыхъ намъ напоминаетъ о себѣ старая истина, что „сытый голоднаго не разумѣетъ“. Равнодушіе въ разныхъ его степеняхъ—отъ прямой забывчивости о голодающихъ до хитроумной защиты своихъ кармановъ отъ нихъ—конечно, не такъ ярко, но за то не менѣе характерно для значительной части русскаго общества. „Особенно зашито равнодушіе къ голодающимъ, говорили „Одесскія Новости“, со стороны всякаго рода сословныхъ учрежденій и акціонерныхъ обществъ“.... „Хозяева, директора предпріятій, акціонеры, получающіе тысячные барыши, ограничиваютъ свою филантропію десяткомъ или нѣсколькими руб.,

*) Цитируемъ по перепечаткѣ въ „Одесскихъ Новостяхъ“ отъ 21 апрѣля.

**) „Самарская Газета“, 17 марта.

***) „Сѣверный Край“, 10 апрѣля.

****) „С.-Петербургскія Вѣдомости“, 6 апрѣля.

составляющими въ сравненіи съ жертвами служащихъ (у нихъ же) ничтожную сумму. Ихъ можно подвинуть на большія жертвы въ томъ лишь случаѣ, если призывъ будетъ исходить отъ лицъ, расположеніемъ которыхъ они дорожатъ, но даже и тогда размѣръ пожертвованій, нѣсколько большій обыкновеннаго, далеко не будетъ соответствовать степени достатка жертвователей*).

На дняхъ, писалъ въ то же время ростовскій корреспондентъ „Сѣвернаго Края“, г. ярославскій губернаторъ предписалъ ростовскому исправнику собрать для голодающихъ картофеля, капусты и другихъ пищевыхъ продуктовъ. И наши почтенные зашевелились. Но большинство жертвуетъ все-таки картофелемъ: онъ не дорогъ—60 коп. за мѣшокъ въ три мѣры. А одинъ изъ почтенныхъ или скорѣе—изъ почтеннѣйшихъ, прокучивавшій на нижегородской ярмаркѣ суммы, могущія прокормить не одну сотню голодающихъ, на предложеніе помочь несчастнымъ, отвѣтилъ тоже предложеніемъ *продать по своей цѣнѣ* 100 пуд. ржаной муки. И за это спасибо. Развѣ не великодушіе продать товаръ и не нажать на немъ ни копѣйки!... Интеллигенція прилагала (и раньше) свои старанія, кружокъ любителей далъ съ цѣлью помочь обездоленнымъ „ситцевый вечеръ“, и чистая польза 16 руб. съ коп. пошла на это дѣло. Но право грустно и приводитъ такую грошовую цифру. Она своею мизерностью кричитъ о холодномъ и безучастномъ отношеніи ростовскаго общества къ жителямъ голодающихъ губерній. Данный 4 апрѣля въ домѣ земства духовный концертъ едва состоялся... Билеты на концертъ нѣкоторымъ вручались съ усиленными просьбами принять ихъ**).

Но это еще хорошо, если и картофель дадутъ, хорошо, что и 16 руб. собрать можно. Въ Смоленскѣ спектакль въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая далъ 17 руб. убытка***).

Въ Ялтѣ нѣсколько членовъ общества взаимнаго кредита предложили общему собранію пожертвовать годовой дивидендъ въ пользу голодающихъ. Но предѣлательствовавшій въ собраніи „типичный представитель той общественно-экономической группы, къ которой онъ принадлежитъ“, опираясь, очевидно, на поддержку большинства, съумѣлъ такъ повести дѣло, что это предложеніе не было даже поставлено на обсужденіе: сначала было рано, а потомъ было поздно. Директоръ банка не постѣснился объяснить, почему это такъ вышло: „чтобы другимъ неповторялось“, сказалъ онъ****).

Въ иныхъ мѣстахъ дѣло доходило до того, что голодающимъ не отдавали тѣхъ денегъ, которые имъ бесспорно принадлежатъ..

*) Цитируемъ по перепечаткѣ въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ отъ 10 апрѣля.

**) „Сѣверный Край“, 8 апрѣля.

***) „Смоленскій Вѣстникъ“, 10 марта.

****) „Одесскія Новости“, 4 апрѣля.

Въ Хвалынский, напр., дума отказала въ просьбѣ попечительству Краснаго Креста о помощи голодающимъ изъ капитала, собраннаго въ 1891 году при посредствѣ пожертвованій, мотивируя свой отказъ тѣмъ, что „нынѣшній годъ не есть годъ „неурожая“, а лишь „недорода“ *).

На дѣло любви и милосердія сытые люди—въ массѣ ихъ—не отозвались. На него откликнулись изъ ихъ среды единицы, „бѣлыя вороны“, для которыхъ знакомъ идеальный міръ.

Не равнодушно отнеслась къ голодовкѣ собственно та часть русскаго общества, которая сама живетъ почти впроголодь. Изъ массы фактовъ ограничимся однимъ. Студенты лѣсного института 29 марта единогласно постановили: въ пользу голодающаго населенія взимать пропорціональный налогъ въ размѣръ отъ одной копейки съ лица, обѣдающихъ въ институтской столовой, при чемъ студенты, тратящіе на обѣдъ менѣе 5 копѣекъ, отъ налога освобождаются **). Но легко понять, что эта часть общества, можетъ быть, и богатая любовью къ народу, ни въ коемъ случаѣ не могла дать тѣхъ необходимыхъ милліоновъ, которые могли бы предотвратить голодную смерть. Она стучалась за этими милліонами къ сытымъ людямъ, устранивая подписки, спектакли, духовные концерты, спускаясь до лоттерей и ситцевыхъ баковъ. Но стучалась далеко не всегда успѣшно.

Былъ ли у нея другой какой-либо путь, чтобы идти на помощь голодающимъ? Да, былъ. Она стучалась не въ тѣ дворы.

Хроника минувшаго голода поразительно богата фактами, свидѣтельствующими, что наиболѣе охотно откликался на призывъ помочь голодающимъ трудящійся людъ—крестьяне и рабочіе. „Въ спискахъ жертвователей, писали какъ то „Одесскія Новости“, встрѣтимъ массу мастеровыхъ, чернорабочихъ, ремесленныхъ учениковъ, низшихъ служащихъ и вообще бѣдный людъ, дающій, правда, гроши, но не отъ своего избытка, а отъ скудости, отказывая себѣ почти въ необходимомъ“. „Рабочіе завода купца Равкина, писали изъ с. Богородскаго, Горбатовскаго уѣзда, прежде всѣхъ въ нашемъ селѣ, откликнулись своею лептою въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая“. Они собрали 18 р. и кромѣ того „намѣремы просить своего хозяина дать имъ работу въ два праздничные дня и заработанныя такимъ образомъ деньги въ количествѣ около 100 руб. отправить туда же“ ***). „Это не такое дѣло, чтобы жертвовать 1/2 коп. или копейку“—говорили крестьяне небогатыя рославльскаго деревушки лицу, прочитавшему имъ сообщенія о голодѣ, и съ радостью приняли предложеніе о пожертвованіи, удивляясь только тому, „почему у нихъ не производится

*) „Самарская Газета“, 18 марта.

**) „Русскія Вѣдомости“, 9 апрѣля.

***) „Нижегородскій Листокъ“, 27 марта.

въ пользу голодающихъ сборъ и ничего объ этомъ не слышно отъ начальства и поповъ" *). „Крестьяне единогласно выразили желаніе подѣлиться всѣмъ, чѣмъ могутъ“, сообщаетъ г-жа Родзянко-Платковская изъ Бердянскаго уѣзда, Таврической губерніи **). „Искренняя отзывчивость крестьянъ—помочь бѣдствующимъ братьямъ своимъ, рассказываетъ про ту же мѣстность г-жа Хардина ***), буквально трогаетъ до слезъ. Даже бѣдняки (хаты которыхъ мы рѣшили обходить, зная собственную ихъ нужду)—выбѣгали къ намъ навстрѣчу, прося взять хотя яицъ или платочекъ и т. п.“ „Очень жаль, писалъ священникъ Жавченко въ редакцію „Одесскихъ Новостей“, препровождая собранные имъ среди прихожанъ 87 р. 50 коп., что духовенство не воспользовалось пасхальными днями для сбора пожертвованій въ пользу голодающихъ. Моментъ былъ очень удобный. Крестьяне готовы подѣлиться: нужно имъ только выяснитъ весь трагизмъ ужаснаго положенія голодающихъ“ ****)...

III.

Упорядоченіе университетской жизни.

Студенческія волненія, прервавшія въ минувшемъ академическомъ году почти на три мѣсяца учебную жизнь университетовъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеній, какъ извѣстно, обратили на себя Высочайшее вниманіе. 20 февраля повелѣно было генералъ-адъютанту Ванновскому произвести всестороннее разслѣдованіе причинъ и обстоятельствъ безпорядковъ, начавшихся 8 февраля въ петербургскомъ университетѣ и распространившихся затѣмъ на другія учебныя заведенія. Какъ выяснилось изъ этого разслѣдованія, результаты котораго были опубликованы въ правительственномъ сообщеніи отъ 24 мая, ближайшими поводами къ возникновенію безпорядковъ послужили: вызвавшее неудовольствіе среди студентовъ объявленіе ректора с.-петербургскаго университета, заключающее въ себѣ напоминаніе о наказаніяхъ за нарушеніе порядка и неповиновеніе распоряженіямъ полиціи, и уличное столкновеніе студентовъ съ отрядомъ конно-полицейской стражи, допустившей „примѣненіе, безъ особой необходимости, одной изъ крайнихъ мѣръ воедѣйствія на толпу“. Но помимо ближайшихъ поводовъ, произведенное генералъ-адъютантомъ Ванновскимъ разслѣдованіе, какъ сказано въ томъ же сообщеніи, обнаружило, что и въ самомъ строѣ и внутреннихъ порядкахъ

*) См. „Смоленскій Вѣстникъ“. Цитируемъ по перепечаткѣ въ „Съв. Краѣ“ отъ 20 марта 1890 г.

**) См. „Курьеръ“, 3 мая.

***) „Самарская Газета“, 14 апрѣля.

****) „Одесскія Новости“, 30 апрѣля.

высшихъ учебныхъ заведеній существуютъ общія причины, содѣйствовавшія возникновенію и распространенію безпорядковъ, давалъ для нихъ готовую почву". Въ числѣ главнѣйшихъ изъ такихъ причинъ въ правительственномъ сообщеніи указаны были: „разобщенность студентовъ между собою, съ профессорами и съ учебнымъ начальствомъ“, и „такая скученность учащихся въ одномъ и томъ же заведеніи, которая далеко превосходитъ не только средства этого заведенія для серьезнаго научнаго преподаванія и надзора за учащимися, но даже средства для помѣщенія всѣхъ учащихся въ аудиторіяхъ, лабораторіяхъ, клиникахъ, бібліотекахъ и чертежныхъ“.

Въ іюні мѣсяцѣ были вызваны въ Петербургъ попечители учебныхъ округовъ и начальники высшихъ учебныхъ заведеній. О предметахъ и ходѣ занятій созданнаго въ такомъ составѣ совѣщанія въ печать не проникло въ свое время почти никакихъ извѣстій. Газеты могли лишь догадываться, что совѣщаніе создано для обсужденія вопросовъ университетской жизни, привлечшихъ къ себѣ вниманіе правительства послѣ небывалыхъ по своимъ размѣрамъ и продолжительности студенческихъ безпорядковъ. Результаты совѣщанія, и то, вѣроятно, отчасти, сдѣлались извѣстны лишь послѣ появленія въ печати двухъ циркуляровъ министра народнаго просвѣщенія на имя попечителей учебныхъ округовъ отъ 5 и 12 іюля, въ которыхъ г. министръ, опираясь на заключенія засѣдавшей подъ его предсѣдательствомъ комиссіи изъ попечителей учебныхъ округовъ и начальниковъ учебныхъ заведеній, предлагаетъ университетскому начальству принять рядъ мѣръ, направленныхъ къ устраненію указанныхъ выше общихъ причинъ, содѣйствовавшихъ возникновенію и распространенію безпорядковъ, а именно скученности и разобщенности студенчества.

Появленіе названныхъ распоряженій г. министра имѣетъ особую важность прежде всего потому, что указываетъ тотъ путь, какимъ правительство надѣется достигнуть упорядоченія университетской жизни. Законодательную переработку нормъ, опредѣляющихъ строй и внутренніе порядки высшихъ учебныхъ заведеній оно считаетъ, очевидно, излишней. Безъ внесенія новыхъ законодательныхъ нормъ или измѣненія существующихъ, средства *), которыми располагаетъ учебное начальство для упорядоченія университетской жизни, и обстановка, среди которой протекаетъ послѣдняя, останутся прежнія. Должно и можетъ измѣниться лишь отношеніе самой учебной администраціи къ избранному ей дѣлу. Конечно теперь, послѣ того, какъ объявлено Высочайшее „неудовольствіе ближайшимъ начальствамъ

*) Какъ увидимъ ниже, будутъ увеличены нѣсколько лишь денежные средства университетовъ.

и учебному персоналу высших учебных заведений, что они не сумели приобрести достаточного авторитета и морального влияния на вверенных им руководству учеников" *), можно надеяться, что учебная администрация будет относиться к вопросам студенческой жизни более внимательно и имѣющіяся въ ея распоряженіи средства для предотвращенія студенческихъ волненій использовать болѣе целесообразно.

Не лишне присмотрѣться къ характеру отдѣльных мѣръ, рекомендованныхъ министромъ народнаго просвѣщенія въ цѣляхъ упорядоченія университетской жизни. Что касается скученности студенчества или правильнѣе—„неравномѣрнаго распределенія студентовъ между отдѣльными университетами, благодаря чему одни университеты имѣютъ сравнительно ограниченное число учащихся, тогда какъ другіе, особенно столичные, чрезвычайно переполнены слушателями“, то г. министръ, усматривая изъ данныхъ, имѣющихся въ министерствѣ, что такая неравномѣрность „происходитъ, главнымъ образомъ, отъ наплыва въ эти университеты лицъ, окончившихъ курсъ гимназій другихъ округовъ“, предлагаетъ попочтѣлымъ рекомендовать получившимъ въ текущемъ году аттестаты и свидѣтельства зрѣлости держаться при поступленіи въ университеты своего округа, съ предупрежденіемъ, что въ университетахъ другихъ округовъ они могутъ не найти мѣста“. Значеніе этого предложенія усиливается приложенной къ циркуляру таблицей возможнаго численнаго состава первыхъ курсовъ юридическаго, физико-математическаго и медицинскаго факультетовъ въ отдѣльныхъ университетахъ.

Насколько серьезно явленіе, котораго касается изложенная мѣра министерства народнаго просвѣщенія, легко видѣть изъ слѣдующихъ данныхъ *). Въ прошломъ 1897/98 учебномъ году въ гимназіяхъ имперіи получилъ аттестатъ зрѣлости 3601 человекъ, изъ нихъ поступило въ томъ же году на юридическій, медицинскій и физико-математическій (съ естественнымъ отдѣленіемъ) факультеты 3127 человекъ или 87%. Если мы допустимъ, что во всѣхъ округахъ наблюдалось тоже отношеніе между общимъ числомъ окончившихъ гимназическій курсъ и числомъ поступившихъ въ университеты на названные факультеты, и затѣмъ сравнимъ число дѣйствительно поступившихъ по каждому университету съ числомъ тѣхъ, которые должны были бы поступить въ нихъ изъ соотвѣствующихъ округовъ, если бы въ прошломъ году была принята мѣра, рекомендуемая нынѣ министромъ народнаго просвѣщенія, то получимъ слѣдующія цифры:

*) Правительственное сообщеніе отъ 24 мая.

**) Пользуемся цифрами, опубликованными въ приложеніи къ II выпуску „Сборника матеріаловъ по техническому и профессиональному образованію“. Спб. 1899 г.

УНИВЕРСИТЕТЫ:	На первый курс трех факультетовъ.		Въ действительности поступило.	
	Должно было посту- пить.	Въ действи- тельности поступило.	Больше.	Меньше.
С.-Петербургскій . . .	628	809	186	
Московскій	547	1015	468	
Казанскій	209	99	—	110
Харьковскій	329	280	—	99
Новороссійскій	407	134	—	273
Кіевскій	479	519	40	—
Юрьевскій	181	78	—	108
Варшавскій	290	222	—	68
Томскій	62	26	—	36
И т о г о:	3127	3127	694	694

Такимъ образомъ по крайней мѣрѣ 694 человека или около 1/4 всѣхъ окончившихъ курсъ гимназистовъ поступило въ прошломъ году не въ тѣ университеты, къ которымъ они причислены послѣднимъ распоряженіемъ г. министра. Въ действительности число поступившихъ въ университеты чужихъ округовъ было, конечно, значительно больше. Ихъ было бы 694 лишь въ томъ случаѣ, если бы всѣ гимназисты, окончившіе курсъ въ Московскомъ, С.-Петербургскомъ и Кіевскомъ округахъ, поступили бы въ свои университеты, и если бы изъ другихъ округовъ гимназисты, кромѣ своихъ университетовъ, направлялись бы лишь въ столичныя и Кіевскій. Въ действительности, конечно, наблюдалось болѣе сложное передвиженіе, и можно почти съ увѣренностью полагать, что до сего времени около половины учащихся поступало въ университеты чужихъ, можетъ быть, болѣе дальнихъ округовъ, минуя свои, ближайшіе университеты...

Въ мѣропріятіяхъ, направленныхъ къ устраненію разобщенности между студентами съ профессорами и учебнымъ начальствомъ, проглядываетъ очевидное желаніе избѣжать, казалось бы, необходимыхъ формальностей и построить реформу университетскихъ отношеній на базисѣ добрыхъ намереній и желаній.

Исходя изъ той мысли, что „общеніе между студентами и профессорами естественнымъ образомъ можетъ и должно происходить на почвѣ учебныхъ потребностей“, г. министръ народнаго просвѣщенія полагаетъ (въ циркулярѣ отъ 12 іюля), что всѣ возникающіе въ этой сферѣ „вопросы и недоразумѣнія разрѣшаются непосредственными объясненіями профессора съ своею аудиторіею или, въ подлежащихъ случаяхъ, учебнаго начальства (ректора, директора, декана, инспектора или его помощника) съ отдѣльнымъ курсомъ или заинтересованною группою студентовъ,

загальна така або регламентація етихъ естественныхъ взаимныхъ отношеній является совершенно излишней". Не перечисляя всѣхъ „способовъ взаимнаго общенія учащихся и учащихся, под-сказываемыхъ ихъ всѣдневными отношеніями", г. министр съ своей стороны особо рекомендуетъ три мѣры, направленныхъ къ установленію такого общенія между студентами, педагогическимъ составомъ и учебнымъ начальствомъ высшихъ учебныхъ заведе-ній. Это—во 1) практическія занятія, которые предлагается сдѣ-лать обязательными для студентовъ всѣхъ факультетовъ; во 2) „учрежденіе, подъ непремѣннымъ отвѣтственнымъ руковод-ствомъ профессоровъ, научныхъ и литературныхъ студенческихъ кружковъ, въ засѣданіяхъ которыхъ могли бы читаться и обсу-ждаться студенческіе рефераты по научнымъ и литературнымъ вопросамъ", а также „студенческихъ хоровъ и оркестровъ для тѣхъ молодыхъ людей, которые интересуются пѣніемъ и музы-кой"; и въ 3) студенческія общенія, дающія, по мнѣнію мини-стра, широкій просторъ для взаимнаго сближенія учебнаго на-чальства, учащихся и учащихся. Согласно Высочайшему повелѣ-нію на устройство университетскихъ общеній предположено ассигновать изъ средствъ Государственнаго Казначейства 3.262.000 рублей и ежегодно отпускать изъ того же источника для орга-низации и усиленія практическихъ занятій на юридическомъ и историко-филологическомъ факультетахъ 32.400 руб.

Нельзя, конечно, не привѣтствовать этихъ новыхъ затратъ государственнаго казначейства на дѣло высшаго образованія и поворота во взглядахъ высшей учебной администраціи на внут-реннія университетскія отношенія. Далеко не всегда непосред-ственными объясненіями отдѣльныхъ курсовъ или заинтересованной группой студентовъ съ профессоромъ и учебнымъ начальствомъ считались естественнымъ актомъ ихъ взаимныхъ отношеній. Бы-вали случаи, когда попытка вступить въ такіе объясненія квали-фицировалась, какъ непростительное нарушеніе университетской дисциплины и даже какъ безпорядокъ. Однако одно признаніе естественности такихъ объясненій не можетъ считаться достаточ-ной гарантіей возможности ихъ осуществленія. Въ данномъ слу-чаѣ гораздо важнѣе было бы указаніе опредѣленной формы. Уклоненіе отъ регламентаціи этой, можетъ быть, наиболее важной сферы университетскихъ отношеній, оставляетъ ихъ въ сущности въ прежнемъ положеніи. При близкихъ и добрыхъ отношеніяхъ и при обычныхъ условіяхъ значительная часть возникающихъ вопро-совъ и недоразумѣній, конечно, легко найдетъ себѣ разрѣшеніе и въ неоформленныхъ объясненіяхъ. Но достаточно, чтобы въ отношенія между студентами и учебнымъ начальствомъ вкралось недобѣріе, достаточно какой либо случайности—и объясненіе за отсутствіемъ опредѣленныхъ для него формъ можетъ сдѣлаться невозможнымъ или способнымъ не устранивъ, а обострить всѣ-

никшее недоразумѣніе. Особенно необходимо опасаться этого при всякомъ объясненіи со случайной группой, т. е. при той формѣ объясненій, которая чаще всего можетъ встрѣчаться на практикѣ и которая равно неудобна для обѣихъ сторонъ.

Легко предвидѣть, что частныя мѣры, рекомендованныя г. министромъ для сближенія учащихся между собою, съ профессорами и начальствомъ, не могутъ въ полной мѣрѣ удовлетворить назрѣвшей потребности взаимнаго общенія между ними и устранить возможность прискорбныхъ недоразумѣній въ академической жизни. Въ частности, практическія занятія и до сего времени были обязательны для значительной части студенчества, а именно для всѣхъ студентовъ филологическаго, медицинскаго и историко-филологическаго факультетовъ и всѣхъ специальныхъ учебныхъ заведеній, однако, несмотря на это, разобщенность студенчества ощущалась въ сильной степени. Очевидно, что нужны нѣкоторыя новыя формы общенія. Гораздо большее значеніе въ данномъ случаѣ должно имѣть учрежденіе литературныхъ и научныхъ кружковъ, каковыхъ въ настоящее время совсѣмъ нѣтъ, но потребность въ которыхъ можно считать вполне назрѣвшею и доказанною, какъ распространенностью среди молодежи негласныхъ и гонимыхъ кружковъ самообразованія, такъ и успѣхами извѣстныхъ прежде при нѣкоторыхъ университетахъ и закрытыхъ затѣмъ правительствомъ студенческихъ литературно-научныхъ обществъ. Однако, посвященные разработкѣ теоретическихъ вопросовъ, такіе кружки не могутъ удовлетворить потребности въ общеніи для разрѣшенія практическихъ задачъ студенческой жизни... Условіе, поставленное г. министромъ, а именно ограниченіе численнаго состава студенческихъ обществъ, еще болѣе суживаетъ ихъ значеніе. Не большее значеніе въ дѣлѣ упорядоченія общестуденческой жизни будутъ имѣть и проектируемыя правительствомъ обществія...

Въ газетахъ появилось слѣдующее извѣстіе: „Министръ народнаго просвѣщенія призналъ необходимыми закрыть юридическое общество, состоящее при Императорскомъ московскомъ университетѣ. Въслѣдствіе съ тѣмъ министръ предоставилъ совѣту университета войти съ ходатайствомъ объ учрежденіи новаго юридическаго общества, но не иначе какъ на слѣдующихъ основаніяхъ: 1) Всѣ профессора юридическаго факультета состоятъ его членами по своей должности. 2) Предсѣдатели общества и его отдѣленій должны быть избираемы изъ профессоровъ юридическаго факультета и утверждаются въ должностяхъ министромъ народнаго просвѣщенія“...

Законодательство и жизнь.

По установившемуся уже порядку въ маѣ, юнѣ и юлѣ мѣсяцахъ обыкновенно публикуется большая часть законодательныхъ актовъ общаго характера, разсмотрѣнныхъ въ государственномъ совѣтѣ въ теченіе зимней сессіи. Такимъ образомъ въ это только время вполнѣ выясняются содержаніе и годичные результаты текущей законодательной работы, о которой въ остальное время—до опубликованія самихъ законовъ—въ общество и печать проникаютъ лишь отрывочныя, скудные и далеко не всегда достовѣрныя свѣдѣнія. Весенніе и лѣтніе выпуски „Собранія узаконеній и распоряженій правительства“ за текущій годъ также принесли съ собой нѣсколько новыхъ законодательныхъ актовъ, болѣе или менѣе общихъ, болѣе или менѣе важныхъ. Въ числѣ ихъ назовемъ Высочайшія повелѣнія о мѣстныхъ органахъ по сельскохозяйственной части, объ измѣненіи существующаго порядка распределенія суммъ, поступающихъ въ унлату поземельныхъ сборовъ, о нѣкоторыхъ измѣненіяхъ устава о промышленности и объ утвержденіи положенія о главномъ по фабричнымъ и горнозаводскимъ дѣламъ присутствіи, объ измѣненіи закона 13 мая 1896 года о мѣрахъ къ облегченію сельскимъ обывателямъ уплаты выкупного долга, о временно-заповѣдныхъ нѣмѣніяхъ, положеніе о порядкѣ взиманія окладныхъ сборовъ съ надѣльных земель сельскихъ обществъ, новый монетный уставъ.

Этотъ перечень важнѣйшихъ законодательныхъ актовъ достаточно точно опредѣляетъ содержаніе той работы, которая была завершена въ истекшемъ законодательномъ году. Важнѣйшая доля вниманія законодательной власти, какъ видно изъ этого перечня, была удѣлена вопросамъ, непосредственно затрагивающимъ экономическую жизнь страны и, въ частности, вопросамъ финансовымъ. Тамъ, гдѣ законодательная дѣятельность проходитъ подъ непрестаннымъ и непосредственнымъ воздѣйствіемъ возникающихъ въ странѣ потребностей и имѣющихся въ ней интересовъ, такое преобладаніе въ текущемъ законодательствѣ экономическихъ и финансовыхъ вопросовъ могло бы служить несомнѣннымъ свѣдѣтельствомъ преобладающаго значенія ихъ въ данный моментъ и въ жизни. Но при особенностяхъ, свойственныхъ нашему законодательному механизму, если и можно сдѣлать подобное же заключеніе, то лишь условно и съ извѣстными ограниченіями. Между рожденіемъ потребности въ новыхъ законодательныхъ нормахъ и ея удовлетвореніемъ у насъ часто проходитъ длинный періодъ времени, благодаря чему законодательство во многихъ его частяхъ оказывается сильно запоздалымъ сравнительно съ жизнью. Акты послѣдней сессіи содержатъ наглядныя и характерныя тому доказательства. Самый крупный изъ нихъ—положеніе о взиманіи

окладныхъ сборовъ съ надѣльныхъ земель сельскихъ обществъ— является попыткой отвѣтить на далеко не новую потребность внутренней жизни. Уже къ выработкѣ самого законопроекта, утвержденнаго нынѣ съ существенными измѣненіями, было приступлено еще 6 лѣтъ тому назадъ, неудовлетворительность же существовавшего доселѣ порядка взысканія окладныхъ сборовъ съ очевидностью обнаружилась много и того раньше. „Въ теченіе многихъ и многихъ лѣтъ печать непрестанно, хотя и не съ одинаковымъ рвеніемъ, глядя по временамъ и обстоятельствамъ, говорить о неурядицахъ существующей у насъ системы взиманія податей“ *). И только теперь, спустя много лѣтъ послѣ того, какъ въ этой области, по свидѣтельству официальной „Торгово-Промышленной Газеты“, „благодаря характеру тѣхъ должностныхъ лицъ, на которыхъ возложенъ былъ податной надзоръ“, т. е. уѣздныхъ исправниковъ, „воцарился произволъ“, при чемъ „многія весьма важныя гарантіи дѣйствовавшихъ законовъ не соблюдались“ и „вліяніе административнаго усмотрѣнія получило гораздо большее значеніе, нежели дѣйствіе законодательной нормы“,—мы дождались новаго положенія. А между тѣмъ вѣдь „всякая продолжительная отсрочка, по свидѣтельству той же газеты, ознакомившей насъ съ мотивами новаго закона, невыгодно отзывалась на интересахъ сельскаго населенія“ и—кто знаетъ?—не правы ли тѣ „многіе“, которые „склонны видѣть въ немъ (т. е. въ несостоятельности существовавшаго порядка взиманія сборовъ) одну изъ главныхъ причинъ замѣчаемаго въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ оскуднѣнія крестьянской массы“. Другой, подвергшійся законодательному пересмотру въ настоящемъ году „вопросъ объ облегченіи крестьянамъ уплаты выкупного долга принадлежитъ къ числу тѣхъ долговѣчныхъ вопросовъ, которые у насъ почти никогда не сходятъ съ очереди. Слишкомъ двадцать лѣтъ занимается имъ печать. Почти столько же времени обсуждаютъ его въ различныхъ, прикосновенныхъ къ дѣлу правительственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ“ **). Не менѣе старъ и третій вопросъ, лишь нынѣ разрѣшенный закономъ, вопросъ „объ измѣненіи существующаго порядка распредѣленія суммъ, поступающихъ въ уплату поземельныхъ сборовъ“. Цѣлый рядъ настоячивыхъ и непрерывно повторявшихся земскихъ ходатайствъ давно уже обращалъ вниманіе законодательной власти на эту ненормальную сторону нашей податной системы, при которой кассы мѣстныхъ учрежденій пустовали и самыя неотложныя потребности оставались неудовлетворенными, при чемъ, благодаря воцарившемуся въ податномъ дѣлѣ „произволу“, несомнѣнно земскія деньги засчитывались въ уплату казенныхъ сборовъ. Вопросъ „о мѣ-

*) „Русскія Вѣдомости“, 13 іюня.

**) „Русскія Вѣдомости“, 8 іюня.

стных органах по сельскохозяйственной части" тоже вопрос, вѣдь, старый. Уже шесть лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ учреждено министерство земледѣлія. Если даже этотъ моментъ считать за тотъ, когда жизнью была поставлена задача, требовавшая законодательнаго разрѣшенія, то и въ такомъ случаѣ періодъ времени, понадобившійся для ея завершенія, оказался не маленькимъ. Въ дѣйствительности же мысль объ учрежденіи министерства земледѣлія и, конечно, съ мѣстными, наиболѣе важными въ данномъ случаѣ органами, возникла и упрочилась много раньше...

А. П.

Въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ напечатано:

Объ отбываніи воинской повинности воспитанниками высшихъ учебныхъ заведеній, удаляемыми изъ сихъ заведеній за учиненіе скопомъ безпорядковъ.

Министръ внутреннихъ дѣлъ, при рапортѣ, отъ 29-го іюля 1899 года, за № 9763, представилъ правительствующему сенату, во исполненіе Высочайшаго повелѣнія, для обнародованія во всеобщее свѣдѣніе, нижеслѣдующія временныя правила, выработанныя въ особомъ совѣщаніи министровъ: внутреннихъ дѣлъ, народнаго просвѣщенія, земледѣлія и государственныхъ имуществъ, финансовъ, военнаго и управляющаго министерствомъ юстиціи, и удостоившіяся, 29-го іюля сего года, Высочайшаго утвержденія.

ВРЕМЕННЫЯ ПРАВИЛА

объ отбываніи воинской повинности воспитанниками высшихъ учебныхъ заведеній, удаляемыми изъ сихъ заведеній за учиненіе скопомъ безпорядковъ.

Ст. 1. Воспитанники высшихъ учебныхъ заведеній, за учиненіе скопомъ безпорядковъ въ учебныхъ заведеніяхъ или внѣ оныхъ, за возбужденіе къ такимъ безпорядкамъ, за упорное, по уговору, уклоненіе отъ учебныхъ занятій и за подстрекательство къ таковому уклоненію, подлежатъ, на основаніи наложенныхъ ниже правилъ, удаленію изъ учебныхъ заведеній и зачисленію въ войска для отбыванія воинской повинности, — хотя-бы они имѣли льготу по семейному положенію, либо по образованію, или не достигли призывнаго возраста, или же вынули по жеребью номеръ, освобождающій отъ службы въ войскахъ.

Примѣчаніе. Мѣра сія не освобождаетъ виновныхъ въ совершеніи преступныхъ дѣяній, подлежащихъ преслѣдованію на основаніи существующихъ узаконеній, отъ отвѣтственности въ установленномъ порядкѣ.

2. Для разсмотрѣнія дѣлъ о проступкахъ, указанныхъ въ предыдущей (1) статьѣ,—при каждомъ изъ высшихъ учебныхъ заведеній учреждается особое совѣщаніе, въ составѣ: председателя и членовъ педагогической коллегіи, коей дѣйствующимъ уставомъ учебнаго заведенія предоставлена дисциплинарная власть, и представителей отъ министерствъ военнаго, внутреннихъ дѣлъ и юстиціи.

Въ совѣщаніяхъ, учрежденныхъ при высшихъ учебныхъ заведеніяхъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, председательствуютъ попечители мѣстныхъ учебныхъ округовъ, а въ случаѣ необходимости одновременнаго, въ предѣлахъ того-же округа дѣйствія нѣсколькихъ совѣщаній—особо назначенныя для сего министромъ лица. Предсѣдательствованіе въ совѣщаніяхъ при высшихъ учебныхъ заведеніяхъ другихъ вѣдомствъ поручается подлежащимъ министрамъ особо назначеннымъ ими лицамъ.

3. Особые совѣщанія приступаютъ къ разбирательству дѣлъ, указанныхъ въ статьѣ 2, по непосредственнымъ распоряженіямъ подлежащихъ министровъ.

4. Особое совѣщаніе постановляетъ опредѣленіе по выслушаніи словесныхъ или по разсмотрѣніи представленныхъ, до открытія засѣданія, письменныхъ объясненій обвиняемаго. Невявка обвиняемаго по вызову и непредставленіе имъ своевременно письменныхъ объясненій не останавливаютъ постановленія о немъ опредѣленія совѣщанія.

5. Постановляя опредѣленіе объ удаленіи обвиняемаго изъ учебнаго заведенія, особое совѣщаніе, съ тѣмъ вмѣстѣ, указываетъ обязательный для удаляемаго срокъ службы въ войскахъ, въ размѣрѣ одного или двухъ лѣтъ.

Совѣщанію предоставляется назначать срокъ службы въ размѣрѣ трехъ лѣтъ тѣмъ изъ удаляемыхъ, кои принимали особо вредное въ безпорядкахъ участіе.

6. Опредѣленіе особаго совѣщанія представляется подлежащему министру, коимъ постановляется окончательное по дѣлу рѣшеніе.

Рѣшеніе министра обжалованію не подлежитъ.

7. Подлежащій, на основаніи рѣшенія министра, зачисленію въ войска для отбыванія воинской повинности (ст. 1) передается немедленно въ распоряженіе военнаго начальства.

8. Подлежащій зачисленію въ войска (ст. 7), оказавшійся, по медицинскому освидѣтельствованію, неспособнымъ къ службѣ въ строю, опредѣляется на должности нестроевыя.

9. Военному министру предоставляется всеподданнѣе ходатайствовать предъ Его Императорскимъ Величествомъ объ освобожденіи отъ военной службы нижнихъ чиновъ, кои, будучи зачислены въ войска на основаніи настоящихъ правилъ, отбыли воинскую повинность въ теченіе не менѣе годичнаго срока и, по

засвидѣтельствуванію начальства, отличались, во время прохожденія службы, одобрительнымъ поведеніемъ и ревностнымъ исполненіемъ служебнаго долга.

10. Проступки (ст. 1) исправно отбывшихъ службу въ войскахъ, на основаніи настоящихъ правилъ, предаются полному забвенію, и лицамъ этимъ предоставляется поступать въ учебныя заведенія и на государственную службу на общемъ основаніи.

Письмо къ издателямъ журнала „Русское Богатство“*)

Мн. Гг.!

Въ мартовской и апрѣльской книжкахъ Вашего журнала помѣщена статья г. И. Сигова о поссессионныхъ горныхъ заводахъ на Уралѣ, въ концѣ которой онъ, въ доказательство безполезности продажи земель этихъ заводовъ въ частную собственность, приводитъ примѣры раньше сдѣланныхъ продажъ, отъ которыхъ-де кромѣ вреда ничего не получилось. Въ числѣ такихъ заводовъ онъ упоминаетъ о принадлежащихъ мнѣ и моимъ братьямъ Суксунскихъ горныхъ заводахъ, проданныхъ Сохранной казною потомку прежнихъ поссессионныхъ владѣльцевъ А. П. Демидову, конкурсъ по дѣламъ котораго продажъ заводы намъ. Такъ какъ все, что касается Суксунскихъ заводовъ въ статьѣ г. И. Сигова, не только совершенно невѣрно, — я докажу это цифрами — но и набрасываетъ неблагоприятную тѣнь на владѣльцевъ, то я покорнѣйше прошу Васъ, Мн. Гг. напечатать въ Вашемъ журналѣ мое объясненіе.

Г. И. Сиговъ утверждаетъ, что частные владѣльцы Суксунскихъ заводовъ не возобновили заводскаго дѣйствія, усиленно вырубали и вырубаютъ лѣса и отдаютъ землю изъ подъ нихъ въ аренду мѣстному малоземельному населенію.

Первый владѣлецъ А. П. Демидовъ на слѣдующій же годъ по покупкѣ имъ заводовъ началъ выплавлять чугуны, котораго и приготовлено 860,000 пуд., и дѣлать желѣзо, послѣдняго выдѣлано 170,000 пуд. За мое управленіе съ 1894 года по май 1899 г. выплавлено чугуна 480,000, несмотря на то, что намъ заводы достались въ очень плохомъ состояніи и потребовали значительныхъ затратъ на устройство. Кромѣ того, обращено большее вни-

*) Въ слѣдующемъ № „Русскаго Богатства“ мы помѣстимъ объясненіе г. Сигова по поводу этого письма г. Каменскаго.

маніе на добычу руды, которая со 100,000 пуд. въ 1894 г. увеличилась до 500,000 пуд. въ 18⁹⁹/₉₉ годахъ.

Такимъ образомъ утвержденіе г. И. Сигова о невозобновленіи дѣятельности заводовъ новыми владѣльцами заводовъ — совершенно голословно.

Что касается вырубки лѣса, то по таксаціи правительственной комиссіи, производившей оцѣнку заводовъ для продажи, изъ заводской дачи можно было ежегодно вырубать по 60,000 бревенъ безъ уменьшенія массы лѣса и занимаемой имъ площади. Эта таксація и положена въ основу лѣсного хозяйства въ заводахъ и указанное количество возможной вырубки было достигнуто только въ 1896 году (вырублено 62,000 бревенъ), въ остальные годы оно было всегда меньше 60,000 бр., хотя состояніе лѣса (перестойный) и требуетъ болѣе значительной вырубки. Последняя всегда выборочная *), а не сплошная, такъ какъ здѣсь мелкій лѣсъ не имѣетъ никакого сбыта. Отдача земли въ аренду совершенно ничтожная статья въ заводскомъ хозяйствѣ: отдаются мелкіе участки, раньше выжженные крестьянами же, а не площади изъ подъ вырубленнаго лѣса, какъ утверждаетъ г. И. Сиговъ; такой аренды, по 1—2 руб. за десятину собирается въ годъ до 8,000 руб., а нынче, при недостаткѣ сѣмянъ, собрано ея всего 400 руб. Арендуютъ крестьяне не въ силу малоземелья (крестьяне получили въ надѣлъ болѣе половины земель заводской дачи: изъ 248,000 десятинъ имъ отведено 180,000), а по привычкѣ къ экстенсивному хозяйству: выпашутъ землю и бросать.

Обвиненіе А. П. Демидова въ томъ, что онъ „успѣлъ начисто вырубить только одну дачу“, совершенно голословно: такой вырубки не было. Единственно, какъ будто, основательное обвиненіе владѣльцевъ заводовъ въ лѣсонстребленіи, приводимое г. И. Сиговымъ — его ссылка на заявленіе одного гласнаго Красноуфимскаго земскаго собранія, но объ этомъ заявленіи, сдѣланномъ подъ видомъ охраненія земскихъ интересовъ, въ печати лучше не говорить: подкладку его желающіе могутъ найти въ болотѣ провинціальной жизни...

Если г. И. Сигову дорога правда, то я предлагаю ему подробно осмотрѣть наши заводскія лѣсныя дачи и убѣдиться въ томъ, что нельзя вѣрить вадорнымъ слухамъ, хотя бы и исходящимъ отъ гласныхъ земскаго собранія.

Теперешніе владѣльцы Суксунскихъ заводовъ уже много десятковъ лѣтъ ведутъ дѣла въ адѣшнемъ краѣ, никогда не проявляли хищническихъ инстинктовъ ни на какомъ поприщѣ и по-

*) При выборочной рубкѣ берутся строевыя деревья выше 6 вершковъ въ отрубъ, менѣе толстыя оставляютъ и они чрезъ 10—15 лѣтъ при адѣшнемъ приростѣ снова даютъ годный для рубки лѣсъ.

тому въ правѣ ожидать, чтобы въ нихъ не бросали грязью на основаніи однихъ слуховъ.

Примите увѣреніе въ совершенномъ почтеніи моемъ къ Вамъ.

И. Каменскій.

Суксунскій заводъ
5 мая 1899 г.

О Т Ч Е Т Ъ.

Конторы редакціи журнала «Русское Богатство»

по сбору пожертвованій въ пользу крестьянъ, пострадавшихъ отъ неурожая въ 1898 г.

Съ 13 апрѣля (послѣдній отчетъ *Русскаго Богатства*) по 20 іюля включительно поступило:

На нии конторы редакціи: отъ г-на Н. 9 р. 75 к.; В. и В. Баладинныхъ 100 р.; А. В. Ю. А. 26 р.; черезъ начальн. 11 отд. петерб. почтамта 10 р.; г-на К. изъ Смоленска 200 р.; отъ П. Кокоулина изъ Нижнеудинска 3 р.; отъ преподавателей писцовскихъ училищъ Костр. г. 6 р. 25 к.; отъ разныхъ лицъ черезъ свящ. П. Ковалевского 7 р. 80 к.; отъ Осминичевъ, Петерб. губ., 27 р. 50 к.; отъ преподавателей Березинковского, Ленвенскихъ и Дедюхинскаго училищъ 11 р.; отъ Н. Ф. Плюшкина изъ Пскова 3 р.; отъ П. В. 10 р.; отъ П. В. Буровой изъ Новгородъ-Сѣверска 1 р.; служащихъ въ Суздальской земской управѣ 7 р.; П. И. Бернгарда изъ Харькова 10 р.; Ф. С. Витвера изъ Харькова 15 р.; учителей и учнт. Роменской мужской воскресной школы 9 р. 5 к.; П. П. Карпѣва изъ Новочеркаска 5 р.; служащихъ отд. смѣт. и отчетовъ упр. каз. ж. д. 26 р. 50 к.; г. Рабиновичъ 1 р.; черезъ Н. Н. изъ г. Ельца отъ разныхъ лицъ 20 р. 25 к.; служащихъ Зиганьскаго горн. зав. 30 р.; нѣск. жителей с. Ташлы, Оренб. губ. 32 р.; съ домашн. спект. въ Петербургѣ 200 р. 30 к.; отъ В. И. бѣднымъ дѣтямъ Самарской губ. 25 р.; отъ обывателей гор. Стрѣтенска извѣстн. насх. визитовъ 328 р.; подписчика № 6550—9 р.; М. Агеева изъ Екатериносл. 21 р.; отъ Н. 17 р. 60 к.; въ память Щедрина 4 р.; г. Голубева (по подпискѣ въ г. Ловичѣ) 85 р.; Р. А. Соловьева изъ Ревеля 10 рублей; М. С. Вревскаго собран. въ пользу голод. крестьянъ Казанск. г. 41 р. 60 к.; Ив. Чуракова 10 р.; врачебнаго совѣта изъ г. Корочи 25 р.; студентовъ-лѣсниковъ 5 р. 80 к.; Н. В. Задѣскаго изъ гор. Ревеля 3 р.; Л. Р. Козакова собр. въ с. Пескахъ, Полт. губ., 16 р.; ветер. врача С. Минервина изъ Хонерскаго окр. обл. Войска-Дон.—35 р.; служащихъ и рабочихъ Камышетскаго пом. завода 5 р.; И. Е. Вѣлякова, служ. на омскомъ пересел. пунктѣ, 2 р., подписч. *Р. Бог.* (за № 485) студ. Прив. 1 р.; А. Алексѣ-

вой собр. въ Павловской копн 45 р.; врача Кулепетова собр. среди служащ. и рабочих Зигаинскаго зав. 11 р.; N изъ Поляница 5 р.; NN изъ Кинешмы 10 р.; кн. А. З. Чехондзэ изъ Моздока 25 р.; В. П. Левницкаго изъ Новоградъ-Волинска 15 р.; Фоминой 3 р.; В. А. М. 5 р.; Z изъ Нерчинска 25 р.; черезъ московское отдѣл. конторы Р. Б.: отъ О. С. Ц. 25 р.; Н. Ч. 1 р.; Н. И. Докукина 10 р.; учительницы изъ Клина 1 р.; отъ М. А. Стрижевскаго 10 р.; отъ инженера А. Г. Алексѣева половина сбора съ Пушкинскаго вечера въ Лозово-Павловскъ 200 р.; отъ инженера Т. Тихомирова, собранные имъ среди служащихъ на Манжурской ж. д., въ пользу дѣтей-школьниковъ 182 р.; отъ И. Павлуцкаго по запискѣ М. Л. Заворотнаго 80 р.; черезъ П. Мамыхъ изъ Урлука (Горьлова 1 р., Гуслястова 1 р., Неволнина 5 р. и Мамыхъ 18 р.) 25 р.; черезъ г. Шефферъ отъ N 1 р.; Дуян, Саши и Пали Буценко 3 р.; отъ Н. Д. изъ Нижнеудинска 10 р.; отъ Р. Q. изъ Рязани 3 р. 25 к.; отъ доктора Е. М. Сочеванова изъ м. Широкова 5 р.; отъ N 12 р. 60 к.; отъ Алексѣя и Екатерины 5 р.; отъ врача С. М. Богословскаго 10 р.; отъ П. В. Ропенскаго изъ Нерчинскаго завода 15 р.; отъ Н. В. Тичинина изъ г. Лодан 2 р.; отъ Н. К. 20 р.; отъ Фельки Ш. 1 р., отъ служащихъ эксплоатационнаго отдѣла управленія жел. дор. 34 р. 5 к.; отъ „хуторянъ“ черезъ г. Павелко 15 р.; отъ Z изъ Нерчинска 25 р.; отъ А. А. Михлевича изъ Забайкальской области 6 р.; отъ врача Н. В. Ерофолова изъ г. Джизакъ 10 р.; отъ учительницы Н. Нечкиной, подворный сборъ въ г. Нѣжинъ 100 р. Итого 2365 руб. 30 коп.

На имя Вл. Г. Короленко: отъ С. К. Л. 5 р.; неизвестной изъ Рѣжиды 10 р.; служ. въ Чадбасской зем. бол. 5 руб.; жителей мѣстечка Вишневецъ (Вол. губ.) 63 р. 80 к.; жит. с. Колодно (Вол. губ.) 6 р. 70 к.; Н. М. Горсуева черезъ ред. *Волгара* 25 р.; служащихъ к-ры В. Р. Максимова въ Сухумъ-Кале 25 р.; собранные гг. Кищенко и Захаровой въ Сухумъ-Кале 85 рублей *); Д. Митяишевой изъ дер. Каргино 2 р.; гг. Поповыхъ 3 р.; Н. А. Бахирева изъ Семипалат. 3 р.; Одесской земской управы 150 р.; служ. въ Майкопскій гор. управъ 16 р. 34 к.; податн. нисп. А. А. Авшарова 6 р. 77 к.; преподавателей и преподавательницъ уч. зав. А. Я. Сыркиной въ Гомелѣ 15 р.; учащихся въ гор. Ярославль 100 р.; П. И. Кузлинскаго изъ Харькова 5 р.; В. А. изъ Иванова-Вознесенска 17 р.; г-жи Выковской изъ м. Березно 2 р.; отъ сбора въ гор. Сумахъ (получ. черезъ М. И. Д.) 696 р. 55 к.; пожертв. одной изъ жителей гор. Сумы 25 р.; служащихъ въ астрах. гор. упр. 21 р.; Н. Уаровой изъ Торжка 16 р.; 10-ти пом. ирис. повѣр., ужилавшихъ 18-го апр. въ рест. „Медвѣдь“, 30 р.; разговлявшихся у А. И. С—ва 15 р. 25 к.; бывшихъ у А. И. С—ва 17 р. 75 к.; разн. лицъ черезъ уч. И. Михайлова изъ гор.

*) А именно: отъ г-жи Гедевановой 5 р.; Смирницкой 1 р.; кн. Дашкевичи 3 р.; NN 50 коп.; кн. Шервашидзе 1 р.; Борицкаго 1 р.; Самурдиди 5 р.; Церетели 50 к.; Татариновыхъ 1 р. 50 к.; Краевичъ 1 р.; Фуксъ 1 р.; Шиниеръ 50 к.; Жолкиверъ В. М., А. М., Р. Д., 3 р.; Дембскаго 3 р.; Цецхладзе 1 р.; Гомджанова 1 р., Гвалія 1 р., Рубинскаго 1 р.; Дундукъ 1 р.; к-ры В. Р. Максимова 3 р.

Дальска 10 р.; В. К. Соболевой изъ Сухумъ-Кале 5 р.; разныхъ лицъ чр. конт. *Валлара* 5 р.; служ. акц. упр. Вост. Сибири 16 р.; сваяц. А. Линчевскаго собранные въ церкви 15 р.; М. Ц. 15 р.; Т. Жилиной 5 р.; г. Балабанова 2 р.; А. Пожарской изъ гор. Алешки 1 р.; Е. А. Томашевскаго изъ Одессы 5 р.; распорядителемъ спект. 2-го мая въ Кременчугѣ (гг. Зайкина, Засѣя и Навстанина) 217 р.; Н. О. Колодцевской изъ Чернигова 8 р.; А. А. Ширскаго 17 р.; П. Н. Аннинскаго 3 р.; служащ. въ им. ген. Орлова черезъ В. В. Шаркова (ст. Харцызская) 20 р.; служащ. въ разн. коммерч. учр. гор. Ургенча (Хивинск. ханства) 25 р. 20 к.; уч. Х. Р. У. 22 руб.; Н. К. М.—ва 7 руб.; І. Ткаченко съ хут. Боброва 10 руб.; ученицъ вып. класса витебск. ж. г. 52 р. 15 к.; пом. прис. пов. П. Д. Шидловскаго (Харьковъ) 50 р.; Н. Е. Титовой собр. въ Тулмозерск. зав. (Финля.) 25 р.; служащ. въ барачн. болн. въ память Боткина 29 р. 50 к.; О. И. К. изъ гор. Холма 5 р.; В. Т. Шинко 5 р.; служ. раз. губ. земской упр. (черезъ С. С. Жилина) 10 р.; съ лоттерей изъ Парижѣ (черезъ С. Раппопорта) 50 р., отъ непав. дамы 10 р.; Б. И. 12 р.; изъ Вильны (марками) 1 р.; отъ брюссельск. студентки NN 3 р.; „сочувствующихъ В. Г. К.“ 40 р.; А. Н. Иговской 4 р.; Сани и Наташи К. 2 р.; студ. читальни въ Карлсруэ 31 р.; 80 к.; учащися въ сиб. консерваторіи 80 р. 45 к.; черезъ ред. *Юнаго Читателя* 64 р. 80 к.; тоже 10 р.; М. В. Бабиной 10 р.; ссудо-сберег. классы служ. кавк. мин. водъ 75 р.; неизвестныхъ (черезъ Е. А. Г.) 2 р. 40 к.; черезъ ред. *Нижнегор. Листка* 43 р. 60 к.; отъ *** 6 р.; черезъ редакцію журнала *Юный Читатель* 30 р.; черезъ Е. Н. Донцову изъ сл. Михайловки, Курской губ. (отъ А. В. Д.—10 р.; П. Д.—5 р.; Валеріи, Коли и Вѣры—2 р. 50 к.) 17 р. 50 к.; отъ N 7 р.; отъ Майкопской городской управы: 1) собранные между учениками и ученицами городскихъ школъ на мѣстѣ закладки аданія народныхъ развлеченій памяти А. С. Пушкина 54 руб. 60 коп.; 2) Сборъ отъ спектакля, даннаго артистическимъ кружкомъ при участіи труппы артистовъ М. А. Фелера, въ день празднованія 100-лѣтняго юбилея дня рожденія А. С. Пушкина 110 руб.; 3) ежемѣсячное отчисленіе изъ жалованья служащихъ при Майкопской городской управѣ за май мѣсяцъ 27 руб. 78 коп.; 4) За прочтеніе № Кубанскихъ Вѣдомостей отъ неизвестныхъ 3 руб. 15 к.; отъ А. Ф. Родича 1 руб.] 196 р. 53 к.; отъ студента Циммермана изъ г. Витебска собранные среди 32 лицъ 30 р.; черезъ С. С. Жилина отъ служащихъ въ Рязанской губ. земской управѣ 20 р. 50 к.; отъ С. Мороза, завѣд. училищемъ при ст. Лозовая К.-Х.-С. ж. д. (пожертвованіе учениковъ) 40 р.; отъ вольноопредѣляющихся запаса, отбывшихъ сборъ при Таврическомъ полкѣ, 15 р.; отъ служащихъ Майкопской городской управы (% отчисления) 6 р. 37 к.; черезъ С. А. Кляванскаго отъ нѣсколькихъ ковенскихъ обывателей 25 р.; отъ студ. Циммермана отъ 21 челоуѣка изъ г. Витебска 23 р.; отъ С. Раппопорта изъ Парижа 102 р.; отъ А. Р. изъ г. Верей 5 р.; отъ приискской конторы Ельцова и Левашева изъ г. Николаевска

на Амурѣ, по телеграфу, 73 р. 50 к.; отъ Society of Friends of Russian изъ Лондона 579 р. 75 коп. Итого 8472 р. 76 к.

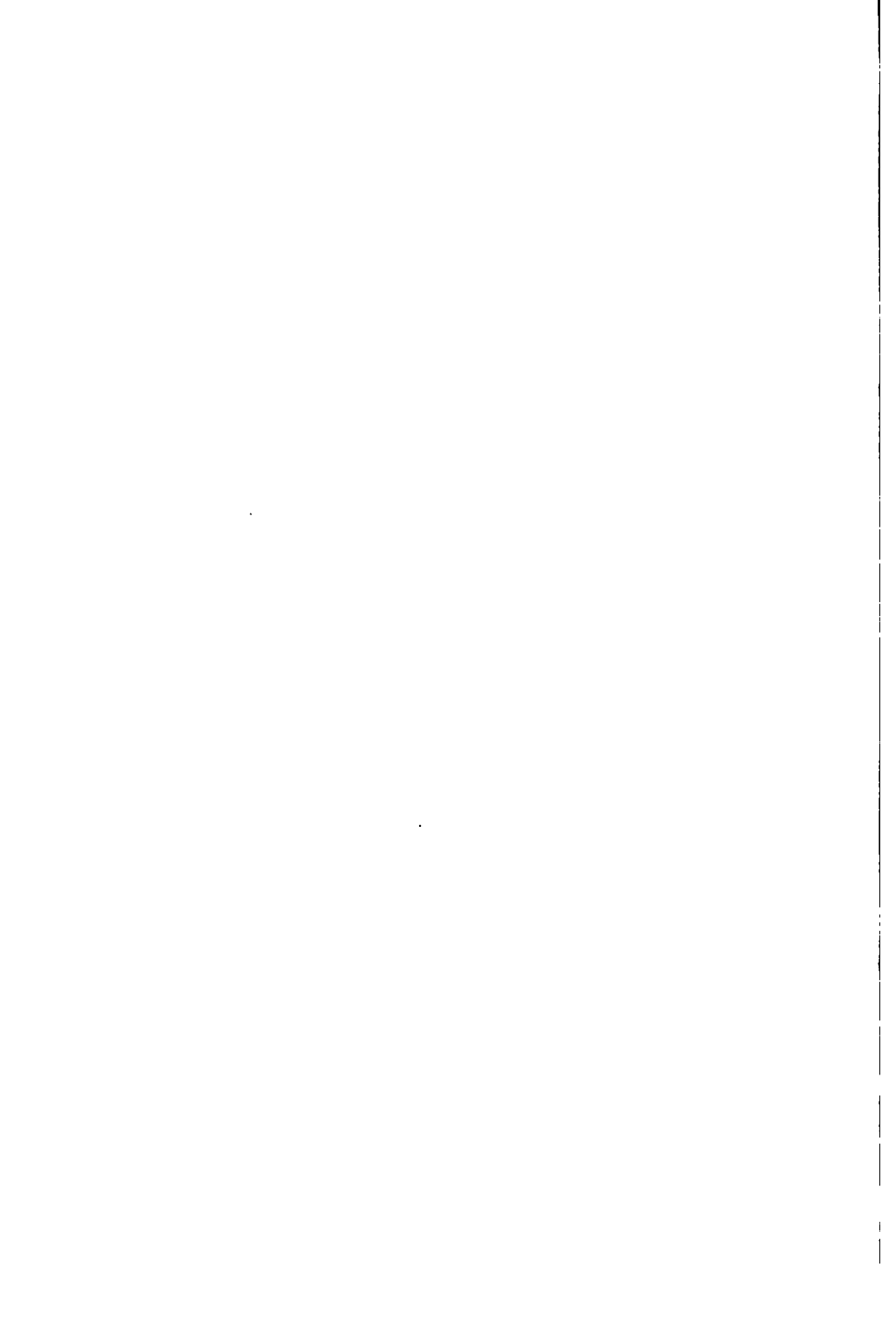
Всего 5,838 руб. 6 коп.

Пожертвованія эти разосланы слѣдующимъ лицамъ, работающимъ на мѣстахъ:

Н. А. Блинову (село Можга, Елаб. у., Вятской губ.) 100 р.; Л. П. Купріяновой (для Тетюшск. у., Казанск. губ.) 400 р.; врачу П. Масловскому (Вятскія Поляны, Малмыжск. уѣз.) 150 р.; О. Н. Ломоносовой (для Ланшевск. уѣзда, Казанской губерніи) 200 руб.; К. А. Пашихину (Очерскій зав., Пермской губ.) 50 р.; М. Г. Калитаеву (с. Проманно Городище, Симб. губ.) 200 р.; Е. Н. Нелидовой (Спасскій у., Каз. губ., село Жедлевка) 100 р.; М. Я. Цепринской (и Е. Н. Щепкиной—для Сарапульск. у., Вятск. губ.) 300 р.; Варв. Ал. Мякотинной (с. Каракулино, Сарапульск. у.) 300 р.; А. А. Мякотинной (тоже) 100 р.; Чесл. Ал. Корсаку (пос. Мелекесь,—для лицъ, работающихъ подъ его руководствомъ отъ самарск. кружка) 200 р.; крест. И. М. Минаеву (с. Никольское, Чистоп. у.) 400 р.; врачу И. Печникову (Ланшевск. у., Каз. губ.) 200 р.; учительницѣ г-жѣ Ю. Бурзи (для Ставроп. у., Сам. губ.) 100 р.; Н. В. Алашееву (предс. елаб. земск. управы) 300 р.; Н. П. Алашову (сотр. *Курьера*—для Спасск. у., Казанск. губ., черезъ В. П. Геркеня) 100 р.; Вѣрѣ Ал. Геркеня (Казан. губ.) 100 р.; г-жѣ Котылевой (чер. И. П. Рождественскаго, Чистоп. уѣзда, Казанск. губ.) 300 р.; М. Н. Шуравиной (и М. И. Богдановой,—Малм. у., Вятск. губ.) 100 р.; Ф. А. Налетову (Сарап. уѣздъ, Вятск. губ.) 100 р.; А. С. Пругавину (сам. кр.) 50 р.; черезъ ред. *Нижегор. Листка* (для Сергачск. уѣз., Нижегород. губ.) 34 р. 1 к.; Ахуну Манаурову въ Байсарово, Уфимской губ. 50 р.; А. Амстердамскому въ с. Алексѣевское, Ворон. губ. 100 р.; В. А. Мякотинной въ с. Каракулино, Вятской губ. 100 р.; Н. Н. Михайловской въ пр. Сергіевскъ, Сам. губ. 100 р.; О. Н. Ломоносовой въ г. Казань 100 р.; В. А. Мякотинной въ с. Каракулино, Вятск. губ., 100 р.; ей-же 200 р.; О. Н. Ломоносовой въ г. Казань 100 р.; Ив. Минаеву въ г. Чистополь 100 р.; Н. Θ. Грибовскому въ г. Спасскъ 300 р.; Н. В. Алашееву, г. Елабуга, Вятск. губ. 300 р.; В. А. Мякотинной, ст. Каракулино, Вятской губ., 400 р. Всего 5834 р. 1 коп.

Остатокъ на 20 іюля 4 р. 5 коп.

**This book should be returned to
the Library on or before the last date
stamped below.**

**A fine is incurred by retaining it
beyond the specified time.**

Please return promptly.

Widener Library

2044 098 422 009